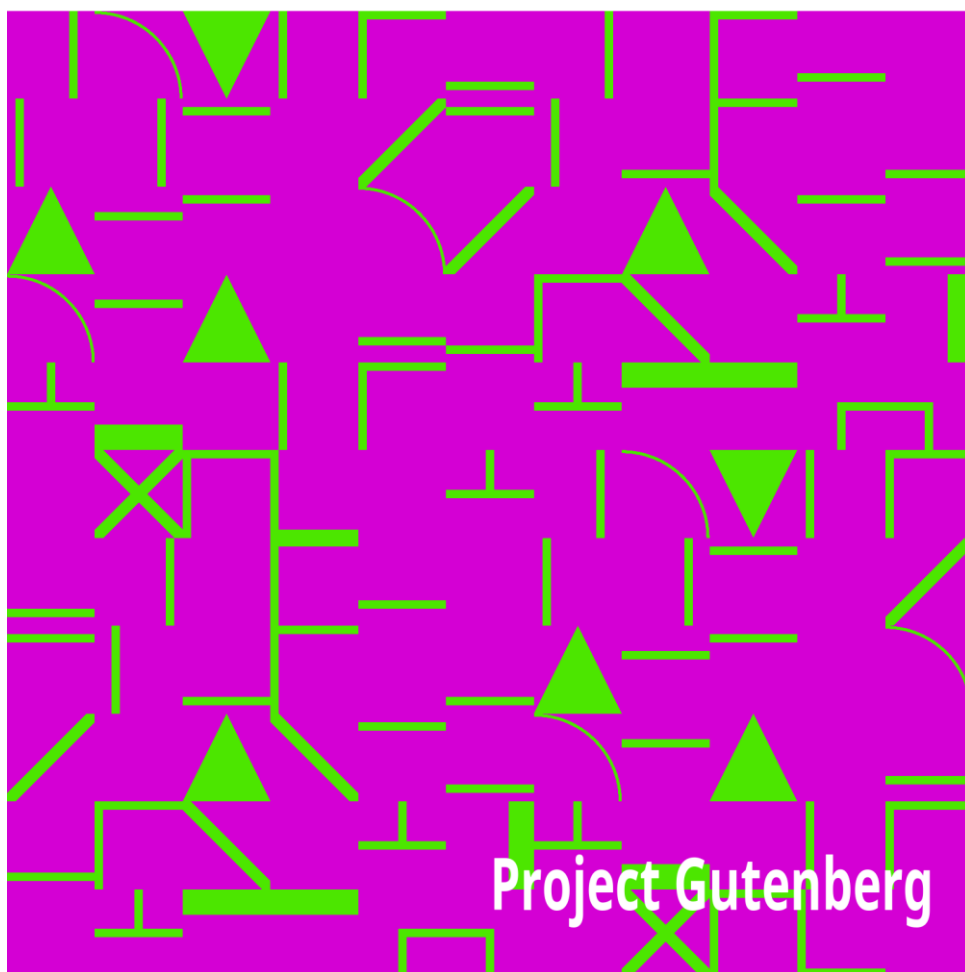

История негритянской расы в Америке с 1619 по 1880 год. Том 1. Негры как рабы, как солдаты и как граждане

Джордж Вашингтон Уильямс

History of the Negro Race in America from
1619 to 1880. Vol 1

George Washington Williams

The Project Gutenberg eBook of History of the Negro Race in America from 1619 to 1880. Том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История негритянской расы в Америке с 1619 по 1880 год. Том 1

Автор: Джордж Вашингтон Уильямс

Дата выхода: 30 апреля 2005 [eBook #15735]

Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Марилиндой Фрейзер-Канлифф, Ричардом Дж. и группой распределенной корректуры PG Online.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF THE NEGRO RACE IN AMERICA FROM 1619 TO 1880. VOL 1 ***

ИСТОРИЯ НЕГРИТЯНСКОЙ РАСЫ В АМЕРИКЕ

С 1619 ПО 1880 ГОД.

НЕГРЫ КАК РАБЫ, КАК СОЛДАТЫ И КАК ГРАЖДАНЕ;

ВМЕСТЕ С ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССМОТРЕНИЕМ ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ, ИСТОРИЧЕСКИМ ОЧЕРКОМ АФРИКИ И РАССКАЗ О НЕГРИТЯНСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ В СЬЕРРА-ЛЕОНЕ И ЛИБЕРИИ.

ДЖОРДЖ У. УИЛЬЯМС,

ПЕРВЫМ ЦВЕТНЫМ ЧЛЕНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ШТАТА ОГАЙО, А ТАКЖЕ СУДЕЙ-АДВОКАТОМ ВЕЛИКОЙ АРМИИ РЕСПУБЛИКИ ОГАЙО И ДР.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ I.

1619 - 1800.

NEW YORK:

G.P. PUTNAM'S SONS,

27 И 29 WEST 23D STREET.

1883.

TO THE REV. ДЖАСТИНУ ДЬЮИ ФУЛТОНУ, Д.Д., ИЗ БРУКЛИНА, НЬЮ-ЙОРК;

И ДОСТОПОЧТЕННОМУ ЧАРЛЬЗУ ФОСТЕРУ, ГУБЕРНАТОРУ ШТАТА ОГАЙО; КОТОРЫЕ, КАК СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ПРЕДСТАВЛЯЮТ ЧИСТЕЙШИЕ ПРИНЦИПЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА.

Достойному представителю Церкви Христа:

КОТОРЫЙ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА БЫЛ НЕУСТРАШИМЫМ ЗАЩИТНИКОМ БОЖЕСТВЕННОЙ ИСТИНЫ,
И ЗАЩИТНИКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: В МРАЧНЫЕ ДНИ РАБСТВА, ОТСТАИВАЯ ЗА ДЕЛО **РАБОВ ЗЕМЛИ**; ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ, ПРИЗЫВАЯ РАВЕНСТВА НЕГРОВ КАК СОЛДАТ, ВО ВРЕМЯ РЕКОНСТРУКЦИИ, ПООЩРЯЯ ОСВОБОЖДЕННЫХ К БЛАГОРОДНОЙ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ЦЕРКВИ И ШКОЛЫ, И ВСЕГДА ВРАГ ЛЮБЫХ РАЗЛИЧИЙ, ОСНОВАННЫХ НА РАСЕ, ЦВЕТЕ КОЖИ ИЛИ ПРЕДЫДУЩЕГО СОСТОЯНИЯ СЛУЖЕНИЯ.

Выдающемуся государственному деятелю:

КОТОРЫЙ, НАДЕЛЕННЫЙ ГЕНИЕМ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА, СЛИШКОМ ВОЗВЫШЕН, ЧТОБЫ БЫТЬ ВОСПЛАМЕНЕННЫМ
ВРЕМЕННЫМИ ПАРТИЙНЫМИ ИЛИ ФРАКЦИОННЫМИ РАСПРЯМИ, И КТО, БУДУЧИ КОНГРЕССМЕНОМ И ГУБЕРНАТОРОМ,
В ПОЛИТИКЕ ШТАТА И СТРАНЫ, ДОКАЗАЛ, ЧТО СПОСОБЕН

ПОЖЕРТВОВАТЬ ЛИЧНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ;

КОТОРЫЙ, ЗАНИМАЯСЬ ПРОБЛЕМОЙ НЕГРОВ, ПРОВОЗГЛАСИЛ НОВУЮ ДОКТРИНУ, ИГНОРИРУЮЩУЮ ПРЕТЕНЗИИ РАС.
ИГНОРИРУЯ ПРЕТЕНЗИИ РАС: И КОТОРЫЙ, БУДУЧИ ПЕРВЫМ СЕВЕРНЫМ ГУБЕРНАТОРОМ. НАЗНАЧИЛ ЦВЕТНОГО ЧЕЛОВЕКА НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДОЛЖНОСТЬ, ТЕМ САМЫМ ЗАЯВИЛ, ЧТО НИ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, НИ
НИ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, НИ ЦВЕТ ЛИЦА НЕ ДОЛЖНЫ УСИЛИВАТЬ ИЛИ ОСЛАБЛЯТЬ ПРИТЯЗАНИЯ

ЛЮДЕЙ НА ДОЛЖНОСТИ В ПРЕДЕЛАХ ДАРА
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.

ЭТИМ БЛАГОРОДНЫМ ЛЮДЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ ДАННАЯ РАБОТА,

С ЧУВСТВОМ ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ И ЛИЧНОГО ПОЧТЕНИЯ, ИХ
ДРУГОМ И ПОКОРНЫМ СЛУГОЙ,

АВТОР.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Меня попросили выступить с речью четвертого июля 1876 года в Эйвондейле, штат Огайо. Это был сотый день рождения Американской Республики, и я решил подготовить речь об *американском негре*. Я сразу же приступил к изучению записей нации, чтобы найти материал для оратории. Я был удивлен и обрадован, обнаружив, что исторические памятники о негре столь многочисленны и столь достойны его. Я произнес свою речь четвертого июля 1876 года; и теплый и щедрый прием, в котором она была принята как теми, кто ее слушал, так и теми, кто впоследствии прочитал ее в виде памфлета, побудил меня посвятить все свободное время дальнейшему изучению предмета.

Я обнаружил, что библиотека Историко-философского общества штата Огайо, а также большой "*Американа*" мистера Роберта Кларка, содержащий около восьми тысяч наименований, расположенные в Цинциннати, предоставляют особые преимущества для изучающего американскую историю. В течение двух лет я тратил время, которое мог освободить от профессиональных забот, на изучение всей проблемы африканской работорговли, основания британских колоний в Северной Америке, проблемы рабов в колониях, разрыва между колониями и британским правительством, войны Революции, политической структуры Континентального правительства и Конфедерации, вопроса о рабстве в местном и национальном законодательстве, а затем проследил вопрос о рабстве и борьбе с ним вплоть до Восстания. Я убедился, что история цветного населения Америки необходима, поскольку под рукой имеется достаточно исторически достоверного материала; поскольку цветное население само по себе было самой досадной проблемой в Северной Америке со времен ее открытия и до наших дней; Потому что в каждом покушении на жизнь нации, будь то враги извне или изнутри, цветной народ всегда проявлял несравненный патриотизм и несравненный героизм в деле американцев; и потому что такая история даст миру более правильное представление о цветном народе и побудит его к большим усилиям в борьбе за гражданственность и мужественность. Одна лишь причина отсутствия истории негритянской расы была бы достаточным основанием для ее написания.

Труд, связанный с несколькими государственными должностями, которые я занимал, не позволил завершить эту работу раньше; и, обнаружив, что писать, выполняя государственные обязанности или занимаясь юридической практикой, совершенно невозможно, я ушел с государственной службы несколько лет назад и с тех пор посвятил все свои силы этой работе. Прошло уже почти семь лет с тех пор, как я приступил к этой замечательной работе.

С самого начала и до последнего момента я испытывал мучительное чувство огромности своей работы. Я сожалею, что ради сжатия работы в один том, благоприятный для быстрой

продажи, - в жертву записи о самом замечательном народе, - я обнаружил, что мое сердце не желает этого, а мои лучшие суждения протестуют.

При подготовке этой работы я просмотрел более двенадцати тысяч томов, около тысячи из которых упоминаются в сносках, и тысячи памфлетов.

После широкого и внимательного чтения, продолжавшегося в течение трех лет, я задумал настоящий план этой истории. Я разделил ее на девять частей. Два соображения заставили меня подготовить главы под заголовком "ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ". *Во-первых*, защитники рабства и клеветники негров строили свои аргументы в пользу рабства на библейской этнологии и проклятии Ханаана. Я осознаю, что, хотя я и верю в Библию, она не является лучшим авторитетом в области этнологии. В той мере, в какой она соответствует моим представлениям, она приемлема для моей головы и сердца. Все, что добавила наука, я с радостью принял. Однако я не претендую на роль специалиста. Хотя вопрос о проклятии Ханаана больше не является предметом споров, тем не менее, глупость устаревшей теории должна быть хорошо понята молодыми людьми негритянской расы, которые, хотя и голосуют сейчас, не родились в момент обстрела Самтера. *Во-вторых*, растущее желание просвещенных негров в Америке узнать все, что возможно из исследований, касающихся древности расы, Африки, ее жителей и развития негритянских правительств Сьерра-Леоне и Либерии, побудило меня подготовить нечто, отвечающее ощущаемой потребности. Если до восстания негр-раб стремился к своей родине, то не обратится ли свободный, умный и мыслящий американский негр к Африке с ее проблемами географии и миссий, теперь, когда он может внести свой вклад в улучшение состояния человечества? Редакторы и писатели во всем мире должны писать слово "негр" с большой буквы Н, а при упоминании расы как цветного народа использовать большую букву С. Я надеюсь, что это будет соблюдено.

В ЧАСТИ II "РАБСТВО В КОЛОНИЯХ" я попытался дать краткий отчет о становлении и росте рабства под властью английской короны. Это потребовало почти бесконечного труда, чтобы обратиться к записям "первоначальных тринадцати колоний". Следует отметить, что эта часть представляет собой большую ценность и интерес.

В части III "Негры во время революции" я нашел много почти романтического. Многие традиции были сведены на нет, а многие неясные истины разъяснены. Кому-то может показаться непочтительным говорить правду в той простой, домашней манере, которая характеризует мое повествование; но, хотя мне не о чем сожалеть в этом отношении, я могу заверить их, что мною двигал не иной дух, чем дух откровенности. Там, где я использовал документы, я хотел избежать обвинений в поверхностности. Если же меня можно обвинить в стремлении избежать труда, связанного с тщательным перевариванием информации, то я отвечу, что если люди с репутацией Бэнкрофта и Хилдрета могли бы пройти мимо, не обращая внимания на использование документов и цитирование авторитетов, то я бы столкнулся с вызовом со стороны большого числа критиков. Кроме того, мне казалось, что было бы почти жестоко уродовать некоторые из очень редких старых документов, которые проливают такой великолепный свет на рассматриваемую тему.

Я довел первый том до конца восемнадцатого века, подробно описав великую борьбу, через которую прошла проблема рабства. Я дал как можно более точное представление о дебатах по этому вопросу на съезде, принявшем Конституцию. Именно тогда и там гидра рабства вонзила свои клыки в Конституцию; и, получив прививку от яда этого чудовища, правительство смогло очиститься только в пламени великой гражданской войны.

Второй том открывается нынешним столетием и завершается 1880 годом. Не имея возможности уничтожить рабство конституционным законом, лучшие мысли и усилия этого

периода были направлены против распространения этого зла на территории за реками Огайо, Миссисипи и Миссури. Но после того как три пятых рабского населения оказались под властью Конституции, после того как Конституция обязалась защищать собственность рабов, потребовались почти сверхчеловеческие усилия, чтобы ограничить это зло одной частью страны. Подобно отвратительной болезни, оно распространялось по всему политическому телу, пока наша страна не стала бельмом на глазу эпохи и поговоркой среди народов мира. Пришло время, когда нашей любимой стране пришлось прибегнуть к героическому лечению, и раковая опухоль рабства была удалена мечом.

Рассказывая об *агитационном движении против рабства*, я счел возможным кратко остановиться только на методах и результатах. Я попытался описать все многообразные меры, принятые для спасения негра и нации. Я не пытался написать историю движения против рабства. Многие благородные мужчины и женщины даже не были упомянуты. Не следует забывать, что это история негритянской расы; и поэтому я не затрагивал тему, которую обсуждал покойный Генри Уилсон в своем труде "Взлет и падение рабовладельческой державы".

Обсуждая проблему выдачи беглых рабов армией Союза, я приводил факты с умеренной и честной критикой. А рассказывая о страданиях негритянских войск в качестве военнопленных в руках мятежников, я избегал любого духа горечи. Значительную часть материалов о войне я приобрел в библиотеке мистера Томаса С. Таунсенда из Нью-Йорка. Вопросы жизненной, тюремной, трудовой, образовательной и финансовой статистики не могут не заинтересовать разумных людей всех рас и партий. Эта статистика полна утешения и уверенности как для негра, так и для его друзей.

Каждый министр кабинета президента предоставил мне полную информацию по всем вопросам, которые я задавал, причем очень быстро. Отказ генерала и генерал-адъютанта армии не разрушил моей надежды получить хоть какую-то информацию о негритянских полках в регулярной армии. Я посетил Индейскую территорию, Канзас, Техас и Нью-Мексико, где видел Девятый и Десятый полки кавалерии и Двадцать четвертый полк пехоты. Двадцать пятый полк пехоты находится в форте Рэндалл, штат Дакота. Это одни из самых эффективных войск в регулярной армии. В белых кавалерийских полках ежегодно дезертируют от девяноста восьми до ста восемнадцати человек; в то время как в негритянских кавалерийских полках дезертиры составляют в среднем от шести до девяти человек в год. Негритянские полки состоят из молодых людей, умных, верных, храбрых. Из уст нескольких белых офицеров, с которыми я встречался, я услышал только одну жалобу - на то, что негры иногда бьют своих лошадей по голове. Все различия в законе исчезли, за исключением регулярной армии. Здесь негры исключены из артиллерийской службы и инженерного департамента. Это неправильно, и Конгресс должен поставить этих храбрых чернокожих солдат на одну ступень с белыми войсками.

Я должен поблагодарить докторов Джорджа Х. Мура и С. Остина Аллибона из библиотеки Ленокса за многочисленные любезности, оказанные мне во время учебы в Нью-Йорке. Я очень обязан доктору Муру за его восхитительную "Историю раннего рабства в Массачусетсе", без которой мне пришлось бы испытывать большие неудобства. Мистеру Джону Остину Стивенсу, покойному редактору "Журнала американской истории", который в течение нескольких месяцев проживания в Нью-Йорке предоставил в мое распоряжение свою личную библиотеку и офис и сделал все, что было в его силах, чтобы помочь моим исследованиям, я выражаю свою самую искреннюю благодарность. Библиотекарям библиотек Нью-Йоркского исторического, Астора и Нью-Йоркского общества я выражаю благодарность за оказанные услуги и предоставленные привилегии. Я особенно благодарен

достопочтенному Эйнсворту Р. Споффорду, библиотекарю Конгресса, за то, как он содействовал моим исследованиям во время моего пребывания в Вашингтоне. В моем распоряжении были многие газеты прошлого века и другие материалы, которые можно найти только в Библиотеке Конгресса.

Сэру Т. Ризелю Гриффиту, колониальному секретарю и казначею Сьерра-Леоне, я обязан ценными статистическими данными, касающимися этой колонии.

Помощнику библиотекаря Государственной библиотеки Огайо, опытной и эффективной мисс Мэри К. Харбоу, я обязан больше, чем любому другому человеку. Благодаря ее неизменной и неустанной доброте и дружбе я получил возможность использовать пятьсот семьдесят шесть томов из этой библиотеки, помимо газетных файлов и документов Конгресса. Губернатору Чарльзу Фостеру, председателю Совета библиотечных комиссаров, я выражаю глубочайшую благодарность за разумный, активный и практический интерес, проявленный им к завершению этой работы. Майору Чарльзу Таунсенду, государственному секретарю, я выражаю благодарность за услуги, оказанные мне в получении документов. Преподобному Дж. Л. Гроуверу и его компетентному помощнику, мистеру Чарльзу Х. Беллу, из Публичной библиотеки Колумбуса, я обязан за использование многих работ. Они с радостью оказали мне посильную помощь, и за их доброту я выражаю им огромную благодарность.

Я обязан преподобному Бенджамину В. Арнетту, финансовому секретарю Церкви А.М.Е. Соединенных Штатов, за статистические данные его деноминации. И всем, кто прислал мне газеты и брошюры, я хочу выразить благодарность. Я благодарен К.А. Флитвуду, эффективному клерку военного министерства, за статистику по Банку свободных людей. И, прежде всего и больше всего, я выражаю глубочайшую благодарность моему Небесному Отцу за вдохновение, здоровье и деньги, благодаря которым я смог выполнить эту великую задачу.

Я упомянул о тех цветных людях, о которых посчитал нужным. Чтобы дать биографический очерк всех достойных цветных людей в Соединенных Штатах, потребовалось бы больше места, чем было занято в этой работе.

Не как слепой панегирист своей расы, не как пристрастный апологет, а из любви к *"правде истории"*, я стремился записать правду, всю правду и ничего, кроме правды. Я не стремился возродить вражду между сектами или расовые предрассудки. Я избегал комментариев в той мере, в какой это соответствовало ясному изложению истины. Моей целью было написать достоверную историю; и то, что я написал, если у него нет других достоинств, является достоверным.

Я предоставляю эту работу на суд общественности, белой и черной, друзей и врагов негра, в надежде, что устаревшие антагонизмы, выросшие из отношений хозяина и раба, скоро уйдут, как буря за горизонт, и что наступит день, когда не будет ни Севера, ни Юга, ни черных, ни белых, - а все будут американскими гражданами, с равными обязанностями и равными правами.

ДЖОРДЖ У. УИЛЬЯМС.

Нью-Йорк, ноябрь, 1882.

СОДЕРЖАНИЕ.

Часть I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

ГЛАВА I.

ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Библейский аргумент.- Одна раса и один язык.- Одна кровь.- Проклятие Ханаана.

1

ГЛАВА II.

НЕГР В СВЕТЕ ФИЛОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЕГИПТОЛОГИИ.

Кушим и Эфиопия.- Эфиопы, белые и черные.- Негритянские черты.- Темный континент.- Древность негра.- Неоспоримые доказательства.- Военное и социальное положение негров.- Причина цвета кожи.- Термин "эфиоп".

12

ГЛАВА III.

ПЕРВОБЫТНАЯ НЕГРИТЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Древняя и высокая степень негритянской цивилизации.- Египет, Греция и Рим заимствуют у негров цивилизацию, которая сделала их великими.- Причины упадка и падения негритянской цивилизации.- Создание терминов "негр" и "африканец".

22

ГЛАВА IV.

НЕГРИТЯНСКИЕ КОРОЛЕВСТВА АФРИКИ.

БЕНИН: его местоположение.- Его открытие португальцами.- Введение католической религии.- Король как миссионер.- Его верность церкви, купленная белой женой.- Упадок религии.- Введение рабства.- Подавление торговли английским правительством.- Восстановление и мир.

ДАХОМЕЙ: местоположение.- происхождение королевства.- значение названия.- война.- захват английского губернатора и его смерть.- военные учреждения.- женщины как солдаты.- войны и их цели.- человеческие жертвы.- король-деспот.- его полномочия.- его жены.- полигамия.- наследование короля.- коронация.- гражданское и уголовное право.- система доходов.- будущее.

ЙОРУБА. Расположение.- Рабство и его отмена.- Рост населения Абеокуты.- Миссионеры и учителя из Сьерра-Леоне.- Процветание и мир в народе.- Способность народа к цивилизации.- Епископ Кроутер.- Его влияние.

26

ГЛАВА V.

ИМПЕРИЯ АШАНТИ.

Ее местоположение и протяженность.- Ее знаменитые короли.- Происхождение ашанти неясно.- Война с Денкерой.- Ашанти против Поля завоевывают два королевства и присоединяют их.- Смерть Осаи Туту.- Зависть короля Дахомея.- Вторжение короля Дахомея в страну ашанти.- Его поражение разделяют его союзники.- Акваси преследует армию Дахомея в ее собственной стране.-Получает смертельную рану и терпит унижительное поражение, король Дагомеи посылает королевскому куджоу свои поздравления.- Квамина низложен за попытку ввести магометанство в королевстве.- Ашанти побеждают магометан.- Многочисленные войны.- Вторжение в страну Фанти.- Смерть сэра Чарльза Маккарти.- Договор.- Мир.

34

ГЛАВА VI.

ТИП НЕГРА.

Климат - причина.- Его географический театр.- Он восприимчив к христианству и цивилизации.

45

ГЛАВА VII.

АФРИКАНСКИЕ ИДИОСИНКРАЗИИ.

Патриархальное правление.- Строительство деревень.- Архитектура негров.- Выборы королей.- Церемония коронации.- Наследство.- Африканские королевьы.- Закон, гражданский и уголовный.- Священники.- Их функции.- Брак.- Военное дело.- Сельское хозяйство.- Механическое искусство.- Кузнецы.

50

ГЛАВА VIII.

ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРА И РЕЛИГИЯ.

Структура африканских языков.- Мпонгве, мандинго и гребо.- Поэзия: Эпическая, идиллическая и прочая.- Религии и суеверия.

66

ГЛАВА IX.

СИЕРРА ЛЕОНЕ.

Его открытие и положение.- Природная красота.- Основание негритянской колонии.- Компания Сьерра-Леоне.- Лихорадка и неповиновение.- Он становится английской провинцией.- Характер его жителей.- Христианские миссии и т.д.

85

ГЛАВА X.

РЕСПУБЛИКА ЛИБЕРИЯ.

Либерия.- Ее местоположение.- Протяженность.- Реки и горы.- История первой колонии.- Благородные люди, заложившие фундамент Либерийской Республики.- Коренные племена.- Перевод Нового Завета на язык вей.-Начало и триумф христианских миссий в Либерии.- История различных конфессий на местах.-Миссионерская республика негров.- Свидетельства офицеров королевского флота об эффективности республики в подавлении работорговли.-Работа на будущее.

95

ГЛАВА XI.

РЕЗЮМЕ.

Единство человеческой семьи вновь подтверждено.- Бог дал всем расам людей цивилизацию.- Древность негра не подлежит сомнению.- Идолопоклонство - причина деградации африканских рас.- Он всегда занимал место в истории, хотя и случайное.- Негритянский тип, вызванный деградацией.-Негритянские империи - свидетельство грубой способности к самоуправлению.-Влияние двух христианских правительств на Западном побережье на язычников.-Отчет о раннем христианстве в Африке.-Обязанность христианства евангелизировать Африку.

108

Часть II.

РАБСТВО В КОЛОНИЯХ.

ГЛАВА XII.

КОЛОНИЯ ВИРДЖИНИЯ.

1619-1775.

Ввоз первых рабов.- "Казначей" и голландский военный человек.- Правильная дата.- Количество рабов.- Было ли их двадцать или четырнадцать? - Споры о владении рабами.- Характер ввозимых рабов и характер колонистов.- Расовые предрассудки.- Юридическое установление рабства.-Кто является пожизненным рабом.- Обязанности импортированных рабов.- Политические и военные запреты против негров.- Личные права.- Уголовные законы против рабов.- Эмансипация.- Как это произошло.- Свободные негры.- Их права.- Моральное и религиозное воспитание.- Население.- Рабство прочно установлено.

ГЛАВА XIII.

КОЛОНИЯ НЬЮ-ЙОРК.

1628-1775.

>Заселение Нью-Йорка голландцами в 1609 году.-Негры, привезенные в колонию, 1628 год.- Увеличение торговли неграми.-Табак, обмененный на рабов и товары.-Правительство колонии.-Новые Нидерланды попадают в руки англичан, 27 августа 1664 года.-Различные изменения.-Принятие новых законов.-Законодательство.-Первые представители, избранные в 1683 году.-В 1702 году королева Анна дает указания королевскому губернатору относительно ввоза рабов.-Ограничения рабства.-Экспедиция по завоеванию Канады неудачна.-Негритянский бунт.-Подавлен благодаря эффективной помощи войск.-Опасения колонистов.-Негритянский заговор 1741 года.-Ограбление дома Хогга.-Обнаружение части товара.-Арест Хьюсона, его жены и ирландки Пегги.-Криминация и повторная дискриминация.-Возникновение множества пожаров.-Арест испанских негров.-Суд над Хьюсоном.-Свидетельство Мэри Бартон.- Хьюсон повешен.-Арест многих других, замешанных в заговоре.-Виселица Сезара и Принца.-Кряк и Куффи сожжены на костре.- Прокламация вице-губернатора.-Многие белые обвиняются в заговоре.-Описание манеры Хьюсона приводить к присяге тех, кто знал о заговоре.-Осуждение и повешение католического священника Ури.-Внезапное и неожиданное прекращение судебного процесса.-Принятие новых законов, более строгих по отношению к рабам.

134

ГЛАВА XIV.

КОЛОНИЯ МАССАЧУСЕТС.

1633-1775.

Первые упоминания о неграх в Массачусетсе.- Индейцы из Пэкода, обмененные на негров.- Путешествие невольничьего корабля "Желание" в 1638 г. - Принятие основных законов.- Рабство в тюрьмах - Похищение негров - Рост рабства в XVII в. - Налогообложение рабов - Запрет на ввоз индейских рабов.-Позиция церкви в отношении крещения рабов -Браки рабов -Состояние свободных негров -Филис Уитли, африканская поэтесса -Ее жизнь - Рабство признано в Англии для того, чтобы поддерживаться в колониях -Эмансипация рабов.-Законодательство, благоприятствующее импорту белых слуг, но запрещающее тайный привоз негров. -Атака судьи Сьюолла на рабство. -Ответ судьи Саффина судье Сьюоллу.

172

ГЛАВА XV.

КОЛОНИЯ МАССАЧУСЕТС - ПРОДОЛЖЕНИЕ.

1633-1775.

Эпоха запретительного законодательства против рабства. Бостон поручает своим представителям голосовать против работорговли. Прокламация, изданная губернатором

Даммером против негров, 13 апреля 1723 г. Преследование негров, от имени негритянских мемориальцев.- Билль о пресечении работорговли принят.- На него наложено вето Говом Гейджем, и он не стал законом.

220

ГЛАВА XVI.

КОЛОНИЯ МЭРИЛЕНД.

1634-1775.

Мэриленд подчинялся законам Виргинии до 1630 г. - Первые законодательные акты по вопросу рабства в 1637-38 гг. - Рабство установлено статутом в 1663 г. - Обсуждение рабства. - Принят закон, поощряющий импорт негров и белых рабов в 1671 г. - Закон, налагающий пошлину на негров и белых слуг, ввозимых в колонию.-Обращение с рабами и папистами.- Преступники, ввезенные в колонию.-Попытка оправдать конвиктную торговлю.- Возбужденные ответы.-Законы 1723, 1729, 1752 годов.-Права рабов-Негритянское население в 1728 года.-Увеличение рабства в 1750 году-Не предпринимается никаких усилий для предотвращения зла рабства.-Приближается революция.-Новая жизнь для негров.

238

ГЛАВА XVII.

КОЛОНИЯ ДЕЛАВЕР.

1636-1775.

Территория Делавэр была частично заселена шведами и датчанами до 1638 года. - Герцог Йоркский передает территорию Делавэр Уильяму Пенну. - Пенн предоставляет колонии привилегию самостоятельного управления. - Рабство было введено на Делавэре уже в 1636 году.-Иск против Питера Альрикса за использование оленей и негров, принадлежащих Компании. -Первый законодательный акт по вопросу рабства в колонии. -Принятие закона о лучшем управлении слугами.

249

ГЛАВА XVIII.

КОЛОНИЯ КОННЕКТИКУТ.

1646-1775.

Основание Коннектикута, 1631-36 гг. - Нет достоверных данных о завозе рабов. - Негры были впервые завезены на кораблях в первые годы существования колонии. - "Комитет по торговле и иностранным плантациям" - допрос губернатора о количестве негров в колонии в 1680 г. - Законодательное собрание (1690 г.) принимает закон о покупке и обращении с рабами и свободными людьми.-Закон, принятый Генеральным судом в 1711 году, обязывающий лиц, манумилирующих рабов, содержать их. -Регулирование социального поведения рабов в 1723 году. -Наказание рабов-негров, индейцев и мулатов за использование нецензурной лексики в 1630 году. -Законность рабства индейцев и негров признана Кодексом от 5 сентября 1646

года. -Ограниченные права свободных негров в колонии. -Население негров в 1762 году. -Акт против ввоза рабов, 1774 год.

252

ГЛАВА XIX.

КОЛОНИЯ РОУД-АЙЛЕНД.

1647-1775.

Колониальное правительство в Род-Айленде, май 1647 г. - Закон об отмене рабства, принятый в 1652 г., но так и не вступивший в силу - Закон, определяющий, в какое время индейцы и негры не должны появляться на улицах - Налог на рабов (1708) - Штрафы, налагаемые на непокорных рабов - Настроения против рабства в колониях мало поощряются.-Циркулярное письмо Совета торговли губернатору английских колоний по поводу негров-рабов.- Ответ губернатора Крэнстона.- Список ополченцев, включая белых и черных слуг.- Еще одно письмо Совета торговли.- Закон о предотвращении тайного ввоза и вывоза пассажиров, негров или индийских рабов.-Мастера судов обязаны сообщать губернатору имена и количество пассажиров.-Нарушение закона о налоге на рабов карается суровыми штрафами.-Ассигнование Генеральной Ассамблеей, 5 июля 1715 года, средств из фонда, полученного от налога на рабов, на мощение улиц Ньюпорта.-Принятие закона о распоряжении деньгами, собранными от налога на рабов.-Закон об импосте отменен в мае 1732 г. -Закон об освобождении рабов-мулатов и негров, принятый в 1728 г. -Закон, запрещающий хозяевам судов вывозить рабов из колонии, 17 июня 1757 г. -Канун революции. -Закон, запрещающий ввоз негров в колонию в 1774 г. -Население Род-Айленда в 1730 и 1774 гг.

262

ГЛАВА XX.

КОЛОНИЯ НЬЮ-ДЖЕРСИ.

1664-1775.

Нью-Джерси переходит в руки англичан.- Политические полномочия переданы Беркли и Картерету.- Законодательство по вопросу рабства в XVIII веке.- Колония разделена на Восточную и Западную Джерси.- Отдельные правительства.- Акт о рабстве, принятый законодательным органом Восточной Джерси.- Общие опасения по поводу роста числа негров и индейских рабов.-Восточный и Западный Джерси передают свои права на управление королеве. -Акт о регулировании поведения рабов. -Налог в десять фунтов, взимаемый с каждого негра, ввозимого в колонию. -Генеральный суд принимает закон о регулировании суда над рабами. -Негры исключаются из ополчения на определенных условиях. -Население Джерси в 1738 и 1745 годах.

282

ГЛАВА XXI.

КОЛОНИЯ ЮЖНАЯ КАРОЛИНА.

1665-1775.

Каролины получают две различные хартии от короны Великобритании.- Эпоха рабского законодательства.- Закон, устанавливающий рабство.- Рабы в этой провинции рассматриваются как движимое имущество.- Суд над рабами.- Увеличение численности рабов.- Рост торговли рисом.-Суровые законы, регулирующие частное и общественное поведение рабов.-Наказание рабов за побег.-Жизнь рабов рассматривается как малозначимая жестоким классом хозяев.-Акт, уполномочивающий двух мировых судей расследовать обращение с рабами.-Акт о запрете чрезмерного труда рабов.-Рынок рабов в Чарльстоне.-Восстание.-Закон, разрешающий носить огнестрельное оружие среди белых.- Зачисление рабов на службу во время тревоги.-Негры допускаются к службе в ополчении.- Компенсация хозяевам за потерю рабов, убитых врагом или дезертировавших.-Несколько рабов подверглись манумиссии.-В 1754-76 гг. мало законодательных актов по теме рабства.- Угроза войны между Англией и ее провинциями.-Влияние на общественные настроения.

289

ГЛАВА XXII.

КОЛОНИЯ СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА.

1669-1775.

Географическое положение Северной Каролины, благоприятное для работорговли.- Принятие конституции Локка.- Назначение Уильяма Сейла губернатором.- Законодательная карьера колонии.- Введение в колонии официальной церкви Англии.- Права негров, полностью контролируемых своими хозяевами.- Закон о заговорах.- Гнев недоброжелательных белых, обрушивающийся на их рабов.- Закон против эмансипации рабов.- Ограниченные права свободных негров.

302

ГЛАВА XXIII.

КОЛОНИЯ НЬЮ-ХЭМПШИР.

1679-1775.

Провинциальное правительство Массачусетса осуществляет власть над штатом Нью-Гэмпшир с момента его организации.- Рабство существовало с самого начала.- Губернатор освобождает раба из рабства.- Инструкция против ввоза рабов.- Несколько законов, регулирующих поведение слуг.- Безразличное обращение с рабами.- Ввоз слуг-индейцев запрещен.- Закон, регулирующий жестокое обращение со слугами и рабами.- Рабы в колонии до начала военных действий.

309

ГЛАВА XXIV.

КОЛОНИЯ ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

1681-1775.

Организация правительства Пенсильвании. - Шведы и голландцы основывают поселения на западном берегу реки Делавэр. - Губернатор Нью-Йорка пытается осуществлять юрисдикцию над территорией Пенсильвании. - Первые законы, согласованные в Англии. Уильям Пенн представляет законопроект о лучшем регулировании труда слуг.-Акт,

предотвращающий ввоз негров и индейцев.-Права негров.-Пошлина, взимаемая с негров и рабов-мулатов.-Квакер - друг негра.-Англия начинает угрожать своим владениям в Северной Америке.-Народ Пенсильвании размышляет о возможных злодеяниях, которые могут совершить их негры.

312

ГЛАВА XXV.

КОЛОНИЯ ДЖОРДЖИЯ.

1732-1775.

Джорджия, некогда входившая в состав территории Каролина. Тринадцатая колония, основанная в Северной Америке английским правительством. Рабы полностью исключены попечителями. Мнение генерала Оглторпа относительно рабства. Длительная и ожесточенная дискуссия по вопросу о допуске рабства в колонию.

316

Часть III.

НЕГР ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ.

ГЛАВА XXVI.

ВОЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕГРОВ.

1775-1780.

Колониальные штаты в 1715 году.- Утверждение закона о запрете импорта южными колониями.- Джордж Вашингтон представляет резолюции против рабства на собрании в Фэрфакс Корт-Хаус, штат Вирджиния.- Письмо Бенджамина Франклина Дину Вудворду, касающееся рабства.- Письмо Комитета свободных людей Вирджинии, касающееся рабов, привезенных с Ямайки.-Обращение с рабами в колониях изменено.-Реклама в "Бостонской газете" о беглом рабе Криспусе Атаксе.-Бостонская резня.-Ее результаты.-Криспус Атакс показывает свою лояльность.-Его пылкое письмо торийскому губернатору провинции.-Рабы, принятые в армию.-Состояние Континентальной армии.-Оживленные дебаты в Континентальном конгрессе по поводу проекта письма генералу Вашингтону.-Инструкции по увольнению всех рабов и свободных негров в его армии.-Протоколы собрания в Кембридже.-Прокламация лорда Данмора.-Предрассудки в южных колониях.-Негры в Виргинии стекаются в британскую армию.-Предупреждение неграм, напечатанное в газете Уильямсбурга.-Виргинский конвент отвечает на прокламацию лорда Данмора.-Ген. Грин в письме к ген. Вашингтону обращает внимание на создание негритянского полка на Статен-Айленде.-Письмо от гессенского офицера.-Законодательное собрание Коннектикута по вопросу о найме негров в качестве солдат. -Письмо генерала Варнума генералу Вашингтону с предложением о найме негров направлено губернатору Куку. -Губернатор передает письмо

Варнума в Генеральную Ассамблею.-Массачусетс пытается добиться законного зачисления негров в армию.-Письмо Томаса Кенча в Совет и Палату представителей, Бостон, Массачусетс.-Негры служат в белых организациях до конца Американской революции.- Негритянские солдаты служат в Вирджинии.-Мариленд нанимает негров.-Нью-Йорк принимает закон, предусматривающий создание двух цветных полков.-Война в средних и южных колониях.- Письмо Гамильтона Джону Джею.- Усилия полковника Лоренса по сбору негритянских войск в Южной Каролине.- Прокламация сэра Генри Клинтона, побуждающая негров дезертировать из армии повстанцев.- Лорд Корнуоллис издает прокламацию, предлагающую защиту всем неграм, ищущим его командования,- Полковник Лоренс вызван во Францию для важных дел. Лоренс вызван во Францию по важным делам.- Его план по обеспечению Юга черными левитами после возвращения.- Его письма генералу Вашингтону по поводу его бесплодных планов.- Капитан Дэвид Хамфрис набирает роту цветной пехоты в Коннектикуте.- Возвращение негров в армию в 1778 году.

324

ГЛАВА XXVII.

НЕГРЫ КАК СОЛДАТЫ.

1775-1783.

Негр как солдат.- Битва при Банкер-Хилле - Галлантерия негритянских солдат.- Питер Салем, бесстрашный черный солдат.- Памятник на Банкер-Хилле.- Негр Салем Бедный отличился отчаянной доблестью.- Взятие генерала Ли.- Взятие генерала Прескотта - Битва при Род-Айленде.- Полковник Грин командует негритянским полком.- Убийство полковника Грина в 1781 году.- Доблесть негритянских солдат.

363

ГЛАВА XXVIII.

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕГРА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

1775-1783.

Негр был движимым или недвижимым имуществом - его правовой статус в новой роли солдата - резолюция, внесенная в палату представителей Массачусетса, чтобы предотвратить продажу двух негров, захваченных в открытом море - Континентальный конгресс назначает комитет для рассмотрения вопроса о том, что следует делать с неграми, захваченными военными судами на службе Соединенных колоний.-Конфедерация новых штатов - Оживленные дебаты в Конгрессе по поводу утилизации захваченных негров - Испанский корабль "Виктория" захватывает английское судно с тридцатью четырьмя неграми на борту, захваченными в Южной Каролине - Негры, захваченные судами штата Массачусетс - Они доставлены Томасу Ноксу и переправлены на Касл-Айленд - Пол Пол Ревир возглавляет судно, захваченное на острове Касл. Пол Ревир распоряжается рабами на острове Касл - Массачусетс принимает закон о безопасности, содержании и обмене заключенных, привезенных в штат - генерал Хэнкок получает письмо от губернатора Южной Каролины о содержании негров - в провинциальных статьях между Соединенными Штатами Америки и Его Британским Величеством негры считались собственностью.-А также в Определенном мирном договоре между Соединенными Штатами Америки и Его Британским

Величеством. -А также в Мирном договоре 1814 года между Его Британским Величеством и Соединенными Штатами негры были определены как собственность. -Письмо генерала Вашингтона бригадному генералу Руфусу Путнаму по поводу негра в его полку, на которого претендовал мистер Хобби. -Зачисление в армию не всегда приводило к практической эмансипации.

370

ГЛАВА XXIX.

НЕГРИТЯНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ - БАННЕКЕР-АСТРОНОМ - ФУЛЛЕР-МАТЕМАТИК - ДЕРХЕМ-ВРАЧ.

Законодательный запрет на образование негров.- Бенджамин Баннекер, негритянский астроном и философ.- Его предшественники- Молодой Баннекер как фермер и изобретатель- Мельницы Элликотта и Ко.-Баннекер развивает свой механический гений и математические вкусы.-Первый расчет затмения, представленный Баннекером на проверку в 1789 году.-Его письмо мистеру Элликотту.-Свидетельство личного знакомого Баннекера о его благородном характере.-Его дом становится интересным местом для посетителей.-Запись его деловых операций.-Визит к нему миссис Мейсон.-Она обращается к нему в стихах.-Баннекер отвечает ей письмом.-Подготавливает свой первый альманах для публикации в 1792 году.-Название альманаха- Письмо Баннекера Томасу Джефферсону.-Ответ Томаса Джефферсона.-Баннекер приглашен сопровождать комиссаров для прокладки линий округа Колумбия.-Привычки Баннекера в изучении небесных тел.-Минутное описание, данное его сестрам относительно распоряжения его личным имуществом после смерти.-Его смерть.-Рассмотрен как самый выдающийся негр своего времени.-Фуллер-математик, или "Виргинский калькулятор."- Фуллер африканского происхождения, но был украден и продан в рабство в Виргинию.- Посещен людьми с образованием.-Он был признан выдающимся в манипулировании цифрами.- Его смерть.- Врач Дерхам.- Медицинская наука считается самым сложным занятием человека.- Ранняя жизнь Джеймса Дерхама.- Его знания в области медицины, как они были приобретены.- Он становится видным врачом в Новом Орлеане.- Доктор Раш рассказывает о беседе с ним.- Что негритянская раса произвела своим гением в Америке.

385

ГЛАВА XXX.

РАБСТВО ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1775-1783.

Прогресс работорговли.- Великая война за освобождение колоний от политического рабства.- Состояние южных штатов во время войны.- Виргинская декларация прав.- Требование немедленного принятия закона против рабства.- Объявление из "The Independent Chronicle."- Петиция рабов Массачусетса.- Закон, предотвращающий практику содержания людей в рабстве.-Реклама из "Континентального журнала". -Закон, принятый в Вирджинии, ограничивающий права рабов. -Закон об освобождении всех рабов, служивших в армии. -Нью-Йорк обещает своим неграм-солдатам свободу. -Сознательное меньшинство выступает за отмену работорговли. -Рабство процветает в течение всего революционного периода.

402

ГЛАВА XXXI.

РАБСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА.

1775-1800.

Британские колонии в Северной Америке объявляют о своей независимости.- Создано новое правительство.- Рабство - бич американской цивилизации.- Партия тори принимает доктрину собственности на человека.- Доктрина локковской конституции на Юге.- Партия вигов - доминирующая политическая организация в северных штатах.- Рабство признано новым правительством.- Агитация против рабства в штатах.- Попытки принять законодательство против рабства.- Статьи Конфедерации.-Принятие в 1778 году.-Дискуссия по поводу распоряжения Западной территорией.-Рекомендация г-на Джефферсона.- Поправка г-на Спейта.-Конгресс в Нью-Йорке в 1787 году.-Дискуссия по поводу правительства Западной территории.-Съезд в Филадельфии для разработки Федеральной конституции.-Результаты работы съезда.-Южные штаты все еще выступают за рабство.-Речи ведущих государственных деятелей по вопросу рабства.-Конституция, принятая съездом в 1787 году.-Первая сессия Конгресса в соответствии с Федеральной конституцией, состоявшаяся в Нью-Йорке в 1789 г. -Представление билля о тарифах - попытка внести в него поправку, включив пункт о взимании налога с рабов, привозимых по воде - отмена рабства в Массачусетсе.-Изменение общественного мнения средних и восточных штатов по вопросу о рабстве.-Обращение доктора Бенджамина Франклина к общественности за содействие отмене рабства.-Мемориал Конгрессу Соединенных Штатов.-Конгресс в 1790 году.- Ожесточенная дискуссия об ограничении работорговли.-Население рабов.-Вермонт и Кентукки приняты в Союз.-Закон о возвращении беглецов от "труда и службы".-Съезд друзей в Филадельфии.-Акт против иностранной работорговли.-Территория Миссисипи.- Конституция Джорджии пересмотрена.-Нью-Йорк принимает законопроект о постепенном уничтожении рабства.-Конституция Кентукки пересмотрена.-Рабство как институт твердо установлено.

412

ИСТОРИЯ НЕГРИТЯНСКОЙ РАСЫ В АМЕРИКЕ.

Часть I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ.

ГЛАВА I.

ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Библейский аргумент.- Одна раса и один язык.- Одна кровь.- Проклятие Ханаана.

[Вернуться к оглавлению](#)

В течение последнего полувека многие авторы трудов по этнологии, антропологии и рабству упорно стремились поставить негра вне человеческой семьи; а ученики этих учителей пытались оправдать свои взгляды самым бесчеловечным отношением к негру. Но, к счастью для негра и для всего человечества, мы живем в эпоху, когда расовая и межнациональная ненависть исчезает за горизонтом светлого и лучшего будущего. Негр в Америке свободен. Теперь он является признанным фактором в делах континента; и ни одно сообщество, государство или правительство в этот период мировой истории не может позволить себе быть безразличным к его моральному, социальному, интеллектуальному или политическому благополучию.

Прежде всего, предлагается обратить внимание на абсурдное обвинение в том, что негр не принадлежит к человеческой семье. К счастью, на земле осталось мало тех, кто все еще придерживается этого мнения.

В первой главе Книги Бытия ясно сказано, что "Бог сотворил человека", "мужчину и женщину сотворил он";[1] что "Господь Бог образовал человека из праха земли, и вдохнул в ноздри его дыхание жизни; и стал человек душою живою";[2] и что "взял Господь Бог человека и поселил его в саду Едемском, чтобы одевать его и хранить его".[3] Примечательно, что священный историк в каждом упоминании об Адаме говорит о нем как о "человеке"; и что божественное предписание, данное им, - Адаму и Еве, - гласило: "Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и покоряйте ее, и владейте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким живым существом, движущимся по земле".[4] Как и среди животных, так и здесь, в высшем порядке, было двое - пара, "мужчина и женщина", - представителей человеческого рода. Мы можем начать с человека и двигаться вниз по шкале, и мы обязательно найдем два вида, "мужчина и женщина". Таков был божественный порядок. Но они должны были "плодиться", должны были "пополнять землю". О том, что они "размножились", у нас есть достоверное свидетельство Бога; и действительно, человек и зверь, птица и рыба увеличивались. Мы читаем, что после изгнания из Эдемского сада Ева родила Адаму семью. Каин и Авель; и они "насеяли землю".

По прошествии нескольких лет мы видим, что на земле усилилось нечестие, настолько, что Господь был вынужден уничтожить землю потопом, за исключением Ноя, его жены, трех его сыновей и их жен, - всего восемь душ.[5] Из животных спаслись по два человека.

Но самая интересная часть библейской истории начинается после потопа. Мы имеем дело со смешением языков и последующим рассеянием человечества. В одиннадцатой главе и первом стихе Бытия говорится: "*И была вся земля одного языка и одной речи*". Под "всей землей" здесь подразумеваются все жители земли, все человечество. Средство общения было общим. Все пользовались одним языком. В шестом стихе встречается эта замечательная фраза: "*И сказал Господь: вот, народ **един**, и язык у всех **один***". Мы обращаем внимание на этот стих, потому что здесь мы имеем свидетельство Господа о том, что "*народ **един***" и что язык у народа один. Этот стих устанавливает два очень важных факта: народ был один, а значит, и язык один. Тот факт, что у них был один язык, служит разумным доказательством того, что они были одной крови; и историк очень тщательно осветил весь

вопрос, записав великую истину о том, что они были *одним народом* и имели один язык. Седьмой, восьмой и девятый стихи одиннадцатой главы не имеют никакого значения: "Пойдем, сойдем, и там смутим язык их, чтобы они не понимали речи друг друга". И рассеял их Господь оттуда по лицу всей земли, и они ушли строить город. Потому и называется он Вавилон, что Господь смешал там язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по лицу всей земли".

Именно из-за нечестия людей Господь рассеял их, смутил их речь и свел на нет их надменные замыслы. Очевидно, это послужило началом разных семейств людей, разных национальностей, а значит, и разных языков. В девятом стихе говорится, что "оттуда рассеял их Господь по лицу всей земли". В этой формулировке нет никакой двусмысленности. Он не только "смешал язык их", но и "рассеял их оттуда", из Вавилона, "по лицу всей земли". Итак, вот два очень важных факта: их язык был *смущен*, и они *были "рассеяны"*. Они были не просто "рассеяны", они были "рассеяны *по лицу всей земли*". То есть они были рассеяны очень широко, отправлены в различные и отдаленные части земли; и их национальность получила свое существование от широт, в которые их занесла божественно назначенная волна рассеяния; и их последующий расовый характер должен был получить свой тон и цвет от климатических влияний. Три великих семейства, шемитское, хамитское и яфетическое, были внезапно созданы. От них произошли многие другие семьи, или племена; но именно эти три великие семьи возглавили все последующие расы людей.

"О том, что три сына Ноя распространились и заселили всю землю, так ясно сказано в Писании, что, если бы нам не нужно было спорить с теми, кто, к сожалению, не верит таким свидетельствам, мы могли бы на этом остановиться: давайте, однако, выясним, насколько истинность этого заявления подтверждается другими соображениями. Достаточно уже было сказано, чтобы показать, что существует любопытная, если не сказать замечательная, аналогия между предсказаниями Ноя о будущих потомках его трех сыновей и фактическим состоянием тех рас, которые, как принято считать, произошли от них. Здесь можно еще раз отметить, что для большей ясности предмета мы приняли четверичную схему профессора Блюменбаха: однако Кювье и другие ученые физиологи считают, что первичных разновидностей человеческой формы правильнее считать три: кавказскую, монгольскую и эфиопскую. Это число соответствует числу сыновей Ноя. Таким образом, если отнести монгольскую расу к Иафету, а эфиопскую - к Хаму, то кавказская, самая благородная раса, будет принадлежать Шему, третьему сыну Ноя, который сам произошел от Сифа, третьего сына Адама. То, что первичных различий человеческих разновидностей всего *три*, утверждает и эрудированный Причард; он, отвергая номенклатуру Блюменбаха и Кювье, как подразумевающую абсолютное деление, распределяет ведущие разновидности человеческого черепа по трем разделам, отличающимся от тех, которые Кювье называет только по имени. То, что три сына Ноя, которые должны были "пополнить землю" и чьему потомству были уготованы совершенно противоположные судьбы, должны были дать начало разным расам, можно предположить; но то, что наблюдения тех, кто верит и не верит Моисеевой истории, должны подтвердить истину, указав, в чем эти три расы действительно отличаются, как физически, так и морально, - это, по меньшей мере, необычное совпадение. Короче говоря, это предположительное доказательство того, что во всем мире царит таинственная и очень красивая аналогия, которая учит нас смотреть дальше естественных причин, пытаясь объяснить эффекты, очевидно, переплетенные в планах Всемогущества".[6]

В семнадцатой главе Деяний апостолов, двадцать шестом стихе, мы находим следующую фразу: "И создал из одной крови все народы человеческие для обитания по всему лицу земли, и определил времена, которые прежде были назначены, и пределы обитания их".[7] Апостол Павел был миссионером. В это время он был с миссией в знаменитом городе Афины - "глазу Греции, источнику учености и философии". Он рассказал "афинским людям", что, путешествуя по их прекрасному городу, не оставил без внимания его достопримечательности; что не остался равнодушным к претензиям его жителей на ученость и культуру и что среди прочего он заметил алтарь, воздвигнутый *неизвестному Богу*. Далее он заметил, что, как бы ни были велики их город и народ, Бог, чьим потомством они являлись, создал другие народы, живущие за пределами их зеленеющих холмов и полноводных рек. Более того, Бог создал "все народы человеческие для обитания по всему лицу земли" из "одной крови". Он обратил их внимание на то, что Бог оградил все народы географическими границами - определил пределы их обитания.

В двадцать шестом стихе мы находим две главные мысли: , что этот отрывок ясно и безошибочно устанавливает единство человечества в том, что Бог создал их из одной крови; во-вторых, Он определил "пределы обитания их" - расположил их географически. Процитированный язык очень ясен. "Он определил пределы обитания их", то есть "все народы человеческие".[8] Итак, мы имеем дело с тем, что существуют различные "народы человеческие", но все они "одной крови" и, следовательно, имеют общего родителя. Это утверждение было сделано апостолом Павлом, вдохновенным писателем, учителем с большой эрудицией, знатоком еврейского и греческого языков.

Не следует забывать и о том, что Павел, мастерски обсуждая учение о грехе - грехопадении человека, - всегда ссылается на Адама как на "единого человека", через которого грех пришел в мир.[9] Его Послание к Римлянам изобилует отрывками, которые очень ясно доказывают единство человечества. Деяния апостолов, равно как и Евангелия, доказывают единство, которое мы стремимся установить.

Но есть несколько человек, которые признают единство человечества, но при этом настаивают на том, что негр не принадлежит к человеческой семье. Это настолько абсурдно, что человек испытывает острое чувство унижения от сознания того, что он довольно низко пал, встречаясь с врагами Божьих бедняков; но, конечно, не может быть ничего плохого в том, чтобы встретить их с вечной истиной.

В Евангелии от Луки мы читаем это замечательное историческое повествование: "И когда вели Его, то пристали к одному Симону, Киринаянину, вышедшему из страны, и возложили на него крест, чтобы он нес его за Иисусом".[10] Обратившись к карте, читатель увидит, что Кириная находится в Ливии, на северном побережье Африки. Все комментаторы, с которыми нам удалось ознакомиться, сходятся во мнении, что этот человек, Симон, был негром, то есть чернокожим. Джон Мелвилл произнес очень примечательную проповедь на основе этого отрывка.[11] А многие из самых известных европейских картин "Распятие" изображают этого киринаянина чернокожим и отводят ему самое видное место в самой трагической сцене, когда-либо происходившей на этой земле. В Деяниях апостолов мы имеем очень полный и интересный рассказ об обращении и погружении в воду эфиопского евнуха, "человека из Эфиопии, евнуха, пользовавшегося большим авторитетом у Кандакии, царицы эфиопской, который заведовал всеми ее сокровищами и пришел в Иерусалим на поклонение".[12] Здесь мы снова видим, что все комментаторы сходятся во мнении о национальности евнуха: он был негром; и, как следствие, процитированный отрывок приводит нас к убеждению, что эфиопы были многочисленным и богатым народом. Кандас была царицей, которая за двадцать лет до Рождества Христова вступила в войну с Августом Сезаром и, хотя и не победила, добилась

почетного мира.[13] Она царствовала в Верхнем Египте - вверх по Нилу - и жила в Мероэ, древнем городе, самой колыбели египетской цивилизации.[14]

"Во времена нашего Спасителя (да и с тех пор) под Эфиопией в общем смысле подразумевались страны к югу от Египта, тогда еще малоизвестные; одной из них была царица Кандака, чей евнух был крещен Филиппом. Мистер Брюс, вернувшись из Абиссинии, обнаружил на широте 16° 38' место под названием Ченди, где царствующий государь был тогда королевой; и где существовала традиция, что женщина по имени Хендаке (что максимально приближено к греческому имени Χανδακη) когда-то управляла всей этой страной. Недалеко от этого места находятся обширные руины, состоящие из разбитых пьедесталов и обелисков, которые, по предположению Брюса, принадлежат Мероэ, столице африканской Эфиопии, которая описана Геродотом как великий город в его время, а именно за четыреста лет до Рождества Христова; И где, отделенные от остального мира почти непроходимыми пустынями и обогащенные торговыми экспедициями своих странствующих собратьев, кушиты продолжали культивировать, вплоть до первого века христианской эры, некоторые части тех искусств и наук, которым всегда в большей или меньшей степени посвящали себя поселенцы в городах." [15]

Однако некоторые авторы утверждают и пытаются доказать, что египтяне и эфиопы - это совсем другой народ, нежели негры. Иеремия, похоже, понимал, что эти люди, о которых мы писали, были неграми, то есть чернокожими. "Может ли эфиоп, - спрашивает пророк, - переменить кожу свою, или барс пятна свои?" Пророк так же хорошо знал, что эфиоп был черным, как и леопард имел пятна; и в немецком языке Лютера слово "Эфиопия" означает "страна негров", страна чернокожих.[16] Слово "Эфиоп" в греческом языке буквально означает "солнечный ожог".

О том, что эти эфиопы были чернокожими, мы имеем, помимо ценного свидетельства Иеремии, научные свидетельства Геродота, Гомера, Иосифа, Евсевия, Страбона и других.

В дальнейшем нам еще придется использовать термин "Куш", поэтому сейчас мы обращаем внимание на то, что кушиты, о которых так часто говорится в Писании, - это то же самое, что и эфиопы.

Отбросив неписанные и несостоятельные доводы о единстве рас человечества, враги негров, в смятении отступая назад, укрепились в проклятии Ханаана. "И пробудился Ной от вина своего, и узнал, что сделал с ним младший сын его. И сказал он: проклят Ханаан; рабом из рабов будет он братьям своим".[17] Этот отрывок был главной темой защитников рабства на кафедре в течение многих лет. Епископ Хопкинс говорит

"Бессердечная непочтительность, которую Хам, отец Ханаана, проявил к своему выдающемуся родителю, чье благочестие только что спасло его от потопа, послужила непосредственным *поводом* для этого замечательного пророчества; но его *исполнение* было отложено для его потомков после того, как они утратили знание о Боге и полностью осквернились мерзостями языческого идолопоклонства. Предвидя эту полную деградацию расы, Всемогуший предписал им рабство или порабощение у потомков Шема и Иафета, несомненно, потому, что *счел это наиболее подходящим для них состоянием*. И вся история доказывает, насколько точно исполнилось это предсказание, вплоть до сегодняшнего дня". [18]

Итак, первое, что необходимо сделать тем, кто придерживается этой точки зрения, - доказать, вне всяких сомнений, что Ной был вдохновлен на произнесение этого

пророчества. Ной, как правило, был праведным человеком. Более ста лет он возвышал свой голос против растущего нечестия в мире. Его верность делу Божьему не вызывала сомнений, и за свою веру и правильную жизнь он и все его домочадцы были спасены от потопа. Но после чудесного избавления от разрушения, постигшего старый мир, его характер полностью меняется. Нет ни одного отрывка, который бы свидетельствовал о том, что он продолжал заниматься проповедничеством. Он стал земледельцем; он содержал виноградник; и, что самое главное, он пил вино и пьянел! Очнувшись от опьянения, он узнал, что Хам увидел его наготу, и "рассказал двум братьям своим". Но "Шем и Иафет взяли одежду, и накинули ее на плечи свои, и отошли назад, и покрыли наготу отца своего; и обратились лица их назад, и не видели наготы отца своего".^[19] Вполне естественно предположить, что, униженный и удрученный своим греховным поведением и разгневанный поведением своих сына и внука, Хама и Ханаана, Ной выразил свое неодобрение Ханаану. Он хотел, чтобы Ханаан испытал унижение, соразмерное его проступку, и, с другой стороны, похвалил поведение других своих сыновей, которые пытались скрыть позор своего отца. И все это было сделано без всякого вдохновения. Он просто выразил свое мнение как слабоумный человек.

Однако епископ Хопкинс с удовольствием называет это "пророчеством". Чтобы пророчествовать в том значении, в котором это слово употребляется в Священном Писании, человек должен иметь Божественное вдохновение и быть движим Святым Духом; и в дополнение к этому следует сказать, что истинное пророчество всегда сбывается - обязательно исполняется. Ной не был вдохновлен, когда произносил свое проклятие Ханаану, по той простой причине, что оно не исполнилось. Он не говорил в духе пророчества, когда благословлял Шема и Иафета, по той веской причине, что их потомки часто находились в рабстве. Если бы эти слова Ноя были пророческими, вдохновленными Богом, мы бы, естественно, ожидали, что *все потомки Ханаана будут в рабстве*, а все потомки Шема выйдут из рабства - свободными! Если это пророчество - оставим это на совести ученого епископа - не исполнилось, то мы делаем один из двух выводов: либо это не слова Божьи, либо они не исполнились. Но они не были словами пророчества и, следовательно, никогда не имели божественного авторитета. Ной произнес проклятие именно на Ханаана, а Ханаан был сыном Хама, и Хам, как говорят, является прародителем негритянской расы. Ханаанеи были не кабалистами, а свободными людьми, могущественными племенами, когда Евреи вторглись в их страну; от ханаанеев произошли смелые и умные карфагеняне, как признает большинство писателей по этому вопросу. От Хама произошли египтяне, ливийцы, футимы, и кушимы, или эфиопы, которые, колонизировав африканскую сторону Красного моря, впоследствии неограниченно распространились на запад и юг этого великого континента. Египет назывался Хемия, или страна Хама; считается, что божество египтян, Хаммон или Аммон, было обожествлением Хама.^[20] Карфагеняне добились успеха в многочисленных войнах против крепких римлян. Так что в этом, как и во многих других случаях, пророчество Ноя не сбылось.

После главы, содержащей пророчество о Ное, историк приводит генеалогию потомков Хама и Ханаана. Мы процитируем его полностью, чтобы нам помогла истина.

"Сыновья Хама: Куш, и Мизраим, и Фута, и Ханаан; сыновья Куша: Себа, и Хавила, и Сабтах, и Раамах, и Сабтех, сыновья Раамаха: Шеба и Дедан. И родил Куш Нимрода; он стал могущественным на земле. Он был могущественным охотником пред Господом, почему и сказано: "Как Нимрод, могущественный охотник пред Господом". Началом царства его был Вавилон, и Эрех, и Акад, и Калнех, в земле

Шинар. Из той земли вышел Ассур и построил Ниневию, и город Рехобот, и Калах, и Ресен между Ниневией и Калахом; это великий город. И родил Мизраим Лудима, и Анамима, и Лехавима, и Нафтухима, и Патрусима, и Каслухима (от которого произошел Филистим), и Кафторима. И родил Ханаан Сидона, первенца своего, и Хета, и Иевусея, и Аморрея, и Гиргасита, и Евея, и Аркитянина, и Синита, и Арвадита, и Земаритянина, и Хамафитянина; и после того распространились семейства Ханаанские по всей земле. И предел Хананеев был от Сидона, как ты придешь в Герар, до Газы; как ты пойдешь, до Содома и Гоморры, и Адмы, и Зевоима, даже до Лаша. Вот сыны Хама, по родам их, по языкам их, по странам их и по народам их".[21]

Здесь очень подробно описана семья Хама, который, как сказано, должен был разделить судьбу своего сына Ханаана, и четко описаны дети Ханаана. "Нимрод, - говорится в записи, - начал быть могущественным на земле. Он был могучим охотником перед Господом..... И было начало царства его" и т. д. Мы видим, что Куш был старшим сыном Хама и отцом Нимрода, "могущественного на земле", чье "царство" было столь обширным. Он основал Вавилонскую империю и был отцом основателя города Ниневии, одного из величайших городов древнего мира. Эти удивительные достижения принадлежали детям Куша, предка негров. Справедливо предположить, что эта линия потомства Хама не была обделена способностями, необходимыми для основания городов и царств и поддержания правительства.

Таким образом, согласно Библии, мы можем убедиться, что потомство Ханаана не ушло в рабство; что это был сильный народ, как по численности, так и по богатству; а по количеству и характеру построенных им городов мы можем заключить, что это было интеллектуальное потомство. Мы приходим к выводу, что с библейской точки зрения пока нет никаких доказательств того, что пророчество Ноя исполнилось. Но, несмотря на отсутствие доказательств в Писании относительно рабства детей Ханаана, почтенный доктор Меде говорит: "Никогда не было сына Хама, который бы потряс скипетром над головой Иафета. Шем покорил Иафета, Иафет покорил Шема, но Хам никогда не покорял ни того, ни другого". Доктор либо подтасовывает исторические факты, либо не знает истории. Евреи веками находились в рабстве в Египте. Египет был заселен Мисраимом, вторым сыном Хама. Кто были шемиты? Они были евреями! Шемиты находились в рабстве у хамитов. Мелхиседек, чье имя выражает его характер - царь *праведности* (или праведный царь), был достойным священником Бога Всевышнего; а Авимелех, чье имя означает "*родительский царь*", отстаивал перед Богом честность своего сердца и праведность своего народа, и его просьба была принята. Однако оба эти человека, по-видимому, были хананеями".[22] Мелхиседек и Авимелех были хананеями, самыми священными и почетными персонажами в ветхозаветной истории. Авраам, шемит, встретив ханаанейца Мелхиседека, отдал ему десятую часть всех своих трофеев. Нимрод, кушит, покорив шемитов, "пошел в Ашер и построил Ниневию". Таким образом, совершенно очевидно, что пророчество Ноя сбылось не во всех отношениях и что оно не было словом Божиим. "И благословил Бог Ноя и сыновей его".[23] Бог благословляет всю семью и повелевает им "плодиться и размножаться, и пополнять землю". После этого Ной пытается отменить Божье благословение, говоря: "Проклят будь Ханаан". Но это было лишь горькое выражение пьяного и униженного родителя, лишённого божественной власти. Несомненно, он и два других его сына соответствовали духу произнесенного проклятия и относились к хамитам соответствующим образом. Ученый доктор Уильям Джонс[24] утверждает, что Хам был младшим сыном Ноя; что у него было четыре сына: Куш, Мисраим, Фута и Ханаан; и что они населяли Африку и часть Азии.[25] Хамиты были потомками Ноя и одной из трех великих семей, населявших землю.[26]

ССЫЛКИ:

[1] Быт. i. 27.

[2] Быт. ii. 7.

[3] Быт. ii. 15.

[4] Быт. i. 28.

[5] Gen. vi. 5sq.

[6] Encycl. of Geo., p. 255.

[7] Если бы апостол Павел утверждал, что все люди похожи друг на друга по цвету кожи и структуре волос или даже по физиологическим особенностям, он бы вступил в войну с наблюдательностью и критическим исследованием. Но, провозгласив удивительную истину о единстве человеческой расы, основанной на одной крови, наука приходит ему на помощь и с помощью микроскопа раскрывает corpusculы крови и показывает, что глобулы одинаковы во всей человеческой крови.

[8] Втор. xxxii. 8, 9: "Когда Всевышний разделил народам удел их, когда разделил сынов Адама, то поставил границы народам по числу сынов Израилевых. Ибо удел Господа - народ Его; Иаков - жребий наследия Его".

[9] Рим. ст. 12, 14-21.

[10] Луки xxiii, 26: Деяния vi. 9, также вторая глава, десятый стих. Матфей описывает тот же факт в двадцать седьмой главе, тридцать втором стихе. "И, выйдя, нашли человека Киринеянина, Симона по имени; его заставили нести крест свой".

[11] См. "Проповеди Мелвилла".

[12] Деяния viii. 27.

[13] Плиний говорит, что правительство Эфиопии в течение нескольких поколений находилось в руках цариц, которых звали *Кандас*.

[14] См. Liddell and Scott's Greek Lexicon.

[15] Jones's Biblical Cyclopædia, p. 311.

[16] Термином "эфиоп" в древности называли всех тех, чей цвет кожи потемнел от солнца, - Smith's *Unity of the Human Races*, chap. i. p. 34.

[17] Gen. ix. 24, 25. См. также двадцать шестой и двадцать седьмой стихи.

[18] Библейские взгляды на рабство, с. 7.

[19] Быт. ix. 23.

[20] Плутарх, *De Iside et Osiride*. См. также д-р Мортон и "Этнологический журнал", 4-й номер, с. 172.

[21] Gen. x. 6-20.

[22] Д-р Буш.

[23] Gen. ix. I.

[24] Jones's Biblical Cyclopædia, p. 393. Ps. lxxviii. 51.

[25] Пс. cv. 23.

[26] Если считать изречение Ноя пророчеством, то оно относилось только к хананеям, потомкам Ханаана, внука Ноя. В предполагаемом пророчестве ничего не говорится ни о ком, кроме Ханаана.

ГЛАВА II.

НЕГР В СВЕТЕ ФИЛОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЕГИПТОЛОГИИ.

Кушим и Эфиопия.- Эфиопы, белые и черные.- Характеристика негра.- Темный континент.- Древность негра.- Неоспоримые свидетельства.- Военное и социальное положение негров.- Причина цвета кожи.- Термин "эфиоп".

[Вернуться к оглавлению](#)

Похоже, что в употреблении слова "негр" много невежества и путаницы; [27] и примерно столько же проблем возникает при правильной классификации жителей Африки. В предыдущей главе мы попытались доказать не то, что Хам и Ханаан были прародителями негритянской расы, - это признают самые последовательные враги чернокожих, - а то, что человеческая раса *едина* и что проклятие Ноя не было божественным пророчеством.

Термин "негр", по-видимому, применяется главным образом к темным и шерстистым людям, населяющим Западную Африку. Но негров можно встретить и в Восточной Африке. [28] Зонарас говорит: "Чус - это человек, от которого произошли кузейцы. Это тот же народ, что и эфиопы". Это мнение подтверждается Иосифом. [29] Апулеем и Евсевием. Еврейский термин "Куш" переводится Эфиопией в Септуагинте, Вульгате и почти во всех других версиях, древних и современных, а также в английской версии. "Поэтому не приходится сомневаться, что термин "кушим" во все века переводился "эфиопы", поскольку они были известны также своим черным цветом кожи и своими переселениями, которые были легкими и частыми". [30] Но если то, что термины "куш" и "эфиоп" использовались как взаимозаменяемые, подтверждается как священной, так и светской историей, то, похоже, нет недостатка в доказательствах того, что эти термины часто применялись к людям, которые не были неграми. Кроме того, следует помнить, что существовали народы, которые были черными, но не были неграми. И единственное отличие среди всех этих людей, которые являются ветвями хамитской семьи, - это структура волос. "Но, как мы видели, *столь* же несомненно, что термин "кушит" применяется в Писании к другим ветвям той же семьи, как, например, к мадианитянам, из которых Моисей выбрал себе жену, и которые не могли быть неграми. Таким образом, термин "кушит" используется в Писании для обозначения народов, которые не были черными или в каком-либо отношении неграми, а также стран к югу от Египта, жители которых были неграми; и все же обе расы объявлены потомками Куша, сына Хама. Даже во времена Иезекииля народы внутренней Африки не были одной расы, ибо он представляет Куша, Фута, Луда и Чуба как либо самих себя, либо как объединенных с

"смешанным народом" (Иезек. xxx. 5); "то есть, - говорит Фабер, - это был народ негров, который представлен как очень многочисленный, - весь смешанный народ".[31]

Термином "Эфиопы" в древности называли всех, чей цвет кожи потемнел от солнца. Поэтому Геродот отличает восточных эфиопов, у которых были прямые волосы, от западных, у которых волосы были курчавыми или шерстистыми.[32] . Они представляют собой двуединый народ, протянувшийся длинной полосой от восходящего до заходящего солнца".[33]

Вывод напрашивается сам собой. Слова "Эфиопия" и "Куш" всегда использовались для обозначения чернокожего народа или страны, где такой народ жил. Термин "негр", происходящий от латинского "*niger*" и французского "*noir*", означает "черный"; следовательно, это современный термин, имеющий все первоначальные значения слов "Куш" и "Эфиопия", за единственным исключением. Выше мы обратили внимание на тот факт, что все эфиопы не были чистыми неграми, а были все же ветвью изначальной хамитской семьи, откуда произошли все темные расы. Термин "негр" сегодня используется для обозначения людей, которые, помимо темного цвета лица, имеют курчавые или шерстяные волосы. Именно в этой связи мы будем использовать этот термин в данной работе.[34]

Африка, родина коренных темных рас, в географическом и этнографическом смысле является самой удивительной страной в мире. Ее площадь в английских квадратных милях составляет 11 556 600, а население - 192 520 000 человек. Она лежит между 38° северной и 35° южной широты и, строго говоря, представляет собой огромный полуостров, соединенный с Азией Суэцким перешейком. Самая северная точка - мыс, расположенный немного западнее Кабо-Бланко и напротив Сицилии, которая находится на 37° 20' 40" северной широты, 9° 41' восточной долготы. Самая южная точка - Кабо-д'Агульяс, 34° 49' 15" южной широты; расстояние между этими двумя точками составляет 4330 географических, или около 5000 английских миль. Самая западная точка - Кабо Верде, 17° 33' западной долготы; самая восточная - мыс Джердаффун, 51° 21' восточной долготы, 10° 25' северной широты; расстояние между этими двумя точками примерно равно его длине. Западные берега омываются Атлантическим океаном, северные - Средиземным, а восточные - Индийским. По форме этот "темный континент" можно сравнить с треугольником или овалом. Он богат маслами, слоновой костью, золотом и ценной древесиной. На нем есть прекрасные озера и могучие реки, которые являются неразрешимой проблемой современности.

В древности негра сомневаться не приходится. Он известен истории так же досконально, как и любой другой род людей. Он появился на заре истории и сохранился до наших дней. Ученый Глиддон говорит, что "иероглифическое обозначение "KeSH", применяемое исключительно к *африканским* расам в отличие от египетских, было обнаружено Лепсиусом еще в памятниках шестой династии, 3000 лет до н.э. Но большой приток негров и мулатов в Египет в качестве пленников датируется двенадцатой династией; когда, примерно в двадцать втором веке до н.э., Фараон Сесур-Тасен распространил свои завоевания вверх по Нилу далеко в Нигритию. После восемнадцатой династии памятники доходят до третьего века нашей эры, и ни в одном из фараоновских или птолемеевских периодов нет ни одного случая, чтобы труд негров был направлен на какие-либо сельскохозяйственные или утилитарные цели".[35] Негры были найдены в большом количестве среди суким, тут, лубин и других африканских народов, которые составляли силу армии царя Египта Шишака, когда он пришел против Реховоама в 971 году до н.э.; и в его гробнице, открытой в 1849 году, были найдены среди его изображенной армии точные представители подлинной негритянской расы, как по цвету кожи, волос, так и по физиономии. Негры также представлены на египетских картинах, связанных с военными кампаниями восемнадцатой династии. Они

составляли часть армии Ибрагима Пача и ценились как доблестные солдаты в Монче и Южной Аравии.[36] Геродот уверяет нас, что негры были в армиях Сесостриса и Ксеркса, а в настоящее время они составляют немалую часть постоянной армии Египта.[37] Геродот утверждает, что восемнадцать египетских царей были эфиопами.[38]

Весьма примечательно слышать, как такой писатель, как Джон П. Джеффрис, который, очевидно, не очень дружелюбен в своей критике негров, делает такое позитивное заявление, как следующее:-

"Каждый здравомыслящий человек должен, таким образом, легко прийти к выводу, что африканская раса существует как отдельный народ более четырех тысяч двухсот лет; а сколько времени прошло до этого периода - вопрос только предположения, поскольку нет никаких надежных данных, на основании которых можно было бы составить какое-либо достоверное мнение".[39]

Трудно найти писателя по этнологии, этнографии или египтологии, который бы сомневался в древности негров как отдельного народа. Доктор Джон К. Нотт из Мобила, штат Алабама, южанин в самом широком смысле этого слова, в своей книге "Типы человечества", хотя он и пытается сделать свою книгу приемлемой для южных рабовладельцев, решительно отстаивает древность негров.

"Этнологическая наука, таким образом, располагает не только авторитетными свидетельствами Лепсиуса и Бирча в доказательство существования негритянских рас в двадцать четвертом веке до нашей эры, но, поскольку этот же факт признают все ныне живущие египтологи, мы можем сделать вывод, что эти негритянские типы были современны самым ранним египтянам".[40]

В 1829 году мистер Уилкинсон вскрыл замечательную фиванскую гробницу, а в 1840 году ее тщательно исследовали Харрис и Глиддон. В ней собрана удивительная коллекция негритянских сцен. Об одной из этих сцен даже доктор Нотт говорит: "Негритянка, по-видимому, принцесса.

"Негритянка, очевидно принцесса, прибывает в Фивы, запряженная в пластрон парой горбатых волов, водитель и конюх - египтяне в красной одежде, и, как можно предположить, евнухи. За ней следуют толпы негров и нубийцев, привозящих дань из верхней страны, а также черные рабы обоих полов и всех возрастов, среди которых есть несколько *краснокожих* детей, чьи *отцы* были египтянами. Причиной ее прихода, по-видимому, было желание сделать подношения в гробнице "царского сына *Кеш-Амунофа*", который, возможно, был ее мужем".[41]

Довольно странно, что чувства доктора Нотта по отношению к неграм были настолько смягчены, что он позволил себе сделать заявление, которое разрушает его доселе спекулятивные рассуждения о политическом и социальном статусе негров. Он признает древность негра, но прилагает особые усилия, чтобы поместить его в подневольное состояние во все времена и представить его в качестве побежденного вассала перед Рамзесом III и другими египетскими царями. Он не видит никаких изменений в положении негра, кроме того, что в рабстве его лучше кормят и одевают, чем в родном доме. Но, тем не менее, негритянка, о которой он упоминает, и вся картина в фиванской гробнице сводят на нет доводы ученого доктора. Вот негритянская принцесса с египетским водителем и конюхом, с большой армией сопровождающих, отправляющаяся в долгое путешествие к гробнице своего царственного мужа!

Здесь мало места для того, чтобы подвергать сомнению политические и социальные условия жизни негров.[42] Они либо долго и мирно властвовали, либо своей доблестью в наступательных войнах завоевали почетное место путем завоевания. И тот факт, что упоминаются черные рабы, ни в коем случае не лишает исторической достоверности изображения, найденные в этой фиванской гробнице; ведь Уилкинсон говорит, говоря о состоянии общества в этот период

"Очевидно, что и белые, и черные рабы использовались в качестве слуг; они прислуживали гостям, когда их приглашали в дом хозяина; и, судя по тому, что они были в семьях жрецов и военных вождей, мы можем сделать вывод, что их покупали за деньги, и что право владения рабами не ограничивалось теми, кто брал их на войне. Египтяне терпимо относились к торговле рабами; и разумно предположить, что многие люди занимались... доставкой их в Египет для публичной продажи, независимо от тех, кто был отправлен в качестве части дани и, вероятно, сначала был собственностью монарха; не возникло никаких трудностей у измаильтян и при покупке Иосифа у его братьев, и при его последующей продаже Потифару по прибытии в Египет".

Таким образом, мы видим, что в это время рабство не ограничивалось какой-то определенной расой людей. Негритянскую принцессу могли купить как белые, так и черные рабы, и, несомненно, некоторые из них были захвачены в успешных войнах с другими народами, а другие куплены в качестве слуг.

Но у нас есть и другие доказательства в пользу древности негров. В Японии и во многих других частях Востока можно найти огромные и великолепные храмы, инеистые от возраста. Почти невозможно определить древность некоторых из них, в которых идола являются точными изображениями шерстистых негров, хотя жители этих стран и сегодня имеют прямые волосы. Среди японцев черный цвет считается цветом добрых предзнаменований. В храмах Сиамы мы видим идолов, сделанных по подобию негров.[43] Осирис, одно из главных божеств египтян, часто изображается черным.[44] Бубастис, также Диана Греции и член великой египетской триады, сейчас выставлена в Британском музее, изваянная из черного базальта.[45] Среди индусов Кали, супруга Сивы, одного из великой триады; Кришна, восьмое воплощение Вишну; и сам Вишну, второй из Тримурти или индуистской триады, изображаются черного цвета.[46] Доктор Мортон говорит

Сфинкс мог быть святилищем негритянского населения Египта, которое, как народ, несомненно, было ниже нашего среднего размера". Три миллиона буддистов в Азии изображают свое главное божество, Будду, с негритянскими чертами лица и волосами. Есть еще два изображения Будды, одно на Цейлоне, другое в Калани, о которых лейтенант Махони говорит: "Обе эти статуи сходятся в том, что у них всклокоченные волосы и длинные, висячие кольца в ушах".[47]

А ученый и неутомимый Гамильтон Смит говорит: "...

"На равнинах Индии находятся Нагпур и разрушенный город без названия у ворот Бенареса (возможно, это настоящий Каси по преданию), который когда-то украшали статуи шерстистоволосой расы".[48]

Итак, эти существенные и неоспоримые следы продвижения негритянской расы по Японии и Азии заставляют нас сделать вывод, что негритянская раса появилась раньше, чем вся

светская история. И хотя большая часть негров географически проживала в Африке, они в немалой степени были космополитическим народом. Их странствия можно проследить от восхода до заката солнца.

"Остатки архитектуры и скульптуры в Индии, кажется, доказывают раннюю связь между этой страной и Африкой..... Пирамиды Египта, колоссальные статуи, описанные Павсанием и другими, Сфинкс и Гермес Канис, который имеет сильное сходство с Вараха Аватаром, указывают на стиль тех же неугомонных рабочих, которые создали огромные раскопки в Канаре, различные храмы и изображения Будды, идолов, которые постоянно выкапывают в Гайе или в ее окрестностях. Эти и другие неоспоримые факты не могут не вызывать необоснованного мнения, что Эфиопия и Индостан были заселены или колонизированы одной и той же необычной расой; в подтверждение этого можно добавить, что горцев Бенгалии и Бенхара едва ли можно отличить по некоторым чертам, особенно по губам и носу, от современных абиссинцев".[49]

Для честного искателя истины здесь мало места для спекуляций. Доказательства накапливаются по мере того, как мы продолжаем наши исследования. Памятники и храмы, усыпальницы и пирамиды возвышаются, чтобы заявить о древности негритянской расы. Гамильтон Смит после тщательного и критического исследования приходит к выводу, что негритянский тип человека был древнейшей и коренной расой Азии, вплоть до нижнего края Гималайских гор, и приводит множество любопытных фактов, которые, по его мнению, не могут быть объяснены иначе.

"С этой точки зрения, первые миграции негров, плывущих на запад на катамаранах или жалких каноэ и огибающих юго-западную Азию, могут совпадать с ранним появлением негритянских племен Восточной Африки и предшествовать более смешанным расам, которые, подобно эфиопам Азии, прошли Красное море через Баб-эль-Мандебский пролив, поднялись по Нилу или пересекли эту реку на западе".[50]

Если взять всю южную часть Азии на запад до Аравии, то эта гипотеза - к такому же выводу пришел после терпеливых исследований покойный сэр Т. Стэнфорд Раффлз - более удовлетворительно, чем любая другая, объясняет восточные привычки, идеи, традиции и слова, которые можно проследить среди некоторых современных африканских племен и на островах Южного моря. Следы этой черной расы все еще можно найти вдоль Гималайского хребта от Инда до Индо-Китая, на Малайском полуострове и в смешанной форме на всем протяжении южных штатов до Цейлона.[51]

Но нет необходимости умножать свидетельства в доказательство древности негра. Его появление в этом мире произошло одновременно с другими семьями человечества: здесь он трудился с разнообразной судьбой; и здесь под *Богом* - его Богом - он в процессе времени решит все возвышенные проблемы, связанные с его будущим как человека и брата.

Существуют различные мнения о причинах цвета и структуры волос у негров. Много лет назад общепринятой была теория, согласно которой на этой расе лежало проклятие Каина; другие же видели в темной коже негра проклятие Ноя, наложенное на Ханаан. Эти два объяснения успокаивали тех, кто утверждал, что имеет право покупать и продавать негров, и о которых Спаситель сказал: "Ибо они связывают бремена тяжкие и непосильные и возлагают их на плечи людей, а сами не сдвинут их ни одним перстом своим".[52] Однако в последние годы наука попыталась решить эту проблему. Питер Баррер в своем трактате на эту тему утверждает, что желчь в организме человека имеет большое отношение к цвету

кожи.[53] Эта теория, однако, вызвала огонь со стороны ряда европейских ученых, которые боролись с ней с большим рвением, чем с мастерством. Утверждается, что спинной и головной мозг имеют темный, пепельный цвет, а при тщательном исследовании доказано, что кровь эфиопов черная. Казалось бы, эти факты должны придать теории хотя бы тень правдоподобия. Но по мнению Аристотеля, Страбона, Александра и Блюменбаха, климат, температура и образ жизни имеют большее отношение к приданию цвета, чем что-либо другое. Это, безусловно, верно и для животных, и для растений. Известно множество случаев, когда собаки, волки и т. д. становились белыми зимой, а весной приобретали другой цвет. Если начать с севера и двигаться на юг, то сначала вы обнаружите, что цветы очень белые и нежные; но по мере продвижения к тропикам они начинают приобретать все более глубокие и насыщенные оттенки, пока не превращаются в почти бесконечные разновидности. С другой стороны, Гюйо приводит аргументы в пользу интеллектуального разнообразия человеческих рас.

"В то время как все виды животных и растений уменьшаются в совершенстве, от экваториальных до полярных областей, пропорционально температуре, человек представляет нашему взору свой самый чистый, самый совершенный тип в самом центре умеренных континентов - в центре Азии, Европы, в областях Ирана, Армении и Кавказа; И, удаляясь от этого географического центра в трех больших направлениях земель, типы постепенно теряют красоту своих форм, пропорционально расстоянию, вплоть до крайних точек южных континентов, где мы находим самые деформированные и вырождающиеся расы, и самые низкие в шкале человечества." [54]

Ученый профессор пытается провести в жизнь свой знаменитый географический аргумент и с большим мастерством и трудом плетет свою теорию влияния климата на мозг и характер человека. Но если ни один ученый не возьмется оспаривать теорию о том, что растения приобретают самые великолепные оттенки по мере приближения к экватору, а расы человечества становятся темнее по мере продвижения к экватору, то уж точно ни один студент, изучающий историю Востока, не согласится с бездоказательной доктриной о том, что интенсивность климата тропических стран влияет на интеллектуальный статус расы. Если кто-то настолько предвзят, что сомневается в этом, пусть обратится к "Азиатским исследованиям" и узнает, что темные расы внесли один из самых бесценных вкладов в науку, литературу, гражданское строительство, искусство и архитектуру, которые когда-либо знал мир. Здесь мы находим колыбель цивилизации, древней и далекой.

Даже изменения и различия в цвете кожи можно заметить почти в каждом населенном пункте.

"По мере продвижения на запад мы наблюдаем преобладание светлого цвета над темным, а затем, когда мы попадаем под влияние влаги морского воздуха, мы видим, что оттенок углубляется до общей черноты населения побережья."

Ремесленники и земледельцы могут стать очень темными от облучения, а на моряка часто так влияет погода, что определить его национальность практически невозможно.

"Хорошо известно, что бискайские женщины сияют белизной, а жители Гранады, напротив, темные, причем настолько, что в этом регионе изображения Пресвятой Девы и других святых написаны тем же цветом". [55]

Тот же автор обращает внимание на тот факт, что жители Кордильер, живущие под горами на западе и, следовательно, выходящие к Тихому океану, имеют вполне или почти такой же

светлый цвет лица, как и европейцы; тогда как жители противоположной стороны, подверженные палящему солнцу и знойным ветрам, наоборот, имеют медный оттенок. Об этой теории климатического влияния мы расскажем далее.

Некоторые выдающиеся врачи Европы и Америки считают, что цвет кожи зависит от веществ, находящихся вне *cutis vera*. Снаружи *кутиса* находятся определенные слои вещества, разнообразного по консистенции и едва уловимого: здесь находится дом и место цвета; их можно рассматривать как выделения из сосудов *кутиса*. Темный цвет негра в основном зависит от вещества, находящегося между настоящей кожей и кожей-шрамом. Эта субстанция выглядит по-разному: иногда ее описывают как некую организованную сеть или сетчатую ткань, в других случаях - как просто слизистый или слизистый слой; странно, что эти несколько несовместимые идеи передаются термином *reticulum mucosum*, который дал промежуточному участку кожи ее первооткрыватель Мальпиги. Несомненно, во всех теориях, выдвигаемых в отношении цвета кожи и волос негров, есть что-то правдоподобное, но все это, конечно, спекуляции. Одна теория не менее ценна, чем другая.

За девятьсот лет до нашей эры поэт Гомер, рассказывая о смерти Мемнона, убитого при осаде Трои, говорит: "Он был принят своими эфиопами". Это первое употребление слова "Эфиопия" в греческом языке; оно происходит от корней αἶθω, "жечь", и ὤψ, "лицо". Можно с уверенностью предположить, что, расселяя сыновей Ноя, Бог определил "границы их обитания", и от земли и неба различные расы получили свою цивилизацию. Он отправил различные народы в отдельные части земли. Он наделил каждый из них расовыми особенностями и приспособленностью к тому климату, в который они попали. Он дал цвет кожи, язык и цивилизацию; и когда мы по мудрости не можем понять его непостижимые пути, приятно осознать, что "он творит все по велению своего ума".

ССЫЛКИ:

[27] Эдвард У. Блайден, доктор права, из Либерии, говорит: "Если предположить, что этот термин изначально использовался как выражение презрения, то не нам ли возвышать его? Как часто случалось, что имена, изначально данные в упрек, впоследствии становились почетными титулами для тех, против кого они использовались - методистов, квакеров и т. д. Но в доказательство того, что при первом употреблении это слово не имело никакого неблагоприятного значения, я могу упомянуть, что задолго до начала работорговли путешественники обнаружили, что негры на побережье Африки предпочитали называться неграми" (см. "Паломничество Пурчаса..."). И во всей литературе до работорговли это слово писалось с большой буквы *H*. Именно рабство негров впоследствии привело к деградации этого термина. Сказать, что название было придумано для унижения расы, некоторые представители которой были обращены в рабство, значит совершить то, что в грамматике называется *hysteron proteron*. Позор стал прикреплен к названию вследствие рабства; и мы предлагаем теперь, когда рабство отменено, вернуть его на прежнее место и в законное употребление, а значит, и восстановить заглавную букву *N*".

[28] Prichard, vol. ii. p. 44.

[29] Иосиф, Антик, lib. 2, chap. 6.

[30] Пул.

[31] Smyth's Unity Human Races, chap. II, p. 41.

[32] Геродот, vii., 69, 70. Ancient Univ. Hist., vol. xviii. pp. 254, 255.

[33] Strabo, vol. I. p. 60.

[34] Разумным неграм в Америке, по меньшей мере, неразумно стремиться отказаться от слова "негр". Это хорошее, сильное и здоровое слово, и оно должно жить. Оно должно быть покрыто славой: пусть этим занимаются негры.

[35] Journal of Ethnology, No. 7, p. 310.

[36] Pickering's Races of Men, pp. 185-89.

[37] Burckhardt's Travels, p. 341.

[38] Euterpe, lib. 6.

[39] Jeffries's Nat. Hist. of Human Race, p. 315.

[40] Types of Mankind, p. 259.

[41] Types of Mankind, p. 262.

[42] Даже в Африке обнаруживается, что негры обладают большой культурой. Говоря о Сего, столице Бамбара, мистер Парк отмечает: "Вид этого обширного города, многочисленные каноэ на реке, многолюдное население и культивированное состояние окружающей страны в целом создавали перспективу цивилизации и великолепия, которую я не ожидал найти в лоне Африки". См. "Путешествия Парка", глава ii.

Мистер Парк также добавляет, что население этого города, Сего, составляет около тридцати тысяч человек. В нем были мечети, и даже паромы занимались перевозкой людей и лошадей через Нигер.

[43] См. "Памятные послания компартии восточных Индийских провинций к императорам Японии", Амст., 1680; и Kaempfer.

[44] Wilkinson's Egypt, vol. iii. p. 340.

[45] Coleman's Mythology of the Hindus, p. 91. Доктор Уильям Джонс, т. iii., с. 377.

[46] Asiatic Researches, vol. vi. pp. 436-448.

[47] Heber's Narrative, vol. i. p. 254.

[48] Nat. Hist. of the Human Species, pp. 209, 214, 217.

[49] Asiatic Researches, vol. i. p. 427. Также Sir William Jones, vol. iii. 3d disc.

[50] Nat. Hist. Human Species, p. 126.

[51] Prichard, pp. 188-219.

[52] Матф. xxiii. 4.

[53] Discours sur la cause physique de la couleur des nègres.

[54] Земля и человек. Лекция x. pp. 254, 255.

[55] Blumenbach, p. 107.

ГЛАВА III.

ПЕРВОБЫТНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НЕГРОВ.

Древняя и высокая степень негритянской цивилизации.- Египет, Греция и Рим заимствуют у негров цивилизацию, которая сделала их великими.- Причины упадка и падения негритянской цивилизации.- Основание терминов "негр" и "африканец".

[Вернуться к оглавлению](#)

Справедливо предположить, что Бог дал всем расам человечества цивилизацию для начала. Это следует из известного характера Творца. До того как Ромул основал Рим, до того как Гомер воспел его, когда Греция находилась в зачаточном состоянии, а мир был совсем юным, "хриплый Мероэ" был главным городом негров вдоль Нила. Его частные и общественные здания, его рынки и площади, его колоссальные стены и потрясающие ворота, его великолепные колесницы и предупредительные лакеи, его изобретательный гений и зрелая ученость сделали его колыбелью цивилизации и матерью искусства. Это был царственный город Эфиопии, ведь его основали колонии негров. Через его открытые ворота длинные и непрерывные караваны, груженные золотом, серебром, слоновой костью, ладаном и пальмовым маслом, вливали богатства Африки во вместилище города. Знания этого народа, запечатленные в бессмертных иероглифах, стекали вниз по течению Нила и, подобно брызгам, распространялись по дельте этого освященного временем потока, мимо прекрасного и почтенного города Фивы - города ста ворот, еще одного памятника негритянского гения и цивилизации, более древнего, чем города дельты, - пока Греция и Рим не замерли перед древней славой Эфиопии! Гомеровская мифология позаимствовала свою суть у негритянских иероглифов; Египет позаимствовал свой свет у почтенных негров вверх по Нилу. Греция пошла в школу к египтянам, а Рим обратился к Греции за законом и наукой ведения войны. Англия двадцать веков копалась в Риме, чтобы научиться строить и сажать, создавать правительство и поддерживать его. Таким образом, цивилизация текла с Востока - места света - на Запад; от Востока к Западу. (Бог создал горы на востоке и западе Европы).

"Традиция повсеместно представляет первых людей спустившимися, правда, с высоких столовых земель этого континента; но именно на низких и плодородных равнинах, лежащих у их ног, с которыми мы уже знакомы, они впервые объединяются в естественные тела, в племена, с постоянными местами обитания, посвящают себя земледелию, строят города, занимаются искусством, - словом, образуют хорошо регулируемые общества. Традиции китайцев помещают первых прародителей этого народа на возвышенности, откуда вытекают великие реки: они изображают их продвижение, участок за участком, вплоть до берегов океана. Народ браминов спускается из областей Хиндо-Кху и Кашемира на равнины Инда и Ганга; Ассирия и Бактриана получают своих жителей со столовых земель Армении и Персии.

"Эти аллювиальные равнины, омываемые реками-близнецами, лучше, чем все остальные страны земного шара, способствовали тому, чтобы первые шаги человека, еще младенца, были легкими на пути к цивилизованной жизни. Богатая почва, на которой полноводные реки ежегодно разбрасывают плодородный суглинок, как в Египте, и на которой плуг почти бесполезен, настолько она подвижна и легко обрабатывается, теплый климат, наконец, обеспечивают жителям этих счастливых регионов обильные урожаи в обмен на легкий труд. Тем не менее,

конфликт с самой рекой и с пустыней, которая на берегах Евфрата, как и на берегах Нила и Инда, постоянно грозит вторгнуться на возделываемые земли, необходимость орошения, непостоянство времен года поддерживают прозорливость и дают начало полезным искусствам и наукам о наблюдении. Обилие ресурсов, отсутствие всяких препятствий, всякого разделения между различными частями этих обширных равнин, позволяют объединить огромное количество людей на одном и том же пространстве и способствуют образованию тех могучих первобытных государств, которые поражают нас величию своих пропорций.

"Каждое из них находит на своей земле все, что необходимо для блестящей демонстрации своих ресурсов. Мы видим, как эти народы быстро продвигаются вперед и достигают в самой далекой древности той степени культуры, живыми и славными свидетелями которой являются храмы и памятники Египта и Индии, а также недавно открытые дворцы Ниневии.

"Великие нации, таким образом, формируются отдельно в каждой из этих областей, ограниченных природой в естественных пределах. Каждая из них имеет свою религию, свои социальные принципы, свою цивилизацию. Но природа, как мы видели, разделила их; между ними мало сношений; социальный принцип, на котором они основаны, исчерпывается самим образованием того общественного состояния, которым они пользуются, и никогда не возобновляется. Им не хватает общей жизни: они не делятся друг с другом своими богатствами. С ними движение останавливается: все становится стабильным и стремится к неподвижности.

"Между тем, несмотря на своеобразную печать, наложенную на каждый из этих восточных народов природными условиями, среди которых они живут, они имеют, тем не менее, некоторые общие для всех великие черты, некоторые фамильные черты, которые выдают природу континента и период человеческого прогресса, к которому они принадлежат, благодаря чему они известны, с одной стороны, как азиатские, а с другой - как примитивные."[\[56\]](#)

Спрашивается, чем вызван упадок всей этой славы первобытного негра, почему этот народ утратил свое место в мировой истории? Идолопоклонство! Грех![\[57\]](#)

Века летели быстро, племена погибали, города поднимались и падали, и даже империи, чьей гордостью была их продолжительность, рухнули, в то время как Фивы и Мемфис стояли. И примечательно, что люди, построившие эти города, менее смертны, чем их творения. Несмотря на деградацию, беды и несчастья, опасности леса и пустыни, этот замечательный народ не был уничтожен. Они по-прежнему живут и множатся на земле. Несомненно, они были сохранены для какой-то мудрой цели, которая будет раскрыта в будущем.

Но, опять же, что послужило причиной падения негров с высокого уровня цивилизации? Это было забвение Бога, идолопоклонство! "Праведность возвышает народ, а грех позорит всякий народ".

Негритянские племена Африки так же сильно отличаются друг от друга по умственным, моральным, физическим и социальным качествам, как ирландцы, гунны, копты и друиды. Их местоположение на Темном континенте, их окружение и количество света, пришедшего к ним из внешнего мира, являются термометром их цивилизации. Называть всех африканцев неграми так же явно некорректно, как и американцев индейцами.

"Негритянские народы Африки сильно различаются по образу жизни и характеру, как душевному, так и телесному, в разных частях этого континента, в зависимости от того, что они существовали в разных моральных и физических условиях.

Иностранная культура, хотя и не в высокой степени, была привнесена среди населения некоторых регионов; в то время как от других она была отгорожена почти непроницаемыми барьерами, за которыми аборигены остаются уединенными среди своих гор и лесов, в состоянии инстинктивного существования, - состояние, из которого, как сообщает нам история, человеческие расы почти не выходили, пока их не подтолкнул какой-то импульс извне. Ни финикийская, ни римская культура, похоже, не проникла в Африку за пределы Атлантики и пустыни. Активность и энтузиазм распространителей ислама достигли большего. В плодородных низменных странах за Сахарой, орошаемых реками, которые спускаются на север с центральных нагорий, в Африке на протяжении веков существовало несколько негритянских империй, первоначально основанных магометанами. Негры этой части Африки - люди совершенно иного типа, чем черные языческие народы, живущие дальше к югу. Они переняли многие из искусств цивилизованного общества, подчинили себя правительствам и политическим институтам. Они занимаются сельским хозяйством, научились необходимым и даже некоторым декоративным искусствам жизни и живут в городах значительной величины; многие из них, как говорят, насчитывают десять тысяч и даже тридцать тысяч жителей, - обстоятельство, которое подразумевает значительное развитие промышленности и средств существования. Все эти усовершенствования были введены во внутренних районах Африки три или четыре столетия назад; и у нас есть историческое свидетельство, что в регионе, где сейчас преобладают торговля и сельское хозяйство, население до введения ислама состояло из дикарей, таких же диких и свирепых, как и туземцы, живущие дальше к югу, куда миссионеры этой религии никогда не проникали. Отсюда следует, что человеческое общество не было во всех частях Африки стационарным и непрогрессивным из века в век. Первый импульс к цивилизации был достигнут поздно, в силу местных обстоятельств, которые легко понять; но, когда он произошел, улучшение привело к улучшению, которое, возможно, пропорционально раннему прогрессу человеческой культуры в других более благоприятных регионах мира".[58]

Но в нашем исследовании африканских племен мы не будем ограничиваться тем классом людей, который известен как негры, а обратим внимание и на другие племена. И хотя в нашей стране все люди с видимой примесью негритянской крови считаются неграми, это технически неверно. Ведь настоящий негр был не единственным субъектом, проданным в рабство: очень многие из самых благородных представителей человечества в Африке через неопределенности войны попали в ужасы среднего пути и, наконец, на рисовые и хлопковые поля Каролины и Виргинии. Поэтому, говоря об этой расе в этой стране, в последующих главах я буду называть их *цветными людьми* или *неграми*.

ССЫЛКИ:

[56] Земля и человек, стр. 300-302.

[57] Примечательно, что отсутствие соли в пище восточных народов, особенно темных народов или рас, было очень пагубным. Африканский ребенок будет есть соль горстями, а

попробовав ее, будет плакать. Океан - это лоно природы, и Творец мудро задумал соль как аромат жизни, консервирующий элемент в пище человека.

[58] Физическая история человечества, т. ii. стр. 45, 46.

ГЛАВА IV.

НЕГРИТЯНСКИЕ КОРОЛЕВСТВА АФРИКИ.

Бенин: местоположение.- Открытие португальцами.- Введение католической религии.- Король как миссионер,- Его верность церкви, приобретенная белой женой.- Упадок религии.- Введение рабства.- Подавление торговли английским правительством.- Восстановление и мир.

ДАХОМЕЙ: местоположение.- происхождение королевства.- значение названия.- война.- захват английского губернатора и его смерть.- военные учреждения.- женщины как солдаты.- войны и их цели.- человеческие жертвы.- король-деспот.- его полномочия.- его жены.- полигамия.- наследование короля.- коронация.- гражданское и уголовное право.- система доходов.- будущее.

ЙОРУБА: расположение.- Рабство и его отмена.- Рост населения Абеокуты.- Миссионеры и учителя из Сьерра-Леоне.- Процветание и мир в народе.- Способность народа к цивилизации.- Епископ Кроутер.- Его влияние.

[Вернуться к оглавлению](#)

БЕНИН.

Огромная территория, простирающаяся от реки Вольта на западе до Нигера в Бенинском заливе на востоке, Атлантического океана на юге и гор Конг на севере, охватывает три могущественных негритянских королевства - Бенин, Дагомея и Йоруба. Из этой страны, как ни из какой другой части Африки, были проданы в американское рабство люди. Две или три сотни лет назад в Западной Африке существовало несколько очень могущественных негритянских империй. У них было социальное и политическое управление, и они, безусловно, были очень организованным народом. Но в 1485 году португалец Альфонсо де Авиро открыл Бенин, самую восточную провинцию, и почти сразу же началась работорговля. Довольно странно, что, когда де Авиро вернулся ко двору Португалии, его сопровождал посол от негритянского короля Бенина с просьбой о присутствии христианских миссионеров среди этого народа. Португалия заинтересовалась и отправила Фернандо По к Бенинскому заливу; тот, открыв остров, носящий его имя, поднялся по реке Бенин до Гатона, где основал португальскую колонию. Римская церковь подняла здесь свой штандарт. Братья Общества Иисуса, если и не обратили короля, то уж точно заставили его применить всю свою царскую власть к своим подданным, чтобы обратить их в католическую церковь. Он действительно заключил договор о переходе своих подданных в эту церковь! Но этот проницательный дикарь не просто так согласился взять на себя эту непосильную задачу. Ему нужна была белая жена. Он сказал миссионерам, что отдаст своих подданных в христианство за белую жену, и они согласились ее предоставить. Несколько священников были отправлены на остров Святого Фомы для поиска жены. На этом острове уже в то время было значительное количество белого населения. К сестрам был обращен настоятельный призыв рассматривать

это дело как долг перед святой Церковью. Это было представлено как миссионерское предприятие. После некоторого раздумья одна из сестер согласилась принять руку негритянского короля. Это был благородный поступок, за который она должна была быть канонизирована, но, как мы полагаем, так и не была.

Португальцы продолжали приезжать. Гатон рос. Миссионерка работала с желанием. Внимание уделялось сельскому хозяйству и торговле. Но климат был ужасен. Болезни и смерть настигали португальцев, как огненное дыхание тропической молнии. Они потеряли свое влияние на народ. Они наладили работорговлю, но церковь и рабовладельческий дворец с этим не согласились. Бесчеловечное обращение с людьми породило самые серьезные подозрения в искренности миссионеров. История дает нам итог религиозных усилий, которые были не от Бога. От римского католицизма в этой стране не осталось и следа, а последнее состояние этого народа еще хуже прежнего.

Работорговля вскружила головы туземцам. Их жестокие и ожесточенные сердца согласились на преступление - похищение людей. Они отвернулись от сельскохозяйственных занятий. Они оставляли свои рыболовные сети на берегу моря, свой скот без присмотра, свои деревни в запустении и шли воевать против своих более слабых соседей. Своих военнопленных они продавали работорговцам на побережье, которые в качестве огромного вознаграждения давали им ром и табак. Когда война не смогла вырвать из своих кровавых и безжалостных челюстей жертв, для которых был готов рынок, они обратились к двуличию, предательству и жестокости. "И злейшими врагами людей были их собственные домашние". Человека, заподозренного в колдовстве, быстро признавали виновным и приговаривали к рабству. Виновные и невинные часто разделяли одну и ту же участь. Вор, прелюбодей, престарелый человек были охвачены жадностью, пронизывавшей людей, и брошены в ад рабства.

В результате такого положения дел население истощилось, люди стали ленивыми и порочными, и в конце концов империю охватила политическая вражда. В результате возникли две провинции. Одна из них по-прежнему носит название Бенин, другая - Вари. Столица первой насчитывает около 38 000 жителей, а главный город и остров Вари - всего 16 000 человек.

Наконец-то Англия перешла к подавлению работорговли в этом месте. Вдоль этого побережья океан очень спокоен, что позволило ее флотам сталкивать суда с рабами и делать из них призы. Это оказало благотворное влияние на туземцев. Мир и спокойствие пришли как ангелы. Дух бережливости овладел людьми. Они занялись возделыванием полей и торговлей. На реке Бонни и вдоль других рек возникли большие и процветающие склады пальмового масла, а для экспорта одного-единственного товара - пальмового масла - требуется десяток или более судов. Нравы жителей не такие, какими они должны быть, но в целом за последние пятьдесят лет они значительно улучшились.

ДАХОМЕЙ.

Эта страна примыкает к Ашанти на западе и к Йоруба на востоке; она тянется от морского побережья на юге до гор Конг на севере. Его ширина составляет сто восемьдесят миль, а ширина - двести. Вайда - главный город на морском побережье. Рассказывают, что около двухсот семидесяти пяти лет назад Такудонс, вождь фойсов, осадил город Абомея. Он дал торжественную клятву богам, что если они помогут ему принудить город к капитуляции, то он построит дворец в честь победы. Ему это удалось. Он заложил фундамент своего дворца, а затем на нем разрыл недра Да. Он назвал это здание *Да-Оми*, что означает "живот Да". Он принял титул короля Дагомеи, который сохранился до наших дней. Соседние племена,

гордые и честолюбивые, захватили страну и с факелами и копьями разгромили Вайду и прилегающие места. Многие белые попали в их руки в качестве пленников; со всеми из них обращались с большим вниманием, кроме английского губернатора вышеупомянутого города. Они предали его смерти, поскольку, по их обвинению, он подстрекал и возбуждал народ Дагомеи к сопротивлению своему королю.

Это удивительный народ. Они настолько же жестоки, насколько хитры. Все население превращается в армию: даже женщины становятся солдатами. В армии короля Дагомеи можно найти целые полки женщин, и это лучшие пешие полки в королевстве. Они проходят строевую подготовку в установленные сроки, имеют офицерский состав и хорошо дисциплинированы. Армия настолько велика и постоянно участвует в хищнических набегах на соседние племена, что потребляющего элемента в ней больше, чем производящего. Цель этих набегов была тройной: добыть рабов для человеческих жертвоприношений, ежегодно поливать кровью жертв могилы своих предков и добывать человеческие черепа для мощения двора короля и украшения стен во дворце! После успешной войны пленников привозят в столицу королевства. На большой рыночной площади возводят большой помост, окруженный парашетом высотой около трех футов. Платформа сверкает богатыми одеждами, изысканными зонтами и всеми свидетельствами королевского богатства и великолепия, а также трофеями, взятыми в бою. Король занимает место в центре помоста в сопровождении своих невозмутимых жен. Пленники, ром, табак и каури готовы к тому, чтобы быть брошенными в толпу внизу. Они храбро сражались и теперь жаждут награды. "Накорми нас, король!" - кричат они, "накорми нас, король, ибо мы голодны!" И когда бедных пленников бросают толпе, их без церемоний отправляют на тот свет!

Но давайте отвлечемся от этой кровавой и варварской сцены. Король - самый абсолютный деспот в мире. Он является наследником всех своих подданных. Его считают полубогом. Запрещено указывать на то, что король ест, спит или пьет. Никому не позволено приближаться к нему, кроме его вельмож, которые на придворном пиру снимают с себя все свои нарядные одежды и, распростершись на земле, вползают в его королевское присутствие. Весь народ поочередно становится плаксивыми лизоблюдами вельмож. Каждый рядовой в армии стремится порадовать короля доблестью. Король - буквально монарх всего, чем он управляет. Он владеет землей и имеет в своем распоряжении все одушевленное и неодушевленное в своем королевстве. У него около трех тысяч жен.^[59] Каждый мужчина, желающий жениться, должен купить супругу у короля; и хотя система многоженства действует повсеместно в королевстве, подданный должен следить за тем, чтобы не обзавестись таким количеством жен, чтобы казалось, что он пытается соперничать с королем. Сильных женщин отдают на военную службу. Но реальное положение женщины в этом королевстве - рабство самого низменного типа. Она ничем не владеет. Она постоянно находится на рынке и живет в состоянии постоянного страха быть проданной. Когда король умирает, большое количество его жен приносят в жертву на его могиле. Этот факт вдохновляет их на то, чтобы хорошо заботиться о нем! В случае смерти короля трон занимает его брат, затем племянник и так далее. Инаугурация обычно длится шесть дней, и за это время в честь нового монарха приносятся в жертву сотни человеческих жизней.

Кодекс Дагомеи очень суров. Колдовство карается смертью, и в этом отношении старики Массачусетса позаимствовали у варваров. Прелюбодеяние карается рабством или внезапной смертью. Воров также продают в рабство. Измена, трусость и убийство караются смертью. Гражданский кодекс столь же сложен, сколь суров уголовный. Над каждой деревней стоит кабосер, аналог нашего мэра. Он может созвать суд, преклонив колено и поцеловав землю. Суд собирается, судит и осуждает преступника. Если это смертный

приговор, его передают человеку по имени Милган, или аналог нашего шерифа, который является главным офицером в штате. Если преступник приговаривается к рабству, его отдают майо, который по рангу уступает милгану, или примерно как наш ключница или тюремщик. Все приговоры должны быть переданы на утверждение королю, а все казни происходят в столице, где об этом оповещает глашатай на рыночных площадях.

Система доходов в этом королевстве деспотична. Большинство рабов, захваченных на войне, являются собственностью короля. Налог взимается с каждого человека или раба, вывозимого из королевства. Что касается внутренней торговли, то налог взимается с каждого предмета пищи и одежды. Организована таможенная служба, а сборщики налогов проникательны и требовательны.

Религия народа - идолопоклонство и фетиш, или суеверие. У них есть большие дома, где они поклоняются змеям; и так велико их благоговение перед рептилией, что если кто-то убьет сбежавшую, то будет наказан смертью. Но над их дикими и суеверными представлениями витает вечно присутствующее сознание Высшего Существа. Они редко упоминают имя Бога, да и то со страхом и трепетом.

"Поклонение Богу в абсурдном символе низших животных я не хочу защищать: но это все, на что способны эти бедные дикари; и разве это не менее нечестиво, чем говорить о Божестве с богохульной фамильярностью, как это часто делают наши неграмотные проповедники?"[60]

Но этот народ не находится в безнадежном состоянии деградации.

"Уэслианское миссионерское общество из Англии уже несколько лет имеет миссионерскую станцию в Бадагри, и не без некоторых важных и обнадеживающих признаков успеха..... Считается, что король сейчас более благосклонен к христианским миссиям, чем раньше".[61]

И мы говорим "Аминь"!

ЙОРУБА.

Это королевство простирается от морского побережья до реки Нигер, которой оно отделено от королевства Нуфи. Его территория больше, чем у Бенина или Дагомеи. Его главный морской порт - Лагос. В течение многих лет он был крупным работорговцем и отказался от торговли только под смертоносным натиском английских пушек. Его возможности для торговли были велики. Португальские и испанские работорговцы поселились здесь и, обучая туземцев обращению с огнестрельным оружием, упорно отстаивали свое прибыльное предприятие; но в 1852 году работорговля была прекращена, а рабовладельцы изгнаны с морского побережья. Место перешло под английский флаг, и в результате социальный порядок и деловая активность восстановились и оживились. Работорговля принесла огромные разрушения этому народу. Прошло около пятидесяти пяти лет с тех пор, как несколько слабых и слабых племен, уничтоженных работорговлей, бежали в Огун, ручей в семидесяти пяти милях от побережья, где они укрылись в пещере. Со временем к ним присоединились и другие племена, бежавшие перед бедствиями охотников за рабами. Общая опасность породила у них общность интересов. Поначалу они испытывали сильную нужду. Долгое время они жили ягодами, травами, кореньями и такими продуктами, которые природа давала им без денег и без цены; но, объединившись для защиты своих общих прав, они стали смелее и начали распространяться вокруг своих убежищ и заниматься сельским хозяйством. Стали появляться дома и деревни, пустыня расцвела, как роза. Наконец они

выбрали лидера - мудрого и рассудительного человека по имени Шодеке, и сто тридцать городов были объединены под единым правительством. В 1853 году, менее чем за поколение, слабый народ вырос до почти ста тысяч (100 000) человек, а в Абеокуте, названной в честь их пещеры, в настоящее время проживает около трехсот тысяч душ.

В 1839 году несколько цветных мужчин из Сьерра-Леоне, желая заняться торговлей, купили небольшое судно и зашли в Лагос и Бадагри. Они были рабами в этой стране и были увезены в Сьерра-Леоне, где получили христианское воспитание. Поэтому их визит был встречен с необычным интересом. Они узнали многих своих друзей и родственников и были приятно удивлены чудесной переменой, произошедшей за столь короткое время. Вернувшись в Сьерра-Леоне, они вдохновили своих соседей на коммерческие и миссионерские начинания. В течение трех лет пятьсот лучших цветных жителей Сьерра-Леоне отправились в Лагос и Бадагри на побережье, а затем по суше добрались до Абеокуты, где намеревались сделать свой дом. В этой компании благородных людей были купцы, механики, врачи, школьные учителя и священнослужители. Их народ боролся за освобождение от физического рабства: эти отважные миссионеры пришли, чтобы избавить его от интеллектуального и духовного рабства. Жители Абеокуты оказали миссионерам радушный прием. Колония получила новую кровь и энергию. На каждом шагу возвышались здания школ и церквей. Оживилась торговля, и даже сельское хозяйство получило более умелое внимание. Наступили мир и изобилие. Все вокруг озарялось солнечной улыбкой, многие племена были связаны золотыми нитями цивилизации и вместе пели свой *Te Deum*. Далекая Англия подхватила их песни о мире и прислала им сельскохозяйственные орудия, машины, христианских священников и учителей. Так что нигде на африканском континенте не найти столько обновленных семей, столько отвоеванных племен, таких значительных результатов активной христианской цивилизации.

Силы, которые привели в движение жителей Абеокуты, не были объективными, экзотерическими: в сердцах людей действовали субъективные, врожденные силы. Они были способны к цивилизации, жаждали ее; и первый луч света извне пробудил их дремлющие силы и показал им широкую дорогу, ведущую к вершинам свободы и пользы. То, что они искали этот путь с удивительной готовностью, мы имеем самые многочисленные свидетельства. Не все лидеры пришли из-за границы. Адгай, на языке йоруба, но Кроутер, на английском, был уроженцем этой страны. В 1822 году он был продан в рабство в порту Бадагри. Судно, которое должно было увезти его в "страну цепей и колодок", было захвачено британским военным кораблем и доставлено в Сьерра-Леоне. Здесь он попал под влияние христианских учителей. Он оказался одним из лучших учеников в своей школе. Он получил классическое образование, подготовился к служению, а затем поспешил вернуться в родную страну, чтобы нести Евангелие мира. Примечательно, что он нашел свою мать и нескольких сестер все еще "в желчи горькой и в узах беззакония". Сын и брат стали их духовными учителями и вскоре получили огромное удовлетворение, увидев их "одетыми, в здравом уме и сидящими у ног Иисуса". Его влияние было почти безграничным. Человек великолепных физических пропорций, - высокий, с прямым телом и мощной головой, стройный, с добрым взглядом, доброжелательным лицом, богатой каденцией голоса, - "черный епископ" Кроутер - это принц, который в любом месте привлек бы внимание культурных людей. Это человек выдающейся набожности, широкой учености и добрых дел. Он перевел Библию на язык йоруба, основал школы и направлял энергию своего народа с несравненным рвением. Его прекрасная и благотворная жизнь - аргумент в пользу возможностей негритянской мужественности, так долго страдавшей от обесчеловечивающего влияния рабства. Другие уловили вдохновение, которое сделало

жизнь епископа Кроутера "страшной, как армия со знаменами" для врагов Христа и человечества, и работают над тем, чтобы рассеять тьму этой страны ночи.

ССЫЛКИ:

[59] Король Дагомеи ограничен 3 333 женами! Вряд ли справедливо полагать, что его величество чувствует себя стесненным из-за неблагородного закона, ограничивающего число его жен.

[60] Дикая Африка, с. 51.

[61] Западная Африка, с. 207.

ГЛАВА V.

ИМПЕРИЯ АШАНТИ.

Ее местоположение и протяженность.- Ее знаменитые короли.- Происхождение ашанти неясно.- Война с Денкерой.- Ашанти против Поля завоевывают два королевства и присоединяют их.- Смерть Осаи Туту.- Зависть короля Дагомеи.- Вторжение короля Дагомеи в страну ашанти.- Его поражение разделяют его союзники.- Акваси преследует армию Дагомеи в ее собственной стране.-Получает смертельную рану и терпит унижительное поражение.-Король Дагомеи посылает королевскому куджоу свои поздравления.-Квамина низложен за попытку ввести магометанство в королевстве.-Ашанти побеждают магометан.- Большое количество войн.-Вторжение в страну Фанти.-Смерть сэра Чарльза Маккарти.- Договор.-Мир.

[Вернуться к оглавлению](#)

Королевство Ашанти расположено между горами Конг и обширной страной Фантис. Страна, которую занимали ашанти, сначала была очень маленькой, но в результате ряда блестящих завоеваний они в конце концов получили территорию в триста квадратных миль. Один из их самых известных царей, Осай Туту, в прошлом веке присоединил к Ашанти путем завоевания царства Сарем, Бунтуку, Варшава, Денкера и Аксим. О происхождении ашанти известно очень мало. Они были обнаружены в начале XVIII века в большой долине между горами Конг и рекой Нигер, откуда их вытеснили мавры и магометанские негры. Они сменили лук на огнестрельное оружие и вскоре стали воинственным народом. Осай Туту вел отчаянную борьбу с королем Денкера, в которой последний был убит, его армия разгромлена, а большое количество добычи попало в руки победоносных ашанти. Царь Аксима невольно объединил свои силы с войсками попавшего в затруднительное положение Денкеры и, вновь втянув ашантидов в бой, понес большие потери и был обращен в бегство. Он был вынужден принять самые жесткие условия мира, выплатить королю ашанти четыре тысячи унций золота на покрытие военных расходов и сделать свою территорию даннической для завоевателя. В одной из последующих битв Осай Туту был застигнут врасплох и убит. Его придворные и жены были взяты в плен вместе с большим количеством товаров. Это разъярило ашанти, и они отомстили жителям Кроманти, устроившим катастрофическую засаду. Однако им не удалось вернуть тело убитого короля, зато удалось захватить многих его приближенных и многочисленных врагов, которых они принесли в жертву мане своего мертвого короля в Кумаси.

После смерти благородного Осаи Туту среди его последователей начались разногласия. Племена и королевства, которые он привязал к своей победоносной колеснице, начали отстаивать свою независимость. Дело всей его жизни начало рушиться. Начались беспорядки, и, когда несколько честолюбивых вождей убедились, что трон Ашанти требует ума и мужества, они с радостью проложили путь к коронации Осаи Опоко, брата покойного короля. Он оказался на высоте существующего положения дел. Он показал себя государственным деятелем, воином и мудрым правителем. Он организовал армию и лично выступил на поле боя против восставших племен. Он отвоевал все потерянные провинции. Он победил своего самого доблестного врага, короля Гамана, загнав его в горы Конг. Когда его завистливые приближенные пытались свергнуть его с помощью заговора, он победил их призывом к оружию. Его правление принесло самые долговременные и благотворные результаты. Он умер в 1742 году, и ему наследовал его брат, Осай Акваси.

Слава и воинская доблесть королей Ашанти неслись с каждым дуновением ветра, о них рассказывал каждый беглец. Вся страна была поражена чудесными достижениями этого народа, и не мало зависти испытывали соседние народы. Королю Дагомеи особенно захотелось унижить этот народ в бою. В конце концов этот дух проявился во вражде, обвинениях, жалобах и, впоследствии, в настоящих военных действиях. Король Дагомеи считал, что у него есть только один соперник - король Ашанти. Он был уверен в победе благодаря численности, духу и дисциплине своей армии. В это время она бездействовала, и ей было приказано отправиться к границе Ашанти. Первое сражение произошло возле Вольты. Королю Дагомеи удалось заключить союз с армиями Каваку и Бурони, но доблесть и мастерство ашанти оказались слишком велики для вторгшихся армий. Если бы король Акваси просто сохранил оборонительную позицию, его победа была бы прочной; но, обрадованный успехом, он невольно преследовал врага за Вольтой и перенес войну в королевство Дагомея. Войска сражаются с большим отчаянием в своей собственной стране. Армия Ашанти получила удар по незащищенным флангам, ее великолепные роты кабосеров пали перед бесстрашными амазонками. Обратно к Вольте, пограничной линии между двумя империями, бежали разбитые ашанти. Акваси получил смертельную рану, от которой скончался в 1752 году, когда на трон вступил его племянник Осай Куджох.

Три брата держали скипетр над этой империей, но теперь он перешел к другому поколению. Новый король был достоин своего прославленного рода. После того как закончились дни траура по его царственному дяде, перед тем как он вззошел на трон, несколько провинций взбунтовались. Он сразу же выступил в поход, покорил непокорных подданных и заставил их платить тяжелую дань. Завоевав другие провинции, он привел в ужас соседние племена, пока перед его непобедимой армией не открылся беспрепятственный путь через всю страну к мысу Пальмас. Его слава росла с каждым военным маневром, и каждый год ознаменовывался новыми триумфами. В сердце короля Дагомеи за завистью последовала преданность, и к могущественному Куджоху было отправлено большое посольство, поздравлявшее его с военными успехами и желавшее заключить дружественный союз между двумя правительствами. Мир был восстановлен, армии Ашанти в значительной степени превратились в сельскохозяйственные общины, и наступило великое процветание. Но король Куджох старел на службе своему народу, и, поскольку он уже не мог уделять личное внимание государственным делам, в некоторых отдаленных провинциях возникли разногласия. С ослабленным зрением и слабым здоровьем он все же вывел армию в поле, чтобы наказать непокорные племена; но перед началом операций он умер. Его внук, Осай Квамина, был назначен законным преемником трона в 1781 году. Он дал торжественную клятву, что не войдет во дворец, пока не получит головы Акомброха и Афоси, которые, как он знал, возбудили и подстрекали народ к восстанию против его деда. Его месть была быстрой

и полной. Головы вождей мятежников долгое время хранились в Хунтасе как высоко ценимые реликвии правления короля Квамины. Однако его правление было недолгим. Он был свергнут с престола за попытку ввести в королевстве магометанскую религию. Осай Апоко был коронован как его преемник в 1797 году. Армии Гамана и Конго присоединились к падающей судьбе свергнутого короля и вступили в борьбу за его потерянную корону. Дело было проиграно. Новый король умел как владеть мечом, так и носить корону. Он умер от мучительной болезни, и в 1800 году его сменил сын, Осай Туту Квамина.

Новый король был совсем юн - ему было всего семнадцать лет; но он унаследовал великолепные качества от целой расы прекрасных правителей. Он реорганизовал свои армии и рано завоевал репутацию храбреца, проникательного человека и обладателя прекрасных способностей, необычных для столь юного возраста. Он унаследовал горькое чувство против магометан и решил наказать двух их вождей, Гофана и Гобаго, и сделать территорию Банны данником Ашанти. Он вторгся в их страну и сжег их столицу. В сражении при Кахе вся мусульманская армия была разбита и взята в плен. Король Гофана был ранен, попал в плен и умер в лагере ашантийской армии. Еще две провинции были привязаны к трону Квамины; и мы утверждаем, что это историческая аномалия, когда языческий народ покорила армию, на знамени которой была изображена вера в *единого Бога!*

Империя Ашанти достигла зенита своей славы. Ее флаг триумфально развевался от Вольты до Боссумпеи, а горы Конг отражали подвиги ветеранов, составлявших мощь ее армии. Покоя, которого жаждал даже этот нецивилизованный народ, ему не дал один прискорбный случай.

Асим был провинцией, подчиненной империи Ашанти. Два вождя Асима стали непокорными, нанесли обиду королю, а затем бежали в страну фантисов, одного из самых многочисленных и могущественных племен на Золотом Берегу. Фантисы обещали беглецам вооруженную защиту. В те времена не существовало договора об экстрадиции. Король отправил дружественных посланников, которым было поручено изложить проступки провинившихся подданных и потребовать их возвращения. Просьба была с презрением отклонена, а посланцы подверглись мучительной смерти. Царь Ашанти вторгся в страну врага и разгромил объединенные силы Фанти и Асима. Он снова сделал им предложение о мире и был уверен, что оно будет принято. Но разбитая армия собиралась с силами для новой битвы, хотя Чиббу и Апонти сообщили королю, что условия мира приемлемы. Король отправил посольство, чтобы узнать, когда состоится официальное подчинение, и они тоже были преданы смерти. Король Осай Туту Квамина принес "*великую клятву*" и поклялся, что никогда не вернется с места войны и не войдет в свою столицу без голов мятежных вождей. Армия ашанти разделила отчаянные чувства своего вождя, и началась война, которая по жестокости и кровавым расправам не имеет себе равных в анналах мировой истории. Пастбищные общины, хутора, деревни и города захлестнули красные волны безжалостной войны. В бою не было пощады: днем не брали пленных, а с наступлением ночи их избавляли от мучительной смерти. Их стоны, смешиваясь с криками победителей, делали темноту вдвойне отвратительной; и кровь побежденной армии, находившейся на небольшом расстоянии, стыла при мысли о вероятной судьбе, которая ожидала их на следующий день. Старики и старухи, юноши и девушки, резвящиеся дети, чьи легкие сердца не знали печали, а также невинные младенцы, прижавшиеся к взволнованным грудям своих матерей, - неспособные отличить друга от врага, - ощутили на себе жестокий удар войны. Все они были согнаны в негостеприимную могилу в том месте, где роковая рука войны сделала их своими жертвами, или погибли в угрюмых водах Вольты. На протяжении почти ста миль "дым их мучений" поднимался в небо. В тылу армии Ашанти не осталось ничего, даже скота и

построек. Преследуемые бесстрастным и беспристрастным бедствием, потерявшие сознание фанти и их испуганные союзники повернулись лицом к морскому побережью. Почему? Возможно, у этой бегущей армии было что-то вроде суеверной веры в то, что море может им помочь. Кроме того, они знали, что на Золотом Берегу много англичан, что у них есть крепости и войска. Они также верили, что молодой король ашантидов не пойдет за своим врагом под британским флагом и с пушками. Они ошиблись. Два мятежных вождя укрылись в форте Анамабо. Неустрашимый король с громом обрушился на ворота английского форта. Над деревней пронеслось жаркое дыхание битвы. Тысячи людей погибли перед этой непобедимой армией. Английские солдаты осыпали колонны наступающей армии горячими выстрелами и мушкетами, но они шли к победе с невозмутимым спокойствием, достойным *"старой гвардии"* под командованием Нея при Ватерлоо. Подготовка к взрыву стен форта была завершена, и прошло бы всего несколько часов, и король Ашанти занял бы кресло губернатора, если бы англичане не капитулировали. Во время переговоров один из обиженных вождей сбегал в маленькую деревушку под названием Кейп-Кост, но другой был выдан и, будучи доставлен обратно в Кумаси, был замучен до смерти. Двенадцать тысяч человек пали в сражении при Анамабо, и тысячи жизней погибли в других столкновениях. Это произошло в 1807 году.

В 1811 году король Ашанти послал отряд в Эльмину, чтобы защитить своих подданных от хищных банд фанти. Произошло три или четыре сражения, в которых неизменно побеждали войска ашанти.

У варваров примерно такая же долгая память, как и у цивилизованных рас. Это добросердечные люди, но очень опасные и уродливые, когда им дают понять, что их обидели. *"Великая клятва"* значит очень много; и королю было неприятно думать, что один из наглых вождей нашел убежище в городе Кейп-Кост, который находится в стране фанти. Поэтому в 1817 году он вторгся в эту страну и, остановившись в Кейп-Косте, довел это место до состояния осады. Английские власти видели, как фанти умирали у них на глазах, и заплатили штраф, наложенный королем Ашанти, вместо того чтобы хоронить мертвых жителей осажденного города. Ашанти отступили.

Англия стала обращать внимание на ашанти. Они показали себя самым героическим, умным и агрессивным народом. Между ними и морским побережьем лежал Фантис. Частые вторжения в эту страну в исправительных целях, как считали ашанти, очень сильно мешали торговле на побережье, и Англия начала это чувствовать. Англичане уже однажды потерпели поражение в попытке помочь фантисам, и теперь сочли разумным обратить внимание на мирную политику, стремясь установить дружеские отношения между ашанти и собой. Между двумя правительствами никогда не было никаких неприязненных отношений, за исключением названного случая. Ашантиды, скорее, испытывали очень добрые чувства к Англии, и по благоразумным и коммерческим причинам хотели относиться к властям на побережье с большим вниманием. Они знали, что англичане дают им рынок для сбыта своего золота и возможность приобретать необходимые им промышленные товары. Но фантисы, находясь под английским флагом и получая арендную плату за землю, на которой англичане разместили свой форт и правительственные здания, стали так нетерпимо относиться к своим соседям, ашанти, что англичане не видели перед собой ничего, кроме бесконечной войны. Они хотели по возможности избежать ее. Поэтому они отправили к королю ашантидов посольство, состоявшее из губернатора Джеймса из форта в Акре, мистера Боудича, племянника главного губернатора в Кейп-Косте, мистера Хатчинсона и хирурга английского поселения доктора Теддли. Мистер Боудич возглавил посольство к королевскому двору, где они были любезно приняты. Был заключен договор. Арендная

плата, которую Фантис получал за землю, занятую англичанами - четыре унции золота в месяц, - должна была выплачиваться королю Ашанти по праву завоевания. Между двумя правительствами должны были быть установлены дипломатические отношения, а мистер Хатчинсон должен был остаться в Кумаси в качестве британского министра-резидента. Ему поручалось выполнить все пункты договора, которые касались его правительства. Договор сразу же был передан правительству страны, а мистер Дюпюи был назначен консулом правительства Его Величества при дворе Ашанти. Была намечена политика, которая подразумевала открытие торговли с отдаленными провинциями империи Ашанти вдоль Конгских гор. В те времена путь из Англии до Золотого берега в Западной Африке занимал много времени; и прежде чем консул Дюпюи достиг побережья, король Ашанти вступил в войну с королем Гамана. Армия Ашанти была разгромлена. Весть об этом бедствии была встречена фанти на побережье самыми бурными и публичными демонстрациями. Это вызвало недовольство короля Ашанти. Британские власти отнеслись к поведению фанти, хотя по торжественному договору они несли ответственность за их поведение. Фантисы стали очень грубыми и оскорбительными по отношению к ашанти. Король последних обратил внимание властей на мысе на поведение фантисов, но никаких официальных мер принято не было. Тем временем господину Дюпюи не позволили отправиться с миссией в столицу ашанти. Ситуация стала принимать угрожающий характер, и только после самой убедительной просьбы ему было разрешено отправиться во дворец короля Ашанти. При дворе ему был оказан радушный прием, и его развлекали с особой щедростью. После долгих и кропотливых размышлений было принято решение о заключении взаимоприемлемого договора, но самодовольная и чванливая наглость британских властей на побережье отправила его в мусорную корзину. Командующий британской эскадрой поставил себя в один ряд с местными властями и отказался предоставить консулу Дюпюи перевозку в Англию уполномоченных правительства Ашанти, которых он доставил на побережье с намерением взять с собой в Лондон.

Собиралась военная туча. Дюпюи видел это. Он послал королю ашанти весточку, чтобы тот вспомнил свою клятву и воздержался от военных действий до тех пор, пока не сможет связаться с британским правительством. Договор предусматривал признание британскими властями власти короля ашанти над фанти. Только те, кто находился непосредственно вокруг форта, подчинялись английским законам, и то не в той степени, чтобы освободить их от налогов, налагаемых властями ашанти.

В разгар этих осложнений парламент специальным актом отменил хартию Африканской компании. В результате все ее форты, арсеналы и станции перешли под непосредственный контроль короны. Сэр Чарльз Маккарти был назначен генерал-губернатором британских владений на Золотом Берегу и занял штаб-квартиру в Кейп-Косте в марте 1822 года. Прошло уже два месяца с тех пор, как Дюпюи отплыл в Англию; ни слова не дошло до посланника короля, который все это время ждал вестей из Англии. В стране царила неустроенность. Гов Маккарти не справился с ситуацией. Он стал легкой жертвой лживых Фантисов. Они приняли его как защитника своей падающей судьбы и сделали все, что было в их силах, чтобы создать у него недружелюбное мнение об ашантидах. Король ашантидов начал терять веру в англичан. Его верный гонец вернулся с побережья, не принеся никаких дружественных вестей. Король отвел свои войска от побережья и начал приводить армию в боевую готовность. Когда все было готово, сержанта-негра, состоявшего на британской службе, схватили и предали мучительной смерти. Это стало сигналом к торжественному открытию. Конечно, британцы должны были потребовать возмещения ущерба. Разведчики фантисов

сообщили сэру Чарльзу Маккарти, что король Ашанти во главе своей армии движется к Кейп-Косту. Сэр Чарльз собрал свои силы и отправился дать ему бой. Его целью было сразиться с королем на расстоянии от мыса и тем самым не дать ему опустошить всю страну, как это было в прежних войнах. Сэр Чарльз Маккарти был храбрым человеком, достойным старой Англии, но в данном случае его храбрость была безрассудной. Он переправился через реку Прах, чтобы встретить хитрого и отчаянного врага. Его войска состояли из никчемных туземцев, собранных наспех, и были опьянены надеждой на избавление от власти ашанти. Ему следовало дожидаться обученных войск майора Чисхолма. Это стало его роковой ошибкой. Его пикеты настигли врага рано утром 21 января 1824 года. Последовала оживленная перестрелка. Через некоторое время послышались громкие боевые рожки наступающих ашанти, и завязалась общая схватка. Первый бой начался вдоль мелкого ручья. Ашантиды наступали с мужеством и размеренным шагом хорошо дисциплинированной армии. Они предприняли хорошо направленную атаку, чтобы перебраться на противоположный берег ручья, но были отбиты великолепным штыковым ударом войск сэра Чарльза. Затем ашантийцы переправились через ручей выше и ниже британской армии и с таким отчаянием обрушились на ее обнаженные фланги, что она согнулась в форме буквы А и в ужасе отступила к Кейп-Косту. Раненый и обессиленный, к вечеру сэр Чарльз бежал со своей открытой позиции к войскам своих союзников под командованием короля Денкеры. Он сосредоточил свою артиллерию на самых тяжелых колоннах противника, но они все равно наступали, не останавливаясь, обрушиваясь на центр, как лавина. Сэр Чарльз попытался отступить со своим штабом, но мгновенно погиб от рук ашанти. Его голову отделили от тела и отправили в Кумаси. Его сердце съели вожди армии, чтобы они могли проникнуться его мужеством, а плоть высушили и выдали небольшими порциями линейным офицерам с той же целью. Его кости хранились в столице королевства Ашанти как национальный фетиш.^[62]

Майор Чисхолм и капитан Лаинг, узнав о катастрофе, которая едва не поглотила армию сэра Чарльза, отступили к Кейп-Косту. Там оставалось около тридцати тысяч солдат, но они были так напуганы катастрофой дня, что их не смогли склонить к выступлению против доблестных ашанти. Король Ашанти, вместо того чтобы последовать за разбитой армией к воротам Кейп-Коста, где он мог бы нанести ей смертельный удар, предложил англичанам условия мира. Капитан Рикеттс встретил посланцев ашанти в Эльмине и услышал от них дружеские послания короля. Ашанти хотели, чтобы англичане сдали только Куджоха Чиббу из провинции Денкера; но этот беглец от короля ашанти, пока шли переговоры, решил собрать союзные армии и сделать смелый ход. Он перешел Прах во главе значительного войска и обрушился на армию Ашанти в ее лагере. Англичане были очарованы этим смелым ударом и послали резервные силы, но вся армия была вновь разбита ашанти и в полном смятении вернулась в Кейп-Кост.

Армия ашанти была у ворот города. Полковник Саутерленд прибыл с подкреплением, но был отбит в форт благодаря непреклонному мужеству атакующих. Новый король, Осай Оккоте, прибыл со свежими войсками и завоевал доверие армии, пройдя прямо под британскими пушками и бросив вызов в лицо врагу. Последовавший за этим конфликт был тяжелым и разрушительным как для жизни, так и для имущества. Все туземные и британские войска были вынуждены отступить в форт, а войска ашанти, вдохновленные лихой поступью своего нового короля, сомкнулись вокруг них, как языки стали. Армию вторжения не испугали пушки, из которых вылетали батальон за батальоном. Они шли вперед, чтобы отомстить и победить. Крики теряющих сознание женщин и испуганных детей, стоны умирающих и горькие проклятия отчаянных бойцов - все это смешалось в великом диапазоне шумной битвы. Взоры осажденных были обращены к заходящему солнцу, чей огромный диск,

опираясь на далекие горы, заливал своим красно-багровым светом сумрачные лица мертвых ашанти и фанти, и, придав на мгновение красоту чертам мертвых белых мужчин, павших так далеко от дома и друзей, он погружался в покой. В глазах нетерпеливого матроса, одиноко сторожившего покоящееся в море судно, была печаль, устремленная вдаль. Ночь была желанной, молитвенной, тоскливой. Наконец она наступила и раскинула свои широкие соболиные шестеренки над мертвыми, умирающими и живыми. Утром военные действия должны были возобновиться, но среди солдат вспыхнула оспа, и король Ашанти удалился.

Генерал-губернатором в Кейп-Косте был назначен сэр Нил Кэмпбелл. Одним из первых его действий было созвать всех вождей фанти и дать им понять, что военные действия между ними и королем Ашанти должны быть прекращены. Затем он потребовал от Осаи Окото внести четыре тысячи унций золота (72 000 долларов) в качестве залога за сохранение мира. В случае если он спровоцирует военные действия, семьдесят две тысячи долларов должны были быть использованы для покупки боеприпасов, с помощью которых его можно будет наказать. В 1831 году король был вынужден отправить двух членов своей королевской семьи, Кванта Миссаха, своего собственного сына, и Ансаха, сына покойного короля, в качестве заложников. Этих мальчиков отправили в Англию, где они получили образование, но сейчас живут в Ашанти.

Варшава и Денкера, внутренние провинции, были потеряны для империи Ашанти, но, тем не менее, она по-прежнему остается одной из самых могущественных негритянских империй Западной Африки.

Король Ашанти имеет справедливое правительство. Его власть почти абсолютна. У него есть палата лордов, которые обладают контрольной властью. Кумасси - знаменитый город золота, расположенный в центре империи. Сообщение с морским побережьем беспрепятственно, и весьма примечательно, что ашанти - единственный народ в Африке, который, живя во внутренних районах, имеет прямое сообщение с Кавказом. Они ощутили на себе несколько возвышающее влияние магометанства и не забывают о пользе, которую приносит им литература и общение с внешним миром. Это замечательный народ: храбрый, щедрый, трудолюбивый и умственно способный. Не за горами тот день, когда королевство Ашанти будет завоевано Спасителем, а его жители попадут под благотворное влияние христианской цивилизации.

ССЫЛКИ:

[62] Следующая телеграмма шокирует цивилизованный мир. Она дает понять христианам цивилизованного мира, что в миссионерском смысле они не выполнили своего долга перед "народами, живущими за гранью", которые пребывают во тьме и тени смерти.

"Резня девиц". Лондон, 10 ноября 1881 г. Из замка Кейп-Кост сообщают, что король Ашанти убил двести молодых девушек, чтобы использовать их кровь для смешивания раствора при ремонте одного из государственных зданий. Сообщение об этой резне было получено от беженца, выбранного для одной из жертв. Известно, что такие массовые убийства были в обычае у короля" -Cinn. *Commercial*.

ГЛАВА VI.

ТИП НЕГРА.

Климат как причина.- Его географический театр.- Он восприимчив к христианству и цивилизации.

[Вернуться к оглавлению](#)

Если читатель обратится к карте Африки, то обнаружит, что Горы Луны^[63] проходят прямо через центр этого континента. Они делят Африку на две почти равные части. В диалектическом смысле Африка также разделена. Лунные горы, идущие на восток и на запад, кажутся природой разделительной линией между двумя разными народами. К северу от этих удивительных гор языки многочисленны, совершенно различны и не имеют родства. Веками эти племена жили в одних и тех же широтах, под одними и теми же климатическими влияниями и, не имея письменного стандарта, сохранили идиоматическую окраску своего племенного языка, не испортив его. Таким образом, они избежали участи, постигшей все другие расы, которые, не имея письменности, живя вместе по законам родства, рано или поздно обрели единый язык, столь же неизбежный, сколь и необходимый.

Но если двигаться к югу от Лунных гор, пока мы не достигнем мыса Доброй Надежды, можно обнаружить одну большую семью. Разница между северными и южными племенами не только языковая. Физиологические различия между этими людьми очень велики. Их цвет кожи варьируется от мертвенно-черного до чисто белого, и от карликов на берегах Каземанша до высокого и гигантоподобного племени вей на мысе Маунт.

"Фаны, обитающие на горных террасах, совершенно не похожи на приморские племена. Их волосы длиннее: у женщин они свисают длинными косами до плеч, а у мужчин довольно длинные двуконечные бороды. Среди прибрежных племен невозможно найти такие длинные волосы даже в единичном экземпляре.

"На низких, болотистых землях в устье Конго можно встретить типичных негров; и там же, по мере продвижения к более высокой почве, можно обнаружить другой класс людей.

"Ангольцы похожи на фула. Они почти никогда не бывают черными. Их руки и ноги изысканно малы; и во всех отношениях они составляют контраст с рабами португальцев, которые в большинстве своем привезены из Конго, жестоки и развратны.

"Я разделил Африку на три больших типа: эфиопский, промежуточный и негритянский. Таким же образом негры могут быть разделены на три подкласса:.

"Класс бронзового цвета: изящно сложенные, с женственными чертами лица, маленькими руками и ногами, длинными пальцами, умными мыслями, обходительными и изысканными манерами. Таковы мпонгве из Габуна, ангольцы, фанти с Золотого берега и, скорее всего, хаусса с Нигера, племя, с которым я не знаком.

"Класс чернокожих: атлетическое телосложение, грубые манеры, меньший интеллект, но всегда с некоторыми хорошими способностями, более толстые губы, более широкие носы, но редко прогнатичные в какой-либо значительной степени. Таковы воллоф, кру-мен, бенга из Кориско и кабинда из Нижней Гвинеи, которые

нанимаются моряками в Конго и Анголе точно так же, как и кру-мены из Северной Гвинеи.

"Наконец, типичные негры: исключительная раса даже среди негров, чей отвратительный тип нет необходимости описывать заново. Они встречаются главным образом на побережье между Каземаншем и Сьерра-Леоне, между Лагосом и Камеронами, в болотах Конго, а также на некоторых болотистых равнинах и в горных впадинах внутренних районов".[64]

То, что климат имеет большое влияние на физический и психический характер, нам не придется доказывать. Это факт, столь же хорошо установленный, как и любой другой принцип в патологии. Доктор Джозеф Браун говорит

"Замечено, что уроженцы болотистых районов, которые постоянно проживают в них, теряют всю свою телесную и психическую конституцию, загрязненную ядом, который они вдыхают. У них бледный и преждевременно старческий вид, так что дети часто морщинистые, их мышцы дряблые, волосы всклокоченные и часто бледные, живот опухший, рост низкий, а интеллектуальный и моральный характер низкий и деградирующий. Они редко достигают того возраста, который в более благополучных регионах считался бы старостью. В болотистых районах некоторых стран, например, в Египте, Джорджии и Вирджинии, крайний срок жизни, как утверждается, составляет сорок лет, в последнем месте..... В частях Бретани, примыкающих к Луаре, крайняя продолжительность жизни составляет пятьдесят лет, в этом возрасте житель носит вид восьмидесятилетнего человека в более здоровом районе. Замечено, что низшие животные и даже овощи испытывают общее лишение; они чахлые и недолговечные".

В своей книге "Земля Ашанго" Поль Б. дю Шайю посвящает большую часть пятнадцатой главы обонго, или карликам. Почти все африканские исследователи и путешественники были поражены разнообразием цвета кожи и роста среди племен, с которыми они встречались. Это разнообразие физического и психического характера обязано своим существованием разнообразию и извращенности африканского климата.

Негр, составляющий лишь малую часть бесчисленных коренных рас Африки, был низведен до своего низкого положения непобедимыми силами природы. Вдоль древних вулканических массивов можно встретить представителей ливийской расы, имеющих смуглый цвет лица, вполне европеоидные черты и длинные черные волосы. На песчаниках встречаются представители промежуточного типа, несколько темнее своих прародителей, губы толстые, а ноздри широкие у основания. Затем в аллювии спускается негр с темной кожей, шерстяными волосами и прогнатическим развитием.

"Негры образуют исключительную расу в Африке. Он населяет огромные болотистые земли, лежащие между горами и морем, от Сенегала до Бенгуэлы, а также низменные земли восточной стороны. Его можно встретить в районе озера Чад, в Сеннааре, по болотистым берегам рек и в некоторых других изолированных местах".[65]

Настоящий негр обитает в Северной Африке. Когда его страна, о которой мы совершенно ничего не знаем, была заселена, кочевая часть населения перебралась на горные террасы и, спустившись в болота, деградировала телом и разумом.

С технической точки зрения, мы не считаем негра отдельным видом.

"Несомненно, что шерстяные волосы, прогнатическое развитие и глубокий черный цвет кожи типичного негра не свойственны африканскому континенту".[66]

Негр встречается в низменных, болотистых и малярийных районах. Мы считаем, что негры производятся по нисходящей шкале. Можно наблюдать, как африканец, спустившийся из горных районов в миазматические, теряет рост, цвет лица, волосы и интеллектуальную энергичность: в конце концов он становится негром. С точки зрения патологии, он слаб, болезнен и недолговечен. Его ноги стройны и почти без копыт: голова развита в направлении страстей, а вся форма лишена симметрии.

"Понятно, что типичные негры, которыми снабжают работорговцев, представляют опасные, обездоленные и больные классы африканского общества. Их можно сравнить с теми, кто в Англии заполняет наши тюрьмы, наши рабочие дома и наши больницы. Они отнюдь не равны нам, полированным жителям Европы, как полагают некоторые невежественные люди, они неизмеримо ниже самих африканцев,

"Типичный негр - настоящий дикарь Африки; и я должен нарисовать деформированную анатомию его ума, как я уже сделал это для его тела.

"Типичные негры живут в мелких племенах, где все равны, кроме женщин, которые являются рабынями; где собственность общая, и где, следовательно, нет никакой собственности вообще; где можно распознать утопию философов и наблюдать самые печальные и низменные зрелища, которые может позволить себе человечество.

"Типичный негр, не сдерживаемый моральными законами, проводит свои дни в лени, а ночи в разврате. Он курит гашиш, пока не одурманит свои чувства или не впадет в конвульсии; он пьет пальмовое вино, пока не подхватит отвратительную болезнь; он издевается над детьми, закалывает бедную грубую женщину, чьи руки спасают его от голодной смерти, и торгует своим собственным потомством. Он поглощает свою молодость в преждевременном пороке; он тянет с болезнями до самой старости, и его запоздалая смерть ускоряется теми, кто больше не заботится о том, чтобы найти ему пищу..... Если вы хотите узнать, какими они были и какими мы можем их восстановить, посмотрите на портреты, сохранившиеся от древних египтян: и в этих нежных и сладострастных формах, в этих круглых, мягких чертах лица, в этих длинных, миндалевидных, полузакрытых, томительных глазах, в этих полных надутых губах, больших улыбающихся ртах и цвете лица теплого и медного оттенка, - вы узнаете истинный африканский тип, женщин-мужчин Старого Света, для которых негры - основа, развращенная карикатура".[67]

Но негр не находится вне влияния цивилизации и христианизации. Сотни тысяч погибли в жестоких болотах Африки; сотни тысяч были сожраны дикими зверями в лесах; сотни тысяч погибли перед стойкими и убийственными колоннами более сильных племен; сотни тысяч погибли от лихорадки, оспы и кожных болезней; сотни тысяч были проданы в рабство; сотни тысяч погибли в "среднем пути"; сотни тысяч были высажены в этом Новом Свете на Западе: и все же сотни тысяч все еще копошатся в низких и болотистых землях Западной Африки. Как бы ни был беден этот материал, из него мы сделали здесь, в Соединенных Штатах, шесть миллионов граждан; и из этого бросового материала Африки Бог воспитал много детей.

Для честного студента, изучающего этнографию, должно быть неоспоримым, что негр - это лишь наиболее деградировавший и изуродованный тип первобытного африканца. И все же, несмотря на все свои бесконечные беды и несчастья, негр на западном побережье Африки, в Либерии и Сьерра-Леоне, а также в южной части Соединенных Штатов, показывает, что века

дикости и рабства не лишили его всех элементов мужественности. История предоставляет нам многочисленные и конкретные доказательства его способности к цивилизации и христианизации. Об этом мы подробно поговорим в одной из следующих глав.

ССЫЛКИ:

[63] См. "Карту Африки" Кита Джонсона, 1863.

[64] Savage Africa, pp. 403, 404.

[65] Savage Africa, p. 400.

[66] Savage Africa, p. 412.

[67] Savage Africa, p. 430.

ГЛАВА VII.

АФРИКАНСКИЕ ИДИОСИНКРАЗИИ.

Патриархальное правление.- Строительство деревень.- Архитектура негров.- Выборы королей.- Церемония коронации.- Престолонаследие.- Африканские королевые.- Закон, гражданский и уголовный.- Священники.- Их функции.- Брак.- Военное дело.- Сельское хозяйство.- Механические искусства.- Кузнецы.

[Вернуться к оглавлению](#)

Все племена на африканском континенте в большей или меньшей степени подчиняются патриархальной форме правления. Обычно писатели об Африке говорят о "королевствах" и "империях"; но эти королевства называются так скорее из комплимента, чем из желания передать реальный смысл, который мы получаем, когда говорят об империи Германии или королевстве Испании. Патриархальное правление - самое древнее в Африке. Правда, в Африке возникали великие королевства, но они были скорее результатом опустошительных войн, чем творением политического гения или правительственной мудрости.

"Пангола - ребенок или вассал Мпенде. Сандия и Мпенде - единственные независимые вожди от Кебрабасы до Зумбо, они принадлежат к племени манганджа. Страна к северу от гор, которая здесь видна со стороны Замбези, называется Сенга, а ее жители - Асенга или Басенга; но все они, по-видимому, принадлежат к той же семье, что и остальные Манганджа и Марави. Раньше все манганджа были объединены под властью своего великого вождя Унди, чья империя простиралась от озера Ширва до реки Лоангва; но после смерти Унди она распалась на части, и большая ее часть на Замбези была поглощена их могущественными южными соседями, бамджаи. Это неизбежная судьба каждой африканской империи с незапамятных времен. Возникает вождь более чем обычных способностей и, покорив всех своих менее могущественных соседей, основывает королевство, которым управляет более или менее разумно до самой смерти. Его преемник, не обладая талантами завоевателя, не может удержать господство, и некоторые из более могущественных вождей ставят свои порядки, и через несколько лет от империи остается лишь воспоминание. Такое состояние

африканского общества, которое можно считать нормальным, приводит к частым и опустошительным войнам, и люди тщетно ищут власть, способную заставить всех жить в мире. В этом свете европейская колония рассматривалась бы туземцами как неоценимое благо для межтропической Африки. Тысячи трудолюбивых туземцев с радостью поселились бы вокруг нее и занялись бы мирным сельским хозяйством и торговлей, которые они так любят; и, не отвлекаясь на войны или слухи о войнах, могли бы слушать очищающие и облагораживающие истины Евангелия Иисуса Христа. Манганджа на Замбези, как и их соотечественники в Шире, увлекаются сельским хозяйством и, помимо обычных видов пищи, выращивают табак и хлопок в количествах, более чем соответствующих их потребностям. На вопрос "Будут ли они работать на европейцев?" можно дать утвердительный ответ, если европейцы принадлежат к классу, который может платить разумную цену за труд, а не к классу авантюристов, которые ищут работу для себя. Все были особенно хорошо одеты, от Сандии до Панголы; и было замечено, что все ткани были местного производства, продукт их собственных ткацких станков. В Сенге из руды добывают много железа и очень ловко его производят".^[68]

Вышеприведенное является честным описанием междоусобных войн, которые велись между племенами в Африке "с тех времен, когда память человеческая не знала обратного". В предыдущей главе мы привели довольно подробный рассказ о четырех негритянских империях. Здесь мы обратим внимание на деревни этих людей и позволим писателям, уделявшим много внимания этому вопросу, высказать свои впечатления. Говоря о деревне племени авийя под названием Манджи, Дю Шайю отмечает: "Это была грязная деревня.

"Это была самая грязная деревня, которую я когда-либо видел в Африке, а ее жители показались мне деградировавшим классом негров. Форма и устройство деревни были совершенно не похожи на то, что я видел раньше. Она имела форму четырехугольника с открытым пространством посередине не более десяти ярдов в квадрате; хижины, расположенные сплошным рядом с двух сторон, были высотой не более восьми футов от земли до крыши. Двери были высотой всего четыре фута и примерно такой же ширины, с палками, поставленными поперек, одна над другой, чтобы преградить вход. Место для огня находилось в середине главной комнаты, по обе стороны от нее была небольшая темная комната, а на полу стояла *орала*, или помост, на котором курили мясо. В середине двора была вырыта яма для приема отбросов, из которой исходил отвратительный запах, поскольку несчастные жители были слишком ленивы или тупы, чтобы защитить ее от этого, засыпав землей.

"Дома были построены из жердей, покрыты корой деревьев и крыты листьями. В центре деревни стоял общественный сарай, или палата, - подобие ратуши, встречающееся почти во всех западноафриканских деревнях. В нем на земле горел большой костер, а в одном конце сарая стоял огромный деревянный идол, выкрашенный в красный и белый цвета и грубо вырезанный в форме женщины. Сарай был самым большим строением в деревне: его высота составляла десять футов, а размеры - пятнадцать футов на десять. У ленивых негров этих внутренних деревень - по крайней мере, у мужчин - есть привычка проводить почти весь день, лежа под навесом, подпитывая свое болезненное воображение сказками о колдовстве и покурявая свой *кондокуа*".

Но все деревни этих бедных детей пустыни не так неопрятны, как описанная выше. Существует большое различие в санитарных законах, регулирующих эти деревни.

"Деревни Ишого очень большие. Действительно, что больше всего поражает путешественника, приезжающего с морского побережья в эту внутреннюю страну, так это большие размеры, аккуратность и красота деревень. Обычно в них насчитывается около ста пятидесяти или ста шестидесяти хижин, расположенных на улицах, которые очень широки и содержатся в идеальной чистоте. В каждом доме есть деревянная дверь, которая расписана причудливыми узорами красного, белого и черного цветов. Один узор показался мне простым и эффектным: это несколько черных пятен, окаймленных белым, нарисованных ровными рядами на красном фоне. Но мои читатели не должны думать, что двери здесь такие же, как в домах цивилизованных людей; их высота редко превышает два фута с половиной. Высота двери моего дома составляла всего двадцать семь дюймов. К счастью, я невысокий человек, иначе мне было бы тяжело входить и выходить из своего жилища. Доски, из которых сделаны двери, с большим трудом вырезаются туземными топорами из стволов деревьев, причем один ствол редко дает больше одной хорошей доски. Моя хижина, среднего размера жилище, была двадцать футов в длину и восемь футов в ширину. Она была разделена на три комнаты или отсека, причем средняя, в которую открывалась дверь, была немного больше двух других..... Мокенга - красивая деревня, в которой насчитывается около ста шестидесяти домов; это были самые большие жилища, которые я видел за все время путешествия. Деревня окружена густой рощей подорожников, многие из которых приходилось поддерживать шестами из-за веса огромных гроздей подорожника, которые они несли. Повсюду были разбросаны небольшие рощицы лип, и липы, похожие на золотистые плоды, прекрасно смотрелись среди темной листвы, которая их окружала. То тут, то там виднелись высокие пальмы. Над деревней и за ней простирался темно-зеленый лес. Улица была самой широкой из всех, что я видел в Африке; одна ее часть была около ста ярдов в ширину, и на ней не было видно ни травинки. *Сикоби* строили свои гнезда повсюду и производили оглушительный шум, потому что их были тысячи и тысячи этих маленьких общительных птиц".[69]

Насколько нам удалось выяснить, строительство домов в деревнях Африки практически единообразно.[70] Или, скорее, мы должны изменить это утверждение, сказав, что есть только два плана строительства. В одном случае дома возводятся по прямолинейному плану, в другом - по круговому. В более воинственных племенах преобладает последний план. Желательным местом для деревень считаются склоны холмов и возвышенности вблизи леса. Архитектурный план прост. Сначала рассматривается диаметр, который обычно варьируется от десяти до пятнадцати футов. В земле чертится круг, а затем в него вбиваются длинные гибкие палки. Строитель, стоя внутри круга, связывает палки вместе в верхней части; там они закрепляются с помощью "обезьяньей веревки" - толстой лозы, которая в огромном количестве тянется от дерева к дереву в этой стране. Теперь читатель может представить себе большой зонт, у которого в закрытом состоянии ручка отломана вместе с ребрами, и нет никакой ткани - остались только ребра. Раскройте его и положите на землю перед собой, и вы получите представление о том, как выглядела хижина до настоящего времени. Поверх каркаса укладывается тростниковая сетка, которая прочно закрепляется параллельными петлями на расстоянии около пятнадцати дюймов друг от друга. Дверь делают в последнюю очередь, прорезая отверстие в боковой стенке хижины, обращенной к центру предполагаемого круга хижин.[71] Высота двери - около восемнадцати дюймов, а ширина

достаточна, чтобы пропустить тело хозяина. Острые углы после срезания защищаются плетеными веточками. Дверь сделана из множества крепких палок, вбитых в землю на равном расстоянии друг от друга, через которые внутрь и наружу продеваются податливые палки. Когда это сделано, мастер обрезает неровные концы, чтобы они подходили к двери, и убирает ее на место. Для защиты от ветра внутри часто используются экраны: они делаются так, чтобы их можно было поставить в любом положении, когда дует ветер. Некоторые из этих домов построены с большой тщательностью, а те, что имеют куполообразные крыши, искусно украшены внутри бисером разных размеров и цветов.

Мебель состоит из нескольких циновок, нескольких корзин, молочника, нескольких глиняных горшков, связки ассагаев и нескольких других орудий войны. Далее, чтобы защититься от опасностей сезона дождей, вокруг нового жилища прокладывают ров шириной около двух футов и такой же глубины. Теперь умножьте эту хижину на пятьсот, сохраняя круг, и вы получите деревню. В центре круга хижин располагается *палата*, или место для публичных дебатов. Среди северных и южных племен вокруг деревень строится ограда, и тогда они называются "краалями". Пространство непосредственно за оградой расчищается, чтобы поставить врага в невыгодное положение при нападении на деревню. Среди земледельческих племен, как, например, кафиры, они загоняют свой скот в крааль, а для молодняка строят загоны.

Другой способ строительства деревень - одна длинная улица с рядом домов на каждой стороне, прямоугольной формы. Их длина составляет около двадцати пяти или тридцати футов, а ширина - от двенадцати до пятнадцати футов. Шесть или восемь столбов используются для соединения материала сторон. Крыши плоские. В каждом доме три комнаты. Две крайние комнаты больше, чем центральная, где дверь выходит на улицу. Иногда эти комнаты оштукатуривают, но редко, и то в случае зажиточного класса.^[72]

В начале этой главы мы говорили, что правительство в Африке было в основном патриархальным, и все же мы обратили внимание на четыре великих королевства. Здесь нет никакого противоречия, хотя может показаться, что оно есть; ведь даже короли выбираются голосованием, а своего рода палата лордов имеет право вето на королевские указы.

"Среди племен, которые я посетил в ходе своих исследований, я нашел только одну форму правления, которую можно назвать патриархальной. Ни в одном из племен нет достаточного национального единства, чтобы дать повод для такого деспотизма, который преобладает в Дагомее и в других африканских народностях. Я обнаружил, что племена экваториальной Африки сильно разрознены, и в целом между частями одного и того же племени нет никаких уз. Племя делится на многочисленные *кланы*, а те - на бесчисленные маленькие деревни, каждая из которых имеет независимого вождя. Деревни разбросаны, часто переселяются из-за смерти или колдовства, как я уже объяснял в повествовании, и нередко вступают в войну друг с другом.

"Вождество в некоторой степени наследственное, право наследования переходит к брату царствующего вождя или короля. Однако народ, в особенности старейшины деревни, имеют право вето и могут по достаточной причине лишить наследника престола и поставить вместо него кого-нибудь более достойного. В таких случаях вопрос ставится на голосование всей деревни, и, если стороны разделены по силе, начинаются долгие и серьезные споры, прежде чем все могут объединиться в своем выборе. Вождь - это, как правило, человек, обладающий большим влиянием до своего воцарения, и, как правило, старик, когда он обретает власть.

"Его власть, хотя и большая, чем можно было бы подумать, судя по тому, как мало ему оказывают личного почтения, является окончательной только в вопросах повседневного использования. В случаях, имеющих большое значение, таких как война или любое важное перемещение, старейшины деревни собираются вместе и обсуждают вопрос в присутствии всего населения, которое в последнюю очередь решает его.

"Старейшины, обладающие другой властью и всегда находящиеся в совете вождя, - это старейшие члены важных семей в деревне. Им оказывают уважение из-за их возраста, но больше из-за определенного отношения к "семье", которое у африканцев очень сильно выражено везде, где я их знаю. Эти семьи образуют аристократию".[73]

Здесь демократия и аристократия несколько смешались. Власть короля, похоже, заключается в решении повседневных дел, в то время как важные вопросы, которые касаются всего племени, решаются старейшинами и народом. Мистер Рид говорит о таком правительстве: "Среди этих экваториальных племен

"Среди этих экваториальных племен правительство патриархальное, что почти равносильно тому, чтобы сказать, что правительства нет вообще. Племена делятся на кланы. Каждый клан населяет отдельную деревню или группу деревень, и во главе каждого стоит патриарх, пародия на короля. Их отличают от других по шапочке из травы, которую они носят на голове, и по посоху, который они держат в руках. Они всегда богаты и пожилы, поэтому их почитают; но, хотя они могут оказывать влияние, они не могут обладать властью; они могут советовать, но не могут командовать. В некоторых случаях, как, например, в случае с Квенкезой, королем Рембо, титул и пустые почести королевской власти достаются самому влиятельному патриарху в округе. Это пережиток высшей цивилизации и древней империи, который исчезает по мере того, как человек опускается среди низших племен".[74]

"Африканская форма правления - патриархальная, и, в зависимости от темперамента вождя, деспотичная, или управляемая советом старейшин племени. Почтение к верности иногда заставляет массу народа подчиняться большой жестокости и даже убийствам от рук деспота или безумца; но в целом правление мягкое; то же замечание в некоторой степени относится и к их религии".[75]

Когда избирается новый король, он должен сначала отправиться в дом понтифика, который - если говорить о священниках - является более важным, чем сам король. Король становится на колени и с громкими криками просит милости у этого первосвященника. Сначала старик, находящийся внутри, грубым голосом приказывает ему уйти, говорит, что его нельзя раздражать; но царь перечисляет подарки, которые он ему принес, и наконец дверь открывается, и появляется жрец, одетый в белое, с зазеркальем на груди и длинными белыми перьями на голове. Короля окропляют, покрывают пылью, обходят, и, наконец, священник ложится на него. Он должен поклясться, что будет повиноваться и т. д.; после чего ему разрешают отправиться на коронацию. Затем следуют дни и ночи пиршеств, а в некоторых племенах - человеческие жертвоприношения.

Право наследования, как правило, сохраняется по мужской линии семьи. Корона переходит от брата к брату, от дяди к племяннику, от двоюродного брата к двоюродному брату. Если братьев нет, скипетр переходит к сыну. За все время изучения Африки мы обнаружили только двух женщин, которые правили страной. Женщина по имени Шинга взошла на трон империи

Конго в 1640 году. Она восстала против церемоний, добивалась введения португальскими католическими священниками, которые подстрекали ее племянника к измене. Потерпев поражение в нескольких сражениях, она бежала в страну джага, где ее с большим успехом короновали. В 1646 году она снова заняла свой трон и заключила почетный мир с португальцами. Другой королевой была кровожадная Тембандумба из племени джага. Она была арабских кровей и людоедка по натуре. Она вела множество сражений, одерживала великие победы, флиртowała с красивыми молодыми дикарями, а в конце концов была отравлена.

Африканцы не совсем беззаконны.

"В целом правосудие среди маколело отправляется довольно справедливо. Один староста отобрал у одного из своих людей, которые были с нами, несколько бус и одеяло; дело дошло до вождя, и он немедленно приказал вернуть вещи и, кроме того, постановил, чтобы ни один староста не брал имущество вернувшихся людей. Теоретически все привезенные товары принадлежали вождю; мужчины положили их к его ногам и сделали официальное предложение: он посмотрел на вещи и сказал, чтобы мужчины оставили их себе. Так почти всегда и происходило. Однако Туба Мокоро, опасаясь, что Секелету может приглянуться что-то из его лучших вещей, выставил лишь несколько старых и наименее ценных приобретений. Масакесе было что показать: в одной из деревень по пути он нарушил туземный закон и заплатил крупный штраф вместо того, чтобы доводить дело до сведения доктора. Каждый перевозчик имеет право на часть товара в своей связке, хотя и купленного за слоновую кость вождя; и они никогда не колеблются, заявляя о своих правах; но нельзя требовать от вождя жалованья, если он не отвечает на первое заявление".[\[76\]](#)

Мы обнаружили значительный объем гражданского и уголовного права среди различных племен. В главе, посвященной этой империи, мы рассказали о гражданском и уголовном кодексе Дагомеи. В стране Конго все гражданские иски рассматриваются судьей. Он сидит на циновке под большим деревом и терпеливо выслушивает аргументы "за" и "против". Его решения окончательны. Высшей инстанции нет, а значит, нет и апелляции. Уголовные дела передаются на рассмотрение *читоме*, или священнику. Он поддерживает в своем доме священный огонь, который никогда не должен гаснуть. Его поддерживают щедрые и деликатные дары народа, и он считается священным. Никому не разрешается приближаться к его дому, кроме как по самым неотложным делам. Он никогда не умирает, так говорят в народе. Когда он тяжело болен, его законный преемник незаметно проникает в его дом и выбивает ему мозги или душит до смерти. В его обязанности входит рассмотрение всех уголовных дел, и для этого он периодически объезжает все племя. Убийство, измена, прелюбодеяние, убийство сбежавших змей из фетиш-хауса, а часто и воровство, караются смертью или продажей в рабство. Девушка, которая теряет свое положение, позорит свою семью безнравственным поступком, изгоняется из племени. А в случае соблазнения мужчину связывают и подвергают порке. В случае прелюбодеяния необходимо выплатить большую сумму денег. Если виновный не в состоянии заплатить штраф, то наказанием является смерть или рабство.

"Прелюбодеяние рассматривается африканцами как разновидность воровства. Это порок, поэтому он настолько распространен, что можно было бы написать "Декамерон" из туземных историй, как у Боккаччо. И что в Боккаччо более пикантно и более порочно, чем эта песня бенга, которую я часто слышал, как они пели, молодые мужчины и женщины вместе, когда не было стариков?

"Старики на девушках женились.
Молодые девушки сделали стариков дураками;
Ведь они любят целовать юношей в темноте",
или под зелеными листьями подорожника.
Тогда старики пригрозили юношам,
и сказали: "Выставляете нас дураками;
Но мы будем колоть вас своими ножами, пока из вас не потечет кровь!"
"О, заколите нас, заколите нас!" - радостно закричали юноши,
"Ведь тогда ваши жены зашьют наши раны".[77]

Законы брака у многих племен очень полезны и возвышенны. Когда наступает половая зрелость, во многих племенах принято, чтобы пожилые женщины, называющие себя *негемба*, уходили в лес и готовились к посвящению в *игонджи*, или послушницы. Они расчищают большое пространство, разводят костер, который поддерживают в течение трех дней. Молодую женщину отводят в фетиш-дом - новый для этой церемонии, - где они проходят через некое испытание, которое до сих пор не было понято людьми. Когда молодой человек хочет найти себе жену, необходимы две вещи: он должен заручиться ее согласием, а затем купить ее. Очевидный необходимый элемент африканского ухаживания - это не то, чем следует пренебрегать договаривающимся сторонам. С другой стороны, это *непременное условие* брака. Когда жених отдает скот за свою возлюбленную, это свидетельствует, во-первых, о его достатке, а во-вторых, о том, что он очень дорожит дамой, которую хотел бы сделать своей невестой. Сначала он добивается благосклонности родителей девушки. Если таковых нет, то у ближайших родственников, как в Израиле во времена Боаза. Ведь во многих племенах существует закон, согласно которому молодая девушка никогда не должна оставаться без опекуна. Когда родственники благосклонно относятся к жениху, они старательно расхваливают его в присутствии девушки, которая через некоторое время соглашается увидеться с ним. Новость ему сообщает друг или родственник девушки. Поклонник принимает ванну, натирает тело пальмовым маслом, надевает свои лучшие доспехи и с бьющимся сердцем и гордой походкой спешит на встречу с привередливой чаровницей. Она молчит. Он садится, встает, поворачивается, бежит и выполняет множество упражнений, чтобы показать ей, что он здоров и крепок. Девушка удаляется, а взволнованный жених получает горячие поздравления зрителей по поводу своей благородной осанки. Прекрасная дама передает свое согласие ожидающему ее возлюбленному, и деревня оглашается радостными криками. Далее следуют предварительные дела перед свадьбой. В большинстве африканских племен брак заключается по взаимному согласию. Невесту отдают, когда жених заплатит за нее определенную цену. Нет товара - нет жены. Затем следуют свадьба и пиршество, стрельба из оружия, звуки рога, музыка и танцы.[78]

Многоженство почти повсеместно распространено в Африке, и бедная женщина больше всех страдает от этой проклятой системы. Мало того, что дикие страсти мужчины лишают ее красоты и силы: она повсюду становится самой ничтожной рабыней. Молодые женщины красивы, но это лишь на короткое время: вскоре она увядает, как хрупкая роза, в пепле преждевременной старости. В Дагомее она - солдат, в Каффирских землях она пасет стада и строит дома, а в Конго без ее труда человек умер бы с голоду. Везде жестокая рука человека направлена против нее. Везде она - рабыня его нечестивых страстей.[79]

В течение многих лет бытовало ошибочное мнение, что негр в Африке физически самый отвратительный из всего человечества. Действительно, негр обезображен деградацией и жестоким обращением, но это не является его нормальным состоянием. Мы видели

коренных африканцев, которые были черными, шерстистыми, но при этом обладали прекрасными зубами, красивыми чертами лица, высоким ростом, грациозностью и атлетическим телосложением.

"Что касается статуса африканцев среди народов Земли, то мы не увидели ничего, что могло бы оправдать мнение о том, что они отличаются от наиболее цивилизованных народов. Африканец - это человек, обладающий всеми качествами человеческого рода. Столетия варварства оказали на африканцев такое же разрушительное воздействие, какое, по описанию Причарда, они оказали на некоторых ирландцев, изгнанных несколькими поколениями назад на холмы в Ольстере и Коннауте; и эти угнетающие влияния оказали такое моральное и физическое воздействие на некоторые племена, что, вероятно, потребуются века, чтобы исправить то, что было сделано веками. Однако такая деградация вряд ли может служить основанием для удержания какой-либо расы в рабстве, если только защитник не опустился морально до такого же низкого состояния. Помимо ужасающей гибели людей в процессе, посредством которого, как утверждается, негры обеспечиваются лучше, чем в состоянии свободы в их собственной стране, именно эта система увековечивает, если не является причиной, несчастное состояние, с которым контрастирует сравнительный комфорт некоторых из них в рабстве.

"Этнологи считают африканца отнюдь не самым низким представителем рода человеческого. Физически он почти так же силен, как европеец, и как раса удивительно устойчив среди народов земли. Ни болезни, ни пылкие духи, которые оказались столь смертельными для североамериканских индейцев, жителей южных морских островов и австралийцев, похоже, не способны уничтожить негров. Даже подвергаясь столь губительной для человеческой жизни системе, при которой их отрывают от родной почвы, они неудержимо разрастаются и затмевают половину нового континента. Природа одарила их физической силой, способной выдержать самые тяжелые лишения, и легкомыслием, которое, как своего рода компенсация, позволяет им извлекать лучшее из самых худших ситуаций. Это похоже на ту силу, которой обладает человеческий организм, чтобы выдерживать жару, причем в такой степени, о которой мы никогда бы не узнали, если бы один авантюрный хирург не полез в печь и не обжег себе пальцы собственными часами. Африканцы прекрасно переносят неестественные условия, которые для большинства рас оказались бы смертельными.

"Примечательно, что способность противостоять бедствиям или, как сказали бы некоторые, адаптироваться к подневольной жизни, свойственна лишь некоторым племенам на африканском континенте. Нельзя объяснить климатом тот факт, что многие из них чахнут в рабстве или добровольно погибают. Ни один круман не может быть обращен в рабство, а ведь он - житель низкого, нездорового западного побережья; ни одно из племен зулусов или каффилов не может быть обращено в рабство, хотя все они живут в сравнительно возвышенных районах. Мы слышали, как люди, знакомые с некоторыми из каффилов, утверждали, что удар, нанесенный европейцем даже в игре, должен быть возвращен. Любовь к свободе наблюдается у всех, в ком течет зулусская кровь, как у маколло, ватута и, вероятно, масаи. Но кровь не объясняет этот факт. Красивая женщина из племени баротсе в Нхле, отказавшись выйти замуж за человека, который ей не нравился, была отдана старостой в рабство мамбарским работоторговцам из Бенгуэлы. Видя свою судьбу, она схватила одно из их копий и, пронзив себя, упала замертво".[\[80\]](#)

Доктор Дэвид Ливингстон, безусловно, имеет право на наше максимальное доверие во всех вопросах, о которых он пишет. Мистер Арчибальд Форбс говорит, что видел на поле боя мертвых африканцев ростом в девять футов, а всего несколько месяцев назад нам посчастливилось увидеть зулуса ростом в восемь футов и одиннадцать дюймов. Что касается красоты негритянок, то почти все африканские путешественники сходятся во мнении.

"Но если женщины Африки жестоки, то мужчины Африки женственны. Их лица гладкие, грудь часто такая же полная, как у европейских женщин, их голоса никогда не бывают хриплыми или глубокими, пальцы длинные, и они могут гордиться своими розовыми ногтями. В то время как женщины почти всегда плохо сохраняют форму после девичества, у мужчин изящно сложены конечности, и всегда по женскому типу: руки округлые, ноги изящной формы, без излишней мускулатуры, а ступни тонкие и маленькие.

"Когда я впервые сошел на берег Африки, а именно в Батерсте, я думал, что все мужчины, которые проходили мимо меня, прикрытые своими длинными одеждами, были женщинами, пока не увидел одного из них и тем самым не разочаровался.

"Хотя ни одно лицо африканца не напоминало мне мужчину, которого я знал в Англии, я снова и снова видел лица, которые напоминали мне женщин; а однажды в Анголе, когда я собирался наказать *каррегадора*, он опустился на колени, когда я поднял палку, сцепил руки и умоляюще посмотрел на меня, - он был так похож на молодую женщину, к которой я когда-то испытывал симпатию, что я, несмотря на себя, отбросил палку, боясь совершить святотатство.

"Дамы, прочитав это, откроют глаза и решат, что у меня либо очень плохой вкус, либо я пишу выдумку. Но я могу заверить их, что среди анголов, мпонге, мандинго и фула я видел мужчин, чьи формы и черты лица не позорят никакие петиты, даже атласные в гостиной.

"Если женщины глупы, угрюмы и флегматичны, то мужчины бойкие, робкие, любознательные и болтливые до невозможности. Из них получаются отличные домашние слуги, они чистоплотны и даже утомительны в той аккуратности, с которой они расставляют посуду на столе или одежду на кровати. Дружба у них тоже на женский манер: они обнимают друг друга, спят на одном коврик, рассказывают друг другу свои секреты, передают их и ужасно ревнуют друг к другу (из материальных побуждений), когда им случается служить одному и тому же хозяину.

"У них нет той строгости, сдержанности, упорства, настойчивости, твердолобой упрямой решимости или свирепой отваги, которые являются обычными атрибутами нашего пола. С другой стороны, они обладают тем тонким тактом, той интуицией, тем нервным воображением, тем быстрым восприятием характера, которые стали пресловутыми характеристиками культурных женщин. Они умеют сделать себя непроницаемыми, а если хотят быть вероломными, то надевают маску, сквозь которую мало кто видит, и в то же время определенная одинаковость целей моделирует их характер по схожим лекалам. Их природа - загадка: разгадайте ее, и вы разгадаете расу. Они неумеренно тщеславны: покупают зазеркалья; часами проводят за своим туалетом, в котором их жены должны выступать в роли *femmes de chambre*; тратят все свои деньги на украшения и платья, в которых могут проявить свой очаровательный вкус. Они любят музыку, танцы и равнодушны к красоте природы. Они неторопливы и не имеют особых амбиций, кроме желания, чтобы ими восхищались и о них хорошо отзывались. Они настолько чувствительны, что грубое слово заденет их за живое и сделает несчастными надолго; они раздуются, чтобы

заплатить за лесть и избежать сатиры. Хотя по природе своей они робки и не любят проливать кровь, они без ужаса наблюдают самые отвратительные зрелища, которые предписывает их религия; и хотя мы, их начальники, внушаем им страх, реальная обида изменит их натуру, и они быстро и безжалостно отомстят".

"Согласно распространенному мнению, африканцы вероломны и враждебны. Дело в том, что все африканцы якобы негры, а то, что преступно, всегда ассоциируется с тем, что отвратительно. Но, за исключением некоторых магометанских племен на севере, можно путешествовать по всей Африке, не рискуя жизнью. Вас могут задержать, ограбить, если вы богаты; могут оскорбить и не пустить в свою страну, если вы бедны: но ваша жизнь всегда в безопасности, пока вы не пожертвуете ею по неосторожности.

"В древние времена негры были известны такой мягкостью к чужеземцам, что многие верили, будто от них произошли боги. Гомер воспекает Океан, отца богов, и говорит, что, когда Юпитер хочет отдохнуть, он посещает море и идет на пиры к неграм - народу скромному, учтивому и набожному".[\[81\]](#)

Мы привели столь обширные цитаты из мистера Рида, потому что он честно рассказал о народах, с которыми встречался. Он хороший писатель, но иногда становится очень смешным!

То, что все нецивилизованные расы воинственны, - это факт. Племена Африки представляют собой огромную постоянную армию. Похоже, что драки - это их занятие. Мы так подробно рассмотрели этот вопрос об армиях в четвертой главе, что нам не придется много говорить здесь. Лук и стрелы, копье и ассагай были примитивным оружием африканских воинов; но за последние четверть века они научились пользоваться огнестрельным оружием. Однако щит и ассагай не исчезли. Молодой принц Наполеон, чью страшную смерть читатель может вспомнить, был убит ассагаем. В этих армиях офицерский состав, дисциплина и строевая подготовка доведены до совершенства, в чем французские и английские войска имеют все основания убедиться.

"Племена зулусов примечательны тем, что это единственный народ в этой части Африки, который практикует войну в европейском понимании этого слова. Другие племена очень хороши в боях в кустах и очень хитры в захвате врага врасплох и наступлении на него до того, как он будет готов к этому. Партизанская война - это, по сути, их единственный способ ведения боевых действий, и, как и положено в таких войнах, она больше зависит от усилий отдельных бойцов, чем от научного объединения масс. Но племя зулусов со времен Дакка, великого изобретателя военной тактики, ведет войну в манере, приближающейся к понятиям цивилизации.

"Их люди организованы в полки, каждый из которых подразделяется на роты, и каждой командует свой вождь, или полковник; в то время как король, как генерал, ведет свои войска на войну, располагает их в боевом порядке и лично руководит их движениями. Они предупреждают противника, что собираются выступить против него, и смело встречают его в открытом поле. У них есть свой военный этикет, который некоторые из наших людей не сразу понимают. Однажды они послали английскому командиру сообщение, что "придут и позавтракают с ним". Он подумал, что это всего лишь шутка, и был очень удивлен, когда кафиры, выполнив свое обещание, хлынули, как поток, через холмы, оставив ему лишь время, чтобы успеть вооружить своих людей до прихода темных врагов".[\[82\]](#)

А об африканских войнах рассказывают такие легенды, что "Арабские ночи" поневоле покраснеют.[83]

В Африке, как и в районах Германии и Голландии, женщина обременена сельскохозяйственными обязанностями. Почва Африки очень богата,[84] и, следовательно, природа предоставляет своим необученным детям много спонтанной растительности. Примечательно, что средний африканский воин считает для себя унижением заниматься сельским хозяйством. Он будет валить деревья, помогать передвигать деревню, но *не* пойдет работать в поле. Садоводством занимаются женщины - как правило, замужние. Они несут семена на голове в большой корзине, на плече - мотыга, а на спине - ребенок. Они рассыпают семена по земле, а затем взрыхляют землю на глубину трех-четырех дюймов.

"Вокруг крааля часто можно увидеть четыре или пять садов, каждый из которых расположен так, чтобы подходить для какого-то определенного растения. Каффиры выращивают различные виды культур, основными из которых являются маис, просо, тыквы и вид поддельного сахарного тростника, широко используемого на юге Африки и известного под названием "сладкая трость". Два первых продукта составляют, однако, предметы первой необходимости, а последний относится скорее к классу предметов роскоши. Маис, или, как его называют в народе, когда стручки отделены от стебля, "мука", является для каффира самым главным источником жизни, так как именно из муки варится густая каша, на которой каффир в основном и живет. Если европейец нанимает каффира в качестве проводника, слуги или охотника, он обязан снабжать его оговоренным количеством пищи, главным ингредиентом которой является маис. И действительно, пока уроженец юга Африки может получить много каши и кислого молока, он вполне доволен своей участью. Когда колосья маиса созревают, их отделяют от стебля, обрывают листовую оболочку и подвешивают попарно на палках, пока они не высохнут настолько, чтобы их можно было отнести в хранилище".[85]

За скотом ухаживают мужчины, а женщинам не разрешается участвовать в охоте на диких животных. Скот горных и песчаных племен отличается прекрасным поголовьем, но у племен, живущих в аллювии, как и у их хозяев, он маленький и хилый.

Африканец уделяет больше внимания своему наступательному оружию, чем своим женам, но во многих случаях он весьма искусен в ремеслах.

"Люди Ишого известны среди соседних племен благодаря превосходному качеству и тонкости *бонго*, или кусков травяной ткани, которые они изготавливают. Они трудолюбивые и искусные ткачихи. Если пройти по главной улице Мокенги, можно увидеть несколько *уанджа*, или домов без стен, в каждом из которых стоят четыре или пять ткацких станков, а перед ними сидят ткачихи и ткут ткань. В центре пола *уанджая* горит дровяной костер, а ткачи, проходя мимо, обязательно увидят, как они курят свои трубки и болтают друг с другом, продолжая свою работу. Все ткачи - мужчины, и именно они сшивают *бонго* вместе, чтобы сделать из них *денги* или халаты; стежки не очень плотные, нитки не очень тонкие, но работа очень аккуратная и регулярная, а иглы собственного производства. *Бонго* очень часто бывают полосатыми, а иногда даже в клетку; это делается путем окрашивания некоторых нитей основы или как основы, так и мотка в различные простые цвета;

все красители делаются из отваров различных пород дерева, за исключением черного, когда используется разновидность железной руды. В этой части Африки *бонго* используются в качестве денег. Хотя я называю их травяной тканью, материал сделан не из травы, а из нежной и прочной кутикулы пальмовых листьев, которую ловко сдирают пальцами".[86]

Почти весь его механический гений, похоже, исчерпан в совершенствовании орудий войны, и доктор Ливингстон считает, что, достигнув определенного совершенства в искусстве, туземцы замирают. Мы считаем, что это объясняется их удаленностью от других народов. Ливингстон говорит

"Расы этого континента, похоже, продвинулись до определенного момента и не дальше; их прогресс в искусстве обработки железа и меди, в гончарном деле, плетении корзин, прядении, ткачестве, изготовлении сетей, рыболовных крючков, копий, топоров, ножей, игл и других вещей, независимо от того, были ли они первоначально изобретены этим народом или переданы другим инструктором, похоже, остается в том же грубом состоянии в течение большого количества веков. Этот очевидный застой разума у некоторых народов мы не можем понять, но, поскольку в последние века существования мира мы достигли, как мы считаем, большого прогресса в искусстве, мы бессознательно стали говорить о некоторых других расах в том же тоне, который использовали Небожители в Цветочной стране. Те же китайцы опередили нас в ряде важнейших открытий на столько же веков, на сколько мы, возможно, опередили других. В познании свойств магнита, составе пороха, изобретении книгопечатания, изготовлении фарфора, шелка и в прогрессе литературы они были впереди нас. Но затем их способность совершать дальнейшие открытия была остановлена, а застой интеллекта не позволил им продвинуться по пути совершенствования или изобретения".

Мистер Вуд говорит

"Туземцы южной Африки прекрасно умеют ковать железо; и вообще, похоже, что способность к кузнечному искусству присуща всем туземцам Африки, с севера на юг и с востока на запад. Ни одно из племен не умеет делать с железом очень много, но то небольшое, что им требуется, они обрабатывают в совершенстве. Как и в случае со всеми нецивилизованными существами, все сокровища искусства направлены на их оружие; поэтому, если мы хотим увидеть, что африканский дикарь может делать с железом, мы должны посмотреть на его копья, ножи и стрелы - последние, правда, являются лишь копьями в миниатюре".

Кузнец, таким образом, является человеком, имеющим определенное значение в своей деревне. Он придает форму и смысл оружию, с помощью которого добывается дичь и выигрываются сражения. Все ищут его благосклонности.

"Среди кафилов кузнец - человек значительный и уважаемый в племени. Он не хочет осквернять тайну своего ремесла, позволяя непосвященным наблюдать за различными процессами, и поэтому проводит свои операции на некотором расстоянии от крааля. Первым делом он готовит мехи. Форма, которую он использует, преобладает в значительной части Африки и встречается, с некоторыми изменениями, даже на многих островах Полинезии. Он состоит из двух кожаных мешков, на верхнем конце которых находится ручка. К нижнему концу каждого мешка прикреплены полые рога какого-либо животного, чаще всего коровы или

эланда; когда мешки попеременно надуваются и сжимаются, воздух выходит через оба рога.

"Конечно, жар огня разрушил бы рога, если бы им позволили соприкасаться с ним; поэтому их вставляют не в огонь, а в фаянсовую трубку, которая сообщается с огнем. Использование клапанов неизвестно; но поскольку оба рога открываются не в огонь, а в трубку, огонь не втягивается в сильфон, как это могло бы произойти в противном случае. Такое расположение, однако, приводит к значительной потере воздуха, так что воздуходув вынужден работать гораздо интенсивнее, чем если бы он был снабжен инструментом, который мог бы направлять струю прямо к месту назначения. Древние египтяне использовали мехи точно такой же конструкции, за исключением того, что они не работали полностью вручную. Они стояли одной ногой на каждом мешке и раздували огонь, попеременно нажимая на них ногами и поднимая их с помощью шнура, прикрепленного к их верхним концам.

"Когда кузнец собирается приступить к работе, он выкапывает в земле яму, в которую помещает огонь, а затем опускает фаянсовую трубку под наклоном, так что нижний конец открывается на дне ямы, а верхний выступает над уровнем земли. Затем в верхний конец фаянсовой трубки вставляются два рога, а мехи закрепляются на своих местах, так что они удобно располагаются для рук оператора, который сидит между ними. В отверстие закладывается древесный уголь, который вскоре разгорается до мощного жара с помощью сильфона. Камень побольше служит наковальней, а камень поменьше - молотом. Иногда молот делают из конического куска железа, но в большинстве случаев достаточно камня. Грубую работу по приданию железу нужной формы обычно выполняют помощники главного кузнеца, которых у него несколько, и все они бьют по железу в порядке очереди. Формирование и отделку изделий кузнец оставляет за собой. Остальные инструменты немногочисленны и просты и состоят из пробойников и грубых щипцов, сделанных из двух железных прутьев.

"С помощью этих инструментов каффирский кузнец может отливать из латуни различные украшения, иногда он заливает ее в цилиндрическую форму, чтобы сделать прут, из которого можно выковать браслеты и подобные украшения, а иногда он делает шпильки и набалдашники, формируя их форму в глиняных формах".[87]

Воистину, настанет день, когда эти воинственные племена перекуют свои копья в секачи, а свои ассагаи - в лемехи, и больше не будут учиться воевать! Мастерство и хитрость их ремесленников будут направлены на более высокие и благородные цели цивилизации, и шум битвы утихнет под музыку разнообразной промышленности!

ССЫЛКИ:

[68] Экспедиция Ливингстона в Замбези, стр. 216, 217.

[69] Земля Ашанго, с. 288, 289, 291, 292.

[70] Западная Африка, стр. 257 sq.

[71] Through the Dark Continent, vol. i. p. 489.

[72] Нецивилизованные расы людей, т. i. гл. vii.

[73] Экваториальная Африка, с. 377, 378.

- [74] Дикая Африка, стр. 216.
- [75] Экспедиция в Замбези, с. 626, 627.
- [76] Экспедиция Ливингстона в Замбези, с. 307, 308.
- [77] *Savage Africa*, p. 219.
- [78] См. *Savage Africa*, p. 207. Жизненный труд Ливингстона, с. 47, 48. *Uncivilized Races of Men*, vol. 1. pp. 71-86; также Du Chaillu и Denham and Clapperton.
- [79] Дикари Африки, с. 424, 425.
- [80] Экспедиция Ливингстона в Замбези, сс. 625, 626.
- [81] Дикая Африка, стр. 426, 427.
- [82] *Uncivilized Races of Men*, vol. i. p. 94.
- [83] *Through the Dark Continent*, vol. i. p. 344 *sq.*; также vol. ii. pp. 87, 88.
- [84] Замбези Ливингстона, с. 613-617.
- [85] Нецивилизованные расы людей, т. i. с. 146.
- [86] Земля Ашанго, стр. 290, 291.
- [87] Нецивилизованные расы людей, т. I. с. 97, 98.
-

ГЛАВА VIII.

ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРА И РЕЛИГИЯ.

Структура африканских языков. Мпонгве, мандинго и гребо. Поэзия: Эпическая, идиллическая и прочая. Религии и суеверия.

[Вернуться к оглавлению](#)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ жители Африки делятся на две разные семьи. Разделительная линия, которую природа провела через континент, проходит примерно в двух градусах к северу от экватора. До сих пор наука не проводила исследований в Северной Африке, поэтому о диалектах этой части известно немного. Но из того, что путешественники узнали о частях различных племен, которые пересекли эту линию и добрались до мыса Доброй Надежды, мы делаем вывод, что, хотя в этом регионе существует множество диалектов, все они принадлежат к одной общей семье. Во время сарацинского движения, во втором веке христианской эры, араб повернулся лицом к Центральной Африке. Повсюду можно найти следы его языка и религии. Он преобразовал целые племена дикарей. Он строил города и засеивал поля; он пас стада и становился торговцем. Он влил новую кровь в разваливающиеся княжества и научил пальцы необученных дикарей воевать. Его религия во многих местах потушила неэффективные костры фетишей и вознесла к небесам покорные мысли идолопоклонников. Его язык, как новый сок виноградной лозы, пробился к самым корням негритянских диалектов и придал им форму и тон. В песнях и повествованиях, в

молитвах и наставлениях язычников арабский язык проникает в каждое предложение, придавая всем каденцию и красоту.

По пятам за магометанами следовали португальцы, верные слуги Рима, несущие двойные мечи и ключи. Не столь обширное, как у арабов, влияние португальцев, тем не менее, было весьма значительным.

Примечание транскриптора: В оригинальном тексте в нескольких словах встречается диакритический знак breve - символ в форме буквы U над буквой, используемый для обозначения особого произношения. Здесь эти буквы обозначены кодировкой [˘] для бреве над любой буквой x. Например, слово "tonda" с бреве над буквой "o" в следующем тексте будет выглядеть как "t[˘]o[˘]nda".

Вдоль всего побережья Северной Гвинеи, на расстоянии почти пятнадцатисот миль, от мыса Месурадо до устья Нигера, кри, гребо и баса составляют одну общую семью и говорят на языке манду. На Берегу Слоновой Кости между Фриско и Бухтой Дика говорят на другом языке. Он обозначается как язык Av[˘]e[kw[˘]o]m, и по своему речевому и флективному характеру не имеет близкого родства с манду. Диалекты Попо, Дахомея, Ашанти и Акры можно объединить в семью или язык, называемый *фантипин*ом. Все эти диалекты в большей или меньшей степени вобрали в себя множество иностранных слов - голландских, французских, испанских, английских, португальских и даже многие слова с Мадагаскара. Язык Золотого и Слонового побережья мы находим гораздо более полным, чем язык Зернового побережья. Везде, где торговля или механическое производство вносят свой вклад, мы видим, что словарный запас африканцев расширяется. Восприимчивые, ловкие и хитрые, племена побережья, благодаря общению с внешним миром, сильно изменились. Мы сожалеем, что эти изменения не всегда были к лучшему. Нецивилизованные моряки, безмозглые и бессердечные спекулянты посеяли в сердцах ничего не подозревающих африканцев самые грубые семена убогой кавказской цивилизации. Эти несчастные люди научились обманывать, лгать, воровать; они способны на удивительную дипломатию и вероломство; они хорошо освоили искусство лести и крайней жестокости. Мистер Уилсон говорит

"Язык суахели, или свахере, на котором говорят аборигены Занзибара, очень близок к языку мпонгве, на котором говорят на западном побережье почти на той же параллели широты. Пятая часть слов этих двух диалектов либо одинаковы, либо настолько близки, что их легко можно отнести к одному корню".

Курсив наш. Это было написано всего четверть века назад.

"Язык уянзи казался нам смесью почти всех центральноафриканских диалектов. Наш огромный запас местных слов на всех диалектах оказался для меня очень полезным; и через три дня, классифицировав и сравнив слова, услышанные от уй-анзи, с другими африканскими словами, я обнаружил, что неплохо владею, по крайней мере для всех практических целей, диалектом кианзи".[88]

Мистер Стэнли написал эту статью в Африке в марте 1877 года. Это было всего лишь повторение опыта докторов Ливингстона и Кирка, что, хотя диалекты к западу и юго-западу от Лунных гор многочисленны и внешне различны, они относятся к одному общему родителю. Язык суахеров занимал свое место с самого начала. Тесно связанный с языком мпонгве, он, безусловно, отличается большой силой и красотой.

"Эта большая семья языков - если взять за образец диалект мпонгве - отличается красотой, изяществом и совершенной философией, а также почти неограниченной экспансивностью. В этих отношениях он не только существенно и радикально отличается от всех диалектов к северу от Лунных гор, но и таков, что вполне может выдержать сравнение с любым известным языком в мире".[89]

Диалекты Северной Африки грубы, нерегулярны по структуре и неприятны на слух. Мпонгве мы склонны считать лучшим из всех рассмотренных нами диалектов. На нем, с небольшими вариациями, говорят племена мпонгве, айомба, оронгу, рембо, камма, огобай, аненга и нгалои. Внимательное изучение нескольких других диалектов заставляет нас заподозрить, что они тоже находятся в отдаленном родстве с мпонгве.

Рядом с этим замечательным языком идет бакалаи с его многочисленными диалектическими отпрысками, рассеянными среди следующих племен: баленге, мебенга, бапуков, комбе, мбики, мбуша, мбондемо, мбишо, шекиани, апинги, эвили и других племен внутренних районов.

Две семьи языков, которые мы только что упомянули, - мпонгве и бакалай - отличаются своей системой и грамматической структурой. Удивительно, что эти бесписьменные языки сохранились среди бродячих варварских племен на протяжении стольких лет. В языке мпонгве и его диалектах жидкий и полугласный *r* раскатывается с полнотой и богатством, гармоничными для слуха. В языке бакалай и его ответвлениях нет *r*; и не менее верно, что все племена, исключаяющие эту букву из своих диалектов, воинственны, кочевы и значительно уступают племенам, свободно ее использующим.

На языке мпонгве говорят по обе стороны от Габуна, на мысе Лопес и на мысе Сент-Катарин в Южной Гвинее; на языке мандинго - между Сенегалом и Гамбией; на языке гребо - на мысе Пальмас и около него. От Габуна до мыса Пальмас около двенадцати сотен миль, от Габуна до Сенегамбии - около двух тысяч миль, а от мыса Пальмас до Гамбии - около шестисот миль. Справедливо предположить, что эти племена достаточно удалены друг от друга, чтобы называть их чужими. Изучение их языков не может не заинтересовать.

Где-то было замечено, что жилище народа - самый верный признак того, какой степени цивилизации он достиг. Безусловно, верно и то, что поведение во многом влияет на чистоту языка. Нрав, темперамент и мораль народа, не имеющего письменности, в значительной степени определяют ведущие характеристики его языка. Гребо - хорошо сложенный, быстрый и властный народ. В общении друг с другом, однако, они неполированы, имеют резкий нрав и мстительны.[90] Их язык, как следствие, *односложен*. Большая часть слов гребо имеет указанный характер. В качестве примера можно привести несколько глаголов. *Kba* - нести; *la* - убивать; *ya* - приносить; *tu* - идти; *wa* - идти; *ni* - делать и так далее. То же самое относится и к предметам, или существительным. *Ge* - ферма; *bro* - земля; *w[ɛ]nh* - солнце; *tu* - дерево; *gi* - леопард; *na* - огонь; *yi* - глаз; *bo* - нога; *lu* - голова; *nu* - дождь; *kai* - дом. Гребо, похоже, не имеют представления о слоговой системе. Они не ставят знаков препинания, но, говоря с той быстротой, с которой они двигаются, сбивают слова вместе, пока целое предложение не может быть принято за одно слово. Если гребо что-то разозлило, он скажет: "*E ya tu kra wudi*", что в переводе означает "У меня в горле встала большая кость". Но он говорит это так быстро, что произносит так: "*ямукруре*". В этом языке есть фразы, которые не под силу произнести иностранцу. В нем нет сокращений, а первое и второе лицо личного местоимения, а также первое и второе лицо множественного числа часто изменяются путем понижения или повышения голоса. Орфография осталась прежней, хотя значения этих слов радикально отличаются.

Язык мпонгве в значительной степени полисиллабичен. Он отягощен личными местоимениями, а прилагательные имеют многочисленные изменения в дополнение к степеням сравнения. Мы не находим никаких отклонений, указывающих на падеж или род. Прилагательное *mpolo*, означающее "большой", имеет семь или восемь форм. Хотя невозможно определить, является ли существительное мужским, женским или средним родом, они используют одно прилагательное для всех четырех склонений, изменяя его форму в соответствии с каждым из них.

Следующая форма склонения послужит для более четкого представления о произвольных изменениях в употреблении прилагательного:

Первое склонение.	(Единственное число, <i>nyare mpolu</i> , большая корова.
(Множественное число, <i>inyare impolu</i> , большие коровы.
Второе склонение.	(Единственное число, <i>egara evolu</i> , большой сундук.
(Множественное число, <i>gara volu</i> , большие сундуки.
Третье склонение.	(Единственное число, <i>idâmbe ivolu</i> , большая овца.
(Множественное число, <i>idâmbe ampolu</i> , большие овцы.
Четвертое склонение.	(Единственное число, <i>otamba ompolu</i> , большая змея.
(Множественное число, <i>itamba impolu</i> , большие змеи.[91]

Мы полагаем, что для мпонгве будет непростой задачей объяснить, по какому произвольному закону происходят такие изменения. И все же он так единообразен и строг в своем подчинении этому закону, как если бы он был записан в грамматике мпонгве и преподавался в каждой деревне.

Глагол имеет четыре настроения, а именно: изъявительное, повелительное, условное и сослагательное. Вспомогательная частица придает изъявительному наклонению грамматическую форму. Повелительное наклонение образуется из настоящего времени изъявительного наклонения путем замены начального согласного на его обратный согласный следующим образом:-

tonda - любить.
ronda, любить тебя.
denda - делать.
lenda, do thou.

Условное настроение имеет свою форму, но конъюнктивные частицы используются как вспомогательные в одно и то же время, а разные конъюнктивные частицы используются с разными временами. Сослагательное наклонение, имеющее только одну форму, в предложении, где есть два глагола, используется в качестве второго глагола.[92] Таким образом, с помощью вспомогательных частиц глагол может образовывать инфинитив и потенциальное настроение. Глагол мпонгве имеет четыре временных формы: настоящее, прошедшее или историческое, совершенное прошедшее и будущее. По принципу аллитерации совершенное прошедшее время, обозначающее завершенное действие, образуется от настоящего времени с помощью приставки *a* и замены *a*-финала на *i*: например, *t[o]nda* - "любить"; *at[o]ndi* - "любил". Прошедшее или историческое время образуется от императива с помощью префикса *a* и изменения *a*-финала на *i*. Например,

r[ʊ]nda - "любить"; *ar[ʊ]ndi* - "любил". Будущее время строится с помощью вспомогательной частицы *be*, например: *mi be t[ʊ]nda*, "я собираюсь любить".

Нам не удалось найти грамматику языка мандинго, кроме грамматики мистера Макбрейра, которая, насколько нам известно, является единственной существующей. У нас было мало возможностей для изучения структуры этого языка. Но тот скудный материал, которым мы располагаем, приводит нас к выводу, что он довольно слабо скомпонован. Спасительным элементом в его глаголе является то, с какой минимальностью он определяет время действия. Каузативная форма образуется с помощью суффикса. В нем не используется глагол "идти" или "прийти" для выражения будущего времени. В значении субстантивного глагола используются многочисленные частицы. Язык мандинго довольно гладкий. Буквы *v* и *z* в нем отсутствуют. Примерно пятая часть глаголов и существительных начинается с гласных, а существительное всегда оканчивается на букву *o*.

Здесь широкое и интересное поле для филологов: его следует возделывать.

Характер африканца такой же солнечный, как и климат, в котором он живет. Он не жесток, как утверждают многие сторонники рабства. По единодушному свидетельству всех исследователей и путешественников по Темному континенту, среди наиболее значительных племен преобладает элемент мягкости; они обладают острым чувством прекрасного и восприимчивы к любой культуре, которая попадает в их поле зрения. Негритянская натура не вялая, а веселая и жизнерадостная. В своих песнях он празднует победы и смеется над смертью с благодушием греческих стоиков.

"Богач и бедняк - все люди должны умереть:

Тела - лишь тени. Почему я должен грустить?"[93]

На него может произвести сильное впечатление доброта; он проявляет дружелюбие к тем, кто оказывает ему услугу, достойную лучшего положения в обществе. Когда Генри М. Стэнли (да благословит его Бог! благородная, отважная душа!) собирался покинуть Темный континент, он сделал остановку в Кабинде, прежде чем закончить свое чудесное путешествие в Занзибаре на Тихом океане. В опасном путешествии его сопровождали стойкие, храбрые и верные туземцы. Их миссия была почти выполнена, и они начали погружаться в ту вялость, которая часто является предвестником смерти. Они были верны своему хозяину и теперь были готовы умереть так же храбро, как и жили. Прочтите рассказ мистера Стэнли без эмоций, если сможете:...

"Хотите ли вы увидеть Занзибар, мальчики? спросил я.

"Ах, это далеко. Не говорите, хозяин. Мы никогда не увидим его", - ответили они.

"Но вы умрете, если будете продолжать в том же духе. Проснитесь, встряхнитесь, покажите, что вы мужчины".

"Может ли человек спорить с Богом? Кто боится смерти? Давайте умрем без помех и будем покоиться вечно", - отвечали они.

"Храбрые, верные, преданные души! Они, бедняги, отдавались пагубному влиянию вялости и фатального безразличия к жизни! Четверо из них умерли от этого странного недуга в Лоанде, еще трое - на борту корабля Ее Величества "Индустрия", а одна женщина ушла из жизни на следующий день после нашего прибытия в

Занзибар. Но в их печальной смерти было одно утешение - слова, которые они постоянно повторяли про себя.

"Мы привели нашего господина к великому морю, и он увидел своих белых братьев. Ла иль Аллах, иль Аллах! Нет Бога, кроме Бога!" - говорили они и умирали.

"Я пишу о тех днях не без непреодолимого чувства скорби, с удушьем в горле и заплывшими глазами, ибо память моя все еще занята достоинствами и добродетелями мертвых. На тысяче полей происшествий, приключений и горьких испытаний они доказали свой стойкий героизм и стойкость; они жили и терпели благородно. Я помню энтузиазм, с которым они откликались на мои призывы; я помню их смелость в самые мрачные дни; я помню спартанскую стойкость, несгибаемое мужество, с которыми они страдали в дни наших невзгод. Их голоса снова преданно отвечают мне, и снова я слышу, как они говорят друг другу о необходимости быть рядом с "хозяином". Их лодочная песня, в которой звучат чувства, схожие со следующими:...

"Бледнолицый странник, одинокий здесь,
В городах далеких, где имя его дорого,
Свою арабскую правду и силу покажет;
Он верит в нас, гребите, арабы, гребите".

несмотря на все звуки, которые теперь окружают меня, все еще очаровывает мой слух.[\[94\]](#) ...

"Это были сладкие и грустные минуты расставания. Какая долгая, долгая и верная дружба была здесь разорвана! Через какие странные превратности жизни они не следовали за мной! Какие дикие и разнообразные сцены мы не видели вместе! Какую благородную верность проявляли эти необученные души! Вожди были теми, кто следовал за мной в Уджиджи в 1871 году; они были свидетелями радости Ливингстона при виде меня; они были теми, кому я доверил охрану Ливингстона в его последнем и роковом путешествии, кто оплакивал его труп в Муилале и провожал прославленного покойника до Индийского океана.

"И в потоке внезапных воспоминаний перед моим мысленным взором пронеслась вся бурная эпоха, на которой все закончилось; вся панорама опасностей и бурь, в которых эти галантные товарищи так стойко держались рядом со мной - эти галантные товарищи теперь расстанутся со мной. Быстро, как в каком-то апокалиптическом видении, пронеслись в моей памяти все сцены борьбы с человеком и природой, в которых эти бедные мужчины и женщины составляли мне компанию и утешали меня простым сочувствием общим страданиям; каждое лицо передо мной было связано с каким-то приключением или опасностью, напоминало мне о каком-то триумфе или о какой-то потере. Какой дикой, странной была эта ретроспектива, эта вспышка разума над беспокойным прошлым! Так похоже на тревожный сон!

"И еще долгие годы во многих домах Занзибара будут рассказывать великую историю нашего путешествия, а действующие лица будут героями среди своих сородичей и родственников. Для меня они тоже герои, эти бедные, невежественные дети Африки, ибо с первой смертельной схватки в диком Итуру и до последнего пошатывающегося броска в Эмбомму они, как ветераны, шли на мой голос и в трудную минуту не подвели меня. И вот, благодаря их добровольным рукам и

преданным сердцам, экспедиция увенчалась успехом, и три великие проблемы географии Темного континента были справедливо решены".[95]

Сколько раз мы перечитывали это чудесное повествование о походе Стэнли по Темному континенту, мы не знаем; но мы знаем, что каждый раз мы читали его со слезами и умилением, благословляя благородного Стэнли и благодаря Бога за великий характер его чернокожих последователей! Нет ни одного романа, равного этим двум томам. Поездка была одной ужасной трагедией от начала до конца, а бессмертные подвиги его необученных гвардейцев достойны знаменитой *Легкой бригады*.

В четвертый день августа 1877 года Генри М. Стэнли прибыл в деревню Нсанда, направляясь к океану. В его распоряжении было сто пятнадцать душ. Больные, измученные путешествием, голодные, его люди упали без сил. Он попытался купить еду у туземцев, но те с болезненным безразличием велели ему подождать до базарного дня. Отряд фуражиров прочесал округу в поисках пищи, но ничего не нашел. Голодная смерть была неминуема. Немоощные путешественники лежали на земле в лагере, и на их сумрачных лицах запечатлелась смерть. Стэнли позвал капитанов лодок к себе в палатку и объяснил ситуацию. Он знал, что находится в нескольких днях пути от Эмбоммы и что здесь находятся один англичанин, один француз, один испанец и один португалец. Он сообщил капитанам, что обратился к этим людям с письмом о помощи, и что для оказания помощи нужны решительные, быстрые и смелые добровольцы, без которых весь лагерь превратится в общее кладбище. В доказательство благородства негритянской природы приведем еще одну цитату из мистера Стэнли.

"Ответ не заставил себя ждать, ибо Уледи вскочил и сказал: "О хозяин, не говори больше! Я уже готов. Видишь, стоит мне только застегнуть пояс , и я сразу же отправлюсь в путь, и ничто меня не остановит. Я буду идти по следу, как леопард".

"И я такой же", - сказал Качече. Оставь нас, хозяин. Если в Эмбомме есть белые люди, мы их найдем. Мы будем идти и идти, а когда не сможем идти, будем ползти".

"Отстаньте от людей, - сказал Муини Пембе, - и позвольте говорить другим, не так ли? Выслушай меня, мой господин. Я твой слуга. Я обгоню этих двоих. Я понесу письмо и подброшу его к глазам белых людей".

"Я тоже пойду, сэр", - сказал Роберт.

"Хорошо! Это как раз то, чего я хотел бы; но, Роберт, ты не можешь идти за этими тремя мужчинами. Ты сломаешься, мой мальчик".

"О, мы понесем его, если он сломается", - сказал Уледи. Ведь так, Качече?"

"*Иншаллах!*" - решительно ответил Качеше. Мы должны взять с собой Роберта, иначе белые люди нас не поймут".

Какая удивительная преданность! Какое возвышенное самозабвение! Мир плакал над такими историями, как Бьянка и Элоиза, и воздвиг памятники, которые будут стоять...

*"Пока слава хранит свои записи,
Или Гомер рисует освященное место.
Где гордо спит доблесть".*

и все же эти черные герои остаются незамеченными. "Я пойду по следу, как леопард", - это лишь слабое представление о сильной воле Уледи; а смелые слова Качече наделены

всеми признаками той героической *самоотверженности*, с которой преданный полководец бросает последние остатки сил в бой с упорным врагом. И, кроме того, в этих словах есть что-то настолько нежное, что они словно растапливают сердце. "Мы будем идти и идти, а когда не сможем идти, будем ползти!" Мы никогда не читали только одну историю, которая приближалась бы к этому рассказу мистера Стэнли, и это была нежная преданность Руфи своей свекрови. Мы читали ее на иврите доктору О. С. Стернсу из Ньютона, штат Массачусетс, и признаемся, что, хотя с тех пор прошло много лет, благословенное впечатление сохранилось, и наша вера в человечество от этого только укрепилась.

Вот несколько белых людей в дикой Африке, окруженных нецивилизованными детьми пустыни. У них есть деньги и ценные инструменты, множество разнообразных шуток, способных очаровать воображение обычного дикаря; и поэтому белые должны были стать заманчивой добычей для чернокожих. Но ни один волос на их голове не пострадал. У белых людей была географическая слава, которая поддерживала их в борьбе, друзья и любимые далеко за прекрасным синим морем. У этих бедных дикарей не было ничего, что могло бы поддержать их цели, кроме жалкой суммы денег в качестве поденной платы, - ни дома, ни друзей; и все же они были так преданы, как будто их ждал трон. Нет, нет! Ничто не ждало их героической преданности великому делу, кроме одинокой смерти, когда они доставили "хозяина" в море. Когда желудки защемят от голода, когда конечности окоченеют от путешествия, когда глаза потускнеют от смертного тумана, когда все жизненные силы будут убиты героическим стремлением служить великому Стэнли, когда огонь стремлений сгорит до слабых угольков, - тогда и только тогда эти верные негры не смогут выполнить свою миссию, столь полную опасностей, но столь благодарную для них, потому что она была исполнением *долга*.

Цицерон призывал к добродетели как к необходимому условию эффективного ораторского искусства. Подавляющее большинство негров в Африке являются одновременно ораторами и логиками. В народе, обладающем такими благородными качествами, как эта раса, по логической необходимости в значительной степени присутствует поэтический элемент.

Говоря о негритянской поэзии, мы будем рассматривать ее под тремя различными категориями: *эпической, идиллической, религиозной* и прочей.

Эпическая поэзия Африки, насколько она известна, безусловно, заслуживает тщательного изучения. Ребенок должен лепетать, прежде чем заговорить, и все варвары обладают чувством возвышенного в речи. Мистер Тейн в своей "Истории английской литературы", говоря о ранней саксонской поэзии, отмечает

"Одна поэма, почти целая, и два или три фрагмента - вот все, что осталось от светской поэзии Англии. Остальное языческое течение, германское и варварское, было остановлено или подавлено, сначала притоком христианской религии, затем завоеванием норманнов-французов. Но того, что осталось, более чем достаточно, чтобы продемонстрировать странный и мощный поэтический гений расы и заранее показать цветок в зародыше.

"Если где-либо и существовали глубокие и серьезные поэтические чувства, то это здесь. Они не говорят: они поют, или, скорее, кричат. Каждый маленький стих - это аккламация, которая вырывается наружу, как рык; их сильная грудь вздымается со стоном гнева или энтузиазма, и пылкая или нечеткая фраза или выражение внезапно, почти вопреки им, поднимается к их губам. Нет ни искусства, ни природного таланта, чтобы описать по отдельности и по порядку различные части объекта или события. Пятьдесят лучей света, которые каждое явление испускает

последовательно для правильного и хорошо направленного интеллекта, приходят к ним сразу в светящейся и путаной массе, выводя их из строя своей силой и слитностью. Вслушайтесь в их настоящие боевые песнопения, бесконтрольные и неистовые, как и подобает их ужасным голосам! И по сей день, на таком расстоянии, разделенные нравами, речью, десятью веками, мы, кажется, слышим их".[96]

Это яркое описание поэзии примитивного и выносливого саксонца дает читателю прекрасное представление об энергичных, серьезных и великолепных излияниях африканца. Панда был королем кафиров. Он считался великим воином. Чтобы описать его достоинства, потребуется множество *иси-бонгас*. Его главным *иси-бонга* было "О-Слон". Это слово было выбрано для описания его силы и величия. Мистер Вуд приводит описание песни в честь Панды:...

- "1. Ты брат тчаков, *внимательный кормчий*,
2. *Ласточка, улетевшая в небо*;
3. Ласточка с усатой грудью;
4. Чей скот когда-либо был в такой тесной толпе,
5. Они спотыкаются, когда бегут.
6. Ты, лживый поклонник доблести другого,
7. Эту доблесть ты взял в битве при Маконко.
8. Из запасов Н'дабазита, *медный стержень*,
9. *Выживший один из всех других прутьев*;
10. Другие они сломали, а этот оставили в саже,
11. Думали сжечь в дождливый холодный день.
12. *Бедро быка Инкакавини*,
13. Всегда вкусно, если только зажарить,
14. Если его сварить, он всегда будет невкусным.
15. Женщина из Манкебы в восторге;
16. Она видела леопардов Джамы,
17. Сражающихся между собой маконко.
18. Он прошел между Джутумой и Ихлизой,
19. Небожитель, который гремел между Маконко.
20. Я восхваляю тебя, о царь! Сын Йокване, сын Ундабы,
21. Беспощадный противник всех заговоров.
22. Ты - *слон, слон, слон*.
23. Вся слава тебе, ты, *монарх, который черен*".

"Первое *изи-бонга* в первой строке указывает на изобретательность, с которой Панде удалось переправиться через реку, чтобы выбраться из района, где властвовал Динган. Во второй строке "ласточка, скрывшаяся в небе" - еще один намек на скрытность его полета, который оставил не больше следов, чем пролет ласточки по воздуху. В строках 4 и 5 говорится о богатстве, то есть об изобилии скота, которым владел Панда. В строке 6 утверждается, что Панда был слишком скромно и думал о силе Дингана больше, чем тот того заслуживал; а в строке 7 в качестве доказательства этого утверждения приводится тот факт, что, когда они вступили в бой, Панда победил Дингана. Строки с 8 по 11 относятся к обычаю приправлять палки, подвешивая их над каминами в кафирских хижинах. В строке 14 говорится о том, что кафиры очень редко жарят мясо, но почти всегда варят или, скорее, тушат его в закрытых сосудах. В строке 15 "женщина из Манкебе" - любимая

жена Панды. В строке 19 "Небесный" - название великого племени зулусов, над которым правил Панда; слово "зулус" означает небесный и имеет почти такой же смысл, как и то же слово, используемое китайцами для обозначения своего происхождения. В строке 21 говорится о попытках соперников Панды свергнуть его с престола и о том, как хитроумно он сумел разрушить их планы, заключив разумные союзы."

В этой песне о Панду есть и дерзкая наглость, и болезненное тщеславие, и огромные описания, заставляющие признать, что соболиный бард весьма ловко выполнил свою работу по лести. Читатель не должен забывать, что при переводе этих песен многое теряется из их первоначальной красоты и пронизательности. Следующая песня была написана в честь военных побед Динги и, кроме того, является захватывающей и обладает хорошим движением. В некоторых моментах она очень похожа на ту, что была процитирована выше: - "Ты, нуждающийся отпрыск Динги.

"Ты, нуждающийся отпрыск Умпикази,
Глашатай скота людского;
Птица Маубэ, стремительная, как пуля,
Стройная, прямая, с прекрасными частями тела;
Твой скот подобен гребню пчел;
О голова, слишком большая, слишком сгорбленная, чтобы двигаться;
Похититель Моселекатце, сын Махобаны;
Пожиратель Свази, сына Собузы;
Разрушитель ворот Махобаны;
Пожиратель Гундаве из Махобаны;
Чудовище огромных размеров, обладающее могучей силой;
Пожиратель Унгвати из древнего рода;
Пожиратель царственного Уомапе;
Как небо над головой, дождь и сияние".

Поэт счел нужным рассказать о ранней жизни своего героя, привлечь внимание к его безграничным богатствам и, наконец, прославить его военные достижения. Она очень описательна и на каффирском языке очень красива.

Чака сам поет песню, честолюбивые чувства которой были бы достойны Александра Македонского или Наполеона Бонапарта. Он пронес победу на своем копье через всю страну каффиров. Везде племена склоняли свои покорные шеи под его игом; везде его провозглашали королем. Но, не имея работы, он не был счастлив. Он жаждал покорить еще больше племен, и вот что получилось:...

"Ты покончил, покончил с народами!
Где ты теперь выйдешь на бой?
Эй! Где ты теперь выйдешь на битву?
Ты покориц царей!
Где ты теперь будешь сражаться?
Ты закончил, закончил народы!
Где ты теперь будешь сражаться?
Ура, ура, ура!

Где ты теперь будешь сражаться?"

В этом глубоком плаче благородного дикаря есть что-то современное!

Следующая военная песня воллофа, хотя в ней и отсутствуют звучные и метрические элементы настоящей поэзии, содержит истинную военную агрессивность, смешанную с теологией фаталиста.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ.

"Я иду впереди. Я не боюсь смерти. Я не боюсь. Если я умру, я возьму свою кровь, чтобы омыть голову".

"Человек, который ничего не боится, всегда идет впереди, и в него никогда не попадает убийственный шар. Трус прячется за кустом, и его убивают".

"Идите в бой. Не свинец убивает. Это судьба наносит нам удары и заставляет нас умирать".

Мистер Рид говорит о музыкантах, которых он встретил вверх по течению Сенегала.

"There are three classes of these public minstrels,—1, those who play such vulgar instruments as the flute and drum; 2, those who play on the ballafond, which is the marimba of Angola and South America, and on the harp; 3, those who sing the legends and battle-songs of their country, or who improvise satires or panegyrics. Этот последний класс не боятся, но и не презируют. При жизни они получают богатое вознаграждение, но после смерти их даже не удостоивают достойного погребения. Если их похоронить в земле, она станет бесплодной; если в реке, вода будет отравлена, а рыба погибнет; поэтому их хоронят в дуплах деревьев.

Идиллическая поэзия Африки очень красива в своих великолепных туземных нарядах. Чтобы досконально понять все их фигуры речи, необходимо знать их мифологию. Следующая песня описывает белого человека и является произведением бушмена.

*"В голубом дворце морских глубин
Живет странное существо:
Его кожа бела, как соль;
Его волосы длинные и спутанные, как морские водоросли.
Он более велик, чем князя земли;
Он одет в шкуры рыб.
Рыбы прекраснее птиц.
Дом его построен из медных прутьев;
Его сад - это лес табака.
На земле его рассыпаны белые бусы
Как песчинки на морском берегу".*

Следующая идиллия, сочиненная одним из чернокожих солдат Стэнли по случаю достижения озера Ньянза, обладает большей энергией движений, пронизательностью стиля и теплой, светящейся образностью, чем любая другая песня подобного характера, которую мы еще встречали из уст неграмотных негров. Это, безусловно, благородная песня триумфа.

Она вздымается, возвышаясь в своей хвалебной миссии. Она дышит тем же победным воздухом, что и песня Мириам: *"Пойте Господу, ибо Он торжествует славно; коня и всадника Он бросил в море"*. А в последнем куплете детская натура певца бунтует, как в "Майской королеве" Теннисона.

ПЕСНЯ ТРИУМФА.

"Пойте, о друзья, пойте; путь окончен:
Пойте громко, о друзья, пойте великой Ньянзе.
Пойте все, пойте громко, о друзья, пойте великому морю;
Бросьте последний взгляд на земли позади, а затем повернитесь к морю.

Давным-давно вы покинули свои земли,
Своих жен и детей, своих братьев и друзей;
Скажи мне, видел ли ты такое море?
С тех пор как вы покинули великое соленое море?

ХОР.

Тогда пойте, о друзья! Пойте; путь окончен:
Пойте громко, о друзья! Пойте этому великому морю.

Это море пресное, хорошее и сладкое;
Ваше море соленое, плохое, непригодное для питья.
Это море - как вино для жаждущих;
Соленое море - бах! От него люди болеют.

Поднимите головы, о люди, и посмотрите вокруг;
Попробуйте увидеть его конец.
Смотрите, оно простирается на многие луны вдаль,
Это великое, сладкое, пресноводное море.

Мы пришли из земли Усукума,
Земли пастбищ, скота, овец и коз,
Земли храбрецов, воинов и сильных мужчин,
И вот оно, далеко известное море Усукума.

Друзья, вы презирали нас в другие дни.
Ах, ха! Вангвана. Что вы скажете теперь?
Вы видели землю, ее пастбища и стада,
Теперь вы видите далеко известное море Усукума.
Земля Кадумы находится чуть ниже;
Он богат скотом, овцами и козами.
Мсунгу богат тканями и бусами;
Его рука открыта, а сердце свободно.

Завтра Мсунгу должен сделать нас сильными.
Мясом и пивом, вином и зерном.
Мы будем танцевать и играть весь день,
И есть, и пить, и петь, и играть".

Религиозная и прочая поэзия не самого высокого уровня. Одним из самых выдающихся людей племени каффиоров был Сикана, могущественный вождь и христианин. Он был поэтом и сочинял гимны, которые повторял своим людям, пока они не запомнили их. Примером его поэтических способностей является следующий гимн, который люди до сих пор привыкли петь на низкий монотонный мотив: - "Улин губа инкулу".

"Ulin guba inkulu siambata tina
Ulodali bom' unadali pezula,
Umdala undala idala izula,
Yebinza inquinquis zixeliela.
Utika umkula gozizuline,
Yebinza inquinquis nozilimele.
Umze uakonana subiziele,
Umkokeli ua sikokeli tina,
Uenza infama zenza go bomi;
Imali inkula subiziele,
Wena wena q'aba inyaniza,
Wena wena kaka linyaniza,
Wena wena klati linyaniza;
Invena inh'inani subiziele,
Ugaze laku ziman' heba wena,
Usanhla zaku ziman' heba wena,
Umkokili ua, sikokeli tina:
Ulodali bom' uadali pezula,
Умдала уадала идала изула".

Перевод.

"Мантия утешения! Бог любви!
Древний на высоте!
Который управляет небесами,
Небеса и звездное небо;

Создатель, Правитель, Могущественный;
Единственный добрый и мудрый.
Ему, великому вечному Богу,
наши горячие молитвы.

Даритель жизни, мы взываем к нему,
К Его высокому престолу,
Нашей скалой прибежища и впредь,
безопасности и любви;

Наш надежный щит, наша надежная защита,
Наш вождь, которым мы по-прежнему являемся:
Мы взываем к нашему жалеющему Богу,
Который делает слепых зрячими.

Мы умоляем Святого Агнца.
Чья кровь за нас была пролита,
Чьи ноги были пронзены за виновного человека,
Чьи руки проливали кровь за нас;

И Бога нашего, даровавшего нам жизнь,
С небес, с престола Своего,
Великий Творец мира,
Отец и Бог любви".

Когда кто-то заболевает, жрецы и набожные люди обращаются к своим любимым духам. В Гумби, в Экваториальной Африке, эта церемония проводится довольно часто. Однажды король заболел. Квенгеза - так звали заболевшего монарха. Илого - любимый дух, обитавший на луне. Призывать благосклонность этого духа следует в полнолуние. На языке экваториальной Африки луна называется Огуайли. Итак, люди собрались перед домом короля и начали церемонию, которая заключалась главным образом в исполнении следующей песни: - "Илого, мы просим тебя.

*"Илого, мы просим тебя!
Скажи, кто околдовал царя!*

*Илого, мы просим тебя,
Что нам сделать, чтобы вылечить короля?*

*Леса твои, Илого!
Реки твои, Илого!*

*Луна твоя!
О луна! О луна! О Луна!
Ты - дом Илого!
Должен ли король умереть? Илого!
О Илого! О луна! О луна!"[97]*

В африканских караванах или процессиях есть человек, который идет впереди и поет, размахивая палкой, как наши оркестранты. Песня представляет собой скорее безразличное завывание, практически не имеющее смысла. Это очень желанная позиция, дающая широкие возможности для демонстрации голоса. Такой человек чувствует достоинство своего положения. Ниже приведен пример: - "Засунь его!

*"Запихните его!
Но хороший ли он человек?*

*Нет, я думаю, он скупой;
Толкайте его!
Пусть он упадет на дорогу.
Нет, у него большая палка:
Толкай его!
О, матта-бичо! Матта-бичо!
Кто даст мне матта-бичо?".*

Об этой песне мистер Рид говорит следующее.

"Матта-бичо - это соединение бунда, означающее "убить червя"; туземцы полагают, что их внутренности терзает маленький червячок, которого необходимо убить сырым спиртом. Судя по частоте их просьб, это, по-видимому, червь, который вечно грызет, а их жажда - это огонь, который никогда не утолить".

Гриот, как мы уже упоминали, поет за деньги. Он самый искусный паразит и льстец. Он изучает это искусство. Вот одна из его песен, подготовленная к этому случаю.

I.

"Человек, который не побоялся пройти через моря из-за любви к учебе и науке, услышал о бедном Гриоте. Он вызвал его к себе. Он заставил его петь песни, которые заставляли эхо гор Борну, покрытых пальмами, звенеть все громче и громче, когда звуки пролетали над вершинами деревьев.

II.

"Песни тронули сердце великого белого человека, и роса его великолепия упала на голову гриота. О! Как он может воспевать чудесные деяния тубаба? Его голоса и дыхания не хватит, чтобы воспеть эту тему. Он должен молчать, и пусть лев леса поет о своих битвах и победах.

III.

"Фатимата слышала песни гриота. Она слышала также о подвигах, которые совершил Тубаб. Она вздохнула и накрыла голову своим халатом. Затем она повернулась к своему молодому любовнику и сказала: "Иди на войну; пусть летящий шар убьет тебя, ибо Фатимата больше не любит тебя. Белый человек заполнил все ее мысли".

Самую красивую детскую песню, когда-либо исполненную матерью на любом языке, можно услышать в округе Баленги, в Центральной Африке. В ней есть удивительная нежность - нежность, которая растопит самое холодное сердце. Она открывает светлое пятно в сердечной жизни этого народа.^[98]

*"Почему ты плачешь, дитя мое?
Небо светло, солнце сияет: отчего же ты плачешь?
Пойди к отцу твоему, он любит тебя; пойди, скажи ему, почему ты плачешь.
Что! Ты все еще плачешь! Отец твой любит тебя; я ласкаю тебя:
но ты все еще грустишь.
Скажи же мне, дитя мое, почему ты плачешь?"*

Если задуматься, то не так уж и удивительно, что африканская мать должна быть такой ласковой и преданной в отношениях со своими детьми. Дьявольская система многоженства имеет в Африке лишь одно слабое извинение. Жены одного мужчины могут ссориться, но дети всегда находят любящие материнские руки, готовые укрыть их от гнева равнодушного и жестокого отца. Мать улаживает все споры детей и заботится о них с усердием и нежностью, которые были бы поистине прекрасны во многих американских матерях; в свою очередь, дети очень благородны в своих отношениях с матерью. "Проклинайте меня, но не говорите плохо о моей матери", - эта поговорка в ходу почти во всей Африке. Стариков почитают, а когда они заболевают, их оставляют умирать в одиночестве.

Мы не ставим перед собой задачу описать религии и суеверия Африки.^[99] Это заняло бы целую книгу. Весь мир знает, что этот бедный народ - идолопоклонник, *"поклоняется дереву и камню"*. Они не поклоняются истинному Богу и не следуют в своей жизни учениям Спасителя. Они поклоняются змеям, солнцу, луне и звездам, деревьям и водотокам. Но кровавые человеческие жертвоприношения, которые они совершают, - самая отвратительная черта их духовной деградации. Д-р Причард более подробно остановился на этом вопросе, чем позволяет наше время и место.

"Нигде древняя африканская религия не может быть изучена лучше, чем в королевстве Конго. Христианство в Абиссинии и магометанство в Северной Гвинее настолько смешались с языческими обрядами, что различить их крайне сложно.

"Жители Конго, которых я принимаю за истинный тип племен Южной Гвинеи в целом и южной части Центральной Африки, верят в верховного Творца и в множество меньших божеств. Последних они изображают с помощью образов; у каждого есть свой храм, свои жрецы и свои дни жертвоприношений, как у греков и римлян".^[100]

Ложные религии Африки - это всего лишь одинокие и слабые попытки человеческой души найти истинного Бога.

ССЫЛКИ:

^[88] Stanley's Through the Dark Continent, vol. ii. pp. 320, 321; см. также с. 3, 78, 123, 245, 414.

^[89] Западная Африка, с. 455.

^[90] Западная Африка, с. 456.

^[91] Западная Африка, с. 470.

^[92] Экваториальная Африка, с. 531.

^[93] Дикая Африка, с. 212.

^[94] Through the Dark Continent, vol. ii. pp. 470, 471.

^[95] Через темный континент, т. ii. стр. 482, 483.

^[96] История английской литературы, т. I. стр. 48. 49.

^[97] Экваториальная Африка, стр. 448, 449.

[98] Об интеллектуальных способностях негра см. Prichard, third ed., 1837, vol. ii. p. 346, sect. iii. Peschel's Races of Men, p. 462, *sq.*, особенно Blumenbach's Life and Works, p. 305, *sq* Western Africa, p. 379, - вся глава xi.

[99] См. Prichard, fourth ed., 1841, vol. 1. p. 197, sect. v. Moffat's Southern Africa; Uncivilized Races of Men, vol 1. pp. 183-219.

[100] Savage Africa, p. 287, *sq.*

ГЛАВА IX.

СИЕРРА ЛЕОНЕ.

Его открытие и положение.- Природная красота.- Основание негритянской колонии.- Компания Сьерра-Леоне.- Лихорадка и неповиновение.- Он становится английской провинцией- Характер его жителей.- Христианские миссии и т.д.

[Вернуться к оглавлению](#)

Сиерра-Леоне была открыта и названа Пьедро де Цинтра. Это полуостров, около тридцати миль в длину и около двадцати пяти в ширину, расположенный на 8° и 30' северной широты и около 13½° западной долготы. Его топография довольно причудлива. На юге и западе его горы омываются Атлантическим океаном, а на востоке и севере его границы омываются рекой и заливом Сьерра-Леоне. Между заливом Сьерра-Леоне и Атлантическим океаном возвышается горный хребет, сопредельный с полуостровом и образующий его хребет, высотой от двух до трех тысяч футов. Его очертания суровы, как египетская архитектура, а пейзаж, открывающийся с востока или запада, очарователен до невозможности. Фритаун - столица с населением около двадцати тысяч человек, расположенная на южном берегу реки Сьерра-Леоне и окруженная амфитеатром прекрасных холмов и величественных гор.

"На склоне холма [говорит мистер Рид], который возвышается за городом, находится очаровательная сцена, которую я попытаюсь описать. Вы видели сельскую деревушку, где каждый домик наполовину скрыт собственным садом. Теперь превратите липу в изящную пальму, яблоки - в апельсины, крыжовник - в бананы, дрозда, поющего в своей плетеной клетке, - в серого попугая, свистящего на перилах;... окропите все это странными и сильными духами; поместите на западе солнце, пылающее среди золотых облаков в синем море, усеянном белыми парусами; представьте себе эти таинственные и неизвестные звуки, эти дыхания земной души, с которыми теплая ночь Африки оживает, - и тогда вы поймете один из тех моментов поэзии, которые вознаграждают бедных путешественников за долгие дни и ночи голого одиночества".[101]

В 1772 году лорд Мэнсфилд вынес свое знаменитое решение по делу негра Коммерсета, чей хозяин, бросив его в больном состоянии на , впоследствии попытался вернуть его себе. Решение гласило, что ни один человек, ни белый, ни черный, не может ступить на британскую землю и оставаться рабом. Дело было возбуждено по инициативе мистера Грэнвилла Шарпа. Решение вызвало всеобщий резонанс. Многие негры из Новой Англии, нашедшие убежище под британским флагом в связи с прокламацией сэра Генри Клинтона, отправились в Англию. Свободные негры из других регионов - Ямайки, Сент-Томаса и Сан-

Доминго - спешили вдохнуть вольный воздух британской метрополии. Многие из них пришли к нужде и бродили по улицам Лондона, чужаки в чужой стране. Грэнвилл Шарп, человек большой гуманности, был глубоко потрясен печальным положением этих людей. Он посоветовался с доктором Смитманом, который провел много времени в Африке, и они задумали перевезти их на западное побережье Африки, чтобы создать колонию.^[102] Друзья негров бурно обсуждали этот вопрос в Лондоне, и в конце концов правительство проявило интерес. Правительство Наимбанны, короля Сьерра-Леоне, купило участок площадью около двадцати квадратных миль, на котором и разместилась предполагаемая колония. Около четырехсот негров и шестьдесят белых, большую часть которых составляли "женщины города",^[103] были посажены на корабль "Наутилус" капитана Томпсона и высажены в Сьерра-Леоне 9 мая 1787 года. Климат здесь был суровым, санитарное состояние - отвратительным, а привычки людей - безнравственными. Африканская лихорадка с ее черным смертельным ударом собрала огромную жатву, а беспорядок и леность большинства колонистов, дополненные грабежами, совершаемыми хищными бандами дикарей, сократили число колонистов примерно до шестидесяти четырех душ в 1791 году.

Страшное известие о судьбе колонии было доведено до филантропов в Англии. Но их вера в колонизацию оказалась столь же непоколебимой перед этим откровением, как вера железного герцога при Ватерлоо. Была создана ассоциация под названием "Залив Святого Георгия", но впоследствии получившая название "Компания Сьерра-Леоне", с капиталом в один миллион двести пятьдесят тысяч долларов, среди директоров которой были такие гуманисты, как Грэнвилл Шарп, Торнтон, Уилберфорс и Кларксон. Целью компании было продвижение колонизации. В феврале 1792 года в Сьерра-Леоне высадились 1100 европейцев, а в марте за ними последовали 11 тридцать один негр. Многие из них служили в британской армии во время революционной войны в Америке и, приняв предложение британского правительства, получили землю в этой колонии в качестве награды за службу в армии. Очередная лихорадка сделала свое ненавистное дело, и пятьдесят или шестьдесят европейцев и множество чернокожих пали под ее испепеляющим и уничтожающим прикосновением.^[104] Оставшиеся в живых разругались на почве ревности, а безделье парализовало каждый нерв промышленности в колонии. В 1794 году французская эскадра осадила это место, и жители понесли убытки на сумму около двухсот пятидесяти тысяч долларов. Снова были предприняты усилия, чтобы оживить место и пробудить его дремлющую энергию к выполнению необходимых обязанностей. Кое-что начало получаться, но это был лишь нежный бутон обещания, и вскоре он был растоптан безжалостным каблуком пятисот пятидесяти восставших маронов с Ямайки и Новой Шотландии.

Безразличный характер колонистов и пагубное влияние климата почти обескуражили друзей движения в Англии. На дворе стоял 1800 год. Виноградник, посаженный добрыми людьми, приносил "одни листья". Не было развито ни одной отрасли промышленности, не было сделано ни одного существенного улучшения, а будущее было окутано томительными сомнениями и страхами. Деньги компании были почти все израсходованы. Компания едва подавала признаки органической жизни, но свет прекрасной христианской веры не погас за морем в непоколебимой старой Англии. Основатели колонии верили, что хорошее управление сделает предприятие успешным, поэтому они искали мастера, который мог бы направить дело. 8 августа 1807 года колония была передана в руки короны и стала английской колонией. В том же году, когда был осуществлен этот переход, парламент объявил работорговлю пиратством, а для ее пресечения вдоль побережья была размещена военно-морская эскадра. Поначалу многие цветные люди с хорошими обстоятельствами, чувствуя, что под английским флагом они будут в безопасности, перебрались из Соединенных Штатов в Сьерра-Леоне. Но главным источником пополнения населения были

захваченные рабы, которых всегда выгружали в этом месте. Когда английское правительство вступило в управление Сьерра-Леоне, население составляло 2 000 человек, большинство из которых были выходцами из Вест-Индии или Новой Шотландии. В 1811 году оно составляло почти 5 000 человек, в 1820 году - 12 000, в 1833 году - 30 000, в 1835 году - 35 000, в 1844 году - 40 000, в 1869 году - 55 374, при этом белых было всего 129 человек. На 31 марта 1827 года рабов, захваченных и освобожденных английской эскадрой, насчитывалось 11 878; из них 4701 мужчина старше и 1875 младше четырнадцати лет. Женщин старше четырнадцати лет было 2 717, младше четырнадцати лет - 1 517, кроме того, 1 068 человек поселились во Фритауне, работая на лесозаготовках.

Когда страшное зло рабства было изгнано из-за моря, санитарное состояние местности значительно улучшилось, а благодаря активной политике порядка и образования Сьерра-Леоне стала расцветать и цвести, как роза. Когда рабство исчезло, торговое судно отправилось выполнять свою мирную торговую миссию.

Ежегодные торговые отчеты, представленные парламенту, показывают, что заявленная стоимость британских и ирландских товаров и изделий, экспортируемых на западное побережье Африки, распределенная по пятилетним периодам, была следующей:-

ЭКСПОРТ ИЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

1846-50 ... £2,773,408; или в среднем £554,681 в год

1851-55 ... 4,314,752; " " " 862,950

1856-60 ... 5,582,941; " " " 1,116,588

1861-63 ... 4,216,045; " " " 1,405,348

ИМПОРТ

Согласно тем же торговым отчетам, импорт африканской продукции с Западного побережья в Великобританию был следующим. До 1856 года указана "официальная стоимость", после этой даты - "расчетная реальная стоимость".

Официальная стоимость, 1851-55 ... £4 154 725; средняя стоимость, £830 945

Вычисленная реальная стоимость, 1856-60 ... 9,376,251; " 1,875,250

" " " 1861-63 ... 5,284,611; " 1,761,537

За последние несколько лет стоимость африканской продукции снизилась в связи с открытием нефти или каменного масла в Америке. В 1864 году в Англию было отправлено от четырех до пяти тысяч тюков хлопка.

Следует иметь в виду, что при системе, существовавшей, когда Сьерра-Леоне, Гамбия и поселения Золотого Берега содержались для развития работорговли, законная торговля составляла всего 20 000 фунтов стерлингов в год, а сейчас количество тоннажа, используемого для перевозки законных товаров, больше, чем когда-либо использовалось для перевозки рабов.^[105] У. Уинвуд Рид посетил Сьерра-Леоне во время восстания в Америке; но, будучи несколько предубежденным против негров, мы не ожидали ничего удивительно дружелюбного. Но мы приводим его мнение о людях, с которыми он там познакомился: "Жители колонии могут быть

"Жителей колонии можно разделить на четыре класса:.

"Во-первых, уличные торговцы, которые предлагают пирожки кассада, пальмовое масло, перец, куски говядины под такими названиями, как *агеди*, *абалла*, *акаларай*, и которые поэтому так же неразборчивы, как уличные крики в Лондоне. Это тип костермейкера.

"Во-вторых, мелкие рыночные торговцы, которые живут в каркасных домах, продают гвозди, рыболовные крючки, ленты, нитки, ленты и т. д., а также занимаются ремеслами в малой степени.

"В-третьих, лавочники, живущие в каркасных домах на каменном фундаменте, внутри которых можно увидеть вкрапления красного дерева, небольшую библиотеку религиозных книг и почти английскую атмосферу уюта.

"И наконец, освобожденные африканцы высшего класса, которые занимают двухэтажные каменные дома, окруженные просторными пайолами, комнаты обставлены богатой мебелью, и все это их собственная собственность, построенная на средства, полученные от их... бережливости".

Когда Англия отменила работорговлю на западном побережье Африки, христианство поднялось на крыльях исцеления. Пока рабство не было отменено в этой колонии, миссионерские начинания были безрезультатны; но когда проклятие было поставлено под железную пята британского запрета, Господь благословил усилия миссионеров. Епископальная церковь - "Церковь Англии" - была первой на этой земле в 1808 году; но прошло несколько лет, прежде чем были достигнуты значительные результаты. В 1832 году эта церковь насчитывала 638 прихожан, 294 кандидата на крещение, 684 ученика субботней школы и 1 388 детей в дневных школах. Миссионерская работа Церкви выходила за пределы ее границ и распространялась на племена, "сидящие во тьме"; в 1850 году она построила 54 семинарии и школы, имела 6 600 учеников, 2 183 прихожанина и 7 500 человек, посещающих общественные богослужения. Приятно отметить, что из 61 учителя 56 *были коренными африканцами!* В 1865 году на западном побережье Африки действовало шестнадцать миссионерских обществ. Семь из них были американскими, шесть - английскими, два - немецкими и одно - западноиндийским. Эти общества содержали 104 европейских или американских миссионера, имели 110 миссионерских станций, 13 000 учеников, 236 школ, 19 000 зарегистрированных прихожан; христианское население составляло 60 000 душ.

Уэслианские методисты начали свою работу в 1811 году; в 1831 году у них было два миссионера, 294 члена в церквях и 160 учеников в школах. Они распространили свою миссию на запад до Гамбии и на восток до замка Кейп-Кост, Бадагри, Аббеокуты и Кумаси; в связи с этим в 1850 году у них было 44 молитвенных дома, 13 приходов, 42 дневные школы, 97 учителей, 4500 учеников в дневных и субботних школах, 6000 прихожан, 560 на испытательном сроке и 14 600 человек, посещающих общественные богослужения. В 1850 году население Сьерра-Леоне составляло 45 000 человек, из которых 36 000 были христианами, а 1 734 магометанами.

По своим размерам Сьерра-Леоне представляет собой самое обширное составное население в мире. Здесь представлено около ста различных племен и столько же различных языков или диалектов. Епископ Вида, по указанию британского парламента, уделил этому вопросу особое внимание и обнаружил не менее ста пятидесяти одного отдельного языка, а также несколько диалектов, на которых говорят в Сьерра-Леоне. Они были распределены по двадцати шести группам, и еще пятьдесят четыре неклассифицированных языка, которые отличаются от немецкого и французского. "Бог заставляет гнев человека хвалить Его, а

остаток его сдерживает". Через эти многочисленные языки бедная заблудшая Африка еще услышит Евангелие.

Несколько лет назад доктор Фергюсон, который когда-то был губернатором колонии Сьерра-Леоне и сам был цветным, написал подробный рассказ о положении дел там, который в то время широко распространялся в Англии и Америке. Он настолько явно справедлив и сдержан по тону, настолько нагляден и подробен по описанию, что мы воспроизводим его целиком: - "1.

"1. Недавно прибывшие занимают глинобитные дома и небольшие участки земли по соседству с той или иной деревней (деревень около двадцати, они расположены в разных частях колонии, сгруппированы в три класса или района; названия: горный, речной и морской районы). Большинство остается на своих местах в качестве земледельцев; но некоторые отправляются жить в окрестности Фритауна, ища работу в качестве рабочих, слуг на фермах, слуг для переноски дров и воды, конюхов, домашних слуг и т. д.; другие выращивают овощи, разводят птицу и свиней, поставляют яйца на рынок Сьерра-Леоне. На общественном рынке и в других местах продается огромное количество приготовленных съедобных веществ - рисовые, кукурузные и маниоковые лепешки; разнородные соединения риса и кукурузных цветов, ямс, маниока, пальмовое масло, перец, куски говядины, муцилагиновые овощи, и т. д., под названиями, совершенно не похожими на названия продуктов, и т. д., под названиями, совершенно непонятными для чужака, такими как *aagedee*, *aballa*, *akalaray*, *cabona* и т. д. и т. п., крики, которые раздаются на улицах Фритауна с утра до ночи. Это низший класс освобожденных африканцев - безобидный и доброжелательный народ; среди них нет ни нищеты, ни попрошайничества; их привычки экономны и трудолюбивы; их стремление обладать деньгами поразительно: но их энергия пускается на самотек и растрачивается из-за отсутствия знаний, необходимых для того, чтобы направить ее в нужное русло.

"2. Люди более высокого класса, чем описанные выше, занимают каркасные дома: они занимаются мелкой торговлей на рынке, где выставляют на продажу гвозди, рыболовные крючки, дверные петли, ленты, нитки, иглы, булавки и т. д. Многие из них также следят за прибытием каноэ из страны с апельсинами, кола, овцами, быками, птицами, рисом и т. д., покупают весь груз сразу на берегу и получают значительную прибыль от продажи этих товаров в розницу на рынке и по всему городу. Многие из них также занимаются вялением и сушкой рыбы - товаром, который всегда хорошо продается на рынке и пользуется большим спросом у людей, живущих вдали от берега и во внутренних районах страны. Огромное число представителей этого класса - портные, изготовители соломенных шляп, сапожники, кузнецы, плотники, каменщики и т. д. Респектабельные мужчины этого класса встречаются с готовыми меркантильными кредитами в размере от двадцати фунтов до шестидесяти фунтов; и этот класс очень многочислен.

"3. Люди более высокого класса, чем упомянутый выше, занимают каркасные дома, построенные на каменном фундаменте высотой от шести до десяти футов. Эти дома очень удобны; они выкрашены снаружи и внутри; спереди и сзади у них есть пиастры, и их много по всему периметру; в них можно найти значительное количество мебели красного дерева европейской работы; в них можно увидеть несколько книг, в основном религиозного характера; и общая атмосфера домашнего уюта пронизывает все, что, возможно, больше, чем что-либо другое,

свидетельствует о продвинутом состоянии интеллекта, к которому они пришли. Этот класс почти полностью занят торговлей, лоточничеством и другими меркантильными занятиями. На распродажах призовых товаров, публичных аукционах и во всех других местах, где есть вероятность дешевых сделок, их можно увидеть в большом количестве, где они объединяются в группы от трех до шести, семи и более человек, чтобы приобрести большие партии или целые тюки. А о скрупулезной честности, с которой впоследствии происходит раздел товара, не может быть более убедительного доказательства, чем это: при всей распространенности таких сделок они еще ни разу не становились предметом споров или судебных разбирательств. На главных улицах Фритауна, а также на подъездах к городу с каждой стороны расположены почти непрерывные ряды киосков и ларьков, среди которых почти все товары предлагаются на продажу, и очень часто дешевле, чем аналогичные товары продаются в магазинах торговцев.

"В торговых операциях европейских купцов признаются две нормы прибыли: оптовая и розничная, первая варьируется от тридцати до пятидесяти процентов, вторая - от пятидесяти до ста процентов. Розничная торговля в руках европейцев требует значительных затрат в виде арендной платы за магазин, заработной платы лавочников, клерков и т. д. Освобожденные африканцы не замедлили заметить и использовать те преимущества, которые их особое положение давало для успешного ведения розничной торговли.

"Объединившись, как уже отмечалось, и имея на руках готовые деньги, купцы, естественно, стремятся выполнять для них значительные заказы на столь нелицеприятных условиях оплаты, в то время как, с другой стороны, освобожденные африканцы, ясно видя свое преимущество, упорно настаивают на как можно более низком проценте оптовой прибыли.

"Получив таким образом товар по минимально возможному курсу готовых денег, последующие сделки не связаны с расходами на аренду магазинов, зарплату и пропитание лавочников и клерков и т. д. и т. п., расходами, неизбежными для европейцев. Таким образом, они сразу же получают возможность уступать в цене европейским розничным торговцам и обеспечивать себе солидную прибыль; эта цель достигается тем легче, что этому способствует крайняя простота и воздержанность их образа жизни, которые так выгодно контрастируют с дорогой и почти необходимой роскошью европейской жизни. Многие из них владеют огромными каноэ, на которых они торгуют в верховьях реки, вдоль берега и в соседних реках, привозя рис, пальмовое масло, древесину вербы, слоновую кость, шкуры и т.д. и т.п. в обмен на британские изделия. Все они находятся в легком положении, без труда получая меркантильные кредиты от шестидесяти фунтов до двухсот фунтов. Лица этого и следующего класса проявляют большое желание стать обладателями домов и участков в старом Фритауне. Эти участки желательны из-за их близости к рынку и большим магистралям, а также из-за преимуществ, которые они дают для создания их любимого объекта - "розничного магазина". В последние годы недвижимость такого рода значительно выросла в цене, и ее ценность продолжает расти исключительно благодаря ежегодному увеличению численности и процветанию этого и следующего классов. Городские участки, изначально предоставленные новошотландским поселенцам и маронам, год за годом выставляются на продажу с публичных аукционов, и в каждом случае покупателями становятся освобожденные африканцы. Яркий пример их желания обладать

имуществом такого рода и его растущей стоимости попал в мое поле зрения несколько месяцев назад.

"Джентльмены Церковного миссионерского общества некоторое время искали участок, на котором можно было бы возвести новую часовню, и вот подходящий для этой цели участок был выставлен на продажу с публичного аукциона, и на заседании местного комитета общества было решено, чтобы обеспечить покупку данного имущества, предложить цену в шестьдесят фунтов. Духовное лицо, уполномоченное для этой цели, по моей рекомендации решило, под свою ответственность, предложить, если потребуется, до семидесяти фунтов; но, к удивлению и огорчению всех нас, лот был продан по цене выше девяноста фунтов, и покупателем стал освобожденный африканец. Он очень любезно заявил, что если бы знал, что общество желает приобрести лот, то не стал бы им противиться; тем не менее он не проявил никакого желания передать им покупку и даже отказался от аванса в десять фунтов за свою сделку.

"4. Люди, принадлежащие к высшему классу освобожденных африканцев, занимают удобные двухэтажные каменные дома, окруженные со всех сторон просторными площадями. Эти дома являются их собственностью и построены на средства, заработанные собственным трудом. В некоторых из них можно увидеть стулья красного дерева, столы, диваны и кровати на четырех столбиках, пирсы, половики и другие предметы, свидетельствующие о домашнем уюте и накоплении богатства.

"Люди этого класса, как и те, что были описаны выше, почти полностью заняты в сфере торговли. Их сделки, однако, более масштабны и значительны, а бизнес ведется с внешним видом респектабельности, соответствующим более высоким денежным средствам: так, вместо того чтобы выставлять свои товары на продажу в киосках или ларьках на обочинах дорог, их можно встретить в аккуратно оборудованных магазинах на первых этажах их каменных жилых домов.

"Многие отдельные представители этого класса реализовали очень значительные суммы денег, которые человеку, не знающему этого факта, показались бы невероятными. По тому, как тщательно люди скрывают от мира свои материальные обстоятельства, трудно составить правильное представление о богатстве этого класса в целом. Приемы, к которым они прибегают при заключении сделок, часто бывают чрезвычайно изобретательны, и быть признанным богатым может существенно помешать их успеху в таких делах. Нет ничего более распространенного, чем слышать, как люди, чье внешнее состояние, удобные, хорошо обставленные дома и крупные торговые кредиты указывают на что угодно, но только не на бедность, выдвигают и настойчиво убеждают в своей бедности, оправдывая условия покупки.

"Однако есть обстоятельства, знание о которых они не могут скрыть и которые достаточно ясно демонстрируют реальное положение дел: *во-первых*, это удобство, с которым они собирают большие суммы наличных денег на публичных аукционах. *Во-вторых*, оформление наследства умерших людей. (Питер Ньюленд, освобожденный африканец, умер за некоторое время до моего отъезда из колонии, и его имущество, состоящее из домов, товаров и наличных денег, достигло пятнадцати сотен фунтов). *В-третьих*, размер их меркантильных кредитов. Я хорошо знаком с одним человеком этого класса, которого обхаживают и ласкают

все европейские купцы в колонии, который ведет торговые дела со всеми ними, и чье имя незадолго до моего отъезда из колонии стояло в книгах одного из главных купцов в качестве должника на сумму девятнадцать сотен фунтов, до которой оно было уменьшено с трех тысяч фунтов в течение предыдущих двух месяцев. Одна весьма респектабельная женщина имеет сейчас, и уже несколько лет, правительственный контракт на поставку свежей говядины для войск и морской эскадры; и я не слышал, чтобы хоть раз были жалобы на небрежность или невыполнение условий контракта. *В-четвертых*, многие из них в настоящее время за свой счет обучают своих детей в Англии. В Сьерра-Леоне находится очень хороший полк колониальной милиции, более восьми десятых которого составляют освобожденные африканцы. Количество имущества, которое они приобрели, является достаточной гарантией их лояльности, если она когда-нибудь будет поставлена под сомнение. Они с большой готовностью и бодростью выходят на периодические учения по любому поводу. Но, пожалуй, самый интересный ракурс, в котором можно увидеть освобожденных африканцев, и тот, который сделает их моральное состояние наиболее понятным для тех, кто находится на расстоянии, - это место, где они заседают в Квартальных сессиях в качестве мелких, крупных и специальных присяжных. Они составляют значительную часть присяжных на каждом заседании, и я неоднократно слышал, как высший юридический авторитет колонии выражал свое удовлетворение их решениями".

Но этот рассказ был написан на заре цивилизации в Сьерра-Леоне. Теперь цивилизация достигла своего полуденного прилива, и надежды самых оптимистичных друзей освобожденного негра более чем оправдались. Как благодарен был бы этот обновленный уголок на краю Темного континента усталому и ослепленному битвами взору Уилберфорса, Шарпа и других друзей колонии! И если бы они еще жили, видя чудесные результаты, разве не сказали бы они с радостью: "Господи, отпусти теперь раба Твоего с миром, по слову Твоему, ибо видели глаза мои спасение Твое, которое Ты приготовил пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля"?

ССЫЛКИ:

[101] Savage Africa, p. 25.

[102] Précis sur l'Établissement des Colonies de Sierra Léona et de Boulama, etc. Par C.B. Wadström, pp. 3-28.

[103] Очерк о колонизации Вадстрема, стр. 220.

[104] Это привело к отправке 119 белых вместе с губернатором в качестве советников, врачей, солдат, клерков, надсмотрщиков, ремесленников, поселенцев и слуг. Из этой компании 57 человек умерли в течение года, 22 вернулись, а 40 остались. См. Wadström, pp. 121, sq.

[105] См. "Замбези" Ливингстона, с. 633, 634.

ГЛАВА X.

РЕСПУБЛИКА ЛИБЕРИЯ.

Либерия.- Ее местоположение.- Протяженность.- Реки и горы.- История первой колонии.-
Благородные люди, заложившие фундамент Либерийской республики.- Коренные племена.-
Перевод Нового Завета на язык вей.-Начало и триумф христианских миссий в Либерии.-
История различных конфессий на местах.-Миссионерская республика негров.-
Свидетельства офицеров королевского флота об эффективности республики в подавлении
работорговли.-Работа на будущее.

[Вернуться к оглавлению](#)

Участок страны на западном побережье Африки, известный как Либерия, простирающийся от мыса Пальмас до мыса Маунт, составляет около трехсот миль в прибрежном направлении. Вдоль этой линии расположены шесть колоний цветного населения, большинство первопоселенцев - выходцы из Соединенных Штатов. Это такие поселения, как Кейп-Пальмас, Кейп-Месурадо, Кейп-Маунт, Ривер-Джанк, Баса и Синон. Расстояние между ними колеблется от тридцати пяти до ста миль, а единственным средством сообщения являются прибрежные суда. Мыс Пальмас, хотя мы и включаем его в общее название Либерия, был основан компанией разумных цветных людей из Мэриленда. Это движение было начато неутомимым Дж. Х.Б. Латроб и мистером Харпером из Колонизационного общества Мэриленда. Это общество приобрело на мысе Пальмас территорию площадью около двадцати квадратных миль, на которой в то время - более полувека назад - проживало около четырех тысяч человек. В течение двух лет после первой покупки это предприимчивое общество получило от дружественных владельцев документы на восемьсот квадратных миль, охватывающих владения девяти королей, которые связали себя с колонистами дружественным союзом. Эта территория простиралась по обоим берегам реки Кавалли и от океана до города Нетеа, который находится в тридцати милях от устья реки. В непосредственной близости от мыса Пальмас, то есть в радиусе двадцати миль, проживало двадцать пять тысяч туземцев. Если бы мы отправились вглубь страны от мыса на сорок пять или пятьдесят миль, то обнаружили бы там не менее семидесяти тысяч туземцев, большинство из которых, мы уверены, стремятся воспользоваться благами образования, торговли, цивилизации и христианства. Страна в районе мыса Пальмас очень красива и плодородна. Мыс вдается в море почти на милю, самая высокая точка - около ста двадцати пяти футов. Если смотреть с берега, то земля постепенно поднимается, пока дальние высоты не увенчаются густой, пышной листвой и густыми лесными зарослями. А для основания этой колонии законодательное собрание Мэриленда выделило сумму в двести тысяч долларов! И колония достойно справилась с этой задачей, быстро выросла и в настоящее время пользуется всеми благами христианской общины. Не так много лет назад она объявила о своей независимости.

Но Либерия, в правильном понимании этого термина, относится ко всем поселениям на западном побережье Африки, которые были основаны цветными жителями США. Это самое красивое место на всем побережье. При приближении к этой стране открывается очаровательный вид, говорит преподобный Чарльз Рокуэлл.

"Поражает темно-зеленый оттенок, который повсюду придают леса и поля. В этом отношении она сильно напоминает по виду темные леса вечнозеленых растений, которые окаймляют часть побережья Восточной Вирджинии... В разных местах есть мысы или мысы, возвышающиеся от тридцати-сорока до одной-двух сотен футов

над уровнем моря; в то время как в других местах земля, хотя и несколько неровная, не имеет, вблизи моря, никаких значительных холмов. В некоторых местах около устьев рек находятся густо заросшие лесом болота; но при входе в глубь страны земля постепенно поднимается, потоки становятся быстрыми, и на расстоянии двадцати или более миль от моря часто встречаются холмы, а за ними горы".

Физическое, социальное и политическое рабство цветного населения в Америке до войны было весьма удручающим. На Севере их преследовали толпы, на Юге - продавали. Мало того, что в северных штатах их изолировали и игнорировали: они были запрещены органическим законом законодательных органов и подвергались самым жгучим личным оскорблениям. У них было несколько друзей, но даже их благотворительные действия часто были затруднены законом и задушены кастовыми предрассудками. Следуя планам Грэнвилла Шарпа и Уильяма Уилберфорса, Либерея была основана как убежище для всех цветных, которые воспользовались бы ее благами.

Колонизационные общества возникли во многих штатах, и на реализацию целей этих организаций были выделены большие суммы денег. Внутри обществ, выступающих против рабства, разгорелась нешуточная полемика, но люди, считавшие колонизацию решением вопроса о рабстве, шли вперед без колебаний и сомнений. В марте 1820 года первые эмигранты отплыли в Африку, их было восемьдесят шесть человек, а в январе 1822 года они основали город Монровия, названный в честь президента Монро. Преподобный Сэмюэл Дж. Миллс, учась в колледже в 1806 году, был движим Святым Духом, чтобы обратить свое лицо к Африке в качестве миссионера. Его рвение к миссионерскому труду тронуло сердца Джадсона, Ньюэлла, Нотта, Холла и Райса, которые отправились на миссионерские поля на Востоке уже в 1812 году.^[106] Американское колонизационное общество заручилось услугами преподобного Сэмюэля Дж. Миллса и преподобного Эбенезера Берджесса, чтобы основать колонию в Монровии. Мистера Миллса рано настигла могила в воде, но отчет мистера Берджесса вселил в общество большие надежды, и работа была продолжена.

Первые десять лет были свидетелями борьбы благородной группы цветных людей, которые искали новый дом на краю континента, отданного на откуп языческому идолопоклонству. Средства общества были не столь велики, как того требовали характер и масштаб работы. Эмигранты прибывали медленно, в среднем не более 170 человек в год - всего 1 232 за десять лет: но в среднем с первого января 1848 года по последнее декабря 1852 года их число составляло 540 человек в год; а за один только 1853 год в Монровию прибыло 782 эмигранта. В 1855 году население Монровии и мыса Пальмас достигло примерно 8 000 человек.

К югу от Монровии на протяжении примерно ста миль, а вглубь страны - около двадцати, страну населяло племя басса и его ветви; их насчитывалось около 130 000 человек, и они говорили на одном языке. "Они были мирными, домашними и трудолюбивыми, и, полностью обеспечивая свои потребности, производили большой запас риса, масла, скота и других предметов общего пользования для экспорта".^[107] Это племя, как и вейсы, о которых мы упомянем позже, свело свой язык к письменности. Новый Завет был переведен на их язык миссионером, и они уже много лет получают Евангелие на своем родном языке.

Язык грейбо", на котором говорят на мысе Пальмас и в его окрестностях, был переведен в письменную форму; было напечатано и распространено двадцать тысяч экземпляров одиннадцати различных работ. В радиусе пятидесяти миль от мыса Пальмас проживает около семидесяти пяти тысяч туземцев, и, как правило, они стремятся воспользоваться благами цивилизации. Вейсы занимают около пятидесяти миль морского побережья,

простираясь от реки Галлинас, в ста милях к северу от Монровии, и на юг до Гранд-Маунт. Их территория отходит от морского побережья примерно на тридцать миль, а численность составляет около шестнадцати тысяч человек.

Это было прекрасное место для основания негритянского государства - *миссионерской республики*, по выражению доктора Кристи. Когда республика поднялась, в Либерию отправились лучшие и богатые представители свободного цветного населения из Соединенных Штатов. Священнослужители, врачи, торговцы, механики и школьные учителя обратили свои лица к новой республике с искренним желанием сделать что-то для себя и своей расы; и история оправдывает надежды и игроков всех искренних друзей Либерии. К сожалению, на первых порах многие белые люди больше стремились выгнать негра из страны, чем добиться от него хороших результатов, и во многих случаях в Либерию попадали недостойные цветные, от которых американцы были избавлены, а либерийцы не могли похвастаться. Но закон выживания сильнейших уносил мусор на дно. Республика росла и расширялась во всех направлениях. Из года в год новая кровь и свежая энергия вливались в общественную и деловую жизнь народа; Англия, Америка и другие державы признали республику, направив туда своих министров-резидентов.

Служители Христа с самого раннего момента зарождения идеи создания черного правительства в Африке поняли, что над новой колонией должно развеяться знамя креста, если можно ожидать добра. Методистская церковь, с характерным для нее рвением и напористостью, отправила с первыми колонистами нескольких членов своей деноминации и двух "местных проповедников"; и в марте 1833 года преподобный Мелвилл Б. Кокс, рукоположенный служитель этой церкви, высадился в Монровии. Миссия пережила много тяжелых испытаний, но добрые люди, возглавлявшие ее, держались с большим упорством, пока тьма не стала отступать перед светом Евангелия. Правление Методистского миссионерского общества в Америке также не теряло веры. В 1851 году они выделили для этой миссии 22 000 долларов, в 1852 году - 26 000 долларов, в 1853 году - 32 957 долларов, а в 1854 году - 32 957 долларов. В отчете совета управляющих за 1851 год есть следующее обнадеживающее заявление: - "Все взгляды теперь обращены на эту миссию.

"Все взоры теперь обращены к этой новой республике на западном побережье Африки как к звезде надежды для цветного населения, как подневольного, так и свободного, в Соединенных Штатах. Республика утверждается и расширяется, а ее христианское население находится в непосредственном контакте с туземцами, как язычниками, так и магометанами. Таким образом, республика косвенно оказывает мощное миссионерское влияние, а ее моральное и религиозное состояние является предметом серьезной озабоченности Церкви. Поэтому протестантские христианские миссии в Либерии необходимы для стабильности и процветания республики, а стабильность и процветание республики необходимы для защиты и деятельности миссий. Таким образом, становится ясно, что христианское образование народа является законной работой миссий".

В это время (1851 год) у них была ежегодная Конференция, состоящая из трех округов с таким же количеством председательствующих старейшин, в обязанности которых входило посещение всех церквей и школ в своем округе. В состав Конференции входил 21 человек, все они были цветными. В церквях насчитывался 1301 член, из которых 115 находились на испытательном сроке, а 116 были коренными жителями. В 20 школах, работавших в течение

недели, обучалось 839 учеников, 50 из которых были коренными жителями. Кроме того, было семь школ среди местных жителей, в которых обучалось 127 человек.

Епископ Скотт, член Генеральной конференции Методистской епископальной церкви, по распоряжению своей конференции был направлен с официальным визитом в Либерию. Он провел более двух месяцев среди миссий и вернулся в 1853 году, весьма довольный результатами, достигнутыми на этом далеком поприще.

"Правительство республики Либерия, сформированное по образцу нашего и полностью находящееся в руках цветных людей, кажется очень хорошо управляемым. Я никогда не видел такого упорядоченного народа. За все время пребывания в стране я видел только одного опьяневшего колониста и не слышал ни одного бранного слова. Суббота соблюдается с необыкновенной строгостью, а церкви переполнены внимательными и аккуратными верующими".^[108]

Вышеизложенное, безусловно, обнадеживает и оказало должное влияние на христиан в то время, когда оно появилось. На юбилейном собрании Методистской церкви, состоявшемся в Цинциннати, штат О., в том же 1853 году, епископ Эймс высказал мнения о характере правительства Либерии, которые весьма шокировали некоторых сторонников рабства, занимавших *"наемные скамьи"* в Методистской церкви. Его высказывания были столь же смелыми, сколь и хвалебными.

"Нации, воспитанные в условиях религиозных и политических ограничений, не способны к самоуправлению, в то время как те, кто пользуется этими преимуществами лишь частично, подают пример такой способности. Иллюстрацией этому служит хорошо подтвержденный исторический факт: мы имеем в виду цветное население этой страны, которое, хотя и выросло в самых неблагоприятных условиях, смогло добиться успеха в создании прочного республиканского правительства в Африке. Они дали самые ясные и неопровержимые доказательства своей способности к самоуправлению и в этом отношении продемонстрировали более высокий уровень мужественности, чем сам полированный француз".^[109]

В 1833 году Пресвитерианский совет по миссиям направил сюда преподобного Дж. Б. Пинни. В 1837 году были основаны миссии среди местных жителей, которые дали очень хорошие результаты. В 1850 году под управлением этой конфессии находились три общины, насчитывающие 116 членов, два рукоположенных священника и процветающая субботняя школа. В 1852 году была открыта средняя школа, директором которой стал белый джентльмен, преподобный Д. А. Уилсон. Впоследствии она была преобразована в колледж и всегда была переполнена.

В 1836 году Американская протестантско-епископальная церковь открыла в Либерии миссионерский центр. Преподобный Джон Пейн возглавлял это предприятие, которому помогали еще шесть священнослужителей, до 1850 года, когда он был посвящен в миссионеры-епископы Африки. Это был белый джентльмен, отличавшийся благочестием, редкой ученостью и большими исполнительными способностями. Станция в Монровии находилась под опекой преподобного Александра Краммелла, образованного и

красноречивого проповедника негритянской расы. Здесь действует прекрасная школа по подготовке религиозных и светских учителей; есть несколько школ-интернатов для местных жителей, которые посещают в среднем сто человек; до 1850 года более тысячи человек были приведены к общению с этой церковью.

Иностранный миссионерский совет Южной баптистской конвенции в 1845 году обратил свое внимание на это плодотворное поле. В 1855 году, через десять лет после начала работы, у них было 19 религиозных и светских учителей, 11 дневных школ, 400 учеников и 484 члена в их церквях. Было 13 миссионерских пунктов, и все учителя были цветными мужчинами.

Несколько страниц назад в этой главе мы говорили о том, что методистская церковь была первой на поле боя, когда была основана колония Либерия. Нам следовало бы сказать "одной из первых", потому что в "Истории американских баптистских миссий" Гаммелла мы находим, что баптисты были в этой колонии в качестве миссионеров в 1822 году, что под руководством преподобных Лота Кэри и Коллина Тиджа они были миссионерами. Лота Кэри и Коллина Тиджа, двух умных цветных баптистов, была основана церковь. Мистер Кэри был человеком с самым примерным характером. Он получил образование в Вирджинии, где прожил несколько лет в качестве свободного человека, купив свою свободу личными усилиями, и где также был рукоположен в 1821 году.

"В сентябре 1826 года он был единогласно избран вице-агентом колонии, а после возвращения мистера Эшмуна в Соединенные Штаты в 1828 году он был назначен временно исполнять обязанности губернатора - задача, которую он выполнял в течение короткого периода своей жизни с мудростью и заслугами перед самим собой. Его смерть произошла страшно неожиданно и необычно. Туземцы совершали набеги на имущество колонии и угрожали всеобщей враждой. Мистер Кэри, исполняющий обязанности губернатора, немедленно созвал военные силы колонии и начал принимать энергичные меры по отражению нападения и защите поселений. Он находился в магазине и руководил изготовлением патронов, когда из-за перекала лампы большая масса пороха воспламенилась и произвела взрыв, в результате которого погиб мистер Кэри и еще семь человек, находившихся рядом с ним. Так внезапно и ужасно погиб необыкновенный человек, который в более высокой сфере мог бы развить многие из самых благородных энергий характера и который, даже в скромном качестве миссионера среди своих ущемленных собратьев, заслуживает видного места в списке тех, кто пролил свет на африканскую расу.

"На момент смерти мистера Кэри церковь, пастором которой он был, насчитывала сто членов и находилась в весьма процветающем состоянии. Она была передана в ведение Коллина Тиджа, который сейчас вернулся из Сьерра-Леоне, , и мистера Уоринга, одного из ее членов, который недавно был рукоположен в священники. Влияние, начатое неутомимым основателем миссии, продолжало ощущаться еще долго после его ухода из жизни. Церковь в Монровии увеличилась до двухсот членов; сила Евангелия проявилась и в других поселениях Колонизационного общества, и даже среди грубых туземцев на побережье, из которых около сотни были обращены в христианство и присоединились к нескольким церквям колонии".[\[110\]](#)

Мы сожалеем, что статистические данные по Либерии не столь полны, как хотелось бы; но мы нашли достаточно, чтобы убедить нас в том, что дело религии, образования и республиканского правительства находится в надежных руках и на прочном фундаменте.

Сейчас в стране более трех тысяч восемнадцатисот детей, семьсот из которых - местные жители; [111] и в дневных школах собрано около двух тысяч ярких и перспективных учеников.

Много благородных воинов креста пало на этом поле, где велась отчаянная битва между тьмой и светом, язычеством и религией, деревянными богами людей и единственным истинным Богом, сотворившим небо и землю. Многих смертельно задело ядовитое дыхание африканской лихорадки, и, подобно святому Гилберту Хейвену, они, шатаясь, вернулись домой и к друзьям, чтобы умереть. Немногие из белых учителей смогли остаться на поле боя. В течение первых тридцати лет миссионерской деятельности на местах смертность среди белых миссионеров была ужасной. До 1850 года в Епископальной церкви работало двадцать белых учителей, но из них осталось только трое. Остальные умерли или были изгнаны домой климатом. Из девятнадцати миссионеров, посланных Пресвитерианской церковью до 1850 года, девять умерли, семь вернулись домой, а трое остались. Методистская церковь отправила тринадцать белых учителей: шесть умерли, шесть вернулись домой, и только один остался. Среди цветных миссионеров смертность была сведена к минимуму. Из тридцати одного, работавшего в методистской церкви, только семь умерли естественной смертью, а четырнадцать остались на службе. По поводу смертности епископ Пейн говорит следующее

"Сейчас общепризнанно, что Африка должна быть евангелизирована в основном своими собственными детьми. Нашей целью должно быть подготовить их, насколько это возможно, к этой великой работе. А поскольку колонисты представляют собой самый передовой материал для создания необходимых инструментов, нам следует, в мудром сотрудничестве с Провидением, направить наши усилия наиболее разумным образом на них. Для этого следует занять наиболее важные пункты, чтобы со временем они стали центрами христианского влияния на колонистов и местных жителей".[112]

За тридцать три года Либерия значительно выросла в численности населения и к моменту вспышки восстания в США насчитывала около ста тысяч душ, помимо трехсот тысяч туземцев на обширной территории, над которой было признано ее правительство. Развивается всевозможный бизнес. Законы полезны, законодатели умны и честны, армия и флот заслуживают доверия, и республика во всех отношениях пользуется большим успехом. Мистер Уилсон говорит.

"Торговля - это занятие, выбранное огромной массой либерийцев, и некоторые из них добились в этом деле значительных успехов. Она заключается в обмене товаров американского или европейского производства на натуральные продукты страны; основными из них являются пальмовое масло, древесина вербы и слоновая кость. Камвуд - богатое красильное дерево, которое привозят в Монровию на плечах туземцев с большого расстояния. На европейских и американских рынках оно стоит от шестидесяти до восьмидесяти долларов за тонну. Слоновая кость в этом регионе не является важным предметом торговли. Основной статьей экспорта является пальмовое масло, которое добывается вдоль морского побережья между Монровией и мысом Пальмас. Либерийские купцы владеют несколькими небольшими судами, построенными ими самими и варьирующимися по размеру от десяти-пятнадцати до сорока-пятидесяти тонн. Они управляются либерийскими моряками и постоянно занимаются доставкой пальмового масла в Монровию, откуда его снова отправляют на иностранных судах в Ливерпуль или Нью-Йорк. Во время короткого пребывания в этом месте в 1852 году по пути в эту страну я навел

справки о количестве имущества, принадлежащего самым богатым купцам Монровии, и узнал, что было четыре или пять человек, которые стоили от пятнадцати тысяч до двадцати тысяч долларов, большое количество тех, кто владел имуществом на сумму десять тысяч долларов, и, возможно, двенадцать или пятнадцать тех, кто стоил не более пяти тысяч долларов. Имущество некоторых из них, возможно, значительно увеличилось с тех пор.

"Поселенцы вдоль берегов реки Сент-Пол уделяют больше внимания возделыванию почвы. Они выращивают сладкий картофель, маниок и подорожник для собственного потребления, а также поставляют их на рынок Монровии. Также выращиваются земляные орехи и корень стрелы, но в очень ограниченном объеме. Несколько человек успешно выращивают сахарный тростник и производят большое количество отличного сахара и патоки. Некоторое внимание уделяется выращиванию кофейного дерева. Оно растет пышно и плодоносит очень обильно. Вкус кофе такой же прекрасный, как и у любого другого в мире; и если бы либерийцы уделяли ему должное внимание, он, вероятно, стал бы таким же высоко ценимым, как и любой другой в мире. Его легко выращивать, и он практически не требует затрат капитала; мы удивлены, что он еще не стал предметом экспорта. Нежелание возделывать почву, пожалуй, является самой обескураживающей чертой в перспективах Либерии. Торговля ведется с рвением и энергией, но лишь немногие готовы возделывать землю ради средств к существованию".

Первая конституция Либерии была принята в 1825 году. Она была разработана по заказу Колонизационного общества Соединенных Штатов. В ней излагались цели колонии, давалось определение гражданства и декларировались задачи правительства. Он действовал до 1836 года. В 1839 году был создан "Законодательный совет", а конституция была изменена в соответствии с растущими потребностями правительства. В 1847 году Либерия провозгласила себя независимой республикой. Первая статья конституции 1847 года гласит: "Статья I.

"Статья I. Раздел I. Все люди рождаются одинаково свободными и независимыми, и среди их естественных, неотъемлемых и неотчуждаемых прав есть право наслаждаться и защищать *жизнь* и свободу."

Этот раздел много значил для людей, покинувших свои дома в Соединенных Штатах, где главный судья Верховного суда заявил, что "у негра нет прав, которые белый человек обязан уважать", В стране, где Федеральный конгресс вооружил маршалов всех северных штатов бесчеловечной и произвольной властью задерживать, заковывать в цепи и бросать обратно в ад рабства каждого беглеца, пытавшегося найти приют в якобы свободном районе "*страны свободных и родины храбрых*". Эти отважные чернокожие пилигримы, которым пришлось покинуть "самую свободную землю в мире", чтобы обрести свободу, не предполагали, что торжественная и официальная декларация принципов, содержащаяся в их конституции, будет сведена к *абсурду*, как это было сделано в американской конституции в результате принятия печально известного *закона о беглых рабах*. А в разделе 4 своей конституции они запрещают "сумму всех злодеяний" - *рабство*! Статья гласит:...

"В пределах этой республики не должно быть рабства. Ни один гражданин этой республики, ни один человек, проживающий в ней, не может торговать рабами ни в самой республике, ни за ее пределами".

У них не было *компромисса*, по которому рабство могло бы продолжаться за определенными пределами "ради коммерческих и деловых интересов части их сограждан". Либерийцы могли бы разбогатеть, просто разрешив работорговлю среди туземцев. Конституция устанавливала шкалу доходов и взимала тариф на все импортируемые товары. Была введена таможенная служба и проведены многие реформы, которые сильно возмутили нескольких скупых белых людей, чья профессия *воров* была отменена конституцией. Кроме того, были и другие, которые годами торговали и вели дела на побережье, не платя никаких пошлин на экспортируемые товары. Новое правительство вызвало их враждебность.

В апреле 1850 года Либерийская республика заключила договор с Англией и в девятой статье этого договора обязалась пресечь работорговлю в следующих недвусмысленных формулировках: "Рабство и работорговля.

"Рабство и работорговля должны быть навсегда отменены в республике Либерия, и республика обязуется принять закон, объявляющий пиратством любого *гражданина Либерии* или судно, занимающееся работорговлей или имеющее к ней отношение".

Несмотря на вышеупомянутый договор, враги республики распространили в Англии и Америке сообщение о том, что либерийское правительство тайно занимается работорговлей. Друзья колонизации в обеих странах были сильно встревожены этим слухом и обратились за информацией в официальные круги, к людям на местах. Следующие свидетельства покажут, что обвинение было злонамеренным: - "Капитан Арабиан.

"Капитан Арабиан, R.N., в одной из своих депеш говорит: "Ничто не было сделано больше для подавления работорговли в этом квартале, чем постоянное общение туземцев с этими трудолюбивыми колонистами"; и еще: "Их характер очень правильный и нравственный, их умы сильно проникнуты религиозным чувством, а их домашние привычки удивительно опрятны и удобны". Везде, где распространяется влияние Либерии, туземцы отказались от работорговли".

Лейтенант Стотт, R.N., в письме доктору Ходжкину, датированном июлем 1840 года, говорит, что она (Либерия) обещает быть единственным успешным учреждением на побережье Африки, учитывая ее цели, а именно: "воспитание африканского раба в свободного человека, уничтожение работорговли, религиозное и моральное улучшение Африки"; и добавляет: "Окрестные африканцы знают о характере колонии, укрываясь от преследований немногих соседних работорговцев. Остатки одного из племен недавно бежали в колонию и поселились в ней на предоставленной им земле". Между двумя моими визитами, а это всего несколько дней, четыре или пять рабов искали убежища от своего хозяина, который собирался продать или уже продал их на единственную на побережье фабрику по производству рабов. Туземные вожди в окрестностях настолько уважают колонистов, что заключили договоры об отмене работорговли".

Капитан Ирвинг в письме к доктору Ходжкину от 3 августа 1840 года замечает: "Вы спрашиваете меня, помогают ли они работорговле? Уверю вас, нет! И я уверен, что колонисты почувствовали бы себя очень обиженными, если бы узнали, что такой вопрос может возникнуть в Англии. На мой взгляд, это самый лучший и безопасный план для уничтожения работорговли и цивилизации Африки, ведь общеизвестно, что где бы ни развевался их флаг, он является бельмом на глазу у работорговцев".

Капитан Герберт, R.N.: "Что касается нынешнего состояния работорговли в колонии Либерия, то я не знаю ни одного случая, чтобы колонист владел или избавлялся от раба. Напротив, я знаю, что они оказывают нашим крейсерам большую помощь в захвате судов, занимающихся этим гнусным промыслом".

Капитан Данлоп, у которого было много возможностей познакомиться с Либерией в 1848-50 годах, говорит: "Я совершенно уверен, что среди граждан республики не существует такого понятия, как домашнее рабство в какой-либо форме".

Коммодор сэр Чарльз Хотэм, главнокомандующий эскадрой Ее Британского Величества на западном побережье Африки, в письме секретарю Адмиралтейства от 7 апреля 1847 года, опубликованном в Парламентских отчетах, пишет: "Изучая корреспонденцию моих предшественников, я обнаружил, что мнения о взглядах и целях поселенцев сильно разделились; некоторые даже обвиняли губернатора в пристрастии к работорговле. Обсудив этот вопрос с офицерами и другими людьми, наиболее компетентными в этом вопросе, я не только убедился в отсутствии разумных оснований для подобных подозрений, но и в том, что это учреждение заслуживает всяческой поддержки, которую мы можем ему оказать, поскольку только благодаря их помощи мы можем надеяться на улучшение африканской расы". Впоследствии, в 1849 году, тот же офицер дал показания в Палате лордов в следующей формулировке: "Нет необходимости в наблюдении эскадры за побережьем между Сьерра-Леоне и мысом Пальмас, так как там находится территория Либерии, и работорговля там уже прекращена".^[113]

Правительство управлялось твердо и мудро, и его друзья повсюду находили повод для огромного удовольствия от его заметных успехов. Хотя под опекой правительства находилось более четверти миллиона туземцев, в обращении с ними на законных основаниях проявлялась величайшая осторожность. Система не была столь сложной, как наша индейская, но обязанности чиновников по работе с нецивилизованными племенами были столь же деликатными, как и у индейского агента в Соединенных Штатах.

"История одного случая проиллюстрирует, каким образом Либерия оказывает свое влияние, не позволяя туземным племенам воевать друг с другом. Территория Литтл-Кейп-Маунт, Гранд-Кейп-Маунт и Галлинас была куплена три или четыре года назад и присоединена к Республике. Вожди, согласно условиям продажи, передали Либерии права на суверенитет и землю и обязались подчиняться ее законам. Правительство Великобритании предоставило лондонской компании Hyde, Hodge, & Co. контракт на поставку рабочих с побережья Африки плантаторам ее вест-индских колоний. Этот контракт был заключен в соответствии с правилом о замене *подмастерьев*, чтобы восполнить нехватку рабочей силы, возникшую в результате освобождения рабов. Агенты компании Hyde, Hodge & Co. посетили Гранд-Кейп-Маунт и предложили вождям по десять долларов за голову за каждого человека, которого они могли бы предоставить в качестве *эмигрантов* для этой цели. Это предложение возбудило коварство некоторых вождей, и, чтобы заполучить эмигрантов и получить вознаграждение, один из них, по имени Бумбо, из Литтл-Кейп-Маунт, прибег к войне с несколькими окрестными племенами. Он опустошил страну, сжег города и деревни, захватил и убил многих жителей, унес сотни других и ограбил несколько фабрик легиона, принадлежавших купцам в Либерии. 26 февраля 1853 года президент Робертс издал прокламацию, предписывающую строгое соблюдение закона о паспортах и запрещающую отплытие любого судна с эмигрантами без предварительного посещения порта Монровия, где каждый

пассажир должен быть проверен на предмет его желаний. 1 марта президент с двумя сотнями человек отплыл к Литтл-Кейп-Маунт, арестовал Бумбо и пятьдесят его сторонников, созвал совет других вождей в Монровии для суда над ним 14-го числа и вернулся домой с пленниками. В назначенное время суд состоялся, Бумбо был признан виновным в "*высоком проступке*" и приговорен "к реституции, восстановлению и возмещению украденных товаров, захваченных людей и причиненного ущерба: выплате штрафа в размере пятисот долларов и заключению в тюрьму на два года". Когда приговор был оглашен, осужденный проливал слезы, считая включение тюремного заключения в свой приговор почти невыносимым. Эти строгие меры, принятые для поддержания авторитета правительства и величия законов, оказали благотворное влияние на вождей. С тех пор не было ни одной вспышки, и опасений относительно опасности в будущем почти нет".^[114]

До Великого восстания в Соединенных Штатах республика принесла много пользы, но после освобождения ее население питается за счет туземцев, получивших образование и обращенных в христианство. Профессор Дэвид Кристи, великий колонизатор, в своей лекции, прочитанной в 1855 году, сказал.

"Если, таким образом, колония цветных людей, начав с менее чем ста человек и постепенно увеличившись до девяти тысяч, за тридцать лет создала независимую республику среди дикого народа, уничтожила работорговлю на шестистах милях африканского побережья, разрушила языческие храмы в одном из крупнейших графств, обеспечила безопасность всем миссиям в своих пределах, а теперь бросает свой щит на триста тысяч туземных жителей, что же не будет сделано в ближайшие тридцать лет колонизацией и миссиями вместе взятыми, если будет достаточно средств, чтобы призвать на помощь все их силы?"

Обстоятельства, приведшие к основанию негритянской республики в дикой Африке, погибли в огне гражданской войны. Негр свободен везде; но республика Либерия стоит и должна стоять до тех пор, пока ее свет не проникнет во мрак Африки и пока язычники не соберутся на яркий свет ее сияния. Пусть она стоит в веках как христианская республика, как верный светильник в темном и безбрежном море африканского язычества!

ССЫЛКИ:

^[106] Ethiopie, p. 197.

^[107] Foreign Travel and Life at Sea, vol. ii. p. 359.

^[108] Письмо епископа Скотта в "Вестнике колонизации", октябрь, 1853 г.

^[109] В "Methodist Missionary Advocate", 1853.

^[110] Gammell's History of the American Baptist Missions, pp. 248, 249.

^[111] Эдвард У. Блайден, Л.Л.Д., президент Либерийского колледжа, уроженец Вест-Индии, - ученый удивительной эрудиции, писатель редких способностей, тонкий рассудитель, проповедник очаровательной грации и один из выдающихся негров мира. Он сам является лучшим аргументом в пользу способности негров к христианской цивилизации. Он входит в число величайших лингвистов мира.

^[112] Отчет епископа Пейна, 6 июня 1853 года.

^[113] Вестник колонизации, декабрь, 1852.

ГЛАВА XI.

РЕЗЮМЕ.

Единство человеческой семьи вновь подтверждено.- Бог дал всем расам людей цивилизацию.- Древность негра не подлежит сомнению.- Идолопоклонство - причина деградации американских рас.- Он всегда занимал место в истории, хотя и случайное.- Негритянский тип, вызванный деградацией.-Негритянские империи - свидетельство грубой способности к самоуправлению.-Влияние двух христианских правительств на Западном побережье на язычников.-Орация о раннем христианстве в Африке.-Обязанность христианства евангелизировать Африку.

[Вернуться к оглавлению](#)

Предыдущие десять глав являются вводными по своему характеру. Мы считали, что они необходимы для истории цветной расы в Соединенных Штатах. Мы хотели объяснить и взорвать две ошибочные идеи - проклятие Ханаана и теорию о том, что негр является отдельным видом, - которые были воспитаны в наших белых соотечественниках в течение долгой и беззвездной ночи рабства негров. Каждому честному изучающему Слово Божье должно быть очевидно, что рабское толкование проклятия Ханаана не имеет под собой оснований в Писании и противоречит широкому и католическому учению Нового Завета. Печальным комментарием к американской цивилизации является то, что некоторые люди, такие как Хелпер, "Ариэль" и автор книги "Адамическая раса", все еще кричат о неполноценности негра; но очень приятно осознавать, что они больше не находят слушателей и читателей, даже на Юге. Человек никогда не ненавидит своих соседей, пока не причинит им вред. Тогда, оправдывая свое неоправданное поведение, он использует клевету в качестве аргумента.

Во время последней войны тысячи уст, наполненных яростью против цветной расы, замолкли, как при виде героических поступков "презираемой расы", а после войны злословие врагов негров превратилось в самую пышную похвалу.

Мы стоим в одном ряду и находимся в согласии с историей и историками - современными и древними, священными и профанами - в вопросе о единстве человеческой семьи. Есть, правда, несколько, которые расходятся во мнениях; но их дикие, бессвязные и неученые теории заслуживают милости нашего молчания.

Мы твердо убеждены, и это не полностью подтверждается историей, что Творец дал всем народам искусства и науки. Там, где народы уклонились в идолопоклонство, они потеряли свою цивилизацию. Хананеи, иевусеи, хивиты и т. д., идолопоклоннические[115] народы, населявшие землю Ханаанскую, были потомками Ханаана; и единственное обвинение, которое Господь предъявил им, повелев Иисусу Навину истребить их, заключалось в том, что они были его врагами[116] во всем том, что подразумевает этот термин. Священная летопись говорит нам, что они были воинственным, сильным народом,[117] жили в обнесенных стенами городах, занимались земледелием и обладали вполне приличной цивилизацией; но они были идолопоклонниками - врагами Божьими.

Стоит подчеркнуть, что древность негритянской расы не подлежит сомнению. Это факт, установленный самыми незыблемыми историческими данными и запечатленный на монументальной меди и мраморе восточных народов самого отдаленного периода времени. Важность и ценность негра обеспечили ему место во всех историях Египта, Греции и Рима. Правда, его положение во всей истории вплоть до сегодняшнего дня было случайным, побочным и сопутствующим; но этого достаточно, чтобы показать, как к нему относились в прошлом другие народы. Самые яркие дни его жизни пришлось на младенческий период истории, а с тех пор, как он рано отвернулся от Бога, против него были обращены холодное лицо ненависти и обидная рука кавказца. Негритянский тип - это результат деградации. Это не более чем низший слой африканской расы. Переливаясь через почтенные горные террасы, обильным потоком из обильного и неизвестного источника, в малярийные районы, истинный африканец постепенно выродился в типичного негра. Его кровь заражена ядом его низкого обитания, его тело дряхлеет от болезней, его интеллект завуалирован языческими суевериями, самые благородные стремления его души задушены при рождении дикими страстями природы, преданной чувственности, - бедный африканский негр заслуживает скорее нашей жалости, чем презрения.

Правда, слабые племена или многие представители негроидного типа были главным источником поставок на невольничий рынок в этой стране в течение многих лет; но рабство в Соединенных Штатах - суровое испытание, через которое нужно было пройти, чтобы стать гражданином и цивилизованным человеком, - вызвало к жизни многие дремлющие и умирающие черты в негритянской природе. Жестокий институт заставил его перейти от крайнего идолопоклонства к крайнему религиозному исполнению своей веры в поклонении. А теперь, когда он стал американским гражданином, - условия и обстоятельства, которые сделали его благочестие соответствующим, отменены, - он, вероятно, перейдет к крайнему рационализму.

Негритянские империи, на которые мы обратили внимание, являются аргументом против теории, что он не имеет правительства, а его карьера в качестве солдата^[118] не опозорила бы мундир американского солдата. Храбрые, быстрые в исполнении, страшные в натиске, неутомимые в энергии, покорные начальству и клановые до ошибки, - способности этих черных солдат достойны хорошего дела.

На краю Темного континента Сьерра-Леоне и Либерия возникли как светлые дома в темном и бурном океане потерянного человечества. Сотни тысяч деградировавших негров были вырваны из мерзких болот, и христианство было принято и оценено ими по достоинству. Эти два негритянских поселения решили две проблемы: способность негра управлять государством и способность туземцев принять образование и христианскую цивилизацию. Сан-Доминго и Ямайка тоже имеют свои уроки, но мы не ставим перед собой задачу написать историю цветного населения мира. Однако эта задача может быть решена когда-нибудь в будущем.

Заинтересованным друзьям томящейся Африки должно быть очевидно, что перед нами стоят еще две проблемы, и они, безусловно, трудны для решения. Во-первых, мы должны решить проблему географии Африки; во-вторых, мы должны силой Евангелия, со всеми сопутствующими благословениями, искупить дикие племена африканцев, которые никогда не слышали прекрасной песни ангелов: *"Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение"*. В том, что эта работа будет выполнена, мы не сомневаемся. Мы очень верим в результаты миссионерской работы, которая сейчас ведется в Африке; и нас особенно ободряет широкий и доброжелательный интерес, пробужденный к Африке благородной

деятельностью доктора Давида Ливингстона и захватывающим повествованием мистера Генри М. Стэнли.

В свете последних событий весьма примечательно, что в конце нашего академического и богословского курса мы выбрали тему, которая, как мы теперь видим, соответствовала этой работе, столь близкой нашему сердцу. Первая оратория была посвящена теме "По следам нации", вторая - "Раннее христианство в Африке". Доктор Ливингстон только что пал мучеником за дело географии, и ораторы и проповедники просвещенного христианства были заняты обсуждением достоинств и заслуг умершего. Именно в десятый день июня 1874 года мы произнесли названную выше речь; и даже на таком расстоянии мы можем вспомнить великолепную аудиторию, которая приветствовала ее, и то чувство, с которым мы ее произносили. Мы были первыми цветными, получившими диплом в этом почтенном и всемирно известном учебном заведении (Ньютонская семинария, центр Ньютона, штат Массачусетс), и поэтому к нашему выпуску проявили большой интерес. Вечером следующего дня мы были рукоположены в Уотертауне, штат Массачусетс; оригинальная поэма, написанная по этому случаю нашим пастором, преподобным Грэнвиллом С. Эбботом, доктором философии, содержала следующие знаменательные стихи: - "Эфиопия - руки Эфиопии".

"Эфиопия руки протягивает,
Mightily have plead with God;
Молитесь не напрасно: время идет.
Ответы, как награда за веру.
Бог верен,
Да, и Аминь - слово Его.

Бесчисленные молитвы, так долго возносимые,
Имеют свой ответ здесь и сейчас;
Нити цели, мудро встретившись
В обете рукоположения.
Африканский брат,
Перед миссией твоей смиренно склоняюсь".

Единственное и, полагаем, достаточное извинение, которое мы можем предложить читателю за упоминание личных вопросов автора, заключается в том, что мы глубоко тронуты, читая эту ораторию, спустя много лет, в оригинальной рукописи, сохранившейся случайно. Вполне уместно привести ее здесь как относящуюся к рассматриваемой теме.

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО В АФРИКЕ.

РЕЧЬ ДЖОРДЖА У. УИЛЬЯМСА,

по случаю окончания ньютонской теологической семинарии, ньютон-центр, штат массачусетс, 10 июня 1874 года.

Африка была одной из первых стран, принявших христианство. Симон, киринейнин, выходец из Африки, нес крест Иисуса на Голгофу. В этом необычном инциденте было больше, чем мы склонны признавать, потому что вскоре пришло время, когда Африка действительно взяла крест Спасителя.

Африканец в порыве любви приветствовал новую религию в своей стране и в своем сердце. Он был готов разделить ее гонения и перенести позор за крест Христов.

Африка стала ареной, на которой в сомнительных поединках сошлись гладиаторы-теологи. Здесь происходили самые ожесточенные доктринальные споры ранней Церкви. Здесь мужчины и женщины, преданные какой-либо идее, стояли непоколебимо, несокрушимо, как пирамиды, против жесточайших преследований. Ее сыновья пополнили благородную армию мучеников и исповедников. Красноречие их пролитой крови донеслось до нас через века и доносит до наших дней.

Именно Африка дала христианской церкви Афанасия и Оригена, Киприана, Тертуллиана и Августина, ее величайших писателей и учителей. Афанасий, миссионер монашества на Западе, был неутомимым врагом арианства, смелым лидером католической партии в Александрии, в раннем возрасте тридцати лет (30) возведенный в епископство, одно из самых важных мест на Востоке. Всегда добросовестный и смелый, вся христианская церковь ощущала его влияние, а императоры и короли боялись его власти. Его жизнь была бурной, потому что он любил истину и учил ей со всей смелостью. Он возненавидел собственную жизнь ради истины. Он считал все потерянным, чтобы приобрести Христа. Он часто подвергался опасностям со стороны лжебратьев, был изгнан в уединенные места земли - в монастыри Фиваиды; и все же он терпел, видя Того, Кто невидим, ожидая награды за обещанное, зная, что обещавший верен.

Ориген был александрийцем по происхождению и культуре, способным проповедником, искусным писателем и богословом большой учености. Его влияние при жизни было огромным и ощущалось еще долго после его смерти.

В Северной Африке Киприан, великий писатель по церковному устройству, пастырь и учитель редких дарований, был первым епископом, положившим свою жизнь за истину. Тени пятнадцати веков лежат на его имени, но и сегодня оно так же немеркнуще, как тогда, когда плачущая толпа шла за ним на мученическую смерть и восклицала: "Умрем вместе с нашим святым епископом".

Проходят усталые столетия, и все еще студент, изучающий церковное устройство, очарован и настраивается блестящими учениями Киприана. Его злейшие враги - те, кто наиболее яростно нападал на него, - в конце концов признали в нем качества великого писателя и учителя; а его громкое имя, передавая свое влияние через века, вызывает восхищение церковных ученых всех поколений.

Тертуллиан, лидер монтанистов, пламенный, импульсивный, сильный проповедник, энергичный писатель, смелый спорщик, организовал секту, которая пережила его, хотя окончательно дезорганизовалась под влиянием Августина, главного богослова ранней Церкви, да и всей Церкви.

Другие отцы создавали богословские системы, которые процветали в течение некоторого времени; но система, созданная Августином, пережила его, пережила последующие века и живет до сих пор.

В Африке появились первые раскольники, отделившиеся от устоявшейся церкви, - донатисты. Они были сепаратистами и пуританами ранней Церкви.

Их борьба была долгой, суровой, но бесполезной. Они были осуждены, но не убеждены; были подавлены, но не покорены; а терпеливый, страдающий,

несгибаемый дух, который они проявили, показывает, какую силу имеет маленькая истина, хранящаяся в вере.

Христианство достигло своего зенита в Африке. Это был ее самый гордый час. Язычество было встречено и побеждено. Церковь прошла через крещение кровью и теперь была всецело посвящена делу своего Великого Главы. Здесь христианство цвело, здесь оно приносило богатые плоды в жизни своих упорных приверженцев. Здесь желудь превратился в крепкий дуб, под которым воины креста ставили свои палатки. Африканская церковь одержала славную победу.

Но в момент великой победы в Северную Африку хлынули сарацины, и на руинах христианства утвердилось магометанство.

Религия Христа была вырвана из своих пут, святой превратился в дитя пустыни, а тихие поселения стали кровавыми полями, где брат проливал кровь брата.

Каким бы славным и возвышенным ни был триумф христианства в Северной Африке, мы не должны забывать, что христианство охватило лишь узкий пояс этой огромной страны на Средиземном море. Ее западная и южная части до сих пор почти полностью неизвестны. Ее бескрайние пустыни, ее могучие реки и ее сумрачные дети все еще недоступны для цивилизации, а ее леса стали могилой для многих, кто хотел исследовать ее внутренние районы. Сегодня Англия стоит у новой могилы неукротимого Ливингстона - ее мужественного сына, который как миссионер и географ провел свои лучшие дни и положил свою жизнь посреди Африки.

Почти три столетия Африка была лишена своих соболиных сыновей. Почти три века они безответно трудились в рабстве в этой юной республике Запада. Из маленькой компании они превратились в чрезвычайно великий народ, насчитывающий пять миллионов человек. Они больше не движимое имущество, а люди, не кабальные люди, а свободные, с почти всеми гражданскими правами.

Их усталые ноги теперь поднимаются на гору науки. Их потемневший интеллект теперь беспрепятственно проникает в сферу образования и культуры. Вместе со своим саксонским братом африканец утоляет свою неутолимую жажду знаний в одном и том же фонтане. В Библии он находит не только один неизменный текст: "Рабы, повинуйтесь своим господам", но и "Все вы братья". "От одной крови сотворил Бог все народы человеческие для обитания по всему лицу земли". "Он не уважает людей".

Негр в этой стране начал наслаждаться благами свободного гражданства. Под солнечным небом христианской цивилизации он слышит вокруг себя голоса прогресса, призывающие его двигаться вперед и вверх. Из-за океана, из джунглей Африки доносятся голоса обездоленных и погибающих. Каждое дуновение ветерка несет в себе македонский призыв: "Люди африканской расы, придите и помогите нам!"

"Разве мы, чьи души озарены
Мудростью свыше, -
Неужели мы, чьи души озарены мудростью свыше.
Светильник жизни отвергнем?"

Бог часто допускает зло на основании свободной воли человека, но не совершает его.

Негр в этой стране может обратиться к своим братьям-саксам и сказать, как Иосиф сказал своим братьям, которые нечестиво продали его: "Что касается вас, то вы хотели зла, а Бог хотел добра; чтобы мы, научившись вашим искусствам и наукам, вернулись в Египет и освободили остальных наших братьев, которые еще находятся в доме рабства".

Этот день настанет! Ее цепи будут разорваны мечом цивилизации и свободы. Наука проникнет в ее дремучие леса, поднимется на ее высочайшие горы и откроет ее богатейшие сокровища. Солнце праведности и звезда мира ворвутся в ее затуманенное грехом видение и улыбнутся ее обновленным домохозяйствам Гимн пришествия Искупителя пронесется по ее лесам и отзовется эхом в ее горах. Эти сумрачные дети пустыни, которые сейчас бродят и грабят, осядут на тихих промышленных работах. Собираясь в деревни, занимаясь ремеслом и сельским хозяйством, они станут хорошо дисциплинированным обществом, а не бродячей варварской ордой.

Субботние колокола созовут из разбросанных коттеджей улыбающееся население, связанное дружбой и счастливое во всей сладости домашней благотворительности. Таким образом, слава ее последнего дня будет больше, чем в начале, *и Эфиопия протянет свои руки к Богу.*

Мы искренне желаем и молимся, чтобы друзья миссий во всех местах, куда Бог в своем провидении может послать эту историю, внимательно рассмотрели тему цивилизации и христианизации Африки. На западном побережье Африки должны быть основаны лучшие школы, какие только может себе позволить мир. Туземцы должны получать образование дома, а миссионерские станции должны быть основаны под самой тенью языческих идолов. Лучшие таланты и богатые средства были направлены в Сиам, Китай и Японию. Почему бы не послать лучшие таланты и необходимые средства в Либерию, Сьерра-Леоне и на мыс Пальмас, чтобы местные миссионеры могли быть подготовлены для форпостов Господа? В мире нет более многообещающего миссионерского поля, чем Африка, и все же наши друзья в Америке проявляют так мало интереса к этой работе! Господь собирается спасти этот темный континент, и Его слугам здесь следует проявить честь и сделать что-то, чтобы ускорить завершение этой неизбежной работы! Африка должна быть искуплена африканцами, и белые христиане этой страны могут оказать помощь в этом деле, сделав щедрые пожертвования. Сделаете ли вы это, братья? Да поможет вам Бог!

ССЫЛКИ:

[115] Втор. xii. 2, 3, также 30-й стих.

[116] Втор. vi. 19.

[117] Втор. vii. 7.

[118] Из Египта пришло известие, что лучшие артиллеристы Араби Пача - солдаты-негры.

Часть II.

РАБСТВО В КОЛОНИЯХ.[119]

ГЛАВА XII.

КОЛОНИЯ ВИРДЖИНИЯ.

1619-1775.

Ввоз первых рабов.- "Казначей" и голландский военный человек.- Правильная дата.- Количество рабов.- Было ли их двадцать или четырнадцать? - Споры о владении рабами.- Характер ввозимых рабов и характер колонистов.- Расовые предрассудки.- Юридическое установление рабства. Кто является пожизненным рабом.- Обязанности импортированных рабов.- Политические и военные запреты в отношении негров.- Личные права.- Уголовные законы против рабов. Эмансипация.- Как это произошло.- Свободные негры.- Их права.- Моральное и религиозное воспитание.- Население.- Рабство прочно установлено.

[Вернуться к оглавлению](#)

Вирджиния была матерью рабства, а также "матерью президентов". К несчастью для нее, к несчастью для других колоний и втройне к несчастью для бедных цветных людей, которые с 1619 по 1863 год отдавали свою свободу, свой труд, - безропотно, - свои тела и интеллект учреждению, которое растирало их в порошок. Ни одно событие в истории Северной Америки не несло в себе до последнего анализа таких ужасных сил. Оно затронуло самые яркие черты общественной жизни, и они померкли под его ядовитым дыханием. Оно повлияло на законодательство, местное и национальное; оно создало и погубило государственных деятелей; оно подавило и запугало честные общественные настроения; оно задушило голос прессы и заставило кафедру молчаливо повиноваться; оно организовало судебную власть в штатах и написало решения для судей; Она дала государствам их политическое бытие, а затем протащила их за передние волосы по бурному морю гражданской войны; приложила отцеубийственные пальцы измены к честному горлу Свободы, - и во все грядущие времена ни одно событие не будет вызывать более искреннего сожаления, чем введение рабства в колонии Виргиния в последние дни месяца августа 1619 года!

Большинство авторов американской истории, а также большинство историков Виргинии, от Беверли до Хоуисона, ошиблись в определении даты введения первых рабов. Мистер Беверли, чья история Виргинии была напечатана в Лондоне в 1772 году, несет ответственность за эту ошибку, и почти все последующие авторы, за исключением трудолюбивого и ученого Бэнкрофта и эрудированного Кэмпбелла, повторили его ошибку. Мистер Беверли, рассказывая о том, что бургомистры "встретились с губернатором и советом в Джеймс-Тауне в мае 1620 года", добавляет в следующем абзаце: "В августе следующего года голландский военный человек высадил на берег двадцать негров для продажи; это были первые негры такого рода, которых привезли в страну".^[120] Под словами "в августе следующего года" мы подразумеваем, что Беверли хотел бы, чтобы его читатели поняли, что это произошло в 1620 году. Однако Бёрк, Смит, Кэмпбелл и Нилл указывают в качестве даты 1619 год.^[121] Но нас убеждает мысль, что первые рабы были высажены на берег еще раньше. В истории капитана Джона Смита, напечатанной в Лондоне в 1629 году, есть лишь случайное упоминание о завозе рабов в Виргинию. Он упоминает под датой 25 июня, что "губернатор и совет заставили бургезов быть выбранными во всех местах",^[122] что на месяц позже, чем это событие, зафиксированное Беверли. Смит говорит о судне под названием "Джордж", которое было "отправлено на Ньюфаундленд" за рыбой и, отправившись в путь в мае, вернулось после "семи недельного плавания". В следующем

предложении он говорит: "Примерно в последних числах августа прибыл голландский военный человек, который продал нам двадцать негров".[123] Не мог ли он иметь в виду, что "примерно в конце прошлого августа" пришел голландский военный человек и т. д.? Все историки, кроме двух, согласны с тем, что эти рабы были высажены в августе, но расходятся во мнениях относительно года. Капитан Аргалл, на которого Виргинская компания так много жаловалась лорду Делавару,[124] оборудовал корабль "Казначей" за счет графа Уорика, который прислал ему "старую враждебную комиссию герцога Савойского против спаньяров", для "филистерского" плавания в Вест-Индию.[125] И "после нескольких враждебных актов, совершенных и приобретенных, она возвращается в Виргинию в конце десяти месяцев или около того".[126] Именно ранней осенью 1618 года[127] капитан Эдвард (сын Уильяма) Брюстер был отправлен капитаном Аргаллом в изгнание; и это, как мы думаем, было одним из последних, если не последним официальным актом этого самовольного губернатора. Конечно, именно до этого корабль "Казначей", укомплектованный "самыми способными людьми в колонии", отплыл в "испанские владения в Западном полушарии". Под датой 15 июня 1618 года Джон Рольф, рассказывая о смерти индейца Поухатана, которая произошла в апреле, говорит: "Между капитаном Брюстером и капитаном Аргаллом произошли некоторые частные разногласия" и т. д.[128] Информация капитана Джона Смита, полученная от мастера Рольфа, позволяет сделать вывод, что затруднения, возникшие между капитаном Эдвардом Брюстером и капитаном Аргаллом, произошли весной, а не осенью, как говорит Нилл. Если верно, что "Казначей" отплыл ранней весной 1618 года, то заявление Рольфа о времени раздора между Брюстером и Аргаллом согласуется с фактами, касающимися продолжительности отсутствия судна, как записано в истории Берка. Но если Нилл прав в отношении времени ссоры, - а мы утверждаем, что именно в это время Аргалл покинул колонию, - то его заявление согласуется с рассказом Берка о времени, когда судно находилось в плавании. Таким образом, если судно отплыло в октябре 1618 года и отсутствовало десять месяцев, то в Джеймстаун оно должно было прибыть в августе 1619 года.

Но, тем не менее, нам странно верить, что именно 1618 год стал памятным годом высадки первых рабов в Виргинии. И на нашей стороне есть один сильный и надежный авторитет. Стит в своей истории Виргинии устанавливает дату 1618 года.[129] На той же странице приводится рассказ о суде и приговоре капитану Брюстеру. Корабль "Казначей", очевидно, покинул Англию зимой 1618 года. Когда оно достигло колонии Вирджиния, на нем была новая команда и богатые припасы для плавания. Нилл говорит, что она вернулась с добычей и "некоторым количеством негров". Кэмпбелл согласен с тем, что "Казначей" вернулся в Виргинию за некоторое время до высадки голландского корабля. Он говорит: "Она вернулась в Виргинию примерно через десять месяцев со своей добычей, состоявшей из захваченных негров, которых не оставили в Виргинии, поскольку капитан Аргалл вернулся в Англию, а поселили на плантации графа Уорвика на Сомерских островах".[130]

На протяжении последних двух с половиной столетий читателей истории Виргинии вводили в заблуждение относительно этих двух судов - голландского корабля и "Казначей". Голландский корабль высадил первых рабов, но корабль "Казначей" был первым, кто привез их в эту страну в 1618 году.

Когда в 1619 году голландский корабль доставил первых рабов в Виргинию, капитан Майлс Кендалл был заместителем губернатора. Военный корабль утверждал, что плывет по поручению принца Оранского. Капитан Кендалл отдал приказ, чтобы судно не высаживалось ни в одной из его гаваней: но на судне не было провизии, и негры, в количестве *четырнадцати* человек, были предложены в качестве припасов. Капитан Кендалл принял

рабов, а взамен снабдил корабль желанной провизией. Тем временем прибыл капитан Батлер, который взял на себя управление делами Виргинской компании и лишил Кендалла его рабов, утверждая, что они являются собственностью графа Уорика. Он настаивал на том, что они были взяты с корабля "Казначей", [131], "с которым сговорился упомянутый голландский военный корабль". Огорченный и обиженный на губернатора Батлера, капитан Кендалл поспешил вернуться в Англию, чтобы изложить свое дело в Лондонской компании и добиться справедливости. Граф Уорик явился в суд и потребовал, чтобы негры были его собственностью, как принадлежавшие его кораблю "Казначей". Граф представил все, что могло бы смутить Кендалла. В конце концов, как последнее средство, против него были выдвинуты официальные обвинения, и дело было передано Батлеру для принятия решения. Капитан Кендалл не преминул оценить всю серьезность своего дела, когда в Лондоне против него были выдвинуты обвинения, а суд был назначен над человеком, от которого он требовал реституции! Дело оставалось в *статус-кво* до июля 1622 года, когда суд вынес решение по этому делу. Девять рабов должны были быть переданы капитану Кендаллу, "а остальные - в пользование компании". Это решение было принято судом после того, как граф Уорик передал дело на усмотрение и беспристрастность судей. Суд поручил капитану Бернарду, который в то время был губернатором, проследить за тем, чтобы его постановление было исполнено. Но пока постановление суда находилось в процессе *исполнения*, Бернард умер. Граф, узнав об этом событии, немедленно написал письмо, в котором сообщал, что рабы *не* должны быть переданы Кендаллу; и, воспользовавшись преимуществом - чисто техническим - упущением имени капитана голландского корабля, капитан Кендалл так и не получил своих девять рабов.

Следует отметить, что, хотя Рольф в истории капитана Смита называет число рабов на голландском судне равным *двадцати*, как и Беверли, довольно странно, что Совет Виргинии в 1623 году утверждает, что командир голландского корабля сказал капитану Кендаллу, что "у него на борту четырнадцать негров!". [132] Более того, утверждается, что рабы, захваченные "Казначеем", были поделены между матросами, и те, будучи обманутыми в своих доходах, потребовали вмешательства суда. [133] Так вот, эти рабы с "Казначей" "были помещены на земли графа Уорвика на Бермудах, и там содержались и содержались для использования его светлостью". Очевидно несколько вещей, а именно: существует ошибка между заявлением Совета Виргинии в их декларации от 7 мая 1623 года о количестве рабов, высаженных на берег военным кораблем, и заявлениями Беверли и Смита. И если на Смита можно положиться в том, что рабы "Казначей" были доставлены на "земли графа Уорика на Бермудах и там содержались", то претензии его светлости на рабов, полученных капитаном Кендаллом с голландского корабля, не были основаны на правде и справедливости!

Независимо от того, было ли их четырнадцать или двадцать, исторический факт не подлежит сомнению: колония Вирджиния приобрела первых негров и тем самым открыла гнусную торговлю человеческой плотью. Колония Вирджиния должна сказать, что эти рабы были навязаны им; что их брали в обмен на еду, чтобы утолить голод голодающих моряков; что рабство белых [134] было обычным делом, и многие белые были каторжниками [135] из Англии; и чрезвычайный спрос на рабочую силу, возможно, привел к тому, что моральные чувства колонистов омертвели, осознав чудовищность великого преступления, участниками которого они являлись. Женщин продавали в жены, [136] а иногда похищали [137] в Англии и отправляли в колонию. В моральной атмосфере колонии не было ничего, что могло бы противостоять духу рабства, который проявился так рано в истории этого народа. Англия всегда держала свой скипетр над рабами того или иного характера: холопами в феодальную эпоху, ворованными африканцами при Елизавете и в доме Тюдоров; кавказскими детьми, чья немецкая кровь прослеживалась не только в битве при Гастингсе, в ее шахтах, на фабриках и

мельницах; и побежденными брахманами в ее восточных владениях. Как же можно было ожидать меньшего от этих "рыцарей" и "авантюристов", которые "деградировали человеческий род из-за исключительного уважения к привилегированным классам"?[138]

Институт рабства, основанный однажды, весьма примечателен тем, что его рост был столь медленным. Согласно переписи населения, проведенной 16 февраля 1624 года, во всей колонии насчитывалось всего двадцать два человека.[139] Одиннадцать было в Сотне Флурдые, три - в Джеймс Сити, один - на острове Джеймс, один - на плантации напротив Джеймс Сити, четыре - в Уорисквойяке и два - в Элизабет Сити. В 1648 году население Виргинии составляло около пятнадцати тысяч человек, а рабов - триста.[140] Причина медленного роста числа рабов не была связана с какими-либо колониальными запретами. Люди, которые занимались тем, что отрывали беззащитных африканцев от родного дома, со временем узнали, что эта колония в данный момент является готовым рынком для их беспомощных жертв. Какие бы чувства или угрызения совести, если таковые вообще существовали, ни были у колонистов по отношению к теме работорговли, они были уничтожены в момент зачатия золотыми надеждами на большие прибыли. Широты, урожайность почвы, спрос на рабочую силу, обычай отдавать в аренду белых слуг - все это было достаточным основанием для того, чтобы обречь негра на пожизненное рабство.

Объектами рабства становились несчастные, которых сильные мира сего выталкивали на внешний край организованного африканского общества, где из-за пренебрежения или жестокого обращения они отдавались на милость скупости и злобы. Мы уже говорили, что слабые племена Африки вытеснены на аллювиальные равнины этого континента; там они погибали в огромных количествах или становились добычей более могущественных племен, которые вступали в сговор с охотниками за рабами. Болезни, войны племен в Африке и безжалостная жадность охотников за рабами заселили колонию Вирджиния людьми, которые должны были обрабатывать землю. Африканские преступники, по давнему обычаю, продавались в рабство как высшая мера наказания, кроме смерти; и часто это было предпочтительнее кабалы. Многие из таких преступников нашли путь в колонию. Быть кабальными людьми среди соседних племен на родине было ужасно; но носить цепи в чужой стране, подчиняться бесчеловечному обращению жестоких надсмотрщиков было испытанием, которое разжигало последний умирающий уголек мужественности и негодования.

Характер импортируемых рабов и плачевное состояние белых слуг привели к довольно аномальному результату. "Слуги-мужчины и рабы обоих полов" были связаны между собой товариществом по труду. Но различие, "сделанное между ними в одежде и пище"[141], проводило границу не между их социальным положением, - ибо оно было одинаковым, - а между их национальностью. Сначала было социальное отчуждение, затем юридические различия и, наконец, политические разногласия и распри. Чтобы притеснять слабых и оправдывать нехристианское различие между Божьими созданиями, люди, желающие возвыситься, должны были прибегнуть к помощи закона. Лютер мог бы бесстрашно идти на Вормсский собор, если бы каждая плитка в доме была дьяволом; но Макбет был побежден воспоминанием о том, что он причинил зло добродетельному Дункану и непокорному Банко, задолго до того, как был убит Макдуфом. Совесть всегда нуждается во множестве уловок, чтобы защититься от страшных случайностей. Так, когда общество в колонии Вирджиния решило, что негры в их среде - простые язычники,[142] они были готовы наказать любого, кто имел дерзость переступить черту, проведенную между расами. То, что белые слуги колонии, вступавшие в естественный контакт с неграми, были "нарушителями порядка" или каторжниками, присланными в Виргинию по указу английского короля, не было смягчающим

обстоятельством. Общественные настроения и закон установили, что между расами не должно быть никаких отношений. Первый запрет был сделан "17 сентября 1630 года". Хью Дэвис, белый слуга, был публично выпорот "перед собранием негров и других" за то, что осквернил себя с негритянкой. От него также потребовали, чтобы он признался в этом в следующую субботу.^[143]

Зимой 1639 года, 6 января, во время пребывания на посту сэра Фрэнсиса Уайетта, Генеральная ассамблея приняла первый запрет на негров. "Все люди", несомненно, включая индейцев, "кроме негров", должны были иметь оружие и боеприпасы или подвергаться штрафу, который должен был налагаться "губернатором и советом".^[144] Записи слишком скудны, и сейчас невозможно судить, что послужило истинной причиной принятия этого закона. Мы уже обращали внимание на тот факт, что рабы составляли лишь малую толику от *общей* массы населения. Не может быть, чтобы храбрые виргинцы боялись восстания! Это было еще одно напоминание о том, что "негры - язычники", а значит, не имеют права на привилегии свободных христиан? Это было не действие того правительства, которое в своей сознательной правоте "может обратить в бегство десять тысяч", а скорее непростительная слабость больной совести, которая шатается в поисках убежища, "когда никто не преследует".

Мистер Бэнкрофт считает, что "особый налог на женщин-рабов"^[145] был призван воспрепятствовать торговле. Нам так не кажется. Похоже, что Ассамблея Вирджинии пыталась установить дружеские отношения с голландцами и другими народами, чтобы обеспечить "торговлю". Табак был главным товаром колонистов. Актом^[146] от марта 1659 года они намеревались гарантировать самую полную свободу "торговли с ними". Однако они требовали, чтобы иностранцы "давали залог и платили пошлину в размере десяти шиллингов за голову табака, взимаемую со всего табака, экспортируемого в любые иностранные владения". В том же акте говорится, что при продаже рабов за табак сумма пошлин будет составлять "два шиллинга за голову", что было лишь номинальной суммой, которую платили сами колонисты. Этот закон был принят за несколько лет до того, как стал законом тот, который цитирует мистер Бэнкрофт. Судя по всему, при определении лиц, облагаемых налогом в колонии, возникло немало проблем. Совершенно очевидно, что LIV. Закон от марта 1662 года, который, по мнению г-на Бэнкрофта, был призван воспрепятствовать импорту рабов путем обложения налогом женщин-рабов, направлен только на то, чтобы определить, кто должен облагаться налогом. Это общий закон, объявляющий, "что все лица мужского пола, какого бы возраста они ни были ввезены в эту страну, должны быть взяты в листы и обязаны платить все налоги, и все негры, мужчины и женщины, которые будут ввезены, должны быть обложены налогом, и все индийские слуги мужского или женского пола, как бы они ни были получены, будучи признаны шестнадцатилетними, должны быть также обложены налогом, от которого никто не должен быть освобожден".^[147] Беверли говорит, что "слуги-мужчины и рабы обоих полов" работали вместе. Похоже, что белых женщин было так мало, что они пользовались большим уважением. Но женщины-негритянки и индианки облагались налогом; хотя индейские дети, в отличие от негритянских, не содержались как рабы.^[148] Согласно закону LIV. Закон LIV. освобождает от налога только один класс - белых женщин, и, мы можем добавить, лиц моложе шестнадцати лет.^[149] Таким образом, то, что мистер Бэнкрофт принимает за репрессивное законодательство против работорговли, является лишь освобождением белых женщин и призвано поощрить их приезд в колонию.

По закону рабы и слуги различались так: "рабы на всю жизнь, а слуги на время".^[150] Рабство существовало с 1619 по 1662 год, не имея никакой санкции в законе. 14 декабря 1662 года

были заложены основы института рабовладения в старой юридической максиме "*Partus sequitur ventrum*", согласно которой потомство матерей-рабынь должно следовать за их состоянием.[151] Этим актом были достигнуты две цели: рабство получило прямую санкцию статутного права, а также стало наследственным. 6 марта 1655 года - за семь лет до вышеупомянутого времени - был принят закон, объявлявший, что все индейские дети, привезенные в колонию дружественными индейцами, не должны рассматриваться как рабы,[152] но должны обучаться ремеслам.[153] Таким образом, по косвенным признакам рабство существовало в это время на законных основаниях, но акт 1662 года стал первым прямым законом на эту тему. В 1670 году возник вопрос о том, должны ли индейцы, захваченные на войне, быть рабами на несколько лет или пожизненно. Акт, принятый по этому вопросу, весьма примечателен по языку, в котором он сформулирован; он показывает, что был принят для того, чтобы освободить индейца и установить срок рабства негра вне всяких сомнений. "*Решено и постановлено, что все слуги, не являющиеся христианами, ввезенные в эту колонию морским путем, должны быть рабами на всю жизнь; но те, кто прибудет по суше, должны служить, если мальчики или девочки, до тридцати лет, если мужчины или женщины - двенадцать лет и не более*".[154] Этот замечательный акт был продиктован страхом и политикой. Несомненно, индейцев презирали так же сильно, как и негров; но индеец находился на своей родной земле и, следовательно, был более опасным[155] субъектом. Наученные прошлым и опасаясь будущего, благоразумные колонисты объявили этим актом, что те, кто "прибудет по суше", не должны попадать в пожизненное рабство. Хотя этот закон был принят для определения правового статуса индейца, в то же время с равной силой определяет судьбу негра, которому выпало несчастье попасть в колонию. "*Все слуги, не являющиеся христианами, ввезенные в эту колонию морем, должны быть рабами на всю жизнь*". Таким образом, в 1670 году Виргиния, не испытывая отвращения к этому институту, торжественно объявила, что "все слуги-нехристиане" - язычники-негры, прибывающие в ее "колонию по морю" - другого пути для них не было! - должны "*быть рабами на всю жизнь*!"

В 1682 году колония находилась в процветающем состоянии. Богатство обычно делает людей тиранами, а большой успех в бизнесе - немилосердными. Хотя индейцы в специальных актах не классифицировались как рабы, а лишь считались "слугами на срок в несколько лет", растущее богатство и увеличение численности колонистов, казалось, оправдывали их желание сбросить маску. Акт от 3 октября 1670 года, определявший, кто должен быть рабом, был отменен на ноябрьской сессии Генеральной ассамблеи 1682 года. Теперь индейцев сделали рабами,[156] и поставили на одну юридическую ступень с неграми. Священный обряд крещения[157] не менял положения детей - индейцев или негров - при рождении в рабстве. И рабство, как жестокий и бесчеловечный институт, процветало и увеличивалось с каждым годом.

Поощряемые дружественным законодательством, голландцы занимались работорговлей с рвением, равным лишь огромным прибылям, которые они получали от плантаторов. Мало того, что была нарушена вера с дружественными индейцами, а их дети были обречены законом на ад вечного рабства; мало того, что индейцы и негры были вынуждены служить всю жизнь без ответа. 4 октября 1705 года "Акт, объявляющий негров, мулатов и индейских рабов в пределах этого доминиона недвижимым имуществом"[158] был принят без единого несогласного голоса. До этого времени суды называли их движимым имуществом, а теперь они должны были стать недвижимостью. Однако в этом законе было несколько оговорок. Купцы, прибывшие в колонию с рабами, которые еще не были проданы, не должны были подпадать под действие этого закона до тех пор, пока рабы не перейдут к ним в *результате добросовестной* продажи. До этого момента их рабы рассматривались законом как

движимое имущество. Если хозяин умирал без законных наследников, его рабы не вымораживались, а рассматривались как другое личное имущество или собственность. Имущество рабов подлежало принудительному взысканию в счет уплаты долгов и могло быть взыскано по личному иску.[159]

Единственное оправдание порабощения негров, которое мы можем найти во всех записях этой колонии, заключается в том, что они "были язычниками". В каждом законодательном акте, от первого до последнего, за тот период, когда колония находилась под контролем Англии, тщательно прописано, что все люди - и индейцы, и негры, - которые "не являются христианами", должны быть рабами. И их обращение в христианство впоследствии не освобождало их от рабства.[160]

Акт о том, что рабы-индейцы, мулаты и негры являются недвижимым имуществом, принятый в октябре 1705 года при королеве Анне и одобренный ею, был "разъяснен" и "исправлен" в феврале 1727 года, во время правления короля Георга II. Был ли этот акт принят из желания предотвратить мошенничество, подобно "Статутам о мошенничестве", выяснить невозможно. Но это был акт, который показал, что рабство стало настолько распространенным институтом, что не вызывает человеческих симпатий. А попытка "объяснить" и "исправить" его жестокие положения была лишь слабым предвестником последующих бед. Из этого закона выросло бесчисленное множество исков, а суды и адвокаты придерживались противоречивых толкований и конструкций. Были ли жалобы поданы Его Величеству королю, в записях не сообщается; и были ли им движимы гуманные чувства - понять довольно сложно. Но 31 октября 1751 года он издал прокламацию, отменяющую закон, объявляющий рабов недвижимостью.[161] Прокламация отменяла девять других актов и повергла колонию в смятение.[162] Остается надеяться, что король руководствовался самыми благородными побуждениями, отменяя один из самых бесчеловечных законов, когда-либо позоривших правительство любого цивилизованного народа. 15 апреля 1752 года Генеральная ассамблея обратилась к королю с воззванием, в котором "смирненно" протестовала против прокламации. Законодатели колонии были склонны сомневаться в прерогативе короля в этом вопросе. Они обратили внимание его величества на то, что он предоставил "губернатору" "полную власть и полномочия с совета и согласия совета" принимать необходимые законы; но они не осознали в полной мере, что его величество, в соответствии с оговоркой, содержащейся в предоставлении полномочий губернатору и совету колонии, использует свое вето. Они перечислили причины, побудившие их принять закон, рассказали о выгодах, которые приносит подданным Его Величества превращение людей в недвижимость,[163] и завершили свое выступление трогательным призывом сохранить обжалуемый акт, чтобы рабы *"не были одновременно недвижимостью в одних отношениях, личным имуществом в других, и тем более в третьих!"*. История не сохранила сведений о том, что грубый старый король был тронут этим искренним призывом и убедительными аргументами Виргинской ассамблеи.

В 1699 году правительственные здания в Джеймс-Сити были разрушены. Пытаясь найти средства для строительства нового Капитолия, Генеральная ассамблея 11 апреля вышеупомянутого года приняла закон, устанавливающий "пошлину на слуг и рабов, ввозимых"[164] в колонию. Пятнадцать шиллингов составлял налог, взимаемый с каждого ввозимого слуги, "не рожденного в Англии или Уэльсе, и двадцать шиллингов за каждого негра или другого раба", ввезенного таким образом. Доходы от этого налога на слуг и рабов должны были пойти на строительство нового Капитолия. Каждое судно с рабами осматривал таможенник. Командир судна должен был указать имена и количество ввозимых слуг и рабов, место их рождения и уплатить пошлину, взимаемую с каждого из них, прежде чем им

будет разрешено высадиться на берег. Этот закон должен был действовать в течение "трех лет с момента его опубликования и не более".^[165] Но летом 1701 года его действие было продлено до 25 декабря 1703 года. Акт был принят как временная мера для обеспечения доходов, необходимых для строительства Капитолия.^[166] Очевидно, он не был предназначен для того, чтобы остаться частью кодекса колонии. В 1732 году он был возрожден актом, из преамбулы которого можно сделать вывод, что правительство страны не было настроено дружелюбно по отношению к его принятию. Короче говоря, акту предшествует мольба о разрешении на его принятие. Какими бы ни были настроения в Англии по поводу взимания пошлин со слуг и рабов, можно с уверенностью сказать, что колонисты были согласны с духом и буквой этого акта. Каждому честному студенту, изучающему историю, должно быть ясно, что до этого времени не было предпринято ни одной попытки излечить растущее зло рабства. Когда взимался налог на ввозимых рабов, целью было пополнение казны колониального правительства. В 1734 году был принят еще один закон о налоге на ввозимых рабов, поскольку он "был признан очень легким для подданных этой колонии и ничуть не обременительным для торговцев рабами".

Дополнительным основанием для сохранения закона было то, что "можно было бы собрать достаточный доход" "для предотвращения или уменьшения налога на опрос".^[167] И в 1738 году этот закон, "как показал опыт, является легким средством для сбора дохода, чтобы уменьшить налог на пул, всегда тягостный для жителей этой колонии, и никоим образом не обременительный для торговцев рабами", был принят вновь. В каждом случае, на протяжении всех этих лет, введение налога на рабов, ввозимых в колонию, преследовало лишь одну цель - получение дохода. В 1699 году целью обложения налогом ввозимых рабов было строительство Капитолия; в 1734 году - облегчение бремени налогов для подданных колонии; а в 1740 году - получение средств для сбора и перевозки войск на службу Его Величества.^[168] Первоначальная пошлина осталась; кроме того, с каждого ввозимого раба требовалось дополнительно взимать пять процентов сверх двадцати шиллингов, предусмотренных предыдущими актами.

В 1742 году налог был продолжен, поскольку он был "необходим" "для погашения государственных долгов".^[169] И снова, в 1745 году, он по-прежнему считался необходимым "для поддержания государственных расходов".^[170] Закон, в юридическом смысле, истек по сроку давности, но по духу оставался в полной силе, пока не был возрожден актами 1752-53 годов.^[171] Весной 1755 года Генеральная ассамблея увеличила налог на ввозимых рабов сверх ранее установленной законом суммы.^[172] В это время пошлина составляла десять процентов с каждого раба, проданного в колонию. Тот же закон был повторно принят в 1757 году,^[173] и, когда срок его действия истек, был возобновлен в 1759 году, чтобы действовать "в течение семи лет, начиная с этого момента".^[174]

Воодушевленная большими доходами от налога, взимаемого со слуг и рабов, ввозимых в колонию из других стран, Генеральная ассамблея выступила за возрождение налога на импорт. Акт 1699 года требовал взимать налог с "импортера" и со всех лиц, занятых в работорговле, которые были подданными Великобритании и резидентами колонии; но в конце концов налог стал для них непосильным бременем. Чтобы обойти закон и избежать налога, они часто отправлялись в Мэриленд и Каролину и покупали рабов якобы для личного пользования, но на самом деле для продажи на местном рынке. Чтобы предотвратить это, был принят закон о введении налога в размере двадцати процентов со всех таких продаж;^[175] но против этого закона поднялся большой шум. Двадцать процентов от общей суммы за каждого раба, которые платил тот, кто совершал покупку, были бременем, которое плантаторы переносили с трудом. Вопрос о снижении налога до десяти процентов вызывал ожесточенную дискуссию. Аргументы в пользу снижения были тройными: "очень

обременительно для честного покупателя", вредно "для заселения и улучшения земель" в колонии и сильно препятствует "ввозу рабов и тем самым уменьшает средства, получаемые от пошлин на рабов".[176] Снижение было произведено в мае 1760 года, а под дополнительным давлением дополнительная пошлина на ввозимых рабов, которую должен был "оплатить покупатель", была отменена вовсе.[177] Но в 1766 году пошлина на ввозимых рабов была восстановлена;[178], а в 1772 году был принят закон, возрождающий "дополнительную пошлину" на "ввозимых рабов", и он действовал до тех пор, пока колонии не сбросили британское иго в 1775 году".[179]

За всю эту эпоху, с 1619 по 1775 год, нет ни одного исторического свидетельства того, что колония Виргиния когда-либо пыталась каким-либо образом запретить ввоз рабов. То, что она поощряла эту торговлю, мы имеем множество свидетельств; а в том, что она обогащалась за счет этого, никто не может сомневаться.

В период, о котором мы только что упомянули, рабы в этой колонии не имели ни политических, ни военных прав. Еще в 1639 году[180] Ассамблея *запретила* им владеть или носить оружие; а в 1705 году специальным актом им было запрещено занимать или исполнять "любые должности, церковные, гражданские или военные, или любые места общественного доверия или власти"[181] в колонии. Если у них находили "пистолет, меч, дубину, посох или другое оружие",[182] их передавали констеблю, который должен был нанести "двадцать ударов плетью по голой спине". Было сделано лишь одно исключение. Там, где негры и рабы-индейцы жили на границе колонии, часто преследуемые хищными бандами враждебных индейцев, они могли носить оружие, предварительно получив письменное разрешение от своего хозяина;[183] но даже в этом случае они находились под наблюдением белых.

Что касается личных прав, то мы не видим, чтобы у рабов они были. Им не разрешалось покидать плантацию, на которой они находились как движимое или недвижимое имущество, без письменного свидетельства или пропуска от хозяина, который выдавался только в самых чрезвычайных обстоятельствах.[184] Если они осмеливались поднять руку на белого человека или "христианина" (?), как они любили себя называть, их наказывали тридцатью ударами плетью; а если раб осмеливался сопротивляться своему хозяину, когда тот его исправлял, его могли убить; при этом хозяин оставался невиновным перед законом.[185] Если раб оставался на другой плантации более четырех часов, его хозяин должен был заплатить штраф в размере двухсот фунтов табака.[186] А если кто-либо из белых вступал в коммерческие отношения с рабом, он подлежал заключению в тюрьму на один месяц без права внесения залога и должен был дать залог в размере десяти фунтов.[187] Если раб зарабатывал и владел лошадью и коляской, их можно было конфисковать;[188] и церковному старосте поручалось продать эти вещи. Даже с полного разрешения хозяина, если раба заставляли в колонии за торговлей какими-либо предметами для своей или хозяйской выгоды, его хозяин подвергался штрафу в десять фунтов; этот штраф шел церковному старосте в пользу бедняков того прихода, в котором раб торговал.[189]

Во всех вопросах права, как гражданского, так и уголовного, раб не имел никаких прав. Согласно акту 1705 года, католики, индейцы и негры-рабы были лишены права выступать в качестве "свидетелей в любых делах", "не будучи христианами";[190] но это было несколько изменено в 1732 году, когда негры, индейцы и мулаты были допущены в качестве свидетелей в суде над рабами.[191] В уголовных делах раб мог быть арестован, брошен в тюрьму, судим и осужден, причем против него мог быть только один свидетель, а приговор выносился без присяжных. Торжественность и достоинство "суда присяжных", которыми так любят хвастаться англичане, не были предоставлены преступнику-рабу.[192] При казни раба

устанавливалась его стоимость, и Генеральная ассамблея должна была ассигновать сумму, покрывающую стоимость раба, для возмещения ущерба хозяину.[193] Более пяти рабов, собравшихся вместе "для восстания или мятежа", считались "преступлением"; они подлежали "смертной казни и были полностью лишены права пользоваться услугами духовенства"[194], но если один раб был виновен в непредумышленном убийстве другого раба, ему разрешалось пользоваться услугами духовенства.[195] В случае кражи со взломом, совершенной рабом, ему не разрешалось пользоваться услугами духовенства, за исключением того, что "такая кража в случае свободного человека была бы кражей со взломом".[196] И единственной гуманной чертой во всем кодексе колонии был закон, принятый в 1772 году и предусматривающий, что ни один раб не должен быть приговорен к мучениям, "если четыре судьи", перед которыми он предстал, "не согласятся с этим".[197]

Свободные негры колонии Вирджиния были мало чем отличаются по закону от своих несчастных братьев в рабстве. Их свобода была делом рук отдельных людей, за единственным исключением. В 1710 году несколько непокорных рабов решили оказать вооруженное сопротивление своим хозяевам, чье обращение довело их до грани отчаяния. Раб Роберта Руффина из графства Сурри вступил в заговор, но впоследствии раскрыл его хозяевам восставших рабов. В награду за его заслуги Генеральная ассамблея 9 октября 1710 года выдала ему документы на освобождение от наказания с дополнительной привилегией остаться в колонии.[198] Ведь по законам колонии "ни один негр, мулат или раб-индеец" не должен быть освобожден "иначе как за какие-то заслуги". Губернатор и совет должны были принять решение о заслугах, а затем выдать хозяину разрешение на освобождение раба.[199] Если какой-либо хозяин осмеливался освободить раба без лицензии, выданной в соответствии с актом 1723 года, его раб, освобожденный таким образом, мог быть взят церковным старостой прихода, в котором проживал хозяин раба, и продан "с публичным воплем". Деньги, вырученные от такой продажи, должны были быть использованы на благо прихода.[200] Если же раб освобождался в соответствии с законом, Генеральная ассамблея выплачивала хозяину за него столько же, сколько и в случае с рабами, казненными властями. Однако эмансипированным людям редко разрешалось оставаться в колонии. По закону 1699 года они должны были покинуть колонию в течение шести месяцев после обретения свободы под страхом уплаты штрафа в размере "десяти фунтов стерлингов церковным старостам прихода"; эти деньги должны были быть использованы для вывоза освобожденного раба из страны.[201] Если женщины-рабыни обретали свободу, закон разыскивал их и требовал от них уплаты налогов;[202] бремя, от которого были освобождены их белые сестры и даже индейские женщины.

Если свободные цветные в колонии когда-либо имели право голоса, то об этом, конечно, нет никаких сведений. Однако из акта 1723 года мы делаем вывод, что до этого времени они пользовались правом голоса. Ведь в этом акте говорится, что "ни один свободный негр впредь не будет иметь права голоса на выборах".[203] Возможно, до этого времени они имели право голоса, но это всего лишь предположение, не подкрепленное историческими доказательствами. Отказ в избирательном праве не ограждал их от налогообложения. Все свободные негры, мужчины и женщины, были вынуждены платить налоги.[204] Они вносили свой вклад в поддержку колониального правительства, но не имели права голоса в нем. Они вносили свой вклад в строительство школьных домов, но были лишены возможности получить образование.

Свободных негров зачисляли на службу в ополчение, но не разрешали им носить оружие. Они должны были посещать тренировки, но им поручали самые подневольные обязанности.[205] Они строили укрепления, ставили и разбивали палатки, готовили пищу,

водили упряжки, а в некоторых случаях работали музыкантами. Там, где свободные негры выполняли функции домохозяев, им разрешалось иметь при себе огнестрельное оружие;^[206] а если они жили на приграничных плантациях, о чем мы уже упоминали, им разрешалось пользоваться оружием под руководством своих работодателей.

В моральном и религиозном смысле рабы колонии Вирджиния практически не получали внимания со стороны христианской церкви. Все контакты между расами были прерваны. Браки между белыми и черными были запрещены суровыми законами.^[207] Самые обычные жизненные блага и удобства не одобрялись, если предназначались для негра. Плантация была столь же религиозной, как и церковь, а церковь была столь же светской, как и плантация. Белые христиане ненавидели негра, а церковь одаривала его самым щедрым пренебрежением.^[208] Вместо того чтобы получать религиозное образование от священнослужителей, рабов отдавали им в качестве частичной оплаты за их служение белым - для их "использования и поощрения".^[209] Уже в 1756 году ни у одного белого священника не хватило благочестия и смелости потребовать обучения рабов.^[210] Запрет на обучение этих бедных униженных вассалов не так уж и удивителен, в конце концов. Ведь в 1670 году, когда белое население составляло сорок тысяч человек, слуг - шесть тысяч, а рабов - две тысячи, сэр Уильям Беркли, осведомившись у правительства страны о состоянии образования в колонии, ответил: "Тот же самый курс, который принят в колонии.

"Тот же курс, что и в Англии в городах, - каждый человек в соответствии со своими способностями обучает своих детей. У нас сорок восемь приходов, и нашим священникам хорошо платят, и, по моему согласию, они должны были бы быть лучше, если бы чаще молились и меньше проповедовали. Но из всех прочих товаров нам присылают самые худшие, и у нас мало кто мог похвастаться, поскольку преследования тирании Кромвеля изгнали сюда многих достойных людей. Но, слава Богу, у нас нет ни свободных школ, ни книгопечатания, и я надеюсь, что не будет и через сто лет: ведь обучение принесло в мир непослушание, ересь и секты, а книгопечатание - их разглашение и клевету на лучшее правительство. Храни нас Господь от того и другого!"^[211]

Таким образом, вся колония пребывала в невежестве и суеверии, и политика правительства страны была направлена на то, чтобы не допустить света. Настроения Беркли получили одобрение в официальных кругах Англии, а наиболее жестко проводились в жизнь его преемником, который в 1682 году, с согласия совета, подверг Джона Бакнера узам за введение в колонии искусства книгопечатания.^[212] Этот запрет действовал до 1733 года. Если белые жители колонии пребывали в невежестве, то каково должно было быть умственное и моральное состояние рабов? Невежество белых сделало их податливыми орудиями Лондонской компании, а негры, в свою очередь, были вынуждены подчиниться условиям "довольно сурового рабства".^[213] Такое обращение оказывает рефлекторное влияние на плантаторов. Люди больше всего боятся призраков своих грехов, а за жестокие поступки скорее ожидают и боятся "награды в нынешней жизни". Поэтому неудивительно, что Динвидди писал отцу Чарльза Джеймса Фокса в 1758 году: "Мы не смеем расстаться ни с одним из наших белых людей на любом расстоянии, поскольку должны бдительно следить за нашими рабами-неграми".

В 1648 году, как мы уже упоминали несколькими страницами ранее, в колонии было около трехсот рабов. Сначала их число медленно росло, но затем стало быстро увеличиваться, так что за пятьдесят лет их количество выросло на сто процентов. В 1671 году их было две тысячи человек, и все они до этого момента были прямоком из Африки. В 1715 году их насчитывалось двадцать три тысячи рабов против семидесяти двух тысяч белых.^[214] К 1758

году численность рабов выросла до тревожной цифры более ста тысяч человек, что немногим меньше численности белых.

За эти полтора столетия рабство пустило глубокие корни в колонии Вирджиния и достигло громоздких и тревожных размеров. Оно пустило свои мрачные смертоносные корни в волокна и организм политической, судебной, социальной и религиозной жизни народа. Теперь она выкристаллизовывалась в национальный институт. Он существовал в преддверии законодательного акта и получил высокое судебное признание в торжественных формах закона. Церковь провозгласила его "священным учреждением", а духовенство покрыло его санкцией своего церковного сана. Она стояла, организованная система, - мрачная проблема неопределенного будущего: более страшная для колонистов в своем ужасном, призрачном молчании в годы Революции, чем победоносные пушки французской и континентальной армий, которые заставили английского льва вырваться из его пагубной хватки на горле свободы белых людей - у черных людей не было ни страны, ни свободы в этом новом мире на Западе. Но, подобно мертвому телу жертвы римского убийцы, рабство стало проклятием, которое преследовало колонистов всегда.

ССЫЛКИ:

[119] Фламандский фаворит Карла V., получив от своего короля патент, содержащий исключительное право на ввоз четырех тысяч негров в Америку, продал его за двадцать пять тысяч дукатов некоторым генуэзским купцам, которые впервые привели в регулярную форму торговлю рабами между Африкой и Америкой... - *Holmes's American Annals*, vol. i. p. 35.

[120] R. Beverley's History of Virginia, pp. 35, 36.

[121] См. Campbell, p. 144; Burk, vol. i. p. 326.

[122] Smith, vol. ii pp. 38, 39.

[123] Smith's History of Virginia, vol. ii. p. 39.

[124] Virginia Company of London, p. 117, *sq.*

[125] Campbell, p. 144.

[126] Burk, vol. I. p. 319.

[127] Neill, p. 120.

[128] Smith, vol. II. p. 37.

[129] Там было два судна, "Казначей" и голландский корабль; но последний, несомненно, первым высадил рабов на берег".

[130] Кэмпбелл, с. 144.

[131] Burk, Appendix, p. 316, Декларация Виргинской компании от 7 мая 1623 года.

[132] См. Burk, vol. i. p. 326.

[133] Stith, Book III. pp. 153, 154.

[134] Beverley, 235, *sq.*

[135] Кэмпбелл, 147.

[136] Беверли, стр. 248.

[137] Court and Times of James First, ii. p. 108; также, Neill p. 121.

[138] Bancroft, vol. i. p. 468.

[139] Neill, p. 121.

[140] Hist. Tracts, vol. ii. Tract viii.

[141] Beverley, p. 236.

[142] Кэмпбелл, p. 145.

[143] Hening, vol. i. p. 146; также p. 552.

[144] Hening, vol. i. p. 226.

[145] Bancroft, vol. i. p. 178.

[146] Hening, vol. i. p. 540.

[147] Ibid., vol. ii. p. 84.

[148] Hening, vol. i. p. 396.

[149] Burk, vol. ii. Appendix, p. xxiii.

[150] Beverley, p. 235.

[151] Hening, vol. ii. p. 170; см. также vol. iii. p. 140.

[152] Beverley, p. 195.

[153] Hening, vol. i. p. 396.

[154] Там же, т. ii. p. 283.

[155] Campbell, p. 160; также "Восстание Бэкона".

[156] Hening, vol. ii. pp. 490, 491.

[157] Ibid., vol. ii. p. 260; см. также vol. iii. p. 460.

[158] Ibid., vol. iii. p. 333.

[159] Hening, vol. iii. pp. 334, 335.

[160] Ibid., vol. iii. p. 448; см. также vol. v. p. 548.

[161] Хилдрет в своей "Истории Соединенных Штатов" утверждает, что закон, по которому "негры, мулаты и индейцы" становились недвижимостью, "оставался законом до тех пор, пока Виргиния оставалась британской колонией". Это ошибка, как может убедиться читатель. Закон был отменен почти за четверть века до того, как Виргиния перестала быть британской колонией.

[162] Hening, vol. v. p. 432, *sq.*

- [163] Beverley, p. 98.
- [164] Hening, vol. iii, pp. 193, 194.
- [165] Hening, vol. iii. p. 195.
- [166] Burk, vol. ii. Appendix, p. xxii.
- [167] Hening, vol. iv. p. 394.
- [168] Там же, том v. стр. 92, 93.
- [169] Там же, т. V, с. 160, 161.
- [170] Там же, том v. стр. 318, 319.
- [171] Там же, том vi, стр. 217, 218.
- [172] Там же, том vii. p. 466.
- [173] Там же, vol. vii. p. 81.
- [174] Там же, vol. vii. p. 281.
- [175] Hening, vol. vii, p. 338.
- [176] Ibid., vol. vii. p. 363.
- [177] Там же, vol. vii. p. 383.
- [178] Ibid., vol. viii. pp. 190, 191, 237, 336, 337.
- [179] Там же, т. viii, с. 530, 532.
- [180] Там же, том i. p. 226.
- [181] Ibid., vol. iii. p. 251.
- [182] Ibid., vol. iii. p. 459; также vol. iv. p. 131, vol. vi. p. 109 и vol. ii. p. 481.
- [183] Hening., vol. vi. p. 110.
- [184] Ibid., vol. ii. p. 481.
- [185] Ibid., vol. ii p. 270.
- [186] Ibid., vol. ii. p. 493.
- [187] Там же, том iii, p. 451.
- [188] Там же, том iii, стр. 459, 460.
- [189] Там же, том viii, с. 360.
- [190] Ibid., vol. iii. p. 298.
- [191] Там же, том iv. p. 327.
- [192] Там же, том iii. p. 103.
- [193] Ibid., vol. iii, p. 270, и vol. iv. p. 128.

[194] Hening, vol. iv. p. 126, and vol. vi. p. 104, *sq.*

[195] Там же, том viii. p. 139.

[196] Ibid., vol. viii. p. 522.

[197] Там же, том viii. p. 523.

[198] Там же, т. viii. с. 536, 537.

[199] Там же, том iv. p. 132.

[200] Ibid., vol. vi, p. 112.

[201] Hening, vol. iii. pp. 87, 88.

[202] Там же, том ii, p. 267.

[203] Там же, том iv, с. 133, 134.

[204] Там же, т. iv, с. 133.

[205] Там же, том vii. p. 95; и том vi. p. 533.

[206] Там же, т. iv, с. 131.

[207] Там же, том iii. p. 87.

[208] Campbell, p. 529.

[209] Burk, vol. ii. Appendix, p. xiii.

[210] Foot's Sketches, First Series, p. 291.

[211] Hening, vol. ii. p. 517.

[212] Hening, vol. ii. p. 518.

[213] Campbell, p. 383.

[214] Chalmers's American Colonies, vol. ii. p. 7.

ГЛАВА XIII.

КОЛОНИЯ НЬЮ-ЙОРК.

1628-1775.

Заселение Нью-Йорка голландцами в 1609 г. - Ввоз негров в колонию, 1628 г. - Рост торговли неграми - обмен табака на рабов и товары. Правительство колонии.- Новые Нидерланды переходят в руки англичан 27 августа 1664 года.- Различные изменения.- Принятие новых законов.- Законодательство.- Первые представители избраны в 1683 году.- В 1702 году королева Анна дает указания королевскому губернатору относительно ввоза рабов.- Ограничения на рабство.-Экспедиция по завоеванию Канады не удалась.-Негритянский бунт.-Подавлен эффективной помощью войск.-Опасения колонистов.-Негритянский заговор

1741 года.-Ограбление дома Хогга.-Обнаружение части товара.-Арест Хьюсона, его жены и ирландки Пегги.-Криминация и повторная дискриминация.-Возникновение множества пожаров.-Арест испанских негров.-Суд над Хьюсоном.-Свидетельство Мэри Бартон.-Хьюсон повешен.-Арест многих других лиц, замешанных в заговоре.-Виселица Сезара и Принца.-Кряк и Каффи сожжены на костре.-Прокламация вице-губернатора.-Многие белые обвиняются в заговоре.-Описание манеры Хьюсона присягать тем, кто знал о заговоре.-Осуждение и повешение католического священника Ури.-Внезапное и неожиданное прекращение судебного процесса.-Принятие новых законов, более строгих по отношению к рабам.

[Вернуться к оглавлению](#)

С момента заселения Нью-Йорка голландцами в 1609 году и до его завоевания англичанами в 1664 году не существует достоверных сведений о рабстве в этой колонии. То, что этот институт существовал вместе с правительством Голландии, не подлежит никакому историческому сомнению. За те полвека, что флаг Голландии развевался над Новыми Нидерландами, рабство выросло до таких масштабов, что стало считаться необходимым злом. Уже в 1628 году непокорные рабы из Анголы,[\[215\]](#) Африка, стали плодотворным источником широкой общественной тревоги. Вновь заселенная страна требовала выносливого и энергичного рабочего класса. Денег было мало, колонисты бедны, а слуг мало. Многочисленные физические препятствия на пути материальной цивилизации предполагали дешевый, но эффективный труд. Белых слуг было мало, а стоимость их доставки из-за границы сильно мешала их увеличению. У голландцев были владения на побережье Гвинеи и в Бразилии, и поэтому они нашли дешевым и удобным ввозить рабов для выполнения работ в колонии.[\[216\]](#)

Первые рабы шли в пастушеские общины, работали на общественных дорогах и служили камердинерами в частных семьях. Их появление было незаметным, поведение - непокорным, а присутствие - тревожным кошмаром для тревожных и совестливых людей.

Вест-Индская компания предлагала своим патронам множество выгодных предложений.[\[217\]](#) И ее обещание предоставить колонистам "столько негров, сколько они смогут", было неукоснительно выполнено.[\[218\]](#) Помимо рабов, поставляемых судами, курсирующими между Бразилией и побережьем Гвинеи, множество испанских и португальских призов было доставлено в Нидерланды, где рабы становились движимым имуществом компании. Срочная и чрезвычайная потребность в рабочей силе, а не жестокое желание торговать людьми, заставила голландцев поощрять ввоз негритянских рабов. В этот период о рабах мало что говорилось: они были широко рассеяны среди белых, к ним часто относились с той же гуманностью, что и к белым слугам. Большинство из них работали на фермах и вели тихую и трезвую жизнь. Самая большая ферма, принадлежавшая компании, "*обрабатывалась неграми*";[\[219\]](#) , и этот факт был зафиксирован уже 19 апреля 1638 года "сэром Уильямом Кифтом, генеральным директором Новых Нидерландов". И хотя упоминания о рабах и рабстве в амстердамских записях носят случайный характер, все же очевидно, что этот институт был чисто патриархальным на протяжении почти всего периода владения Нидерландами голландцами.

Манумиссия рабов была нередким событием.[\[220\]](#) Иногда это делалось в награду за заслуги, а иногда побуждалось святыми побуждениями гуманности и справедливости. Однако самым жестоким поступком в этот период было удержание в качестве рабов на службе компании детей негров, которые были законно освобождены от рабства. "Все их дети, которые уже родились или еще должны были родиться, были обязаны служить компании в качестве

рабов". В экстренных случаях освобожденные отцы этих подневольных детей были обязаны служить "по воде или по суше" для защиты правительства Голландии.[\[221\]](#) Приятно, , однако, обнаружить зафиксированное возмущение некоторых лучших граждан Новых Нидерландов против порабощения детей свободных негров. Это было сурово осуждено, как противоречащее справедливости и "нарушающее закон природы". "Как любой человек, рожденный от свободной матери-христианки", может, несмотря на это, стать рабом и быть обязанным оставаться таковым, - не укладывалось у них в голове.[\[222\]](#) Они не могли этого объяснить". И хотя "с ними обращались как с христианами", нравственное чувство людей не могло оправдать столь вопиющее преступление против человечности.[\[223\]](#)

Ненужная война генерального директора сэра Уильяма Кифта "без ведома и тем более приказа XIX и вопреки воле тамошнего содружества" привела провинцию в большое смятение. Имущество обесценивалось, а народом овладело чувство незащищенности. Вместо того чтобы быть источником дохода, Новые Нидерланды, как показывают книги Амстердамской палаты, стоили компании с 1626 по 1644 год включительно "более пятисот пятидесяти тысяч гульденов, вычитая доходы, полученные оттуда". Следовало ожидать, что рабы разделят общее чувство тревоги и ожидания. Необходимо было что-то предпринять, чтобы остановить панику, столь неминуемую среди обоих классов колонистов, подневольных и свободных. Счетное бюро обратилось к компании с некоторыми предложениями, которые должны были подействовать как тонизирующее средство на томлящихся надеждами людей. После перечисления многих методов, с помощью которых предполагалось омолодить провинцию, было предложено, "что было бы разумно разрешить патронам, колонистам и другим фермерам ввозить столько негров из Бразилии, сколько они смогут купить за наличные, чтобы помогать им на фермах; поскольку (утверждалось) эти рабы могли выполнять больше работы для своих хозяев и стоили дешевле, чем наемные рабочие, нанятые в Голландии и доставленные в Новые Нидерланды *"с помощью больших денег и больших обещаний"*.[\[224\]](#)

Замена рабского труда на белый не была временной мерой. В 1661 году вновь раздался громкий призыв к увеличению числа рабов.[\[225\]](#) В октябрьском договоре того же года голландцы уступили соблазнительному предложению англичан "поставлять ежегодно две или три тысячи бочонков табака... в обмен на негров и товары". Сначала негр-раб рассматривался как дешевая рабочая сила - благословение для провинции; но через некоторое время корыстолюбие англичан побудило голландцев рассматривать негра как вожделенный, ходовой товар.

"В своей схеме политического управления Вест-Индская компания слишком часто проявляла меркантильный и эгоистичный дух; поощряя торговлю негритянскими рабами, она создала институт, который просуществовал много поколений после того, как ее власть прекратилась".[\[226\]](#)

Голландская колония управлялась по голландскому и римскому праву. Правительство было трехпартийным: исполнительным, законодательным и судебным, все полномочия принадлежали и осуществлялись губернатором и советом. Казалось, что необходимость в законодательстве по вопросу рабства практически отсутствует. Негр, казалось, был ощутимой потребностью провинции, и добросердечные голландцы относились к нему с некоторым вниманием. Доброжелательные и общительные, они хотели видеть всех вокруг себя счастливыми. Африканец, получивший право голоса, мог получить и получать свободу; а негр, остававшийся в институте патриархальной простоты, едва ли сознавая, что находится в рабстве, весело танцевал в "кормисе" на Рождество и Пинкстер.[\[227\]](#) Несомненно, было несколько случаев, когда рабы получали жестокое обращение от своих хозяев; но, как

правило, веселые голландцы кормили и одевали своих рабов так же, как и белых слуг. Не было никаких суровых правил, лишаящих негров их личных прав, таких как общественные развлечения или публичные пиры по завершении работы. В течение всего этого периода они уходили и приходили среди своего класса без каких-либо препятствий. Они женились и выходили замуж;^[228] сеяли и, во многих случаях, собирали справедливую долю плодов своего труда. Если для них и не существовало школ, то не было законов, запрещающих честную попытку получить знания в подходящее время. Голландцы строили свое правительство на камне очага, считая его земной скалой веков для нации, которая будет мудро строить будущее. И хотя они считали торговлю жизненной силой материального существования народа, тем не менее, вдохновение для выполнения многообразных обязанностей они находили в благодатном солнечном свете семейного круга. Созданная таким образом нация не могла примирить рабство со всеми его отвратительными чертами, которые оно носило в Вирджинии и Массачусетсе. Рабы не могли избежать благотворного влияния мягкого правительства Новых Нидерландов, а голландцы не могли утаить от своих домашних рабов яркость и доброту своих сердец.

27 августа 1664 года Новая Голландия перешла в руки англичан, и город получил новое название - Нью-Йорк, в честь знаменитого герцога Йоркского. Когда над фортом Амстердам были подняты английские флаги, он получил новое название - "Форт Джеймс". В двадцати четырех статьях, по которым голландцы сдали свою провинцию, нет ни одного прямого упоминания о рабах или рабстве. Единственный пункт, который можно истолковать как упоминание о рабах, звучит следующим образом: "IV. Если кто-либо из жителей вздумает удалиться, у него будет год и шесть недель с этого дня, чтобы вывезти себя, жену, детей, слуг, товары и распорядиться своими землями здесь". В статьях капитуляции не было ничего враждебного рабству в колонии.

Во времена правления Елизаветы английское правительство дало королевскую санкцию на работорговлю. "В 1562 году сэр Джон Хокинс, сэр Лайонел Дюше, сэр Томас Лодж и сэр Уильям Винтер - все "благородные люди" - стали авторами величайшего проклятия, когда-либо обрушивавшегося на землю. Хокинс, которому помогали вышеупомянутые джентльмены, захватил корабль с африканцами из Сьерра-Леоне и продал их на Испаньоле. Многие из них были убиты во время плавания и брошены в море. Рассказ об этом злодеянии дошел до ушей королевы, и она пришла в ужас. Она вызвала Хокинса к себе, чтобы упрекнуть его в преступлении против человечества. Он защищал свое поведение с большим мастерством и красноречием. Он убедил ее королевское высочество в том, что переселение африканца из плохой страны в лучшую, из-под влияния идолопоклонства в христианство - это акт гуманности. Впоследствии Елизавета поощряла работорговлю.

Поэтому, когда Новые Нидерланды стали английской колонией, рабство получило значительное официальное поощрение, а раб стал предметом колониального законодательства.

Первые законы английского правительства были изданы на основании патента герцога Йоркского 1 марта 1665 года и были известны как "Законы герцога". Весьма примечательно, что они были созданы по образцу знаменитых "Массачусетских основ", принятых в 1641 году. Эти законы имеют следующую надпись: *"Законы, собранные из нескольких законов, действующих в настоящее время в американских колониях и плантациях его величества"*. Первое упоминание о рабстве содержится в разделе под названием "Кабальное рабство".

"Ни один христианин не должен содержаться в кабальном рабстве, деревне или неволе, кроме тех, кто будет осужден властью, или тех, кто добровольно продал или продаст себя, и в этом случае запись о таком рабстве должна быть внесена в Сессионный суд той юрисдикции, где проживают такие хозяева, при условии, что ничто в этом законе не должно наносить ущерб хозяину или хозяйке, которые по какому-либо договору или соглашению взяли или возьмут подмастерьев на срок лет или других слуг на срок лет или жизни."[\[229\]](#)

Обратившись к первой главе о Массачусетсе, читатель увидит, что вышеприведенный закон - это закон Массачусетса 1641 года с очень незначительными изменениями. Мы не находим прямого упоминания о рабстве, а слово "раб" вообще не встречается в этом кодексе. Статья 7 под заголовком "Законы о капитале" гласит следующее: "Если кто насильно украдет или увезет кого-либо из людей, он должен быть предан смерти".

27 января 1683 года полковник Томас Донган был отправлен в Нью-Йорк в качестве губернатора, которому было поручено выполнить длинный список инструкций, изложенных его королевским высочеством герцогом Йоркским. Губернатор Донган прибыл в Нью-Йорк во второй половине августа, а 13 сентября 1683 года совет, заседавший в форте Джеймс, обнародовал приказ, призывающий народ избрать представителей. 17 октября 1683 года Генеральная ассамблея впервые собралась в форте Джеймс, в городе Нью-Йорк. К большому несчастью, журналы обеих палат утрачены. Названия принятых законов сохранились, и пока мы можем достоверно судить о характере законодательства нового собрания. 1 ноября 1683 года Ассамблея приняла "*Акт о натурализации всех иноземцев, проживающих в настоящее время в этой провинции и исповедующих христианство, и о поощрении других приезжать и селиться в этой провинции*".[\[230\]](#) Этот закон был повторно принят в 1715 году и предусматривал, что "ничто, содержащееся в этом законе, не должно толковаться как освобождение или предоставление свободы любому слуге, кабалу или рабу, но только в отношении тех лиц, которые являются свободными на момент принятия этого закона".[\[231\]](#)

Таким образом, мягкая система домашнего рабства, введенная голландцами, теперь получила санкцию позитивного британского закона. Большинство рабов в провинции Нью-Йорк с момента их появления и до 1664 года были собственностью Вест-Индской компании. Как таковые, они имели небольшие участки земли, работали на свое благо и не теряли надежды на освобождение в один прекрасный день. Но при английском правительстве положение раба было четко определено законом и сопряжено с большими трудностями. 24 октября 1684 года был принят закон, по которому рабство впервые рассматривалось как законный институт в провинции Нью-Йорк под властью английского правительства.[\[232\]](#)

Работоторговля разрасталась. Нью-Йорк начал ощущать необходимость в большем количестве рабов. В 1702 году ее "всемиловитейшее величество", королева Анна, среди множества инструкций королевскому губернатору, предписала, чтобы жители "особенно заботились о том, чтобы Всемогущий Бог был благочестиво и должным образом служен", а "Королевская африканская компания Англии" "особенно заботилась о том, чтобы в указанной провинции было постоянное и достаточное количество товарных негров по умеренным ценам".[\[233\]](#) Это было удивительное рвение, побудившее добрую королеву воздвигнуть Англиканскую церковь рядом с институтом человеческого рабства. Это было беспристрастное рвение, которое стремилось к их взаимному росту, - одно, предназначенное нашим божественным Господом, чтобы дать человечеству абсолютную свободу, другое, предназначенное человеком, чтобы лишить человечество великого блага свободы! Но с санкции законодательных актов и при молчаливом попустительстве церкви основы института рабства были прочно заложены в одобряющей совести эгоистичной

публики. Ослепленные перспективному богатством и беспринципные в методах накопления, жители провинции Нью-Йорк требовали более строгих законов, по которым можно было бы управлять рабами.^[234] Несмотря на то, что лорд Корнбери получил от короны следующие указания: "Вы должны постараться принять закон для ограничения любой бесчеловечной жестокости... выяснить лучшие средства для облегчения и поощрения обращения негров и индейцев в христианскую религию", колониальная ассамблея (в том же 1702 году) приняла суровые законы против рабов. Это был *"Акт о регулировании положения рабов"*, но довольно длинный и конкретный. *Торговля рабами-неграми* считалась *"не законной"*, а за нарушение этого закона следовал штраф и тюремное заключение. *"Не более трех рабов могут собираться вместе"*: если они это делали, то подлежали порке мировым судьей или отправке в тюрьму. *"Должен быть назначен общий бичеватель"*, показывает, что судьи больше занимались физическими упражнениями, чем заботились об этом. *"Раб не должен бить свободного человека"* указывало на то, что рабы в Нью-Йорке, как и в Виргинии, считались язычниками. *"Наказание за укрывательство рабов"* и наказание негров за воровство и т. д. были довольно суровыми, но лишь указывали на нравы людей того времени.^[235]

Рекомендации по крещению негров и индейских рабов вызвали бурное обсуждение и немалую тревогу. Как было показано в главе о Виргинии, предложение о крещении рабов не встретило горячего одобрения со стороны господствующего класса. В большинстве колоний утвердилась доктрина, согласно которой человек является свободным в силу своего членства в христианской церкви и, следовательно, имеет право занимать должности. Чтобы избежать логики этого положения, торговцы человеческой плотью пытались закрыть двери церкви перед рабом. Но в 1706 году в надежде успокоить общественное мнение по этому вопросу был принят *"Акт о поощрении крещения негров, индейцев и рабов-мулатов"*.

"Принимая во внимание, что многие из добрых подданных Ее Величества, жителей этой колонии, в настоящее время желают, чтобы негры, индейцы и рабы-мулаты, которые принадлежат им и желают этого, были крещены, но их удерживают и препятствуют этому по причине необоснованного мнения, которое распространилось в этой колонии, что, крестив такого негра, индейца или раба-мулата, они станут свободными и должны быть отпущены на волю. Посему, дабы положить конец всем сомнениям и угрызениям, которые уже возникли или в будущем могут возникнуть по этому поводу...

"Да будет постановлено, и так далее, что крещение негра, индейца или раба-мулата не должно быть причиной или основанием для освобождения их или любого из них.

"И да будет так, и т.д., что все и каждый незаконнорожденный ребенок и дети негров, индейцев, мулатов и метисов, которые есть, есть и будут рождены от любого негра, индейца или метиса, должны следовать состоянию и положению матери и считаться, считаться, приниматься и признаваться рабом и рабами во всех смыслах и целях, какие бы ни были.

"При условии, что ни один раб в этой колонии не может быть допущен в качестве свидетеля за или против любого свободного человека в любом деле, вопросе или деле, гражданском или уголовном, и т. д."^[236]

Поэтому, когда двери христианской церкви открылись для негра, он должен был явиться к священному алтарю в оковах. Освобожденный от рабства сатаны, он, тем не менее,

оставался жалким рабом христианских колонистов. Претендуя на духовное родство с Христом, негр мог быть продан по желанию своего хозяина, а его семейный очаг растоптан работоторговцем. Гуманная черта системы рабства при простом голландском правительстве, позволявшая рабам приобретать долю в земле, теперь была в прошлом. Тенденция к манумитизации верных рабов не вызывала одобрения. Колонисты становились все более холодными и жесткими. Они видели в рабе не образ Божий, а всего лишь много долларов. На кафедрах колонии не нашлось сильных людей, которые осмелились бы противостоять скупому духу времени. Не удовлетворившись колониальным законодательством, муниципальные власти города Нью-Йорка в 1710 году приняли[237] указ, запрещающий неграм, индейцам и рабам-мулатам появляться "на улицах после наступления ночи без фонаря с зажженной свечой".[238] За год до этого у подножия Уолл-стрит был возведен невольничий рынок, где продавались рабы всех мастей. Негры, индейцы и мулаты, мужчины, женщины и дети, старики, люди среднего возраста и молодежь - все, как овцы в ошейнике, ежедневно объявлялись собственностью того, кто больше заплатит. А что же с теми немногими, кто обеспечил себе свободу? Закон 1712 года гласил, что ни один негр, индеец или мулат, который впоследствии будет освобожден, "не должен владеть никакой землей или недвижимостью, но все это должно выморочно отчуждаться".[239] Таким образом, для негра в любом из штатов оставалось немного - кабала или свобода. В этом мире было мало того, что могло бы привлечь его, ободрить, помочь ему. Учреждение, в котором он страдал, представляло собой огромную могилу, и он был погребен заживо.

Несчастный червь извивается под ногами прохожего. Негр извивался под тяжким ярмом британского колониального гнета.

Ошибочное рвение и неумеренное стремление к завоеваниям заставили Законодательное собрание выделить десять тысяч фунтов стерлингов на экспедицию по завоеванию Канады. Акадия только что перешла в руки губернатора Фрэнсиса Николсона без единого выстрела, и эта новость подняла ньюйоркцев на ноги. "Вперед, в Канаду!" - гласил шифр авантюрных колонистов, и экспедиция стартовала. Восемь транспортов с восемьюстами шестьюдесятью людьми погибли среди коварных скал и сердитых вод Святого Лаврентия. Войска, отправившиеся по суше, вернулись в печали. Город погрузился в уныние: законодательное собрание отказалось что-либо предпринимать дальше, и мечты о завоеваниях исчезли. Нью-Йорк перешел к обороне. Форты были отремонтированы, и все вещи были приведены в готовность к чрезвычайной ситуации. Как больные, колонисты реагировали на каждый слух. Из-за недобросовестности ирокезы были настроены на злодеяния.

В немоющем состоянии колониального правительства негры становились все беспокойнее. Сначала, как было показано ранее, рабов было очень мало, но теперь, в 1712 году, они стали довольно многочисленными. Негр, квакер и папист представляли собой троицу зла, которого колонисты боялись больше всего. С негром плохо обращались, и попытка сбросить иго с его стороны была маловероятной, по мнению представителей господствующего класса. Опасения колонистов в конце концов оправдались. Вспыхнул негритянский бунт. Были сожжены дома, убито несколько белых; если бы не быстрая и эффективная помощь войск, город Нью-Йорк превратился бы в пепел.

Каково же было положение рабов в христианской колонии Нью-Йорка? У них не было семейных отношений: долгое время они жили вместе по общему согласию. У них не было ни имущества, ни школ, и, заброшенные при жизни, после смерти они были брошены на погребение в общую канаву. Они не смели поднять руку, чтобы ударить христианина или иудея. Их показания исключались судами, а власть хозяев над их телами распространялась

порой на жизнь и конечности. Такое положение дел в конце концов принесло свои горькие плоды.

"Здесь мы видим последствия той слепой и нечестивой политики, которая побуждала Англию баловать своих купцов и увеличивать свои доходы, давая губернаторам своих колоний инструкции, строго предписывающие им (ради блага африканской компании и ради вознаграждения, ожидаемого от контракта *assiento*) заселить Америку огромным количеством негров, вырванных из своих домов и привезенных сюда силой. Нью-Йорк в это время был заполнен неграми; каждый хозяин, который мог позволить себе держать слуг, был окружен чернокожими, некоторые из них изнемогали в праздности, всех тщательно держали в невежестве и ошибочно считали существами, без которых белые не могут обойтись, но живут в страхе перед ними. Их боялись из-за их численности и из-за сознания, хотя и подавленного, что они обижены и могут искать мести или лучшего положения".[240]

Негритянский заговор 1741 года представляет собой самую интересную и захватывающую главу в истории колонии Нью-Йорк. К сожалению для правды истории, в этом деле участвовал только один историк[241], и он был заинтересованным судьей; и то, что он написал, следует воспринимать *cum grano salis*. Его книга была призвана защитить действия суда, погубившего столько невинных жизней, но ни один человек не сможет прочитать ее, не убедившись в том, что решение суда было нелогичным и жестоким. В нашей стране нет ничего, что могло бы сравниться с ним, разве что сожжение ведьм в Салеме. Но в старой доброй Англии Папистский заговор 1679 года, затеянный Титусом Оутсом, - единственное событие в истории человечества, которое так точно воспроизведено негритянским заговором. Безусловно, история повторяется. Между этими событиями протекает шестьдесят два года истории. Одна трагедия разыгралась в метрополии Старого Света, другая - в метрополии Нового Света. Одна была спровоцирована клятвопреступником и еретиком, другая - подневольным слугой, по всей вероятности, с каторжного судна. В одном случае причиной послужила ненависть к католикам, в другом - к неграм. И в обоих случаях свидетельства, осудившие невинных мужчин и женщин, были вырваны из лживых уст сомнительных личностей благодаря чрезмерному рвению юридических властей.

Титус Оутс, утверждавший, что раскрыл "*Папистский заговор*", был человеком с самым отвратительным характером. Он был сыном анабаптиста, принял церковный сан и получил небольшое состояние от герцога Норфолка. Обвиненный в лжесвидетельстве, он совершил побег удивительным образом. Будучи капелланом в английском флоте, он был осужден за действия, не достойные упоминания, и уволен со службы. Затем он искал общения с Римской церковью и поступил в иезуитский колледж Сент-Омерс. После недолгого пребывания среди студентов он был направлен для выполнения конфиденциальной миссии в Испанию, а по возвращении в Сент-Омерс был уволен в мир из-за своих привычек, которые были очень неприятны католикам. Он хвастался, что присоединился к ним только для того, чтобы выведать их секреты. Такой человек поднял крик о папистском заговоре и привел всю Англию в смятение. 12 августа 1678 года аптекарь по имени Тонге предупредил короля о заговоре, направленном против его жизни и т. д. Но король не придавал этому заявлению никакого значения, пока Тонг не сослался на Титуса Оутса как на свой авторитет. Последний, выступая на суде, показал себя самым отъявленным лжецом: но люди были легковжны, и Оутс стал героем часа;[242] под его нечестивым влиянием многие души поспешили в вечность. Прочитайте рассказ Хьюма о Папском заговоре, а затем проследите за кровавым повествованием о негритянском заговоре в Нью-Йорке, и вы увидите, насколько одно похоже на другое.

"В каждом предприятии и профессии по-прежнему подозревали какой-то таинственный замысел: произвол власти и папство считались целью всех проектов; каждый вздох или слух заставлял людей настораживаться: враги, думали они, были в самом их лоне и завладели доверием их государя. В таком робком и ревнивом настроении до их слуха внезапно донесся крик о *заговоре*: они пробудились от дремоты и, как люди, испуганные и находящиеся в темноте, принимали каждую фигуру за призрак. Ужас каждого становился источником ужаса для другого. В результате всеобщей паники разум и доводы, здравый смысл и человечность потеряли всякое влияние на людей. Из этого расположения умов людей следует прогресс *Папского заговора* и доверие к нему; событие, которое в противном случае казалось бы невероятным и совершенно необъяснимым".^[243]

28 февраля 1741 года дом некоего Роберта Хогга, эсквайра, купца из Нью-Йорка, был ограблен: из дома пропали тонкое белье, медали, серебряные монеты и прочее. Дом мистера Хогга находился на углу улиц Брод и Милл, последнюю иногда называли Еврейской аллеей. Дело было передано служителям закона для расследования.

Население Нью-Йорка составляло около десяти тысяч человек, из которых около двух тысяч были рабами. 18 марта часовня в форте загорелась от углей, неосторожно оставленных мастером в желобе, который он паял. Крыша была из черепицы, и резкий ветер с юго-востока разжег огонь, которого не замечали до тех пор, пока он не достиг больших размеров. В те времена все население обычно выходило на помощь в тушении пожаров; но этот пожар произошел в форте, и страх перед взрывом магазина несколько сдерживал их обычную в таких случаях расторопность. В результате все правительственные здания в форте были уничтожены. Офицер ополчения по имени Ван Хорн, увлеченный верой в то, что пожар был специально устроен неграми, заставил бить в барабаны и выставить "ночной дозор". За свою бдительность он получил прозвище "майор Барабан". Однако опасения "майора" оказались заразительными. Тот факт, что губернатор сообщил законодательному собранию об истинной причине пожара, мало повлиял на то, чтобы избавить людей от опасений по поводу негритянского заговора. На следующей неделе загорелся дымоход дома капитана Уоррена рядом с фортом, но он был спасен, получив лишь незначительные повреждения. Через несколько дней после этого был обнаружен пожар на складе мистера Ван Зандта, который, как тогда говорили, произошел по неосторожности курильщика. Примерно через три дня после этого прозвучали два сигнала пожарной тревоги. Один из них оказался возгоранием сена в коровьем хлеву рядом с домом мистера Квика. Его вскоре потушили. Другая тревога была вызвана пожаром на чердаке кухни в доме мистера Томпсона. На следующий день под конюшней мистера Джона Мюррея на Бродвее были обнаружены угли. На следующее утро сигнал тревоги привел людей к дому сержанта Бернса, расположенному недалеко от форта, а через несколько часов было обнаружено, что горит жилище мистера Хилтона, расположенное рядом с Флай Маркет. Но пламя в обоих местах было быстро потушено. Считалось, что пожар в доме мистера Хилтона был устроен намеренно, так как рядом с ним был найден сверток с буксиром. Незадолго до этих странных пожаров в порт Нью-Йорка в качестве приза было доставлено испанское судно, частично укомплектованное испанскими неграми-католиками. Весь экипаж, состоявший из негров, был поспешно доставлен в Адмиралтейский суд, где их сразу же приговорили к рабству и выдали предписание о продаже. Негры отстаивали свою свободу в другой стране, но у них не было адвоката, который мог бы их защитить. Капитан Сарли купил одного из этих негров. Дом капитана Сарли примыкал к дому мистера Хилтона, и когда обнаружилось, что дом последнего горит, поднялся крик: "Испанские негры! Испанцы! Возьмите испанских негров!" Несколько человек взялись расспрашивать негра капитана Сарли о пожаре, и, как говорят, он вел себя

нагло, после чего его отправили в тюрьму. Магистрат отдал приказ констеблям арестовать и посадить в тюрьму остальных испанских негров. В тот же день после обеда магистраты провели собрание, и, пока они обсуждали этот вопрос, на складе полковника Филлипса вспыхнул еще один пожар. Некоторые белые люди кричали: "Негр! Негр!" и "Кафф Филлипс!". Бедный Кафф, испугавшись этих криков, побежал к дому своего хозяина, откуда возбужденная толпа потащила его в тюрьму. Судья Хорсманден говорит: "Многие люди были в таком ужасе.

"У многих людей были такие страшные опасения по этому поводу, что несколько негров (многие из которых помогали тушить пожар), встреченных на улицах, были поспешно отправлены в тюрьму; и когда они там оказались, их продержали некоторое время в заключении, прежде чем магистраты смогли найти время, чтобы рассмотреть их дела".[244]

Теперь вернемся к ограблению, совершенному в доме мистера Хогга 28 февраля. Полицейские полагали, что им удалось отследить похищенные вещи до публичного дома на Северной реке, который содержал человек по имени Джон Хьюсон. Этот дом был местом отдыха негров; его обыскивали в поисках вещей, но ничего не нашли. У Хьюсона была подневольная служанка, девушка шестнадцати лет, по имени Мэри Бартон. Она сообщила соседу, что товар спрятан в доме Хьюсона, но что ей придется ценой своей жизни сделать этот факт известным. Эта информация была доведена до сведения шерифа, и он сразу же задержал девушку и представил ее олдермену Банкеру. Этот доброжелательный офицер пообещал девушке свободу, если она расскажет все, что знает о пропавшей собственности. Из благоразумных соображений олдермен приказал доставить Мэри Бартон в городскую ратушу на углу улиц Уолл и Насуа. 4 марта судьи собрались в ратуше. Тем временем Джон Хьюсон и его жена были арестованы за получение краденого. Теперь они были допрошены в присутствии Мэри Бертон. Хьюсон признал, что в его дом были принесены какие-то вещи, предъявил их и передал суду. Из показаний девушки Бертон следует, что в получении украденных вещей принимала участие другая сторона, проживавшая в доме Хьюсона. Это была девушка с плохим характером, которую звали Маргарет Сорубьеро, *она же Солинбург, она же Керри*, но обычно ее называли Пегги Кери. Эта женщина жила в доме Хьюсонов около десяти месяцев, но одно время в течение этого периода ненадолго задерживалась в доме Джона Роммса, недалеко от новой Батарей, , но потом снова возвращалась к Хьюсонам. Из показаний Мэри Бартон следовало, что негр по имени Сезар Варик, но по прозвищу Куин, в ночь, когда была совершена кража со взломом, проник в комнату Пегги через окно. На следующее утро Мэри Бартон увидела в комнате Пегги "пятнистое белье", а также то, что этот человек, Варик, дал подзащитной два куска серебра. Она также показала, что Варик выпил две кружки пунша и купил у Хьюсона пару чулок, дав ему кусок серебра; Хьюсон и его жена получили и спрятали белье.[245] Мистер Джон Варик (тогда он писался как Ваарк), пекарь, владелец "Сезара", занимал дом возле новой Батарей, кухня которого примыкала ко двору дома Джона Ромма. Он обнаружил под полом своей кухни часть имущества Роберта Хогга и доставил его мэру. После такого разоблачения Ромм бежал в Нью-Джерси, но впоследствии был схвачен в Брунsvике. Он занимался сапожным и трактирным ремеслом и, кроме того, был весьма подозрительной личностью.

До этого момента ничего не говорилось о заговоре негров. Это было просто дело о краже со взломом. Хьюсон признался, что получил некоторые вещи и вернул их; мистер Варик нашел другие и передал их мэру.

Читатель помнит, что кража со взломом произошла 28 февраля; что судьи предъявили обвинение Хьюсонам, Мэри Бартон и Пегги Кэри 4 марта; что первый пожар вспыхнул 18-го,

второй - 25 марта, третий - 1 апреля, четвертый и пятый - 4 апреля; что 5 апреля угли были разложены так, что сгорел стог сена, и что на следующий день было обнаружено, что горят два дома.

11 апреля состоялось заседание Общего совета. Присутствовали следующие джентльмены: Джон Крюгер, мэр; регистратор Дэниел Хорсеманден; олдермены Герардус Стайвесант, Уильям Ромейн, Саймон Джонсон, Джон Мур, Кристофер Банкер, Джон Пинтард, Джон Маршалл; помощники Генри Богерт, Исаак Стаутенбург, Филипп Минторн, Джордж Бринкерхофф, Роберт Бенсон и Сэмюэл Лоуренс. Регистратор Хорсманден предложил совету обратиться к губернатору с просьбой предложить вознаграждение за поимку поджигателей и всех причастных к этому лиц, а также оплатить городские расходы и т. д. В соответствии с этим было решено, что лейтенант-губернатор должен предложить вознаграждение в сто фунтов текущими деньгами провинции любому белому человеку и помилование, если это касается; и двадцать фунтов, свободу и, если это касается, помилование любому рабу (хозяину должно быть выплачено двадцать пять фунтов); и любому свободному негру, мулату или индейцу сорок пять фунтов и помилование, если это касается. Мэр и регистратор (Хорсманден) призвали лейтенанта-губернатора Кларка и изложили ему вышеупомянутое решение.

Теперь город находился в состоянии сильного возбуждения. В воздухе витали самые дикие слухи.

В понедельник 13 апреля каждый олдермен, помощник и констебль обыскал свой участок. Было созвано ополчение, а на перекрестках улиц выставлены дозорные. Пока войска патрулировали улицы, олдермены допрашивали негров на предмет происхождения пожаров. Ничего не было найдено. Негры отрицали свою осведомленность о пожарах и заговоре.

21 апреля 1741 года собрался Верховный суд.^[246] Судьи Фредерик Филлипс и Дэниел Хорсеманден созвали *большое жюри*. В него вошли следующие члены: Роберт Уоттс, купец, старшина; Иеремия Латуш, Джозеф Рид, Энтони Рутгерс, Джон М'Эверс, Джон Крюгер, младший, Джон Меррит, Адония Шуйлер, Исаак Депенейстер, Авраам Кеттелтас, Дэвид Провуст, Рене Хетт, Генри Бикман, младший, Дэвид ван Хорн, Джордж Спенсер, Томас Дункан и Винант Ван Зандт - все они были купцами, - респектабельное, умное и влиятельное жюри! Судья Филлипс сообщил присяжным, что народ "был повергнут в ужас и страх" из-за пожаров; что их долг - использовать "все законные средства" для выявления виновных, поскольку "есть все основания подозревать", что пожары не были случайными. Он сказал им, что в тюрьме находится много людей, на которых падает подозрение; что поджог является преступлением по общему праву, даже если огонь потушен или погас сам; что поджог - это глубокое преступление, и, если виновные не будут задержаны и наказаны, "кто может сказать, что он в безопасности, или чем это закончится?". Затем судья прочитал нравоучительную лекцию о нечестивости продажи неграм "грошовых драм", без согласия их хозяев. В заключение он поручил большому жюри представить "все заговоры, комбинации и другие преступления".

Следует иметь в виду, что Мэри Бартон была лишь свидетелем по уже упомянутому делу о краже со взломом. До этого времени пожаров не было. Пожары и массовые аресты невинных негров последовали за ограблением. Но большое жюри вызвало Мэри Бартон для дачи показаний по поводу пожаров. Она отказалась присягать. Ее допросили по поводу пожаров, но она ничего не ответила. Тогда была зачитана прокламация мэра, предлагавшая защиту, помилование, свободу и сто фунтов стерлингов. Это произвело желаемый эффект. Девушка

открыла рот и произнесла все слова, которые требовали присяжные. Сначала она согласилась рассказать все, что знала о похищенных вещах, но ничего не сказала о пожаре. Из этого заявления присяжные сделали вывод, что она может, но не хочет ничего говорить о пожарах. После нравоучительной лекции о ее долге в этом деле в свете вечной награды и повторения предложенного вознаграждения, которое ожидало ее мудрого решения, ее память просветлела, и она немедленно начала рассказывать *все, что* знала. Она сказала, что негр по имени Принс, принадлежащий мистеру Оббойману, и Принс (Варик) принесли товар, украденный из дома мистера Хогга. Хогга, в дом ее хозяина, и что Хьюсон, его жена и Пегги (Кери) приняли их; далее, что Сезар, Принс и Куффи (Филлипс) часто встречались в таверне Хьюсона и обсуждали вопрос о сожжении форта; что они говорили, что пойдут в Флай (восточный конец города) и сожгут все место; и что Хьюсон и его жена согласились с этими мятежными высказываниями и обещали помочь им. Для полноты картины она добавила, что когда горстка жалких рабов, поддерживаемая жалким и невежественным белым трактирщиком, сожжет город в пепел и убьет восемь или девять тысяч человек, тогда Сезар станет правителем, Хьюсон - королем, а Каффи - обладателем огромных богатств! Болтливая Мэри вспомнила, что эта бесстрашная троица заявила, что сжигать город будет ночью, чтобы убивать людей, когда они будут выходить из домов. Не стоит забывать, что все пожары вспыхнули днем!

Весьма примечательно и заслуживает внимания, что эта замечательная свидетельница заявила, что ее хозяин, Джон Хьюсон, угрожал отравить ее, если она кому-нибудь расскажет, что украденные вещи находятся его доме; что все негры поклялись сжечь ее, если она расскажет; и что, когда они говорили о сожжении города на своих собраниях, там не было ни одного белого человека, кроме ее хозяина, хозяйки и Пегги Кери.

Доверчивый Хорсманден говорит нам, что "доказательства заговора" не только с целью сжечь город, но и "уничтожить и убить людей", были самыми "поразительными для большого жюри!". Но то, что любой белый человек должен был объединиться с рабами в таком злом и жестоком замысле, поражало безмерно! И присяжные с такой же детской верой отнеслись к хитроумному рассказу хитрой Мэри. В своем докладе судьям они решительно заявили о своей вере в показания свидетеля и потребовали присутствия Пегги Кэри. О степени заблуждения судей, присяжных и народа можно судить по тому факту, что сразу после доклада присяжных судьи созвали всю коллегия адвокатов города Нью-Йорка для встречи с ними. На призыв откликнулись следующие джентльмены: Мюррей, Александр, Смит, Чемберс, Николс, Лодж и Джеймсон. Присутствовали все юристы, кроме генерального прокурора. По закону 1712 года "О предупреждении, пресечении и наказании заговоров и восстаний негров и других рабов"^[247] мировой судья мог сразу же судить несговорчивых рабов. Но здесь существовал глубокий, темный и кровавый заговор с целью сожжения города и убийства его жителей, в котором были замешаны *белые* люди. Этот факт привел ученых судей к выводу, что будет разумно и благоразумно передать все это дело в Верховный суд. А щедрое предложение *всей* адвокатуры Нью-Йорка помогать по очереди в каждом судебном процессе должно навсегда остаться нерушимым памятником их бескорыстной преданности своему городу, существованию которого угрожало менее десятка невежественных негров-рабов без гроша в кармане!

По свидетельству Мэри Бартон, Пегги Кэри была осуждена как одна из участниц заговора. Она уже больше месяца томилась в тюрьме. Судьи сочли целесообразным допросить ее в камере. Они пытались склонить ее к преступлению других, но она упорно отрицала свою причастность к поджогам и заявила, что "если она и обвинит кого-нибудь в этом, то только невинных людей, а сама она погубит свою душу".

24 апреля Сезар Варик, принц Оббойман, Джон Хьюсон, его жена и Пегги Кери предстали перед судом по обвинению в преступлении и не признали себя виновными. Сначала перед судом предстали Сезар и Принц. Поскольку они не вызвали присяжных, под присягу были приведены следующие джентльмены: Роджер Френч, Джон Гросбек, Джон Ричард, Абрахам Кипп, Джордж Уиттс, Джон Турман, Патрик Джексон, Бенджамин Мур, Уильям Хаммерсли, Джон Лашиер, Джошуа Слейдалл и Джон Шурмер. "Виновны!", как указано в обвинительном заключении. Они совершили ограбление, так сказали присяжные.

3 мая некий Артур Прайс, обычный вор, был помещен в тюрьму за кражу. Он занимал камеру рядом с печально известной Пегги Кери. Чтобы расположить к себе судей, он утверждал, что разговаривал с Пегги через отверстие в двери. Прайс утверждает, что она сказала ему, что "боится этих парней" (негров); что если они скажут что-нибудь, касающееся ее, то она повесит каждого из них; что она не желает снова выступать в суде, если ее не вызовут; Что когда ее спросили, собиралась ли она поджечь город, она ответила, что нет; но она знала о заговоре; что Хьюсон и его жена "присягнули вместе с остальными"; что она не боялась "Принца, Каффа, Сезара и негра Форка - не Сезара, а другого", потому что они "все были правдивыми парнями". Этот примечательный разговор был приправлен самыми мерзкими ругательствами. Несмотря на то что беседа велась между обычной ирландской проституткой и жалким вором-крадуном, она имела большой вес среди торжественных и праведных судей.

В разгар этого процесса в городе Хакинсак сгорели семь амбаров. В преступлении подозревали двух негров, но не было ни малейших доказательств их вины. Но один из них заявил, что стрелял из пистолета в тех, кто поджег амбар его хозяина, но никого не убил. Другой был найден заряжающим пистолет с двумя пулями. Этого было достаточно для вынесения приговора. Их заживо сожгли на костре. Это лишь подлило масла в огонь общественного волнения в Нью-Йорке.

6 мая (в среду) были арестованы еще двое: дочь Хьюсона Сара, подозреваемая в том, что она была конфедераткой, и негр Джек, принадлежащий мистеру Слейдаллу, - по подозрению в том, что он поджег стог сена мистера Мюррея. В тот же день судьи предъявили обвинения белым, замешанным в этом деле, - Джону Хьюсону, его жене и Пегги Кэри. Присяжные быстро признали их виновными в "получении краденого". "Пегги Кэри, - пишет регистратор Хорсманден, - решив, что настало время сделать что-то, чтобы заслужить милосердие, сделала добровольное признание". Эта мерзкая, нецензурная проститутка выступает в суде и придает новый поворот всему делу. Она переносит место заговора в другую таверну, расположенную неподалеку от новой Батарей, где Джон Ромм имел обыкновение развлекать, *вопреки закону*, негров-рабов. Пегги была свидетелем многих собраний в этом месте, особенно в декабре 1740 года. Тогда она упомянула о присутствии следующих негров: Кафф, Браш, Куракоа, Сезар, Патрик, Джек, Катон; но ее особый Сезар Варик не был замешан! Ромм привел к присяге всех этих негров, а затем сделал им предложение: они должны разрушить форт, сжечь город и принести ему добычу. Он обещал разделить их и увезти в новую страну, где он даст им свободу. Миссис Ромм присутствовала при этом разговоре; после того как негры ушли, она и свидетельница (Пегги) поклялись Ромму хранить вечную тайну. Миссис Ромм отказалась поклясться в заговоре, но признала, что ее муж получал краденые вещи, что он продавал драм неграм, державшим там дичь, но никогда не приходило больше трех негров за раз. Она скрылась в сильном испуге. Уже упоминалось, что Пегги Кэри некоторое время жила в таверне Джона Ромма и что вещи, принадлежащие мистеру Хоггу, были найдены под полом кухни в доме рядом с домом Ромма.

Судьи, очевидно, решили, что все негры будут воровать или что воровство обусловлено или подразумевается состоянием раба. Затем Ромм держал "питейное заведение" и, нарушая закон, продавал неграм "драм". Теперь человек, содержащий "питейное заведение", был обязан поощрять сговор.

Полный список имен лиц, замешанных Пегги, был передан соответствующим офицерам, и эти нечестивцы были задержаны. Они были доставлены к несокрушимой Пегги для опознания. Она обвинила их в том, что они были заговорщиками. Все они отрицали обвинение. Тогда их передали Мэри Бартон, и она, явно недовольная тем, что Пегги пытается соперничать с ней в благосклонности влиятельных судей, заявила, что не знает их. Но это было напрасно. Пегги добилась расположения суда, и охваченная ужасом компания была заперта в тюрьме. Встревоженные своим беспомощным положением, невежественные негры начали "обвинять друг друга, как бы желая нанести вред врагу и обезопасить себя".

Сезар и принц, будучи судимы и признаны виновными в преступлении, были приговорены к повешению. В протоколе говорится: "Понедельник, 11 мая.

"Понедельник, 11 мая. Сезар и Принц были казнены в этот день на виселице, согласно приговору: они умерли очень упорно, не признавшись *ни в чем о заговоре*, и до *последнего* отрицали, что *им что-либо известно о нем*. Тело Сезара, соответственно, было повешено в цепях".[\[248\]](#)

13 мая 1741 года был объявлен торжественный пост, "потому что многие дома и жилища были обстреляны по нашим ушам, без выяснения причины или повода, что привело нас в крайнее смятение". Волнение было велико. Но вместо того, чтобы пролить свет на это дело, заговор все больше разрастался.

6 мая Хьюсон, его жена и Пегги Кэри предстали перед судом и были признаны виновными, как уже говорилось. Сара Хьюсон, дочь Хьюсонов, находилась в тюрьме. Мэри Бартон стала героиней времени. Ее слово было законом. Кто бы ни был назван ею, он предстал перед судом. Вор-крудун Артур Прайс был нанят судьями для выполнения миссии, которая одновременно отвечала его вкусам и соответствовала его криминальному образованию. Его отправили среди заключенных негров, чтобы дать им по морде, в отчаянной надежде получить больше "признаний"! Затем его отправили к Саре Хьюсон, чтобы убедить ее обвинить отца и мать в соучастии в заговоре. Он рассказал о своем разговоре с Сарой, но она с большим негодованием отрицала его. Этот гнусный и преступный метод получения показаний о заговоре не вызвал румянца на щеках ни одного представителя закона. "Ничто из этого не трогало их. Они были настолько погружены в общий шум и волнение, настолько убеждены в существовании заговора и в том, что их долг - доказать его тем или иным способом, - что верили всему, что говорило о виновности кого бы то ни было.

Даже слабоумный мальчик был арестован и доставлен в суд присяжных. Он поклялся, что ничего не знал о заговоре с целью сожжения города, но добрые судьи сказали ему, что если он скажет правду, то его не повесят. Как ни невежественны были эти беспомощные рабы, теперь они понимали, что "говорить правду" означает обвинить кого-то в заговоре и тем самым удовлетворить неумеренную жажду судей и присяжных получить показания, касающиеся "заговора". Этот негр-имбецил начал рассказывать "то, что знал", и в награду за это ему позволили уйти, не будучи повешенным! Он заявил, что Кряк просил его сжечь форт; что Каффи сказал, что подожжет один дом, Куракоа Дик - другой, и так далее до *бесконечности*. Один из ученых джентльменов спросил его: "Что негры замышляют,

устраивая все эти злодеяния?" Он ответил: "Убить всех джентльменов и забрать их жен; что один из тех, кого уже повесили, должен был стать офицером в роте Лонг-Бридж, а другой - в роте Флай".[249]

25 мая было арестовано большое количество негров. Мальчика, о котором говорилось выше (его звали Соуни, или Сэнди), снова вызвали на допрос 26-го числа, и он стал очень разговорчивым. Он рассказал, что "на собрании негров его позвали и запугали, чтобы он взял на себя обязательство сжечь Слип-Маркет"; что он был свидетелем того, как некоторые негры пытались сжечь определенные дома; что в доме одного Комфорта он вместе с другими поклялся хранить тайну и хранить верность друг другу; сказал, что никогда не был ни в одной из таверн, ни у Хьюсона, ни у Ромма; и закончил свои откровения, обвинив женщину в поджоге дома и в убийстве своего ребенка. Как обычно, после таких признаний последовали новые аресты. Кряк и Куффи предстали перед судом и были осуждены за преступление "за злой и злонамеренный сговор с другими людьми с целью сжечь город и убить жителей". Это послужило поводом для красноречия генерального прокурора; в пылких речах он изобразил негров "чудовищами, дьяволами и т. д.". Мистер Роузвельт, хозяин Квока, поклялся, что его раб был дома, когда в форте случился пожар; а мистер Филлипс, хозяин Каффи, свидетельствовал за своего слугу. Но эти показания не устроили магистратов, и они вызвали солдата, который поклялся, что Кряк *действительно* пришел в форт в день пожара; что там жила его жена, и когда он настаивал на том, чтобы войти, часовой сбил его с ног, но офицер стражи пропустил его внутрь. Адвокат Смит, "чье красноречие лишило евреев права голоса", был призван подвести итоги. По его мнению, к неграм было проявлено слишком много благосклонности, поскольку им был предоставлен суд, как если бы они были свободными людьми; что против злых негров можно было бы применить наиболее упрощенный способ; что к свидетелям-неграм отнеслись с излишним вниманием; что "закон не требует принесения им присяги; и, более того, было бы профанацией приносить ее язычнику в законной форме"; что "чудовищная неблагодарность этого черного племени усугубляет их вину", что их рабское состояние - это счастье и покой, что "они живут без забот, обычно лучше накормлены и одеты, чем бедняки большинства христианских стран; они действительно рабы, - продолжал красноречивый и логичный адвокат, - но под защитой закона: никто не может безнаказанно причинить им вред; но, несмотря на всю доброту и нежность, с которой с ними обращаются у нас, это уже вторая попытка подобного рода, предпринятая этим жестоким и кровожадным видом человечества в течение одного века!" Разумеется, присяжные знали свой долг и просто выполнили все, что от них требовалось: вышли и тут же вернулись с вердиктом "виновен". Судья приговорил их к тому, что они будут прикованы к костру и сожжены до смерти, - "и да смилуется Господь над вашими бедными несчастными душами". Его честь сказал им, что "они должны быть благодарны за то, что их ноги попали в сеть; что несчастье обрушилось на их собственные вины". Он посоветовал им обратить внимание на нежность и гуманность, с которой с ними обращались; что они были самыми жалкими несчастными, изгоями среди всех народов земли; и поэтому им следует заботиться о своих душах, ибо что касается их тел, то они будут сожжены.

В следующее воскресенье этих бедолаг приковали к костру; но прежде чем зажечь топливо, помощник шерифа Мор и мистер Роузвельт снова допросили Кряка. Роузвельт снова допросили Квэка и Куффи и изложили их признания на бумаге, так как в суде они упорно отстаивали свою невиновность, и в надежде на спасение они признались, что Хьюсон задумал сжечь город и убить людей; что компания негров выбрала Квэка подходящим человеком для сожжения форта, потому что там жила его жена; что он поджег часовню зажженной палкой; что Мэри Бартон сказала правду, и что она может вовлечь еще многих, если захочет, и т.д. Вся эта всеобщая ложь была сделана с пониманием того, что

исповедников отпустят до тех пор, пока губернатор не услышит их. Но на сжигание бедных негров собралась большая толпа, и они заставили шерифа приступить к церемонии. Осужденные рабы были сожжены.

1 июня мальчик Соуни снова оказался на скамье подсудимых. Его показания привели к аресту еще нескольких негров. Он обвинил их в том, что они под присягой рассказали о заговоре и что у них были острые перочинные ножи, которыми они убивали белых людей. Один из Форчунов заявил, что никогда не знал о домах, где собирались заговорщики, и не знал Хьюсона, но обвинил Соуни и Кряка, которые были сожжены. Следующим свидетелем была негритянская девушка по имени Сара. Она была напугана до потери сознания. Она пускала пену изо рта, произносила самые горькие проклятия и отрицала всякое знание о заговоре. Но доброжелательные джентльмены, которые вели процесс, сказали ей, что другие люди говорили определенные вещи в доказательство существования заговора, и что единственный способ спасти ее жизнь - признать, что существовал заговор с целью сжечь город и убить жителей. Тогда она согласилась со всем, что ей сказали, и тем самым вовлекла в заговор довольно много негров; но когда ей зачитали ее показания, она снова все отрицала. Она, без сомнения, подходила скорее для приюта для умалишенных, чем для трибуны для свидетелей в деле, которое касалось стольких человеческих жизней.

Следует помнить, что Джон Хьюсон, его жена и дочь уже долгое время находились в тюрьме. Теперь он пожелал, чтобы его вызвали к свидетельскому месту. Он просил привести его к присяге, чтобы самым торжественным образом отрицать свою причастность к заговору и оправдать жену и ребенка. Но скромный регистратор напомнил ему, что он уже осужден как преступник, что он и его семья обречены на повешение и что поэтому ему лучше "признаться во всем". Не дослушав, его отправили обратно в тюрьму. Уже приговоренный к повешению, честные судьи 4 июня снова судили Хьюсона за "заговор"! Обвинений было три: *Во-первых*, что Хьюсон, его жена, дочь и Пегги Кери с тремя неграми - Сезаром, Принцем и Каффи - в марте прошлого года сговорились поджечь дом в форте. *Во-вторых*, что Кряк (уже сожженный) поджег и сжег дом, и что заключенные, Хьюсон, его жена, дочь Сара и Пегги, подстрекали его к этому. *В-третьих*, что Куффи (уже сгоревший) поджег дом Филлипса и сжег его, а они, заключенные, подговорили и поощрили его к этому. Хьюсон, его семья и Пегги не признали себя виновными по всем вышеуказанным обвинениям. Генеральный прокурор обратился к присяжным с пылкой речью, которая была скорее убедительной, чем изящной. Он осудил неудачливого Хьюсона как "позорного, бесчеловечного, заклятого мятежника против Бога, своего короля, и своей страны, - воплощенного дьявола" и т. д. Ему активно помогали выдающиеся адвокаты короля - Джозеф Мюррей, Джеймс Александр, Уильям Смит и Джон Чемберс. Мэри Бартон была вызвана снова. Она поклялась, что негры ходили к Хьюсону по ночам, ели и пили, а иногда покупали провизию; что Хьюсон поклялся неграм хранить тайну заговора; что она сама видела в доме Хьюсона семь или восемь пистолетов и шпаг, мешок с дробью и бочку пороха; что заключенный сказал ей, что убьет ее, если она расскажет о том, что знает или видела; хотел, чтобы она поклялась, как все остальные, предлагал ей шелковые платья и золотые кольца, но ни одна из этих заманчивых вещей не тронула добродетельную Мэри. Пять других свидетелей показали, что слышали, как Кряк и Каффи говорили Хьюсону в тюрьме: "Вот до чего ты нас довел". У Хьюсонов не было адвоката и всего три свидетеля. Один из них показал, что жил в таверне Хьюсона около трех месяцев прошлой зимой и никогда не видел, чтобы там развлекались негры. Двое других сказали, что никогда не видели ничего дурного ни в этом человеке, ни в его доме и т. д.

"Теперь слово взял Уильям Смит, эсквайр, чтобы подвести итог. Он сказал присяжным, что сжечь город, а потом убить всех - это "черное и адское дело"; что Джон Хьюсон своим соучастием в этом преступлении сделал себя чернее негров; что свидетели заслуживают доверия и что им ничего не остается, как признать заключенных виновными, как и было заявлено в обвинительном заключении. Судья заявил присяжным, что доказательства против заключенных "достаточны, полны, ясны и удовлетворительны". Они были признаны виновными за двадцать минут, и 8 июня их доставили в суд для вынесения приговора. Судья сказал им, что они виновны в ужасном преступлении; что они не только сделали негров своими равными, но и начальниками, ожидая их, составляя им компанию, развлекая их мясом, питьем и жильем; Что самым удивительным в их поведении было участие в заговоре с целью сожжения города и убийства жителей, - что советоваться с "черным семенем Каина", помогать и содействовать ему было неслыханным преступлением, - что хотя "они с необычайной уверенностью отрицают этот факт и призывают Бога в свидетели своей невинности, Он, по своей доброте и милосердию, поставил их в тупик и доказал их вину, к удовлетворению суда и присяжных". После очередной демонстрации судебного красноречия судья приговорил их "быть повешенными за шею до смерти" в пятницу, 12 июня 1741 года.

Негритянка Сара, о которой говорилось выше и которая предстала перед присяжными 1 июня в таком ужасном состоянии тела и разума, была повторно вызвана 5 июня. Она обвинила двадцать негров, которые, по ее словам, присутствовали в доме Комфорта, точили ножи и заявляли, что "убьют белых людей". 6 июня Робин, Сезар, Кук, Каффи и Джек, еще один Каффи и Ямайка были арестованы, а 8 июня предстали перед судом. Печально, что даже на таком расстоянии эти бедные негры, не имевшие ни адвоката, ни друзей, ни денег, были судимы и осуждены на основании показаний бедной невежественной истеричной девушки и "предсмертного признания" Кряка и Куффи, которые "признались", понимая, что их отпустят на свободу! Их судили и признали виновными 8-го числа, без духовенства и времени на молитву, и на следующий день сожгли на костре! Только Джек нашел расположение суда, и это расположение было куплено лжесвидетельством. Ему дали отсрочку до тех пор, "пока не выяснится, насколько он заслужит дальнейшее расположение". Понять его было практически невозможно, поэтому в качестве переводчиков привлекли двух белых джентльменов. Джек показал, что видел негров в таверне Хьюсона; что "когда они ели, то, по его словам, начали говорить о том, чтобы поджечь дома": он был настолько добр, что назвал имена примерно четырнадцати негров, от которых слышал, как они говорили, что подожгут дома своих хозяев, а потом бросятся на белых и убьют их; что на одном из таких собраний присутствовали пять или шесть испанских негров, разговор которых он не мог понять; что они полтора месяца ждали прихода испанцев и французов, а когда те не пришли, подожгли форт. Как обычно, новые жертвы этих исповедников пополнили число заключенных в тюрьме, которая в это время была переполнена до отказа.

19 июня лейтенант-губернатор издал прокламацию о свободе для всех, кто "признается и откроется" до 1 июля. В тюрьме находилось несколько индейцев, обвиненных в заговоре. Признаний и открытий было множество. Каждый негр, обвиненный в соучастии с несчастными, которые уже погибли на костре, начинал обвинять в соучастии в заговоре кого-то еще. Все они знали о множестве негров, которые собирались перерезать белым людям глотки перочинными ножами; а когда город будет охвачен пламенем, они должны были "встретиться в конце Бродвея, рядом с полями!". И, к вечному позору судебной системы Нью-

Йорка, следует отметить, что десятки невежественных, беспомощных и невинных негров - и несколько белых людей тоже - были осуждены на основании признаний охваченных ужасом свидетелей! Сегодня во всем просвещенном христианстве не найдется суда, который принял бы в качестве доказательства - даже косвенного - бессвязные высказывания этих негритянских "исповедников". И все же разумный (?) суд Нью-Йорка счел доказательства "ясными (?) и удовлетворительными!".

Но конец еще не был достигнут. Новый поворот должна была дать печально известная Мэри Бартон. Читатель помнит, что, по ее словам, когда речь заходила о поджоге города, в доме не было ни одного белого, кроме ее хозяина, хозяйки и Пегги Кери. Но 25 июня начинающая Мэри обвинила преподобного Джона Ури, известного католического священника и школьного учителя в городе, и некоего Кэмпбелла, тоже школьного учителя, в том, что они вместе с заговорщиками посещали таверну Хьюсона.

26 июня в суд были доставлены еще девять негров, которым были предъявлены обвинения. Семеро признали себя виновными в надежде на отсрочку: двое были судимы и осуждены на основании показаний Мэри Бартон. Еще восемь человек предстали перед судом и признали себя виновными; за ними последовали еще семь, некоторые из которых признали себя виновными, а некоторые - невинными. Таким образом, за один день суд смог расправиться с двадцатью четырьмя людьми.

27 июня некий Адам признался, что знал о заговоре, но сказал, что его втянул в него Хьюсон за три года до этого; что Хьюсон сказал ему, что знает человека, который может простить ему все грехи. Так что между теплым ромом Джона Хьюсона и способностью Джона Ури прощать грехи, добродетельный Адам нашел все свои угрызения побежденными; и он дал клятву. Доктор Гамильтон, живший у Холта, и последний также предстали перед судом как обвиняемые в причастности к заговору. Было предъявлено обвинение в том, что Холт поручил своему негру Джо поджечь игровой дом в указанное им время. В начале процесса упоминались только четыре белых человека, но теперь они стали множиться, а бочки с порохом увеличиваться с удивительной скоростью. Признания до этого времени были простыми повторениями. Аресты были многочисленными, а тюрьма переполнена до отказа. Бедные негры, вовлеченные в преступление, были рады возможности "признаться" против кого-то другого и тем самым спасти свою жизнь. Регистратор Хорсманден говорит: "Теперь многие негры начали пищать, чтобы получить выгоду от прокламации". Он заслуживает благодарности всего человечества за свою откровенность! Ведь до прокламации в тюрьме находилось не более семидесяти негров, но в течение восьми дней после ее издания к ним прибавилось еще тридцать испуганных рабов. И судья Хорсманден говорит: "Трудно было найти для них место, и мы не видели никакой вероятности остановить импичмент". Негры стали обвинять белых, и семь или восемь человек были арестованы. Санитарное состояние тюрьмы стало предметом серьезного беспокойства. Судьи и адвокаты посовещались и решили помиловать некоторых заключенных, чтобы освободить место в тюрьме. Они также сочли разумным прекратить признания и тем самым облегчить себе работу; но признания продолжались, и тюрьма снова наполнилась.

Испанских негров, захваченных английским капером и приговоренных адмиралтейским судом к рабству, теперь схватили, судили, осудили и приговорили к повешению. Еще пять человек получили приговор в тот же день.

Кровавая работа продолжалась. Несчастные негры в тюрьме, находясь в состоянии болезненного отчаяния, обрушивали друг на друга обвинительный язык. Они знали, что обвиняют друг друга безвинно, - как многие признавались потом, - но это была последняя

соломинка, за которую эти тонущие люди могли ухватиться, и они невольно это делали. "Требовались жертвы, и те, кто приносил их к алтарю Молоха, покупали свою безопасность или, по крайней мере, жизнь".

2 июля один Уилл предстал перед главным судьей Джеймсом ДеЛанси. Он признал себя виновным и был приговорен к смертному сожжению 4 июля. 6 июля одиннадцать человек признали себя виновными. Один Данди обвиняет доктора Гамильтона и Хьюсона в том, что они давали неграм ром и клялись им в заговоре. Белый человек по имени Уильям Нуилл заявил, что негр, принадлежащий Эдварду Келли, мяснику по имени Лондон, поклялся Богом, что если его арестуют и бросят в тюрьму, то он повесит или сожжет всех негров в Нью-Йорке, виновных или невиновных. В этот же день были повешены пять негров. Один из них был "повешен в цепях" на той же самой виселице, что и Хьюсон. А христианский историк утверждает, что "город был навеселе" из-за сообщения о том, что Хьюсон стал черным, а негр - белым! Вульгарное и тошнотворное описание состояния тел, которым с явным удовольствием пользовался мистер Хорсманден, мы утаиваем от читателя. Ходили слухи, что негр-врач вводил осужденным яд, отсюда и изменения в телах после смерти.

Помимо сожжения негра Уилла 4 июля, сенсацию произвело его обвинение двух белых солдат, Кейна и Келли, в соучастии в заговоре. Кейн был допрошен на следующий день: он заявил, что никогда не был в доме Джона Ромма; признал, что получил украденную серебряную ложку, подаренную его жене, и продал ее некоему Ван Дайпу, серебряных дел мастеру; что он никогда не знал Джона Ури и т. д. Зная, что Мэри Бартон была выдвинута вперед, - как это всегда бывало, когда судебное разбирательство начинало затягиваться, - и обвинила Кейна. Сначала он искренне отрицал обвинения, но в конце концов признался, что дважды был у Хьюсона в связи с заговором, но его побудили пойти туда "Коркер, Коффин и Фэган". После того как его язык развязался, а память освежилась, он обвинил Ури. Он обвинил отца и трех братьев Хьюсона, тещу Хьюсона, старую гадалку, как участников заговора, поклявшихся "сжечь и убить"; что Ури окрестил некоторых негров и даже имел наглость попытаться прозелитизировать его, Кейна; что Ури спросил его, умеет ли он читать по-латыни и по-английски; на оба вопроса он ответил "нет"; Что человек Коффина читал ему и рассказывал о преимуществах католичества, о том, что они могут простить грехи и спасти от ада, и что если бы он не ушел из их компании, они могли бы совратить его в католичество; что некто Конолли на Губернаторском острове признался, что он "воспитан священником"; что некто Холт, танцмейстер, также знал о заговоре; а затем описал мистическую церемонию присяги заговорщиков. Он сказал: "На полу было сделано черное кольцо диаметром около полутора футов; Хьюсон велел каждому снять левую туфлю и вставить пальцы ног в кольцо; а миссис Хьюсон держала чашу с пивом. Хьюсон держала над их головами чашу с пуншем, а негры стояли по кругу, и Хьюсон произносил вышеупомянутую клятву (что-то вроде масонской клятвы и наказаний), и каждый негр по отдельности повторял за ним клятву, а затем жена Хьюсона кормила их из чаши".

Это было, так сказать, "новое дело" и, несомненно, нарушило монотонность ежедневных речитативов, которые их челядь слушала все лето. Кейн собирался лишить Мэри Бартон ее почестей; а поскольку он не умел писать, он сделал свое дело. Торговец по имени Коффин был арестован и допрошен. Он отрицал свою осведомленность о заговоре, никогда не видел Хьюсона, не был у него, впервые увидел его, когда его казнили; Кейна видел только один раз, и то у Элеоноры Уоллер, где они вместе пили пиво. Но суд признал его виновным. Кейн и Мэри Бартон обвинили Эдварда Мерфи. Кейн обвинил Дэвида Джонсона, шляпника, как одного из заговорщиков; Мэри Бартон обвинила Эндрю Райза, "маленького Холта", танцмейстера, Джона Эрла и семнадцать солдат - все они были брошены в тюрьму.

16 июля девять негров предстали перед судом: четверо признали себя виновными, двое были приговорены к сожжению, а остальные - к повешению. На следующий день семь негров признали себя виновными. Некий Джон Шульц выступил с показаниями, которые, возможно, оказали некоторое влияние на суд и общество в целом. Он поклялся, что 9 июня 1741 года негр-раб по имени Кембридж, принадлежавший Кристоферу Кодвайзу, эсквайру, признался ему в присутствии Кодвайза и Ричарда Бейкера, что признание, сделанное им перед господами Лоджем и Николсом, было совершенно ложным, а именно, что он признал себя виновным в участии в заговоре; обвинил негра по имени Каджое из страха; что слышал, как несколько негров разговаривали между собой в тюрьме и говорили, что если они не признаются, то их повесят; что его слова о Хорсфилде Сезаре были ложью; что он никогда не знал, в какой части города живет Хьюсон, и не помнит, чтобы когда-нибудь слышал его имя, пока в городе не заговорили, что Хьюсон участвовал в заговоре с целью сжечь город и убить жителей.

Это ничуть не ослабило рвения Мэри Бертон и Уильяма Кейна. Они продолжили свою работу по обвинению белых и негров, получая одобрительные улыбки магистратов. Мэри Бартон утверждает, что Джон Эрл, живший на Бродвее, приходил к Хьюсону с десятью солдатами за раз; что эти белые должны были командовать негритянскими ротами; что Джон Ури часто присутствовал при этом; что человек возле Мэрского рынка, державший лавку, из которой она (Мэри Бартон) получала ром, доктор, по национальности шотландец, живший у Слипа, и еще один танцмейстер по имени Корри встречались с заговорщиками в таверне Хьюсона.

14 июля Джон Ури был допрошен и отрицал, что когда-либо был у Хьюсона или знал что-либо о заговоре; он сказал, что никогда не видел никого из Хьюсонов и не знал Пегги Кэри. Но Уильям Кейн, солдат, настаивал на том, что Ури действительно посещал дом Хьюсона. Ури был снова арестован. На следующий день восемь человек предстали перед судом и были осуждены на основании показаний Кейна и Мэри Бартон. Тюрьма снова наполнялась, и доброжелательные судьи помиловали четырнадцать негров. Затем они обратили свои судейские умы к делу Уильяма Кейна *против* Джона Ури. Во-первых, его обвинили в том, что он советовал, подговаривал и подстрекал негра-раба Квака сжечь королевский дом в форте, и он не признал себя виновным. Во-вторых, что, будучи священником, поставленным властью мнимого Римского престола, он прибыл в провинцию и город Нью-Йорк после срока, ограниченного законом против иезуитов и папистских священников, принятым в одиннадцатом году правления Вильгельма III, и оставался там в течение семи месяцев; что он объявил себя церковным лицом, поставленным и рукоположенным властью Римского престола; и что он казался таковым, совершая мессы, давая отпущение грехов и т. д. По этим обвинениям Ури не признал себя виновным и потребовал копию обвинительных заключений, но ему разрешили получить только копию второго, а перо, чернила и бумагу нехотя предоставили. Его личный дневник был конфискован, а часть его содержания использована в качестве улики против него. Большому жюри было представлено следующее.

"Прибыл в Филадельфию 17 февраля 1738 года. В Лудинуме, 5 марта. В Филадельфию, 29 апреля. Начал обучение в школе в Берлингтоне, 18 июня. Омилта Якобус Атертуэйт, 27 июля.- Поступил в школу в Берлингтоне 23 января 1740 года.- Видел --, 7 мая.- В пять поехал в Берлингтон, к сумасшедшему Пирси.- Поехал в Филадельфию, 19 мая.- Поехал в Берлингтон, 18 июня.- В шесть вечера в Пенефак, к Джозефу Эштону.- Начал учиться в Дублине у Чарльза Хаста, за восемь фунтов в год, 31 июля, --, 15 октября, --, 27 дт.-Пришел к Джону Крокеру (в "Бойцовых петухах"), Нью-Йорк, 2 ноября.-Питался у него безвозмездно, 7 ноября,-Natura Johannis Pool,

26 декабря.-Начал учить у Джона Кэмпбелла, 6 апреля, 1741.-Крестил Тимоти Райана, родившегося 18 апреля, 1740, сына Джона Райана и Мэри Райан, 18 мая.- Pater Confessor Butler, two Anni, no sacramentum non confessio."[250]

21 июля Сара Хьюсон, которой дали отсрочку, снова предстала перед судом. В обвинительных заключениях против Ури были допущены юридические ошибки, и суд над ним был отложен до следующего срока, но он предстал перед судом по новому обвинению. Энергия присяжных и судей получила новую жизнь. Здесь был человек, который был католиком - или был католиком, - и дух религиозной нетерпимости заявил о себе. Сара Хьюсон вспомнила, что несколько раз видела Ури в доме своего отца; видела, как он чертил мелом на полу кольцо, заставлял всех негров стоять вокруг него, а сам стоял в центре, с крестом, и клял негров. Это тоже было "новым делом": в первом признании ничего подобного не упоминалось. Но это было еще не все. Она видела, как Ури проповедовал неграм, прощал их грехи и крестил некоторых из них! Она сказала, что Ури хотел, чтобы она исповедовалась ему, и Пегги исповедовалась ему по-французски.

24 июля был вызван кондитер Элиас Десброз, который поклялся, что Ури пришел в его лавку с плотником Уэббом и попросил у него кусочки сахара, или облатки, и спросил его, "нет ли у священника своих облаток? или не сделана ли та паста, которую показал ему депонент, из тех же ингредиентов, что и у лютеранского служителя?" или что-то в этом роде: депонент сказал Ури, что, если он хочет такие вещи, столяр сделает ему форму; и что когда он спросил его, есть ли у него прихожане, Ури "отказался дать ему ответ".

27 июля мистер Уэбб, плотник, был вызван на свидетельское место и дал следующие показания: Что он встретил Ури у Джона Крокера (в "Бойцовых петухах"), где и познакомился с ним; что он слышал, как тот читал по-латыни и по-английски, настолько великолепно, что нанял его учить своего ребенка; что, узнав, что тот был школьным учителем, он пригласил его бесплатно пожить в своем доме; что он узнал от него, что тот был священнослужителем, который не был юрким, написал книгу, вызвавшую огонь церкви, был обвинен в измене и изгнан из Англии, лишившись "заработка" на пятьдесят фунтов в год; что в религиозных вопросах обвиняемый не всегда мог его понять; что обвиняемый сказал, что негры годятся только в рабы, а ставить их выше этого состояния - значит приглашать их перерезать вам глотки. Наблюдательный Хорсманден был так доволен этим заявлением, что в сноске поставил Ури в заслугу то, что он понимает нравы негров![251] Далее мистер Уэбб рассказывает, что после того, как один Кэмпбелл удалился к Хьюсону, Ури отправился туда, и так же три раза делал депонент, и слышал, как он читал молитвы по образцу английской церкви; но в молитве за короля он упомянул только "наш суверенный лорд король", а не "король Георг". Он сказал, что Ури выступал против пьянства, разврата и деистов; что он увещевал каждого держать своего собственного служителя; что при произнесении третьей проповеди присутствовал один м-р. Хилдрет присутствовал, когда Ури, порицая некоторые доктрины, настаивал на том, что для спасения необходимы как добрые дела, так и вера; что он объявил, что в определенный вечер будет проповедовать по тексту: "На сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее; и кому вы отпускаете грехи, тому они отпускаются, а кому оставляете грехи, тому они остаются".

Судьи, обрадованные этой изюминкой, добавленной к обычно сухому процессу, решили, что им лучше позвать Сару Хьюсон; если она будет благодарна за свою свободу, то даст нужные их чести показания. Соответственно, Сару вызвали. Ее рекомендуют помиловать.

Разумеется, она должна говорить то, что ей вложат в рот, давать показания, какие пожелает суд. Так судьба бедного школьного учителя оказалась в руках роковой Сары.

28 июля было приведено к присяге еще одно большое жюри, которое, как и прежнее, состояло из купцов. В его состав вошли следующие лица: Джозеф Робинсон, Джеймс Ливингстон, Германус Рутгерс младший, Чарльз ЛеРу, Абрахам Боелен, Питер Рутгерс, Якобус Рузвельт, Джон Обойно, Стивен Ван Куртландт младший, Абрахам Линсен, Герардус Дуйкинк, Джон Провост, Генри Лейн младший, Генри Куйлер, Джон Рузвельт, Абрахам ДеПейстер, Эдвард Хикс, Джозеф Райалл, Питер Шуйлер и Питер Джей.^[252]

Сара Хьюсон была помилована. В суд был доставлен Джон Ури, который бросил вызов некоторым присяжным. Уильям Хаммерсли, Герардус Бикман, Джон Шурмур, Сидней Брис, Дэниел Шатфорд, Томас Бехенна, Питер Фресно, Томас Уиллетт, Джон Брис, Джон Хастьер, Джеймс Такер и Брандт Шуйлер были приведены к присяге, чтобы судить его. Без формальностей он предстал перед судом по старому обвинению, а именно: в преступлении, в подстрекательстве и возбуждении негра-раба Квака к поджогу губернаторского дома. Адвокатами короля были генеральный прокурор Ричард Брэдли и господа Мюррей, Александр, Смит и Чамберс. У бедняги Ури не было ни адвоката, ни сочувствующих. Генеральный прокурор, обращаясь к присяжным с вступительной речью, сказал, что должны быть представлены определенные доказательства, свидетельствующие о виновности присяжных в соответствии с обвинительным заключением; что у него есть письмо, которое он хотел бы зачитать, которое было отправлено лейтенанту-губернатору Кларку, написанное генералом Оглторпом ("прозорливым Ликургом из Джорджии"), датированное 16 мая. Ниже приводится отрывок из письма, о котором идет речь

"Я получил сведения о злодейском замысле весьма необычного характера и, если это правда, очень важного, а именно: испанцы наняли эмиссаров, чтобы сжечь все магазины и значительные города в английской Северной Америке и тем самым помешать существованию большой экспедиции и флота в Вест-Индии; и для этой цели было нанято много священников, которые выдавали себя за врачей, танцмейстеров и другие подобные занятия и под этим предлогом добивались допуска и доверия в семьях".^[253]

Его усилия были направлены на борьбу с нечестием папства и римско-католической церкви. Первым свидетелем была вызвана неумная Мэри Бартон. Она начала с повторения старой истории о поджоге домов, но на этот раз несколько изменила ее: сначала был сожжен не форт, а дом Крокера, рядом с кофейней, у длинного моста. Она запомнила кольцо, нарисованное мелом, видела в нем предметы, похожие на крыс (добрый Хорсманден проливает свет на этот мрачный отрывок, рассказывая читателю, что это были черные пальцы негров!); однажды она заглянула туда и увидела черную штуку, похожую на ребенка, и Ури с книгой в руке, и в этот момент она выронила серебряную ложку, а Ури погнался за ней и поймал бы ее, если бы она не упала в ведро с водой и таким чудесным образом не спаслась! Но было принято отправлять эту любопытную Мэри спать, если происходило что-то необычное. Ури задал ей несколько вопросов.

"Заклученный: - Вы говорите, что видели меня несколько раз у Хьюсона, в какой одежде я обычно ходила?

"Мэри Бартон: - Я не могу сказать, какую одежду вы носили.

"Заклученный: - Странно, вы так хорошо меня знаете?"

Затем она говорит о нескольких видах одежды, но особенно, или главным образом, о пальто для верховой езды, и часто о коричневом пальто, отделанном черным.

"Заклученный... Я никогда не носил такого пальто. В какое время дня я обычно приходил к Хьюсону?

"Вы приходили в основном по ночам, и когда я ложился спать, то видел, как вы раздевались в комнате Пегги, как будто собирались там лечь; но я не могу сказать, что вы так делали, потому что вы всегда уходили до того, как я вставал утром.

"Заклученный: - В какой комнате я находился, когда позвал Мэри, и вы пришли, как вы сказали?

"М. Бартон: - В большой комнате, наверху лестницы.

"Заклученный: - Какой ответ дали негры, когда я предложил простить им грехи, как вы сказали?

"М. Бертон. Я не помню".[254]

Солдат Уильям Кейн выступил в суде. Он очень смело отвечал на все вопросы Ури. Он видел, как тот крестил ребенка, мог прощать грехи и хотел обратить его в свою веру! Следующей была вызвана Сара Хьюсон, но Ури возражал против нее, поскольку она была осуждена. Судья сообщил ему, что она была помилована и поэтому может выступать в качестве свидетеля. Судья Хорсманден тщательно приводил газетные вырезки, доказывающие, что французский двор стремился создавать и возбуждать мятежи и восстания в английских колониях, а в конце рассказал патетическую историю об ирландском школьном учителе в графстве Ольстер, который пил за здоровье короля Испании![255] Это, несомненно, имело большой вес для присяжных. Бедняга Ури, осужденный на основании показаний трех отъявленных лжецов, без адвоката, был оставлен защищаться самостоятельно. Он обратился к присяжным в серьезной и умной манере. Он показал, где улики противоречат друг другу; что обвинения не согласуются с его прежним характером, молчанием Кряка и другими уже казненными. Он показал, что мистер Кэмпбелл вступил во владение домом, который занимал Хьюсон, 1 мая; что в это время Хьюсон и его жена находились в тюрьме, а Сара - в доме; что Сара оскорбляла Кэмпбелла, а он упрекал ее за нецензурные выражения, и это дало ей дополнительный повод обвинить его; что он никогда не знал Хьюсона или кого-либо из его семьи. Мистер Джон Крокер свидетельствовал, что Ури никогда не общался с неграми и не принимал их в доме Крокера до 1 мая, поскольку все заговоры были сделаны до этой даты; что он был тихим, благочестивым проповедником и отличным школьным учителем; что он учил ребенка Уэбба и всегда заявлял, что он не юродствующий священнослужитель Англиканской церкви. Но роковым откровением этого друга Ури стало то, что Уэбб сделал для него письменный стол, и присяжные решили, что видят в нем алтарь для католического священника! Этого было достаточно. Генеральный прокурор сообщил присяжным, что заключенный - римский священник, и принялся доказывать исключительную греховность этой церкви. Признав скудость улик, призванных доказать, что он был священником, ученый джентльмен поспешил рассказать обо всех темных делах Рима и тем самым отравил умы присяжных против несчастного Ури. Его признали виновным, и 29 августа 1741 года он был повешен, исповедуя свою невиновность и безропотно подчиняясь жестокой и несправедливой смерти как слуга Господа.[256]

Судебные процессы над неграми продолжались, но были несколько омрачены процессом над известным католическим священником. 18 июля были повешены семь негров, в том числе врач-негр по имени Гарри. 23 июля несколько белых были оштрафованы за беспорядок в домах, где содержались негры, а девять негров в тот же день были

освобождены из тюрьмы за недостатком улик! 15 августа был повешен испанский негр. 31 августа Корри (танцмейстер), Райан, Келли и Коффин - все белые - были уволены, потому что никто не стал возбуждать дело; читатель, должно быть, заметил, что улики против них были столь же вескими, как и против любого из казненных лживой троицей - Бертоном, Кейном и Сарой. Но историк мистер Смит правильно объясняет причину столь внезапного окончания этих судебных разбирательств.

"Все лето прошло в преследованиях; каждый новый процесс вел к новым обвинениям: совпадение незначительных обстоятельств под влиянием всеобщего ужаса превращалось в жестокие предположения; рассказы, собранные без дверей, смешиваясь с доказательствами, приведенными в суде, отравляли умы присяжных; и кровожадный дух дня не терпел никаких ограничений, пока Мэри, столичная информаторша, сбита с толку частыми допросами и внушениями, не потеряла свои первые впечатления и не начала касаться характеров, которые сама злость не смела подозревать."[\[257\]](#)

24 сентября было торжественно выделено для публичного благодарения за то, что горожане спаслись от гибели!

Как мы уже говорили, этот "негритянский заговор" имеет лишь одну параллель в истории цивилизации. Он возник в больном общественном сознании, разгоряченном религиозным фанатизмом, ускоренном наемными лжецами, и завершился слепыми и кровавыми действиями суда и присяжных, вообразивших себя сидящими над пороховым магазином. О том, что ограбление имело место, свидетельствовали некоторые статьи и признания Хьюсона и других, но не было ни единого компетентного доказательства, свидетельствующего о наличии организованного заговора. И вот наступило время, когда город вернулся к привычному спокойствию, и самые искренние верующие в "негритянский заговор" пришли к мнению, что рвение магистратов не было "по знанию". Ведь они не могли не помнить, что негры считались язычниками и, следовательно, не присягали суду; что им не давали адвоката; что доказательства были косвенными, противоречивыми и злобными, а суды - поспешными и несправедливыми. С 11 мая по 29 августа сто пятьдесят четыре негра были брошены в тюрьму; четырнадцать из них были сожжены, восемнадцать повешены, семьдесят один перевезены, а остальные помилованы. За тот же период времени в тюрьму были заключены двадцать четыре белых; четверо из них были казнены, а остальные освобождены. Всего было арестовано сто семьдесят восемь человек, тридцать шесть казнены и семьдесят один вывезен! Какая ужасная трагедия, совершенная во имя закона и христианского правления! Мэри Бартон, Иуда Искарот того времени, получила свои сто фунтов в качестве платы за пролитую по ее вине кровь; и занавес опустился над одним из самых трагических событий в истории Нью-Йорка и всего цивилизованного мира.[\[258\]](#)

Законодательное собрание обратило свое внимание на дополнительные законы по вопросу о рабстве. Были приняты суровые законы против негров. Их личные права урезались до тех пор, пока их состояние не стало мало чем отличаться от состояния грубого создания. Мы просмотрели объемные записи провинции Нью-Йорк и не нашли ни одного акта, направленного на улучшение положения раба.[\[259\]](#) Его ненавидели, ему не доверяли, его боялись. В провинции Нью-Йорк не было сделано ничего дружественного для раба, пока угрожающая опасность извне не научила колонистов тому, как важно беречь все свои ресурсы. Война между британскими колониями в Северной Америке и родиной дала негру возможность сровнять отчаянной доблестью горы предрассудков и стереть своей кровью темное пятно 1741 года. История говорит, что он сделал это.

ССЫЛКИ:

[215] Brodhead's History of New York, vol. i. p. 184.

[216] O'Callaghan's History of New Netherlands, pp. 384, 385.

[217] Brodhead, vol. i. p. 194.

[218] Ibid, vol. i. pp. 196, 197.

[219] Dunlap's History of New York, vol. i. p, 58.

[220] O'Callaghan, p. 385.

[221] Ван Тьенховен.

[222] Hildreth, vol. i. p. 441; также Hol. Doc., III. p. 351.

[223] Анналы Олбани, т. ii. с. 55-60.

[224] O'Callaghan, p. 353. N.Y. Col. Docs., vol. ii, pp. 368, 369.

[225] Brodhead, vol. i. p. 697.

[226] Brodhead, vol. i. p. 746.

[227] Ibid., vol. i. p. 748.

[228] Valentine's Manual for 1861, pp. 640-664.

[229] New York Hist. Coll., vol. i. pp. 322, 323.

[230] Журналы Законодательного совета, т. i. p xii.

[231] Bradford's Laws, p. 125.

[232] Journals, etc., N.Y., vol. i. p. xiii.

[233] Dunlap's Hist, of N.Y., vol. i. p. 260,

[234] Booth's Hist, of N.Y., vol. i. p, 270-272.

[235] 22 марта 1680 года была издана следующая прокламация: "Принимая во внимание, что несколько жителей этого города ежедневно укрывают, развлекают и содержат в своих домах индийских и негритянских рабов, продают им вино, ром и другие крепкие напитки, за что получают деньги или товары, которые указанные индийские и негритянские рабы похищают, уводят и крадут у своих хозяев, чем нарушается общественный мир и наносится ущерб хозяину, и т. д, поэтому они запрещены и т. д.; и если негр или индийский раб обратится за этими запрещенными предметами, следует немедленно сообщить об этом своему хозяину или мэру, или старейшему олдермену" - Данлап, т. II. Appendix, p. cxxviii.

[236] Законы Брэдфорда, стр. 81.

[237] Упомянутый ордонанс был повторно принят 22 апреля 1731 года и гласит следующее: "Ни один негр, мулат или индийский раб старше четырнадцати лет не должен осмеливаться появляться на любой из улиц или в любом другом месте этого города на южной стороне

Пресной воды в ночное время, более часа после захода солнца, без фонаря и свечи (если только не в компании со своим хозяином или каким-нибудь белым, принадлежащим к семье). Наказание - сторожка в эту ночь; на следующий день - тюрьма, пока хозяин не заплатит 4 пенса, а перед освобождением раб должен быть выпорот не более чем сорока плетью" - Данлап, т. ii. Appendix, p. clxiii.

[238] Booth, vol. i. p. 271.

[239] Hurd's Bondage and Freedom, vol. i. p. 281.

[240] Dunlap, vol. i. p. 323.

[241] Судья Дэниел Хорсеманден.

[242] Hume, vol. vi. pp. 171-212.

[243] Там же, т. vi. с. 171.

[244] Horsemenden's Negro Plot, p. 29.

[245] Еще в 1684 году было принято следующее постановление против развлечений с рабами: "Никому не позволять развлекать негров или индийских рабов, продавать или передавать им крепкие спиртные напитки без разрешения хозяина, получать от них деньги или товары; но при любом предложении, сделанном рабом, сообщать об этом хозяину или мэру под угрозой штрафа в пять фунтов стерлингов" - Данлэп, т. ii. Appendix, p. cxxxiii.

[246] Horsemenden's Negro Plot, p. 33.

[247] Bradford's Laws, pp. 141-144.

[248] Негритянский заговор Хорсмандена, с. 60.

[249] В то время город Нью-Йорк был разделен на части и состоял из двух округов ополчения.

[250] Dunlap, vol. i. p. 344.

[251] Horsemenden's Negro Plot, p. 284.

[252] Horsemenden's Negro Plot, p. 286.

[253] Colonial Hist. of N.Y., vol. vi. p. 199.

[254] Horsemenden's Negro Plot, pp. 292, 293.

[255] Там же, стр. 298, 299, примечание.

[256] Horsemenden's Negro Plot, pp. 221, 222.

[257] Smith's Hist. of N.Y., vol. ii. pp. 59, 60.

[258] "6 марта 1742 года Общий совет принял следующее постановление: "Приказано выдать Мэри Бартон ее контракты, освободить ее от оставшейся части ее рабства и выплатить ей три фунта на необходимую одежду". Общий совет выкупил у ее хозяина ее контракты и хранил их до этого времени" -Dunlap, vol. ii. Appendix, p. clxvii.

[259] "17 ноября 1767 года в Палату собрания был внесен законопроект "о предотвращении противоестественного и необоснованного обычая порабощения людей и ввоза рабов в эту провинцию". Он был преобразован в акт "о наложении пошлины на ввозимых негров". Он не

смог пройти через губернатора и совет; впоследствии стало известно, что Беннинг И. Вентворт, губернатор Нью-Гэмпшира, получил инструкции не принимать никаких законов "о введении пошлин на негров, ввозимых в эту провинцию". Хатчинсон из Массачусетса получил аналогичные инструкции. Губернатор и совет Его Величества знали об этом в то время.

ГЛАВА XIV.

КОЛОНИЯ МАССАЧУСЕТС.

1633-1775.

Самые ранние упоминания о неграх в Массачусетсе.- Индейцы Пэкода, обмененные на негров.- Путешествие невольничьего корабля "Желание" в 1638 году.- Принятие основных законов.- Рабство по найму.- Похищение негров.- Рост рабства в XVII веке.- Налогообложение рабов.- Ввоз индейских рабов запрещен.- Позиция церкви в отношении крещения рабов.- Браки рабов.- Состояние свободных негров.- Филис Уитли, африканская поэтесса.- Ее жизнь.- Рабство признано в Англии, чтобы поддерживаться в колониях.- Эмансипация рабов.- Законодательство, благоприятствующее импорту белых слуг, но запрещающее тайный привоз негров.- Атака судьи Сьюолла на рабство.- Ответ судьи Саффина судье Сьюоллу.

[Вернуться к оглавлению](#)

Если бы люди, давшие колонии Массачусетс ее политическое существование и революционную славу, знали, что негр, так рано попавший в колонию в качестве раба, станет в будущей Республике на долгие годы неразрешимой проблемой и, наконец, предметом столь большой и серьезной экономической и политической озабоченности, они поручили бы ревностное хранение летописцам своего времени те записи, которые так тщетно ищет историк негра в нынешний период. Украденный из своего тропического дома, обреченный на рабство, враждующее с интеллектуальной и духовной, а также физической природой человека; самый низкий из Божьих творений в оценке круглоголовых Новой Англии; чужак в чужой стране, бедный негр из Массачусетса не нашел места в симпатиях или истории пуритан - христиан, чьи деяния и память были забальзамированы в песнях и рассказах и получили бессмертие, равное только неуничтожимости английского языка. Записи самого отдаленного периода колониальной истории сохранили молчание по вопросу о негритянском рабстве, столь же зловещее, сколь и бросающееся в глаза. Имеющиеся сведения о введении рабства отрывочны, неопределенны и, мягко говоря, неудовлетворительны. Есть только одна работа, носящая светлую печать исторической достоверности, которая проливает света на темные записи о мрачном преступлении - человеческом рабстве в Массачусетсе. И мы уверены, что она настолько полна, насколько это возможно благодаря зрелой эрудиции, терпеливому исследованию, честному и бесстрашному духу ее автора.[260]

Самое раннее упоминание о присутствии негров в Массачусетсе связано с рассказом о неких индейцах, которые испугались цветного человека, заблудившегося в лесных дебрях. Индейцы, судя по всему, были "напуганы еще больше, чем напуганы, и, увидев на вершине дерева негра, высматривающего дорогу, которую он потерял, решили, что это *Абамачо*, или дьявол; они считали всех дьяволов чернее себя; и, оказавшись неподалеку от плантации,

они обратились к англичанам и попросили их помочь им призвать этого дьявола к себе, а те, обнаружив, что это бедный бродячий негр, отвели его к хозяину".[261] Это было в 1633 году. Это косвенное доказательство двойного характера, то есть оно доказывает, что негры появились в колонии гораздо раньше, чем можно установить по достоверным данным, и что негры были рабами. Можно предположить, что этот "странствующий черномор", которого привели "к его хозяину", был не единственным негром-рабом в колонии. Рабы обычно приходят в больших количествах, и, следовательно, в это время их должно было быть довольно много.

Негритянское рабство в Массачусетсе стало предохранительным клапаном для сдерживаемой мести индейцев племени пекод. Рабство было бы установлено в Массачусетсе, даже если бы там не было индейцев, которых можно было бы наказать войной, пленом и двуличием. Поощряемые британскими властями, жадность и корысть успокоили бы совесть пуритан-рабовладельцев. Но война с индейцами племени пекод стала ранним и неотложным поводом для основания рабства под опекой *свободной церкви и свободного правительства!* Поскольку индейцы племени пекодов "не выдержали ига", не остались "в качестве слуг", [262] их отправили на Бермуды [263] и обменяли на негров, [264] в надежде, что последние "перенесут иго" более терпеливо. Первый ввоз рабов с Барбадоса в обмен на индейцев был осуществлен в 1637 году, в первый год войны с пекодами, и, несомненно, продолжался в течение многих лет.

Но уже в следующем году мы имеем самое достоверное свидетельство того, что Новая Англия действительно занималась работорговлей.

Мистер Пирс на салемском корабле "Желание" вернулся из Вест-Индии через семь месяцев. Он был в Провиденсе и привез оттуда немного хлопка, табака, негров и т. д., а также соль из Тертугоса..... Сухая рыба и крепкие спиртные напитки - единственные товары для тех мест. Он встретил там двух военных людей, посланных лордами и т.д. из Провиденса с военными письмами, которые взяли у испанцев много призов и много негров".[265]

Корабль "Желание" был построен в Марблхед в 1636 году; [266] был сто двадцать тонн и, возможно, одним из первых, построенных в колонии. Нет никаких доказательств того, что "Мэйфлауэр" после высадки святых отцов-пилигримов был оборудован для плавания с рабами! Но нет и доказательств, которые бы разрушили веру в то, что "Желание" было построено для работорговли. В течение нескольких лет после постройки "Желания" в Массачусетсе было довольно много негров-рабов. "Джон Джосселин, генерал, в своих "Двух путешествиях в Новую Англию", совершенных в 1638 и 1663 годах и впервые напечатанных в 1674 году, [267] рассказывает о попытке разведения рабов в Массачусетсе.

"Второго октября (1639) около девяти часов утра негритянка мистера Мэверика подошла к окну моей комнаты и на своем графском языке и мелодии запела очень громко и пронзительно. *Маверика* негритянка подошла к окну моей комнаты и на своем графском языке и мелодии запела очень громко и пронзительно, выйдя к ней, она проявила ко мне большое уважение и охотно выразила бы свое горе *по-английски*; Но я понял это по ее лицу и поведению, после чего отправился к хозяину, чтобы узнать у него причину, и решил просить его за нее, ибо я уже понял, что она была королевой в своем графстве, и заметил, что другой негр, который был ее служанкой, одевал ее очень скромно и покорно. Мистеру *Маверика* очень хотелось завести породу негров, и потому, видя, что она не поддается на уговоры компанию с негритянским юношей, который был у него в доме; он приказал ему, если она не

захочет, лечь к ней в постель, что и было сделано, но она снова выгнала его, что она восприняла с большим презрением, чем свое рабство, и это было причиной ее горя."[\[268\]](#)

С первого взгляда может показаться, что рабство в колонии было уделом отдельных людей; но плавание корабля "Желание", очевидно, было совершено с целью получения негритянских рабов для продажи. В 1627 году Джосселин сообщает, что английская колония на острове Барбадос "за короткое время увеличилась до двадцати тысяч человек, кроме негров".[\[269\]](#) А в 1637 году он говорит, что жители Новой Англии "отправляли детей мужского пола пиктов на Бермудские острова".[\[270\]](#) Вполне вероятно, что многие люди с большими средствами и состояниями имели несколько негров-рабов довольно рано, возможно, даже раньше, чем мы имеем какие-либо записи; но как общественное предприятие, в котором была заинтересована колония, рабство началось уже в 1638 году. "Следует отметить, - говорит доктор Мур, - что это первое вступление в работорговлю не было частной, индивидуальной спекуляцией. Это было предприятие властей колонии. И 13 марта 1639 года Генеральный суд постановил "выплатить лейтенанту Давенпорту 3 фунта 8 шиллингов в качестве платы за рабов, которые, когда они заработают, он должен будет вернуть снова".
Маргинальное примечание: "Лефт. Дэвенпорт, чтобы держать рабов". (Mass. Rec. i. 253.[\[271\]](#)) Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что институт рабства окончательно утвердился уже в 1639 году, а до этого времени он существовал в патриархальном состоянии. Но нет ни малейшего фрагмента истории, подтверждающего бессистемное утверждение Эмори Уошберна о том, что рабство существовало в Массачусетсе "с того момента, как Маверик был найден обитающим на острове Ноддл в 1630 году".[\[272\]](#) Мы уверены, что это утверждение лишено авторитета исторических данных. Одно дело, когда историк считает, что определенные события произошли в определенное время, но совсем другое - когда он может привести надежные авторитеты в доказательство своего утверждения.[\[273\]](#) Но, несомненно, мистер Уошберн полагается на мистера Палфри, который отсылает своего читателя к мистеру Джосселину. Палфри говорит: "До прибытия Уинтропа в Массачусетсе было два раба-негра, которых держал мистер Маверик на острове Ноддл".[\[274\]](#) Джосселин приводит единственное имеющееся у нас описание рабов на острове Ноддл. Инцидент, послуживший поводом для этого отрывка истории, произошел 2 октября 1639 года. Уинтроп был избран губернатором в 1637 году.[\[275\]](#) Именно в этом году, 26 февраля, невольничий корабль "Желание" высадил в колонии груз негров. Если мистер Палфри полагается на Джосселина в вопросе исторической достоверности своего утверждения о том, что до прибытия Уинтропа в Массачусетс было два негра, то он ошибается. Это утверждение не имеет никаких доказательств. То, что на острове Ноддл было три негра, подтверждается авторитетом Джосселина, но не более того. И если бы негритянская королева, которая вышвырнула человека Джосселина из постели, пробыла на острове так долго, как указывают Палфри и Уошберн, она смогла бы объяснить Джосселину свое горе на английском языке. Мы не сомневаемся, что мистер Мэверик получил своих рабов с корабля "Желание" в 1638 году, в тот самый год, когда Уинтроп был введен в должность губернатора.

В Массачусетсе, как и в других колониях, рабство проникло сначала в отдельные семьи, затем в общины, где оно облеклось в одежды обычаев и нравов;[\[276\]](#) и, наконец, люди, жаждущие насладиться плодами безответного труда, дали ему санкцию статутного закона. В Массачусетсе не было такого большого спроса на рабов, как в южных штатах, но все же они находили применение в домашнем хозяйстве, и, следовательно, были востребованы. Уже в 1641 году в Массачусетсе был принят свод основных законов. Магистраты,[\[277\]](#) вооруженные властью короны Великобритании, долгое время осуществляли власть, которая почти ущемляла личные права людей. Последние желали пересмотра законов и такого изменения

власти и усмотрения магистратов, которое соответствовало бы духу личной свободы, царившему в умах колонистов. Но пока народ стремился вырвать произвольную власть из безвольных рук своих судей, он не находил жалости в своих сердцах к бедным неграм, которые, служившие рабами из-за своей численной слабости и пассивного молчания правосудия, теперь должны были стать законными и вассалами - на всю жизнь - свободолюбивого и стремящегося к свободе народа! В знаменитом "Своде свобод" можно найти первый закон, устанавливающий рабство в Соединенных Штатах. Он гласит

"Постановлено этим судом и его властью, чтобы среди нас никогда не было никакого кабального рабства, злодейства или плена, за исключением законных пленников, взятых в справедливых войнах, которые добровольно продают себя или продаются нам, и такие должны иметь свободы и христианские обычаи, которых закон Божий, установленный в Израиле в отношении таких людей, требует с моральной точки зрения; при условии, что это не освобождает никого от рабства, кто будет осужден на это властью".[278]

Мы опустили старое написание, но ни одного слова, как оно было в оригинальной рукописи. Нет ни тени сомнения в том, что этот закон был сохранен в неприкосновенности.[279]

Было много дискуссий о реальном значении этого статута. Многие ревностные историки, обсуждая его, проявляли больше рвения к доброму имени Содружества, чем к правде истории. Умелые юристы - а некоторые из них до сих пор живы - утверждали, больше демонстрируя образованность, чем факты, что этот статут отменил рабство в Массачусетсе. Но, с другой стороны, есть бесчисленное множество юристов, которые утверждают, что это простой и недвусмысленный закон, "создающий и устанавливающий рабство". Изучение этого закона поможет читателю понять его. Начнем с того, что этот закон возник из *факта* существования рабства в колонии. Из практики нескольких человек, державших негров в качестве рабов, оно стало всеобщим и огромным. Его присутствие в обществе потребовало принятия законных правил в отношении него. Хотя в колонии было торжественно объявлено, "что в ней никогда не будет ни кабального рабства, ни злодейства, ни неволи", было сделано три оговорки: "законные невольники, взятые в плен при продаже товаров", те, кто "продаст себя или будет продан нам", и те, кто "будет осужден властью". В соответствии с вышеизложенными условиями рабство в Массачусетсе было явно установлено. "Справедливым товаром" были войны с индейцами племени пекод. О том, что их делали пленниками и рабами, свидетельствуют все авторы истории Массачусетса. Какой класс людей мог "продать себя" в рабство, мы не знаем! Однако мы можем понять смысл слов "или продаются нам". Это была открытая дверь для торговли людьми; ведь она делала законной продажу рабов колонистам, и законной их покупку последними. К тем, кто был "осужден властью", относились те, кто уже находился в рабстве, и те, кто должен был прибыть в колонию по морю.

Этот статут достаточно широк, чтобы пропустить через него груз сена. Это не работа новичка, а кропотливый и искусный труд великих знатоков права.

"Закон должен быть истолкован в свете современных исторических фактов. В то время, когда он был принят (1641 год), что должны были предусмотреть его авторы?

"1. Индийские рабы - их пленники, захваченные во время войны.

"2. Негритянские рабы - их собственные импорты "чужаков", полученные путем покупки или обмена.

"3. Преступники, обреченные на рабство в качестве наказания за преступления.

"В этом и только в этом свете их законодательство является понятным и последовательным". Совершенно верно, что в кодексе, частью которого является этот закон, "везде видна рука практикующего юриста, знакомого с принципами и гарантиями английской свободы"; но кто в то время слышал о "правах общего права" индейцев и негров, или кого-либо еще, кроме англичан?

"Таким образом, статут просуществовал весь колониальный период и никогда не был отменен. Основанный на кодексе Моисея, он представляет собой абсолютное признание рабства как законного статуса и права одного человека продавать себя, равно как и другого покупать. Он санкционирует работорговлю и вечное рабство индейцев и негров, их детей и детей их детей, а также дает Массачусетсу право на первенство перед всеми другими колониями в принятии аналогичных законов. Он на много лет опережает все, что можно найти в статутах Вирджинии, Мэриленда или Южной Каролины, и ничего подобного нет в современных кодексах ее родственных колоний в Новой Англии".[280]

Вопрос был тщательно взвешен, и, не найдя авторитета для легализации преступления против человека, был приведен кодекс Моисея, в соответствии с *гуманными* положениями которого и должно было осуществляться обращение с рабами. Но хитрый юрист, разработавший этот закон, искал именно *авторитет* для рабства, а не прецеденты для определения вида обращения с рабом. В соответствии с ним "человеческое рабство просуществовало почти полтора века без серьезных проблем";[281] и здесь, как и в Виргинии, оно получило санкцию церкви и судов. Оно росло вместе с его ростом и укреплялось вместе с его силой, пока, как органический институт, у него не стало много защитников и мало апологетов.[282]

"Эта статья дает прямую санкцию на работорговлю и практику содержания негров и индейцев в вечном рабстве, предвосхищая на много лет все, что можно найти в статутах Вирджинии или Мэриленда".[283]

И довольно странно, что в свете этого очевидного закона, устанавливающего и узаконивающего покупку рабов, заявление мистера Уошберна, ничем не подкрепленное, получило публичное одобрение такого авторитетного органа, как Массачусетское историческое общество!

"Но, в конце концов [говорит мистер Уошберн], законы по этому вопросу, как и практика правительства, были непоследовательными и аномальными, ясно указывая на то, что, будь то колония или провинция, Массачусетс, насколько он чувствовал себя свободным следовать своим собственным склонностям, не контролируемым действиями материнской страны, был враждебен к рабству как институту!"[284]

Несомненно, Массачусетс был "непоследователен", стремясь к свободе для своих белых граждан и одновременно создавая правовые цепи для негров. А насколько колония "чувствовала себя свободной следовать своим собственным наклонностям", главный судья Парсонс заявляет со скамьи подсудимых. Этот выдающийся юрист говорит следующее.

"Рабство было введено в этой стране [Массачусетс] вскоре после ее первого заселения, и его терпели до ратификации нынешней Конституции 1780 года".[285]

Итак, перед нами выдающийся авторитет, заявляющий, что рабство следовало по пятам за отцами-пилигримами "и было терпимо" до 1780 года. Массачусетс "чувствовал себя свободным", чтобы вырвать из железной хватки властных магистратов свободу народа, но,

несомненно, не чувствовал себя достаточно "свободным", чтобы изгладить "преступление и глупость дурного времени". И все же на протяжении многих лет юристы и священнослужители, ораторы и государственные деятели, историки и критики упорно утверждали, что, хотя рабство и проникло в колонию и действительно существовало, оно "не было вызвано силой какого-либо закона, поскольку ни один из них не был найден или известен"(?).[286]

После того как рабство прочно обосновалось в Массачусетсе, следующим шагом было сделать его наследственным. Это было сделано с санкции самых высоких и торжественных судебных инстанций. Мы не ставим целью уделить этому вопросу должное внимание в данном месте; но в одной из последующих глав ему будет уделено должное внимание. Однако вскользь отметим, что, по мнению многих юристов прошлого века, некоторые из которых занимали должности в судах штата Массачусетс, дети следуют состоянию своих матерей. Главный судья Парсонс считал, что "потомство женщины-рабыни, согласно максиме гражданского права, является собственностью ее хозяина". Впоследствии главный судья Паркер высказал следующее мнение

"Практика заключалась в том, чтобы... рассматривать таких детей как рабов и собственность хозяина родителей, подлежащую продаже и передаче, как и другое движимое имущество, и как имущество в руках душеприказчиков и управляющих..... Мы считаем, что нет никаких сомнений в том, что в любой период нашей истории дети мужа-раба и свободной жены были бы объявлены свободными. Его дети, если они рождались от брака с рабыней, сразу же после рождения становились собственностью его хозяина или хозяина женщины-рабыни".[287]

Это решение подкрепляется заявлением Кендалла о широко распространенном желании негров-рабов заполучить свободных жен-индианок, чтобы обеспечить свободу своим детям. Он говорит: "...

"В то время как рабство в Массачусетсе должно было поддерживаться законом, для негров существовал особый соблазн брать жен-индианок, дети которых признавались свободными".[288]

Мы с полным доверием отсылаем читателя к нашему другу доктору Джорджу Х. Муру, который в своем исследовании этой особенности рабства в Массачусетсе с большим успехом опроверг ряд ревностных друзей колонии, которые с большим упорством отрицали, что какой-либо ребенок когда-либо родился в рабстве. Ни мнение главного судьи Даны, ни голые и бесплодные утверждения историков Палфри, Самнера и Уошберна, - какими бы великими они ни были, - не могут опровергнуть *историческую реальность наследственного рабства в Массачусетсе* вплоть до принятия Конституции 1780 года.

В 1645 году Генеральный суд Массачусетса издал указ[289] о возвращении некоторых похищенных или украденных негров в их родную страну. Это распоряжение по-разному комментировалось историками и ораторами. История гласит, что несколько кораблей, курсировавших между портовыми городами Новой Англии и Мадейрой и Канарскими островами, взяли за правило заходить на побережье Гвинеи "для торговли неграми". Полученные таким образом негры продавались на невольничьих рынках Барбадоса и Вест-Индии. Новоанглийский невольничий рынок не требовал большого предложения. Расположенный на холодном, мрачном и почти бесплодном побережье, Массачусетс не имел условий для того, чтобы сделать работорговлю такой же прибыльной, как в южных штатах, но, тем не менее, он избавился от довольно большого количества рабов, как читатель увидит, когда мы рассмотрим первую перепись. Корабль из Бостона вступил в связь

с "некоторыми лондонцами" с целью заполучить рабов. Мистер Бэнкрофт[290] утверждает, что "в день Господень они пригласили туземцев на борт одного из своих кораблей", а затем сделали пленниками всех, кто пришел; о чем не упоминает Хилдрет.[291] Последний пишет, что "под предлогом какой-то ссоры с туземцами", высадив на берег небольшую пушку, называемую "убийцей", напали на деревню в воскресенье; и, спалив деревню и убив многих, сделали несколько пленных. Несколько из этих пленников попали на бостонский корабль. Из-за разногласий между капитаном и младшими офицерами корабля, а также владельцами, история этого дела была подробно описана в бостонском суде. Ричард Солтонстолл был одним из магистратов, перед которыми рассматривалось дело. Он был тронут рассказом о жестоких злодеяниях, совершенных с африканцами, и поэтому представил суду прошение, в котором обвинил капитана и помощника в тройном преступлении - "убийстве", "краже людей" и "нарушении субботы".[292]

Похоже, что по Основным законам, принятым народом в 1641 году, первые два преступления карались смертью, а все остальные - "капитаном, по закону Божьему". Суд сомневался в своей юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на далеком побережье Гвинеи. Но статья 91 "Свода свобод" определяла, кто является законными рабами: те, кто продал себя или был продан, "законные пленники, взятые в справедливых сделках", и те, кто "осужден на это властью". Если бы несчастные негры были куплены, в Массачусетсе не существовало бы закона, позволяющего освободить их от хозяев; но если они были похищены, получены незаконным путем, суд счел своим прямым долгом свидетельствовать против "греха похищения людей". В законах, принятых в 1641 году, среди "Законов о капитале", в последней части статьи девяносто четыре есть следующее: "Если кто украдет человека или человечину, тот непременно должен быть предан смерти".[293] В тексте есть маргинальная ссылка на Исход, ххi. 16. Доктор Мур не упоминает об этом в своем подробном обсуждении закона о "рабстве". А Уинтроп говорит, что магистраты решили, что негры, "полученные не честным путем, а незаконным актом похищения", должны быть возвращены на родину. В том, что в колонии существовал уголовный кодекс, сомневаться не приходится; но мы тщетно искали его. Хилдрет[294] утверждает, что он был напечатан в 1649 году, но сейчас не сохранилось ни одной копии.

Суд издал постановление о возвращении похищенных негров, которое мы приведем полностью, ввиду его исторической ценности и из-за расхождений во мнениях относительно него.

"Общий суд, считая себя обязанным при первой возможности свидетельствовать против отвратительного и вопиющего греха похищения людей, а также предписать такое своевременное возмещение за прошлое и такой закон на будущее, который мог бы в достаточной степени удержать всех других, принадлежащих к нам, от участия в таких мерзких и отвратительных действиях, справедливо ненавидимых всеми добрыми и справедливыми людьми, приказываю, чтобы негр-переводчик вместе с другими, незаконно захваченными, был при первой возможности за счет страны отправлен на родину (в Гвинею), а с ним письмо о возмущении тамошнего суда и справедливости, желая, чтобы наш почтенный губернатор привел этот приказ в исполнение."[295]

Этот "протест против кражи людей" украсил и придал аромат многим выступлениям о "позиции Массачусетса" по вопросу о рабстве. Гордые друзья Содружества приводили его

"для морали и украшения истории", но процитированный выше закон против "кражи людей", язык "протеста", статут о "подневольном состоянии" и практика колонистов в течение многих лет после этого доказывают, что многие превозносились, но не в соответствии с истиной.^[296] Когда дело дошло до вопроса о возмещении ущерба, суд сказал: "За негары (они были не его, а *краденые*) мы считаем нужным ничего не давать".^[297]

Таким образом, решение суда было основано на законе - запрете на "кражу человека". Не стоит забывать и о том, что многие законы колонии были созданы по образцу Моисеева кодекса. На него апологетически ссылаются в статуте 1641 года; и ни один внимательный студент не сможет не прочесть между строк выраженное там желание сослаться на Ветхий Завет как на авторитет для рабства. Рабы были куплены Авраамом, и новоанглийские "доктора закона" не хотели, чтобы рабов крали, когда их можно так легко купить^[298]. Доктор Мур говорит, ссылаясь на это решение

"Во всех заседаниях Генерального суда по этому поводу нет ни малейшего следа антирабовладельческих мнений или настроений, а тем более антирабовладельческого законодательства; хотя и то, и другое неоднократно требовалось для защиты чести колонии".^[299]

И доктор Мур не одинок в своем мнении; мистер Хилдрет говорит, что этот случай, "в котором участвовал Солтонстолл, был превознесен слишком поспешным восхищением в протест со стороны Массачусетса против африканской работорговли. Однако до такого протеста было еще далеко, поскольку в момент зарождения внешней торговли Новой Англии африканская работорговля стала обычным делом".^[300] Таким образом, теперь не остается никаких сомнений в том, что решение было вынесено по техническому пункту закона, а не продиктовано антирабовладельческими настроениями.

Как институт, рабство поначалу росло в Массачусетсе медленно и не увеличивало число своих жертв до конца семнадцатого века. Но когда оно начало ощутимо расти, то делало быстрые и впечатляющие успехи. В 1676 году в колонии насчитывалось около двухсот рабов, и были они в основном из Гвинеи и Мадагаскара.^[301] В 1680 году губернатор Брэдстрит, отвечая на запрос правительства страны, сообщил, что работорговля не ведется в больших масштабах. Они ввозились небольшими партиями и стоили от десяти до сорока фунтов за штуку. По его мнению, общее число рабов в колонии не превышает ста двадцати пяти. Лишь немногие родились в колонии, и ни один не был крещен до этого времени.^[302] 1700 год стал свидетелем беспрецедентного роста работорговли. ^[303] С 24 января 1698 года по 25 декабря 1707 года в колонию было ввезено 1200 двухсот негров - столько же, сколько за предыдущие шестьдесят лет. В 1708 году в отчете губернатора Дадли перед торговым советом число негров было определено в пятьсот пятьдесят человек, и высказывалось мнение, что они не так желанны, как белые слуги, которых можно использовать в армии, а в мирное время обратить внимание на посевы. Запрет на негра в политическом и военном смысле в этой части страны делал его почти бесполезным для колониального правительства, боровшегося за освобождение от жестоких законов материнской страны. Белый слуга мог вступить в ряды "минутчиков", пахать с ружьем на спине, ходить в церковь и, получив благословение приходского священника, спешить на битву с гордым и почти хвастливым чувством христианского свободолюбца! Но негр, как подневольный, так и свободный, был лишен всех этих священных привилегий. Оскорбленный, лишенный свободы - наследия всего рода человеческого, - он подвергался подозрениям и презрению за то, что желал получить это великое благо. 17 февраля 1720 года губернатор Шутт подсчитал, что число рабов, включая нескольких индейцев, в Массачусетсе составляет две тысячи. В том же году в колонию было ввезено тридцать семь мужчин и шестнадцать женщин.^[304] Мы не можем выяснить, были ли

они учтены в переписи, представленной губернатором Шютом, или нет. Мы склонны думать, что они были включены. В 1735 году в колонии насчитывалось две тысячи шестьсот[305] свободных и подневольных; в течение следующих семнадцати лет негритянское население только в Бостоне достигло 1541 человека.[306]

В 1754 году колониальное правительство сочло необходимым установить систему налогообложения. Губернатору Ширли было предписано проинформировать Палату представителей о различных видах облагаемого налогом имущества. Из пункта его послания от 19 ноября 1754 года, помещенного на сто девятнадцатой странице журнала, мы делаем два вывода: рабы являются движимым или недвижимым имуществом и, следовательно, подлежат налогообложению. Губернатор говорит: "Есть одна часть имущества, а именно негритянские рабы, о которой я не знаю, как узнать без вашей помощи". В соответствии с просьбой о помощи в этом вопросе Законодательное собрание поручило ассессорам каждого города и района колонии составить точный список всех негритянских рабов, мужчин и женщин, от шестнадцати лет и старше, и передать его на хранение в офис государственного секретаря.[307] Результат этой переписи был довольно удивительным, так как негритянское население составило 4 489 человек, что значительно больше, чем при предыдущей переписи. В 1764-65 годах была проведена еще одна перепись негров, и их оказалось 5 779.

Здесь, как и в Виргинии, на всех негров-рабов, ввозимых в колонию, был наложен налог. Мы процитируем раздел 3 закона от октября 1705 года, требующий взимания пошлины с ввозимых негров, поскольку многие склонны дискредитировать некоторые исторические утверждения о рабстве в Массачусетсе.

"Раздел. 3. И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что с первого дня мая тысяча семьсот шестого года и после него каждый хозяин корабля или судна, купец или другое лицо, ввозящее или ввозящее в эту провинцию негров или негритянок, мужчин или женщин, какого бы возраста они ни были, должно записывать их число, имена и пол в почтовой конторе; И хозяин должен внести то же самое в коносамент и заплатить комиссару и приемщику пошлин по четыре фунта за голову каждого такого негра, мужского или женского пола; И как хозяин, так и корабль или судно, на котором они привезены, должны быть обеспечены уплатой упомянутой пошлины; и оба они или одно из них должны быть обвинены в законе в этом комиссару, который может отказать в выдаче клиринга для такого корабля или судна, пока не будет произведена оплата, или может взыскать ее с хозяина, по выбору комиссара, путем долгового иска, билля, иска или информации в любом из судов ее величества в пределах этой провинции." [308]

Штраф в размере восьми фунтов налагался на любое лицо, отказывающееся или пренебрегающее внесением надлежащей записи о каждом ввезенном рабе в "Импост-офис". Если негр умирал в течение шести недель после прибытия, ему разрешался возврат денег. Если раб был продан в другую провинцию или на плантацию в течение года после прибытия, то лицу, уплатившему пошлину, полагался возврат. Последующий, более строгий закон свидетельствует о том, что не было никакого желания прекратить торговлю. В августе 1712 года был принят закон, "запрещающий ввоз или ввоз в провинцию любых индейских слуг или рабов";[309], но он предназначался только для того, чтобы предотвратить приезд тускароры и других "мстительных" индейцев из Южной Каролины.[310] Отчаявшиеся индейцы и непокорные негры вызвали серьезные опасения у колонистов.[311] Со многими

индейцами жестоко обращались на войне; в мирное время их порабощали и причиняли им несправедливость, которую они не в силах были вынести. Их стоическая натура заставляла их совершать отчаянные поступки. В страдании есть родство. В горе есть непроизносимый язык, который связывает сердца в нерасторжимом содружестве решимости. Какие бы природные и национальные различия ни существовали между индейцем и негром - один с мрачных берегов Новой Англии, другой с тропического побережья Гвинеи - они теряются в общности деградации и интересов. Более героические духи обеих рас начали беспокойно жить под игом. Колонисты не замедлили это заметить, и поэтому этот закон должен был действовать как сдерживающий и противодействующий "их мятежам и вражде". Читатель должен понять, что это не была мера против рабства. Он не был "враждебен рабству" как системе: это была лишь предосторожность виновной и вечно грызущей общественную совесть.

Рабство росло. На его пути не было никаких юридических препятствий. Оно пользовалось санкцией закона, как мы уже показали, и, что еще лучше, симпатией общественных настроений. В Бостоне торговля рабами, похоже, была более актуальна, чем в любое время до или после него. Некоторое время торговцы без колебаний выставляли их на продажу от своего имени. В конце концов, лишь немногие из тех, кто давал объявления, стали отсылать покупателей "спросить у печатника и узнать больше".^[312] Это было в 1727 году, через пятнадцать лет после того, как вышеупомянутый закон стал законом, который многие апологеты трактуют как конкретный и прямой запрет на рабство; но для такого извращения столь простого закона нет никаких оснований.

Рабство в Массачусетсе, как и в других местах, в целях самозащиты должно было утверждать в качестве одного из своих необходимых и основополагающих принципов, что раб либо *от природы* ниже других рас, либо что в силу какого-то фундаментального закона, присущего самому институту, хозяин имеет право ставить как можно более низкую оценку собственности своего раба. Понятие "собственность" подразумевало абсолютный контроль над вещью, которой владели. В своем широком значении оно несло в себе ужасный факт не только владения, но и верховенства воли владельца. Мистер Эддисон говорит

"Какое оправдание может быть тому презрению, с которым мы относимся к этой части нашего рода, что мы не ставим их на общую ступень человечества, что мы *налагаем лишь незначительный штраф на человека, который их убивает*; более того, что мы должны, насколько это в наших силах, отрезать их от перспективы счастья в другом мире, так же как и в этом, и лишить их того, что мы рассматриваем как надлежащие средства для его получения?"^[313]

Никаких! И все же пуритане поставили негров-рабов в своей колонии в один ряд с "лошадьми и свиньями". Пусть современный интеллигентный американец прочтет следующую примечательную запись из дневника судьи Сьюолла, а затем признает, что факты страннее вымысла.

"1716. 22 июня я попытался предотвратить, чтобы индейцы и негры оценивались как лошади и свиньи, но не смог добиться успеха. Полковник Такстер вернул его обратно и указал в качестве причины своего несогласия, что они собираются произвести новую оценку".^[314]

Оно было отправлено депутатам, и они его отклонили, а затем полковник Такстер вернул его судье. Палата представителей "просто собиралась произвести новую оценку" имущества колонии, и поэтому не позаботилась исключить рабов из списка движимого имущества,^[315] в котором они всегда находились.

"В 1718 году все пожизненные слуги-индейцы, негры и мулаты были оценены как прочее личное имущество, а именно: Каждый *пожизненный* слуга мужского пола старше четырнадцати лет - в пятнадцать фунтов стерлингов; каждый пожизненный слуга женского пола старше четырнадцати лет - в десять фунтов стерлингов. Оценщик может сделать скидку по причине возраста или немощи. Индейцы, негры и мулаты, служащие *в течение нескольких лет*, должны были быть пронумерованы и оценены, как и другие люди, а не как личное имущество. В 1726 году оценщики должны были оценивать слуг-индейцев, негров и мулатов пропорционально прочему личному имуществу, в соответствии со своим здравым смыслом и усмотрением. В 1727 году правило 1718 года было восстановлено, но только на один год, так как в 1728 году закон был таким же, как и в 1726 году; и так, вероятно, и осталось, включая всех таких слуг, как на срок, так и на всю жизнь, в доходные имения. Мы видели приходные ведомости за 1736, 1738, 1739 и 1740 годы, в которых эта особенность сохранилась.

"И таким образом они продолжали получать лошадей, волов, коров, коз, овец и свиней вплоть до начала Революционной войны.[316]

22 апреля 1728 года в одной из бостонских газет появилось следующее объявление: - "Две очень вероятные негритянки.

"Две очень вероятные негритянки. Запрашиваются в двух дверях от Кирпичного дома собраний на Миддл-стрит. В этом месте продаются женские плащи, детские плащи из хорошего калламанко с жесткой тесьмой, детские плащи всех видов и женские плащи с обручами; все по очень разумным ценам".[317]

Значит, "вероятные негритянки" были замешаны в продаже "женской одежды" и "пальто-обручей"! Достаточно плохо было "оценивать негров по лошадям и свиньям", но продавать им поддержанную одежду - это случай, в котором можно увидеть, до какой глубины рабство довело негра своим жестоким грузом. Человека можно было продать, как ненужную одежду, причем без купчей.[318] Объявление о том, что "вероятный негр женщина около девятнадцати лет и ребенок около шести месяцев *могут быть проданы вместе или порознь*"[319], не шокировало христианские чувства жителей Массачусетса. Шестимесячный младенец мог быть вырван из исхудавшего и голодного лона молодой матери и продан вместе с другими товарами. Насколько горькой и жестокой была такая разлука, могут знать только матери[320]; а насколько полностью потеряны общество и правительство, которые благодушно относятся к столь дьявольским трудностям, должны судить христиане Америки.

Церковь совершила много жестоких поступков во имя христианства. В темные века она наполняла умы своих учеников страхом, а их тела - муками покаяния. Она сожгла Михаила Серветуса и задушила научные взгляды Галилея. А в старом и непоколебимом Массачусетсе считали, что служат Богу, отказывая неграм-рабам в праве на христианское крещение".

"Знаменитый французский *Кодекс Нуар* 1685 года обязывал каждого плантатора крестить своих негров и должным образом обучать их доктринам и обязанностям христианства. Это было не единственное важное и гуманное положение этого знаменитого закона, которому мы можем тщетно искать параллели в британском колониальном законодательстве".[321]

25 октября 1727 года Маттиас Плант[322] написал в ответ на некоторые вопросы, заданные ему "секретарем Общества распространения Евангелия", следующее:-

"6. рабыни-негритянки, одна из которых желает креститься, но ей *отказывает ее хозяин*, женщина удивительного ума и благоразумия в делах, равная в религии с большинством своего пола, намного превосходящая любого из своего народа, о котором я когда-либо слышал."[\[323\]](#)

Для ее хозяина не имело значения, что она "желает креститься", "замечательно разумна", "благоразумна в делах" и "равна в религии с большинством своего пола!" Она была негритянской рабыней, и как таковой ей было отказано в благословениях христианской церкви.

"Система личного рабства быстро исчезала из Западной Европы, где распространилась идея, что держать христиан в качестве рабов несовместимо с христианским долгом. Но это милосердие не распространялось на язычников и неверных. Та же система морали, которая рассматривала владения неверующих как законные военные трофеи, отдавала в рабство и их людей. Отсюда в Америке рабство индейцев, а впоследствии и негров, которые, как показал опыт, гораздо лучше переносят тяготы этого состояния".[\[324\]](#)

И те, кому посчастливилось принять крещение, не были освобождены таким образом.[\[325\]](#) В Массачусетсе ни один негр не отважился добиваться свободы через эту дверь, и поэтому там не было необходимости в законодательстве, чтобы определить этот вопрос, но в южных колониях закон объявил, что крещение не обеспечивает свободу подданным. Еще в 1631 году был принят закон, согласно которому права "свободных людей" не мог получить ни один человек, не являющийся членом какой-либо церкви в пределах юрисдикции колонии.[\[326\]](#) Благословения "свободного человека" предоставлялись только членам церкви. Негры не принимались в церковь и, следовательно, лишались прав свободных людей.[\[327\]](#) Даже родная страна не испытывала сострадания к неграм. В 1677 году английские суды постановили, что негритянский раб - *это собственность*.

"Чтобы, будучи обычно покупаемыми и продаваемыми среди купцов как товар, а *также будучи неверными*, они могли иметь собственность, достаточную для содержания трювера".[\[328\]](#)

Таким образом, как "неверные" негры-рабы Массачусетса были лишены прав и обязанностей, принадлежащих члену церкви и государства.

"Как ни ревностны были колонисты к религии, они прилагали очень мало усилий к обращению негров, что частично объяснялось, по крайней мере, распространенным мнением, что ни христианское братство, ни закон Англии не оправдывают содержание христиан в качестве рабов. Неоднократные колониальные постановления об обратном также не смогли полностью искоренить эту идею, поскольку не предполагалось, что колониальный статут может отменить закон Англии".[\[329\]](#)

Но более глубокая причина, по которой колонисты не допускали рабов к крещению и, следовательно, к гражданству, была двоякой: сохранение гармонии с Моисеевым кодексом в отношении "чужеземцев" и "язычников" и сохранение двери Церкви закрытой перед лицом раба, поскольку открыть ее для него означало со временем эмансипировать его. Религиозные и светские знания не благоприятствовали рабству. Колонисты обращались к узкому, национальному духу Ветхого Завета, а не к широкому и католическому духу Нового

Завета, чтобы получить право отказывать в милостях христианской религии неграм-рабам, находившимся среди них.

Строгая система домашнего рабства, установленная в колонии Массачусетс, принесла свои горькие плоды в свое время. Невозможно было лишить рабов привилегий церкви и государства, не нанеся морального ущерба святым брачным отношениям. С точки зрения закона раб был движимым имуществом, товаром. Обычай разлучать родителей и детей, мужей и жен был очень ясным доказательством того, что брачные отношения либо полностью игнорировались институтом рабства, либо грубо нарушались под малейшим предлогом. Любое хорошо организованное общество или правительство опирается на эти священные отношения. Но рабство, с его развратной хваткой и алчной жадностью, запятнало безупречные одежды брака моральной грязью торговли человеческими существами. Правда, никогда не было запрета на брак одного раба с другим рабом, - ведь в Массачусетсе *пытались* разводить рабов, - но никогда не было и закона, поощряющего законный союз рабов, вплоть до окончания Революционной войны, в 1786 году. Из нижеследующей фразы в октябрьском законе 1705 года мы скорее делаем вывод, что брачные отношения между рабами были полностью отданы на усмотрение хозяина.

"И ни один хозяин не должен необоснованно отказывать своему негру в браке с представителем той же нации, несмотря ни на какие законы, обычаи и традиции".[330]

Нам не удалось обнаружить "ни одного закона", прямо запрещающего браки между рабами; но существовал обычай, отрицающий брак с негром, который в конце концов приобрел вес позитивного закона. Мистер Палфри говорит: "Из благоговения, внушаемого рабам, следует, что

"Из того, с каким благоговением отцы Новой Англии относились к брачному союзу, можно сделать вывод, что мужья и жены рабов никогда не разлучались".[331]

Мы тщательно искали хоть малейшее обоснование этому выводу мистера Палфри, но не нашли. Ни в одной газете колонии до 1710 года нет ни строчки, свидетельствующей о том, что народ был обеспокоен законным союзом рабов. И не было никаких законодательных актов на эту тему до 1786 года, когда был принят "Акт об упорядоченном торжестве брака". О том, что негры-рабы соединялись узами брака, есть множество свидетельств, но в этот период их было не так много. Это была почти бесполезная церемония, когда "обычаи и нравы" рабства разлучали их по желанию хозяина. Власть хозяина над своими рабами была почти абсолютной. Если он хотел продать детей и оставить родителей, его решение не подлежало никакому суду. Оно было окончательным. Если он хотел продать жену своего раба на рисовые поля Каролины или на Вест-Индские острова, слезы мужа только раззадоривали хозяина. "Отцы Новой Англии" *не испытывали никакого* почтения к "брачным узам" своих рабов, а потому разрывали семьи рабов без малейших угрызений совести. "Негритянские дети считались помехой в семье, и, когда их отлучали от груди, их отдавали, как щенков", - говорит знаменитый доктор Белкнап. Но после принятия закона 1705 года "их объявления стали публиковаться так же, как и объявления белых людей", и общественные настроения в этом вопросе начали меняться. Следующий негритянский брак был подготовлен преподобным Сэмюэлем Филлипсом из Андовера. Его служение началось только в 1710 году, и, следовательно, этот брак был подготовлен после этой даты. Он понимал, что в чем-то нуждается, и действовал соответственно.

"Ты, Боб, ныне, в присутствии Бога и этих свидетелей, берешь Салли в жены;

"Обещаешь, что, насколько это будет соответствовать твоим отношениям, которые ты теперь поддерживаешь как слуга, ты будешь выполнять по отношению к ней роль мужа: И в частности, как у вас будет возможность и способность, вы будете должным образом заботиться о ней в болезни и здоровье, в достатке и невзгодах;

"И что вы будете верны ей и будете привязаны только к ней, до тех пор, пока Бог в своем провидении будет продолжать ваше с ней пребывание в таком месте (или местах), где вы сможете удобно собираться вместе". Обещаете ли вы это?

"Ты, Салли, сейчас, в присутствии Бога и этих свидетелей, берешь Боба в мужья;

"Обещаешь, что, насколько позволит твое нынешнее отношение как служанки, ты будешь исполнять по отношению к нему роль жены, и в частности,

"Вы обещаете, что будете любить его; и что, поскольку у вас будут возможности и способности, вы будете должным образом заботиться о нем в болезни и здоровье, в процветании и невзгодах:

"И вы будете привязаны к нему только до тех пор, пока Бог, в своем Провидении, будет продолжать его и ваше пребывание в таком месте (или местах), где вы можете собраться вместе" - обещаете ли вы таким образом? Тогда я, согласно вашей просьбе и с согласия ваших господ и госпож, объявляю, что вам дана лицензия быть вместе как мужу и жене, пока Бог будет продолжать ваше местопребывание, как указано выше; и пока вы будете вести себя так, как подобает вести себя слугам:

"Ибо вы оба должны помнить, что вы по-прежнему, как и прежде, остаетесь собственностью вашего господина, и поэтому справедливо ожидать, как от Бога, так и от человека, что вы будете вести себя и вести себя как послушные и верные слуги по отношению к вашим соответствующим господам и господам на это время:

"И, наконец, я увещаю и призываю вас остерегаться, чтобы вы не поддались дьяволу, чтобы, пользуясь предоставленным вам разрешением, не возвыситься в гордыне и тем самым не навлечь на себя недовольство не только человека, но и Бога; ибо написано, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать".

"В заключение я помолюсь о вас, чтобы вы стали добрыми христианами, и чтобы вы могли вести себя как таковые; и в частности, чтобы вы имели благодать вести себя подобающим образом по отношению друг к другу, а также послушно по отношению к вашим хозяевам и хозяйкам, не служа глазами, как угодники, вы, слуги Христа, исполняющие волю Божью от сердца, и т.д.

["Одобренный"] негритянский брак".[\[332\]](#)

Если за негритянкой ухаживал раб другого хозяина и хотел жениться, ее продавали из соображений гуманности "вместе с одеждой" хозяину мужчины. "Билль о продаже негритянки-служанки в Бостоне в 1724 году гласит: "В то время как Сципион, из вышеуказанного Бостона, свободный негр и рабочий, предлагает жениться на Маргарет, негритянке-служанке упомянутой Доркас Маршалл [вдовствующая леди из Бостона]: И вот, дабы означенный брак вступил в силу, и дабы означенный Сципион мог наслаждаться означенной Маргарет без всякого перерыва" и т.д., она должным образом продается вместе с одеждой за пятьдесят фунтов".[\[333\]](#) В течение следующих двадцати лет губернатор и его совет пришли к выводу, что общественное мнение настолько изменилось в вопросе брака среди негров, что они дали негру развод по причине измены его жены с белым мужчиной. Однако в "Докладах Куинси", стр. 30, примечание, цитируемое доктором Муром, в 1758 году было принято следующее довольно вольное решение: ребенок от женщины-рабыни, никогда

не выходявшей замуж ни по одной из форм, предписанных законами этой страны, от другого раба, который "составлял ей компанию с согласия ее хозяина", не является бастардом.

Закон 1705 года запрещал любому "христианину" жениться на негритянке и налагал штраф в пятьдесят фунтов на любого священнослужителя, который соединит негритянку и "христианина" в браке. Этот закон действовал в Содружестве до 1843 года, когда он был отменен "Актом о браках между представителями определенных рас".

Что касается политических прав негра, то следует иметь в виду, что, поскольку он был лишен права христианского крещения, а значит, и церкви; и поскольку "только члены церкви пользовались правами свободных людей, очевидно, что негр не был допущен к выполнению обязанностей свободного человека".^[334] Если признать, что были случаи, когда негры принимали обряд крещения, то это настолько хорошо понималось как не дающее им свободы или политических прав, что это никогда не подвергалось сомнению в течение всего этого периода. Свободные негры жили немногим лучше рабов. Хотя они могли считаться собственниками своего труда, политические права и церковные привилегии были для них закрыты.

"Они стали объектом подозрительного законодательства, которое лишило их большинства прав свободных людей и поставило их в социальное положение, во многих отношениях очень похожее на то, которое закоренелые предрассудки во многих частях Европы закрепили за евреями".

Хотя номинально они были свободными, они не подпадали под определение "христиане". Ни свобода, ни крещение в церкви не могли избавить их от расовой злобы белых, которая преследовала их, как быстроногие "фурии". Для свободных негров существовали особые правила. Закон 1703 года, запрещавший рабам выходить на улицу ночью после девяти часов, распространялся и на свободных негров.^[335] В 1707 году был принят закон "о регулировании свободных негров".^[336] В нем говорилось, что "свободные негры и мулаты, способные телом и пригодные к труду, которым не поручено обучение, караулы и другие службы",^[337] должны нести службу, эквивалентную обучению ополченцев. Они находились в подчинении офицера, командовавшего военной ротой, относящейся к округу, в котором они проживали. Они выполняли усталостную службу. И единственное время, когда, согласно закону, негр был допущен к тренировкам, было между 1652 и 1656 годами. Но нет никаких доказательств того, что негры воспользовались этим законом. Общественные настроения сильнее закона. В мае 1656 года закон 1652 года, допускавший негров к обучению, был отменен.

"Для лучшего упорядочения и улаживания различных дел в военных ротах в пределах этой юрисдикции, которые, по опыту, были признаны недостающими или неудобными, постановляется и объявляется этим судом и его властями, что отныне ни негры, ни индейцы, хотя и служащие англичанам, не должны быть вооружены или допущены к лоткам, и ни один человек не должен быть освобожден от лотков, кроме тех, кому закон дает на это право".^[338]

А губернатор Брэдстрит в своем отчете "Комитету по торговле", сделанном в мае 1680 года, пишет: "Мы считаем всех в целом от шестнадцати человек.

"Мы считаем, что все люди от шестнадцати до шестидесяти лет, здоровые и крепкие телом, как домохозяева, так и слуги, годятся для ношения оружия, *кроме негров и рабов, которых мы не берем*".^[339]

Закон 1707 года, который является самой точной копией виргинского закона по тому же вопросу, предписывает свободным неграм отвечать на выстрелы из огнестрельного оружия в компании, принадлежащей к их соответствующим участкам. Им не разрешалось принимать друзей-рабов в своих домах без разрешения владельца рабов. Ко всем запретам прилагались серьезные штрафы в крупных денежных суммах. В случае неуплаты штрафа нарушителя отправляли в исправительный дом, где в условиях суровой дисциплины он был вынужден отрабатывать свой штраф из расчета один шиллинг в день! Если негр "осмеливался ударить или ударить кого-либо из англичан или других христианских народов", он подвергался публичной порке по усмотрению судьи, перед которым предстал.

В этот период социальное положение негров, как подневольных, так и свободных, было весьма плачевным. В ранних записях города Бостона сохранился факт, что в 1661 году некоему Томасу Дину было запрещено нанимать негров для изготовления обручей под страхом штрафа в двадцать шиллингов; по какой причине - не указано.^[340] Не имея ни церквей, ни школ, ни книг, ни учителей, они были предоставлены мраку и тщетным фантазиям своих собственных ограниченных интеллектов. Джон Элиот "долгое время с кровоточащей и жгучей страстью сетовал на то, что англичане используют своих негров только как лошадей или волов, и что так мало заботятся об их бессмертных душах; Он считал продиктованным, что все, кто носит *имя христиан*, должны иметь в *сердце дьявола*, чтобы препятствовать и мешать обучению бедных *черномазых* и обречать души своих несчастных рабов на *губительное невежество*, лишь из страха потерять выгоду от своего вассалитета; но теперь он обратился к *англичанам*, живущим в двух или трех милях от него, с просьбой, чтобы в такое-то время и в таком-то месте они раз в неделю присылали к нему своих *негров*: Ибо тогда он будет *наставлять их* и *просвещать их*, насколько это в его силах, в вопросах их вечного мира; однако он не дожид до большого прогресса в этом начинании".^[341] Те немногие слабые голоса ободрения, которые время от времени доносились до них с кафедр^[342] и форума, были подобны странной музыке, смягченной и подслащенной расстоянием. Свободные и рабы-негры были разделены законом, им не разрешалось общаться друг с другом в какой-либо значительной степени. Их не допускали в количестве более трех человек, и тогда, если они не находились в услужении у белого человека, их могли арестовать и отправить в исправительный дом.

"Раб был собственностью своего хозяина в той же мере, что и его вол или лошадь; у него не было никаких гражданских прав, кроме защиты от жестокости; он не мог приобретать никакой собственности или распоряжаться чем-либо^[343] без согласия своего хозяина..... Мы думаем, что он не был способен передать своим детям гражданские отношения, которыми он сам не пользовался, разве что как собственностью своего хозяина".^[344]

Имея лишь небольшие средства, свободные негры колонии не могли обеспечить себе многие удобства в доме. Их ненавидели и боялись больше, чем их собратьев по рабству. Они могли судить, по контрасту, об отвратительном влиянии рабства. Они были свободны лишь номинально, поскольку облагались налогами^[345] без представительства, не имея права голоса в колониальном правительстве.

Но, несмотря на неясное и заброшенное состояние свободных негров, некоторые из них своей промышленностью, бережливостью и способностями завоевали место в доверии и уважении более гуманных представителей белого населения. Владея своим временем, многие из свободных негров посвятили себя приобретению знаний. Филлис Уитли, хотя и была номинально рабыней в течение нескольких лет, стояла во главе интеллектуальных негров этого периода. Она была привезена из Африки на невольничий рынок Бостона, где в

1761 году ее купила благосклонная белая леди по имени миссис Джон Уитли. Она была обнажена, кроме куса грязного ковра на поясице, имела хрупкое телосложение и сильно устала после тяжелого морского путешествия. Тронутая ее скромным поведением и умным лицом, миссис Уитли выбрала ее из большой компании рабов. Она намеревалась обучить ее обязанностям обычной домашней хозяйки, но чистая одежда и здоровое питание произвели в ребенке столь радикальные перемены к лучшему, что миссис Уитли изменила свои планы и начала давать ей частные уроки. Жаждающая учиться, способная к приобретениям, хотя ей было всего восемь лет, она очень удивила и порадовала свою хозяйку. Поступив в обучение к дочери миссис Уитли, Филлис выучила английский язык настолько хорошо, что могла с легкостью и точностью читать самые трудные фрагменты Библии. Этого она добилась менее чем за полтора года. Она с легкостью овладела искусством письма и уже через четыре года после того, как попала на невольничий рынок в Бостоне, могла вести обширную переписку на самые разные темы.

Ее созревающие интеллектуальные способности привлекли внимание утонченных и образованных людей Бостона, многие из которых искали ее общества в доме Уитли. Следует помнить, что в этот период среди белых людей не наблюдалось общей культуры, и уж тем более не было никаких возможностей для образования негров. И все же некоторые культурные белые люди поощряли Филлис, одалживали ей книги и обращались к ней по вопросам литературного характера. Получив основы английского образования, она обратила свое внимание на изучение латинского языка [\[346\]](#) и смогла хорошо в нем преуспеть. Воодушевленная успехом, она перевела одну из сказок Овидия. Перевод был признан настолько восхитительным, что был опубликован в Бостоне несколькими ее друзьями. Попав в Англию, он был переиздан и вызвал похвалу многих рецензий.

Ее манеры были скромными и изысканными. Ее натура была чувствительной и нежной. Она рано подала признаки глубокого духовного опыта, [\[347\]](#) который придал тон и характер всем ее усилиям в композиции и поэзии. Во всех ее частных разговорах и публичных выступлениях прослеживалась очаровательная жилка благодарности, которую ее хозяева не преминули признать и оценить. Ее единственным отчетливым воспоминанием о родном доме было то, что каждое утро рано утром ее *мать выливала воду перед восходом солнца*. Ее растущий интеллект и острое восприятие благ цивилизации превзошли простое животное горе от разлуки с матерью. И по мере того как она узнавала больше из Слова Божьего, ее все сильнее интересовало состояние ее расы.

В возрасте двадцати лет ее хозяин освободил ее. Суровый климат Новой Англии и постоянное стремление к учебе стали сказываться на ее здоровье. Ее подруга и мать, а именно такой она себя зарекомендовала, миссис Уитли, заботясь о ее здоровье, обратилась к выдающемуся врачу, который предписал ей морское путешествие. Сын миссис Уитли собирался посетить Англию по торговым делам, и поэтому взял Филлис с собой. В течение шести лет она прививала себе вкус к поэзии, и к этому времени ее репутация была уже достаточно прочной. Она переписывалась с людьми из Англии в светских кругах и не была чужой для англичан. Ее радушно встретили лидеры общества британской метрополии и отнеслись к ней с большим вниманием. При всех сложных обстоятельствах светской жизни, среди знати и редчайших литературных гениев Лондона, это искупленное дитя пустыни соединяло с прекрасной скромностью необыкновенные способности несравненной собеседницы. Она покорила Лондон. Вдумчивые люди хвалили ее, титулованные особы ужинали с ней, а пресса превозносила имя Филлис Уитли, африканской поэтессы.

Убеждаемая восхищенными друзьями, в 1773 году^[348] она представила миру свои стихи. Они были опубликованы в Лондоне в небольшом томе формата октаво объемом около ста двадцати страниц, состоящем из тридцати девяти произведений. Он был посвящен графине Хантингдонской, снабжен фотографией поэтессы и рекомендательным письмом, подписанным губернатором и вице-губернатором, а также многими другими "уважаемыми гражданами Бостона".

К ОБЩЕСТВУ.

Поскольку люди, видевшие рукопись, неоднократно высказывали издателю предположение, что многие готовы заподозрить, что это не совсем сочинения Филлис, он заручился следующим подтверждением от самых уважаемых лиц *Бостона*, чтобы ни у кого не было ни малейшего основания оспаривать их *подлинность*.

Мы, чьи имена написаны ниже, заверяем мир, что стихи, указанные на следующей странице, были (как мы искренне верим) написаны Филлис, молодой негритянской девушкой, которая всего несколько лет назад была привезена, некультурной варваркой, из *Африки*, и с тех пор, и сейчас, находится в невыгодном положении, служа рабыней в одной семье в этом городе. Она была осмотрена некоторыми из лучших судей, и ее считают квалифицированной для написания этих документов.

Его Превосходительство Томас Хатчинсон, губернатор.

Достопочтенный Эндрю Оливер, вице-губернатор.

Достопочтенный Томас Хаббард, | *преподобный* Чарльз Чонси,

Достопочтенный Джон Эрвинг, | *преподобный* Мазер Байлз,

достопочтенный Джеймс Питтс, | *преподобный* Эд Пембертон,

достопочтенный Гаррисон Грей, | *преподобный* Эндрю Эллиот,

достопочтенный Джеймс Боудуин, | *преподобный* Сэмюэл Купер,

Джон Хэнкок, эск. | *преподобный* Сэмюэл Мэтер,

Джозеф Грин, эск. | *преподобный* Джон Мурхед,

Ричард Кэри, эск. | *Мистер* Джон Уитли, ее хозяин.

Книга выдержала несколько английских и американских изданий, и ее можно найти во всех первоклассных библиотеках страны. Миссис Уитли болела и ежедневно горевала о Филлис. Фотография ее маленькой подопечной, присланная из Англии, украшала ее спальню, и она показывала ее приходящим друзьям со всей искренней гордостью матери. Однажды она воскликнула, обращаясь к другу: "Смотри, смотри на мою Филлис! Разве не кажется, что она хочет поговорить со мной?" Не найдя ничего лучшего, она послала Филлис любящую просьбу прийти к ней как можно скорее. С чувством глубокой благодарности к миссис Уитли за бесчисленные благодеяния, оказанные ей, Филлис поспешила вернуться в Бостон. Она нашла свою подругу и благодетельницу живой, и вскоре получила скорбное удовлетворение от того, что закрыла ее лишенные зрения глаза. Муж и дочь последовали за женой и матерью, быстро сойдя в могилу. Молодой мистер Уитли женился и поселился в Англии. Филлис осталась одна в этом мире.

"Вскоре она получила предложение руки и сердца от уважаемого цветного мужчины из Бостона. Звали этого человека *Джон Питерс*.^[349] Он держал бакалейную лавку на Корт-стрит и был красивым человеком. Он носил парик, трость и вполне изображал "*джентльмена*". В недобрый час его приняли; и хотя он был человеком талантливым и образованным - писал бегло и пристойно, а одно время

читал законы, - он оказался совершенно недостоин той знатной женщины, которая почтила его своим союзом".

Ее супружеская жизнь была недолгой. Она была матерью одного ребенка, который рано умер. Незнание обязанностей домашней жизни, ухода и лести со стороны культурных людей, ревность Питерса в конце концов переросла в суровое обращение. Нежно воспитанная, с нежной конституцией, Филлис вскоре пришла в упадок и умерла 5 декабря 1784 года, на тридцать первом[350] году жизни, горячо любимая и искренне оплакиваемая всеми, кому посчастливилось знать о ее высоких умственных способностях и безупречной христианской жизни.

Ее влияние на быстро растущие антирабовладельческие настроения в Массачусетсе было значительным. Друзья человечества с удовольствием указывали на ее чудесные достижения как на свидетельство того, чего может добиться негр при благоприятных обстоятельствах. Из состояния наготы на невольничьем рынке, незнакомая с английским языком, эта молодая африканская девушка пробила себе дорогу по грубому пути обучения; победила дух кастовости в лучшем обществе консервативного старого Бостона; привела два континента к своим ногам в восхищении и изумлении от редких поэтических достижений ребенка Африки![351]

Она обратилась к генералу Вашингтону со стихотворением, которое очень понравилось старому воину. Мы никогда не видели его, хотя усердно искали. Мистер Спаркс говорит о нем следующее.

"Мне не удалось найти среди бумаг Вашингтона письмо и стихотворение, адресованные ему. Они, несомненно, были утеряны. Из того обстоятельства, что она зывала к музам, восхваляя его, и из тона некоторых ее печатных работ, особенно одной, адресованной королю Георгу за семь лет до этого, в которой она хвалит его за отмену Гербового закона, можно сделать вывод, что она была вигом в политике, следуя американскому образу мышления; и было бы любопытно посмотреть, каким образом она будет восхвалять свободу и права человека, в то время как сама, по крайней мере номинально, находится в рабстве." [352]

Генерал Вашингтон в письме Джозефу Риду от 10 февраля 1776 года из Кембриджа упоминает об этом письме и поэме следующим образом

"Я не помню ничего другого, о чем стоило бы вас беспокоить, разве что вы сможете развлечься, прочитав письмо и стихотворение, адресованные мне мисс Филлис Уитли. Перебирая на днях пачку бумаг, чтобы уничтожить бесполезные, я снова обнаружил это письмо. Сначала, желая отдать должное ее поэтическому гению, я подумывал опубликовать стихотворение; но, не зная, не сочтут ли его скорее проявлением моего собственного тщеславия, чем комплиментом ей, я отложил его в сторону,[353] пока снова не наткнулся на него в упомянутой манере". [354]

Это дает миру "внутренний" взгляд на мнение храброго старого генерала о поэме и поэтессе, но "внешний" взгляд, высказанный Филу, достоин того, чтобы его воспроизвести.

Кембридж, 28 февраля 1776 г.

Мисс Филлис, - Ваше письмо от 26 октября попало ко мне в руки только в середине декабря. Вы скажете, что у меня было достаточно времени, чтобы дать ответ до

этого. Разрешаю. Но множество важных происшествий, постоянно отвлекающих ум и отвлекающих внимание, надеюсь, извинят за задержку и извинят меня за кажущееся, но не действительное пренебрежение. Я искренне благодарю вас за ваше вежливое уведомление обо мне в изящных строках, которые вы приложили; и как бы я ни был недостоин таких похвал и панегириков, стиль и манера демонстрируют яркое доказательство ваших поэтических талантов; в честь этого и качестве дани, справедливо причитающейся вам, я бы опубликовал поэму, если бы не опасался, что, хотя я только хотел дать миру этот новый пример вашего гения, я мог бы понести обвинение в тщеславии. Именно это, и ничто другое, побудило меня не давать ей места в публичных изданиях.

Если вы когда-нибудь приедете в Кембридж или в окрестности штаб-квартиры, я буду счастлив увидеть человека, которому так благоволят музы и которого природа так либерально и благосклонно наделила своими полномочиями.

С глубоким уважением, ваш покорный, скромный слуга,

Джордж Вашингтон.[\[355\]](#)

Это письмо - прекрасный комплимент поэте и делает честь как голове, так и сердцу генерала. Его скромность, столь характерная для него, лишила историю своих заслуг. Но утешительно знать, что чувства поэмы нашли отклик в патриотическом сердце *первого солдата Революции и отца своей страны!*

Хотя Филлис Уитли - одна из самых выдающихся личностей этого периода, и ей, как цветному человеку, не было равных, она была не единственной представительницей своей расы, обладающей умом и характером. Негритянский мальчик из Африки был куплен мистером Слокамом, проживавшим недалеко от Нью-Бедфорда, штат Массачусетс. После того как он овладел языком, он обратил свои мысли к свободе и через несколько лет, работая сверх того времени, которое он посвящал своему хозяину, смог выкупить себя у него. Он женился на индианке по имени Рут Мозес и поселился в Каттерханкере, на островах Элизабет, недалеко от Нью-Бедфорда. За несколько лет, благодаря трудолюбию и бережливости, Джон Каффе - такое имя он взял, став свободным человеком, - смог приобрести хорошую ферму в сто (100) акров. Каждый год приносил новые достижения, пока Джон Кафф не приобрел широкую известность благодаря богатству, честности и уму. Он занимался книгами и получил, как зрелый плод своей учености, хорошее деловое образование. И сам он, и его жена были верующими христианами; к жизни в промышленности и росту светских знаний они добавили то высшее знание, которое делает живым для "жизни вечной". У них родилось десять детей - четыре мальчика и шесть девочек. Один из мальчиков, Пол Каффе, стал одним из самых выдающихся цветных людей, которых породил Массачусетс. Читатель познакомится с ним в соответствующем месте истории. Джон Каффе умер в 1745 году, оставив после себя, помимо значительного имущества, доброе имя, которое имеет большую цену.[\[356\]](#)

Ричард Далтон, эсквайр из Бостона, владел мальчиком-негром, которого он научил читать любого греческого писателя без колебаний. Мистер Далтон страдал от слабости глаз, а его любовь к классике не позволяла ему отказываться от наслаждения ею, и поэтому его негритянский мальчик Сезар был обучен греческому языку.[\[357\]](#) В "Бостонской хронике" от 21 сентября 1769 года содержится следующее объявление: "Продается прекрасный

маленький мальчик-негр, который *умеет говорить по-французски* и очень подходит на роль камердинера".

С ростом числа доказательств способности негра к умственному совершенствованию и пригодности к обязанностям и благам свободного человека, а также с ростом наглости и жесткой политики материнской страны, в колонии произошли удивительные перемены. Негры стали смелее просить и требовать прав британских подданных, а более гуманный элемент среди белых увидел в ослаблении сурового обращения с неграми безопасность и иммунитет в войне. Но антирабовладельческие настроения в Массачусетсе не были порождены искренним желанием покончить со злобной и жестокой торговлей людьми. Две вещи действовали в пользу гуманного отношения к рабам: надвигающаяся война и решение лорда Мэнсфилда по делу Соммерсета. Английское правительство ежегодно увеличивало тяготы колонистов. Страна была молодой, ее ресурсы малоизвестны. Население в основном занималось сельским хозяйством. Не было никаких тарифных законов, поощряющих или защищающих труд или мастерство людей. Гражданская война казалась неизбежной. Вдумчивые люди начали задумываться над вопросом, в какую партию негры колонии направят свои силы. Это был не праздный вопрос - определить, являются ли негры тори или вигами. Уже в 1750 году в Англии и Новой Англии начали обсуждаться вопросы законности содержания негров в рабстве в британских колониях. "Каким именно может быть английское законодательство по вопросу о рабстве, все еще оставалось предметом сомнений".^[358] Лорд Холт считал, что рабство - это состояние, неизвестное английскому праву, и что пребывание в Англии является свидетельством свободы. Это смущало новоанглийских плантаторов, вывозивших своих рабов в Англию. Плантадоры объединились для общего дела и заручились письменным мнением Йорка и Тальбота, адвоката и генерального солиситора Англии. Они постановили, что рабов можно держать в Англии так же, как и в Америке, что крещение не дает свободы, и это мнение оставалось надежным законом почти полвека.^[359] Люди в Англии, жившие на деньги, получаемые от работорговли, члены Королевской африканской компании, пришли на помощь институту рабства. Чтобы сохранить его на законодательном уровне в американских колониях, его должны были признать в Англии. Жители Массачусетса проявили живой интерес к этому вопросу. В 1761 году на собрании "в старом здании суда" Джеймс Отис,^[360] в речи против "судебных приказов о помощи", затронул популярную тему "Права колоний", впоследствии опубликованную (1764) по распоряжению законодательного собрания. Он придерживался широкой позиции, "что колонисты, черные и белые, родившиеся здесь, являются свободнорожденными британскими подданными и имеют все основные права таковых".^[361] В 1766 году Натаниэль Эпплтон и Джеймс Свон отличились, защищая доктрину "свободы для всех". Эта тема стала предметом всеобщего обсуждения в частных и общественных кругах, а сельские лица и общества колледжей взяли ее на вооружение в качестве предмета судебных диспутов.^[362] В мае 1766 года представителям народа было предписано выступить за полную отмену рабства. А 16 марта 1767 года была предложена резолюция, чтобы выяснить, следует ли придерживаться этих инструкций, и она была единогласно принята положительно. Но следует помнить, что британские войска находились в колонии, на улицах Бостона. Слышались раскаты далекого грома революции. Общественные настроения были сильно смягчены по отношению к неграм. 31 мая 1609 года Палата представителей Массачусетса приняла решение против присутствия войск и попросила губернатора убрать их. Его превосходительство отказался от каких-либо полномочий вмешиваться в сложившиеся обстоятельства. Палата осудила постоянную армию в мирное время без согласия Генерального суда как "не имеющую прецедента и неконституционную".^[363] В 1769 году

один из судов Массачусетса вынес решение, благоприятное для раба, который был истцом. Это подтолкнуло негров к борьбе за свободу. Вся колония находилась в состоянии лихорадочного возбуждения. Анонимный торийский писатель упрекал бостонцев в том, что они желают свободы, когда сами порабащают других.

"Что!" - кричат наши добрые люди, - "Негритянские рабы в Бостоне! Этого не может быть". Тем не менее это правда. Ибо хотя бостонцы обосновывают свое восстание "непреложными законами природы", но, несмотря на их решения о свободе на городских собраниях, на самом деле у них в городе 2 000 негров-рабов".[\[364\]](#)

Эти тягостные и удручающие обстоятельства были лишь дружескими предвестниками духа всеобщей свободы.

В Англии решение лорда Мэнсфилда по делу Соммерсета[\[365\]](#) воодушевило тех немногих совестливых людей, которые отстаивали дело рабов. Чарльз Стюарт, эсквайр из Бостона, штат Массачусетс, взял с собой в Лондон своего раба-негра Джеймса Соммерсета. В британской метрополии негр заболел, после чего был брошен хозяином. Впоследствии он восстановил свое здоровье и устроился на работу. Хозяин, узнав о его местонахождении, арестовал его и поместил в тюрьму на борту судна "Энн и Мэри", капитан Джон Ноулз, командир, которое в то время стояло в Темзе, но вскоре должно было отплыть на Ямайку, где Соммерсетт должен был быть продан.

"3 декабря 1771 года Томас Уоклин, Элизабет Кейд и Джон Марлоу дали показания под присягой, что Джеймс Соммерсетт, негр, был заключен в кандалы на борту судна "Энн и Мэри", командир Джон Ноулз, лежащего в Темзе и направляющегося на Ямайку. Лорд Мэнсфилд, по ходатайству вышеупомянутых подписчиков, выдал ордер *хабеас корпус*, требуя возвращения тела Соммерсета к его светлости с объяснением причины его задержания. 9 декабря капитан Ноулз представил тело Соммерсета в суде. Лорд Мэнсфилд, после предварительного осмотра, передал дело в Суд королевской скамьи и, соответственно, взял поручителей и связал Соммерсета до "2-го дня следующего срока Хиллари". В назначенное время обвиняемый с адвокатом, предполагаемый хозяин негра Соммерсета и капитан Джон Ноулз предстали перед судом. Капитан Ноулз изложил причины, побудившие его задержать Соммерсета, после чего адвокат последнего попросил время, чтобы подготовить аргументы против возвращения. Лорд Мэнсфилд дал им время до 7 февраля. В назначенное время мистер сержант Дэви и мистер сержант Глинн выступили против возвращения, и дальнейший спор был "отложен" до пасхального семестра, когда мистер Мэнсфилд, мистер Аллейн и мистер Харгрейв выступили на той же стороне. Единственный вопрос, стоящий перед нами, - достаточны ли основания для возвращения. Если да, то негр должен быть возвращен на родину; если нет, то он должен быть освобожден". В возвращении говорится, что раб ушел и отказался служить, после чего его оставили для продажи за границу. Столь высокий акт властвования должен быть признан законом той страны, где он используется. Власть хозяина над рабом в разных странах была очень разной. Рабство имеет такую природу, что не может быть введено ни по каким причинам, ни по моральным, ни по политическим, а только по позитивному закону, который сохраняет свою силу долгое время после того, как стираются из памяти причины, поводы и само время, когда оно было создано. Оно настолько одиозно, что его нельзя поддерживать ничем, кроме позитивного закона. Какие бы неудобства, таким образом, ни

вытекали из этого решения, я не могу сказать, что этот случай разрешен или одобрен законом Англии, и поэтому чернокожий должен быть освобожден".

Влияние этого решения было широко распространенным и пагубным для рабства в британских колониях в Северной Америке. Оно вдохнуло новую жизнь в угасающие надежды негров и дало правовую норму сторонникам "свободы для всех". Во всех колониях возник вопрос о том, могут ли колониальные правительства принять закон, легализующий то, что "противоречит английским законам".[\[366\]](#)

Несмотря на общий и великодушный порыв к свободе, неразрывные узы алчности и жадности к нетрудовым доходам от работорговли заставляли государственных людей идти на консервацию интересов тех, кто был непосредственно заинтересован в бесчеловечной торговле.

"В эпоху, когда интересы торговли определяли законодательство, эта отрасль коммерции обладала первостепенной привлекательностью. Ни один государственный деятель не разоблачал ее беззакония; И если Ричард Бакстер повторял мнения пуритан Массачусетса, если Саузерн вызывал слезы трагической историей Оронуко, если Стил пробуждал пульсацию негодования рассказом об Инкле и Ярико, если Сэвидж и Шенстоун приводили свои слабые куплеты о несчастях "соболиных детей Африки", если ирландский метафизик Хатчесон, борясь за высшую систему морали, - справедливо клеймил этот трафик; Однако ни одно общественное мнение не возвысило свой голос против него. Английские корабли, оборудованные в английских городах, при особой благосклонности королевской семьи, министерства и парламента, вывезли из Африки в период с 1700 по 1750 год, вероятно, полтора миллиона душ, из которых одна восьмая была похоронена в Атлантике, став жертвами переправы; и все же в Англии не было всеобщего возмущения, обличавшего эту чудовищность; ведь общественное мнение той эпохи было покорно материализму".[\[367\]](#)

Гуманные хозяева, желавшие освободить своих рабов, были поставлены в затруднительное положение недружелюбным к манумиссии законом. Акт 1703 года[\[368\]](#) удержал многих людей от эмансипации рабов из-за своих несправедливых и жестких требований. На его основании возникло множество судебных разбирательств. Он требовал, чтобы каждый хозяин, желающий освободить своего раба, прежде чем сделать это, предоставил казначею города или местности, в которой он проживает, залог на сумму не менее пятидесяти фунтов.[\[369\]](#) Это должно было возместить убытки городу или местности в случае, если освобожденный таким образом негр-раб из-за хромоты или болезни станет обузой. Если хозяин не предоставлял такого залога, его эмансипированные рабы по закону все равно считались кабальными, "несмотря на то, что им была сделана или дана любая манумиссия или документ о свободе". Судья Сьюолл в письме Джону Адамсу приводит такой пример.

"Некий человек по завещанию предоставляет своему негру свободу и оставляет ему наследство. Душеприказчик соглашается, чтобы негр был свободен, но отказывается дать залог избирателям, чтобы они освободили город от любых расходов на его содержание в случае, если он станет бедным (без чего, по закону провинции, он не подлежит манумизации), или выплатить ему наследство.

Вопрос. Может ли он вернуть наследство и каким образом?

Я только что заметил, что в своем последнем письме вы просите меня сказать что-нибудь, чтобы отговорить вас от переезда в Провиденс; и вы говорите, что для этого

подойдет все, что угодно. В настоящее время я лишь говорю, что вам будет достаточно хорошо там, где вы находитесь. Я объяснюсь и добавлю кое-что в будущем письме. Сейчас у меня нет времени, чтобы расширить его, и я верю, что вы не будете безутешно огорчены. Итак, чтобы избавить вас от боли, ваш сердечный друг,

Джонатан Сьюолл".[370]

Мистер Адамс ответил следующим образом.

"Итак. Завещатель явно хотел, чтобы его негр получил свободу и наследство; поэтому закон предполагает, что он хотел, чтобы его душеприказчик сделал все то, без чего он не сможет получить ни того, ни другого. То, что эта компенсация не входила в планы завещателя, не может быть доказано из завещания так же, как в первом случае, описанном выше, можно было доказать, что завещатель не знал, что простое наследство перейдет по завещанию без слова наследники; или как во втором случае, что передача доверительной собственности, которая может продолжаться вечно, передаст простое наследство без подобных слов. Таким образом, я полагаю, что исполнитель этого завещания по косвенным признакам обязан предоставить облигации городскому казначею и, отказываясь от этого, является правонарушителем; и я не могу считать, что ему следует позволить воспользоваться своей неправотой, чтобы, ссылаясь на отсутствие возмещения, уклониться от иска по делу, возбужденному в отношении наследства самим негром.

Но почему негр не может предъявить специальный иск против душеприказчика, изложив завещание, наделение свободой и наследством, а затем необходимость возмещения по закону провинции, а затем отказ от возмещения и, как следствие, освобождение и выплату наследства?

Возможно, негр свободен по общему праву в силу завещания. Теперь, похоже, закон провинции был принят только для того, чтобы обязать хозяина содержать своего манумилированного раба, а не для того, чтобы объявить манумиссию при жизни хозяина или после его смерти недействительной. Если хозяин даст своему негру свободу под своей рукой и печатью, не давая залога городу, а затем раскается и попытается вернуть негра в рабство, не будет ли этот документ достаточным освобождением против хозяина?"[371]

В оправдание этого закона утверждается, что он был принят для того, чтобы положить конец очень распространенной привычке освобождать старых и дряхлых негров после того, как они уже не могли служить. Если это правда, то это свидетельствует о практике, более жестокой, чем само рабство.

В 1702 году представителям города Бостон было "предложено способствовать привлечению белых слуг и положить конец тому, чтобы негры были рабами".[372] Это не была мера против рабства, как ошибочно полагают некоторые.[373] Это не было резолюцией или актом: это была просто просьба, которую "представители" не удовлетворили в течение почти столетия после этого.

"В 1718 году комитет обеих палат подготовил законопроект под названием "Акт о поощрении импорта белых слуг мужского пола и предотвращении тайного ввоза негров и молатов".

Он был прочитан в Совете в первый раз 16 июня и "рекомендован" к рассмотрению в Палате представителей; там он также был прочитан в первый раз в тот же день. На следующий день

он был прочитан во второй раз и, "по вопросу о третьем чтении, решен отрицательно".^[374] В 1706 году в Бостоне был опубликован аргумент или "Вычисление того, что ввоз негров не так выгоден, как ввоз белых слуг".^[375] Он проливает свет на вышеупомянутый закон и показывает, что мотивы, которыми руководствовались люди, желавшие установить срок для удержания негров в качестве рабов, были сугубо материальными и эгоистичными. Это была первая опубликованная статья на эту тему, и она достойна того, чтобы воспроизвести ее полностью. Она перепечатана из "The Boston News-Letter", No. 112, 10 июня 1706 года, хранящейся в Нью-Йоркском историческом обществе.

"Согласно прошлогодней ведомости о смертности в городе *Бостоне*, опубликованной в № 100 "*Ньюс Леттер*", нам предоставлен список 44 негров, умерших в прошлом году, что, будучи пересчитано друг с другом по 30 фунтов за голову, составляет сумму в тысячу триста двадцать фунтов, о которой мы хотели бы сделать следующее замечание: Что ввоз негров в эту или соседние провинции не так выгоден ни короне, ни стране, как белых слуг.

"Ибо негры не носят оружия для защиты страны, как это делают белые.

"Негры, как правило, слуги-очкарики, большие воры, пристрастившиеся к воровству, лжи и казнокрадству.

Они не делают людей в нашей стране, как это делали бы белые, чтобы укрепить нас против врага".

"Поощряя импорт белых мужчин-слуг, предоставляя некоторые льготы импортеру, можно было бы обеспечить слугами за 8, 9 или 10 фунтов *стерлингов* за голову большую часть крестьян в стране, которые не в состоянии выложить 40 или 50 фунтов за негра, что сейчас является обычной ценой.

"Тогда человек может купить белого слугу, как мы полагаем, за 10 л., чтобы он служил 4 года, и мальчика за ту же цену, чтобы он служил 6, 8 или 10 лет; если белый слуга умрет, потеря не превысит 10 л., но если умрет негр, это очень большая потеря для хозяина; три года процентов от цены негра приблизят, если не полностью купят белого слугу.

Если необходимость потребует, что муж должен подготовить человека против врага; если у него есть негр, он не может послать его, но если у него есть белый слуга, 'twill answer the end, and perhaps save his son at home'".

"Если бы купцов и хозяев поощряли, как уже говорилось, привозить слуг-мужчин, не было бы нужды жаловаться на начальство, принуждающее наших детей к войне, тогда бы хватало мужчин и без принуждения".

"Привлечение таких слуг значительно обогатит эту провинцию, потому что мужья не только смогут гораздо лучше удобрять те земли, которые уже находятся под улучшением, но и улучшат многое другое, что сейчас лежит впустую под лесами, и позволят этой провинции заняться выращиванием морских запасов, что будет очень выгодно для Короны Англии и этой провинции.

"Ибо выращивание здесь конопли для изготовления парусины и кордажа для снабжения только нашего собственного судоходства помешало бы импорту, и сэкономило бы значительную сумму в год для возврата, что мы сейчас и делаем, и со временем могли бы быть в состоянии снабжать Англию не только парусиной и кордажом, но также смолой, дегтем, коноплей и другими товарами, которые они сейчас вынуждены покупать в иностранных государствах.

"Предположим, что здешнее правительство будет выплачивать по 40 шиллингов за голову в течение пяти лет тем, кто будет ввозить каждый из этих лет по 100 белых мужчин-слуг, и каждый будет служить по 4 года, расходы составят всего 200 л. в год и 1000 л. за 5 лет. Первые 100 слуг, будучи свободными, на 4-й год служат 5-й год за жалование, а на 6-й - 100, которые уходят в леса, и селят 100 семей, чтобы укрепить и оградить нас от индейцев, а также еще 100 семей каждый год подряд.

"И вот вы видите, что за один год город Бостон потерял 1320 фунтов *стерлингов* из-за 44 негров, что также является потерей для страны в целом, и за меньшую потерю (если это можно неправильно назвать) за 1000 фунтов *стерлингов* страна может иметь 500 мужчин через 5 лет за 44 негра, умерших за один год.

"У некоего человека за эти 6 лет умерло два негра, оба на 60л., что обеспечило бы ему шесть белых слуг по 10л. за голову, которые прослужили бы 24 года, по 4 года за каждого, без такого большого риска, и белые укрепили бы страну, чего не делают негры.

"Хорошо бы сделать так, чтобы ни один из этих слуг не подлежал обложению во время их службы по договору при первой высадке.

"Если такие слуги будут проданы или вывезены из этой провинции во время их службы, человек, который их купит, должен будет заплатить 3 *фунта* в казну".

Комментарии здесь излишни. Читатель должен лишь отметить, что во всей статье нет ни одного гуманного чувства.

Но всеобщая свобода не была лишена своих сторонников. Не все преклонили колени перед Ваалом. Самым первым другом индейцев и негров был ученый, благочестивый и доброжелательный Сэмюэл Сьюолл, в свое время один из судей Высшего суда штата Массачусетс, а затем главный судья. Он ненавидел рабство праведной ненавистью, рано возвысил свой голос и использовал перо против него. Он стал автором первой статьи против рабства, напечатанной в колонии. Она появилась в виде трактата 24 июня 1700 года и была "напечатана Бартоломью Грином и Джоном Алленом". Вместе с тем это самый замечательный документ такого рода, который мы когда-либо видели. Мы приводим его здесь, чтобы показать читателю, что думал о рабстве ученый христианский судья сто восемьдесят два года назад.

"ПРОДАЖА ИОСИФА В РАБСТВО.

"Достопочтенный судья Севалл из Новой Англии.

"Поскольку свобода по своей реальной ценности стоит рядом с жизнью, никто не должен расставаться с ней сам или лишать ее других, но только по зрелому размышлению".

"Многочисленность рабов в этот день в провинции, и то, что они не чувствуют себя в рабстве, заставляет многих задуматься о том, насколько прочно и хорошо заложен фундамент, чтобы выдержать огромный вес, который на нем возведен. Совершенно точно, что все люди, поскольку они являются сыновьями Адама, являются сонаследниками и имеют равное право на свободу и все другие внешние удобства жизни. Бог отдал Землю [со всеми ее благами] Сынам Адама, Псалтирь, 115, 16. И создал из одной крови все народы человеческие для обитания по всему лицу земли, и определил времена, прежде назначенные, и пределы обитания их: Чтобы они искали Господа. Ибо мы - потомство Божие и т. д. Деяния, 17, 26, 27, 29. И хотя титул, данный последним АДАМОМ, бесконечно улучшает состояние людей в

отношении Бога и самих себя; и предоставляет им самую выгодную и неприкосновенную аренду под широкой печатью Небес, которые прежде были лишь арендаторами по своему желанию; тем не менее, благодаря снисхождению Бога к нашим первым родителям после грехопадения, внешнее состояние всех и каждого из их детей остается одинаковым по отношению друг к другу. Таким образом, изначально и естественно не существует такого понятия, как рабство. *Иосиф* по праву был рабом для своих братьев не больше, чем они для него; и у них было не больше полномочий *продать* его, чем *убить*. И если *им* нечего было делать, чтобы продать его, то *измаильтяне*, торгуясь с ними и заплатив двадцать сребреников, не могли получить права собственности. Да и *Потифар* не мог иметь большего интереса к нему, чем имели *измаильтяне*. *Быт. 37, 20, 27, 28*. Ибо тот, кто в этом случае будет утверждать *об изменении собственности*, похоже, лишится значительной части своих собственных притязаний на человечность. Нет никакой пропорции между двадцатью кусками серебра и свободой. Товар сам по себе является претендентом. Если *арабское* золото ввозится в каком-либо количестве, большинство боится связываться с ним, хотя могло бы получить его по легким ценам; чтобы не допустить, что оно было несправедливо отнято у владельцев, и разжечь огонь для потребления всего их имущества. Жаль, что при покупке лошади или безжизненной пыли нужно проявлять больше осторожности, чем при покупке мужчин и женщин: В то время как они являются потомством Бога, и их свобода, ... *Auro pretiofior Omni*.

Бог сказал: "*Кто украдет человека и оставит его, или если он будет найден в руке его, тот непременно будет предан смерти*". *Исход, 21, 16*. Этот закон - закон вечной справедливости, в котором воровство людей причислено к самым жестоким преступлениям: Что может быть громче этого знаменитого предупреждения?

Caveat Emptor!

"И если принять во внимание все обстоятельства, то благосостоянию провинции больше способствовало бы иметь белых слуг на срок в несколько лет, чем пожизненных рабов. Немногие могут вынести известие о том, что негр стал свободным; и действительно, они редко могут хорошо использовать свою свободу; однако их постоянное стремление к запретной свободе делает их безвольными слугами. И есть такое различие в их условиях, цвете кожи и волосах, что они никогда не смогут воплотиться с нами и вырасти в упорядоченные семьи, чтобы заселить землю; но все еще остаются в нашем теле Политики как своего рода экстравагантная кровь. Сколько среди нас негров-мужчин, столько же пустых мест в наших поездах, и места, занятые мужчинами, которые могли бы стать мужьями для наших дочерей. И сыновья и дочери *Новой Англии* стали бы больше похожи на *Иакова* и *Рахиль*, если бы это рабство было вытеснено за дверь. Кроме того, слишком хорошо известно, какие искушения испытывают хозяева, попустительствуя блуду своих рабов; чтобы не быть вынужденными искать им жен или платить штрафы. Кажется, что на деле это означает, что они могут быть беззаконниками; много думают о том, чтобы закон имел удовлетворение за их кражи и другие безнравственные поступки; таким образом, *святость Господу* реже выгравирована на этом виде рабства. Кроме того, весьма прискорбно думать, как, вывозя негров из *Африки* и продавая их здесь, люди смело разрывают то, что соединил БОГ; мужчин от их страны, мужей от их жен, родителей от их детей. Как ужасна нечистота, смертность, если не убийство, в которых повинны корабли, привозящие огромные толпы этих несчастных мужчин и женщин. Думаю, когда мы

сетуем на варварское использование наших друзей и родственников в Африке, не будет неразумным поинтересоваться, не виновны ли мы в том, что заставляем африканцев становиться рабами среди нас самих. И может возникнуть вопрос, уравниваются ли все выгоды, полученные от негров-рабов, денежные выплаты, выложенные за них, и выкуп наших собственных поработанных друзей из Африки. Кроме того, все люди и состояния, которые там погибли.

"Возражение 1. Эти черномазые принадлежат к потомству Хама, а потому находятся под проклятием рабства. Быт. 9, 25, 26, 27.

"Против. Из всех должностей не следует просить эту, а именно: без приглашения быть исполнителем Божьего гнева, степень и продолжительность которого нам неизвестны. Если это когда-то и было поручением, то откуда нам знать, что оно уже давно не актуально? Многие убедились в том, что пророческое предостережение о суде над человеком или народом не дает им права причинять это зло. Если бы это было так, то Хазаил мог бы оправдать себя во всем, что он сделал против своего господина и израильтян из 2 Царств 8, 10, 12.

"Но возможно, что при беглом чтении этот текст может быть ошибочным. Ведь Ханаан проклят трижды, без упоминания Хама. Хорошие толкователи полагают, что проклятие было наложено на него, и что это пророчество исполнилось в истреблении хананеев и в рабстве гибеонитов. *Vide Pareum*. В то время как Блэкморы происходят не от Ханаана, а от Куша. Psal. 68, 31. *Князья выйдут из Египта* [Мизраима]. *Эфиопия* [Куш] *скоро протянет руки свои к Богу*. Под этими именами можно понимать всю Африку; и об их обещанном обращении следует молиться. Иер. 13, 23. *Может ли эфиоп сменить кожу?* Это показывает, что черные люди - потомки Куша. Которые с некоторых пор стали отличаться по цвету кожи. А за неимением истинной, Овидий приписывает им баснословную причину.

*Sanguine tum credunt in corpora summa vocato
Æthiopum populos nigrum traxisse colorem.* Metamorph. lib. 2.

"Obj. 2. Нигеры выведены из языческой страны в места, где проповедуется Евангелие.

"Ans. Зло не должно быть сделано, чтобы из него могло произойти добро. Необычайная и всеобъемлющая польза, принесенная Церкви Божьей и лично Джозефу, не исправила того, что его братья продали его.

"Опущение 3. Африканцы воюют друг с другом: Наши корабли привозят законных пленников, захваченных в этих войнах.

"Ответьте. Насколько известно, их войны во многом похожи на те, что были между сыновьями Иакова и их братом Иосифом. Если они идут между городом и городом, провинцией или государством: Каждая война с одной стороны несправедлива. Незаконная война не может сделать законных пленников. И, принимая их, мы подвергаемся опасности содействовать и участвовать в их варварских жестокостях. Я уверен, что если некоторые джентльмены отправятся в Пивоварни, чтобы подышать воздухом и половить рыбу: а более сильная партия из Халла застанет их врасплох и продаст их в рабство на корабль, идущий за границу; они сочтут, что с ними поступили несправедливо; как продавцы, так и покупатели. И все же следует опасаться, что у нас нет другого вида права собственности на наших негров. Итак,

все, что хотите, чтобы люди делали вам, то и вы делайте им; ибо таков закон и пророки. Матф. 7, 12.

"Опровержение 4. У Авраама были слуги, купленные на его деньги и рожденные в его доме.

"Против. Пока не будут описаны обстоятельства покупки Авраама, из этого нельзя извлечь никаких аргументов. Между тем, милосердие обязывает нас заключить, что он знал, что это было законно и хорошо.

"Следует заметить, что *израильтянам* было строго запрещено покупать или продавать друг друга в рабство. *Левит. 25. 39. 46. Иер. 34, 8-22.* И Бог даровал Свое благословение взамен любого убытка, который они могли бы вообразить, что понесли из-за этого, *Втор. 15. 18.* И поскольку стена перегородки разрушена, неумеренное самолюбие также должно быть разрушено. Бог ожидает, что христиане будут обладать более доброжелательным и благотворным складом духа. Христиане должны нести его всему миру, как *израильтяне* должны были нести его друг другу. И если люди упорно продолжают держать своих соседей и братьев в суровом вечном рабстве, то это, по-видимому, не лучший способ получить уверенность в том, что Бог дал им духовную свободу. Наш благословенный Спаситель изменил меру древней песни любви и переложил ее на новую превосходную мелодию, которую все должны стремиться выучить. *Мф. 5. 43. 44. Иоанн 13. 34.* Эти *эффиопы*, какими бы черными они ни были, являются сыновьями и дочерьми первого Адама, братьями и сестрами последнего Адама и потомством Божьим; к ним следует относиться с подобающим уважением.

"*Servitus perfecta voluntaria, inter Christianum & Christianum, ex parte servi patientis saepe est licita, quia est necessaria; sed ex parte domini agentis, & procurando & exercendo, vix potest esse licita; quia non convenit regulæ illi generali; Quaecunque volueritis ut faciant vobis homines, ita & vos facite eis*". Матф. 7, 12.

"*Perfecta servitus paenae, non potest jure locum habere, nisi ex delicto gravi quod ultimum supplicium aliquo modo meretur: quia Libertas ex naturali aestimatione proxime accedit ad vitam ipsam, & eidem a multis præferri solet.*

" Ames. Cas. Confc. Lib. 5. Cap. 23. Thes. 2. 3."

Нападки судьи Сьюолла на рабство вызвали немалый переполох в Бостоне; а в следующем, 1701 году судья Джон Саффин, соратник судьи Сьюолла, ответил на них в довольно пространной статье.[\[376\]](#) Приведя на сайте статью судьи Сьюолла, будет правильно, если ответ судьи Саффина также займет здесь свое место.

"ОТВЕТ СУДЬИ САФФИНА СУДЬЕ СЬЮОЛЛУ, 1701 ГОД.

"Краткий и откровенный ответ на недавно напечатанный листок, озаглавленный "Продажа Джозефа".

"Этот почтенный и ученый джентльмен, автор листа, озаглавленного "Продажа Иосифа, мемориал", похоже, сделал из этого вывод, что, поскольку сыновья Иакова поступили очень плохо, продав своего брата Иосифа *измаильтянам*, которые были язычниками, следовательно, совершенно незаконно покупать и продавать негров, хотя и среди христиан; Этот вывод, как я полагаю, не вытекает из предпосылок и не является параллельным случаем; ибо *израильтянам* было запрещено продавать своих братьев по любому поводу или под каким-либо предлогом в течение жизни. Но для Семени Авраама не было противозаконным иметь мужчин и женщин в узах,

либо рожденных в их доме, либо купленных на их деньги, как написано об Аврааме, Быт. 14. 14. & 21. 10. и Исх. 21. 16. и Левит. 25. 44. 45. 46 v. После дарования закона: И в Иос. 9. 23. Этот знаменитый пример с Гивеонитянами является достаточным доказательством там, где нет другого.

"Немного поговорим о первом утверждении джентльменов: *Что никто не должен расставаться со своей свободой сам или лишать ее других, кроме как по зрелому размышлению*; благоразумное исключение, в котором он допускает, что по некоторому размышлению человек может быть лишен своей свободы. А затем, в следующем положении или утверждении, он отрицает это, а именно: *Совершенно точно, что все люди, будучи сыновьями Адама, являются сонаследниками и имеют равное право на свободу и все прочие блага жизни*, что он хотел бы доказать на основании Псал. 115. 16. *Землю он отдал сынам человеческим*. Верно, но к чему все это, чтобы доказать, что все люди имеют равное право на свободу и все внешние удобства этой жизни; это положение, кажется, переворачивает порядок, установленный Богом в мире, который назначил различные степени и порядки людей, одни - высокие и почетные, другие - низкие и презренные; Одни - монархи, короли, князья и правители, хозяева и командиры, другие - подданные и приказчики, слуги разного рода и степени, обязанные повиноваться; да, некоторые рождаются рабами и остаются ими в течение всей жизни, как было доказано. В противном случае между людьми было бы простое равенство, что противоречит словам апостола, I. Cor. 12 с 13 по 26 стих, где он излагает (для сравнения) различные виды и должности членов тела, подчеркивая, что все они полезны, но не равны и не одинакового достоинства. Так и Бог установил различные ордена и степени людей в мире, как для церкви, так и для общего блага. Итак, если бы это положение о равенстве было истинным, то из этого следовало бы, что обычный ход Божественного Провидения Бога в мире должен быть неправильным и несправедливым, (о чем мы не должны осмеливаться думать, а тем более утверждать) и все священные правила, заповеди и повеления Всемогущего, которые он дал Сынам человеческим соблюдать и придерживаться в их соответствующих местах, орденах и степенях, были бы бесполезны; которые безотчетно отступают от Божественной Мудрости Всевышнего, который ничего не создал напрасно, но имеет Святые Цели во всех Своих Распоряжениях к Детям человеческим.

"В следующем месте этот достойный джентльмен приводит обширные рассуждения о пользе и удобстве содержания одних и неудобстве других; о белых и черных слугах, что в наибольшей степени способствует благосостоянию и выгоде этой провинции: он заключает, что это белые люди, которых во многих отношениях следует предпочесть черным; кто в этом сомневается? Отсюда следует, что христианам совершенно незаконно покупать и держать слуг-негров (ибо это тезис), а те, кто их имеет, должны по совести освободить их и таким образом потерять все деньги, которые они стоят (ибо мы не должны жить в известном грехе), таково его мнение; но вопрос, было ли это когда-либо практикой джентльмена? Но если бы он смог убедить Генеральную Ассамблею принять закон о том, что всем, кто имеет негров и освобождает их, выплачивается компенсация из государственной казны, и что в страну больше не должны завозиться негры; вероятно, его мнение было бы более обоснованным; Однако ему будет трудно заставить страну согласиться на это; ибо тогда негры должны быть все высланы из страны, иначе средство будет хуже болезни; и следует опасаться, что те негры, которые свободны, если с ними не будет проведен строгий курс властями, станут чумой для этой страны.

"Опять же, если незаконно лишать законных пленников или кабальных людей их свободы на всю жизнь, будучи язычниками, то, кажется, еще более незаконно лишать свободы наших братьев из нашего или других христианских народов (хотя и на время), связывая их обязательствами служить семь, десять, пятнадцать и двадцать лет, что часто оказывается всей их жизнью, как многие и были; что, в сущности, одно и то же по природе, хотя и различно по времени, однако это было разрешено среди евреев Законом Божиим; и является постоянной практикой нашей и других христианских наций в мире: что наш автор своими догматическими утверждениями осуждает как иррелигиозное; что диаметрально противоречит правилам и предписаниям, которые Бог дал разнообразию людей, чтобы они соблюдали в своих соответствующих положениях, призваниях и условиях жизни, как уже было замечено.

"И чтобы проиллюстрировать свое утверждение, наш автор приводит в качестве сравнения Закон Божий, запрещающий человеку воровать под страхом смерти: намекая тем самым, что покупка и продажа негров является нарушением этого закона и поэтому заслуживает смерти: суровый приговор: Но здесь он задает вопрос с *оговоркой*. Ибо в этой самой главе дается разрешение народу *Израиля* иметь в некоторых случаях бондов - мужчин, женщин и детей, даже из своего собственного народа; и даются правила, которые следует соблюдать в отношении них; стих 4-й. И в цитированном ранее месте, *Левит 25. 44, 45, 46*. Хотя *израильтянам* было запрещено (обычно) брать в жены мужчин и женщин из своего народа, но с чужеземцами они могли это делать: так говорится в 44-м стихе. *И бонды твои, и девицы твои, которых ты будешь иметь, будут из язычников, которые вокруг тебя; из них покупай бондов и девиц и т. д.* См. также I Кор. 12, 13. Независимо от того, свободны мы или нет, что показывает, что во времена Нового Завета существовали и мужчины-облигации, и т. д.

"В общем, итог этого длинного гауранжа - не что иное, как сравнение покупки и продажи негров с воровством людей и продажей *Джозефа* его братьями, что не имеет ни пропорции, ни сходства, как следует из вышеприведенных текстов.

"Далее наш автор переходит к ответу на некоторые возражения собственного сочинения, которые, как он предполагает, могут быть выдвинуты некоторыми.

"Возражение. 1. *Что эти черномазые принадлежат к потомству Хама и, следовательно, находятся под проклятием рабства. Быт. 9. 25, 26, 27.* Что *Джентльмен*, похоже, отрицает, говоря, что *они принадлежат к семени Ханаана, которое было проклято, и т. д.*

"Отвечаю. Были ли они таковыми или нет, мы не будем спорить: достаточно того, что не только семя *Хама* или *Ханаана*, но и любые законные пленники других языческих народов могут быть сделаны бондами, как это было доказано.

"Obj. 2. *Что негры выводятся из языческих графств в места, где проповедуется Евангелие.* На что он отвечает, что мы не должны делать зла, чтобы из него не вышло добра.

"На что мы отвечаем, что нет ничего плохого в том, чтобы вывести их из их собственной языческой страны, где они могут получить знание об истинном Боге, быть обращенными и вечно спасенными.

"Obj. 3. *Аффрийцы ведут войны друг с другом; наши корабли привозят законных пленников, захваченных в этих войнах.*

"На что наш автор отвечает предположительно и сомнительно, *насколько нам известно*, что может быть, а может и не быть; что незначительно и ничего не доказывает". Он также сравнивает войны негров, одной нации с другой, с войнами между *Иосифом* и его братьями. Но где он читает о какой-либо подобной войне? Мы читаем о том, что у них была домашняя ссора, они завидовали и ненавидели *Иосифа*, но, судя по записям, он был просто пассивным и кротким, как ягненок. Далее этот джентльмен добавляет, *что нет ни одной войны, которая была бы несправедливой с одной стороны, и т. д.* Пусть так, но что это значит? Мы читаем о законных пленниках, взятых во время войн, которых можно покупать и продавать, не принимая на себя вину *агрессоров*; для этого у нас есть пример *Авраама*, который мы уже цитировали; но если мы должны оставаться, пока обе воюющие стороны правы, то законных пленников вообще нельзя будет покупать; что кажется нелепым воображением и противоречит смыслу Писания и всем гуманным историям по этому вопросу.

"Опущение 4. У *Авраама* были слуги, купленные на его деньги и рожденные в его доме. Быт. 14. 14. На что наш достойный автор отвечает, что пока не будут описаны обстоятельства покупки *Авраама*, из этого не может быть извлечено никаких аргументов.

На что мы отвечаем, что это тоже догма и ничего не доказывает". Далее он добавляет: "*Между тем милосердие обязывает нас заключить, что он знал, что это было законно и хорошо*". Здесь джентльмен уступает; ибо если мы из милосердия обязаны верить, что практика *Абрахама* по покупке и содержанию рабов в его доме была законной и хорошей, то из этого следует, что наше подражание ему в этом его моральном действии столь же оправдано, как и его вера; который есть Отец всех верующих. Рим. 4. 16.

"В заключение наш автор цитирует еще два места Писания, а именно: *Левит. 25. 46*, и *Иер. 34. от 8 до 22 ст.* Чтобы доказать, что народу Израиля было строго запрещено покупать и продавать друг друга в рабство: кто это оспаривает? и какое отношение это имеет к рассматриваемому случаю? Что это за странная логика? Христианам запрещено покупать и продавать друг друга за рабов. Следовательно, незаконно покупать и продавать негров, которые являются законными пленными язычниками.

"И после серьезного увещевания всех нас любить друг друга по повелению Христа *Матф. 5, 43, 44*. В заключение этот достойный джентльмен утверждает, *что эти эфиопы, какими бы черными они ни были, видя, что они - сыновья и дочери первого Адама, братья и сестры второго Адама и потомство Божие, мы должны относиться к ним с подобающим уважением.*

"Мы признаем, что все человечество - сыновья и дочери Адама и творения Божьи: Но из этого не следует, что мы обязаны любить и уважать всех людей одинаково; это под благосклонностью мы должны взять разрешение отрицать, мы должны в милосердии, если мы видим нашего ближнего в нужде, облегчить их обычным способом, но мы не обязаны давать им столько нашего имущества, чтобы сделать их равными себе, потому что они наши братья, сыновья Адама, нет, не наши собственные естественные родственники: Нас призывают *делать добро всем, но особенно тем, кто принадлежит к дому веры, Гал. 6, 10*. И мы должны любить, почитать и уважать всех людей в соответствии с даром Божьим, который в них есть. Я могу хорошо любить своего слугу, но своего сына лучше; милосердие начинается дома, и было бы нарушением обычного благоразумия и хороших манер обращаться

с принцем, как с крестьянином. И этот достойный джентльмен счел бы себя очень пренебрежительным, если бы мы проявили к нему не больше уважения, чем к обычному портье: И поэтому эти цветистые выражения, Сыновья и Дочери Первого Адама, Братья и Сестры Второго Адама, и Потомство Бога, кажутся неправильно примененными, чтобы подразумевать и намекать, что мы должны относиться к языческим неграм со всей любовью, добротой и равным уважением, как к лучшим из людей.

"Из всего этого с очевидностью следует, как из Писания, так и из рассуждений, что народ Божий во все века, как до, так и после принятия Закона, а также во времена Евангелия, имел бондов, женщин и детей, которых обычно держали у себя святые и добрые люди и улучшали в служении; и поэтому по повелению Божьему, *Лев. 25, 44*, и по их достопамятному примеру, мы можем держать кабальных мужчин и использовать их в нашей службе и по сей день, но со всей честностью, умеренностью и христианским благоразумием, в соответствии с их состоянием и состоянием, согласующимся со Словом Божьим".

Судья Сьюолл нанес рабству сильнейший удар и открыл агитацию по этому вопросу, которая ощущалась на протяжении всей революционной борьбы. Он стал великим апостолом свободы, отцом движения против рабства в колонии. Он был смелым и суровым Иоанном Крестителем того времени, "гласом вопиющего в пустыне" рабства, чтобы подготовить путь к свободе.

Квакеры, или Друзья, как их еще называли, были, возможно, самыми первыми друзьями рабов, но, как и Иосиф из Аримафеи, "тайно", из страха перед "пуританами". Но они рано записали свое неодобрение рабства следующим образом

26-й день 9-го месяца 1716 года.

"На этом собрании было зачитано послание с последнего квартального собрания, и был рассмотрен вопрос, переданный на рассмотрение этого собрания, а именно: согласуется ли с истиной для друзей покупка рабов и их содержание в течение срока жизни, и по мнению этого собрания, не согласуется с истиной для друзей покупка рабов и их содержание в течение срока жизни.

"Натаниэль Старбак, младший, должен составить решение этого собрания относительно того, что друзья не должны покупать рабов и держать их на срок жизни, и отправить его на следующее квартальное собрание, а также подписать его от имени вашего собрания".[\[377\]](#)

Учитывая предрассудки и гонения, преследовавшие этот добрый народ, их свидетельство против рабства весьма примечательно. В 1729-30 годах Элиху Коулман из Нантакета, служитель Общества друзей, написал книгу против рабства, опубликованную в 1733 году под названием *"Свидетельство против этой антихристианской практики делать из людей рабов"*.[\[378\]](#) Она была хорошо написана, и в ней бесстрашно излагалась истина для того консервативного, ищущего себя периода, в котором он жил. Он говорит

"Я не безразличен к тому, что подобные рассуждения могут вызвать брожение или волнение среди некоторых, которые (подобно Димитрию древнему) могут сказать:

"Этим ремеслом мы получили наше богатство, что заставило народ воскликнуть в один голос: "Велика Диана Ефесская, которой поклоняется вся Азия и весь мир"".

Он рассмотрел и опроверг аргументы, выдвинутые в защиту рабства, обвинил рабовладельцев в праздности и утверждал, что рабство - мать порока, враждующая с законами природы и Бога. Другие подхватили дух реформ, и агитационное движение с каждым годом набирало силу. Фелт пишет: "1765 год. В памфлетах и газетах с возрастающим рвением обсуждается тема рабства". Колонисты были возбуждены. Люди принимали ту или иную сторону в вопросе огромного масштаба. В 1767 году в Бостоне появился анонимный трактат на двадцати страницах формата октаво против рабства. Его написал Натаниэль Эпплтон, соратник Отиса и передовой мыслитель в области эмансипации. Она была написана в форме письма, адресованного другу, и называлась "Соображения о рабстве". Преподобный Сэмюэл Уэбстер Солсбери опубликовал 2 марта 1769 года "Серьезное обращение к моей стране о рабстве". Он начал свою статью с аргумента, показывающего несоответствие христианского народа, держащего рабов, изобразил дурные результаты рабства, а затем спросил.

"Что же делать? Сделано! Ради Бога, разрушьте все ярмо и позвольте этим угнетенным *выйти на свободу без промедления - дайте* им вкушать сладость той свободы, которую мы так высоко ценим и так усердно просим Бога и человека даровать нам: нет, которую мы утверждаем как естественное право каждого человека. Позвольте мне умолять моих соотечественников проявить сострадание к этим своим *братьям* (ибо так я должен их называть), да, позвольте мне умолять вас ради вас самих и ради Бога, *разрушить всякое ярмо* и отпустить угнетенных на свободу".[\[379\]](#)

Начавшись среди представителей адвокатуры и кафедры, простые люди в конце концов почувствовали живой интерес к теме эмансипации. Время от времени с кафедры доносилось энергичное красноречие о долге времени, которое воспламеняло совесть сидящих на скамьях благородным рвением к праведному делу. Призыв к свободе звучал в народе как сцепленные языки. В каждой деревне, поселке и городе были свои ораторы, единственной темой которых было освобождение. "Кафедра и пресса не умолкали, постоянно появлялись проповеди и сочинения в защиту поработанных африканцев". Общественное сознание стремительно воспитывалось, и от холмов Беркшира до вод Массачусетского залива пылали костры свободы.

ССЫЛКИ:

[\[260\]](#) Джордж Х. Мур, доктор философии, в течение многих лет библиотекарь Нью-Йоркского исторического общества, а в настоящее время эффективный управляющий библиотекой Ленокса, в своих "Заметках по истории рабства в Массачусетсе" вызвал почти всех ораторов и историков Массачусетса на суд истории. Он оставляет их открытыми для одного из трех обвинений: уклонение от истины, незнание ее или фальсификация записей. И в дополнение к этой работе, которая является авторитетом, его "Дополнительные примечания" сияют энергией и проницательностью стиля, что приводит меня к заключению, что доктор Мур работает восхитительно под шпорой, и что его изысканный сарказм, неоспоримая логика и критическая точность дают ему неоспоримое место среди самых искусных писателей нашего времени.

[\[261\]](#) Wood's New-England Prospect, 1634, p. 77.

[262] Рабство в Массачусетсе, с. 7.

[263] Там же, стр. 4, 5 и 6.

[264] Elliott's New-England Hist., pp. 167-205.

[265] Журнал Уинтропа, 26 февраля 1638 г., т. i. стр. 254; см. также: Felt, vol. ii. p. 230.

[266] Д-р Мур подкрепляет свое утверждение о времени постройки "Желания" цитатой из Уинтропа, vol. i. p. 193. Но здесь есть ошибка в определении правильной даты. Уинтроп говорит, что она была построена в 1636 году; но я нашел в книге мистера Дрейка "Основатели Новой Англии", стр. 31, 32, такую запись: "Более (июня) XX, 1635. В желании де Лонд. Pearce, and bond for New Eng. p'r cert, fro ij Justices of Peace and ministers of All Saints lionian in Northampton." Если корабль отплыл в 1635 году, он должен был быть построен раньше.

[267] Доктор Джордж Х. Мур утверждает, что "Путешествия Джослина" были напечатаны в 1664 году. Это ошибка. Они были опубликованы лишь десять лет спустя, в 1674 году. В 1833 году Массачусетское историческое общество напечатало эту работу в третьем томе и третьей серии своего собрания сочинений.

[268] Josselyn, p. 28.

[269] Там же, p. 250.

[270] Там же, стр. 258.

[271] Рабство в Массачусетсе, стр. 9.

[272] Mass. Hist Coll., vol. iv. 4th Series, p. 333, sq.

[273] Мистер Бэнкрофт (Centenary Edition, vol. i. p. 137) говорит: "Самый ранний ввоз негритянских рабов в Новую Англию был осуществлен в 1637 году с острова Провиденс на салемском корабле "Желание"". Но Уинтроп (vol. i. p. 254, под датой 26 февраля 1638 г.) говорит: "Desire вернулся из Вест-Индии через семь месяцев". Он также утверждает (ibid., p. 193), что "Желание" было "построено в Марблхеде в 1636 году". Но это может быть правдой, а может и нет, в соответствии со старым методом учета времени.

[274] Palfrey's Hist. of N.E., vol. ii. p. 30, note.

[275] Josselyn, p. 257.

[276] Elliott's New-England Hist., vol. ii. pp. 57, 58.

[277] Hildreth, vol. i, p. 270, sq.

[278] Древние хартии и законы штата Массачусетс, с. 52, 23.

[279] Рабство в Массачусетсе, стр. 13, примечание.

[280] Рабство в Массачусетсе, с. 18, 19.

[281] Там же, стр. 12.

[282] Elliott's New-England Hist., vol. i. p. 383.

[283] Hildreth, vol. i. p. 278.

[284] Mass. Hist. Coll., vol. iv. 4th Series, p. 334.

[285] Цитируется доктором Муром, p. 20.

[286] Содружество *против* Авеса, 18 Pickering, p. 208.

[287] Андовер *против* Кантона, Mass. Reports, 551, 552, цитируется доктором Муром.

[288] Kendall's Travels, vol. ii. p. 179.

[289] Следующая заметка, если она относится к похищенным неграм, дает более раннюю дату: "29 мая 1644 года. Мистер Блэклич со своей петицией о морах согласился, чтобы ее передали ^{старейшинам}, чтобы они подтвердили нам разум Божий в этом деле, а затем рассмотрели ее дальше" -Mass. Records, vol. ii. p. 67.

[290] Bancroft, Centennial edition, vol. i. p. 137.

[291] Hildreth, vol. i. p. 282.

[292] Петиция представляет собой довольно примечательный документ и печатается ниже. Очевидно, что судья был настроен серьезно. И все же суд, приняв прошение, рассмотрел дело только на одном основании - воровство людей.

Достопочтенному Генеральному суду. Клятва, которую я дал в этом году при вступлении в должность помощника, была такова: Что я буду искренне стремиться к продвижению Евангелия и благу жителей этой плантации (в меру своих способностей), справедливо и беспристрастно отправляя правосудие (согласно законам Божьим и этой земли) во всех случаях, когда я буду действовать в силу своего места. Я считаю себя призванным в силу моего места действовать (согласно этой клятве) в деле о неграх, взятых капитаном Смитом и мистером Кесером; где очевидно, что мистер Кесер дал шанс некоторым неграм; и в тот же день забрал многих из них; и в другое время убил других; и сжег один из их городов. Опуская несколько проступков, сопровождавших вышеупомянутые деяния, я полагаю, что сами деяния прямо противоречат следующим законам (все они капитальны по Слову Божьему, а два из них - по законам этой юрисдикции).

Акт (или акты) убийства (будь то силой или мошенничеством) прямо противоречат как закону Божьему, так и закону этой страны.

Акт кражи негров или их захвата силой (будь то кража или грабеж) (как я полагаю) прямо противоречит как закону Божьему, так и закону этой страны.

Акт преследования негров (как было сказано выше) в день субботний (будучи подневольным трудом и таким, который не может рассматриваться ни под каким другим видом) прямо запрещен законом Божьим.

Эти деяния и бесчинства были совершены там, где не было гражданского правительства, которое могло бы призвать их к ответу, а лица, которыми они были совершены, находились под нашей юрисдикцией, я полагаю, что этот суд является служителем Бога в этом деле, и поэтому моя смиренная просьба состоит в том, чтобы несколько преступников были заключены в тюрьму по решению этого суда и подвергнуты заслуженному порицанию в удобное время; и этого я смиренно прошу, чтобы грех, который они совершили, был возложен на их собственные головы, а не на нас (как это будет в противном случае.)

Счастливо оставаться во всем христианском порядке,

Ричард Солтонстолл.

Палата депутатов считает, что это прошение должно быть удовлетворено, и желает, чтобы наши уважаемые магистраты согласились с этим.

Эдвард Роусон.

-Coffin's *Newbury*, pp. 335, 336.

[293] *Laws Camb.*, 1675, p. 15.

[294] *Hildreth*, vol. i. p. 368.

[295] *Coffin*, p. 335.

[296] Дрейк (стр. 288) говорит: "Этот акт, однако, был впоследствии отменен или проигнорирован".

[297] *Mass. Records*, vol ii. p 129.

[298] *Moore*, Appendix, 251, *sq.*

[299] Рабство в Массачусетсе, p. 30.

[300] *Hildreth*, vol. i. p, 282.

[301] Рабство в Массачусетсе, p. 49. См. также: *Drake's Boston*, p. 441, note.

[302] *Mass. Hist. Coll.*, vol. viii. 3d Series, p. 337.

[303] Рабство в Массачусетсе, p. 50.

[304] *Coll. Amer. Stat. Asso.*, vol. i. p. 586.

[305] *Douglass's British Settlements*, vol. i. p. 531.

[306] *Drake*, p. 714. Я не могу понять, как доктор Мур получает данные о 1514 рабах в Бостоне в 1742 году, кроме как от Дугласа. Его "1742" должно читаться как 1752, а его "1,514" рабов должно читаться как 1,541 раб.

[307] "Есть любопытная иллюстрация "способа, которым это делается" в Массачусетсе, в рассказе мистера Фелта об этой "переписи рабов" в сборнике Американской статистической ассоциации, т. I. стр. 208. Он говорит, что Генеральный суд принял это постановление "с целью точного учета рабов в нашем Содружестве, *как предмета, которым народ стал сильно интересоваться, в связи с делом свободы!*". Для этого предположения нет ни малейшего основания - такого мотива для их действий не существовало нигде, кроме как в воображении самого писателя!" - "Рабство в Массачусетсе", с. 51, примечание.

[308] *Ancient Charters and Laws of Mass.*, p. 748.

[309] Там же.

[310] Рабство в Массачусетсе, с. 61.

[311] *Hildreth*, vol. ii. pp. 269, 270.

[312] *Drake's Boston*, p. 574.

[313] *Spectator*, No. 215, Nov. 6, 1711.

[314] Рабство в Массачусетсе, с. 64.

[315] "В описи имущества Сэмюэля Моргариджа, умершего в 1754 году, я нахожу,

"Пункт, три негра £133, 6s., 8d. Пункт, лен £12, 2s., 8".

"В описи имущества Генри Рольфа, сделанной в апреле 1711 года, я нахожу следующее, а именно,

Пятнадцать овец, старых и молодых, 3 фунта 15 пенсов. Старое ружье 2
Старый негр 10 0

£13 7s."

-Coffin, p. 188.

[316] Рабство в Массачусетсе, с. 64, 65.

[317] Drake, 583, примечание.

[318] Вот образец продаж тех дней: "В 1716 году Райс Эдвардс из Ньюбери, корабельщик, продает Эдмунду Гринлифу "все мое личное имущество со всеми товарами и вещами, а также *одного негра*, одну корову, трех свиней, лес, доски и брусья"" -Coffin, p. 337.

[319] Новоанглийский еженедельный журнал, № 267, 1 мая 1732 года.

[320] Полуторогодовалый ребенок - кормящий ребенок, проданный из лона матери! И *на всю жизнь!* Коффин, с. 337.

[321] Рабство в Массачусетсе, стр. 96. Примечание.

[322] Через восемь лет после этого, 22 июня 1735 года, мистер Планта записал в своем дневнике: "Я написал мистеру Салмону из Барбадоса, чтобы он прислал мне негра". (Coffin, p. 338.) Не похоже, что преподобный джентльмен был противником рабства!

[323] Примечание, процитированное д-ром Муром, с. 58.

[324] Hildreth, vol. i. p. 44.

[325] "Ибо они говорят неграм, что те должны верить в Христа и принять христианскую веру, и что они должны принять таинство и креститься, и так они и делают; но при всем этом они держат их рабами" -MACY'S *Hist. of Nantucket*, pp. 280, 281.

[326] Ancient Charters and Laws of Mass., p. 117.

[327] Мистер Палфри опирается на единственную ссылку в Уинтропе для подтверждения исторической достоверности своего утверждения о том, что негр-раб может быть членом церкви. Однако он считает, что это "представляет собой любопытный вопрос", и мудро рассуждает следующим образом: "Будучи членом церкви, он имел право на политическое право, и, если бы его действительно наделили этим правом, он участвовал бы в принятии законов, управляющих его хозяином, - законов, о которых его хозяин, если бы он не был членом церкви, не имел бы никакого отношения, кроме повиновения им. Но маловероятно, чтобы суд сделал раба, пока тот был рабом, членом Компании, хотя он и был прихожанином" (Palfrey, vol. ii. p. 30). Примечание.

[328] Баттс *против* Пенни, 2 Lev., p. 201; 3 Kib., p. 785.

[329] Hildreth, vol. ii. p. 426.

[330] Ancient Charters and Laws of Mass., p. 748.

[331] Palfrey, vol. ii. p. 30. Примечание.

[332] Hist. Mag., vol. v., 2d Series, by Dr. G.H. Moore.

[333] Slavery in Mass., p. 57, примечание.

[334] Я использую термин "фримен", потому что в колонии, находившейся под властью английской короны, не было граждан. Все были британскими подданными.

[335] Ancient Charters and Laws of Mass., p. 746.

[336] Там же, p. 386.

[337] Мистер Палфри склонен подвешивать очень весомый вопрос на очень тонкую нить авторитета. Он говорит: "В списке мужчин, способных носить оружие, в Плимуте в 1643 году встречается имя "Абрахам Пирс, чернорукий", из чего мы делаем вывод... что негры не были освобождены от военной службы в этой колонии" (History of New England, vol. ii. p. 30, note). Этот единственный случай подтверждается законами и обычаями колонистов по этому вопросу. Негры как класс были абсолютно исключены из военной службы с момента основания колонии и вплоть до войны с Великобританией.

[338] Рабство в Массачусетсе, Приложение, стр. 243.

[339] Mass. Hist. Soc. Coll., vol. viii. 3d Series, p. 336.

[340] Отчет Лаймана, 1822 г.

[341] Mather's Magnalia, Book III., p. 207. Сравните также p. 209.

[342] Elliott's New-England Hist., vol. ii. p. 165.

[343] Мистер Палфри снова приходит со своим единственным и исключительным случаем и просит нас вывести из него правило. См. "История Новой Англии", примечание, с. 30.

[344] Главный судья Паркер в деле Андовер против Кантона, 13 Массачусетс, p. 550.

[345] Рабство в Массачусетсе, с. 62.

[346] Mott's Sketches, p. 17.

[347] В возрасте шестнадцати лет, в 1770 году, Филлис была крещена в обществе, которое служило в "Старом южном доме собраний". Пастором был одаренный, красноречивый и благородный доктор Сьюолл. Это было исключением из правила, согласно которому рабы не крестились в Церкви.

[348] Все авторы, которых я встречал на эту тему - а я думаю, что видел всех, - утверждают, что стихи мисс Уитли были впервые опубликованы в Лондоне. Это неправда. Первые стихи из-под ее пера были опубликованы в Бостоне в 1770 году. Но это было всего лишь издание памфлета, и оно уже давно исчезло.

[349] Все историки, кроме Спаркса, опускают имя Питерса. Это был Джон.

[350] Датой ее смерти обычно называют 1780 год, а возраст - двадцать шесть лет. Лучший авторитет приводит вышеуказанные даты, и я считаю их правильными.

[351] "Ее перепиской интересовались, и она общалась с выдающимися людьми даже в Англии, среди которых можно назвать графиню Хантингдонскую, Уайтфилда и графа Дартмута" - Sparks's *Washington*, vol. iii. p. 298, note.

[352] Sparks's *Washington*, vol iii. p. 299, note.

[353] Это разрушает последнюю надежду, которую я питал в течение почти шести лет, что поэма еще может появиться на свет. Каким-то образом я упустил это примечание из виду.

[354] Sparks's *Washington*, vol iii. p. 288.

[355] Там же, том iii, стр. 297, 298.

[356] Armistead's *A Tribute to the Negro*, pp. 460, 461.

[357] Douglass, vol. ii. p. 345, note.

[358] Hildreth, vol. ii. p. 426.

[359] Пирс *против* Лайсла, Амблер, 76.

[360] Для некоторых друзей и почитателей одаренного Джона Адамса может показаться странным услышать сейчас, по прошествии многих лет, что он говорил о позиции, которую занимал Отис. Его мягкие взгляды на рабство заслуживают такого же пристального внимания, как и взгляды старшего Куинси. Мистер Адамс говорит: "Не были забыты и бедные негры. Ни один квакер в Филадельфии, ни один мистер Джефферсон из Вирджинии никогда не отстаивал права негров в более резких выражениях. Как ни молод я был и как ни невежественен, я содрогнулся от доктрины, которую он преподавал; и я всю жизнь содрогался и до сих пор содрогаюсь от последствий, которые могут быть выведены из таких предпосылок. Скажем ли мы, что права хозяев и слуг сталкиваются и могут быть решены только силой? Я обожаю идею постепенной отмены! Но кто будет решать, как быстро или как медленно эти отмены должны происходить?"

[361] Hildreth, vol. ii. pp. 564, 565.

[362] Коффин пишет: "В октябре 1773 года против Ричарда Гринлифа из Ньюберипорта был подан иск цветным человеком Сезаром [Хендриком], которого он считал своим рабом, за то, что тот держал его в рабстве. Он назначил сумму ущерба в пятьдесят фунтов. Советником истца, в пользу которого присяжные вынесли свой вердикт и присудили ему восемнадцать фунтов ущерба и издержки, был Джон Лоуэлл, эсквайр, впоследствии судья Лоуэлл. Это дело вызвало большой интерес, поскольку было первым, если не единственным подобным случаем в графстве".

[363] Hildreth, vol. ii, pp. 550, 551.

[364] Drake, p. 729, примечание.

[365] Я использую английское написание - Соммерсетт.

[366] Hildreth, vol. ii. p. 567.

[367] Bancroft, 12th ed. vol. iii. p. 412.

[368] Ancient Charters and Laws of Mass., pp. 745, 746.

[369] Следующая цитата взята из книги Фелта "Салем", т. ii. стр. 415, 416, и иллюстрирует, как соблюдался закон: "1713. Энн, реликвия губернатора Брэдстрита, освобождает Ханну, негритянку-служанку". 1717, 21 декабря. Уильям и Сэмюэл Аптон из этого города освобождают Томаса, который верно служил их отцу, Джону Аптону из Рединга. Они дают гарантию казначею, что оплатят все расходы, которые могут возникнуть против упомянутого негра. 1721, 27 мая. Элизар Кейзер делает то же самое для своего слуги Катона, спустя еще четыре года, и тогда последний должен был получить два костюма одежды..... 1758, 5 июня. Наследники Джона Тернера, освободив двух слуг, Титуса и Ребекку, дают залог избирателям, что они не будут общественным доходом".

[370] John Adams's Works, vol. i. p. 51.

[371] Adams's Works, vol. i. p. 55.

[372] Drake, p. 525.

[373] Покойный сенатор Самнер в своей речи, произнесенной 28 июня 1854 года, называет это "самым ранним свидетельством официального органа против рабства негров". Даже весомость утверждения сенатора не может противостоять фактам истории. Резолюция", инструктирующая "представителей", так и не была принята; напротив, следующим законом стал закон 1703 года об ограничении манумиссии!

[374] Journal H. of R., 15, 16. Записи Генерального суда, х. 282.

[375] Рабство в Массачусетсе, стр. 106.

[376] В течение нескольких лет считалось, что этот документ утерян, пока доктор Джордж Х. Мур не получил копию от Джорджа Бринли, эсквайра, из Хартфорда, штат Коннектикут, и не воспроизвел ее в своих "Заметках".

[377] История Нантакета, стр. 281.

[378] Coffin, p. 338; также History of Nantucket, pp. 279, 280.

[379] Coffin, p. 338.

ГЛАВА XV.

КОЛОНИЯ МАССАЧУСЕТС - ПРОДОЛЖЕНИЕ.

1633-1775.

Эпоха запретительного законодательства против рабства.- Бостон поручает своим представителям голосовать против работорговли.- Прокламация, изданная губернатором Даммером против негров, 13 апреля 1723 года.- Преследование негров.- "Иск за свободу."- Письмо Сэмюэля Адамса Джону Пикерингу, младшему., от имени негритянских мемориальцев.- Билль о пресечении работорговли принят.- На него наложено вето Говом Гейджем, и он не стал законом.

[Вернуться к оглавлению](#)

Пришло время призвать к принятию закона по вопросу о рабстве. Культивируемое вначале как частное предприятие, затем поддерживаемое как патриархальный институт, рабство выросло до таких гигантских размеров, что стало рассматриваться как непомерное зло и подрыв политической стабильности колонии. Люди подмигивали "дню его малых дел", а оно все росло. Для его регулирования не требовалось особого законодательства, и он начал укореняться в социальной и политической жизни народа. Необходимость в законодательстве в пользу рабства возрастала. С каждым годом принимались законы все более суровые, пока они не появились в виде шрамов на теле законов колонии. Стереть эти шрамы было долгом времени.

Наступил 1755 год. Более полувека агитации и дискуссий подготовили народ к решительным действиям. Манумиссия и петиции стали первыми методами борьбы с рабством. 10 марта 1755 года город Салем поручил своему представителю, Тимоти Пикерингу, подать петицию в Генеральный суд против импорта рабов.[380] Город Вустер в июне 1765 года поручил своему представителю "использовать свое влияние, чтобы добиться принятия закона, который положит конец этой нехристианской и невежливой практике создания рабов из людей, и чтобы он отдал свой голос за то, чтобы никто не мог служить в Совете Его Величества, кто будет использовать свое влияние против такого закона".[381] Жители Бостона в мае 1766 года дали своим представителям следующие указания

"И для полного уничтожения рабства среди нас, чтобы вы выдвинули закон, запрещающий ввоз и покупку рабов на будущее время".[382]

И в следующем, 1767 году, 16 марта был поставлен вопрос о том, следует ли городу придерживаться своих прежних указаний в пользу пресечения работорговли, и решение было утвердительным. Почти все города, особенно прибрежные, доступные через почту и газеты, в той или иной форме проголосовали против рабства. Давление на законодательство по этому вопросу было огромным. Сельские члены Законодательного собрания почти единодушно выступали за принятие законопроекта, запрещающего дальнейший импорт рабов. Оппозиция исходила из крупных городов, но противники были потрясены решительной позицией врагов работорговли. Ученость, богатство и благочестие колонии неуклонно склонялись на сторону человечества.

13 марта 1767 года в Палату представителей был внесен законопроект "о предотвращении необоснованной и незаконной практики или обычая рабства людей в этой провинции, а также ввоза рабов в нее".[383] Он был прочитан в первый раз, когда было предложено предложение о том, чтобы законопроект был отложен до следующей сессии, которое было принято отрицательно. К законопроекту была предложена поправка, ограничивающая его "определенным временем", которая была принята; и законопроект был специально назначен для второго чтения на следующий день. Соответственно, он был прочитан 14-го числа, когда было внесено предложение отложить его третье чтение до следующей "майской сессии". Друзья законопроекта проголосовали против этого затянувшегося предложения, и законопроект был принят в особом порядке в следующий понедельник - сейчас была суббота. В воскресенье, должно быть, было проведено значительное лоббирование, о чем свидетельствует голосование, состоявшееся в понедельник. После его прочтения и завершения дебатов было *принято решение*: "*Приказано утихнуть*, а капитану Шиффе, полковнику Ричмонду и полковнику Борну создать комитет для внесения законопроекта о введении пошлины на рабов, ввозимых в эту провинцию".[384] Это был компромисс, который, как мы увидим впоследствии, уменьшил шансы на принятие позитивного и полезного законодательства против рабства. Первоначальный законопроект наносил двойной удар: он наносил удар по работорговле в провинции и нивелировал уже

существующий институт. Но в действие были приведены некоторые тайные влияния, которые навсегда скрыты от зоркого глаза истории; и друзья свободы были запуганы или обмануты. Не было необходимости в законопроекте о введении налога на ввоз рабов, поскольку такой закон существовал уже более полувека. Если бы налог был недостаточно тяжелым, его можно было бы увеличить поправкой в дюжину строк. 17-го числа специальный комитет, назначенный спикером накануне, внес замену. Правила, требующие чтения законопроектов в течение трех дней, были приостановлены, законопроект был вынесен на первое и второе чтение, а затем был сделан специальный заказ на одиннадцать часов следующего дня, среды, 18-го. Предложение о том, чтобы законопроект лежал на столе до "следующего мая", было отклонено. Затем была предложена поправка, ограничивающая срок действия законопроекта одним годом, которая была принята, и законопроект был возвращен к рассмотрению. Во второй половине того же дня он был прочитан в третий раз и поставлен на прохождение с поправкой. Он был принят, его приказали отксерить, и он был "направлен полковником Бауэрсом, полковником Герришем, полковником Леонардом, капитаном Тайером и полковником Ричмондом". 19 марта он был прочитан в первый раз в совете. 20-го числа он был прочитан во второй раз и передан на рассмотрение "в качестве нового проекта". Когда он поступил в палату для согласования, во второй половине того же дня, он был "прочитан и единогласно не принят, и палата, придерживаясь своего собственного голосования, отправила его на согласование".[385]

Массачусетс долго и много прославлял этот закон, запрещающий "обычай порабощения человечества"; но его ораторы с серебряным языком и глубокие государственные деятели никогда не набирались смелости, чтобы сказать чистую правду о его полном провале. С самого начала его преследовали вялые ходатайства и поправки, направленные против его жизни; а замена, налагающая налог на ввозимых рабов сроком на один год, ясно показала, что друзья первоначального законопроекта были вытеснены со своих высоких позиций. Это было все равно что просить о присвоении звания генерал-майора, а затем согласиться на место капрала. Как если бы они попросили рыбу, а получили вместо нее змею. Это серьезно портило дело эмансипации. Рабы впадали в уныние, а их друзья - в страх. С другой стороны, те, кто извлекал выгоду из бартера плотью и кровью, втайне посмеивались над неудачной попыткой друзей, выступавших против рабства, остановить эту торговлю. Они набрались смелости. В течение десяти томительных лет голоса, раздававшиеся в защиту свободы раба, были немногочисленными, слабыми и далекими друг от друга. Сам билль был утерян. О том, каков был его предмет, остается только строить неопределенные и неудовлетворительные догадки. Все, что нам известно, - это только что процитированное название. Но, тем не менее, это была единственная прямая мера, предложенная провинциальным законодательным органом против рабства за весь колониальный период, и она была ближе всех к принятию. Но "промах не хуже мили!".

На дворе стояла весна 1771 года. Прошло десять лет, и ни у кого во всей провинции Массачусетс не хватило смелости попытаться принять законодательство, дружественное рабам. Сцены предыдущего года были свежи в памяти жителей Бостона. Кровь мучеников за свободу лилась из-под земли. "Красные мундиры" англичан приводили народ в ярость. Прибитая почтой рука, безжалостный стальной палец английской военной мощи был у горла прав народа. Колония задыхалась в поисках независимой политической жизни. Страшная борьба за свободу была неизбежна. Колонистам предстояло бороться за все, что дорого людям, - за жен, детей, дома и страну. Но в то время как они рвались к беспрепятственному существованию, чтобы основать свободную нацию на берегах Северной Америки, они каждый год лишали Африку ее соболиных детей и обрекали их на рабство более жестокое,

чем политическое порабощение. Это вопиющее несоответствие придало размышляющим людям новый импульс к принятию законов против рабства.

Весной 1771 года вопрос о пресечении работорговли был вновь внесен в законодательное собрание. 12 апреля был внесен билль "*О предотвращении ввоза рабов из Африки*", который был прочитан в первый раз и, по вопросу "Когда билль будет прочитан снова?", был назначен ко второму чтению на следующий день в десять часов. Соответственно, 13-го числа законопроект был прочитан во второй раз и отложен до утра следующего вторника. 16-го числа он был вновь принят к рассмотрению. 19-го числа того же месяца "Билль о предотвращении ввоза негров-рабов в эту провинцию" был прочитан в первый раз и предписан ко второму чтению "завтра в одиннадцать часов". На следующий день он был прочитан во второй раз и был специально назначен на три часа следующего понедельника. В понедельник, 22-го числа, он был прочитан в третий раз, поставлен на прохождение и ангрессирован. 24-го числа он прошел Палату представителей. Когда он поступил в Совет, Джеймс Отис предложил поправку, и возоблагодало предложение, чтобы билль лежал на столе. Но он был взят со стола, и поправка Отиса была принята Палатой. Во второй половине апреля законопроект прошел Совет, но не получил подписи губернатора на том основании, что он "не был уполномочен парламентом".^[386] Та же причина отказа в подписи была выдвинута генералом Гейджем. Таким образом, законопроект провалился. Губернатор Хатчинсон изложил свои причины лорду Хиллсборо, государственному секретарю колоний. Губернатор считал себя ограниченным "инструкциями" для колониальных губернаторов "от одобрения любых законов нового и необычного характера". В дополнение к вышесказанному, его превосходительство сомневался в законности законодательства, к которому приведут "сомнения в умах людей во многих частях провинции"; и он предложил переслать законопроект в Англию, чтобы узнать там "благоволение Его Величества". Доктор Мур комментирует эти доводы следующим образом: "Это интересные и важные предложения.

"Это интересные и важные предложения. Очевидно, что в это время не существовало никаких специальных инструкций для королевского губернатора Массачусетса, запрещающих ему одобрять акты против работорговли. Хатчинсон, очевидно, сомневался в подлинности "главного мотива", который, как утверждалось, вдохновлял законопроект, - "чисто моральных" соображений против рабства; но его рассуждения служат яркой иллюстрацией изменений, происходивших в общественном мнении, и постепенного смягчения более жестких черт рабства под их влиянием. Соглашение о неимпорте во всех колониях, с помощью которого Америка пыталась помешать торговому эгоизму своей хищной матери, сделало провинциальных наместников особенно чувствительными к малейшему проявлению склонности приблизиться к священным прерогативам, которыми король и парламент предполагали связать свои далекие владения: И "дух отказа от импорта", которому Массачусетс несовершенно научился у Нью-Йорка, был одинаково оскорбителен для них, независимо от того, мешал ли он их заветной "торговле с Африкой" или их любимым монополиям в других местах."

Обескураженные тем, что Палата представителей и Генеральный суд не приняли мер, враждебных работорговле, жители периферийных городов начали в недвусмысленных выражениях наставлять своих представителей, призывая принять репрессивное законодательство по этому вопросу. На городском собрании в Салеме 18 мая 1773 года^[387] представителям было поручено предотвратить с помощью соответствующего законодательства дальнейший ввоз рабов в колонию, как "противный естественным правам

человечества и крайне вредный для провинции". На следующий день, 19 мая 1773 года, на аналогичном собрании в городе Лестер народ, помимо прочих указаний, дал Томасу Денни, своему представителю, следующие указания по вопросу о рабстве

"И поскольку мы высоко ценим (настолько, что даже почитаем имя свободы), мы не можем не смотреть с величайшим отвращением на любого из наших собратьев, находящихся в состоянии рабства.

"Поэтому мы строго предписываем вам использовать все ваше влияние, чтобы остановить работорговлю среди жителей этой провинции; что, как мы полагаем, может быть осуществлено одним из двух способов: либо обложить тяжелой пошлиной каждого негра, ввезенного или привезенного из Африки или из других мест в эту провинцию; либо принять закон, согласно которому каждый негр, привезенный или ввезенный, как указано выше, должен стать свободным мужчиной или женщиной, как только он попадет под юрисдикцию этой провинции; и что каждый негритянский ребенок, который родится в указанном правительстве после принятия такого закона, должен стать свободным в том же возрасте, что и дети белых людей; и со времени их рождения до тех пор, пока они не будут способны зарабатывать себе на жизнь, содержаться городом, в котором они родились, или за счет провинции, как покажется наиболее разумным.

"Таким образом, приняв подобный закон, чернокожие со временем станут свободными; или, если достопочтенная Палата представителей придумает более приемлемый способ, мы будем от души рады этому. Но можете ли вы справедливо отнять или освободить негра у его хозяина, который честно купил его и (хотя и незаконно, ибо таковой является покупка любого человека против его согласия, если только она не совершена за смертное преступление), на что его оправдал обычай этой страны, мы не будем определять; но надеемся, что непреложная Мудрость направит вас в этом и всех других ваших важных начинаниях". [388]

Медфорд поручил представителю "использовать все свое влияние, чтобы окончательно покончить с этой самой жестокой, бесчеловечной и нехристианской практикой - работорговлей". На городском собрании жители Сэндвича 18 мая 1773 года проголосовали за то, чтобы "нашему представителю было поручено приложить усилия к принятию судом закона, препятствующего ввозу *рабов* в эту страну, и чтобы все дети, которые родятся от таких африканцев, которые сейчас являются нашими рабами, после принятия такого закона становились свободными в возрасте 21 года". [389]

На этом список городов, давших инструкции своим представителям, насколько можно судить по записям, заканчивается. Но, несомненно, были и другие, поскольку города располагались близко друг к другу, а "дух свободы витал в стране".

Негры не безропотно переносили иго. Долго и терпеливо ожидая рассвета свободы в колонии, ими овладел дух беспокойства. Они стали угрюмыми и отчаявшимися. Местное правительство, как больной, вздрагивало от каждого воображаемого звука и обвиняло негров во всех беспорядках. Если случался пожар, то "это делали негры" - ведь негры, которые не составляли и шестой части населения, постоянно совершали преступления против белых! 13 апреля 1723 года лейтенант-губернатор Даммер издал прокламацию против негров, которая содержала следующую преамбулу

"В то время как в течение короткого времени в городе Бостоне возникло множество пожаров, в результате которых сгорело множество зданий: эти пожары были намеренно и усердно разожжены некоторыми злодейскими и отчаянными неграми или другими беспутными людьми, как явствует из признаний некоторых из них (которые были осмотрены властями) и многих сопутствующих обстоятельств; и есть серьезное подозрение, что они вступили в комбинацию, чтобы сжечь и разрушить город, поэтому я счел нужным, по совету Совета Его Величества, издать эту прокламацию" и т. д.

В воскресенье, 18 апреля 1723 года, преподобный Джозеф Сьюолл произнес проповедь, вызванную "недавними пожарами в Бостоне, которые, как предполагается, были специально устроены неграми". Город был сильно взволнован. Все относились к неграм с недоверием. Требовались особые меры для обеспечения безопасности города. Избиратели Бостона приняли "девятнадцать статей" для регулирования деятельности негров. Бдительность горожан была усилена, а военные вызывались при каждом сигнале пожарной тревоги, "чтобы не дать рабам вырваться на свободу"! В августе 1730 года негр был обвинен в поджоге дома в Малдене, что повергло всю общину в панику. В 1755 году два раба-негра были преданы смерти за то, что отравили своего хозяина, Джона Кодмана из Чарльзтауна. Один из них был повешен, а другой сожжен до смерти. В 1766 году все рабы, проявившие хоть какую-то склонность к свободе, были "перевезены и обменены на маленьких негров".^[390] В 1768 году капитан Джон Уиллсон из Пятьдесят девятого полка был обвинен в том, что подстрекал рабов против их хозяев, уверяя их, что солдаты пришли, чтобы добиться их свободы, и что "с их помощью они смогут загнать "Парней Свободы" к дьяволу". Следующее письмо миссис Джон Адамс своему мужу, датированное 22 сентября 1774 года в бостонском гарнизоне, дает четкое представление о состоянии общественного пульса и ее ярко выраженных взглядах против рабства.

"В городе возник заговор негров. В настоящее время он держится в тайне, и его раскрыл тот, кто пытался отговорить их от этого. Под угрозой жизни он обратился за защитой к судье Куинси. Действуя таким образом, они заставили одного ирландца составить петицию губернатору [Гейджу], в которой говорилось, что они будут сражаться за него, если он вооружит их и обязуется освободить их в случае завоевания. Говорят, что он так много занимался этим, что советовался по этому поводу с Перси, а один лейтенант Смолл был очень занят и активен. Сказано мало, и какие шаги они предпримут в связи с этим, я не знаю. Я от всей души желаю, чтобы в провинции не было ни одного раба; мне всегда казалось незаконной затеей бороться с собой за то, что мы ежедневно грабим и отнимаем у тех, кто имеет такое же право на свободу, как и мы. Вы знаете, что я думаю по этому поводу".^[391]

Негры Массачусетса не просто пассивно наблюдали за благожелательным поведением своих белых друзей. Они были активно заинтересованы в агитации, которая велась в их пользу. Здесь, как ни в одной другой колонии, негры показали себя равными в возникающих чрезвычайных ситуациях и способными оценить возможности для борьбы за свои права. Негры в колонии наконец-то нанесли удар по своей свободе. И это был не дикий, беспорядочный удар Тернера, не военные меры Габриэля; не безжалостная логика дубины и факела, а трезвые, разумные усилия *мужчин* и *женщин*, которые считали свое состояние ненормальным, а рабство - вредным для наибольшего развития человеческого интеллекта. Красноречие Отиса, бесстрастные призывы Сьюолла и рвение Элиота сплотили томящуюся энергию негров и зарядили их сердца божественной страстью к свободе. Они научились выговаривать буквы слова "свобода", и смысл этого слова полностью захватил их слабеющие

души. Они слышали, что королевская хартия объявила всех колонистов британскими подданными; они проглотили аргументы своих белых друзей и теперь были готовы действовать от своего имени. Рабы Греции и Рима, правда, просили власти о смягчении суровых законов, подавлявших их мужское достоинство; но это были пленники из других стран, отмеченные умением управлять государством и знанием военного дела. Но неграм из Массачусетса оставалось только пробивать себе дорогу в графства, созданные только для белых людей, и побеждать!

В среду, 5 ноября 1766 года, Джон Адамс делает следующую запись в своем дневнике: "5.

"5. Среда. Присутствовал в суде; слушал процесс по иску о нарушении границы, поданному женщиной-мулаткой, о возмещении ущерба за ограничение ее свободы. Это называется иском о свободе; первый иск такого рода, который я когда-либо знал, хотя, как я слышал, их было много".[392]

Итак, уже в 1766 году мистер Адамс регистрирует случай "иска о свободе"; и хотя это был первый известный ему случай, тем не менее, он "слышал, что их было много". Сколько таких случаев было в Массачусетсе, нельзя сказать с уверенностью, но их было "много". Дело, на которое ссылается мистер Адамс, несомненно, было делом Дженни Слью *против* Джона Уиппла, младшего, приведенное доктором Муром. Это самое раннее дело, упомянутое в записях колонии, и оно представляет большой интерес.

"Дженни Слью из Ипсвича в графстве Эссекс, дева, плутовка, против Джона Уиппла, младшего, джентльмена из упомянутого Ипсвича, дефтера, по иску о посягательстве, что упомянутый Джон в 29-й день января 1762 года в вышеупомянутом Ипсвиче силой и оружием захватил упомянутую Дженни, держал и удерживал ее в рабстве как рабыню на своей службе и ограничивал ее свободу с того времени до пятого марта прошлого года без какого-либо законного права и полномочий на это и нанес ей другие повреждения против мира и в ущерб упомянутой Дженни Слей, как она говорит, на сумму в двадцать пять фунтов. Этот иск был впервые подан в прошлом мартовском суде в Ипсвиче, когда и где стороны явились, и дело было продолжено по приказу суда до следующего срока, когда и где явился Плтф, и упомянутый Джон Уиппл Джун, прибыл Эдмундом Тробрайджем, эск. он заявил, что в природе не существует такого человека, как Дженни Слев из Ипсвича, вышеупомянутая, дева, и это упомянутый Джон готов подтвердить, поэтому судебное предписание должно быть отменено, и он просил вынести соответствующее решение, которое было отклонено судом, и после этого упомянутый Джон посредством упомянутого Эдмунда подал ходатайство в суд и просил, чтобы другой человек одобрил предписание и был подвергнут издержкам, если таковые в конечном итоге будут для суда, но суд отклонил ходатайство, и тогда Дефт. сохранив свое заявление об отказе от иска, сказал, что он не виновен, как утверждает истец, и тем самым поставил себя на Страну, а затем дело было продолжено до этого срока, и теперь Плтф. оставляя за собой право присоединиться к вопросу о вышеуказанном заявлении ответчика в апелляции, говорит, что вышеуказанное заявление ответчика является недостаточным ответом на вышеуказанное заявление истца, и по закону она не обязана отвечать на него. Она готова подтвердить, поэтому за неимением достаточного ответа на вышеуказанную декларацию Истца она просит вынести решение о возмещении ее ущерба и расходов, и Ответчик, соглашаясь на отказ от возражений на апелляцию, говорит, что его вышеуказанное заявление является хорошим, и поскольку Истец отказывается отвечать на него, он просит вынести решение о возмещении его

расходов. Суд считает, что вышеупомянутое главное заявление ответчика является хорошим, и что упомянутый Джон Уиппл взыскивает с упомянутой Дженни Слей расходы по налогам в суд, который подал апелляцию в следующий Высший судебный суд, который состоится в этом округе, и вступил под залог с поручителями, как предписывает закон, чтобы преследовать ее апелляцию до конца." *Записи низшего суда К.К.П., том - (сентябрь 1760 - июль 1766), страница 502.*

"Дженни Слью из Ипсвича, графство Эссекс, дева, апеллант, против Джона Уиппла-младшего из упомянутого Ипсвича, джентльмена, апелланта по решению суда общей юрисдикции, состоявшегося в Ньюберипорте в графстве Эссекс в последний вторник сентября 1765 года, когда и где апеллантом был истец..., а апеллант был ответчиком по иску о нарушении авторских прав, поскольку указанный Джон в 29-й день января, н.э. 1762 года, в Ипсвиче вышеупомянутом с силой и оружием взял ее, упомянутую Дженни, держал и удерживал ее в рабстве как рабыню на своей службе и ограничивал ее свободу с того времени до пятого марта 1765 года без какого-либо законного права или власти так поступать и совершил другие преступления против мира и в ущерб упомянутой Дженни Слью, как она утверждает, на сумму двадцать пять фунтов стерлингов, и на этом заседании суда низшей инстанции было вынесено решение по демарреру, согласно которому упомянутый Джон Уиппл взыскал с упомянутой Дженни Слью издержки. Эта апелляция была подана в Высший судебный суд и т.д., состоявшийся в Салеме, в пределах и для округа Эссекс в первый вторник прошлого ноября, откуда она была продолжена до последнего срока этого суда для этого округа по согласию и так с тех пор до этого суда, и теперь обе стороны явились, и демарр вышеупомянутый будучи отменен по согласию и вопрос присоединился на признании вины, предложенной в указанном нижестоящем суде и на файле. Дело после полного слушания было передано присяжным, приведенным к присяге в соответствии с законом, которые вынесли свой вердикт под присягой, то есть они признали за апеллантом возврат прежнего решения четыре фунта денежного ущерба и издержки. Поэтому суд считает, что прежнее решение должно быть отменено и что упомянутый Слей взыщет с упомянутого Уиппла сумму в четыре фунта законных денег этой провинции, ущерб и расходы, облагаемые налогом в 9л. 9s. 6d.

"Экзон. выдан 4 декабря 1766 г.". *Records of the Superior Court of Judicature (vol. 1766-7), page 175.*

Следующим из "дел о свободе" в хронологическом порядке было дело Ньюпорта *против* Биллинга, и, несомненно, именно в нем Джон Адамс участвовал во второй половине сентября 1768 года.^[393] Дело было начато в суде низшей инстанции, где решение было вынесено против раба Амоса Ньюпорта. Истец подал апелляцию в высший суд колонии, и тот вынес торжественное заключение, "что упомянутый Амос [Ньюпорт] не был свободным человеком, как он утверждал, а являлся надлежащим рабом упомянутого Джозефа [Биллинга]".^[394] Не следует упускать из виду, что не только Основные законы 1641 года, но и высший суд Массачусетса в 1768 году постановил, что в человеке есть собственность!

Дело Джеймса *против* Лечмера - это дело, "которое более полувека было главным поединком поборников исторической славы Массачусетса".^[395] Ричард Лечмир жил в Кембридже и держал в пожизненном рабстве негра по имени "Джеймс". 2 мая 1769 года этот раб подал иск в суд общей юрисдикции (Inferior Court of Common Pleas). Иск был подан "за нападение и нанесение побоев, а также за заключение и содержание истца в рабстве с 11 апреля 1758 года по день предъявления судебного приказа". Решение суда низшей

инстанции было неблагоприятным для раба; но 31 октября 1769 года Высший суд Саффолка разрешил дело компромиссом. Длинная череда достойных людей в Массачусетсе с гордостью указывала на это решение как на законное уничтожение рабства в этом штате. Но *"из записей и документов суда следует, что дело было передано в суд низшей инстанции по фиктивной демаррере и после одного или двух продолжений было улажено сторонами"*.^[396] Правда истории требует, чтобы факты стали известны миру. Жителям Массачусетса будет неприятно, если это заблуждение будет вырвано из их ласковых объятий. Это была всего лишь историческая химера, которая не должна была прожить ни одного дня; и, как ни странно, она существует до сих пор среди многих разумных людей. На протяжении последних ста лет это дело приводилось в пример как решившее вопрос о подневольном труде в Массачусетсе, хотя на самом деле никакого решения по этому делу не было! А утверждение, что раб Ричарда Лечмира Джеймс был признан свободным "на тех же основаниях, что и те, на которых лорд Мэнсфилд освободил Соммерсета", абсурдно и необоснованно.^[397] Ведь 27 апреля 1785 года (через тринадцать лет после знаменитого решения) сам лорд Мэнсфилд заявил, ссылаясь на дело Соммерсета, "что его решение не идет дальше того, что хозяин не может силой заставить раба выехать за пределы королевства". После решения лорда Мэнсфилда африканцам предстояло еще тридцать пять лет страданий и деградации. Решение его светлости было обнародовано 22 июня 1772 года, а в 1807 году, через тридцать пять лет после этого, британское правительство отменило работорговлю. А затем, после еще двадцати семи лет раздумий, рабство было отменено в английских владениях. *Итак, через шестьдесят два года после решения лорда Мэнсфилда Англия эмансипировала своих рабов!* Потребовалось всего два поколения людей, чтобы избавиться от рабства под британским флагом. Как же верно, что "факты страннее вымысла"!

В 1770 году Джон Суэйн из Нантакета подал иск против Элиши Фолджера, капитана судна "Дружба", за то, что тот позволил мистеру Роту принять на борт своего корабля негритянского мальчика по имени Бостон, и за возвращение раба. Дело рассматривалось судом присяжных в суде общей юрисдикции. Присяжные вынесли вердикт в пользу раба, и он был "освобожден магистратом". Джон Суэйн подал апелляцию на решение суда Нантакета в Верховный суд Бостона, но так и не подал ее.^[398] В 1770 году в Ганновере, округ Плимут, негр попросил своего хозяина предоставить ему свободу как *его право*. Хозяин отказался, и негр с помощью адвоката добился своей свободы.^[399]

"В октябре 1773 года против Ричарда Гринлифа из Ньюберипорта был подан иск цветным человеком Сезаром [Хендриком], которого он считал своим рабом, за то, что тот держал его в рабстве. Он назначил сумму ущерба в пятьдесят фунтов. Адвокатом истца, в пользу которого присяжные вынесли свой вердикт и присудили ему восемнадцать фунтов ущерба и издержки, был Джон Лоуэлл, эсквайр, впоследствии судья Лоуэлл. Это дело вызвало большой интерес, так как оно было первым, если не единственным подобным случаем, когда-либо происходившим в округе".^[400]

Это дело полностью описано г-ном Дейном в его "Сокращении и сборнике американского права", т. ii. с. 426.

В суде общей юрисдикции графства Эссекс в июле 1774 года раб-негр Калеба Доджа из Беверли подал иск против своего хозяина за ограничение его свободы. Присяжные вынесли вердикт в пользу негра на том основании, что "в провинции не существует закона, по которому человек мог бы служить пожизненно".^[401] Это единственное решение, которое мы смогли найти, основанное на подобной причине. Присяжные могли прийти к такому выводу, зная положения устава колонии; или они могли вынести вердикт в соответствии с

обвинением суда. От суда не могла ускользнуть следующая важная формулировка в уставе колонии.

"Что все и каждый из подданных нас, наших наследников и преемников, которые отправляются в нашу упомянутую провинцию и территорию и живут там, и все их дети, которые случайно родятся там или на море, отправляясь туда или возвращаясь оттуда, должны иметь и пользоваться всеми свободами и иммунитетами свободных и естественных подданных во владениях нас, наших наследников и преемников, во всех намерениях, конструкциях и целях, как если бы они и каждый из них родились в нашем королевстве Англии."

Преподобный доктор Белкнап, говоря об этих делах, которые Джон Адамс называет "искami о свободе", дает представление о линии аргументации, используемой неграми:...

"Со стороны негров утверждалось, что королевская хартия прямо объявляла всех людей, родившихся или проживающих в провинции, такими же свободными, как подданные короля в Великобритании; что по законам Англии никто не может быть лишен свободы иначе, как по приговору пэров; Что законы провинции, касающиеся существующего зла и пытающиеся смягчить или регулировать его, не разрешают его; и в некоторых случаях утверждалось, что, хотя рабство родителей и признается, но никакая немощь такого рода не может передаваться детям."[\[402\]](#)

Аргумент, которого придерживались хозяева, был следующим.

"Хозяева утверждали, что негры были куплены на открытом рынке, и купчие были представлены в качестве доказательства; что законы провинции признают рабство как существующее в ней, объявляя, что никто не может манумитировать своего раба без предоставления залога на его содержание".[\[403\]](#)

Хорошо, чтобы потомки знали о мотивах, побудивших судей и присяжных удовлетворить мольбу негров о свободе.

"В 1773 году и т. д, некоторые рабы получили взыскание со своих хозяев; но эти случаи не являются доказательством того, что в провинции не могло быть рабов, поскольку иногда хозяева позволяли своим рабам получить взыскание, чтобы избавиться от необходимости содержать их в качестве *пауперов*, когда они становились старыми и немощными; В то время, как обычно понимали, решение по этому вопросу о рабстве выносилось против хозяина; поэтому хозяева часто очень слабо защищались, особенно когда иск подавали старые или немощные рабы, поскольку хозяева не могли даже манумитировать своих рабов, не возмещая городам убытки от их содержания в качестве городских пауперов."

А главный судья Парсонс в деле Уинчендон *против* Хэтфилда, по ошибке, говорит

"Несколько негров, родившихся в этой стране от импортированных рабов, потребовали от своих хозяев свободы по судебному иску и получили ее по решению суда. Защита хозяина была слабой, поскольку таковы были нравы того времени, что беспокойный недовольный раб мало чего стоил; и когда его свобода была получена в ходе судебного разбирательства, хозяин не был обязан содержать его в будущем, если он станет бедным".

Так рабы Массачусетса, набив рот аргументами, предстали перед судом. Большинству из них, пожилым и немощным, было позволено добиться своего, чтобы избавить хозяев от

необходимости поддерживать их старость. Более умным и, следовательно, более решительным из них позволяли получить свободу из благоразумных соображений, которые их хозяева скорее остро чувствовали, чем откровенно выражали. В некоторых случаях, однако, благородные, высокодуховные христиане, заседавшие на скамье подсудимых и в суде присяжных, приходили к своим выводам, руководствуясь широкими представлениями о справедливости и гуманности. Но дух эпохи был холодным и материалистичным. За редким исключением, самые эгоистичные и стесненные мотивы сговорились сбросить цепи с рабов в колонии.

Рабы не замедлили заметить, что колонисты были настроены на то, чтобы их убедили в вопросе об освобождении. Их чувства накалились в преддверии революционной борьбы, и рабы решили, что настало время высечь несколько искр сочувствия.

25 июня 1773 года в Палату представителей была подана петиция, которая была зачитана во время дневного заседания. Это была петиция "Феликса Холбрука и других негров, молящих освободить их из кабального состояния и сделать свободными людьми этого сообщества, и чтобы этот суд предоставил им часть необработанных земель, принадлежащих провинции, для поселения, или освободил их другим способом, который покажется хорошим и мудрым в целом". После его прочтения было принято предложение передать его на рассмотрение избранного комитета с правом представления доклада в любое время. Поэтому было "приказано, чтобы мистер Хэнкок, мистер Гринлиф, мистер Адамс, капитан Дикс, мистер Пейн, капитан Хит и мистер Пикеринг рассмотрели эту петицию и сообщили, что может быть надлежащим образом сделано".^[404] Это был очень сильный комитет. Здесь были патриот Хэнкок, ученый Гринлиф, философ Пикеринг и красноречивый Сэмюэл Адамс. Естественно, что негры-просители должны были чего-то ожидать. Через три дня после назначения комитета, 28 июня, они рекомендовали "перенести дальнейшее рассмотрение петиции на следующую сессию". Отчет был принят, а петиция отложена до "*следующей сессии*".^[405]

Но рабы не падали духом. Они нашли поддержку среди нескольких благородных духов и были готовы призвать законодательный орган к рассмотрению их петиции на следующей сессии, зимой 1774 года. О том, что они были встревожены и настроены серьезно, свидетельствует следующее письмо.

"СЭМЮЭЛ АДАМС - ДЖОНУ ПИКЕРИНГУ-МЛАДШЕМУ.

"Бостон, 8 января 1774 года. 8, 1774.

"Сэр.

Поскольку Генеральная Ассамблея, несомненно, соберется 26-го числа этого месяца, негры, чья петиция находится в деле и передана на рассмотрение, очень хотят, чтобы она была рассмотрена, и, будучи проинформированы, что вы намерены рассмотреть ее на досуге в часы перерыва в работе суда, они искренне желают, чтобы вы завершили разработку плана для их помощи. А пока, если это не доставит слишком много хлопот, они просят Вас оказать им любезность, чтобы Вы письмом позволили мне сообщить им общие черты Вашего замысла. С искренним уважением" и т. д.^[406]

Весьма примечательно, что во второй половине первого дня сессии - 26 января 1774 года - "Петиция нескольких негров, которая была внесена в журнал от 25 июня прошлого года и передана на рассмотрение этой сессии", была "прочитана вновь, вместе с мемориалом тех же просителей, и *было приказано*, чтобы мистер Спикер, мистер Пикеринг, мистер Хэнкок, мистер Адамс, мистер Филлипс, мистер Пейн и мистер Гринлиф рассмотрели ее и

доложили".^[407] Общественное мнение по этому вопросу было возбуждено. Он считался столь же важным, если не более важным, чем любая мера, рассматриваемая Законодательным собранием.

Комитет отсутствовал до марта, обдумывая, как лучше поступить с петицией. 2 марта 1774 года они представили Палате "Билль о предотвращении ввоза негров и других рабов в эту провинцию", когда он был прочитан в первый раз. 3 марта он был прочитан во второй раз на утреннем заседании; на дневном заседании он был прочитан в третий раз и принят к исполнению. Затем он был отправлен в Совет для одобрения полковником Герришем, полковником Тайером, полковником Бауэрсом, мистером Пикерингом и полковником Бэконом.^[408] На следующий день билль, "принятый Советом с поправками",^[409] и был возвращен в Палату. 5 марта Палата согласилась принять поправки Совета, а 7 марта приняла законопроект с поправками. На следующий день он был поставлен на прохождение в Совете и принят. Затем он был отправлен губернатору на подпись, чтобы стать законом провинции. Но губернатор не одобрил его, объяснив это тем, что "секретарь сказал (возвращая одобренные законопроекты), что у его превосходительства не было времени рассмотреть другие законопроекты, которые были представлены на его рассмотрение".^[410]

Очень удачно, что билль был сохранен;^[411] ведь теперь, в свете более совершенной цивилизации, он является документом большой исторической ценности.

"ANNO REGNI REGIS GEORGII TERTII &c. DECIMO QUARTO.

"Акт о предотвращении ввоза негров или других лиц в качестве рабов в эту провинцию и их покупки в ней, а также о принятии мер по облегчению положения детей тех, кто уже подвергся рабству негров, мулатов и индейцев, родившихся в этой провинции.

"Принимая во внимание, что ввоз людей в качестве рабов в эту провинцию был признан пагубным для интересов подданных Его Величества в ней; и предполагается, что его отмена будет полезна для провинции...

"Итак, Совет губернатора и Палата представителей постановили, что тот, кто после десятого дня апреля следующего года ввезет или привезет в эту провинцию по суше или воде любого негра или другого человека или людей, будь то мужчина или женщина, в качестве раба или рабов, должен за каждого такого человека, ввезенного или привезенного в эту провинцию, конфисковать и выплатить сумму в сто фунтов стерлингов, которая будет взыскана по представлению. фунтов, которая будет взыскана по представлению или обвинению Большого жюри и после взыскания будет передана его величеству для использования этим правительством или по иску о долге в любом из судов его величества, и в случае такого взыскания одна часть будет передана его величеству для использования этим правительством, а другая часть - лицу или лицам, которые предъявят иск о том же.

"И далее постановляется, что с десятого дня апреля следующего года и после него любое лицо или лица, которые купят любого негра или другого человека или людей в качестве раба или рабов, импортированных или привезенных в эту провинцию, как указано выше, должны конфисковать и заплатить за каждого купленного негра или другого человека пятьдесят фунтов, которые будут взысканы и утилизированы таким же образом и способом, как указано ранее.

"И далее постановляется, что каждое лицо, заинтересованное в импорте или ввозе в эту провинцию, или покупке любого такого негра или другого лица или лиц, как указано выше, в пределах этой провинции; которое будет неспособно или откажется выплатить штрафы или неустойки, предписанные настоящим Законом; должно за каждое такое преступление подвергнуться двенадцатимесячному тюремному заключению без залога или основного предприятия.

"При условии, что ничто из содержащегося в этом акте не будет распространяться на подвергающихся вышеуказанным наказаниям капитанов, моряков, владельцев или фрахтователей любого такого судна или судов, которые до указанного Десятого дня апреля следующего года отплыли из любого порта или портов в этой провинции в любой порт или порты, не входящие в состав этого правительства, для импорта или ввоза в эту провинцию любого негра или другого человека или людей в качестве рабов, которые в ходе того же плавания могут быть импортированы или привезены в эту же провинцию. При условии, что он не будет предлагать их или кого-либо из них для продажи.

"При условии также, что настоящий акт не будет истолкован как распространяющийся на любое такое лицо или лиц, иногда в будущем прибывающих для проживания в этой провинции или проезжающих через нее, которые могут привозить негров или других людей в качестве необходимых слуг в эту провинцию при условии, что пребывание или проживание таких людей не превысит двенадцати месяцев или что эти люди в течение указанного времени вышлют негров или других людей из этой провинции, чтобы они там были и оставались, а также что во время указанного проживания такие негры или другие люди не должны продаваться или отчуждаться в этой провинции.

"У И далее принимается и объявляется, что ничто в настоящем акте не должно распространяться или толковаться как распространяющееся на удержание или содержание в вечном рабстве любого негра или другого лица или лиц, ныне находящихся в рабстве в пределах этой провинции, но что каждый такой негр или другое лицо или лица должны быть причислены ко всем преимуществам, к которым такой негр или другое лицо или лица могли бы быть причислены по закону, если бы настоящий акт не был принят.

"В Палате представителей 2 марта 1774 года. Прочитан в первый и второй раз. 3 марта 1774 года. Прочитан в третий раз и передан на рассмотрение. Отправлен на согласование.

Т. Кушинг, Спкр.

"В Совете 3 марта 1774 года. Прочитано в первый раз. 4. Прочитан во второй раз и принят в знак согласия с поправкой *У dele the whole Clause*. Отправлено вниз для согласия.

Тос Флакер, секретарь.

В Палате представителей 4 марта 1774 года. Прочитано и принято.

Т. Кушинг, спкр."

Как и все другие меры по пресечению работорговли, этот билль не стал законом. Если Массачусетс желал освободиться от этого двойного креста горя, - даже если его великие юристы могли найти закон, оправдывающий отмену проклятия, на страницах королевской хартии, - разве британские губернаторы провинции не оберегали корпоративные интересы правительства страны и членов Королевской африканской компании? По Утрехтскому

договору Англия согласилась снабжать испанскую Вест-Индию неграми в течение тридцати лет. Она помогала всем своим колониям устанавливать рабство и посылала свои военно-морские силы охранять суда, которые ежегодно лишали Африку пятисот тысяч душ.^[412] Это была жестокая работа Англии. За все свои жертвы в войне, за миллионы потраченных сокровищ, за кровь своих детей, пролитую столь обильно, за славу Бленхейма, Рамильи, Уденарда и Мальплакета, Англия нашла утешение и награду в том, что в качестве львиной доли результатов великого союза против Бурбонов захватила и получила исключительное право в течение тридцати лет продавать африканских рабов в испанскую Вест-Индию и на побережье Америки!^[413] Почему же губернатор Хатчинсон *должен был* подписывать законопроект, призванный перекрыть канал торговли человеческими душами, которая была так близка сердцу британского трона?

Говарда Хатчинсона не стало, и губернатором стал генерал Гейдж. Он созвал Генеральный суд в Салеме в июне 1774 года. 10 июня тот же законопроект, который отказался подписать губернатор Хатчинсон, был представлен с несколькими несущественными изменениями, прошел третье чтение и в тот же день был принят к рассмотрению. 16 июня он был рассмотрен и принят. Он был отправлен в Совет, где был прочитан в третий раз и принят. Но на следующий день Генеральный суд был распущен! И над могилой этой, последней попытки законодательного пресечения работорговли в Массачусетсе, было написано: "*Не было получено согласия губернатора*"!

Эти неоднократные попытки принять закон против рабства были стратегическими и политическими. Джентльмены, которые торопились провести эти законопроекты через Палату и Совет, почти не взирая на правила, знали, что королевские губернаторы никогда не поставят под ними свои подписи. Но колонисты, заявив о себе, могли апеллировать к здравому смыслу нетерпеливых негров, а отказ королевских губернаторов придать законопроектам силу закона во многом подтолкнул негров на сторону колонистов. В долгой ночи тьмы, окутавшей колониальное правительство, лояльность негров была одинокой, но уверенной звездой, бросавшей свой неподобный свет на путь дитяти Англии, которому вскоре предстояло поднять свою отцеубийственную руку против своей хищной и жестокой матери.

ССЫЛКИ:

^[380] Felt, vol. ii. p. 416.

^[381] Газетная литература, т. I. с. 31.

^[382] Отчет Лаймана, цитируемый доктором Муром.

^[383] House Journal, p. 387.

^[384] Там же.

^[385] House Journals; см. также Gen. Court Records, May, 1763, to May, 1767, p. 485.

^[386] Рабство в Массачусетсе, стр. 131, 132.

^[387] Felt, vol. ii. pp. 416, 417.

^[388] История Лестера, с. 442, 443.

^[389] Freeman's Hist. of Cape Cod, vol. ii. pp. 114, 115.

- [390] Boston Gazette, Aug. 17, 1761.
- [391] Письма миссис Адамс, с. 20.
- [392] Adams's Works, vol. ii. p. 200.
- [393] Adams's Works, vol. ii, p. 213.
- [394] Records, 1768, fol., p. 284.
- [395] Именно на этот случай ссылался покойный Чарльз Самнер в своей знаменитой речи в ответ сенатору Батлеру из Южной Каролины; см. также Slavery in Mass., p. 115, 116; Washburn's Judicial Hist. of Mass., p. 202; Mass. Hist. Soc. Proc., 1863-64, p. 322.
- [396] Records, 1769, fol. p. 196. Грей в "Отчетах Куинси", с. 30, примечание, цитируемое д-ром Муром.
- [397] Рабство в Массачусетсе, стр. 115, 116, примечание.
- [398] Отчет Лаймана, 1822 год.
- [399] Рабство в Массачусетсе, с. 118.
- [400] Hist. of Newbury, p. 339.
- [401] The Watchman's Alarm, p. 28, note; также Slavery in Mass., p. 119.
- [402] Mass. Hist Soc. Coll., vol. iv. 1st Series, pp. 202, 203.
- [403] Hildreth, vol. ii. p. 564.
- [404] House Journal, p. 85, цитируется доктором Муром.
- [405] Дневник Палаты представителей, стр. 94.
- [406] Рабство в Массачусетсе, с. 136.
- [407] House Journal, p. 104.
- [408] House Journal, p. 224.
- [409] Там же, стр. 226.
- [410] House Journal, Gen Court Records, xxx. pp. 248, 264; также, Slavery in Mass, p. 137.
- [411] Massa. Archives, Domestic Relations, 1643-1774, vol. ix. p. 457.
- [412] Ethiopie, p. 12.
- [413] Болингброк, с. 346-348.
-

ГЛАВА XVI.

КОЛОНИЯ МЭРИЛЕНД.

1634-1775.

Мэриленд подчинялся законам Виргинии до 1630 г. - Первые законодательные акты по вопросу рабства в 1637-38 гг. - Рабство установлено статутом 1663 г. - Обсуждение рабства. - Принятый закон о поощрении импорта негров и белых рабов в 1671 г. - Закон, устанавливающий пошлину на негров и белых слуг, ввозимых в колонию. - Обращение с рабами и папистами. - Преступники, ввезенные в колонию. - Попытка оправдать конвиктную торговлю. - Возбужденные ответы. - Законы 1723, 1729, 1752 годов. - Права рабов - Негритянское население в 1728 году. - Увеличение рабства в 1750 году - Не предпринимается никаких усилий для предотвращения зла рабства. - Приближается революция. - Новая жизнь для негров.

[Вернуться к оглавлению](#)

До 20 июня 1630 года территория, которая в настоящее время составляет штат Мэриленд, входила в пределы колонии Вирджиния. В этот период на всей территории действовали законы Вирджинии.

В 1637 году[414] первая ассамблея колонии Мэриленд согласовала ряд законопроектов, но они так и не стали законами. Остался список, но не более того. Ближайшая и самая ранняя попытка законодательного регулирования вопроса о рабстве - это законопроект, который был внесен "для наказания плохих слуг". В первые годы существования рабства в Виргинии термин "слуга" применялся как к неграм, так и к белым людям. По закону рабы и слуги различались следующим образом: "слуги на срок лет" - белые люди; и "слуги на всю жизнь" - негры. Во-первых, нет никаких сомнений в том, что рабы-негры составляли часть населения этой колонии с момента ее основания;[415] и, во-вторых, вышеупомянутый билль 1637 года о "наказании плохих слуг", несомненно, должен был применяться к слугам-неграм, или рабам. Их было так мало, что их редко называли "рабами". Они были "слугами"; и это название исчезло только тогда, когда рост рабства как института и необходимость конкретного юридического различия сделали негра единственным человеком, который подходил для состояния абсолютной собственности.

В 1638 году был составлен список законопроектов, которые дошли до второго чтения, но так и не были приняты. Среди них был билль "о свободах народа", который объявлял, что "все христианские жители (за исключением рабов) имеют и пользуются всеми правами, свободами, иммунитетами, привилегиями и свободными обычаями в пределах этой провинции, какими обладает или должен обладать любой прирожденный подданный Англии в силу или в силу общего права или статутного права Англии, за исключением тех случаев, когда они могут быть изменены законами и постановлениями этой провинции".[416] В вышеупомянутом законе есть только одно упоминание о "рабах", но ни в одном из других законов 1638 года. Некоторые особенности этого закона заслуживают особого внимания. Читатель должен помнить о том, что по законам Англии ни один христианин не может содержаться в рабстве; что в провинциях законы принимались в соответствии с законами правительства страны; что, определяя права колонистов, провинциальные собрания ограничивали иммунитеты и привилегии, предоставленные Магна Чартой британским подданным, христианами; что негры считались язычниками и, следовательно, были лишены благословений Церкви и государства; что даже в тех случаях, когда негры-рабы принимали крещение, суды колоний и генеральный солиситор Великобритании считали, что они не являются свободными *ipso facto*;^[417] и что, если негры были свободными, они не имели

никаких прав в Церкви и государстве. Таким образом, хотя в законе 1638 года и не говорилось, что негры *должны* быть рабами, но, указывая тех, кто должен пользоваться правами свободных, он исключает негра и тем самым косвенно закрепляет за ним статус раба. Если он не был назван свободным человеком, значит, по замыслу законодателей, он должен был оставаться кабалным человеком - исключение из установленного правила закона.[418]

В последующих законах упоминались "слуги", "беглецы", "беглецы" и т. д.; но первый закон, устанавливающий рабство в этой колонии, был принят в 1663 году. Это был "*Закон о неграх и других рабах*". В нем говорится в первом разделе: "Все негры или другие рабы

"Все негры или другие рабы в пределах провинции, а также все негры и другие рабы, которые будут в дальнейшем ввезены в провинцию, должны служить *до конца жизни*; и все дети, рожденные от любого негра или другого раба, должны быть рабами, как и их отцы, до конца жизни".

Раздел второй:...

"И поскольку многие свободнорожденные англичанки, забывая о своем свободном состоянии и к позору нашей нации, вступают в брак с неграми-рабами, от чего также могут возникать различные иски, касающиеся потомства таких женщин, и большой ущерб постигает хозяина таких негров, для сохранения которых и для удержания таких свободнорожденных женщин от таких позорных браков, *да будет постановлено*, и т.д.: Что всякая свободнорожденная женщина, которая вступит в брак с любым рабом, начиная с последнего дня настоящего собрания и после него, будет служить хозяину такого раба в течение жизни своего мужа; и что все потомки таких свободнорожденных женщин, вступивших в брак, будут рабами, какими были их отцы".

Раздел третий:.

"И далее постановляется, что все дети *англичанок* или других свободнорожденных женщин, которые уже вышли замуж за негров, должны служить хозяину своих родителей, пока им не исполнится тридцать лет и не более".[419]

Первый раздел - самый позитивный и всеобъемлющий закон о рабстве, который мы когда-либо видели. Он устанавливает срок рабства на самое длительное время, на которое только может претендовать человек, - на период его земного существования, - и обрекает детей на службу, от которой они должны были освободиться только со смертью. Второй раздел был принят в связи с браками белых женщин с рабами. Многие из этих женщин были наняты в качестве слуг, чтобы оплатить свой проезд в эту страну, некоторые были отправлены в качестве каторжников, а другие - в качестве учеников на несколько лет. Некоторые из них, однако, были очень достойными людьми. Не обошлось и без путаницы в определении правового статуса детей от таких браков; именно для того, чтобы удержать англичанок от подобных союзов и определить статус детей в суде, и был принят этот раздел. Третий раздел был, несомненно, законом *задним числом*, но общественные настроения колонии нашли в нем отражение, и он остался в силе, а в 1676 году был принят вновь.

Как и Виргиния, колония Мэриленд нашла почву богатой, а выращивание табака - выгодным предприятием. Страна была новой, а физические препятствия на пути цивилизации многочисленными и грозными. Конечно, все не могли идти по единственному пути, ведущему к сельскому хозяйству. Механики и торговцы пользовались большим спросом.

Рабочих рук не хватало, а те немногие, кого удавалось заполучить, требовали высокой зарплаты. Труд негра-раба можно было сделать настолько дешевым, насколько хватало совести и сердца его хозяина. Дешевый труд стал криком на каждом шагу, и негр стал желанным почти для всех белых мужчин в колонии.^[420] В 1671 году законодательное собрание приняло *"Акт, поощряющий ввоз негров и рабов в колонию"*, за которым последовал еще один аналогичный закон в 1692 году. Два мотива побуждали колонию развивать работорговлю: иметь больше рабочих рук и получать что-то за бесценок. И как только стало известно, что Мэриленд - хороший рынок для рабов, торговля стала развиваться с удивительной быстротой. Рабы вскоре стали костью и сухожилием рабочей силы колонии. Их использовали для обработки полей, вырубki лесов, помощи механикам и управления легкими судами на водных путях. Их можно было встретить во всех богатых и изысканных домах; и, к сожалению, их присутствие в таком большом количестве во многом способствовало снижению престижа почетного труда в глазах белых, а также озлоблению женщин в лучшем белом обществе. Хотя колонисты убеждали себя, что рабство - необходимый для колонии институт, его дурные последствия вскоре стали очевидны. Невозможно было вовлечь колонию в работорговлю и избежать плохих результатов такого бесчеловечного предприятия. Она делала людей жестокими и скупыми.

Отдельные люди требовали законодательного поощрения торговцев человеческой плотью и кровью; но пришло время, когда правительство колонии убедилось, что налог на рабов, ввозимых в колонию, не повредит торговле, а правительству окажет существенную помощь. В 1696 году был принят *"Акт, устанавливающий налог на негров, рабов и лиц, ввозимых"* в колонию. Из заголовка вышеупомянутого билля становится ясно, что он был рассчитан на три класса лиц, а именно: слуг-негров, рабов-негров и белых слуг. Слово "импортированные" означает тех, кто не мог оплатить свой проезд и поэтому был отдан в аренду хозяину судна. Когда они прибывали на судно, их время сдавалось в наем, если они были свободными, на срок в несколько лет, по столько-то в год;^[421] но если они были рабами, покупатель должен был оплатить все претензии к этому виду собственности, прежде чем он мог приобрести право собственности на раба. Некоторые историки слишком часто неверно истолковывают мотивы и цели колониальных законодательных органов при введении налога на негров и других слуг, ввозимых в их среду. Тот факт, что закон распространялся на белых людей, не способствует интерпретации, которая бы приписывала создателям закона чувства гуманности. Люди, которые могли покупать и продавать жен, без колебаний увидели в белых слугах-арендаторах имущество, которое должно было облагаться налогом. Почему бы и нет? Эти белые слуги представляли собой столько вложенных долларов или столько лет труда в перспективе! Поэтому все лица, ввезенные в колонию Мэриленд, "негры, рабы и белые люди", облагались налогом, как и любой другой товар. Стремительная и безжалостная цивилизация, противостоящая непоколебимым силам природы, сделала людей неразборчивыми и жестокими в их порывах к добыче. Общественные настроения были сформулированы в законе: закон рассматривал "слуг и рабов" как движимое имущество, а политические экономисты провинции видели в этом виде собственности богатую выгоду для правительства. Слугу или раба делали условия, обстоятельства, но в конце концов это стало национальностью, цветом кожи.

Когда на пороге восемнадцатого века "белые наемные" слуги быстро перестали существовать под цветом или санкцией закона, религиозный фанатизм и церковная нетерпимость объединились со сторонниками негритянского рабства в крестовом походе^[422] против ирландских католиков. В 1704 году Законодательное собрание приняло *"Закон о взимании трех пенсов за галлон с рома и вина, бренди и спиртных напитков, а также двадцати шиллингов за опрос с негров, чтобы собрать средства для покрытия"*

государственных расходов этой провинции, и двадцати шиллингов за опрос с ирландских слуг, чтобы предотвратить ввоз слишком большого количества ирландских папистов в эту провинцию". Хотя этот закон должен был оставаться в законодательных книгах всего три года, его действие было продлено дополнительным законом, и он позорил колонию в течение двадцати одного года. Как и в Нью-Йорке, так и здесь правительство относилось к рабам и папистам с чувством ненависти и страха. Первого устраивало только вечное рабство, второго - остракизм и изгнание с лица земли исключительных протестантов того времени. С обоими жестоко обращались: с одним - из-за его лица, с другим - из-за его веры.

"К несчастью для исповедующих католическую религию, в силу обстоятельств, которые нет необходимости подробно описывать, их религиозные убеждения стали отождествляться в общественном сознании с оппозицией принципам революции. Следствием этого стало лишение их политических прав. Чарльз Калверт, свергнутый собственник, разделил общую судьбу своих братьев-католиков. Поддерживаемый и защищаемый короной в осуществлении своих простых частных прав, всеобщая ревность к католической власти лишила его возможности управлять провинцией".[\[423\]](#)

Знание предшественников мастер-класса поможет читателю составить более точное представление о характере института рабства в колонии Мэриленд.

Сейчас изучающему историю не очень приятно вспоминать, что британские колонии в Северной Америке с самого начала получили в свою жизнь самый страшный яд европейского общества - преступный элемент. С самого начала в колониях существовала практика перевозки каторжников. А во время правления Георга I были приняты законы, "разрешающие перевозку в качестве смягчения наказания за преступления, совершаемые духовенством". Этих осужденных перевозили частные грузоотправители, а затем продавали в колонии, и таким образом это стало прибыльным предприятием. С 1700 по 1760 год этот гнусный и вредоносный трафик значительно увеличился. В конце концов, как уже говорилось, он стал предметом специального налога. Ежегодно в колонию ввозили три или четыре сотни каторжников, и жители начали жаловаться.[\[424\]](#) В "Мэрилендской газете" от 30 июля 1767 года один из авторов попытался показать, что каторжников не следует презирать, они скорее являются желательным дополнением к провинции. Он пишет

"Я полагаю, что в течение последних тридцати лет, communibus annis, в эту провинцию ежегодно ввозилось не менее 600 каторжников, и, вероятно, они попадали в 400 семей".

После ответа на некоторые возражения против их ввоза из-за заразных болезней, которые могут передаваться от них, он далее замечает: "Это составляет по меньшей мере 400 к одному.

"Это доказывает, по крайней мере, 400 к одному, что они не наносят стране никакого вреда, на который жалуются: и то, что люди продолжают покупать и принимать их так постоянно, ясно показывает общее мнение страны по этому вопросу; хотя несколько джентльменов, кажется, так возмущены тем, что каторжников вообще сюда ввозят, и, если бы они могли, распространяя этот ужас, помешали бы людям покупать их. Признаюсь, я отношусь к тем, кто считает, что молодая страна не может быть заселена, возделана и благоустроена без людей того или иного сорта, и что для страны гораздо лучше принимать каторжников, чем рабов. Злые и плохие из них, которые попадают в эту провинцию, в основном убегают на север, смешиваются со своим народом и выдают себя за честных людей,

а те, кто более невиновен и прибыл за очень мелкие правонарушения, отбывают здесь свой срок, ведут себя хорошо и становятся полезными людьми".

Эта попытка оправдать *торговлю каторжниками* вызвала два умных и энергичных ответа за подписями "Philanthropos" и "C.D.", опубликованных в "Green's Gazette" от 20 августа 1767 года, в которых автор первой статьи предстает перед читателями "в перчатках".

"Его замечания [говорит Филантроп] напоминают мне наблюдение одного великого философа, который утверждает, что существует определенная раса людей столь эгоистичной натуры, что они готовы даже поджечь дом соседа ради удобства поджарить на огне яйцо. То, что это не бредни причудливых спекулянтов, в значительной степени доказывает рассматриваемый автор; ведь кто, как не человек, обуреваемый самым гнусным эгоизмом, будет стараться лишить людей всякой осторожности в отношении такой неминуемой опасности, чтобы их справедливые опасения не помешали его маленьким планам наживы? И кто, как не такой человек, мог бы публично выступить в качестве сторонника ввоза преступников, опустошения тюрем и брошенных изгоев британской нации, как способа хоть в какой-то степени пригодного для заселения молодой страны?"

В другой части своего ответа он замечает

"Ограничивая негодование по поводу их ввоза лишь немногими, и представляя, что общее мнение народа в пользу этого мерзкого импорта, он виновен в самом позорном искажении и самой грубой клевете на всю провинцию. Какое мнение о нашей добродетели должны составить наша страна-мать и наши колонии-сестры, когда они видят, как в "Мэрилендской газете" уверенно утверждается, что мы любим заселять нашу страну самыми отъявленными распутниками во вселенной? Разве это способ очистить себя от ложного и горького упрека, столь часто бросаемого нам, *что мы - потомки каторжников*? Поскольку мне довелось познакомиться с общими настроениями народа по этому вопросу, я торжественно заявляю, что самые проникательные и рассудительные из них считают это величайшей обидой, нанесенной нам нашей страной-матерью".

Писатель считал, что молодая страна не может быть заселена "без людей того или иного рода" и что лучше обеспечить "каторжников, чем рабов". На каких именно основаниях этот защитник покупки труда каторжников основывал свой вывод о том, что он предпочел бы иметь "каторжников, а не рабов", неизвестно. Не может же быть, что он считал английских каторжников более трудолюбивыми или умелыми, чем негры-рабы? Или у него были теоретические возражения против рабства как постоянного института? Возможно, писатель сам закончил уголовный класс! Но нашлись джентльмены, которые не согласились с ним и высказали свои возражения против системы ввоза каторжников на очень энергичном английском языке. 20 августа 1767 года в "Greene's Gazette" появились две статьи. В одной из них говорится

"Кто, как не человек, движимый самым гнусным эгоизмом, будет стараться лишить народ всякой осторожности в отношении такой неминуемой опасности, чтобы его справедливые опасения не помешали его маленьким планам наживы? И кто, как не такой человек, будет публично выступать за ввоз в страну преступников, опустошение тюрем и брошенных изгоев британской нации в качестве способа заселения молодой страны?"

Не приходится сомневаться, что многие из импортированных таким образом осужденных, отбыв свой срок, за короткий период становились рабовладельцами и рабовладельцами. С сердцами, ожесточившимися в огне необузданных страстей, каторжный элемент, влившийся в огромное количество свободного белого населения провинции, [425] создал самые позитивные настроения в пользу жестокого кодекса управления неграми-рабами. Было два мотива, которые побуждали бывшего заключенного к жестокости по отношению к неграм: отвлечь внимание от себя и убедить себя, в своем сомневающемся уме, что негр ниже его по *природе*. Это, несомненно, была грандиозная затея, но выводы такого суда должны были успокоить встревоженную совесть! О результатах можно судить. В Мэриленде был принят рабский кодекс, который по жестокости и общей бесчеловечности не имеет себе равных на Юге. [426] Законы Мэриленда 1715 года содержали в сорок четвертой главе закон, состоящий из ста тридцати пяти разделов, касающихся негров-рабов. Была установлена строжайшая пропускная система. Согласно шестому разделу, ни одному негру или другому слуге не разрешалось покидать пределы графства без пропуска, заверенного печатью графства, в котором проживал их хозяин; за этот пропуск раб или другой слуга должен был заплатить десять фунтов табака или один шиллинг деньгами. В случае задержания таких лиц мировой судья мог наложить такие штрафы и применить такие наказания, которые были предусмотрены законом, применяемым к беглецам. Закон 1723 года, глава пятнадцатая, под заголовком "*Закон о предотвращении бурных собраний и других нарушений со стороны негров и других рабов*", усилил суровость законов в десять раз. Согласно четвертому разделу, негр или другой раб, имевший наглость ударить белого человека, должен был получить "*отрезанные уши по приказу судьи*". Шестой раздел лишал рабов права на владение имуществом: они не могли владеть скотом. Раздел седьмой давал право любому белому человеку убить негра, оказавшего сопротивление при попытке его ареста; по дополнительному закону 1751 года, глава четырнадцатая, владельцу убитого таким образом раба полагалась выплата из государственной казны. В 1729 году был принят закон, согласно которому негры и другие рабы по приговору суда за определенные преступления должны быть не только повешены, но и четвертованы, а тело выставлено на всеобщее обозрение. Когда рабы состарились и стали немощными на службе у своих хозяев, а последние загорелись желанием вознаградить верность своих слуг эмансипацией, появился закон, запрещающий манумиссию по "*последней воле или завещанию*" или освобождение негров-рабов каким-либо способом. Это был временный закон, принятый в 1752 году, лишенный всякого элемента гуманности; и все же он оставался законом колонии в течение двадцати долгих лет.

В 1748 году негритянское население Мэриленда составляло тридцать шесть тысяч человек и все еще быстро росло.

"В результате "очень точной переписи", проведенной в этом году, было установлено следующее количество белых жителей в Мэриленде:...

	СВОБОДНЫЕ.	СЛУГИ.	КОНВИКТЫ.	ВСЕГО.
Мужчины	24,058	3,576	1,507	29,141
Женщины	23,521	1,824	386	25,731
Мальчики	26,637	1,048	67	27,752
Девочки	24,141	422	21	24,584

98,357

6,870

1,981

107,208

По этому же счету общее число мулатов в Мэриленде составило 3 592 человека, а общее число негров - 42 764 человека". Pres. Stiles' MS. Считалось (говорят авторы "Унив. истории"), что в Мэриленд ежегодно ввозилось более 2 000 негритянских рабов".[427]

В 1756 году число негров увеличилось до 46 225, а в 1761 году - до 49 675. В законах не было ничего, что запрещало бы обучение негров, и все же никто не осмеливался бравировать общественными настроениями по этому поводу. Церкви не уделяли рабам ни внимания, ни заботы. В течение первой половины или трех четвертей века происходило беспорядочное смешение и заключение браков между неграми и белыми слугами; и, хотя это было запрещено строгими законами, это продолжалось в значительной степени. Население полукровок, или мулатов, увеличивалось;[428] и число свободных негров. Соприкосновение этих двух элементов - рабов и каторжников - не было ни благоразумным, ни здоровым. Негры страдали от прикосновения моральной заразы этой изнеженной материи, изгнанной из европейского общества. Негры-рабы, которых каторжники поначалу обхаживали как весьма приятных компаньонов, со временем стали обращаться с бывшими заключенными хуже, чем с самыми умными и богатыми работоторговцами во всей провинции. А свободные негры, не имея никаких прав в судах и не имея права занимать какую-либо должность, находились почти в таком же неприятном положении, как и рабы.

С момента основания колонии Мэриленд в 1632 году и вплоть до Революционной войны до нас не дошло ни одной записи о том, что были предприняты какие-либо усилия, чтобы излечить самые вопиющие пороки рабства. Для негра это была одна длинная беззвездная ночь угнетения и бесчинств. Ни один голос сирены не нашептывал ему о далеком будущем, благосклонном и милостивом к сердцам, почти нечувствительным к пульсации радости, к умам, не осознающим слабых лучей света. Будучи *абсолютной* собственностью, хозяин имел право указывать, сколько еды или одежды должен иметь его раб. Не существовало никаких правил, по которым раб мог бы требовать привилегии прекращения труда в конце дня. Нет, хозяин имел такое же право работать на своих рабов после наступления ночи, как и гнать свою лошадь утром, днем и ночью. Бедная одежда, грубое и скудное питание, убогие помещения, чрезмерная работа, пренебрежение к телу и разуму - неграм Мэриленда приходилось несладко.

Близилась революция. Внимание общества было занято принятием Гербового закона и подготовкой к военным действиям. Негры были оставлены на произвол судьбы, и, хотя в это время не было принято никаких законов, направленных на защиту рабства, не было сделано ничего, что можно было бы считать враждебным этому институту. Негры приветствовали рокот далеких раскатов революции как предвестника новой эры для них. В Мэриленде им представилась возможность проявить себя патриотами и храбрыми солдатами. А о том, насколько их влияние способствовало смягчению общественных настроений по отношению к ним, мы расскажем в соответствующем месте. Сейчас же достаточно сказать, что, каким бы жестоким и вредным, несправедливым и аморальным ни был институт рабства, он не лишил негра возвышенного представления о фундаментальных принципах, вдохновлявших белых людей на сопротивление высокомерию Англии, и не ослабил его энтузиазма в деле, породившем новую республику под ударами сражённого оружия.

ССЫЛКИ:

[414] Доктор Абиэль Холмс в своих "Американских анналах", том ii, стр. 5, пишет: "В Мэриленде сейчас проживает около тридцати шести тысяч человек, среди которых белые мужчины от шестнадцати лет и старше, а также негры мужского и женского пола от шестнадцати до шестидесяти лет". Из этого утверждения я делаю вывод, что рабство существовало в Мэриленде в 1634 году; и я не могу найти в истории ничего, что заставило бы меня усомниться в том, что рабство родилось вместе с колонией.

[415] Cabinet Cyclopædia, vol. i. p. 61.

[416] См. "Законы Бэкона", а также "Анналы Холмса", т. i. p. 250.

[417] В "Законах о плантациях", напечатанных в Лондоне в 1705 году, было написано следующее: "Если какой-либо негр или раб, находящийся в рабстве или неволе, становится или становится христианином и принимает таинство крещения, то это не должно считаться или истолковываться как манумиссия или освобождение такого негра или раба, или его или ее потомства, от их рабства или неволи, но несмотря на это они в любое время впредь будут и останутся в рабстве и неволе, какими они были до крещения, несмотря на любое мнение, вопрос или вещь, свидетельствующие об обратном."

[418] McSherry's Hist. of Maryland, p. 86.

[419] Freedom and Bondage, vol. i. p. 249.

[420] McMahon's Hist. of Maryland, vol. i. p. 274.

[421] В Мэриленде долгое время использовалась следующая форма для связывания слуги.

Настоящий договор, заключенный в -й день -го года в -е годы нашего Государя Короля Карла и т.д. между -м с одной стороны и -м с другой стороны, свидетельствует, что указанный -й настоящим заключает договор, обещая и предоставляя указанным -м своим душеприказчикам и помощникам служить ему со дня даты настоящего договора до его первого и следующего прибытия в Мэриленд; и после этого в течение -- лет, на такой службе и в таком назначении, в каком упомянутый -- или его правопреемник будет его там назначать, в соответствии с правилами графства в том же роде. В подтверждение чего, упомянутый -- обещает и предоставляет упомянутому -- оплатить его проезд и обеспечить его мясом, напитками, одеждой и жильем, а также другими необходимыми вещами в течение упомянутого срока; а в конце упомянутого срока, дать ему один целый йерс провианта из рогожи и пятьдесят акров земли, в соответствии с порядком графства. В удостоверение чего, упомянутый -- приложил свою руку и сел, в вышеуказанный день и год.

Скреплено печатью и вручено в присутствии...

-Отчет о штате Мэриленд, с. 62, 63.

[422] Современный путешественник, т. I. с. 122, 123.

[423] McMahon's Maryland, vol. i. p. 278.

[424] 1st Pitkin's United States, p. 133.

[425] Макмахон говорит об этом каторжном элементе: "Гордость нашего века восстает против мысли о том, чтобы вернуться к таким, как они, за корнями генеалогического древа; и они, чьим удовольствием было бы проследить свою кровь через многие поколения тупых, вялых, имбецильных предков, не имеющих никаких заслуг, кроме имени, которое они носят, даже согласятся называться "*novi homines*", если в родословной будет стоять каторжник".

[426] За единственным исключением, пожалуй, Южной Каролины, о которой читатель узнает далее.

[427] Американские анналы.

[428] Доктор Холмс утверждает, что "общее число мулатов в Мэриленде составило 3592 человека" в 1755 году.

ГЛАВА XVII.

КОЛОНИЯ ДЕЛАВЕР.

1636-1775.

Территория Делавэр была частично заселена шведами и датчанами до 1638 года. - Герцог Йоркский передает территорию Делавэр Уильяму Пенну. - Пенн предоставляет колонии привилегию самостоятельного управления. - Рабство появилось на Делавэре уже в 1636 году. - Иск против Питера Альрикса за использование оленей и негров, принадлежащих Компании. - Первый законодательный акт по вопросу рабства в колонии. - Принятие закона для лучшего регулирования слуг.

[Вернуться к оглавлению](#)

ДО 1638 года территория, которую сейчас занимает штат Делавэр, была частично заселена шведами и датчанами. О них известно, что они рано объявили, что "не имеют права покупать и держать рабов". [429] Но на эту территорию претендовали голландцы. Когда Новые Нидерланды были уступлены герцогу Йоркскому, Делавэр заняли его представители. 24 августа 1682 года герцог передал эту территорию Уильяму Пенну. [430] Но в 1703 году Пенн отказался от старой формы правления и предоставил графствам Делавэра привилегию отдельного управления в соответствии с *Хартией привилегий*. В Делавэре был учрежден законодательный орган, но он оставался под властью Совета и губернатора Пенсильвании. Однако рабство появилось на Делавэре уже в 1636 году. [431]

"В этот ранний период на Делавэре, по-видимому, существовало рабство. Так, один коинклисс был "приговорен 3 февраля к службе в компании чернокожих на Саут-Ривер за ранение солдата в форте Амстердам. Он также должен был заплатить штраф фискалу и возместить ущерб раненому солдату". 22 числа свидетель, дававший показания по делу губернатора Ван Твиллера (губернатор Новой Нейтраллии до Кифта), обвиненного в небрежности и плохом управлении делами компании, заявил, что "держал под стражей для Ван Твиллера в форте Хоуп и Нассау от двадцати четырех до тридцати коз, и что *три негра, купленные директором* в 1636 году, с тех пор служили у него в частном порядке". Таким образом, становится ясно, что рабство было введено на Делавэре уже в 1636 году, хотя, вероятно, не в этом штате, поскольку голландцы в то время не имели здесь поселения". [432]

А 15 сентября 1657 года была подана жалоба на то, что Питер Альрикс "использовал волов и негров компании"; таким образом, видно, что в колонии в указанное время было довольно много негров. В сентябре 1661 года состоялась встреча между Калвертом, Д'Хинойоссой, Питером Альриксом и двумя индейскими вождями для обсуждения условий мира. На этой встрече мэрилендцы согласились ежегодно поставлять голландцам три тысячи бочонков табака при условии, что голландцы будут "снабжать их неграми и другими товарами".^[433] Негров было много, и межколониальная торговля рабами была налажена.

Первый законодательный акт по вопросу рабства в колонии Делавэр был принят в 1721 году. "Акт о суде над неграми" предусматривал, что два судьи и шесть фригольдеров должны иметь полное право судить "рабов-негров и мулатов" за тяжкие преступления. В случае казни рабов Ассамблея выплачивала владельцу две трети стоимости такого раба. Запрещались созывы рабов, а ношение оружия считалось правонарушением. В том же году был принят закон, наказывающий за прелюбодеяние и блуд. В случае рождения детей у белой женщины от раба, окружной суд связывал их до достижения ими тридцати одного года. В 1739 году законодательное собрание приняло закон о лучшем регулировании положения слуг и рабов, состоящий из шестнадцати статей. Он предусматривал, что ни один раб не должен быть продан другому государству без одобрения хотя бы одного судьи. Такой раб мог быть передан только в руки судьи. Если человек манумилировал раба, от него требовалось хорошее обеспечение: если он этого не делал, манумиссия была бесполезна. Если свободные негры не заботились о своих детях, они подлежали кабале. В 1767 году Законодательное собрание приняло еще один закон, ограничивающий манумиссию. В нем говорилось:...

"Раздел 2. И да будет постановлено достопочтенным Джоном Пенном, эсквайром. с королевского одобрения его величества, лейтенант-губернатор и главнокомандующий графствами Нью-Касл, Кент и Сассекс, в штате Делавэр, и провинции Пенсильвания, под началом достопочтенных Томаса Пенна и Ричарда Пенна, эсквайров, истинных и абсолютных собственников указанных графств и провинции, по совету и с согласия представителей свободных людей указанных графств, собравшихся на Генеральную ассамблею, и властью оной, что если какой-либо хозяин или хозяйка, по завещанию или иным образом, освободит или отпустит на свободу какого-либо мулата или негра, раба или рабов; он или она, или его или ее душеприказчики или управляющие, в ближайшем соответствующем окружном суде четвертных сессий должны дать расписку с достаточными поручителями, которая будет взята на имя казначея указанного графства на данный момент, в сумме шестидесяти фунтов за каждого освобожденного таким образом раба, чтобы освободить графство от любого обвинения, которое они или любой из них может быть предъявлено к нему, в случае болезни или иной неспособности такого негра или мулата содержать себя; и что до тех пор, пока такое признание не будет дано, такой негр или мулат не будет считаться свободным."^[434]

Остальные положения рабского кодекса в этой колонии были похожи на те, что действовали в других колониях, и поэтому не нуждаются в описании. Негры не имели никаких прав, ни церковных, ни политических. У них не было собственности, и они не могли вступать в какие-либо отношения. У них не было ни религиозного, ни светского воспитания, ни благословений домашней жизни. Их заставляли выполнять самые тяжелые задания, а в ответ они лишь изредка рычали. Это наводило ужас на их бесчеловечных хозяев и вызывало у них множество отвратительных снов.

ССЫЛКИ:

[429] Доктор Стивенс в своей "Истории Джорджии", том i. стр. 288, говорит: "В шведской и немецкой колонии, которую Густавус Адольфус основал в Делавэре и которая во многих отношениях напоминала планы Попечителей, рабство негров было запрещено". Но, к сожалению, он не приводит никаких оснований.

[430] См. Законы штата Делавэр, т. I. Приложение, с. 1-4.

[431] Albany Records, vol. ii, p. 10.

[432] Vincent's History of Delaware, p. 159.

[433] Там же, p. 381.

[434] Законы штата Делавэр, т. I, с. 436.

ГЛАВА XVIII.

КОЛОНИЯ КОННЕКТИКУТ.

1646-1775.

Основание Коннектикута, 1631-36 гг. - Нет достоверных данных о завозе рабов; негры впервые были завезены на кораблях в первые годы существования колонии; "Комитет по торговле и иностранным плантациям" допрашивает губернатора о количестве негров в колонии в 1680 г. Законодательное собрание (1690 г.) принимает закон о покупке и обращении с рабами и свободными людьми. -Закон, принятый Генеральным судом в 1711 году, обязывающий лиц, манумилирующих рабов, содержать их. -Регулирование социального поведения рабов в 1723 году. -Наказание рабов-негров, индейцев и мулатов за использование нецензурной лексики в 1630 году. -Законность рабства индейцев и негров признана Кодексом от 5 сентября 1646 года. -Ограниченные права свободных негров в колонии. -Население негров в 1762 году. -Акт против импорта рабов, 1774 год.

[Вернуться к оглавлению](#)

Хотя колония Коннектикут была основана между 1631 и 1636 годами, нет никаких надежных данных, позволяющих установить время введения рабства.[435] Подобно змею, вошедшему в Эдемский сад, рабство проникло в эту колонию исподтишка, и его сила зла была обнаружена только тогда, когда оно стало грозным социальным и политическим элементом. Корабли с западного побережья Африки, из Вест-Индии и Барбадоса высаживали негров на продажу в Коннектикуте в первые годы его заселения. И в течение многих лет здесь существовало рабство, правда, без санкции закона, но в силу обычая. Негров покупали в качестве рабочей силы и прислуги, и долгое время их количество не требовало специального законодательства. Но, как раковая опухоль, рабство разрасталось, пока в Северной Америке не осталось ни одной колонии, которая могла бы похвастаться своей способностью остановить это страшное проклятие. Когда в этой колонии появились первые рабы, неизвестно, но то, что негры были здесь с самого начала, является самым сильным историческим предположением. В течение почти двух десятилетий в записях колонии не было ни одного упоминания о рабстве.

В 1680 году "Комитет по торговле и иностранным плантациям" обратился к губернаторам североамериканских плантаций или колоний с рядом вопросов. Среди двадцати семи вопросов, заданных губернатору Коннектикута Литу, было два, касающихся негров. Вопросы были следующими: "17.

"17. Какое количество англичан, шотландцев, ирландцев или форрейнцев (за последние семь лет или за любой другой промежуток времени) ежегодно прибывало на поселение и жительство в пределах вашей корпорации. А также, сколько негров и рабов было привезено в течение указанного времени, и по каким расценкам?

"18. Какое количество белых, черных или мулатов родилось и окрестилось за эти последние семь лет или за любой другой промежуток времени, за столько лет, сколько вы можете указать?"[436]

На это губернатор ответил следующее: "17.

"17. *Отвечаю.* Англичан, шотландцев и ирландцев прибывает так мало, что мы не можем дать определенного счета. В некоторые годы не приезжает ни одного человека, иногда - семья или две в год. Что касается чернокожих, то их прибывает с Барбадоса иногда 3 или 4 в год; и продаются они обычно по 22 ^{ли} за штуку, иногда больше, иногда меньше, в зависимости от того, как люди могут договориться с хозяевами судов или купцами, которые их сюда привозят.

"18. *Ответ.* Мы не можем дать никаких сведений о совершенном числе рожденных; но черных мало, а крещеных, насколько нам известно, всего двое".[437]

Очевидно, что количество рабов в это время было невелико, и их было мало. Угрюмый и часто мстительный дух индейцев оказывал свое влияние на немногочисленных негров-рабов в колонии. Иногда хозяева плохо обращались с ними, а иногда они сбегали. Страна была новой, поселения разбросаны, а рабство как институт в это время и в этой колонии находилось в зачаточном состоянии. Дух неповиновения среди рабов, казалось, вызвал к законодательному ограничению. В октябре 1690 года Законодательное собрание приняло следующий законопроект

"Учитывая, что многие жители этой колонии покупают для своих нужд негров, и часто эти негры убегают, к большому несчастью, ущербу и разочарованию своих хозяев и владельцев, для предотвращения чего в будущем, насколько это возможно, этот суд постановляет, что какой бы негр или негры ни были в дальнейшем, в любое время, будут выходить из города или места, к которому они принадлежат, без билета или пропуска от властей, или их хозяев или владельцев, должны быть остановлены и задержаны кем-либо из жителей, или теми, кто встретится с ними, и доставлены в ближайшие власти для осмотра и возвращения их владельцам, которые должны возместить плату, если таковая будет; И всем паромщикам в пределах этой колонии настоящим предписывается не позволять ни одному негру без такого свидетельства переправляться через их паром, помогая им в этом, под страхом штрафа в двадцать шиллингов, который должен быть уплачен в казну графства, а за неуплату взыскиваться с их имений по ордеру любого помощника или ^{комиссара}. Этот приказ должен соблюдаться в отношении бродяг и подозрительных лиц, кочующих из города в город, не имея пропусков; таковые должны быть задержаны для осмотра и дальнейшего разбирательства властями; и если какие-либо негры свободно и самостоятельно путешествуют без такого билета или свидетельства, они должны сами нести расходы по их задержанию".[438]

Общий дух жалобы, которым пропитан вышеупомянутый законопроект, позволяет сделать вывод, что его необходимость была вызвана тревожным положением дел. Пропускная система была скопирована с законов старых колоний, где рабство существовало уже давно. Подразумевалось, что свободные негры должны были получить у соответствующих властей свидетельство о свободе, а законопроект требовал, чтобы они носили его с собой или платили за арест.

Одним из самых наглядных доказательств гуманности правительства Коннектикута стал следующий закон, принятый в мае 1702 года

"Принимая во внимание, что некоторые лица в этой Колонии, купив негров или малаттских слуг или рабов, после того как они потратили значительную часть своего времени и сил на службу своим хозяевам, отпускают их на свободу, и указанные рабы, не будучи в состоянии обеспечить себя необходимым, могут стать обузой и бременем для городов, где они служили: для предотвращения этого,

"Постановлено и утверждено этим судом и его властью: Чтобы каждый человек в этой Колонии, который сейчас является или в будущем будет владельцем негра или мулата, слуги или раба, и через некоторое время после того, как его или ее возьмут на службу, отдал этого слугу или раба на волю, чтобы он или она обеспечивали себя, если после этого этот слуга или раб придет в нужду, каждый такой слуга должен быть освобожден только за счет и под ответственность лица, на службе которого он был в последний раз переведен или взят, и которым он был освобожден, или за счет и под ответственность его или ее наследников, душеприказчиков или администраторов, несмотря на любые законы, обычаи или обыкновения, свидетельствующие об обратном."[\[439\]](#)

Массачусетс вел и вел себя очень трусливо в этом вопросе. Но Коннектикут проявил большую мудрость и гуманность, предусмотрев справедливое и равноправное положение для таких бедных и дряхлых рабов, которые могли оказаться отданными на благотворительность после долгой жизни в безответном труде. Рабство само по себе было "суммой всех злодеяний", самым черным проклятием, когда-либо бичевавшим землю. Покупать и продавать человеческие существа; вырывать из голодной груди матери ее безмолвное дитя; разлучать мужа с женой его сердца; извлекать богатство из неоплаченного труда человеческих существ; разрушать семейный алтарь и позволять развратным зверям, претендующим на имя "христианин", носиться над беззащитной женственностью, как свиньи над алтарем Бога!.. Есть ли что-нибудь хуже, спросите вы? Да! Работать на человека от юности до старости, присваивать себе исключительно труд этого существа, лишать его благ этой жизни, отравлять всякое домашнее милосердие, сковывать интеллект силой рокового невежества, лишать привилегий Евангелия любви; А потом, когда под ненастным небом раздастся глухой кашель, когда тени колышутся, когда рука дрожит, когда походка шаркает, когда ухо глухо, глаз тускнеет, когда желание угасает, - тогда выдать это человеческое существо на смерть - это, безусловно, самое тяжкое преступление, которое может совершить человек в своих отношениях с человечеством! А рабство настолько ожесточило сердца людей, что вышеупомянутый акт был признан необходимым для обучения азбуке человеческой доброты. Неудивительно, что человеческая терпимость была напряжена до предела, когда хозяева, освобождая своих рабов, принимали вид гуманистов, совершивших благородный поступок - манумитизацию раба!

В 1708 году Генеральному суду было предложено принять закон против коммерческого общения, которое в течение долгого времени неограниченно происходило между рабами и

свободными людьми. Рабы часто воровали предметы домашней мебели, посуду, одежду и т. д. и продавали их белым. И чтобы уничтожить готовый рынок сбыта, который находила эта широко распространенная клептомания, был принят закон, согласно которому покупка любого предмета у рабов считалась правонарушением для свободного человека. Это довольно интересный закон, и мы приводим его полностью.

"В то время как различные грубые и злонамеренные люди ради грязной корысти часто получают от индейцев, малатов и негров-рабов деньги и товары, украденные или добытые другими косвенными и незаконными способами, тем самым побуждая таких слуг воровать у своих хозяев и других людей: для исправления этого,

[35] *Да будет постановлено губернатором, советом и представителями, в общем собрании суда, и властью оною, что всякий свободный человек, кто бы он ни был, который осмелится открыто или частным образом покупать или получать от любого индейца, молато или негра, слуги или раба, любые товары, деньги, товары, изделия или провизию, без приказа хозяина или хозяйки такого слуги или раба, то каждый провинившийся и осужденный за это приговаривается к возврату всех таких денег, товаров, изделий, товаров или провизии потерпевшей стороне в деньгах (если они не изменены), а также к уплате двойной стоимости сверх того или удвоенной стоимости, если они были отчуждены или выброшены. А если человек, совершивший такое преступление, не сможет или не возместит присужденное, то он должен быть открыто выпорот с таким количеством полос (не более двадцати), какое укажет суд или судьи, рассматривающие такое преступление, или получить удовлетворение по службе. И индеец, негр или раб молатто, у которого или от которого будут получены или куплены такие товары, деньги, изделия, товары или провизия, если они окажутся украденными, или который украдет любые деньги, товары или вещи и будет осужден за это, хотя покупатель или получатель не будет найден, должен быть наказан плетью не более тридцати полос, а деньги, товары или вещи должны быть возвращены пострадавшей стороне, если она будет найдена. И каждый помощник и мировой судья в округе, где совершено такое преступление, настоящим уполномочивается рассматривать и выносить решения по всем преступлениям против этого закона, если ущерб не превышает суммы в сорок шиллингов".[440]*

В тот же день был принят еще один закон, обвиняющий в том, что, поскольку мулаты и негры-рабы стали многочисленными в некоторых частях колонии, они обречены на неподчинение, оскорбление белых людей и т. д., и гласящий следующее

"И поскольку негры и рабы-молаты стали многочисленными в некоторых частях этой колонии и очень склонны к буйству, и часто ссорятся с белыми людьми, нарушая мир:

"Поэтому губернатор, совет и представители, собравшиеся в Генеральном суде, и уполномоченные им, приказывают и постановляют, что если какой-либо негр или малатто-слуга или раб нарушит мир или предложит ударить любого белого человека и будет осужден за это, то такой негр или малатто-слуга или раб должен быть наказан розгами, по усмотрению суда, помощника или мирового судьи, который будет рассматривать это дело, не более тридцати полос за одно преступление".[441]

В 1711 году Генеральный суд колонии Коннектикут отличился принятием закона, гармонирующего с законом 1702 года. Было установлено, что подневольные слуги, а также

рабы стали жертвами жестокой политики, когда рабы и слуги уходили в мир иной без средств к существованию после того, как становились беспомощными или отбывали свой срок. Этот класс человеческих существ был отброшен в сторону, как выжатый лимон, чтобы люди топтали его ногами. Гуманные и вдумчивые люди колонии потребовали судебной защиты, и она была предоставлена в виде следующего замечательного законопроекта: - "Закон, касающийся рабов.

"Акт, касающийся рабов, и в частности тех, кто становится временными слугами.

"Губернатор, Совет и Представители, собравшиеся в Генеральном Суде, постановляют, что все рабы, отпущенные на свободу их владельцами, и все негры, малатто или испанские индейцы, которые служат у хозяев на время, в случае, если они придут в нужду, после того, как они будут отпущены на свободу, или время их службы истечет, должны быть освобождены такими владельцами или хозяевами соответственно, их наследниками, исполнителями или администраторами; а при их отказе или отказе одного из них сделать это, указанные рабы и слуги должны быть освобождены избирателями городов, к которым они принадлежат, и указанные избиратели должны взыскать с указанных владельцев или хозяев, их наследников, душеприказчиков или управляющих все сборы и расходы, которые они понесли за такое освобождение, в обычном порядке, как в случае любых других долгов."^[442]

В 1723 году был принят закон, регулирующий социальное поведение и ограничивающий личные права рабов. В это время рабов было довольно много, и поэтому колонисты сочли нужным принять репрессивное законодательство. Странно, насколько предприимчивыми были колонии в период зенита института рабства! Они всегда чего-то ждали от рабов. Несомненно, они считали, что если рабы восстанут и перережут горло своим хозяевам, то это будет обычным действием измученного человечества. Колонисты жили в смертельном страхе перед своими рабами, и характер законодательства был лишь термометром их страха. Этот закон был небольшим свидетельством волнения жителей колонии по вопросу о рабстве:.

"[376] Акт о предотвращении беспорядков среди негров и индийских слуг и рабов в ночное время.

"Да будет постановлено губернатором, Советом и представителями в Генеральном суде, собранном и властью оною, что с момента и после публикации настоящего закона, если какой-либо негр или индийский слуга или раб будет найден вне дома в ночное время, после девяти часов, без особого приказа его или их хозяина или хозяйки, то любой человек или люди будут иметь право задержать и охранять такого негра или индийского слугу или раба, нарушившего закон, и доставить его или их к следующему помощнику или мировому судье; и приказывать публично выпороть его или их по голому телу, не более чем на десять полос, и оплатить судебные издержки, если только его или их хозяин или хозяйка не выкупят их, заплатив штраф, не превышающий двадцати шиллингов.

"И настоящим постановляется вышеупомянутой властью, что если какой-либо негр или индийский слуга или раб, о которых говорилось выше, будет развлекаться в каком-либо доме после девяти часов вышеупомянутого времени, кроме как для выполнения какого-либо дела, на которое они могут быть посланы, то глава семьи, который развлекает или терпит их в своем доме, или в любом зависимом от них месте, и будучи осужденным за это перед любым помощником или мировым судьей,

который имеет право выслушать и вынести решение, должен заплатить двадцать шиллингов, половину из которых отдать заявителю, а другую половину - в казну города, где было совершено преступление; несмотря на все законы и обычаи. И что обязанностью нескольких великих присяжных, констеблей и тингманов будет тщательное расследование всех нарушений этого закона".[443]

Законы, регулирующие рабство в колонии Коннектикут, до этого времени действовали и неукоснительно соблюдались. Было несколько нарушений закона, но виновные были наказаны. А в дополнение к законодательному регулированию положения рабов, несговорчивых часто вызывали на суд общественного мнения и разбирались с ними в суровом порядке. Отдельные владельцы рабов считали себя вправе поступать с этой разновидностью своей собственности по своему усмотрению. Таким образом, с каждой стороны раб оказывался под пристальным вниманием, подозрениями, страхом, ненавистью и преследованием всего сообщества белых, которые по закону являлись вечным *posse comitatus*. Результат слишком большой бдительности и жесткой цензуры был положительным и тревожным. Это приводило раба в отчаяние. Он одурманивал его злобой, которая не терпела никаких ограничений. Говорят, что использование энергичных прилагательных и сильного английского языка приносит облегчение в моменты испытаний. Но даже в этом угнетенным рабам в Коннектикуте было отказано; в мае 1730 года был принят законопроект, наказывающий их за использование крепких выражений.

"Закон о наказании негров, индейцев и рабов-мулатов за произнесение клеветнических слов.

"Да будет постановлено губернатором, советом и представителями, собравшимися в Генеральном суде, и властью оного, что если какой-либо негр, индеец или раб-мулат произнесет, опубликует или скажет о любом человеке такие слова, которые по закону могут быть приняты к рассмотрению, если бы они были произнесены, опубликованы или сказаны любым свободным человеком о любом другом, то такой негр, Индеец или раб Мулатто, будучи осужден за это перед любым помощником или мировым судьей (которые настоящим уполномочены выслушать и вынести решение), должен быть наказан плетью, по усмотрению помощника или судьи, перед которым происходит суд (с учетом обстоятельств дела), не более чем на сорок полос. И указанный раб, осужденный таким образом, должен быть продан для покрытия всех расходов, возникающих в связи с этим, если только он или его хозяин или хозяйка не заплатят и не дадут ответ, и т. д."[444]

Приведенный выше акт - самый примечательный документ этого периода. И все же в нем есть две заметные особенности: раб должен быть привлечен к ответственности так же, как если бы он был свободным человеком; и он должен был иметь право предлагать доказательства, заявлять о своей вине и иным образом защищать себя от обвинения. Это было больше, чем разрешалось в других колониях.

9 сентября 1730 года губернатор Дж. Талкотт в письме в "Совет торговли" сообщил, что в колонии насчитывается "около 700 индейских и негритянских рабов". Большинство из них были негритянскими рабами. Ведь 8 июля 1715 года губернатор издал прокламацию против ввоза индейцев;[445] а 13 октября 1715 года был принят билль, "запрещающий ввоз или ввоз в колонию любых индейских рабов". Это была точная копия закона от мая 1712 года, принятого в колонии Массачусетс.

Колония Коннектикут никогда не устанавливала рабство прямым законом, но, приняв кодекс, который по приказу Генерального суда Хартфорда был "скопирован секретарем в книгу

публичных записей", она дала этому институту юридическую санкцию. Этот кодекс был подписан 5 сентября 1646 года. Он признавал законность рабства индейцев и негров. Это было сделано в рамках конфедерации "Соединенные колонии Новой Англии".^[446] По какой-то причине часть кодекса, признающая рабство, была опущена в пересмотренных законах 1715 года. В этой колонии, как и в Массачусетсе, только члены церкви, "и живущие в пределах юрисдикции", могли быть допущены к правам свободных людей. В 1715 году был принят закон, согласно которому лица, желающие стать "свободными гражданами этой корпорации", должны были получить сертификат от выборщиков, что они "люди тихого и мирного поведения и гражданского общения, достигшие возраста двадцати одного года, и свободные владельцы". Это положение исключало всех свободных негров. Получить такую справку было невозможно. Общественное мнение не одобрило бы такое нововведение в обычаи и нравы пуритан. 17 мая 1660 года был принят следующий закон: "Этот суд постановляет, что ни от индейцев, ни от негров не должно требоваться, чтобы они работали в Колло, сторожили или охраняли его".^[447]

Чтобы определить статус негра здесь, этот закон был необходим. Он мог быть свободным, работать своим трудом; но если закон исключал его из периодических сборов и тренировок, из церковных и гражданских обязанностей, то его свобода была просто *недоразумением*. Трудно определить права свободного негра в этой колонии. Он был ограничен в отношениях с рабами, а к общению с белыми людьми относился с подозрением. Если с точки зрения закона он имел право приобретать собственность, то всеобщие предрассудки, с которыми он сталкивался со всех сторон, заставляли его самых теплых друзей проявлять разумный консерватизм. Не было предусмотрено никаких условий для его интеллектуального или духовного роста. И религиозное, и гражданское правительство, под властью которого он жил, считали его язычником. Даже его случайное обращение не смогло изменить его состояние и смягчить чувства белых христиан (?) по отношению к нему. Подобно дикому животному, он обладал самой незначительной привилегией - получить что-нибудь поесть. Кроме этого, у него не было ничего. Куда бы он ни повернулся, он чувствовал на себе злобные взгляды подозрительных людей. Предрассудки и предписывающее законодательство бросали свои мрачные тени на его ежедневный путь, а сознательное превосходство белых обрекало его на тяжелейшую каторгу ради хлеба насущного. Воспоминания о прошлом были тягостны, испытания и тяготы настоящего были почти невыносимы, а будущее представлялось ему одним бесформенным ужасом.

Возможно, смиренное и покорное согласие негров, как подневольных, так и свободных, оказало благотворное влияние на общественное мнение. Есть что-то ужасно величественное в героическом перенесении незаслуженной боли. Белые христиане женились и выходили замуж; они сеяли и собирали богатые урожаи; они покупали и строили счастливые дома; у них рождались прекрасные дети; они строили великолепные церкви и поклонялись истинному Богу: настоящее было радостным, а будущее наполнено возвышенным предвкушением. Контраст этих двух народов, находящихся в самых разных условиях, должен был заставить людей задуматься. К этому добавились громкие раскаты революции. У Коннектикута были свои ораторы, и они трогали сердца людей раскаленными углями патриотической решимости. Они чувствовали незащищенность своих собственных свобод и теперь были готовы выступить в поддержку свободы негров. Непоследовательность просьб о свободе, молитв о свободе, борьбы за свободу и смерти за свободу, когда они сами держали тысячи человеческих существ в рабстве, самом жестоком, какое когда-либо знал мир, помогала делу рабовладельцев. В 1762 году негритянское население этой колонии составляло четыре тысячи пятьсот девяносто человек.^[448] Общественные настроения были

возбуждены по вопросу рабства; и в октябре 1774 года был принят следующий запрет на рабство: - "Закон против ввоза рабов".

"Акт против ввоза рабов": "Ни один индеец, негр или мулат не должен впредь ввозиться или импортироваться в этот штат по морю или суше из любого места или мест, чтобы им можно было распоряжаться, оставлять или продавать в пределах этого штата".^[449]

Приведенный выше законопроект был краток, но содержателен; он показал, что Коннектикут - единственная из новоанглийских колоний, у которой хватило честности и мужества принять закон против рабства. А патриотизм и несравненная доблесть негров-солдат Коннектикута, гордо следовавших за флагом Континентальной империи сквозь огонь революционной войны, доказали, что они достойны гуманных чувств, потребовавших принятия Акта 1774 года.

ССЫЛКИ:

^[435] В Столичных законах штата Коннектикут, принятых 1 декабря 1642 года, шестой закон гласит следующее. "10. Если кто украдет человека или человечину, тот должен быть предан смерти. Исх. 21 16." Но таков был закон в Массачусетсе, и тем не менее рабство существовало там в течение ста сорока трех (143) лет.

^[436] Conn. Col. Recs., 1678-89, p. 293.

^[437] Там же, p. 298.

^[438] Conn Col Recs., 1689-1706, p. 40

^[439] Там же. 1689-1706, pp. 375, 376.

^[440] Конн. Col. Recs., 1706-16, p. 52.

^[441] Там же, pp. 51, 53.

^[442] Conn. Col. Recs., 1706-16, p. 233.

^[443] Conn. Col. Recs., 1717-25, pp. 390, 391.

^[444] Там же, 1726-35, с. 290.

^[445] Conn. Col. Recs., 1706-16, pp. 515, 516.

^[446] Hazard, State Papers, vol. ii. pp. 1-6.

^[447] Conn. Col. Recs., vol. i. p. 349.

^[448] Pres. Stiles's MSS.

^[449] Freedom and Bondage, vol. i. pp. 272, 273.

ГЛАВА XIX.

КОЛОНИЯ РОУД-АЙЛЕНД.

1647-1775.

Колониальное правительство в Род-Айленде, май 1647 г. - Закон об отмене рабства, принятый в 1652 г., но так и не вступивший в силу - Закон, определяющий, в какое время индейцы и негры не должны появляться на улицах - Налог на рабов (1708) - Штрафы, налагаемые на непослушных рабов - Настроения против рабства в колониях мало поощряются.-Циркулярное письмо Совета торговли губернатору английских колоний по поводу негров-рабов.- Ответ губернатора Крэнстона.- Список ополченцев, включая белых и черных слуг.- Еще одно письмо Совета торговли.- Закон о предотвращении тайного ввоза и вывоза пассажиров, негров или индийских рабов.-Мастера судов обязаны сообщать губернатору имена и количество пассажиров.-Нарушение закона о налоге на рабов карается суровыми штрафами.-Ассигнование Генеральной Ассамблеей 5 июля 1715 года средств из фонда, полученного от налога на рабов, на мощение улиц Ньюпорта.-Принятие закона о распоряжении деньгами, собранными от налога на рабов.-Закон об импосте отменен в мае 1732 г. -Закон об освобождении мулатов и негров, принятый в 1728 г. -Закон, запрещающий хозяевам судов вывозить рабов из колонии, 17 июня 1757 г. -Канун революции. -Закон, запрещающий ввоз негров в колонию в 1774 г. -Население Род-Айленда в 1730 и 1774 гг.

[Вернуться к оглавлению](#)

Негры-индивидуалы находились в рабстве в Род-Айленде с момента образования там колониального правительства в мае 1647 года и до конца восемнадцатого века. Как и другие колонии, она рано приняла яд работорговли в свою коммерческую жизнь, и избавление от него стало сложнейшей политической задачей. Институт рабства в этой колонии никогда не был установлен законом; но он так прочно укоренился через пять лет после создания правительства, что для его уничтожения потребовалось положительное и четкое запрещение закона. 19 мая 1652 года Генеральный суд принял следующий закон против рабства. Это самый ранний положительный запрет на рабство в истории современных государств.

"В то время как среди англичан принято покупать негров, чтобы иметь их в услужении или рабами навечно; для предотвращения подобной практики среди нас, да будет предписано, чтобы ни один чернокожий человек или белый не был принужден узами договора или иным способом служить любому человеку или его помощникам дольше десяти лет, или пока они не достигнут двадцати четырех лет возраста, если они были взяты в возрасте до четырнадцати, со времени их прибытия в пределы свободы этого колониума. А в конце или по истечении десяти лет отпустить их на свободу, как это принято у английских слуг. А тот, кто не даст им освободиться или продаст их в другое место, чтобы они надолго попали в рабство к другим, тот или они должны заплатить Коллони сорок фунтов".[\[450\]](#)

Вышеупомянутый закон был замечательным, но в колонии не хватало общественных настроений, чтобы придать ему практическую силу. Он так и не был отменен, и, тем не менее, рабство процветало в соответствии с ним в течение полутора веков. Мистер Бэнкрофт говорит: "Закон не исполнялся, но принцип жил в народе".[\[451\]](#) Несомненно, принцип жил среди людей, но практически они мало что сделали для освобождения своих рабов, пока над их домами не нависла туча революционной войны. В утверждении мистера Бэнкрофта есть нечто большее, чем может заметить случайный читатель.

Люди, основавшие Род-Айленд, или Провиденс Плантейшн, как его называли вначале, принадлежали к высшему типу христианских джентльменов. Они придерживались передовых взглядов на гражданское правительство и религиозную свободу. Они в полной мере осознавали всю чудовищность греховности рабства; но пока они не решались уничтожить то, что многие люди считали необходимым социальным злом, оно превратилось в институт, который управлял больше, чем можно было управлять. Институт был создан. Рабы были на фермах, в городах и в семьях тех, кто мог позволить себе их купить. Население колонии было небольшим, и манумизировать рабов, в которых были вложены большие деньги, или внезапно прекратить их поставку извне было выше сил колонистов. Дух был готов, но плоть была слаба.

В течение полувека Генеральный суд ничего не предпринимал, чтобы остановить или пресечь работорговлю, хотя закон 1652 года оставался законом колонии. Торговля не была обширной. Ни одно судно из Африки не заходило в Ньюпорт или Провиденс. Источником снабжения были Барбадосские острова, а изредка по суше привозили рабов из других колоний. В этот период мало что говорилось за или против рабства. Это был сложный вопрос. Настроения против него были почти единодушными. Оно было злом, но как от него избавиться, было самым важным вопросом. В этот период недоумения в отношении рабства царило зловещее молчание. Консерватизм колонистов породил обратную реакцию негритянского населения. Они начали думать и говорить о своих "правах". Закон 1652 года начал приносить свои плоды. По истечении десяти лет службы рабы стали требовать бумагу о своей свободе. Это привело весь негритянский класс в состояние ожидания. Их стремление к свободе было истолковано более робкими белыми как сигнал к беспорядкам. Было выдвинуто требование принять закон, который ограничил бы личные свободы негров по вечерам. Стоит привести закон от 4 января 1703 года, чтобы читатель мог увидеть сходство законов, принятых в новоанглийских колониях против негров: - "Акт об ограничении негров".

"Акт об ограничении негров и индейцев за прогулки в неурочное время ночью, а также в другие непозволительные времена.

"Голосовали: "Да будет постановлено этим Собранием и его властью, и настоящим постановляется, что если какие-либо негры или индейцы, свободные, слуги или рабы, будут ходить по улицам города Ньюпорта или любого другого города этой колонии после девяти часов вечера без свидетельства от их хозяев или какого-либо англичанина из указанной семьи с ними, или какого-либо законного оправдания для этого, то будет законным для любого человека взять их и доставить к констеблю, чтобы их охраняли или следили за их охраной до следующего утра, а затем доставить к мировому судье в указанном городе, чтобы с ними разобрались, согласно упомянутому закону, и этот судья заставит указанного человека или людей, нарушивших закон, быть выпоротыми на публичном столбе для порки в указанном городе, не более пятнадцати полос на их обнаженных спинах, если только их неисправимое поведение не потребует большего. И все свободные негры и свободные индейцы должны быть подвергнуты такому же наказанию, без законного оправдания за то, что их нашли разгуливающими по улицам после такого не положенного времени ночи.

"И далее постановляется, что все и каждый содержатель дома в пределах указанного города или городов или колонии, который будет развлекать слуг, негров или индейцев, без разрешения их хозяев или тех, кому они принадлежат, после указанного установленного времени ночи, о котором говорилось ранее, и

будучи осужден за это перед любым мировым судьей, он или они должны заплатить за каждый свой недостаток пять шиллингов деньгами, чтобы они были использованы для бедных в городе, где живет человек; а в случае отказа от уплаты - быть конфискованными по ордеру любого констебля в указанном городе; любой закон об обратном не имеет значения."[\[452\]](#)

Весьма примечательно, что этот закон должен был запретить свободным неграм и свободным индейцам ходить по улицам после девяти часов. В этом отношении данный законопроект не имел аналогов ни в одной из других колоний. Казалось, что этот закон с удивительной точностью направлен против негров как класса, как подневольных, так и свободных. Влияние свободных негров на рабов не было в гармонии с состоянием последних; и вышеупомянутый закон был предназначен как напоминание, частично, для свободных негров и индейцев. Он показал, что в слове "свободный", поставленном перед именем негра, мало смысла. Никакое подобное ограничение не могло быть наложено на личные права белого колониста; ведь при демократическом правительстве колонии подданный был больше, чем правительство. Ни один закон не мог противоречить его правам как свободного человека. Но у свободного негра не было средств правовой защиты. Он находился буквально между двумя состояниями - рабством и свободой.

Обращает на себя внимание тот факт, что закон 1652 года так и не был введен в действие. В апреле 1708 года был принят закон, устанавливающий налог на рабов, ввозимых в колонию, который фактически дал юридическую санкцию работорговле.[\[453\]](#) Закон, о котором идет речь, гласит следующее

"И далее принимается вышеупомянутой властью, что, в то время как актом Ассамблеи в феврале прошлого года, касающимся ввоза негров, одна из статей этого акта гласила, что за каждого негра, ввезенного в эту колонию, в казну должно быть уплачено три фунта денег; но при вывозе такого негра в срок, ограниченный этим актом, эти три фунта должны были быть снова взяты из казны импортером:

"Настоящим постановляется, что указанная сумма на будущее время не должна изыматься, а должна оставаться для использования в соответствии с указанным актом; несмотря ни на что, любой акт об обратном".[\[454\]](#)

Закон, о котором говорится, что он был принят "в феврале прошлого года", найти не удалось.[\[455\]](#) Но из процитированного выше следует, что он был направлен на достижение двух целей, а именно: Во-первых, согласно кодексам Массачусетса и Вирджинии, импортеру негра, вывозившему его в течение определенного срока, полагалась обратная пошлина: февральский закон Род-Айленда предоставлял импортерам такую привилегию. Во-вторых, несмотря на громко звучащий Акт 1652 года, эта колония не только готова была взимать налог на всех импортируемых рабов, но и в своей жадности к "кровным деньгам" даже отказывала импортеру в подлой привилегии при вывозе раба получить возврат! Последовательность Род-Айленда, должно быть, была жемчужиной, которую не жаждали другие колонии.

Последний раздел Закона 1703 года был направлен против "хранителей домов", которые должны были быть оштрафованы за развлечение негров или индийских рабов после девяти часов. В 1708 году был принят еще один закон, дополняющий закон 1703 года, в котором в качестве наказания за неуплату штрафов были добавлены полосы. Многие белые люди в крупных городах стали относиться к рабам довольно дружелюбно; и даже если они не выступали публично против порабощения людей, их сердца побуждали их совершать множество маленьких добрых дел. Они обнаружили в негритянском характере много

благородных черт и не стеснялись выражать свое восхищение. Когда их вызывали к судье и штрафовали за то, что они развлекали негров после девяти часов, они платили штраф с готовностью и готовностью, которые настораживали рабовладельческую касту. Это расценивалось как измена. Некоторые не могли заплатить штраф и, следовательно, выходили на свободу. Новый закон был призван исправить ситуацию. Он гласил: "Акт о предотвращении развлечений".

"Акт о предотвращении развлечений негров и т. д.

"Принимая во внимание, что в этой колонии существует закон, запрещающий кому-либо развлекать негров-рабов или индейских слуг, не принадлежащих им, в своих домах или незаконно позволять им пить крепкие напитки, чем они были прокляты, такие лица должны были заплатить штраф в пять шиллингов, и таким образом остаться безнаказанными, не было предусмотрено, какое телесное наказание они должны иметь, если у них нет средств, чтобы заплатить:

"Поэтому ныне постановляется, что любой такой провинившийся, если у него или у нее не будет или не будет суммы в десять шиллингов за каждый недостаток, которая будет уплачена перед властью, перед которой он или она были законно осуждены, то он или она будут по приказу этой власти публично выпороты по голой спине, не более чем на десять полос; несмотря на любой акт, свидетельствующий об обратном. "[456]

Несомненно, что те незначительные антирабовладельческие настроения, которые существовали в британских колониях в Северной Америке в течение первого века их существования, не получали никакого поощрения со стороны парламента. С самого начала плантации в этом новом мире на Западе рассматривались как рассадники, в которых рабство будет процветать и приносить обильные плоды к большой выгоде английского правительства. Ожидалось, что все назначения, сделанные короной, будут соответствовать планам, которые должны были быть реализованы в колониях. С момента основания Джеймстауна и до начала войны и подписания Декларации независимости ни один из королевских губернаторов не допустил, чтобы его чувство долга перед короной было искажено местными взглядами на "право на рабство". Торговый совет неустанно уделял внимание колониям. И ни одна тема не занимала больше места в переписке этого колоссального учреждения, чем рабство. Следующее циркулярное письмо, адресованное губернаторам колоний, достойно того, чтобы воспроизвести его здесь, а не в Приложении. Это великолепное окно, пропускающее свет на темный предмет. Оно дает весьма справедливое представление о глубокой озабоченности, которую правительство страны проявляло в отношении иностранного и отечественного рабства.

"ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ТОРГОВОГО СОВЕТА ГУБЕРНАТОРАМ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЙ ПО ПОВОДУ НЕГРИТЯНСКИХ РАБОВ.

"17 апреля 1708 года.

"Сэр: Некоторое время назад королева соизволила передать нам петицию, касающуюся торговли в Африке, по которой мы выслушали предложения Королевской африканской компании и отдельных торговцев; и, ознакомившись наилучшим образом с нынешним состоянием этой торговли, мы представили ее Ее Величеству. После этого рассмотрение вопроса об этой торговле поступило в палату общин, и копия нашего отчета была представлена палате; но сессия была слишком затянута, чтобы рассматривать столь важный вопрос, и мешали другие дела, поэтому никакого прогресса в этом деле не было. Однако, поскольку совершенно

необходимо, чтобы торговля, столь выгодная для королевства, велась с наибольшей пользой, нет сомнений в том, что рассмотрение этого вопроса состоится в ближайшее время на следующем заседании парламента; И поскольку хорошее снабжение плантаций и колоний достаточным количеством негров по разумным ценам, по нашему мнению, является главным моментом, который следует рассмотреть в отношении этой торговли, и поскольку до сих пор мы не могли знать, как они поставлялись компанией или отдельными торговцами, иначе как по соответствующим счетам, предоставленным ими, которые по большей части основаны на расчетах, сделанных из их экспорта с одной и другой стороны, и так сильно отличаются, что по этим счетам нельзя вынести определенного суждения.

"Поэтому, чтобы мы могли на следующем заседании парламента представить обеим палатам, когда это потребуется, точный и достоверный отчет об этой торговле, особенно в отношении нескольких плантаций и колоний: Настоящим мы желаем и строго требуем от вас, чтобы по получении настоящего документа вы сообщили от надлежащих должностных лиц или иным способом, наилучшим из возможных, какое количество негров ежегодно ввозилось непосредственно из Африки на Ямайку, начиная с 24 июня 1698 года по 25 декабря 1707 года, и по какой цене за голову они продавались каждый год, один за другим, различая количество, которое было ввезено по поручению Королевской Африканской Компании, и то, которое было ввезено отдельными торговцами; а также цены, по которым эти негры были проданы компанией и отдельными торговцами. Мы должны рекомендовать вам быть настолько точными и прилежными в этом деле, насколько это возможно, и при первой же возможности передавать нам такие счета, как указано выше, чтобы они могли прибыть сюда в надлежащее время, а также дубликаты первым же транспортом.

"И чтобы мы могли лучше судить о нынешнем положении этой торговли, мы должны далее рекомендовать вам посоветоваться с некоторыми из главных плантаторов и жителей в пределах вашего правительства по этому вопросу и сообщить нам, как велась торговля неграми и как остров Ямайка снабжался неграми до 1698 года, когда эта торговля была открыта актом парламента; как она велась и как поставлялись негры с тех пор, или каким образом, по их мнению, упомянутая торговля может быть лучше всего управляема на благо плантаций.

"Мы также желаем, чтобы вы сообщили нам, какое количество судов, если таковые имеются, используется от Ямайки до побережья Африки в торговле неграми, и сколько отдельных торговцев участвуют в этой торговле".

"Наконец, какие бы отчеты вы ни присылали нам время от времени, касающиеся этих вопросов торговли неграми, мы желаем, чтобы они были отдельными и не смешивались с другими делами; и чтобы впредь вы передавали нам такие же полугодовые отчеты о неграх, кем ввезенных и по каким ценам проданных; первый из таких последующих отчетов должен начинаться с Рождества 1707 года, к которому и должны быть предоставлены те, которые сейчас требуются. На этом мы с вами сердечно прощаемся,

"Ваши очень любящие друзья,

Стэмфорд",

Герберт,

Доктор Мидоус,

I. Пултеней,

R. Монкtonу.

"P.S. Мы ожидаем от вас самого лучшего отчета, который вы можете нам дать, с той оперативностью, которой требует краткость времени".

"Меморандум. Это письмо, *mutatis mutandis*, было направлено губернаторам Барбадоса, Подветренных островов, Бермудских островов, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Мэриленда, президенту Совета Виргинии, губернатору Нью-Гэмпшира и Массачусетского залива, заместителю губернатора Пенсильвании, лордам-собственникам Каролины, губернаторам и компаниям Коннектикута и Род-Айленда".[\[457\]](#)

Добрая королева Англии была заинтересована в торговле людьми; и хотя Палата общин была слишком занята, чтобы уделять внимание "вопросу столь большого веса", "Совет торговли" считал, что "совершенно необходимо, чтобы торговля, столь выгодная для королевства, велась с наибольшей пользой". Англия никогда не выпускала более жестокого документа, чем вышеупомянутое циркулярное письмо. Если прочитать его сейчас, под ярким светом девятнадцатого века, то это почти заставит англоязычных людей всего мира усомниться даже в "правдивости истории". Рабство существовало не по принуждению. Это было преступление против слабых, невежественных и униженных детей Африки, систематически совершаемое организованным христианским правительством, поддерживаемым армией, захватившей самые дальние пределы цивилизации, и флотом, затмившим океаны.

Ответ губернатора Род-Айленда был не столь обнадеживающим, как хотелось бы их светлостям.

ОТВЕТ ГУБЕРНАТОРА КРЭНСТОНА.

"Да будет угодно вашим светлостям: Повинуясь повелению ваших светлостей от 15 апреля прошлого года, касающемуся торговли в Африке.

"Мы, осмотрев книги обычаев Ее Величества и осведомившись о них у надлежащих чиновников, путем строгого дознания, не можем представить вашим светлостям иного отчета об этой торговле, кроме следующего, а именно:

"1. Что с 24 июня 1698 года по 25 декабря 1707 года в эту колонию не было ввезено ни одного негра с побережья Африки, ни на счет Королевской Африканской Компании, ни кем-либо из отдельных торговцев.

"2. 30 мая 1696 года в этот порт прибыла с побережья Африки бригантина "Сифлор", хозяин Томас Виндзор, на борту которой было сорок семь негров, четырнадцать из которых он продал в этой колонии по цене от 30 до 35 фунтов за голову; остальных он перевез по суше в Бостон, где жили его хозяева.

"3. 10 августа, 19 и 28 октября 1700 года из этого порта отплыли три судна, направлявшиеся к берегам Африки; два первых были шлюпами, одним командовал Никос Хиллгрю, другим - Джейкоб Билл; последний корабль, которым командовал Эдвин Картер, который был совладельцем упомянутых трех судов, в компании с Томасом Брустером и Джоном Бейтсом, купцами с Барбадоса, и отдельными торговцами оттуда к берегам Африки; упомянутые три судна благополучно прибыли на Барбадос с берегов Африки, где они распорядились своими неграми.

"4. Что у нас никогда не было ни судов от берегов Африки до этой колонии, ни какой-либо торговли там, за исключением вышеупомянутой бригантины.

"5. Что вся и единственная поставка негров в эту колонию осуществляется с острова Барбадос; оттуда ежегодно ввозится от двадцати до тридцати негров, и если они прибывают в хорошем состоянии, то общая цена составляет от 30 до 40 фунтов стерлингов за голову.

"Согласно желанию вашей светлости, мы посоветовались с самыми главными из наших плантаторов, и обнаружили, что эта торговля мало поощряется в этой колонии; поскольку по самым лучшим расчетам, которые мы можем сделать, в этой колонии не будет продаваться более двадцати или тридцати, самое большее, ежегодно, причины чего главным образом следует отнести на счет общей неприязни наших плантаторов к ним, по причине их буйного и необузданного нрава.

"И что большинство наших плантаторов, способных и желающих приобрести кого-либо из них, обеспечиваются потомством тех, кто у них уже есть, которое ежедневно увеличивается; и что склонность нашего народа в целом состоит в том, чтобы нанимать белых слуг раньше, чем негров".

"Таким образом, мы представили нашим светлостям правдивый и достоверный отчет о том, что произошло в торговле Африкой из этой колонии; и если в будущем наша торговля будет распространена на те края, мы не преминем передать отчеты об этом согласно приказам ваших светлостей, и чтобы в любое время быть готовыми показать себя,

"Покорный слуга ваших светлостей,

Сэмюэл Крэнстон, *губернатор*".

"Ньюпорт, Род-Айленд, 5 декабря 1708 года".[\[458\]](#)

Итак, за девять лет в колонию не было ввезено ни одного негритянского раба; в 1696 году колонистам было продано четырнадцать рабов по цене от тридцати фунтов до тридцати пяти фунтов за штуку; это был единственный случай, когда судно, прибывшее прямо с берегов Африки, коснулось этой колонии; негритянские рабы поставлялись с Барбадоса, а колонисты, желающие приобрести рабов, получали их из потомства тех, кто уже был на плантации; и колонисты предпочитали белых слуг черным рабам. Лучшее, что можно сказать о письме губернатора Крэнстона, - это то, что оно было очень уважительным по тону. В приложении к письму была приведена следующая таблица. Мы приводим ее полностью, поскольку она представляет общий интерес: - "Список количества свободных рабов.

"Список числа вольноотпущенников и ополченцев, а также слуг, белых и черных, в соответствующих городах; а также число жителей в колонии Ее Величества Род-Айленд и т. д., 5 декабря 1708 года.

Города.	Свободные люди.	Ополченцы.	Белые Слуги.	Черные Слуги.	Всего Жителей
Ньюпорт	190	358	20	220	2,203
Провиденс	241	283	6	7	1,446
Портсмут	98	104	8	40	628

Уорвик	80	95	4	10	480
Вестерли	95	100	5	20	570
Новый Шорхэм	38	47	-	6	208
Кингстаун	200	282	-	85	1,200
Джеймстаун	33	28	9	32	206
Гринвич	40	65	3	6	240
Всего	1,015	1,362	56	426	7,181

"Следует понимать, что все мужчины в пределах этой колонии, от шестнадцати до шестидесяти лет, состоят в ополчении, так что все свободные люди старше и младше указанных возрастов включены в вышеуказанное число ополченцев.

"Что касается увеличения или уменьшения жителей в течение пяти последних лет, мы не в состоянии дать точный отчет, поскольку до этого не было составлено ни одного списка (за исключением ополчения), которое увеличилось с 14 февраля 1704-5 года (тогда список был возвращен вашим светлостям) на 287 человек.

Сэмюэл Крэнстон, *губернатор*".

"Ньюпорт, на Род-Айленде, 5 декабря 1708 г.". [\[459\]](#)

Торговый совет ответил губернатору Крэнстону под датой "Уайтхолл, 16 января 1709-10 гг.", сообщив, что будет рад получить от него весточку "по поводу негров" и т. д. [\[460\]](#)

Письмо с запросом от Торгового совета придавало работоторговцам атмосферу важности и респектабельности. Этот институт был не так уж плох, как считалось; королевская семья была заинтересована в его развитии; это было выгодное предприятие; и, что самое главное, Библия и всеобщая практика освящали этот институт, как вопрос, затрагивающий совесть. Попытка отменить Акт 1652 года стала бы для борцов против рабства неразумным поводом для использования в благих целях. Законопроект был мертвой буквой, и его противники решили оставить его в своде законов колонии.

Эксперимент по взиманию налога на негров-рабов, ввозимых в колонию, увенчался успехом. После 1709 года работоторговля стала довольно оживленной. По мере роста населения возникала необходимость в улучшении общественного устройства: требовались новые общественные здания, нужно было ремонтировать дороги, строить мосты, обеспечивать бедных и страждущих. Чтобы сделать все это, необходимо было взимать налоги с фригольдеров. Руководителей правительства осенила счастливая мысль. Если люди *будут* ввозить рабов, а свободные жители колонии *будут* их покупать, то они должны *будут* платить налог в качестве наказания за свой грех. [\[461\]](#) И народ легко приспособил свои взгляды к состоянию государственной казны.

Мы уже обращали внимание на закон о налоге 1708 года. 27 февраля 1712 года Генеральная Ассамблея приняла *"Акт о предотвращении тайного ввоза и вывоза пассажиров, негров или индийских рабов в эту колонию или из нее"* и т. д. Закон получился довольно объемным. Он обязывал капитанов судов сообщать губернатору имена и количество всех пассажиров, высаженных в колонии, и не перевозить ни одного человека без пропуска или разрешения губернатора под страхом штрафа в пятьдесят фунтов стерлингов текущих денег Новой Англии. Лица, желающие покинуть колонию, должны были публично уведомить об этом за

десять дней в самом людном месте колонии; также в документе оговариваются обязанности морских офицеров, а в конце приводится следующее положение, касающееся негров-рабов и обращающее внимание на Закон о налоге 1708 года.

"Тогда и там было постановлено, что за всех негров, ввозимых в эту колонию, должно быть уплачено 3 фунта стерлингов текущих денег Новой Англии в общую казну этой колонии за каждого негра владельцем или импортером этого негра; ссылка на этот акт будет приведена более подробно".

"Однако упомянутым актом на них не было возложено никакого обязательства давать отчет губернатору о том, каких негров они ввезли, в результате чего благие намерения упомянутого акта были полностью расстроены и сведены на нет, а также путем тайного сокрытия и вывоза упомянутых негров из города в деревню, где они и скрываются:

"Для предотвращения этого в будущем, настоящим постановляется вышеуказанной властью, что с момента и после публикации настоящего закона, все капитаны судов, которые войдут в гавань Ньюпорта или в любой порт этого правительства, которые ввозят любых негров или индийских рабов, должны, прежде чем он поставит на берег в любом порту этого правительства или в городе Ньюпорт, любых негров или индийских рабов, или позволит кому бы то ни было спустить на берег негров или индийских рабов с борта своего указанного судна, передать морскому офицеру в городе Ньюпорте под его рукой честный манифест, в котором будет указано полное число негров и индийских рабов, которых он ввез на своем указанном судне, какого пола, с их именами, именами их владельцев или тех, кому они переданы; В истинности этого манифеста указанный господин должен дать телесную присягу или торжественное обещание указанному морскому офицеру, который настоящим уполномочен принести ему эту присягу, и, будучи должным образом приведенным к присяге, указанный морской офицер должен сделать об этом честную запись в книге, которая будет подготовлена для этого, где указанный господин поставит свою руку....

"И когда упомянутый господин передаст свой упомянутый манифест и присягнет на нем, как сказано выше, и прежде чем он высадит на берег или допустит высадку любых негров или индийских рабов, как указано выше, он, упомянутый господин, должен заплатить морскому офицеру за каждого негра сумму в три фунта стерлингов, текущих денег Новой Англии; и сорок шиллингов из тех же денег за каждого индейца, который будет импортирован им в эту колонию или привезен в эту колонию на судне, где он является хозяином.

"Если же у него не будет готовых денег для уплаты, как сказано выше, то он должен выдать указанному морскому офицеру вексель, как предписывает закон, на уплату ему всей вышеуказанной суммы за каждого негра и индейца, ввезенного, как сказано выше, и этот вексель должен быть оплачен через десять дней с момента вступления в силу манифеста, как сказано выше; И если по истечении десяти дней упомянутый хозяин откажется оплатить все содержание своего счета, то упомянутый морской офицер должен передать упомянутый счет губернатору или, в его отсутствие, следующему мировому офицеру, как указано выше, который должен немедленно поступить с упомянутым хозяином вышеупомянутым образом, заключив его в тюрьму Ее Величества, где он будет находиться без залога и без штрафа, пока не выплатит морскому офицеру за пользование этой колонией двойную сумму, указанную в его билле, и все расходы, которые будут начислены в связи с этим; Эти

деньги должны быть выплачены упомянутым морским офицером, как прикажет Генеральная Ассамблея этой колонии.

"И далее постановляется, что морской офицер, который в настоящее время и который когда-либо в будущем будет назначен на указанную должность, при вступлении в эту должность должен принять обязательство о добросовестном исполнении вышеуказанных актов. И для его поощрения должен иметь такие вознаграждения, которые ниже упомянуты в конце настоящего акта.

"И для более эффективного исполнения этих актов, и чтобы никто не мог ссылаться на незнание:

"Утверждается вышеуказанной властью, что все капитаны судов, торгующих с этим правительством, должны дать залог, с достаточным поручительством в военно-морском ведомстве, на сумму 50 фунтов стерлингов, текущих денег Новой Англии".[\[462\]](#)

Мы опустили значительную часть билля из-за его длины, но процитировали достаточно, чтобы дать прекрасное представление о чудесной осторожности, проявленной добрыми христианами Род-Айленда, чтобы получить каждый цент, причитающийся им за работорговлю, которую их запрет не запрещал. Для тех времен это был тщательно проработанный законопроект.

Усердие государственных служащих в морском портовом городе Ньюпорт было щедро вознаграждено. Теперь работорговля получила санкцию и регулирование колониального законодательства. Спрос на негров ничуть не пострадал, а торговцы не уклонялись от уплаты налога в три фунта за голову с каждого раба, проданного в Род-Айленд. 5 июля 1715 года Генеральная ассамблея выделила часть средств, полученных от налога на ввоз негров, на ремонт улиц, а затем укрепила и усилила первоначальный закон о пошлинах и т. д. Акт гласит следующее:-.

"Настоящая Ассамблея, принимая во внимание, что Ньюпорт является столичным городом в этой колонии, и что все судебные суды в этой колонии проводятся в нем; а также, что это главный рыночный город в правительстве; и что в нем очень грязные улицы, особенно та, что ведет от парома, или места высадки, до дома колонии, так что члены судов очень стеснены там, и это большое препятствие для транспортировки провизии, и т.д., в указанные города и из них, к большому ущербу для их жителей.

"Поэтому, да будет постановлено настоящим Собранием, и властью этого Собрания постановляется, что сумма в 289 фунтов 17 шиллингов. 3д., ныне находящаяся в руках морского офицера (это пошлины, уплаченные этой колонии за ввоз рабов), должна быть, и настоящим предоставляется городу Ньюпорт, на мощение улиц Ньюпорта, от места парома, до дома колонии, в указанном Ньюпорте; для улучшения их директорами, такими, каких они назначат на своих квартальных собраниях для этого.

"И в то время, как в Ньюпорте в 1701-2 году был принят Акт Ассамблеи для лучшего предотвращения мошенничества и мошенничества при уплате пошлин за ввоз негров и индийских рабов в эту колонию, и этот акт был признан в некоторых пунктах неполным, для осуществления полного намерения и цели этого акта: -...

"Настоящим постановляется вышеуказанной властью, что каждый хозяин корабля или судна, торговец или другое лицо или лица, ввозящие или ввозящие в эту

колонию любого негра-раба или рабов любого возраста, должны указать их количество, имена и пол в военно-морском ведомстве; и хозяин должен внести то же самое в ведомость своего коносамента, и должен заплатить морскому офицеру в Ньюпорте по 3 фунта за голову для использования этой колонией за каждого негра, мужчину или женщину, ввезенного или ввезенного таким образом. И каждый такой хозяин, торговец или другое лицо, отказывающееся или пренебрегающее уплатой упомянутой пошлины в течение десяти дней после того, как они будут доставлены на берег в этой колонии, то упомянутый морской офицер, узнав об этом, должен возбудить дело и подать иск [о] взыскании этой пошлины против него или них в порядке долгового иска в любом из судов записи Его Величества в пределах этой колонии.

"И если какой-либо хозяин корабля или судна, купец или другое лицо откажется или пренебрежет внесением, как вышеуказано, всех негров, ввезенных на таком корабле или судне, или будет осужден за внесение неполного числа, то такой хозяин, купец или другое лицо должны конфисковать и выплатить сумму в 6 фунтов стерлингов за каждого, кого он откажется или пренебрежет внесением, из них одну часть Его Величеству для поддержки правительства этой колонии и в его пользу; а другая часть - тому или тем, кто сообщит об этом или предъявит иск; она будет взыскана морским офицером вышеуказанным способом.

"И еще, все лица, которые привезут в эту колонию любого негра или негров из любой из прилегающих провинций Его Величества, должны таким же образом указать число, имена и пол всех этих негров в вышеупомянутой конторе под страхом конфискации, как сказано выше, и взыскать ее таким же образом морским офицером, и должны внести в вышеупомянутую контору в течение вышеуказанного срока такую же сумму в 3 фунта за голову; а в случае неуплаты, то же самое будет взыскано морским офицером таким же образом, как указано выше.

"При условии, что если какой-либо джентльмен, не являющийся резидентом этой колонии, будет проходить через любую ее часть с ожидающим его человеком или людьми, и не будет проживать в этой колонии шесть месяцев, то такие ожидающие люди будут освобождены от вышеуказанной пошлины; упомянутый джентльмен даст торжественное обязательство, что они не продаются; несмотря ни на что, любой акт или акты, статья или статьи актов, противоречащие этому, любым способом.

"При условии, что ни один из пунктов вышеупомянутого закона не будет распространяться на мастеров или суда, которые ввозят негров в эту колонию непосредственно с побережья Африки.

"И далее постановляется вышеупомянутой властью, что деньги, собранные за счет налога на негров, как указано выше, должны быть распределены следующим образом, а именно:

"Одна часть денег, собранных с негров, должна быть передана в пользование города Ньюпорта, чтобы город мог использовать их для мощения улиц этого города, и ни для какого другого использования, в течение семи лет с момента публикации настоящего закона, и чтобы 60 фунтов из этих денег предназначались для возведения основательного моста через реку Потуомут в доме Иезекииля Ханта в Восточном Гринвиче или рядом с ним, и ни для какого другого использования.

"И чтобы майор Томас Фрай и капитан Джон Элдредж были назначены лицами, которые будут заказывать и наблюдать за строительством указанного моста и

представлять отчет о нем Ассамблее, а указанным майору Фраю и капитану Элдреджу будет выплачено вознаграждение за их труды и заботы из оставшейся части указанных пошлинных денег, а остальной частью указанных пошлинных денег можно будет распоряжаться по усмотрению Ассамблеи".[463]

А в октябре 1717 года Ассамблея приняла следующее постановление

"Ассамблея постановляет, чтобы морской офицер выплатил 100 фунтов стерлингов из наложенных на рабов денег надсмотрщику, который следит за мощением улиц Ньюпорта, для улучшения оплаты расходов на мощение указанных улиц".[464]

К фонду, образовавшемуся за счет пошлины с рабов, относились с большой благосклонностью везде, особенно в Ньюпорте. Он очищал улицы и облегчал бремя налогов, которое так тяжело ложилось на плечи свободных землевладельцев. Против незаконной торговли не было поднято ни одного голоса, и совесть колонии была спокойна. В июне 1729 года был принят следующий закон

"Акт о распоряжении деньгами, собранными в этой колонии на ввоз негров-рабов в эту колонию.

"Поскольку существует акт Ассамблеи, принятый в этой колонии 27-го дня февраля 1711 года, устанавливающий пошлину в размере 3 фунтов стерлингов за голову на всех рабов, ввозимых в эту колонию, как это выражено в указанном акте; и несколько дел общественного характера, требующих выделения средств для их выполнения:"...

"Итак, Генеральная Ассамблея постановила, и властью оной постановлено и объявлено, что впредь все деньги, которые будут собраны в этой колонии по вышеупомянутому счету с любых рабов, ввозимых в эту колонию, должны быть использованы, одна часть - на нужды города Ньюпорта, на мощение и ремонт его улиц, а другая часть - на поддержку, ремонт и починку больших мостов на главных, , проселочных дорогах, и ни на какие другие нужды; все, что в вышеупомянутом акте говорится об обратном, несмотря ни на что."[465]

Удивительно, насколько сильно влияние денег на человечество. Чувства добрых людей были развеяны по ветру; они нашли панацею от нарушенных убеждений в неправильности рабства в снижении налогов, новых мостах и очищенных улицах. Совесть подкупили попустительством, и беззаконие процветало. Были и те, кто все еще пытался избежать бдительности морских офицеров и сэкономить три фунта на каждом рабе. Но усердие и либеральность властей не были превзойдены изворотливостью негров-контрабандистов. 18 июня 1723 года Генеральная ассамблея приняла следующее постановление

"Проголосовали за то, чтобы мистер Дэниел Апдайк, генеральный прокурор, был назначен и уполномочен собирать деньги, причитающиеся этой колонии за ввоз негров, и преследовать, судить и привлекать к ответственности лицо или лиц, которые откажутся их выплачивать; и чтобы ему было выплачено по пять шиллингов на голову за каждого раба, который в дальнейшем будет ввозиться в эту колонию, из денег, полученных от пошлин; и чтобы ему также было выплачено десять процентов. и во всех отношениях иметь такую же власть, какая была предоставлена морскому офицеру прежним актом".[466]

Вышеизложенное иллюстрирует дух времени. Налог на украденных негров был манией, и закон должен был применяться против всех, кто пытался уклониться от его требований. Но

Ассамблея обладала тонким чувством справедливости, а также неумолимым мнением относительно точных требований закона в его букве и духе. 19 июня 1716 года было принято следующее постановление

"Ассамблея постановляет, что пошлина за двух рабынь-сосунок, ввезенных в эту колонию полковником Джеймсом Воганом с Барбадоса, должна быть возвращена указанному Джеймсу Вогану".[467]

Законодательное собрание колонии Род-Айленд не посчитало ниже своего достоинства принять билль о помощи полковнику Вогану и вернуть ему шесть фунтов, которые он заплатил за высадку своих двух сосущих негритянских рабынь! В июне 1731 года морской офицер Джеймс Крэнстон обратил внимание Ассамблеи на дело некоего мистера Ройалла, который ввез в колонию сорок пять негров и через некоторое время продал шестнадцать из них в провинцию Массачусетский залив, где также взимался налог, и попросил указаний. Ассамблея ответила следующим образом.

"По рассмотрении этого, проголосовали и приказали, чтобы пошлина этой колонии за упомянутые шестнадцать негров, перевезенных в Массачусетский залив, как указано выше, была снята и отменена; но пусть он взимает пошлину с остальных двадцати девяти".[468]

Но рвение колонии, добивавшейся исполнения закона о пошлинах, вызвало сильное влияние против него извне, и по приказу короля весь закон был отменен в мае 1732 года.[469]

Жестокая практика манумитизации престарелых и беспомощных рабов стала настолько распространенной на этой плантации, что Генеральная ассамблея приняла закон, регулирующий ее, в феврале 1728 года. Он был в значительной степени заимствован из аналогичного закона в Массачусетсе и гласил следующее

"Закон, касающийся освобождения мулатов и негров-рабов.

"Так как большие расходы, неприятности и неудобства возникли для жителей различных городов этой колонии в результате манумитирования и освобождения мулатов и негров-рабов; для исправления этого, на будущее,...

"Генеральная Ассамблея этой колонии постановляет, что ни один мулат или раб-негр впредь не будет подвергнут манумитизации, освобожден или отпущен на свободу, или на свободе, пока не будет предоставлено достаточное обеспечение городскому казначею города или места, где проживает такой человек, в ценной сумме не менее 100 фунтов стерлингов, чтобы обеспечить и освободить город или место от всех обвинений в отношении мулата или негра, подлежащего манумификации и освобождению, в случае, если он или она по болезни, хромоте или иным причинам окажутся неспособными содержать себя.

"И ни один мулат или негр, который будет впоследствии манумирован, не будет считаться или считаться свободным, за которого не будет дано обеспечение, как указано выше, но который будет находиться в ведении их соответствующих хозяев или любовниц, если они будут нуждаться в помощи и поддержке; несмотря на любую манумиссию или документ о свободе, сделанный и данный им; и он будет обязан в любое время быть отданным на службу мировым судьям или городским старостам".[470]

Очень примечательно, что не было юристов, которые могли бы оспорить законность таких законов, как вышеприведенные, которые попали в своды законов всех новоанглийских колоний. Не могло быть условной эмансипации. Если раба отпускали на свободу, то он становился свободным и, если впоследствии становился нищим, имел право на такую же заботу, как и белый свободный человек. Но нетрудно понять, что статус свободного негра был трудноопределим. Когда негр-раб становился старым и немощным, его хозяин больше не заботился о нем, и общество было защищено от него законом. Смерть была его самым благосклонным другом.

В октябре 1743 года вдова по имени Комфорт Тейлор из округа Бристоль в Массачусетском заливе подала в суд и получила решение против негра по имени Кафф Борден за двести фунтов и расходы по иску "за тяжкое посягательство". Кафф был рабом. Обычная казнь была бы направлена против его личности: он был бы заключен в тюрьму, и не более того. Учитывая такое положение дел, миссис Тейлор обратилась в Генеральную ассамблею Род-Айленда с просьбой предоставить шерифу право продать Каффа, как и другое имущество, для удовлетворения судебного решения. Ассамблея удовлетворила ее просьбу следующим образом

"В соответствии с этим, голосуется и решается, что шериф упомянутого графства Ньюпорт, когда он получит исполнительный лист на упомянутого негра Каффа, будет и настоящим уполномочен продать этого негра Каффа как другое личное имущество: и после того, как штраф в размере 20 фунтов будет внесен в общую казну, и все другие расходы будут вычтены из цены этого негра, оставшаяся сумма будет направлена на удовлетворение упомянутого исполнительного листа."^[471]

Этот случай показывает, что в Род-Айленде негры-рабы по закону считались движимым имуществом и могли быть изъяты для удовлетворения долгов, как и другое личное имущество.

Очень многие рабы пользовались частыми возможностями уплыть на каперах и других судах. Не имея ничего в этой жизни, они даже готовы были рискнуть быть проданными в рабство в другом месте, чтобы испытать перемены. Из них получались отличные моряки, и они были очень желанны для хозяев судов. Так продолжалось долгое время. Убытки колонии были велики, и Генеральная ассамблея приняла нижеследующий законопроект в качестве меры по борьбе с наплывом, который приобрел массовый характер.

"Акт, препятствующий командирам каперов или хозяевам любых других судов вывозить рабов из колонии.

"Принимая во внимание, что часто случается, что командиры каперов и хозяева других судов увозят рабов, которые являются собственностью жителей этой колонии, и это без ведома или согласия их хозяев или хозяек; и принимая во внимание, что в этой колонии нет закона для устранения столь большого зла, -...

"Итак, настоящим Генеральным собранием и властью оно постановляется, что с момента опубликования настоящего закона и после него, если какой-либо командир частного военного судна или хозяин торгового или иного корабля умышленно увезет из этой колонии или за ее пределы раба или рабов, собственность любого жителя этой колонии, командир такого капера или хозяин упомянутого торгового корабля или судна должен заплатить в качестве штрафа сумму в 500 фунтов стерлингов, которая будет взыскана генеральным казначеем

этой колонии по биллю, иску или информации в любом суде в пределах этой колонии.

"И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что владелец или владельцы любого раба или рабов, которые могут быть унесены, как указано выше, имеют право подать иск против командира упомянутого капера или капитана упомянутого торгового корабля или судна, или против владельца или владельцев того же судна, на котором находится или унесен упомянутый раб или рабы, и по упомянутому иску взыскать с него или с них двойное возмещение убытков.

"И поскольку могут возникнуть споры относительно осведомленности владельца или владельцев, командиров или хозяев указанных частных военных, торговых кораблей или судов о том, что какой-либо раб или рабы находятся на борту капера, торгового корабля или судна, -...

"Итак, постановляется далее, и вышеуказанной властью, что когда любой владелец или владельцы любого раба или рабов в этой колонии будут подозревать, что раб или рабы, ему или им принадлежащие, находятся или находились на борту любого частного военного или торгового корабля или судна, владелец или владельцы такого раба или рабов могут обратиться либо к владельцу или владельцам, или командиру или капитану упомянутого корабля или судна до его отплытия и сообщить ему или им об этом, что будет сделано в присутствии одного или нескольких важных свидетелей или свидетелей, упомянутые сведения или заявление будут равнозначны и будут истолкованы, рассматриваться и приниматься как полное доказательство его или их осведомленности об этом, при условии, что упомянутый раб или рабы пойдут на любой такой корабль или судно.

"И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что если владелец или владельцы любого раба или рабов в этой колонии или любое другое лицо или лица, законно уполномоченные владельцем или владельцами раба или рабов, попытаются подняться на борт любого капера или торгового корабля или судна для поиска своего, ее или их раба или рабов, а командир или капитан такого корабля или судна или другой офицер или офицеры на его борту, в отсутствие командира или капитана, откажется разрешить такому владельцу или владельцам раба или рабов или другому лицу или лицам, уполномоченным, как указано выше, подняться на борт и разыскать раба или рабов, пропущенных им или ими или обнаруженных отсутствующими, то такой отказ будет считаться, толковаться и приниматься за полное доказательство того, что владелец или владельцы, командир или капитан указанного капера или другого корабля или судна имеют или действительно знают, что такой раб или рабы находятся или находились на борту.

"И этот акт должен быть немедленно опубликован и, исходя из него, иметь и вступать в силу и действовать в этой колонии и на всей ее территории".

"Соответственно, указанный акт был опубликован под барабанный бой 17 июня 1757 года за несколько минут до полудня.

"ТО. Уорд, секретарь".[\[472\]](#)

Образование негров-рабов в этой колонии считалось вредным для интересов господского класса. Невежество было *непременным* условием рабства. Гражданское правительство и

церковный истеблишмент перемалывали его, тело и дух, как между "верхними и нижними жерновами". Но негр был хорошим слушателем и не терял сознания от того, что происходило вокруг него. Он не был ни слеп, ни глух.

Огонь революционной борьбы начал растапливать застывшие чувства колонистов к рабам. Когда они почувствовали, что британский лев вцепился в горло их собственных свобод, им в лицо бросилось рабство негра. Они знали силу выносливости негра, его личное мужество, его восхитительную оперативность в выполнении трудных задач и его отчаянный дух, когда на него слишком сильно давили. Мысль о таком союзнике английской армии, о таком элементе в ее тылу звучала в их душах громче, чем грохот вражеских пушек. Акт, принятый в июне 1774 года, показывает, насколько глубоки были чувства народа по этому вопросу.

"Акт, запрещающий ввоз негров в эту колонию.

Принимая во внимание, что жители Америки в целом заняты сохранением своих собственных прав и свобод, среди которых свобода личности должна рассматриваться как величайшая; поскольку те, кто желает пользоваться всеми преимуществами свободы сам, должны быть готовы распространить свободу личности на других; -...

"Поэтому постановляет Генеральная Ассамблея, и властью ее постановляется, что на будущее время ни один негр или мулат не должен быть привезен в эту колонию; и если какой-либо раб будет привезен в будущем, он или она должны быть, и настоящим, немедленно сделаны свободными, в том, что касается личной свободы и пользования частной собственностью, таким же образом, как и коренные индейцы.

"При условии, однако, что этот закон не будет распространяться на слуг лиц, путешествующих через эту колонию, которые не являются ее жителями, и которые вывозят их с собой, когда покидают ее.

"При условии также, что ничто в настоящем акте не распространяется и не будет считаться распространяющимся на любого негра или раба-мулата, принадлежащего любому жителю любой из британских колоний, островов или плантаций, который прибудет в эту колонию с намерением поселиться или проживать в ней в течение нескольких лет; Но такие негры или мулаты, привезенные в эту колонию таким лицом, склонным поселиться или проживать в ней, должны находиться и оставаться в том же положении и подчиняться таким же образом своему хозяину или хозяйке, как они находились в колонии или на плантации, откуда они выехали.

"При условии, однако, что если какое-либо лицо, прибывшее в эту колонию для поселения или проживания, как указано выше, впоследствии покинет ее, то такое лицо будет обязано вывезти всех таких рабов-негров или мулатов, а также всех тех, кто родится от них, из колонии вместе с ними. "При условии также, что ничто в этом акте не распространяется и не будет считаться распространяющимся на любого негра или раба-мулата, привезенного с побережья Африки в Вест-Индию на борту любого судна, принадлежащего этой колонии, и этот негр или раб-мулат не может быть утилизирован в Вест-Индии, но должен быть привезен в эту колонию.

"При условии, что владелец такого негра или раба-мулата даст залог генеральному казначею указанной колонии в течение десяти дней после такого прибытия в сумме 100 фунтов стерлингов, законных денег, за каждого такого негра или раба-мулата, привезенного таким образом, что такой негр или раб-мулат будет вывезен из

колонии в течение одного года со дня такого залога; если такой негр или мулат будет жив и в состоянии быть вывезенным.

"При условии также, что ничто в этом акте не распространяется и не будет считаться распространяющимся на любого негра или раба-мулата, который может находиться на борту любого судна, принадлежащего этой колонии, находящегося в настоящее время в море, в своем нынешнем плавании".[473]

В 1730 году население Род-Айленда составляло: белых - 15 302, индейцев - 985, негров - 1 648, всего - 17 935. В 1749 году белых было 28 439, а негров - 3 077. Индейцы в этом году не учитывались. В 1756 году белых было 35 939, негров - 4 697. В 1774 году на Род-Айленде проживало 9 439 семей, в Ньюпорте - 9 209. Белых во всей колонии насчитывалось 54 435 человек, негров - 3 761, индейцев - 1 482.[474] Следует отметить, что численность негров сократилась в период с 1749 по 1774 год. Это объясняется тем, что многие из них сбежали на кораблях, прибывших в провинцию.

В это время с неграми обращались лучше, чем в любой другой период существования колонии. Произошло общее ослабление суровых законов, которые так жестко соблюдались. Они проявляли большой интерес к общественным собраниям, с жадностью поглощали каждую новость о передвижениях войск Тори, с восторженным вниманием слушали патриотические разговоры своих хозяев, а когда разразилась грозная туча войны, с таким же рвением, как и их хозяева, принялись сражаться за независимость Северной Америки.

ССЫЛКИ:

[450] R.I. Col. Recs., vol. i. p. 243.

[451] Bancroft, vol. i. 5th ed. p. 175.

[452] R.I. Col. Recs., vol. iii. pp. 492, 493.

[453] В Соединенных Штатах нет закона, разрешающего производство виски; и все же правительство Соединенных Штатов принимает законы, регулирующие этот бизнес, и получает от него доход. Он существует с согласия правительства и в определенном смысле является законным".

[454] R.I. Col. Recs., vol. iv. p. 34.

[455] Я усердно искал февральский закон среди коллекций и записей Род-Айленда, но не нашел его. Очевидно, он был более всеобъемлющим, чем вышеупомянутый закон.

[456] R.I. Col. Recs., vol. iv. p. 50.

[457] R.I. Col. Recs., vol. iv. pp. 53, 54.

[458] R.I. Coll. Recs., vol. iv. pp. 54, 55.

[459] R.I. Col. Recs., vol. iv. p. 59.

[460] J. Carter Brown's Manuscripts, vol. viii. №№ 506, 512.

[461] Это были нелепые рассуждения. Я узнал, что банк на углу будет ограблен сегодня в двенадцать часов. Должен ли я пойти и ограбить его в десять часов, потому что, если я этого не сделаю, другой человек сделает это двумя часами позже?

- [462] R.I. Col. Recs., vol. iv. pp. 133-135.
- [463] R.I. Col. Recs., vol. iv. pp. 191-193.
- [464] R.I. Col. Recs., vol. iv. p. 225.
- [465] R.I. Col. Recs., vol. iv. pp. 423, 424.
- [466] Там же, p. 330.
- [467] Ibid., vol. iv. p. 209.
- [468] R.I. Col. Recs., vol. iv. p. 454.
- [469] Ibid., vol. iv. p. 471.
- [470] Там же, том iv. стр. 415, 416.
- [471] R.I. Col. Recs., vol. v. pp. 72, 73.
- [472] R.I. Col. Recs., vol. vi. pp. 64, 65.
- [473] R.I. Col. Recs., vol. vii. pp. 251, 252.
- [474] Американские анналы, т. ii. с. 107, 155, 156, 184 и 265.
-

ГЛАВА XX.

КОЛОНИЯ НЬЮ-ДЖЕРСИ.

1664-1775.

Нью-Джерси переходит в руки англичан.- Политические полномочия переданы Беркли и Картерету.- Законодательство по вопросу рабства в XVIII веке.- Колония разделена на Восточную и Западную Джерси.- Отдельные правительства.- Акт о рабстве, принятый законодательным органом Восточной Джерси.- Общие опасения по поводу роста числа негров и индейских рабов.-Восточный и Западный Джерси передают свои права на управление королеве.-Акт о регулировании поведения рабов.-Налог в десять фунтов, взимаемый с каждого негра, ввезенного в колонию.-Генеральный суд принимает закон о регулировании суда над рабами.-Негры исключаются из ополчения на определенных условиях.-Население Джерси в 1738 и 1745 годах.

[Вернуться к оглавлению](#)

Колония Нью-Джерси перешла под контроль англичан в 1664 году, а первый документ о предоставлении политических полномочий, на основе которого было создано правительство, герцог Йоркский передал Беркли и Картерету в том же году. В "Статьях уступки" встречаются слова "*слуги*", "*рабы*" и "*христианские слуги*". В намерения колонистов входило провести различие между "*слугами на срок*" и "*слугами на всю жизнь*", между белыми слугами и черными рабами, между христианами и язычниками.

Когда рабство было введено в Джерси, неизвестно.^[475] Нет сомнений, что оно появилось там почти так же рано, как и в Новых Нидерландах. Голландцы, квакеры и англичане держали

рабов. Но эта система была более мягкой, чем в других колониях. Негры были рассеяны среди семей белых, и с ними обращались очень гуманно. Законодательство по вопросу рабства появилось только в середине XVIII века, и оно не было суровым. До этого, за три четверти века, было принято несколько законов, призванных оградить рабский элемент от греха опьянения. В 1675 году был принят закон, налагающий штрафы и наказания на любого белого человека, который перевозит, укрывает или развлекает "учеников, слуг или рабов". Совершенно естественно, что негры вели кочевой образ жизни. У них не было ни домов, ни жен, ни детей - ничего, что могло бы привязать их к определенной местности. Те, кто жил вблизи морского побережья, с неослабевающим интересом следили за приходом и уходом таинственных белокрылых судов. Они прислушивались к словам каждого беглеца и мечтали о далеких землях, где они могли бы обрести ту свободу, которой жаждали их души, как заяц жаждет ручья. Вдали от родины, без благословений Церкви и тепла дружеских чувств, они впадали в вялое состояние, в сонливость, которая заставляла их оступаться при нарушении некоторых правил, принятых в провинции. Их блуждания не были вдохновлены каким-то субъективным, врожденным, родовым злом: это были лишь метания утомленного, измученного разума под страшным влиянием ненавистного сна. И то немногое, что сохранилось в ранних записях о колонии Нью-Джерси, является одновременно и комплиментом гуманности хозяина, и покорности раба.

В 1676 году колония была разделена на Восточный и Западный Джерси с отдельными правительствами. Законы Восточного Джерси, обнародованные в 1682 году, содержали законы, запрещающие развлекать беглых слуг и торговать неграми. Закон о беглых слугах был призван разрушить надежды беглецов на развлечения, которые они так часто получали от доброжелательных квакеров и других противников "кабалы" и рабства. Законодатели исходили из предположения, что, поскольку негр не имеет собственности, не владеет собой, он не может продать ни одной своей вещи. Ко всем рабам, пытавшимся продать какую-либо вещь, относились с подозрением. Закон предусматривал, что свободный человек может купить какую-либо вещь у раба, и, таким образом, отрезал источник дохода для более трудолюбивых рабов, которые в силу своей бережливости часто готовили что-то на продажу.

В 1694 году законодательное собрание Восточного Джерси приняло "*Закон о рабах*". В нем, в частности, предусматривался суд над *"неграми и другими рабами за преступления, караемые смертью, присяжными из двенадцати человек перед тремя мировыми судьями; за кражу - перед двумя судьями; наказание - бичевание"*. Здесь было самое убедительное доказательство высокого уровня белого населения Восточного Джерси. Во всех других колониях Северной Америки неграм было отказано в праве "суда присяжных", столь священном для англичан. В Вирджинии, Мэриленде, Массачусетсе, Коннектикуте - во всех колониях - негр попадал в суд осужденным, выходил осужденным и был казнен, причем на основании самых слабых доказательств, какие только можно себе представить. Но здесь, в Джерси, был продемонстрирован единственный пример справедливости по отношению к неграм в Северной Америке. "Суд присяжных" подразумевал право на присягу и дачу компетентных показаний. Негру-рабу, когда его судили за жизнь, предоставлялась привилегия быть судимым двенадцатью честными белыми колонистами перед *тремя* мировыми судьями. Это разительно отличалось от поведения колонии Нью-Йорк, где негров арестовывали по бессвязным обвинениям беспутных белых и запуганных негров. Это обеспечило неграм новое и аномальное положение в Новом Свете. Она изгнала жестокую теорию Вирджинии, Нью-Йорка и Коннектикута о том, что негр - язычник, а потому не должен приносить присягу в судах, и открыла ему широкую дверь для входа в более надежное состояние, чем он до того времени осмеливался предполагать. Это позволяло ему сделать вывод, что его жизнь - немногим больше, чем жизнь животного, которое погибает; что он не

может быть проташен злобой через формы суда, без присяжных, свидетелей, адвоката или друга, на бесславную смерть, о которой должен сожалеть только его хозяин, а его сожаление должно быть утешено законодательным органом, выплачивающим "цену";", что закон рассматривал его как человека, чья жизнь была слишком дорога, чтобы отдавать ее в распоряжение вспыльчивых людей, чьи предрассудки можно было смягчить только крайней жестокостью или хладнокровным убийством. Он многое сделал для того, чтобы возвысить характер негра в Нью-Джерси. Сначала она воспламенила его сердце благородным порывом благодарности, а затем вселила в него *надежду*. Как много значит это маленькое слово! Оно заставляет душу расправить свои белые шестеренки навстречу каждому благосклонному ветерку и устремиться в благоприятное будущее. А потом тот факт, что негры имели права, признанные законами, и уважительное отношение к ним со стороны судов, оказал должное влияние на белых колонистов. Люди или группа людей, чьи права не оспариваются, вызывают уважение окружающих. Этот факт облакает их в достоинство, как в одежду. И тогда, по неизбежной логике позиции судов Восточного Джерси, колонисты пришли к выводу, что у негров среди них есть и другие права. И, как уже было сказано, здесь с ними обращались лучше, чем в любой другой колонии страны.

В Западном Джерси, к счастью, слово "раб" было опущено в законах. Упоминались только слуги и беглые рабы, а продажа рома неграм и индейцам была строго запрещена.

Страх перед восстанием среди индейцев и негров был общим для всех колоний. Будучи дикарями и необученными, они знали только два проявления - благодарность и месть. Было сочтено разумной мерой предосторожности держать этих несчастных людей как можно дальше от возбуждающего влияния рома. Глава двадцать третья закона, принятого в Западном Джерси в 1676 году и предусматривающего гласность в судопроизводстве, заканчивается следующим образом.

"Что все и каждый человек и люди, населяющие указанную провинцию, должны быть свободны от угнетения и рабства, насколько это в нашей власти".[476]

В 1702 году владельцы Восточного и Западного Джерси передали свои права на управление королеве. Провинция была немедленно присоединена к Нью-Йорку, а управление передано в руки лорда Корнбери.[477] В 1704 году был принят "*Акт о регулировании положения рабов-негров, индейцев и мулатов в провинции Нью-Джерси*", но он был отложен и отклонен. Опасения негров по поводу законодательства, направленного против тех немногих прав, которыми они пользовались под властью Джерси, были вполне обоснованными. Их сослуживцы в Нью-Йорке страдали от суровых законов и в то время не имели никаких привилегий, которым они могли бы радоваться. В 1713 году был принят следующий закон:...

"*Акт о регулировании положения рабов*. (1 Nev. L., с. 10.) Раздел 1. Против торговли рабами. 2. Против ареста рабов, не имеющих пропуска. 3. Негр, принадлежащий к другой провинции, не имеющий разрешения, должен быть выпорот и посажен в тюрьму. 4. Наказание рабов за преступления должно производиться тремя или более мировыми судьями, с пятью главными фригольдерами, без большого жюри; семь согласных должны выносить приговор. 5. Более подробно описан метод рассмотрения таких дел. Предусматривает, что "показания рабов-индейцев, негров или мулатов должны приниматься и разрешаться на суде над такими рабами по всем уголовным делам". 6. Владелец может потребовать присяжных. 7, 8. Компенсация владельцам за смерть раба. 9. Раба за попытку изнасиловать любую белую женщину или за попытку "напасть или ударить любого свободного мужчину или женщину, исповедующих христианство", двое судей имеют право по своему

усмотрению подвергнуть телесному наказанию, не распространяющемуся на жизнь или конечности. 10. Рабы, за воровство, подлежат порке. 11. Наказания для судей и т. д., пренебрегающих своими обязанностями. 12. Наказание за сокрытие, укрывательство или развлечение чужих рабов. 13. Предусматривает, что ни один негр, индеец или мулат, который впоследствии станет свободным, не может владеть недвижимым имуществом на правах собственности, в виде fee simple или fee tail. 14. "И поскольку опытом установлено, что свободные негры - народ праздный, ленивый и часто оказываются обузой для того места, где они находятся", - постановляет, что владельцы, которые делают манумиссию, должны давать гарантии и т. д.". [478]

Почти все гуманные черты законов Джерси были вытеснены суровыми запретами, требованиями и наказаниями. Суд присяжных был истолкован как свидетельство одного негра против другого негра в суде по обвинению в преступлении, что позволяло владельцу раба требовать присяжных. Гуманным хозяевам было отказано в праве эмансипировать своих рабов, а последним было запрещено владеть недвижимым имуществом на правах собственности. Лишив негра тех немногих прав, которыми он обладал, Генеральный суд в том же году перешел к его абсолютной собственности и обложил каждого негра, ввозимого в колонию, налогом в десять фунтов, который действовал в течение семи лет.

В 1754 году был принят закон, согласно которому в округе Элизабет любой белый слуга или слуги, раб или рабы, которые "будут доставлены к мэру и т. д. их хозяевами или другими жителями округа за любой проступок, грубое или беспорядочное поведение, могут быть отданы в работный дом на каторжные работы и получить наказание не более тридцати ударов плетью". [479] Этот закон носил чисто местный характер и применялся ко всем категориям слуг без разбора. Он был не более чем полицейским постановлением и как таковой являлся полезным законом.

В 1768 году Генеральный суд принял *Закон о регулировании суда над рабами за убийство и другие преступления, а также об отмене многих законов и т. д.* Разделы первый и второй предусматривали рассмотрение дел рабов в обычных высших уголовных судах. Раздел третий предусматривал, что расходы, понесенные при казни рабов, должны взиматься со всех владельцев трудоспособных рабов в округе по распоряжению судей, председательствующих на суде. Четвертый раздел отменял четвертый, пятый, шестой и седьмой разделы Акта 1713 года. Это было важно. Он предвещал улучшение отношения к неграм и освещал мрачный горизонт рабства далеким светом надежды. В это время проявилось сильное чувство в пользу лучшего обращения с негритянскими рабами. Когда квакер обнаружил, что предубеждение против него самого утихает, он, подобно доброму самаритянину, стал вливать вино человеческого сочувствия в уязвленные чувства негров. Во многих районах Джерси им давали частные уроки. Евангелие объяснялось им во всей его красоте и простоте и приносило свои добрые плоды в виде улучшения жизни.

В следующем, 1769 году, корыстный дух вдохновил и обеспечил принятие другого закона, взимающего налог с импортируемых рабов и требующего от лиц, освобождающих рабов, предоставления более надежных гарантий. Он гласил.

"Принимая во внимание, что пошлины на ввоз негров в некоторых соседних колониях, по опыту, были признаны полезными для введения трезвых трудолюбивых иностранцев, чтобы поселиться под подданством Его Величества, и содействия духу промышленности среди жителей в целом, с тем чтобы содействовать тем же благим

целям в этом правительстве и чтобы те, кто покупает рабов, могли внести некоторую справедливую долю в общественное бремя."[\[480\]](#)

Каким образом налог на ввоз рабов будет "полезен для привлечения трезвых трудолюбивых иностранцев", понять нелегко; а как он будет способствовать "духу промышленности среди жителей в целом", - проблема, требующая самого сложного решения. Но именно эти возвышенные причины вдохновили Генеральный суд на то, чтобы наполнить казну провинции деньгами, полученными от лотереи рабов, где человеческие существа разыгрывались по самым высоким ставкам в колонии. Осторожные формулировки, в которые был облечен этот закон, свидетельствуют о том, что общественное сознание в то время было очень чувствительно к проблеме рабства. Они боялись говорить правду. Они не осмеливались сказать народу: Мы предлагаем отремонтировать улицы ваших городов, общественные дороги и облегчить бремя налогов, сказав ворам-людоедам: мы разрешим вам продавать грузы рабов в этой колонии при условии, что вы разделите с нами трофеи вашего величайшего преступления! Нет, они должны были сказать людям, что введение негритянских рабов, с которых взимается налог, привлечет к ним трезвых и трудолюбивых белых людей, и вся провинция воспрянет духом бережливости, которого еще никогда не наблюдалось!

В 1760 году негры были исключены из состава ополчения при определенном условии. Закон запрещал брать в ополчение любого *"молодого человека в возрасте до двадцати одного года, а также рабов, отданных в пожизненное заключение, или подмастерьев"* без разрешения их хозяев. Это был самый мягкий запрет на привлечение рабов к службе в ополчении в любой из колоний. Ничего не говорится о привлечении свободных негров к этой службе; и, учитывая мягкий характер законов, справедливо предположить, что они не исключались. В поселениях, где преобладали немецкие и квакерские элементы, негр обнаруживал, что его "линии пали на него в приятных местах, и что у него было хорошее наследство". В прибрежных городах и крупных населенных пунктах белые люди принадлежали к более бедному классу. Многие из них были авантюристами, жестокими и беспринципными в своих методах. Быстрота, с которой люди стремились к получению компетенции, изнашивала тонкие грани их чувств до грубого зерна эгоизма; и они не только втягивали себя в жалкие лохмотья собственного эгоистического обогащения, когда дело касалось всех конкурентов, но и относились к рабству с невозмутимым самодовольством.

В 1738 году население Джерси составляло: белых - 43 388 человек, черных - 3 981 человек. В 1745 году белых было 56 797, а черных - 4 606.[\[481\]](#)

ССЫЛКИ:

[\[475\]](#) К сожалению, хорошей истории Нью-Джерси не существует. Записи Исторического общества этого штата неудобно печатать, да и колониальные данные не слишком ценны.

[\[476\]](#) Freedom and Bondage, vol. i. p. 283.

[\[477\]](#) Его светлость получил следующие инструкции относительно обращения с рабами-неграми: "Вы должны постараться принять закон для ограничения любой бесчеловечной жестокости, которую недобросовестные хозяева или надсмотрщики могут применять к своим слугам-христианам и рабам, и чтобы в нем было предусмотрено, что умышленное убийство индейцев и негров карается смертью, а за их увечье назначается соответствующее наказание" - Freedom and Bondage, vol. i. p. 280, note.

[\[478\]](#) Freedom and Bondage, vol. i. p. 284.

[479] Hurd, vol. i. p. 285.

[480] Hurd, vol. i. p. 285.

[481] Американские анналы, т. ii. с. 127, 143.

ГЛАВА XXI.

КОЛОНИЯ ЮЖНАЯ КАРОЛИНА.

1665-1775.

Каролины получают две различные хартии от короны Великобритании.- Эпоха рабского законодательства.- Закон, устанавливающий рабство.- Рабы в этой провинции рассматриваются как движимое имущество.- Суд над рабами.- Увеличение численности рабов.- Рост торговли рисом.-Суровые законы, регулирующие частное и общественное поведение рабов.-Наказание рабов за побег.-Жизнь рабов рассматривается как малозначимая жестоким классом хозяев.-Акт, уполномочивающий двух мировых судей расследовать обращение с рабами.-Акт, запрещающий перерабатывать рабов.-Рынок рабов в Чарльстоне.-Восстание.-Закон, разрешающий носить огнестрельное оружие среди белых.- Зачисление рабов на службу во время тревоги.-Негры допускаются к службе в ополчении.- Компенсация хозяевам за потерю рабов, убитых врагом или дезертировавших.-Несколько рабов подверглись манумиссии.-В 1754-76 гг. мало законодательных актов по теме рабства.- Угроза войны между Англией и ее провинциями.-Влияние на общественные настроения.

[Вернуться к оглавлению](#)

Каролины получили две разные хартии от короны Великобритании. Первая была засвидетельствована королем в Вестминстере 24 марта 1663 года, вторая - 30 июня 1665 года. Последняя хартия была передана королю семью из восьми владельцев 25 июля 1729 года. Правительство стало царским, и провинция была немедленно разделена на Северную и Южную Каролину по приказу Британского совета, а границы между двумя правительствами были установлены.

Негры-рабы были в Каролинах с первых дней их существования. Эра рабского законодательства началась примерно в 1690 году. Первый закон "Об *улучшении порядка содержания рабов*" был "трижды прочитан, принят и ратифицирован в открытом парламенте в седьмой день февраля 1690 года". На нем стояли подписи Сета Сотелла, Г. Машампа, Джона Бересфорда и Джона Харриса. Он содержал пятнадцать статей самого сурового характера. 7 июня 1712 года был принят и подписан первый позитивный закон, устанавливающий рабство.[482] Весь закон состоял из тридцати пяти разделов . Первый раздел мы приводим полностью, поскольку он представляет интерес в связи с проблемой законодательства о рабстве в колониях.

"1. *Итак, да будет постановлено* его превосходительством Уильямом, лордом Крейвенем, Палатином, и остальными истинными и абсолютными лордами и владельцами этой провинции, по совету и с согласия остальных членов Генеральной Ассамблеи, собравшейся ныне в Чарльзтауне, для юго-западной части этой провинции, и властью оной, что все негры, мулаты, мустизо или индейцы, которые в любое время до сего времени были проданы, или теперь удерживаются,

или принимаются за рабов, или впредь будут покупаться и продаваться за рабов, настоящим объявляются рабами; и они, и их дети, настоящим объявляются рабами во всех смыслах и целях; за исключением всех таких негров, мулатов, мустизо или индейцев, которые ранее были или впоследствии будут за определенные заслуги сделаны и объявлены свободными либо губернатором и советом этой провинции в соответствии с любым законом или актом этой провинции, либо их соответствующими владельцами или хозяевами; А также, исключая всех таких негров, мулатов, мустиков или индейцев, которые могут доказать, что они не должны быть проданы в рабство. И если какой-либо негр, мулат, мустизо или индеец будет претендовать на свою свободу на основании всех или любого из указанных счетов, то это должно быть окончательно рассмотрено и решено губернатором и советом этой провинции".[483]

Вышеупомянутый раздел был повторно включен в другой закон, содержащий сорок три раздела, принятый 23 февраля 1722 года. Виргиния объявила, что дети должны следовать состоянию своих матерей, но никогда не принимала закон, подобный этому замечательному закону. Южная Каролина имеет незавидную репутацию единственной колонии в Северной Америке, где законодательным актом негр был обречен на вечное рабство.[484] 10 мая 1740 года был принят закон о регулировании труда рабов, содержащий пятьдесят разделов и гласящий следующее.

"Принимая во внимание, что на плантациях Его Величества в Америке было введено и разрешено рабство, и люди, обычно называемые неграми, индейцами, мулатами и мустизо, считались абсолютными рабами и объектами собственности в руках определенных лиц, степень власти которых над такими рабами должна быть установлена и ограничена позитивными законами, дабы рабы находились в должном подчинении и повиновении, а владельцы и другие лица, имеющие заботу и управление рабами, были удержаны от чрезмерной строгости и жестокости по отношению к ним, и дабы сохранялся общественный мир и порядок в этой провинции: Мы молим Ваше Святейшее Величество, чтобы он был принят".[485]

Первый раздел этого закона был проработан тщательнее, чем любой другой из ранее принятых законов. Он носил все признаки зрелой учености и глубокого юридического образования. Первый раздел приводится здесь:...

"1. И да будет постановлено достопочтенным Уильямом Буллом, эсквайром, вице-губернатором и главнокомандующим, по совету и с согласия достопочтенного Совета Его Величества и Палаты собрания этой провинции, и властью оного, что все негры и индейцы (свободные индейцы в дружбе с этим правительством, и негры, мулаты и мустизо, которые теперь свободны, исключены), мулаты или мустизо, которые теперь есть или будут впредь, в этой провинции, и все их потомство, родившееся или которое родится, будут, и настоящим объявляется, что они будут и останутся навсегда впредь абсолютными рабами, и будут следовать состоянию матери, и будут считаться, удерживаться, приниматься, считаться и признаваться по закону личным движимым имуществом в руках их владельцев и собственников, и их душеприказчиков, администраторов и правопреемников, со всеми намерениями, целями и задачами, какими бы они ни были; При условии, что если какой-либо негр, индеец, мулат или мустизо будет требовать своей свободы, то будет и может быть законным для такого негра, индейца, мулата или мустизо или любого лица или лиц

от его или ее имени обратиться к судьям Суда общих дел Его Величества с ходатайством или заявлением либо во время заседания указанного суда, либо перед любым из судей того же суда в любое время в период каникул; и указанный суд или любой из его судей должен, и они настоящим имеют полное право, признать любое лицо, подавшее такое заявление, опекуном любого негра, индейца, мулата или мустизо, претендующего на его, ее или их свободу; и такие опекуны должны иметь возможность, право и способность по закону предъявить иск о нарушении прав в виде изнасилования подопечного против любого лица, которое будет претендовать на собственность или будет владеть любым таким негром, индейцем, мулатом или мустизо; и ответчик должен и может заявить общий вопрос по такому иску, и особые вопросы могут и должны быть приведены в доказательство, и при вынесении общего или особого вердикта решение должно быть вынесено в соответствии с самой правотой дела, не принимая во внимание никаких недостатков в разбирательстве, ни по форме, ни по существу; И если решение будет вынесено в пользу истца, будет сделана специальная запись, объявляющая, что подопечная истца свободна, и присяжные оценят ущерб, который понесла подопечная истца, и суд вынесет решение и присудит исполнение против ответчика за этот ущерб, с полными расходами по иску; но если решение будет вынесено в пользу ответчика, указанный суд настоящим имеет полное право применить такое телесное наказание, не затрагивающее жизнь или конечности, к подопечной истца, какое они, по своему усмотрению, сочтут нужным; *При условии*, что в любом иске или деле, которое будет возбуждено в соответствии с указаниями настоящего Закона, бремя доказывания будет возложено на истца, и всегда будет считаться, что каждый негр, индеец, мулат и мустизо является рабом, если только не будет доказано обратное, за исключением индейцев, находящихся в дружбе с этим правительством, и в этом случае бремя доказывания будет возложено на ответчика; *При условии также*, что ничто в настоящем Акте не будет истолковано как препятствие или ограничение любого другого суда права или справедливости в этой провинции от определения собственности рабов или их права на свободу, которые в настоящее время имеют познание или юрисдикцию в отношении этого, когда это случится, чтобы прийти к решению в таких судах или любом из них, всегда принимая настоящий Акт для их руководства в этом."[\[486\]](#)

Все рабское население этой провинции рассматривалось как *движимое имущество, абсолютно*. На них можно было наложить арест, как и на другое имущество, но не в том случае, если имелось другое движимое имущество. В случае "кражи со взломом, грабежа, поджога домов, убийства или кражи любого мясного или другого скота, или других мелких повреждений, как увечье одного из другого, кража птицы, провизии, или подобных нарушений или повреждений", необходимо было сообщить об этом мировому судье. Он выдавал ордер на арест преступника или преступников и вызывал всех компетентных свидетелей. После допроса, в случае признания вины, преступник или преступники отправлялись в тюрьму. Затем судья уведомлял ближайшего к нему судью, чтобы тот участвовал в судебном процессе вместе с ним. Он имел право назначать день и час суда, вызывать свидетелей и "трех благоразумных и достаточных фригольдеров". Затем судьи приводили к присяге "свободных людей" и, рассмотрев дело, имели право вынести смертный приговор "или другое наказание", которое они сочтут нужным назначить. "Торжественность суда присяжных" никогда не предоставлялась рабам. В таких случаях распоряжаться человеческой жизнью могли "три свободных владельца", и никто не мог помешать.[\[487\]](#) Признание обвиняемого раба и показания другого раба "считались вескими и убедительными доказательствами во всех мелких кражах или нарушениях, не превышающих

сорока шиллингов". В случае с негром, судимым за свою жизнь, для вынесения приговора требовалась "клятва христианского свидетеля" или "положительное свидетельство двух негров или рабов".

Рост числа рабов был почти феноменальным. Торговля рисом достигла огромных масштабов. Физические препятствия быстро сдавались перед непрекращающимися и невероятными усилиями негров-рабочих. Колонисты привлекали англичан самыми лестными предложениями эмигрировать в провинцию. Правительство страны приветствовало рвение и исполнительность местных властей. Внимание было обращено на необходимость принятия закона для управления огромным негритянским населением колонии. Кодекс Южной Каролины не имел аналогов среди цивилизованных правительств современности. Любому свободному человеку запрещалось жить или торговать с неграми.^[488] Рабы не могли покидать плантацию, на которой они находились, иначе как в ливрее или с пропуском, подписанным их хозяином и содержащим имя владельца. За нарушение этого правила их били кнутом по голой спине. Ни одному человеку не разрешалось иметь "плантацию, коровник или скотобойню", удаленную на шесть миль от его обычного места жительства, на которой работали шесть негров, если на ней не проживало одно или несколько белых лиц.^[489] Рабы-негры, обнаруженные на другой плантации, чем та, к которой они принадлежали, "в день Господень, постные или святые дни", даже если они могли предъявить пропуск, подвергались аресту и бичеванию. Если раба находили "державшим какую-либо лошадь, лошадей или мелкий скот", любой белый человек по ордеру мог конфисковать животных и продать их через церковного старосту; деньги, вырученные от продажи, шли на нужды бедняков того прихода, в котором проживали самонадеянные рабы. Если на дороге обнаруживалось более семи рабов, не сопровождаемых белым человеком, то любой белый человек имел право задержать каждого из них и подвергнуть двадцати ударам плетью по голой спине. Ни одному рабу не разрешалось сдавать свое время внаем. Некоторые владельцы рабов были бедны и, поскольку их рабы были надежными и трудолюбивыми, разрешали им выходить на улицу и брать любую работу, которую они могли найти, при условии, что хозяин будет получать зарплату. В 1735 году был принят закон, запрещающий подобные сделки и налагающий штраф на лиц, нанимающих рабов, не имеющих письменного свидетельства от их хозяев с указанием условий, на которых будет выполняться работа. Ни один раб не мог нанять дом или плантацию. Никакая степень трудолюбия не могла сделать его исключением из общего правила. Если он добросовестно трудился годами, сколотил состояние для своего хозяина, заработал достаточно средств для себя в свободные от напряженной жизни минуты, а затем, с признанным характером и деловым тактом, попытался нанять плантацию или купить дом, в дело вступал закон и объявлял это правонарушением, за которое и покупатель, и продавец должны были заплатить штрафы, порки и тюремное заключение. Раб не мог содержать на свое имя или на имя своего хозяина никаких увеселительных заведений. Ему даже запрещалось продавать кукурузу или рис в провинции. За это полагался штраф в размере сорока шиллингов, и конфискация продаваемых товаров. Они не могли держать лодку или каноэ.

Жестокость этого кодекса не имеет аналогов, когда речь идет об исправлении рабов-негров.

"Если какой-либо негр или индийский раб [говорится в акте от 7 февраля 1690 г.] предложит что-либо на продажу. 7 февраля 1690 г.] применит какое-либо насилие, ударив кого-либо из белых, то за первое преступление он должен быть жестоко выпорот констеблем по приказу любого мирового судьи; за второе преступление по тому же приказу он должен быть жестоко выпорот, перерезан нос и лицо сожжено в каком-либо месте; а за третье преступление он должен быть предоставлен двум

судьям и трем достаточным фригольдерам, чтобы они наложили смерть или любое другое наказание по их усмотрению".

По мере того как наказания за малейшее нарушение рабского кодекса становились все более суровыми, рабы становились все более беспокойными и возбужденными. Иногда под сильным страхом они убегали на короткое время в надежде, что их разгневанные хозяева успокоятся. Но это, вместо того чтобы помочь, мешало и вредило делу рабов. Возмущенные поведением своих рабов, хозяева, имея своих представителей в Собрании, добились принятия следующего жестокого закона:...

"Каждый раб старше шестнадцати лет, который убежит от своего хозяина, хозяйки или надсмотрщика и будет продолжать это делать в течение двадцати дней за один раз, должен быть, по приказу своего хозяина, хозяйки, надсмотрщика или главы семьи, за первое преступление публично и жестоко выпорот, не более чем сорока ударами плетью; И если хозяин, хозяйка, надсмотрщик или глава семьи не подвергнет такому наказанию розгами любого негра или раба, который убежит, в течение десяти дней, то по жалобе, поданной в течение месяца любым лицом любому мировому судье, Мировой судья своим ордером, направленным констеблю, приказывает публично и жестоко выпороть этого негра или раба, причем расходы на такую порку, не превышающие двадцати шиллингов, несет тот, кто не позаботился о том, чтобы выпороть этого сбежавшего негра, как это предписано настоящим Законом. А если такой негр или раб сбежит во второй раз и будет продолжать это делать в течение двадцати дней, то ему или ей, провинившемуся, будет поставлено клеймо в виде буквы R на правой щеке. А если хозяин, хозяйка, надсмотрщик или глава семьи пренебрежет наказанием раба, сбежавшего во второй раз, то пренебрегший наказанием наказывается суммой в десять фунтов, и по жалобе, поданной любым лицом в течение одного месяца любому мировому судье, о пренебрежении наказанием раба за побег во второй раз, такой судья должен приказать констеблю наложить на такого раба такое же наказание или сделать это, причем расходы, не превышающие тридцати шиллингов, несет тот, кто пренебрег наказанием. А если такой негр или раб сбежит в третий раз и будет продолжать это делать в течение тридцати дней, то он или она, совершившие это преступление, за третье нарушение будут жестоко выпороты, не более сорока ударов плетью, и им будет отрезано одно из ушей; И если хозяин, хозяйка, надсмотрщик или глава семьи не подвергнет наказанию такого раба, сбежавшего в третий раз, то лицо, пренебрегшее этим наказанием, конфискует сумму в двадцать фунтов, и по жалобе, поданной любым лицом в течение двух месяцев любому мировому судье, о пренебрежении наказанием раба за побег в третий раз, указанный судья должен приказать констеблю наложить на такого раба такое же наказание или сделать это, причем расходы, не превышающие сорока шиллингов, несет тот, кто пренебрег наказанием. Если же негр или раб мужского пола сбежит в четвертый раз и будет продолжать это делать в течение тридцати дней, то он, провинившийся, за четвертое преступление, по приказу или по требованию хозяина, хозяйки, надсмотрщика или главы семьи, должен быть оштрафован; И если негр или раб, который будет оштрафован, умрет по причине оштрафования, и без всякого пренебрежения со стороны того, кто прикажет это сделать, владелец негра или раба, который умрет, должен получить за него плату из общественной казны. А если женщина-рабыня сбежит в четвертый раз, то она по приказу своего хозяина, госпожи или надсмотрщика должна быть жестоко выпорота, и на левой щеке у нее должно быть клеймо в виде буквы R, а левое ухо отрезано. И если владелец, если он

находится в этой провинции, или в случае его отсутствия, если его агент, фактор или поверенный, который несет ответственность за негра или раба, в соответствии с этим законом, который должен быть выпорот, выпорот, заклеямен и отрезано ухо, в четвертый раз за побег, будет пренебрегать тем, чтобы это было сделано и исполнено, как предписано настоящим Законом, в течение двадцати дней после того, как такой раб находится у него или у них под стражей, то такой владелец потеряет свою собственность на упомянутого раба, тому или тем, кто предъявит иск об этом, путем информации, в любое время в течение шести месяцев, в суде общей юрисдикции в этой провинции. И каждый, кто вернет раба по информации, по вышеуказанным причинам, должен в течение двадцати дней после такого возвращения подвергнуть раба такому наказанию, какое должен был совершить его прежний владелец или глава семьи, и за неисполнение которого он потерял свою собственность на указанного раба, или за неисполнение этого должен быть лишен пятидесяти фунтов; и если любой негр-раб, возвращенный по информации, и гелт, умрет, в таком случае за умирающего раба не должно быть заплачено из государственной казны. А если какой-либо негр или раб сбежит в пятый раз и будет продолжать это делать в течение тридцати дней, то такой раб должен быть предан суду двух мировых судей и трех фригольдеров, как это было предписано настоящим законом в случае убийства, и если они признают его виновным в этом преступлении, то они будут вправе приказывать отрезать пуповину на одной из ног раба выше пятки или вынести рабу смертный приговор, по усмотрению указанных судей; И любой приговор, вынесенный после первого преступления, будет достаточным осуждением для того, чтобы преступники понесли наказание за второе преступление; а после второго - за третье; и так же для вынесения остальных наказаний." [490]

Если какой-либо раб пытался сбежать от своего хозяина и выехать за пределы провинции, его могли судить два судьи и три фригольдера и приговаривать к самой жестокой смерти. Если было доказано, что какой-либо негр, свободный или раб, пытался убедить или подстрекнуть другого негра к побегу из провинции, то по приговору он наказывался сорока ударами плетью и клеймом на лбу раскаленным докрасна железом, "чтобы след от него остался". Если белый человек встречал раба и требовал от него предъявить билет, а раб отказывался, закон разрешал белому человеку "бить, калечить или нападать; а если такого негра или раба "нельзя было взять, убить его", если он не "покажет свой билет".

Жестокий и варварский кодекс рабовладельческой власти в Южной Каролине со временем вызвал обратную реакцию. Большая свобода действий, которую закон предоставлял белым людям в общении с незадачливыми рабами, сделала их беспечными и экстравагантными в использовании своей власти. Он воспитал из них выводок тиранов. Жизнь негра-раба заботила их не больше, чем ползущий червяк на их пути. Многие белые, не владевшие рабами, при малейшем предлоге обрушивали на головы невинных негров свои гневные ругательства и жестокие удары. Они толкались, пихались, толпились и пинали негров по любому поводу. Молодые белые с ранних лет брали уроки издевательств над бедными и беспомощными детьми Божьими, а надсмотрщик ценился больше за свои жестокие способности проклинать, бить и пытать, чем за умение управлять делами. Пресса и кафедра созерцали такое положение дел, пока тоже не стали добровольными пособниками самой жестокой системы рабства, которую только знала история. Но никто не хочет, чтобы его лошадь была загнана до смерти, если это зверь. Никому не интересно, чтобы каждый прохожий пинал его собаку, даже если это не самая лучшая собака в обществе. Это его собака, и это имеет значение для всего мира. Люди, которые совершали самые жестокие

поступки с рабами, попадавшимися им на пути, как правило, не имели ни рабов, ни какой-либо другой собственности. Свою власть они использовали нещадно. Здравый смысл подсказывал плантаторам, что лучшее обращение с рабами означает лучшую работу и увеличение прибыли для них самих. В конце концов, жизнь раба была оценена в пятьдесят фунтов. Пятидесяти фунтов, уплаченных в государственную казну человеком, который "из распутства, или только из кровавого умысла, или жестокого намерения" убил "негра или другого своего раба", было достаточно, чтобы успокоить общественное мнение и искупить хладнокровное убийство! Если он убивал чужого раба, закон требовал, чтобы заплатил пятьдесят фунтов текущих денег в государственную казну и полную стоимость раба владельцу, но "не подлежал никакому другому наказанию или конфискации за то же самое".^[491] Только что упомянутый закон, принятый в 1712 году, был повторно принят в 1722 году. В него было внесено одно изменение: если белый слуга, не имеющий собственности, убивал раба, три судьи могли связать его с хозяином, чьего раба он убил, чтобы тот служил ему в течение пяти лет. Этот закон оказал благотворное влияние на безответственных белых мужчин, которые часто полагались на свою национальность, не имея ни мозгов, ни денег, ни социального положения, чтобы наказывать рабов.

В 1740 году, 10 мая, был принят следующий закон, свидетельствующий о том, что в общественных настроениях, отвергающих обращение с рабами, произошли значительные изменения: - "XXXVII.

"XXXVII. Жестокость не только не подобает тем, кто исповедует себя христианами, но и одиозна в глазах всех людей, обладающих хоть каким-то чувством добродетели или гуманности; Поэтому, чтобы сдержать и предотвратить варварство по отношению к рабам, *да будет постановлено* вышеупомянутой властью, что если какое-либо лицо или лица, кто бы то ни было, умышленно убьет своего собственного раба или раба любого другого лица, то каждое такое лицо, по осуждению его, будет конфисковано и выплатит сумму в семьсот фунтов текущих денег, и будет лишено, и настоящим объявляется, полностью и навсегда, возможности занимать, исполнять, пользоваться или получать доходы от любой должности, места или работы, гражданской или военной, в пределах этой провинции: А в случае, если кто-либо из таких людей не сможет выплатить штраф и неустойку, наложенные настоящим уложением, каждый такой человек будет отправлен в любой из пограничных гарнизонов этой провинции или помещен в работный дом в Чарльзтауне, где он должен оставаться в течение семи лет и служить или содержаться на каторжных работах. А если убитый раб будет принадлежать кому-либо другому, кроме преступника, то жалование, обычно полагающееся солдатам этого гарнизона, или прибыль от труда преступника, если он будет помещен в работный дом в Чарльзтауне, будут выплачены владельцу убитого раба. И если кто-либо, в порыве страсти или по неразумному наущению, убьет своего раба или раба любого другого лица, он должен быть конфискован в размере трехсот пятидесяти фунтов стерлингов текущими деньгами. И если какое-либо лицо или лица умышленно вырежут язык, выколуют глаз, кастрируют, жестоко ошпарят, сожгут или лишат раба какой-либо конечности или члена, или применят какое-либо другое жестокое наказание, кроме порки или избиения конской плетью, коровьей шкурой, рубильником или небольшой палкой, или утюгом, или заключат или заточат такого раба, то каждое такое лицо за каждое подобное преступление должно быть конфисковано на сумму в сто фунтов стерлингов текущих денег."^[492]

Можно с уверенностью сказать, что в колонии Южная Каролина к рабам относились так же хорошо, как к лошадям в 1750 году. Но их социальное положение было самым плачевным. Закон категорически запрещал обучать рабов, а наказание за это составляло "сто фунтов текущих денег". В течение нескольких лет субботний день был разрешен им как день отдыха, но уже в 1690 году он был запрещен законом. В том же году был принят закон, согласно которому рабы должны были "иметь удобную одежду раз в год; и что ни один раб" не должен "становиться свободным, став христианином,^[493] но в отношении уплаты долгов" "считался и брался как все другие товары и движимое имущество". Их дома обыскивали каждые две недели "на предмет беглых рабов" и "украденных вещей". Фармацевтам запрещалось нанимать негров для работы с лекарствами под страхом лишения двадцати фунтов стерлингов текущих денег за каждое такое нарушение. Неграм не разрешалось заниматься медицинской практикой и принимать какие-либо лекарства, кроме как по указанию белого человека. Любое собрание негров могло быть разогнано по усмотрению судьи, проживающего в округе, где проходило собрание.

Плохая одежда и недостаточное питание вызывали широкое недовольство рабов и привлекали внимание общественности.^[494] Многие хозяева старались как можно дешевле обеспечить своих рабов. В 1732 году Законодательное собрание приняло закон, уполномочивающий двух мировых судей выяснять, как обращаются с рабами на нескольких плантациях; если какой-либо хозяин пренебрегал питанием и одеждой своих рабов, он должен был заплатить штраф в размере не более пятидесяти шиллингов. В мае 1740 года был принят закон, обязывающий хозяев следить за тем, чтобы их рабы не перетружались. Время, установленное для их работы, составляло "с 25-го дня марта по 25-й день сентября" не "более пятнадцати часов за четыре с двадцатью"; и "с 25-го дня сентября по 25-й день марта" не "более четырнадцати часов за четыре с двадцатью".

История налога на рабов, ввозимых в провинцию Южная Каролина, - это история организованной жадности, амбиций и вымогательства. Сколько золотых суверенов поступило в официальную казну в Чарльстоне! Благодаря великолепной гавани и благоприятному климату ни один город Юга не мог соперничать с ним в качестве рынка рабов. При обильном предложении извне и постоянном спросе изнутри чиновники Чарльстона были уверены, что высокие пошлины не смогут помешать работорговле, а город получит большую выгоду от этой торговли, как на промежуточном этапе, так и сразу.

Внезапные и разрушительные восстания были защитными клапанами для института рабства. Раса, долго и жестоко поработанная, может терпеливо переносить иго в течение определенного времени: но, подобно внезапно сгущающимся летним тучам, проливным дождям, ярким, ослепительным молниям, глубоким, хриплым раскатам грома, однажды она заявит о себе; и тогда это действительно будет судный день для хозяев! Негры в Южной Каролине долгое время терпели жесточайшее обращение, и, когда наступил "день их гнева", они едва ли знали об этом сами, не говоря уже о белых. Флорида находилась во владении испанцев. Ее губернатор разослал шпионов в Джорджию и Южную Каролину, которые весьма лестно уговаривали негров покинуть своих хозяев и отправиться во Флориду. Кроме того, на испанской службе находился негритянский полк, офицеры которого были выходцами из их собственной расы. Многие рабы, совершив побег, присоединились к этому полку. Им полагалась та же форма и то же жалованье, что и испанским солдатам. Колония Южная Каролина боялась врага извне, в то время как их злейший враг находился у их дверей! В 1740

году несколько негров, собравшись вместе в городе под названием Стоун, напали на двух молодых людей, охранявших склад, и убили их. Они захватили оружие и боеприпасы, организовали отряд, избрав одного из них капитаном, и с грохотом барабанов и развевающимися знаменами отправились в путь "как дисциплинированная рота". Они вошли в дом мистера Годфри, убили его, его жену и ребенка, а затем обстреляли его жилище. Затем они двинулись к Джексонбургу, разграбили и сожгли дома Сачеверала, Нэша, Спри и других. Они убивали всех белых, которых находили, и набирали свои ряды из встреченных негров. Говард Булл, "возвращавшийся в Чарльстон с юга, встретил их и, заметив, что они вооружены, быстро ускакал с их пути".^[495] За двенадцать миль марша они успели нанести огромный урон. Новости достигли Уилтауна, и было вызвано ополчение. Негры-мятежники были опьянены своим триумфом и напились рома, который они взяли в разграбленных домах. Они остановились в открытом поле, чтобы петь и танцевать; во время их веселья капитан Би, возглавлявший войска округа, обрушился на них и, убив нескольких, захватил всех, кто не успел скрыться в лесу.

Провинция пришла в сильное волнение. Законодательное собрание обратило внимание на мятеж,^[496] и объявило законными некоторые весьма сомнительные и суммарные акты. В 1743 году народ еще не оправился от испуга, вызванного восстанием. 7 мая 1743 года был принят закон, обязывающий каждого белого жителя мужского пола, посещающего "любую церковь или любое другое общественное место богослужения в пределах провинции", "иметь при себе ружье или пару конных пистолетов, исправных и годных к службе, с не менее чем шестью зарядами пороха и шаров", под страхом уплаты "двадцати шиллингов".

Поскольку существовал закон, запрещающий обучать рабов чтению и письму, образованных проповедников не было. Если негр хотел проповедовать своим собратьям по рабству, он должен был получить письменное разрешение от своего хозяина. Хотя негров иногда крестили в церкви - как правило, в Епископальной церкви, - их допускали только на галерею или органный этаж белых общин, причем в небольшом количестве. Ни один священнослужитель не осмеливался преломить хлеб жизни этим несчастным людям. Они были предоставлены суевериям и религиозному фанатизму, свойственным их положению.

В 1704 году был принят закон *"о сборе и зачислении на службу рабов, которые будут полезны для этой провинции во время тревог"*. В течение тридцати дней после публикации закона командиры военных организаций по всей провинции должны были назначить "пять фригольдеров", "трезвых и благоразумных людей", которые должны были составить полный список всех трудоспособных рабов в своих округах. Трое из них должны были определить квалификацию раба. После составления списка вышеупомянутые фригольдеры уведомили владельцев о необходимости явиться к ним в определенный день и указать причину, по которой их рабы не должны быть выбраны для службы в колонии. Затем рабов зачисляли в армию, а их хозяевам вменялось в обязанность вооружить их "исправным копьем, секирой или ружьем, с достаточным количеством боеприпасов и секир, в зависимости от удобства указанных владельцев, чтобы они явились под знаменами соответствующих капитанов, в их нескольких подразделениях, по всей провинции, для несения такой "государственной службы", какая потребуется". Если владелец отказывался снарядить или разрешить своему рабу реагировать на сигналы тревоги, он подвергался штрафу в пять фунтов за каждое пренебрежение, который должен был быть выплачен капитану роты, к которой принадлежал раб. Если раб был убит врагом "при исполнении служебных обязанностей", владельцу такого раба выплачивалась из государственной казны такая сумма денег, какую присудят три фригольдера под присягой. Негры прекрасно справлялись со своими обязанностями, и четыре года спустя, 24 апреля 1708 года, Законодательное собрание повторно приняло

билль, по которому они становились ополченцами. Последний закон содержал десять разделов и свидетельствует о том, с каким удовольствием белые нанимали негров в качестве своих защитников. Если негр попадал в плен к врагу и совершал побег обратно в провинцию, он подлежал эмансипации. Если же негр попадал в плен и убивал врага, то его освобождали, а если сам был ранен, то за государственный счет. Если он дезертировал к врагу, его хозяину выплачивали деньги за потерю.

Лишь немногие рабы подвергались манумиссии. Закон требовал, чтобы хозяева, эмансипировавшие своих рабов, предусмотрели возможность их вывоза из провинции. Если их находили на территории провинции через двенадцать месяцев после освобождения, манумиссия считалась недействительной, если только не была одобрена законодательным органом.

С 1754 по 1776 год законодательство по вопросу рабства практически не принималось. Давление извне сделало людей консервативными в вопросе рабства и радикальными в вопросе прав и свобод колоний. Угрожающая война между Англией и ее провинциальными владениями сделала людей гуманными и патриотичными; и в эти годы тревог и волнений измученные рабы дышали лучшей атмосферой и наслаждались редким ощущением доверия и благожелательности.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[482] Выдающийся юрист, председатель Верховного суда штата... и мой теплый личный друг, недавно сказал мне во время послеобеденной прогулки, что он никогда не знал, что рабство когда-либо было установлено законом в какой-либо из британских колоний в Северной Америке.

[483] Statutes of S.C., vol. vii. p. 352.

[484] Виргиния, как и другие колонии, законодательно закрепила рабство, но у нас нет такого четкого закона, как вышеприведенный. Но рабство было рабством во всех колониях, жестоким и вредным".

[485] Statutes of S.C., vol. vii. p. 397.

[486] Statutes of S.C., vol. vii. pp. 397, 398.

[487] Там же, том vii. стр. 343, 344.

[488] Этот закон, принятый 16 марта 1696 года, стал "бессрочным" 12 декабря 1712 года. Он оставался таковым на протяжении всего периода. См. Statutes of S.C., vol. ii, p. 598.

[489] Statutes of S.C., vol. vii. p. 363.

[490] Statutes of S.C., vol. vii. pp. 359, 360.

[491] Statutes of S.C., vol. vii. 363.

[492] Там же, том vii. стр. 410. 411.

[493] Ниже приводится Акт от 7 июня 1690 года. "XXXIV Поскольку милосердие и христианская религия, которую мы исповедуем, обязывают нас желать добра душам всех людей, и что религия не может служить предлогом для изменения чьей-либо собственности и прав, и что никто не может пренебречь крещением своих негров или рабов, или не допустить, чтобы они были крещены, из опасения, что таким образом они будут

освобождены от наказания, поэтому вышеупомянутой властью постановляется и объявляется законным, чтобы любой негр или индийский раб, или любой другой раб или рабы, какие бы они ни были, приняли и исповедовали христианскую веру и были крещены в ней; Но несмотря на то, что такой раб или рабыни примут и будут исповедовать христианскую религию и креститься, он или они не будут тем самым освобождены от наказания, или его или их владелец, хозяин или хозяйка потеряют свое или их гражданское право, собственность и власть над таким рабом или рабами, но что раб или рабыни в отношении своего рабства остаются и продолжают оставаться в том же состоянии и положении, в котором они были до принятия настоящего акта."- Статуты С.К., vol. vii. pp 364, 365.

[494] В 1740 году был принят закон, обязывающий хозяев обеспечивать своих рабов "достаточным количеством одежды".

[495] Hist. С.К. и Джорджия, т. ii. с. 73.

[496] Statutes of S.C., vol. vii. p. 416.

ГЛАВА XXII.

КОЛОНИЯ СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА.

1669-1775.

Географическое положение Северной Каролины, благоприятное для работорговли.- Принятие Конституции Локка.- Назначение Уильяма Сейла губернатором.- Законодательная карьера колонии.- Введение в колонии официальной церкви Англии.- Права негров, полностью контролируемые их хозяевами.- Закон о заговорах.- Гнев недоброжелательных белых, обрушивающийся на их рабов.- Закон против эмансипации рабов.- Ограниченные права свободных негров.

[Вернуться к оглавлению](#)

Географическое положение Северной Каролины было благоприятным для работорговли.

Благодаря гению Шафтсбери и тонкой хитрости Джона Локка Каролина получила и на некоторое время приняла самую замечательную конституцию, когда-либо представленную народу в любую эпоху мира. Все это было оскорблением для человечества, и в своих основополагающих элементах несло на себе отпечаток жестоких выводов исключительной философии. "Ни один избирательный голос не мог быть предоставлен владельцу земли площадью менее пятидесяти акров", а вся исполнительная власть принадлежала самим владельцам. Семь судов управлялись сорока двумя советниками, двадцать восемь из которых занимали свои места благодаря благосклонности собственников и "дворянства". Суд присяжных завершался мнением большинства.

"Инстинкт аристократии страшится моральной силы собственнической старшины; было принято решение о вечной деградации земледельцев. Литы, или арендаторы, владеющие десятью акрами земли за фиксированную арендную плату, были не только лишены политических прав, но и были приписаны к земле, "под юрисдикцией своего господина, без права обжалования"; к этому добавлялось, что "все дети литов должны быть литами, и так во всех поколениях"". [497]

Люди, составлявшие рядовую часть йоменов колонии Северная Каролина, были плохо подготовлены к правительству, создаваемому в огромных масштабах Конституции Локка. Надежды и страхи, вражда и дебаты, досадные и неразрешимые проблемы политической науки управления, которые омрачали небо самых проникательных и амбициозных государственных деятелей Европы, были вложены в этот замечательный инструмент. Расстояние между народом и дворянством стремились сделать необозримым, а право управлять государством основывалось на постоянных условиях собственности. Наследственное богатство должно было идти рука об руку с политической властью.

Конституция была подписана 21 июля 1669 года, а губернатором был назначен Уильям Сейл. Законодательная карьера провинции началась осенью того же года, и история должна зафиксировать, что она была одной из самых замечательных и поразительных, которые когда-либо наблюдала Северная Америка. Часть конституции, касающаяся института рабства, выглядит следующим образом

"97-я. Но поскольку туземцы того места, которые будут иметь отношение к нашей плантации, совершенно чужды христианству, чье идолопоклонство, невежество или заблуждение не дает нам права изгонять их или плохо использовать; а те, кто переселяется из других мест, чтобы поселиться там, неизбежно будут придерживаться иных мнений в вопросах религии, свободу которой они будут ожидать, чтобы им разрешили, и по этой причине не будет разумным для нас не пускать их; чтобы гражданский мир мог быть достигнут среди разнообразия мнений, и чтобы наше соглашение и договор со всеми людьми соблюдались должным образом и верно; нарушение которых, под каким бы то ни было предлогом, не может быть без великого оскорбления Всемогущего Бога, и великого злословия против истинной религии, которую мы исповедуем; а также для того, чтобы иудеи, язычники и другие несогласные с чистотой христианской религии не были запуганы и держались на расстоянии от нее, но, имея возможность ознакомиться с истинностью и разумностью ее доктрин, а также миролюбием и незлобностью ее исповедующих, могли путем доброго использования и убеждения, и всех тех убедительных методов мягкости и кротости, подходящих для правил и замысла Евангелия, быть убеждены принять и нелицемерно принять истину; Поэтому семь или более лиц, согласных в какой-либо религии, должны образовать церковь или исповедание, которому они должны дать какое-либо название, чтобы отличить его от других....

"101-я. Ни один человек старше семнадцати лет не должен иметь никаких льгот или защиты закона, или быть способным занять какое-либо доходное или почетное место, если он не является членом какой-либо церкви или профессии, имея свое имя, записанное в каком-либо одном, и только одном религиозном списке, на сайте

"107-е. Поскольку милосердие обязывает нас желать добра душам всех людей, а религия не должна изменять ничего в гражданском состоянии или праве любого человека, то будет законно, чтобы рабы, равно как и другие, могли вступать в церковь или профессию, какую кто из них сочтет лучшей, и быть ее полноправными членами, как и любые свободные люди. Но при этом ни один раб не должен быть освобожден от гражданской власти, которую имеет над ним его хозяин, но должен быть во всем в том же состоянии и положении, в котором он находился до этого.

"110-й. Каждый свободный житель Каролины должен иметь абсолютную власть и авторитет над своими рабами-неграми, какого бы мнения или религии они ни были".[498]

Хотя Конституция Локка была принята собственниками 1 марта 1669 года, можно сомневаться, что она когда-либо имела силу закона, поскольку она никогда не была ратифицирована местным законодательным органом. Сто десятая статья, предоставляющая абсолютную власть и полномочия хозяину над своим негром-рабом, не имеет аналогов в законодательстве колоний. И хотя раб мог вступить в христианскую церковь и тем самым признать свою человечность, было странным несовпадением отдавать его жизнь в распоряжение жестоких хозяев, которые "не боялись Бога и не считались с человеком".

Негры-рабы в Северной Каролине занимали парадоксальное положение: они имели право на членство в христианской церкви и были абсолютной собственностью своих белых братьев. Во втором варианте конституции, подписанном в марте 1670 года, вопреки красноречивому протесту Джона Локка, раздел о религии был изменен таким образом, чтобы, терпимо относясь к любому религиозному вероисповеданию, объявить "Англиканскую церковь" единственной истинной православной церковью и национальной религией провинции. Это, перед лицом того факта, что подавляющее большинство всех христиан, стекавшихся в Новый Свет, были диссентерами, сепаратистами и нонконформистами, можно объяснить только в свете горячего рвения Англиканской церкви превзойти Ирода Иродова - вовлечь негров в общение с государственной церковью в политических целях. Это был самый гнусный мотив, побудивший церковников открыть церковь для раба. Его членство в церкви не меняло его положения и не обеспечивало ему иммунитет от варварского обращения, которому институт рабства подвергал свои беспомощные жертвы.

В глазах закона негр, будучи *абсолютной собственностью*, не имел никаких прав, кроме тех, которые временно делегировал ему хозяин; и он действовал в качестве агента. Рабам-неграм не разрешалось "разводить лошадей, крупный рогатый скот или свиней"; если через шесть месяцев после принятия закона 1741 года у них обнаруживалось какое-либо имущество, оно подлежало конфискации шерифом графства и продаже церковными старостами прихода. Прибыль, полученная от такой продажи, шла: половина - приходу, другая половина - доносчику. [499] Рабу не разрешалось покидать плантацию, где он должен был жить, без пропуска, подписанного его хозяином или надсмотрщиком. Исключение делалось для негров, носящих ливреи. Неграм-рабам не разрешалось пользоваться огнестрельным или другим оружием, за исключением тех случаев, когда они были вооружены сертификатом от своего хозяина, дающим такое желанное разрешение. Если они охотились с оружием, не имея сертификата, любой христианин мог задержать их, изъять оружие, доставить раба к первому мировому судье, который имел право без церемоний нанести двадцать ударов плетью по голой спине и отправить его или ее домой. Хозяин должен был оплатить расходы на арест и наказание. Единственным исключением из этого закона было то, что один негр на каждой плантации или в каждом районе мог носить ружье, чтобы стрелять в дичь для своего хозяина, охранять запасы и т. д.; но его сертификат должен был все время находиться при нем. Если негр отправлялся с плантации, на которой он проживал, на другую плантацию или в другое место, то по закону он должен был ехать по наиболее часто посещаемой дороге. Если негр попадался на другой дороге, по которой мало кто ездит, кроме как в компании белого человека, то человек, владеющий землей, по которой он проезжал, имел право схватить его и подвергнуть не более чем сорока ударам плетью. Если негры посещали друг друга в ночное время - единственное время, когда они

могли посещать друг друга, - то те, кто оказывался на другой плантации, а не на плантации своего хозяина, наказывались ударами плетью по голой спине, не более сорока; негры же, устроившие развлечение, получали двадцать ударов плетью за свое гостеприимство. Если раб, которого хозяин не кормил и не одевал должным образом, был уличен в краже скота, свиней или кукурузы у другого человека, против хозяина можно было подать иск в общий суд или суд графства и взыскать ущерб.[500]

Здесь, как и в других колониях, главным врагом колонистов была укоряющая совесть. Люди вздрагивали от любого слуха и всегда представляли, что рабы сговорились перерезать им глотки. В наблюдаемом характере рабов не было ничего, что могло бы оправдать всеобщее беспокойство, охватившее общественное сознание. Не было также никаких оснований для принятия закона 1741 года о заговорах среди рабов. Это замечательный документ, который приводится здесь.

"XLVII. И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что если какое-либо число негров или других рабов, то есть три или более, в любое время после этого будут советоваться, советовать или замышлять восстание или мятеж, или замышлять убийство любого человека или людей, каждый такой совет, заговор или замышление будут признаны преступлением; и раб или рабы, осужденные за это, в порядке, указанном ниже, должны подвергнуться смерти.

"XLVIII. И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что каждый раб, совершивший такое преступление или любое другое преступление или проступок, должен быть немедленно препровожден любым мировым судьей в общую тюрьму графства, в пределах которого совершено указанное преступление, для безопасного содержания там; и что шериф такого графства, после такого задержания, должен немедленно сообщить об этом любому судье в комиссии указанного суда, проживающему в графстве, который после этого обязан и уполномочен выдать повестку двум или более судьям указанного суда и четырем фригольдерам, имеющим рабов в указанном графстве, которые указанные три судьи и четыре фригольдера, владельцы рабов, настоящим уполномочены и обязаны под присягой разбирать все преступления и проступки, совершенные любым рабом или рабами, в здании суда графства, и принимать в качестве доказательств признание преступника, присягу одного или нескольких заслуживающих доверия свидетелей или такие показания негров, мулатов или индейцев, подневольных или свободных, с сопутствующими обстоятельствами, которые покажутся им убедительными, без торжественного суда присяжных; И если преступник будет признан виновным, вынести ему такой приговор по своему усмотрению, какого потребует характер преступления или правонарушения; и по такому приговору присудить к исполнению.

"XLIX. При условии, что каждый судья, состоящий в мировой комиссии графства, где будет судиться любой раб или рабы, в силу настоящего закона (являющийся владельцем рабов), будет иметь право присутствовать на таком суде и выступать в качестве члена такого суда, хотя он или они не будут туда вызваны; все, что здесь ранее содержалось до обратного, ни в коем случае не имеет значения.

"L. И для того, чтобы негры, мулаты или индейцы, подневольные или свободные, не будучи христианами, которые в дальнейшем будут представлены в качестве доказательства на суде над любым рабом или рабами за смертную казнь или другие преступления, были более обязаны говорить правду; Далее постановляется, что если какой-либо негр, мулат или индеец, свободный или подневольный, по

надлежащему доказательству или по известным обстоятельствам, явившись в любой окружной суд в пределах этого правительства, будет уличен в даче ложных показаний, то каждый такой преступник должен быть, без дальнейшего разбирательства, по приказу указанного суда, прибит одним ухом к столбу и стоять там в течение одного часа, и это ухо должно быть отрезано, а затем другое ухо прибито таким же образом и отрезано, по истечении еще одного часа: и, кроме того, приказать наказывать каждому такому преступнику тридцать девять ударов плетью, хорошо наложенных, по голой спине, на общем столбе для бичевания.

"LI. И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что на каждом таком суде над рабами, совершившими смертные или иные преступления, первое лицо, заседающее на таком суде, должно перед допросом каждого негра, мулата или индейца, не являющегося христианином, обвинять его в том, что он говорит правду.

"LII. При условии, что хозяин, владелец или надсмотрщик любого раба, который будет привлечен к ответственности и судим в соответствии с этим актом, может явиться на суд и выступить в защиту такого раба или рабыни; , чтобы такая защита не была связана с какими-либо формальностями в ходе судебного разбирательства".[501]

Порядок проведения судебных процессов над неграми, обвиняемыми в совершении преступлений или правонарушений, был довольно своеобразным. По свидетельству одного или нескольких белых или по показаниям негров и индейцев, подневольных или свободных, несчастного обвиняемого, "без торжественности присяжных", перед тремя судьями и четырьмя фригольдерами, могли поспешно провести через суд, осудить, приговорить к страшной смерти, а затем казнить без присутствия служителя Евангелия.

Беспрецедентная свобода действий, предоставленная господам в правительстве, привела к самым трагическим результатам. Люди не только беззаботно относились к жизни собственных рабов, но и проявляли жестокость по отношению к чужим. Если негр проявлял хоть малейшую независимость в разговоре с белым человеком, его могли хладнокровно убить, и это был всего лишь случай, когда непокорный раб получал свою дань. Но люди стали так расточительны в использовании этой власти, что общественность встревожилась, и законодательное собрание призвало остановить господский класс. Сначала законодательные органы платили за рабов, уничтоженных под гнетом недоброжелательных белых, но в конце концов разрешили подавать иск против тех, кто убил раба. Это позволило сократить число убитых рабов, но роковая статья в конституции Локка пробудила жажду крови, и жестокое обращение продолжалось без остановки.

Свободное негритянское население в этой колонии было очень мало. Следующий акт о манумиссии настолько сильно отличается от законов других колоний, что приводится в качестве иллюстрации сурового характера законодательства Северной Каролины, направленного против эмансипации негров.

"LVI. И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что ни один негр или мулат не может быть освобожден ни под каким предлогом, кроме как за заслуги, которые должны быть присуждены и разрешены окружным судом, и лицензия на это должна быть сначала получена и получена: и что если какой-либо раб будет освобожден своим хозяином или владельцем иначе, чем предписано в настоящем документе, то церковные старосты прихода, в котором будет найден такой негр, мулат или индеец, по истечении шести месяцев после его освобождения будут

иметь право, и они настоящим уполномочены и обязаны, взять и продать указанного негра, мулата или индейца как раба в следующем суде, который состоится в указанном графстве, на публичных торгах: а деньги, вырученные от такой продажи, должны быть обращены в пользу прихода его ризничим: и если какой-либо негр, мулат или индийский раб, освобожденный иначе, чем предписано в настоящем документе, покинет эту провинцию в течение шести месяцев после своей свободы, а затем вернется в лоно этого правительства, то церковные старосты прихода, где будет найден такой негр или мулат, по истечении месяца после его возвращения в это правительство могут взять такого негра или мулата и продать его или их как рабов в ближайшем суде, который состоится в графстве, на публичных торгах; а деньги, вырученные за это, должны быть обращены ризничим на нужды прихода, как указано выше."[\[502\]](#)

Со свободными неграми обращались плохо. Им не разрешалось причащаться вместе с рабами. Свободному негру не разрешалось жениться ни на белой женщине, ни даже на негритянке-рабыне без согласия ее хозяина. Если он вступал в союз с белой женщиной, ее потомство связывали или продавали церковные старосты, пока они не достигали совершеннолетия.[\[503\]](#) Если белая женщина была наемной служанкой, ее заставляли отработать еще один год. Если она была свободной женщиной, ее продавали на два года церковным старостам. Свободных негров презирали и сторонились как рабы, так и белые.

В качестве яркого доказательства вопиющего лицемерия "дворян", которые в конституции открыли двери церкви для негров, следует сказать, что в период с момента основания провинции и до колониальной войны не было предпринято ни одной попытки через церковные учреждения рассеять темные тучи невежества, окутавшие разум негра. Они оставались в состоянии невежества и преступности. На самые серьезные социальные пороки подмигивали хозяева, чьи развратные примеры служили поводом для самых тяжких преступлений рабов. Мулаты и другие свободные негры были обложены налогами. Им не было места в ополчении, и они не могли претендовать на самые скромные права самого скромного "леетмана".

ССЫЛКИ:

[\[497\]](#) Bancroft, vol. ii., 5th ed. p. 148.

[\[498\]](#) Statutes of S.C., vol. i. pp. 53-55.

[\[499\]](#) Public Acts of N.C., vol. i. p. 64.

[\[500\]](#) Это пример гуманности в кодексе Северной Каролины, заслуживающий особого внимания. Это единственный пример справедливости по отношению к перегруженным работой и недокормленным рабам колонии.

[\[501\]](#) Public Acts of N.C., p.65.

[\[502\]](#) Public Acts of N.C., p. 66.

[\[503\]](#) В Законе 1741 года сказано: "до 31 года".

ГЛАВА XXIII.

КОЛОНИЯ НЬЮ-ХЭМПШИР.

1679-1775.

Провинциальное правительство Массачусетса осуществляет власть над штатом Нью-Гэмпшир с момента его организации.- Рабство существовало с самого начала.- Губернатор освобождает раба из рабства.- Инструкция против импорта рабов.- Несколько законов, регулирующих поведение слуг.- Безразличное обращение с рабами.- Запрет на ввоз индейских слуг.- Закон, устанавливающий суровое обращение со слугами и рабами.- Рабы в колонии до начала военных действий.

[Вернуться к оглавлению](#)

ДО 1679 года провинциальное правительство Массачусетса осуществляло власть над территорией, которая сегодня является штатом Нью-Гэмпшир. Поэтому нет ничего невероятного в том, что рабство существовало в этой колонии с самого начала ее органического существования. Уже в 1683 году оно было названо властями порочным и ненавистным институтом. 14 марта 1684 года губернатор Нью-Гэмпшира взял на себя ответственность освободить из рабства раба-негра. Об этом факте сохранилась следующая запись

"Губернатор сказал негру мистера Джаффри, что он может уйти от своего хозяина, что он возьмет его под руки и отпустит, так что фелло больше не будет присутствовать в тюрьмах своего хозяина".[\[504\]](#)

Из вышесказанного можно сделать вывод, что королевский губернатор провинции ощущал давление общественных настроений в вопросе борьбы с рабством. Хотя эта колония скопировала свой уголовный кодекс с Массачусетса, ее жители казались довольно избирательными, а в вопросе прав человека намного опережали жителей Массачусетса. Двенадцатая статья гласила: "Если кто украдет человека, то он должен быть предан смерти или подвергнут другому тяжкому наказанию". Весь кодекс - первый - был отвергнут в Англии как "фанатичный и абсурдный".[\[505\]](#) Желанием этой новой и слабой колонии было поставить все преграды на пути любого юридического признания рабства. Губернаторы всех колоний получили инструкции по вопросу рабства, но губернатор Нью-Гэмпшира получил от короны приказ отменить налог на ввозимых рабов. Королевские инструкции, датированные 30 июня 1761 года, были следующими: - "Вы не должны отдавать своих животных в рабство.

"Вы не должны давать свое согласие или принимать какой-либо закон, устанавливающий пошлины на негров, ввозимых в Нью-Гэмпшир".[\[506\]](#)

Нью-Гэмпшир никогда не принимал законов, устанавливающих рабство, но в 1714 году принял несколько законов, регулирующих поведение слуг. Один из них - *"Закон о предотвращении беспорядков в ночное время"*: "В то время как большие беспорядки, бесчинства

"Учитывая, что индийские, негритянские и мулатские слуги и рабы часто устраивают большие беспорядки, беззакония и кражи в ночное время, к беспокойству и вреду добрых подданных Ее Величества, для предотвращения которых да будет так и т. д.-что ни один индийский, негритянский или мулатский слуга или раб не может позволить себе отсутствовать в семьях, к которым они принадлежат, или быть обнаруженным за пределами дома в ночное время после девяти часов, за

исключением случаев, когда они выполняют поручения своих соответствующих хозяев".[507]

Указания против ввоза рабов были созвучны чувствам подавляющего большинства народа. Они считали, что рабство скорее помешает, чем поможет им, и при выборе слуг отдавали предпочтение белым. Если обычай держать людей в рабстве стал частью институтов Массачусетса - подобно раковой опухоли, которую нельзя было удалить, не поставив под угрозу политическую и торговую жизнь колонии, - то добрые люди Нью-Гэмпшира, руководствуясь опытом, решили на пороге своей провинциальной жизни выступить против внедрения рабов в их среду. Во-первых, они довольно рано поняли, что могут обходиться без рабов; во-вторых, торговцы человеческой плотью обнаружили, что в Нью-Гэмпшире нет спроса на рабов. Даже природа боролась с этим преступлением; оказалось, что негры плохо приспособлены к климату и, конечно, являются дорогой роскошью для этой колонии.

Но, тем не менее, рабы в Нью-Гэмпшире были. Большинство из них попали сюда в то время, когда колония была частью территории Массачусетса. Они были куплены людьми, которые считали их незаменимыми для себя. Они долго жили во многих семьях, у них рождались дети, и во многих случаях они были горячо привязаны к своим хозяевам. Но все хозяева были не одинаковы. Некоторые обращались со своими слугами и рабами жестоко. Пренебрежение в некоторых случаях было хуже, чем лишения или чрезмерная работа. Некоторые были плохо одеты и скудно накормлены, и, подвергаясь воздействию сурового климата, многие из них преждевременно сходили в могилу. Даже белые и индейские слуги разделяли это суровое обращение. Индейцы переносили более тяжкие испытания, чем негры. Они были более возвышенными в своем тоне, более чувствительными в своих чувствах, более мстительными в своем нраве. Их одновременно ненавидели и боялись, и общественные настроения против них были очень выраженными. Закон, принятый в 1714 году, запрещал их ввоз в колонию под страхом сурового наказания.

В 1718 году было признано необходимым принять закон, чтобы положить конец жестокому обращению со слугами и рабами. *Акт о сдерживании бесчеловечной жестокости* гласил.

"Для предотвращения и ограничения бесчеловечных жестокостей, которые злые хозяева или надсмотрщики могут применять к своим слугам-христианам, с момента опубликования настоящего закона и после него, если кто-либо выбьет глаз или зуб своему слуге или служанке, или иным образом сильно покалечит или изуродует их, если только это не будет простой случайностью, он должен отпустить его или ее со службы и предоставить такое дополнительное вознаграждение, какое ему назначит суд четвертьсессии. 2. Если кто-либо или какие-либо лица в этой провинции умышленно убьют своего индийского или негритянского слугу или слуг, они должны быть наказаны смертью".[508]

Рабы в Нью-Гэмпшире были вплоть до начала войны в колониях, но они были рабами только по имени. Немногочисленные, широко разбросанные, они чувствовали себя тесно связанными с интересами колонистов.

ССЫЛКИ:

[504] Belknap's Hist. of N.H., vol. i. p. 333.

[505] Hildreth, vol. i. p. 501.

[506] Gordon's Hist. of Am. Rev., vol. v. Letter 2.

[507] Freedom and Bondage, vol. i. p. 266.

[508] Freedom and Bondage, vol. i. p. 267.

ГЛАВА XXIV.

КОЛОНИЯ ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

1681-1775.

Организация правительства Пенсильвании.- Шведы и голландцы основывают поселения на западном берегу реки Делавэр.- Губернатор Нью-Йорка пытается осуществлять юрисдикцию над территорией Пенсильвании.- Первые законы, согласованные в Англии.- Положения закона.- Мемориал против рабства, составленный и принятый Джермантаунскими друзьями. Уильям Пенн представляет законопроект о лучшем регулировании труда слуг.- Акт о предотвращении импорта негров и индейцев.- Права негров.- Пошлина, взимаемая с негров и рабов-мулатов.- Квакер - друг негра.- Англия начинает угрожать своим зависимым территориям в Северной Америке.- Народ Пенсильвании размышляет о возможных злодеяниях, которые могут совершить их негры.

[Вернуться к оглавлению](#)

Задолго до того, как в Пенсильвании появилось организованное правительство, шведы и голландцы основали поселения на западном берегу реки Делавэр. Но английская корона претендовала на эти земли, и губернатор Нью-Йорка, получив патент от герцога Йоркского, попытался установить юрисдикцию над этой территорией. 11 июля 1681 года "Условия и уступки" были согласованы Уильямом Пенном, владельцем провинции, и лицами, которые были "авантюристами и покупателями в той же провинции". Предусматривалось наказание лиц, причиняющих вред индейцам, и чтобы плантатор, пострадавший от них, "не был сам себе судьей в отношении индейца". Все споры, возникающие между белыми и индейцами, должны были решаться советом из двенадцати человек - шести белых и шести индейцев.

Первые законы для управления колонией были согласованы в Англии и в 1682 году вступили в силу. Предусматривалась регистрация всех слуг, их полные имена, размер выплачиваемой зарплаты и время, когда они получили свое вознаграждение. Строго требовалось, чтобы слуг не держали дольше срока, на который они заключили договор, чтобы с ними обращались ласково и предоставляли им обычную экипировку на момент их освобождения.

Пагубный обычай порабощения негров распространился всех поселениях Северной Америки и даже был "терпим в Пенсильвании под благовидным предлогом религиозного обучения рабов". [509] В 1688 году Фрэнсис Дэниел Пасториус составил мемориал против рабства, который был принят Джермантаунскими друзьями и отправлен ими на Ежемесячное собрание, а затем на Ежегодное собрание в Филадельфию. [510] Оригинал документа был найден Натаном Кайтом из Филадельфии в 1844 году. [511] Это был замечательный документ, первый протест против рабства, выраженный какой-либо религиозной организацией в Америке. Говоря о рабах, Пасториус спрашивает: "Разве эти негры не имеют столько же права бороться за свою свободу, сколько вы имеете права держать их в рабстве?". Он верил, что придет время.

"Когда, от галереи до самого дальнего кресла,
Раб и рабовладелец больше не будут встречаться,
но все будут сидеть на равных у ног господина".

Он считал, что "покупка, продажа и удержание людей в рабстве несовместимы с христианской религией". Когда его мемориал поступил на рассмотрение Годичного собрания, оно призналось, что "не готово действовать", и сочло "нецелесообразным выносить положительное решение по этому делу". В 1696 году Годичное собрание высказалось против дальнейшего ввоза рабов и приняло меры, направленные на их нравственное улучшение. Джордж Кит, движимый святым вдохновением человечества, имея значительное число приверженцев, осудил институт рабства "как противоречащий религии Христа, правам человека, здравому смыслу и политике".[\[512\]](#)

Хотя эти усилия в определенной степени оказались безрезультатными, тем не менее Общество Друзей приняло правила для лучшего обращения с порабощенными неграми. Возникшие таким образом настроения помогли удержать лучшие слои населения от покупки рабов. К своим широким и возвышенным чувствам гуманности благочестивый Уильям Пенн стремился добавить силу позитивного закона. Опубликованные взгляды Джорджа Фокса, высказанные на Барбадосе в 1671 году в его "Евангельском семейном порядке, представляющем собой краткое рассуждение об упорядочении семей, как белых, так и черных и индейцев", оказали благотворное влияние на ум Пенна. В 1700 году он предложил Совету *"необходимость закона [среди прочих] о браках негров"*. Законопроект был передан в объединенный комитет обеих палат, и они внесли законопроект *"о регулировании негров в их нравах, браках и т. д."*. Он прошел второе чтение и был проигран.[\[513\]](#) Пенн считал, что обучение негров святости брачных отношений имеет величайшее значение для колонии и является самым надежным средством укрепления чистоты нравов. На каком основании он был отклонен, неизвестно. На той же сессии Ассамблеи он представил еще один законопроект, который предусматривал *"лучшее регулирование слуг в этой провинции и территориях"*. Он хотел, чтобы управление рабами было предписано и регулировалось законом, а не капризными прихотями хозяев. Ни один раб не мог быть продан за пределы провинции без его согласия, и ни один из них не мог быть передан в управление только мировому судье. Он предусматривал регулярное пособие слугам по истечении срока службы и обязывал их отработать пять дней дополнительно за каждый день отсутствия у хозяина без его согласия. За укрывательство беглых рабов устанавливалось наказание, а за их поимку назначалось вознаграждение. Ни одному свободному человеку не разрешалось иметь дело с рабами, а судьи и шерифы должны были наказываться за пренебрежение своими обязанностями в помещении.

Если негр был виновен в убийстве, его судили два судьи, назначенные губернатором, перед шестью свободными землевладельцами. Предписывался порядок рассмотрения дела, а также характер приговора и оправдания. Неграм не разрешалось иметь при себе пистолет или другое оружие. Под страхом жестокой порки разрешалось держать вместе не более четырех человек. В 1710 году был принят закон о повышении доходов и введена пошлина на ввозимых рабов. В 1711-12 годах был принят закон *"о предотвращении ввоза негров и индейцев"* в провинцию. В том же году в Законодательное собрание поступило общее прошение об освобождении рабов на основании закона; но мудрые законотворцы ответили, что "не справедливо и не удобно отпускать их на свободу". Законопроект был принят 7 июня 1712 года, но не был одобрен Великобританией и, соответственно, отменен Актом королевы Анны от 20 февраля 1713 года. В 1714 и 1717 годах были приняты законы, направленные на

ограничение ввоза рабов. Но английское правительство, вместо того чтобы отнестись с пониманием к филантропическим усилиям жителей Пенсильвании, стремилось в целях коммерческой торговли и наживы омрачить континент жертвами своей алчности.

Негры не имели никаких политических прав в провинции. Свободным неграм запрещалось принимать у себя негров или индейских рабов, а также торговать с ними. От хозяев требовалось, как и в других колониях, при манумилизации рабов предоставлять залог. Браки между представителями разных рас были запрещены. Неграм не разрешалось находиться за границей после девяти часов вечера.

В 1773 году Ассамблея приняла "*Акт, делающий вечным Акт, озаглавленный "Акт об установлении пошлины на негров и мулатов"* и т. д.", и добавила к пошлине десять фунтов. Колонисты сделали многое, чтобы остановить этот мерзкий и бесчеловечный трафик; но, закрепившись, он разъедал страну, как рак. Она бросала свою мрачную тень на личные и коллективные интересы и отравляла источники человеческой доброты во многих сердцах. Она вредила не только рабам: она повсеместно меняла и очерняла характер, увлекала тех, кто стремился к богатству, не подвластному нравственному восприятию. Однако здесь, как и в Нью-Джерси, негр нашел в квакере своего практического друга; и его высшая и лучшая жизнь получила от благочестивых людей советы по обрезке, облагораживающее и возвышающее влияние. Но интеллект в рабе был поводом для оскорблений и готовил его к осознанию своего плачевного положения. Поэтому просветить его означало возбудить в нем глубокое желание свободы и, что не исключено, чувство мести по отношению к своим поработителям. Так что в методе, который бесхитростные Друзья избрали для улучшения положения рабов, действительно таилась опасность.

Когда Англия начала выдыхать угрозы в адрес своих непокорных зависимых территорий в Северной Америке, жители Пенсильвании стали размышлять о том, что их негры, по всей вероятности, будут совершать бесчинства. Они пришли к выводу, что негры будут их врагами, потому что они их рабы. Это был справедливый вывод нечистой совести. Они не смели ожидать меньшего, чем мстительная ненависть существ, на которых они наложили ярмо рабства; и, действительно, они оказались в состоянии "страха внутри и борьбы снаружи".

ССЫЛКИ:

[509] Gordon's History of Penn., p. 114.

[510] Whittier's Penn. Pilgrim, p. viii.

[511] Мемориал, о котором идет речь, был напечатан *in extenso* в журнале "The Friend", vol. xviii. No 16.

[512] Протоколы ежегодного собрания, Watson's MS. Coll. Bettle's notices of N.S. Minutes, Penn. Hist. Soc.

[513] Colonial Rec., vol. i. pp. 598, 606. См. также "*Голоса собрания*", т. i. с. 120-122.

ГЛАВА XXV.

КОЛОНИЯ ДЖОРДЖИЯ.

1732-1775.

Джорджия, некогда входившая в состав территории Каролина. Тринадцатая колония, основанная в Северной Америке английским правительством. Рабы полностью исключены попечителями. Мнение генерала Оглторпа о рабстве. Длительная и ожесточенная дискуссия по поводу допуска рабства в колонию.

[Вернуться к оглавлению](#)

Когда-то Джорджия входила в состав территории Каролины и простиралась от реки Саванна до реки Сент-Джонс. Корпоративный орган под названием "Попечители по созданию колонии Джорджия" был создан на основании хартии, датированной 9 июня 1732 года. Срок действия траста составлял двадцать один год. Правила, по которым попечители пытались управлять младенцем, были довольно новаторскими; но поскольку их обсуждение было бы неуместным, можно упомянуть только ту часть, которая касалась рабства. Джорджия была последней колонией - тринадцатой, основанной в Северной Америке английским правительством. Особый интерес к ней возник по нескольким причинам, о которых мы расскажем далее.

Попечители полностью исключили рабство. Генерал Джон Оглторп, блестящий молодой английский офицер нежных кровей, первый губернатор колонии, был приписан к "Королевской африканской компании, которая одна имела право основывать форты и торговать на побережье Африки". Он заявил, что "рабство противоречит Евангелию, а также основному закону Англии". Мы отказались, как попечители, принять закон, разрешающий такое ужасное преступление". Другой попечитель в своей проповеди, прочитанной в воскресенье, 17 февраля 1734 года, в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер в Лондоне, заявил: "Рабство, которое является несчастьем, если не бесчестьем, других плантаций, абсолютно запрещено. Пусть скупость защищает его как угодно, но в человечестве есть честное нежелание покупать и продавать и рассматривать людей нашего собственного вида как наше богатство и имущество". Прекрасные чувства! Красноречивое свидетельство против преступления веков! Изучающий историю с первого взгляда склонен превозносить возвышенные мотивы "попечителей", наложивших ограничение на работорговлю. Но процитированная выше декларация принципов не подтверждается историческими фактами. По этому поводу доктор Стивенс, историк Джорджии, замечает: "Однако в официальных публикациях этого органа [попечителей] его запрет основывается только на политических и благоразумных, а не на гуманных и либеральных мотивах, и даже Оглторп владел плантацией и неграми возле Парачукла в Южной Каролине, примерно в сорока милях выше Саванны".[514] К этому достоверному мнению добавляется: - "Ввоз рабов был запрещен.

"Ввоз рабов в колонию Джорджия был запрещен в течение нескольких лет не из гуманных побуждений, а по той причине, по которой он поощрялся в других местах, а именно: в интересах материнской страны. У "страны-матери" была любимая идея - сделать *Джорджию* защитным покрывалом для Каролинских островов, против испанских поселений к югу от нее и основных индейских племен к западу; для этого необходимо было создать сильное поселение белых людей, чье оружие и интересы защищали бы северные плантации. Ввоз рабов считался неблагоприятным для этой схемы, поэтому его запретили. Во время действия запрета Оглторп сам был рабовладельцем в Каролине".[515]

Причины, побудившие попечителей запретить рабство в колонии, изложены вкратце следующим образом.

"1-е. Его дороговизна: бедный эмигрант будет совершенно не в состоянии выдержать ни первые расходы на негра, ни его последующее содержание. 2d. Потому что это побудит к безделью и сделает труд унижительным. 3d. Поскольку поселенцы, будучи свободными владельцами участков в пятьдесят акров и нуждаясь лишь в одной или двух дополнительных рабочих руках для их обработки, немецкие слуги были бы на треть выгоднее негров. На последнем из упомянутых мною первоначальных замыслов, касающихся основания этой колонии, они также основывали аргумент против их принятия, а именно, что выращивание шелка и вина, требующее мастерства и аккуратности, а не силы и выносливости к усталости, белым лучше подходит для такого труда, чем неграм. Таковы были основные аргументы, вытекающие из различных соображений внутренней и внешней политики, которые повлияли на попечителей при принятии этого запрета. Многие из них, однако, имели лишь временное значение, ни один не выдержал испытания опытом".[516]

Таким образом, очевидно, что основатели колонии Джорджия не были движимы самыми благородными побуждениями, чтобы запретить рабство в пределах своей юрисдикции. В главе о Южной Каролине внимание было обращено на влияние испанских войск во Флориде на непокорных негров в Каролине, на негритянский полк с субалтернами из их собственного класса и на работу испанских эмиссаров среди рабов. Правительство страны посчитало разумным создать Джорджию из белых людей, которые могли бы развивать ее ресурсы и с оружием в руках защищать британские владения вдоль обширной границы, подверженной нападению вредоносного врага. Но Торговый совет вскоре счел эту схему невыполнимой, и колонисты сами стали требовать "использования негров".[517] Первое прошение о введении и использовании негритянских рабов было подано попечителям в 1735 году. Эта просьба была быстро и положительно отклонена, и в течение пятнадцати лет они отказывались удовлетворять все просьбы об использовании негров. Они придерживались своего запрета по букве и духу. Когда бы и где бы ни находили негров в колонии, их продавали обратно в Каролину. В декабре 1738 года в петиции, адресованной попечителям и включавшей почти все имена передовых колонистов, излагалось бедственное положение, в котором оказались дела колонии после введения запрета, и заявлялось, что "использование негров с соответствующими ограничениями, которые, если будут разрешены, побудят большое количество белых людей приехать сюда, а также сделают нас способными прокормить себя, выращивая провизию на наших землях, пока мы не сможем производить продукцию, пригодную для экспорта, в какой-то мере уравновесивая наш импорт". Но вместо того, чтобы добиться положительного рассмотрения, петиция привлекла огонь друзей запрета на использование негров. 3 января 1739 года в Дарьене была опубликована петиция к попечителям, опровергающая аргументы вышеупомянутой петиции и призывающая их оставаться твердыми. За ней последовала еще одна, направленная из Эбenezера 13 марта, в пользу позиции, занимаемой попечителями. В колонии поселилось множество шотландцев и немцев; знакомые с искусством земледелия, они стали горячими сторонниками попечителей. Джеймс Хабершем, "*дорогой попутчик*" Уайтфилда, воскликнул.

"Когда-то я считал, что держать рабов-негров незаконно, но теперь я склоняюсь к мысли, что Бог, возможно, преследует более высокую цель, позволяя им быть привезенными в эту христианскую страну, чем просто содержать своих хозяев". Многие из бедных рабов в Америке уже стали свободными жителями Небесного

Иерусалима, и, возможно, придет время, когда многие тысячи примут Евангелие и таким образом обретут славную свободу детей Божьих". Эти и другие соображения убедительно свидетельствуют в пользу ограниченного использования негров; ведь пока мы можем покупать провизию в Каролине дешевле, чем здесь, никто не будет склонен сажать много".

Но попечители стойко противостояли изощренной хитрости политиков и красноречивым мольбам скупости.

7 октября 1741 года в Саванне состоялось большое собрание и была составлена петиция, в которой землевладельцы и поселенцы изложили свои претензии английским властям в Лондоне. 26 марта 1742 года мистер Томас Стивенс, вооруженный мемориалом, как представитель мемориальцев, отплыл в Лондон. Хотя в документе якобы излагалось их желание получить определение "владения землями", на самом деле мольба была обращена к "неграм". Он представил мемориал королю, и его величество передал его в комитет "Лордов Совета по делам плантаций". Этот комитет передал копию мемориала попечителям с просьбой дать ответ. Примерно в это время Стивенс представил в парламент петицию, в которой обвинил попечителей в неисполнении обязанностей, нецелевом использовании государственных средств, злоупотреблении властью и других многочисленных грехах против общественного благосостояния. Это произвело настоящую сенсацию. Палата постановила создать "комитет полного состава", чтобы рассмотреть петицию и ответ попечителей. Ответ попечителей был составлен умелым пером графа Эгмонта, горячо одобрен ими 3 мая, а через три дня зачитан в Палате общин. Последовало предложение, "чтобы петиции лежали на столе" для ознакомления членов в течение одной недели. По истечении назначенного срока явился Стивенс, и все петиции народа Джорджии к попечителям по поводу "владения землями" и "использования негров" были представлены на рассмотрение почтенного органа. В комитете полного состава дела колонии были тщательно изучены; и после нескольких дней заседания мистер Кэрю представил ряд резолюций, являющихся мнением комитета после должного обсуждения поставленных перед ним вопросов

"Что провинция Джорджия в Америке, в силу своего положения, может быть полезным барьером для британских провинций на континенте Америка против французов и испанцев, и индейских народов в их интересах; что портов и гаваней в пределах указанной провинции может быть хорошей безопасностью для торговли и навигации этого королевства, что указанная провинция, в силу плодородия почвы, здорового климата, и удобства рек, является подходящим местом для создания поселения, и может внести большой вклад в увеличение торговли этого королевства; что для этой нации очень необходимо и выгодно, чтобы колония Джорджия была сохранена и поддержана; что для колонии Джорджия будет выгодно разрешить ввоз рома в указанную колонию из любой из британских колоний; что петиция Томаса Стивенса содержит ложные, скандальные и злонамеренные обвинения, направленные на очернение личности Попечителей по основанию колонии Джорджия в Америке."

Когда резолюция о разрешении ввоза рома была поставлена на голосование, в нее внесли поправку, добавив: "А также использование негров, которые могут быть использованы с пользой для колонии, при соблюдении соответствующих правил и ограничений". Поправка была отклонена большинством в девять голосов. Последовала резолюция, призывающая Томаса Стивенса предстать перед палатой, "чтобы господин спикер на коленях отчитал его" за оскорбление попечителей.

На следующий день Стивенс, стоя на коленях у барной стойки Палаты общин перед собравшимися государственными деятелями Великобритании, получил публичное порицание от спикера и был освобожден от должности после уплаты гонорара. Так закончилась попытка жителей колонии Джорджия добиться через головы попечителей разрешения ввести рабов в свою службу.

Темная волна влияния рабства хлынула на границы колонии. Люди были обескуражены. Бизнес застопорился. Внутреннее недовольство и междоусобные распри тяготили дух народа, пытавшегося построить и развить новую страну. Затем хищнические вторжения испанцев и угрожающее поведение индейцев привели в ужас всю провинцию. При таком положении дел белые слуги становились все более наглыми и непокорными. Те, чей срок службы истек, отказывались работать. В этой дилемме многие смело шли на поводу у попечителей и нанимали негров из Каролины. В конце концов попечителям стало известно о тайном ввозе негров в колонию, и тогда магистраты подвергли их суровому порицанию. 2 октября 1747 года они получили следующий ответ

"Мы боимся, сэр, что, судя по тому, что вы написали о неграх, достопочтенные попечители были дезинформированы относительно нашего поведения в этом вопросе; Ибо мы можем с большой уверенностью утверждать, что Совет всегда единодушно препятствовал использованию негров в этой колонии, хорошо зная, что это неприятно для Попечителей, а также противоречит акту, существующему для их запрета, и всегда давали указание тем, кого мы вводили во владение землями, не пытаться вводить или использовать негров. Но, несмотря на нашу осторожность, некоторые люди из Каролины, вскоре после заселения земель на реке Литтл-Огичи, нашли возможность привезти и нанять несколько негров на указанных землях, за некоторое время до того, как это стало известно нам, после чего они сочли нужным вывести их, опасаясь конфискации, и вскоре после этого вывели себя и свои семьи из колонии, что, как нам кажется, в настоящее время является решением многих других".[\[518\]](#)

Обвинялось, что служители закона знали о присутствии негров в Джорджии; что их постоянным и неизменным тостом был *"единственный необходимый предмет"* (негры); и что они сами тайно помогали в приобретении негров для колонии. По мере продвижения борьбы сторонники колонистов становились все менее влиятельными. Самые активные становились неразговорчивыми и консервативными. Сторонники негритянского труда становились смелее и язвительнее в спорах, и в конце концов поборники исключительно белого труда замолчали, потрясенные отчаянием своих противников. Преподобный Мартин Бользиус, один из самых активных сторонников попечителей, писал этим джентльменам 3 мая 1748 года

"Сейчас все находится в таком плачевном состоянии, что я должен смиренно умолять вашу честь не рассматривать больше петиции нашего друга против негров".

Преподобные Джордж Уайтфилд и Джеймс Хабершем использовали все свое влияние на попечителей, чтобы добиться изменения запрета на *"использование негров"*. 6 декабря 1748 года преподобный Уайтфилд, рассказывая о приобретенной им плантации и неграх, написал попечителям

"На эту затею было потрачено около пяти тысяч фунтов стерлингов, и все же в возделывании моего участка земли было сделано очень мало, и то исключительно из-за того, что я был вынужден прибегать к помощи белых рук. Если бы мне разрешили взять негра, я бы сейчас имел достаточно средств для содержания

множества сирот, не потратив при этом и половины положенной суммы. Нежелание упустить столь хороший замысел и рациональное убеждение, что он обязательно осуществится, если не будет найден другой способ его предотвратить, - эти два соображения, уважаемые джентльмены, заставили меня около двух лет назад, благодаря щедрости моих добрых друзей, приобрести плантацию в Южной Каролине, где разрешены негры. Благословен Бог, плантация эта преуспела; и хотя в настоящее время у меня всего восемь рабочих рук, но, по всей вероятности, за один год будет собрано больше урожая, причем с четвертью расходов, чем было собрано в Бетесде за несколько последних лет. Это подтверждает мое мнение, которого я придерживаюсь уже долгое время, что *Джорджия никогда не сможет стать процветающей провинцией без негров*".[519]

Мнение в пользу ввоза негритянских рабов стало почти единодушным. Попечители начали колебаться. 10 января 1749 года попечителям было представлено еще одно прошение. Оно было тщательно составлено и содержало ограничения на ввоз рабов. 16 мая оно было зачитано попечителям, и они решили "представить его Его Величеству в совете". Они также попросили отменить запрет на ввоз негров, принятый в "1735 году". Граф Шафтсбери во главе специального комитета разработал законопроект, отменяющий этот запрет. 26 октября 1749 года большой и влиятельный комитет из двадцати семи человек составил и подписал петицию, призывающую к немедленному введению рабства с некоторыми ограничениями. Бумага была должным образом заверена и возвращена попечителям. Противодействие введению рабства в колонии Джорджия было побеждено; после долгой и ожесточенной борьбы рабство было прочно и законно установлено в этой последней провинции англичан в западном мире. Колонисты ликовали.

Срок действия хартии, на основании которой действовали попечители, истек в 1752 году, и была установлена новая форма правления под руководством Торгового совета. Королевская комиссия назначила губернатора и совет. Одним из первых указов, принятых ими, был указ, согласно которому "все преступления, совершенные рабами, должны были рассматриваться одним судьей, без присяжных, который должен был назначать казнь, а в случаях смертной казни назначать стоимость раба, которая должна была выплачиваться из государственной казны". На первой сессии Ассамблеи в 1755 году был принят закон "о *регуливании и управлении рабами*". В 1765 году был принят закон, устанавливающий пропускную систему, а остальное законодательство в отношении рабов было копией законов Южной Каролины.

История рабства в Джорджии в этот период беспрецедентна и несравненно интересна. Она иллюстрирует силу этого института и показывает, что не было провинции, достаточно независимой от его влияния, чтобы изгнать его из своей юрисдикции. Подобно Ангелу Смерти, прошедшему через Египет, не было колонии, которую он не поразил бы своими темными и разрушительными шестернями. Самые дорогие, самые возвышенные интересы человечества были попорчены его оскверняющим прикосновением. Она закрыла солнечный свет человеческой доброты; она потушила огонь надежды; она задержала развитие лучших ветвей человеческой натуры и наполнила их низменными и пагубными желаниями; она поставила "*Золотое правило*" под нечестивую пядь временщиков и корыстолюбцев; она сделала церковь такой же светской, как и Перемена, а последнюю такой же благочестивой, как и первую: Это была гигантская система, враждующая с цивилизацией круглоголовых и пуритан, и невыносимое бремя для людей, которые хотели построить новую нацию в этом Новом мире на Западе.

ССЫЛКИ:

[514] Stephens's Journal, vol. iii. p. 281.

[515] Freedom and Bondage, vol. i. p. 310, note.

[516] Stevens's Hist. of Georgia, vol. i. p. 289.

[517] Bancroft, vol. iii. 12th ed. p. 427.

[518] Stevens's Hist. of Georgia, vol. i. p. 307.

[519] Труды Уайтфилда, т. ii. с. 90, 105, 208.

Часть III.

НЕГР ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ.

ГЛАВА XXVI.

ВОЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕГРОВ.

1775-1780.

"Многие чернокожие солдаты находились на службе на всех этапах войны" - Спаркс.

Колониальные штаты в 1715 г. - Утверждение закона о запрете импорта южными колониями. - Джордж Вашингтон представляет резолюцию против рабства на собрании в Фэрфакс Корт-Хаус, штат Вирджиния. - Письмо Бенджамина Франклина Дину Вудворду, касающееся рабства. - Обращение с рабами в колониях изменено. - Реклама в "Бостонской газете" о беглом рабе Криспусе Атаксе. - Бостонская резня. - Ее результаты. - Криспус Атакс показывает свою лояльность. - Его пылкое письмо торийскому губернатору провинции. - Рабы, принятые в армию. - Состояние Континентальной армии. - Оживленные дебаты в Континентальном конгрессе по поводу проекта письма генералу Вашингтону. - Инструкции по увольнению всех рабов и свободных негров в его армии. - Протоколы собрания, состоявшегося в Кембридже. - Прокламация лорда Данмора. - Предрассудки в южных колониях. - Негры в Виргинии стекаются в британскую армию. - Предупреждение неграм, напечатанное в газете Уильямсбурга. - Виргинский конвент отвечает на прокламацию лорда Данмора. - Ген. Грин в письме генералу Вашингтону обращает внимание на создание негритянского полка на Статен-Айленде. - Письмо от гессенского офицера. - Законодательное собрание Коннектикута по вопросу найма негров в качестве солдат. - Письмо генерала Варнума генералу Вашингтону с предложением о найме негров направлено губернатору Куку. - Губернатор передает письмо Варнума в Генеральную Ассамблею. - Массачусетс пытается добиться законного зачисления негров в армию. - Письмо Томаса Кенча в Совет и Палату представителей, Бостон, Массачусетс. - Негры служат в белых организациях до конца Американской революции. - Негритянские солдаты служат в Вирджинии. - Мариленд нанимает негров. - Нью-Йорк принимает закон, предусматривающий создание двух цветных полков. - Война в средних и южных колониях. - Письмо Гамильтона Джону Джею. - Усилия полковника Лоренса по сбору негритянских войск в Южной Каролине. - Прокламация сэра Генри Клинтона, побуждающая

негров дезертировать из армии повстанцев.- Лорд Корнуоллис издает прокламацию, предлагающую защиту всем неграм, ищущим его командования,- Полковник Лоренс вызван во Францию для важных дел. Лоренс вызван во Францию по важным делам.- Его план по обеспечению Юга черными левитами после возвращения.- Его письма генералу Вашингтону по поводу его бесплодных планов.- Капитан Дэвид Хамфрис набирает роту цветной пехоты в Коннектикуте.- Возвращение негров в армию в 1778 году.

[Вернуться к оглавлению](#)

Политика вооружения негров рано стала предметом тревожного внимания руководителей колониальной армии во время Американской революции. Англия заполняла свои американские плантации рабами с ужасающей скоростью; и когда начались военные действия, было трудно сказать, сможет ли американская армия или министерская армия заполучить негров в союзники. В 1715 году королевские губернаторы колоний предоставили Торговому совету сведения о численности негров в своих колониях. Численность рабов была следующей: -

НЕГРЫ. | НЕГРЫ.

Нью-Гэмпшир 150 | Мэриленд 9 500
Массачусетс 2,000 | Вирджиния 23,000
Род-Айленд 500 | Северная Каролина 3,700
Коннектикут 1,500 | Южная Каролина 10,500
Нью-Йорк 4,000 | -----
Нью-Джерси 1,500 | Итого 58,850
Пенсильвания и Делавэр 2,500

Через шестьдесят лет после начала Революции численность рабов в тринадцати колониях была следующей:...

НЕГРЫ. | НЕГРЫ.

Массачусетс 3,500 | Мэриленд 80,000
Род-Айленд 4,373 | Вирджиния 165,000
Коннектикут 5,000 | Северная Каролина 75,000
Нью-Гэмпшир 629 | Южная Каролина 110,000
Нью-Йорк 15,000 | Грузия 16,000
Нью-Джерси 7,600 | -----
Пенсильвания 10,000 | Всего 501,102
Делавэр 9,000 |

В великой военной борьбе такое количество существ не должно было вызывать презрения. Рассматриваемое как нейтральный элемент, который можно использовать для пропитания армии, отбывания трудовой повинности и строительства укреплений, негритянское население стало объектом благосклонности белых колонистов. В Ковенанте о запрете импорта, принятом Континентальным конгрессом в Филадельфии 24 октября 1774 года, вторая резолюция отражает отношение представителей народа к вопросу о работорговле: - "2. Мы не будем ни импортировать, ни ввозить рабов.

"2. Мы не будем ни ввозить, ни покупать ни одного раба, ввезенного после первого дня декабря следующего года; после этого мы полностью прекратим работорговлю

и не будем ни участвовать в ней сами, ни нанимать наши суда, ни продавать наши товары или изделия тем, кто в ней участвует".[520]

Этот документ, как и весь пакт, получил подписи всех делегатов из двенадцати колоний.[521] Делегаты от южных колоний были сильно обеспокоены возможным отношением к ним рабского элемента. Они знали, что если эта невежественная масса человечества будет разгорячена каким-либо стратегическим актом врага, то они могут смести с лица земли их дома и семьи. Жестокости рабовладельческого кодекса, суровое обращение с рабами-неграми, недоверие к белым, повсеместно проявляющееся среди негров, - как множество страшных снов, днем и ночью терзали умы рабовладельцев. У них даже не хватало смелости попросить рабов сохранять молчание и пассивность во время борьбы между Англией и собой. Речи ораторов и труды колонистов в этот период украшали слова о "равенстве прав всех людей". И все же рабы, которые носили свои цепи под глазами, которым было отказано в самых обычных правах человечества, которые были оценены как движимое и недвижимое имущество, были живыми свидетелями неискренности и непоследовательности этой декларации. Но примечателен тот факт, что все южные колонии, помимо действий своих делегатов, ратифицировали Пакт о неимпорте. Конвенция Мэриленда 8 декабря 1774 года, Конгресс провинции Южная Каролина 11 января 1775 года, Конвенция Вирджинии 22 марта 1775 года, Конгресс провинции Северная Каролина 23 августа 1775 года, Ассамблея Делавэра 25 марта 1775 года (отклонена губернатором Джоном Пенном) и Джорджия приняли следующие постановления: "1.

"1. *Решено*, что этот Конгресс примет и приведет в исполнение все и в единственном числе меры и рекомендации последнего Континентального конгресса.

"4. *Решено*, что после этой даты мы не будем ни импортировать, ни [покупать] рабов, привезенных из Африки или откуда-либо еще".

По всем колониям проходили многочисленные и бурные собрания, на которых в резолюциях народ выражал свои чувства по отношению к материнской стране. 18 июля 1774 года на собрании, состоявшемся в Фэрфакс Корт-Хаус, штат Вирджиния, Джордж Вашингтон, председатель комитета по резолюциям, представил серию из двадцати четырех резолюций, три из которых были направлены против рабства.

"17 *Решено*. Мнение этого собрания таково, что во время наших нынешних трудностей и бедствий не следует ввозить рабов ни в одну из британских колоний на этом континенте; и мы пользуемся этой возможностью, чтобы заявить о наших самых искренних желаниях, чтобы навсегда прекратилась такая злая, жестокая и противоестественная торговля.....

"21. *Решено*, что, по мнению этого собрания, эта и другие ассоциированные колонии должны прекратить всякую торговлю, сношения и дела с той колонией, провинцией или городом, которые откажутся или не согласятся с планом, который будет принят Генеральным конгрессом.....

"24. *Решено*, что Джордж Вашингтон и Чарльз Бродвотер, недавно избранные нашими представителями для работы в Генеральной Ассамблее, назначены присутствовать на конвенте в Уильямсбурге в первый день августа следующего года и представить эти резолюции как мнение народа этого графства о мерах, которые следует принять в нынешнем тревожном и опасном положении Америки."

Мистер Спаркс комментирует эти резолюции следующим образом

"Черновик, с которого печатаются эти резолюции, я нашел среди бумаг Вашингтона, в почерке Джорджа Мейсона, которым они, вероятно, и были составлены; однако, поскольку они были приняты комитетом, председателем которого был Вашингтон, и доложены им как ведущим собрания, можно предположить, что они выражают его мнение, сформированное на основе совершенного знания предмета и после тщательного обсуждения. Об этом можно судить по его письму к мистеру Брайану Фэрфаксу, в котором он выражает сомнение только в отношении статьи, поддерживающей идею дальнейшей петиции королю. Он был против такого шага, считая, что и так уже сделано достаточно; но он уступил в этом вопросе, уступив более колеблющемуся решению своих единомышленников.

"Эти решения сформулированы с большой тщательностью и умением, и демонстрируют вопрос, о котором тогда шла речь, и состояние общественного чувства, в такой ясной и убедительной манере, что это дает им особое право на место в настоящей работе, помимо того обстоятельства, что они являются зрелыми взглядами Вашингтона в начале великой революционной борьбы, в которой ему предстояло сыграть столь выдающуюся роль.....

"Таковы были взгляды Вашингтона и его соратников в Виргинии в начале революционной борьбы. Семнадцатая резолюция заслуживает внимания из-за того, как резко она осуждает работорговлю".[\[522\]](#)

Доктор Бенджамин Франклин в письме к декану Вудворду от 10 апреля 1773 года пишет: "Я не знаю, что это такое.

"С тех пор я имел удовольствие узнать, что в Северной Америке преобладает стремление к отмене рабства, что многие жители Пенсильвании отпустили своих рабов на свободу и что даже собрание Вирджинии обратилось к королю с просьбой разрешить принять закон, препятствующий ввозу новых рабов в эту колонию. Однако эта просьба, вероятно, не будет удовлетворена, поскольку их прежние законы такого рода всегда отменялись, и поскольку интересы нескольких купцов здесь имеют больший вес для правительства, чем интересы тысяч людей на расстоянии".[\[523\]](#)

Вирджиния рано и убедительно доказала, что серьезно относится к вопросу о неимпорте. Некий Джон Браун, купец из Норфолка, нарушил правила колонии, купив импортных рабов, и был сурово обвинен в следующей статье: - "Свободным людям Вирджинии".

"СВОБОДНЫМ ЛЮДЯМ ВИРДЖИНИИ:

"Палата Комитета, Норфолк, 6 марта 1775 года

"Полагаясь на ваше несомненное негодование против врагов вашей страны, мы, комитет, избранный голосованием в боро Норфолка, представляем вашему справедливому негодованию мистера Джона Брауна, купца из этого места.

"В четверг, 2 марта, этот комитет был проинформирован о прибытии брига "Фанни", капитан Уотсон, с несколькими рабами для мистера Брауна; после расследования выяснилось, что они были доставлены с Ямайки как его собственность и за его счет; что он приложил большие усилия, чтобы скрыть их прибытие от ведома комитета; и что отправитель рабов, корреспондент мистера Брауна и капитан судна были полностью осведомлены о континентальном запрете на эту статью.

"Таким образом, мы, комитет Норфолк-Боро, единодушно считаем, что упомянутый Джон Браун умышленно и извращенно нарушил Континентальную ассоциацию, которой он собственноручно подписался под повиновением, и что, согласно одиннадцатой статье, мы обязаны немедленно опубликовать правду об этом деле, чтобы все подобные противники прав Британской Америки были публично известны и повсеместно осуждены как враги американской свободы, и чтобы каждый человек мог впредь порвать с ним всякие отношения."

А первая делегация из Вирджинии в Конгрессе в августе 1774 года имела следующие инструкции, составленные Томасом Джефферсоном

"По самым ничтожным причинам, а иногда и вовсе без всякой мыслимой причины, Его Величество отверг законы, имеющие самую благотворную тенденцию. *Отмена домашнего рабства - главный объект желания в тех колониях, где оно, к несчастью, было введено в зачаточном состоянии. Но прежде чем дать право голоса имеющимся у нас рабам, необходимо исключить всякий дальнейший импорт из Африки.* Однако наши неоднократные попытки добиться этого путем запретов и введения пошлин, которые могли бы быть равносильны запрету, до сих пор терпели поражение от Его Величества; таким образом, мы предпочитаем сиюминутные выгоды нескольких британских корсаров долгосрочным интересам американских штатов и правам человеческой природы, глубоко уязвленным этой позорной практикой".[524]

Вряд ли стоит упоминать тот факт, что в первом варианте Декларации независимости было несколько очень убедительных пунктов, которые в итоге были опущены. Здесь приводится один из них, наиболее уместный для данной истории: "Он вел жестокую войну.

"Он вел жестокую войну против самой человеческой природы, нарушая ее самые священные права на жизнь и свободу в лице далекого народа, который никогда не оскорблял его; захватывая и уводя их в рабство на другом полушарии или подвергая несчастной смерти при транспортировке туда. Эта пиратская война, вызывающая порицание *неверных* держав, - война *христианского* короля Великобритании. Решив держать открытым рынок, на котором *люди* должны покупать и продаваться, он с помощью своего негатива подавляет все законодательные попытки запретить или сдержать эту отвратительную торговлю. И, чтобы это собрание ужасов не нуждалось в фактах отличительной смерти, он теперь возбуждает этих самых людей подняться с оружием в руках среди нас и купить ту свободу, которой он их лишил, убивая людей, которым он также навязал их; таким образом, расплачиваясь за прежние преступления, совершенные против *свобод* одного народа, преступлениями, которые он побуждает их совершить против *жизни* другого".[525]

В северных колониях беспокойство по поводу вопроса о рабстве было не столь велико. Рабы были не так многочисленны, как в Каролинах и других южных колониях. Суровое обращение с рабами было значительно изменено, дух хозяев по отношению к ним стал более мягким и примирительным, а общественные настроения по отношению к ним - более гуманными. Однако публичного обсуждения негритянского вопроса старательно избегали. Провал попыток принятия законов, дружественных рабам, обескуражил их друзей, а критическая ситуация в обществе сделала сторонников рабства менее агрессивными. 25 октября 1774 года в конгрессе провинции Массачусетс была предпринята попытка возобновить дискуссию, но она не увенчалась успехом. Попытка была предпринята следующим образом.

"Мистер Уилер принес в конгресс письмо, адресованное доктору Эпплону, в котором утверждалось, что он не может быть в курсе дела. Эпплону, в котором говорилось о целесообразности того, чтобы, пытаясь освободиться от нынешних трудностей и сохранить себя от рабства, мы также принимали во внимание состояние и обстоятельства жизни негров-рабов в этой провинции. Это было зачитано, и было предложено назначить комитет для рассмотрения этого вопроса. После некоторых дебатов по этому поводу был поставлен вопрос о том, следует ли теперь утихомирить этот вопрос, и он был принят утвердительно".^[526]

Так закончилась попытка обратить внимание народных представителей на непоследовательность их доктрины и практики в вопросе о равенстве прав человека. Дальнейшее возбуждение этого вопроса, за которым последует поражение справедливых мер в интересах рабов, многие считали опасным для колонии. Негры с живым интересом следили за дискуссиями; неудачи заставляли их считать колонистов своими врагами и сильно озлобляли их. Тогда было трудно определить, что же разумнее всего сделать для поработанных в этой колонии. Ситуация была критической: нужен был смелый, ясно мыслящий, верный сердцем человек.

Во вторник, 2 октября 1750 года, в "Бостонской газете, или еженедельном журнале" появилось следующее объявление

"30 сентября прошлого года от своего хозяина *Уильяма Брауна* из *Фрамингема* сбежал парень-молатто, примерно 27 лет от роду, по имени *Криспас*, рост 5 футов 2 дюйма, волосы короткие, колени ближе друг к другу, чем обычно; был одет в светлую шубу из медвежьей шкуры, простую коричневую фустиевую куртку или коричневую цельношерстяную, новые бриджи из черной кожи, чулки из синей пряжи и клетчатую шерстяную рубашку.

"Кто возьмет этого беглеца и доставит его к вышеупомянутому хозяину, получит десять фунтов стерлингов, старое вознаграждение, и все необходимые сборы. А всем хозяевам судов и другим лицам настоятельно рекомендуется не скрывать и не уносить указанного слугу под страхом наказания. *Бостон, 2 октября 1750 года*".

В течение ноября - 13-го и 20-го числа - в той же газете появлялись аналогичные объявления, показывающие, что "парень Молатто" не вернулся к своему хозяину.

Двадцать лет спустя имя Криспаса вновь появилось в бостонских газетах. На этот раз о нем не писали как о беглом рабе и не предлагали вознаграждения за его поимку. Его душа и тело были неподвластны жестокому прикосновению хозяина; пресса сделала паузу, чтобы объявить о его апофеозе и написать имя негра-патриота, солдата и мученика за зреющее дело Американской революции немеркнущими золотыми буквами - Криспус Аттакс!

5 марта 1770 года произошла Бостонская резня, и, хотя она не была настоящим началом революционной борьбы, именно эта кровавая драма открыла самую насыщенную событиями и захватывающую главу американской истории. Колонисты с покорным смирением терпели деспотичные действия Британии, развязную наглость министерских войск и насмешки ее наемных приспешников. Агрессивным и смелым людям мешали консервативные взгляды значительной части колонистов, которые боялись, что кто-то сделает шаг не совсем в соответствии с законом. Но пока "мудрые и благоразумные"

обдумывали законный метод действий, нашлись те, кто, "сделанный из более прочного материала", пришел к выводу, что у них есть права колонистов, которые следует уважать. То, что у народа были причины для справедливого негодования по отношению к британским солдатам, не вызывает сомнений. Но есть основания усомниться во времени и способе нападения, предпринятого горожанами. Несомненно, у них было "рвение, но не по знанию". Нет никаких данных, которые могли бы опровергнуть факт лидерства Криспуса Аттакса. Мужественный парень, ростом в шесть футов два дюйма, он занимал видное место среди разъяренных колонистов. Его энтузиазм в отношении угрожаемых интересов провинции, верность учению Отиса и готовность к самопожертвованию во имя равноправия наделили его храбростью, которая, если бы была сдержаннее, сделала бы его военным героем своего времени. Но, поглощенный священным огнем патриотизма, освещавшим его путь к славе, его полезная карьера закончилась в самом начале. Джон Адамс, выступавший в роли адвоката солдат, считал, что патриоты, которых вел Криспус Аттакс, - это "сброд дерзких мальчишек, негров, мулатов и т. д.", не умеющих сдерживать свои эмоции. Аттакс возглавил атаку с криком: "Чтобы избавиться от этих солдат, нужно атаковать главную гвардию; бейте в корень: это гнездо". На ливень снарядов ответили выстрелы из ружей роты капитана Престона. Под убийственным огнем пал неустрашимый Аттакс. Сэмюэл Грей и Джонас Колдуэлл также были убиты, а Патрик Карр и Сэмюэл Маверик смертельно ранены.

Последовавшая за этим сцена не поддается описанию. Люди выбегали из своих домов и торговых заведений на улицы, белые от ярости. Колокола зазвонили в знак тревоги об опасности. Тела Аттакса и Колдуэлла отнесли в Фэнуил-холл, где на их странные лица смотрело самое большое скопление людей, которое когда-либо было свидетелем. Маверика похоронили в доме его матери на Юнион-стрит, а Грея - в доме его брата на Ройал-Бирдж-лейн. А вот Аттакса и Колдуэлла, чужаков в городе, не имеющих родственников, хоронили у Фэнуил-холла, который справедливо называют "*колыбелью свободы*". Четыре кареты сошлись на Кинг-стрит; оттуда процессия двинулась колонной в шесть человек, за которой тянулась длинная вереница карет с первыми гражданами Бостона. За похоронами наблюдало очень большое и почтительное скопление людей. Тела были помещены в одну могилу, над которой был установлен камень с такой надписью:...

"До тех пор, пока за свободу борются мудрые,
До тех пор, пока мудрые борются за свободу, ваша слава будет распространяться на вашу страну;
А миру камень с надписью расскажет.
Где пали Колдуэлл, Аттакс, Грей и Маверик".

Кем был Криспус Аттакс? Негром, чья душа, измученная разрушительным влиянием рабства, вышла на свободу, вышла не только бороться за свою свободу, но и отдать свою жизнь в жертву на алтарь *американской свободы*. Он не был безумцем, как некоторые хотели бы заставить мир поверить. Он не был невеждой в вопросах взаимоотношений между американскими колониями и английским правительством, между свободными жителями колоний и диктаторскими губернаторами. Где он находился в течение двадцати лет с 1750 по 1770 год, неизвестно; но, несомненно, в Бостоне, где он слышал пламенное красноречие Отиса, убедительные аргументы Сьюолла и нежные мольбы Белкнапа. Он научился излагать основополагающие принципы, которые должны управлять хорошо регулируемые общинами и штатами; и, придя к восторженному сознанию своей свободы в простом гонимом, самой яркой короне, которую Бог возлагает на смертного человека, он почувствовал себя соседом и другом. Его патриотизм не был простым спазмом, вызванным

внезапными и волнующими обстоятельствами. Это было воспитание, а знания приходят с опытом, и опыт этого чернокожего героя был не однодневным. За некоторое время до памятного 5 марта Криспус обратился к губернатору провинции Тори со следующим пылким письмом

"Томасу Хатчинсону: Сэр, вы услышите о нас с изумлением. Вы должны услышать о нас с ужасом. Вы повинны перед Богом и людьми в нашей крови. Солдаты были лишь пассивными орудиями, простыми машинами; они не были ни моральными, ни добровольными агентами в нашем уничтожении, не более чем свинцовые дробинки, которыми нас ранили. Вы были свободным агентом. Вы действовали хладнокровно, преднамеренно, со всей той предумышленной злобой, не против нас в частности, а против людей вообще, которая, с точки зрения закона, является ингредиентом состава убийства. О дальнейшем вы узнаете от нас позже.

Криспус Атакс".[\[527\]](#)

Это было объявление войны. Оно было исполнено. Мир услышал о нем; и более того, англоязычный мир никогда не забудет благородную смелость и оправданную опрометчивость Атакса в святом деле свободы! За восемнадцать веков до того, как его приветствовала смерть и поцеловало бессмертие, другой негр нес за него крест Христа на Голгофу. И когда колонисты, шатаясь, несли свой крест горя, негр вышел на фронт и нес этот крест до победы в славной мученической смерти!

И люди не согласились с Джоном Адамсом, что Атакс возглавлял "разношерстный сброд", а отряд патриотов. Доказательством их убежденности служило ежегодное празднование "5 марта", когда ораторы в размеренных фразах и проникновенном красноречии прославляли погибшего героя. В марте 1775 года оратором был доктор Джозеф Уоррен, который несколькими месяцами позже, в качестве генерала Уоррена, сделал Банкер-Хилл святыней новоанглийского патриотизма. Говоря о свободе человека, он сказал.

"То, что личная свобода является естественным правом каждого человека, и что собственность, или исключительное право распоряжаться тем, что он честно приобрел своим трудом, обязательно вытекает из этого, - это истины, которые здравый смысл ставит вне пределов досягаемости противоречия. И ни один человек или совокупность людей не может, не будучи виновным в вопиющей несправедливости, претендовать на право распоряжаться лицами или приобретениями любого другого человека или совокупности людей, если только не будет доказано, что такое право возникло из какого-то договора между сторонами, в котором оно было ясно и свободно предоставлено".

Эти благородные чувства были запечатлены его кровью на Банкер-Хилле 17 июня 1775 года и являются амулетом, который защитит его славу от разъедающего прикосновения веков времени.

Свободные негры северных колоний откликнулись на призыв "к оружию", прозвучавший от спокойных вод Массачусетского залива до зеленеющих холмов Беркшира, от озера Шамплейн до верховьев Гудзона. Каждая северная колония имела свои негритянские войска, но не в виде отдельных организаций - за исключением черного полка Род-Айленда, - а разбросанные по всем белым организациям армии. Поначалу в армию не принимали никого, кроме свободных негров; но до наступления мира негров не только принимали, их покупали и отправляли на войну, предлагая свободу и пятьдесят долларов вознаграждения

по окончании службы. 29 мая 1775 года "*Комитет безопасности*" провинции Массачусетс принял следующую резолюцию против призыва негров-рабов в солдаты: - "Решено, что "*Комитет безопасности*" провинции Массачусетс не принимает на службу негров-рабов.

"Решено, что, по мнению этого комитета, поскольку спор между Великобританией и колониями касается свобод и привилегий последних, которые колонии намерены поддерживать, принятие в армию, которая сейчас собирается, любых лиц в качестве солдат, но только тех, которые являются свободными, будет противоречить принципам, которые должны поддерживаться, и позорить эту колонию, и что рабы не могут быть приняты в эту армию ни по каким причинам".[528]

Во вторник, 6 июня 1775 года, "было зачитано постановление комитета безопасности о [допуске] рабов в армию и приказано лечь на стол для дальнейшего рассмотрения".[529] Но это было лишь еще одним свидетельством холодного, консервативного духа Массачусетса в вопросе о правах других людей.

Континентальная армия была в плохом состоянии. Ее вооружение и обмундирование, дисциплина и эффективность были на таком низком уровне, что вызывали самые серьезные опасения и глубокую озабоченность. Генерал Джордж Вашингтон принял командование армией в Бостоне и его окрестностях 3 июля 1775 года и бросил все свои силы на организационную работу. 10 июля он издал инструкции для офицеров-рекрутеров Массачусетского залива, в которых запретил призывать в армию "негров" или "любых лиц, не являющихся уроженцами Америки, если только у этих лиц нет жены и семьи и они не являются постоянными жителями этой страны".[530] Но, тем не менее, любопытно, что, по словам мистера Бэнкрофта, "в списках армии в Кембридже с самого начала ее формирования были имена цветных мужчин". "Свободные негры стояли в строю рядом с белыми мужчинами. В начале войны они поступили в провинциальную армию; первый общий приказ, изданный Уордом, требовал, помимо прочего, возвращения "цвета кожи" солдат; и чернокожие, как и другие, были оставлены на службе после того, как войска были приняты на континенте". Здесь нет места для сомнений. Негры были в армии от первого до последнего, но находились там вопреки закону и позитивному запрету.[531]

29 сентября 1775 года в Континентальном конгрессе разгорелись жаркие дебаты по поводу проекта письма генералу Вашингтону, о котором сообщили Линч, Ли и Адамс. Мистер Ратледж из Южной Каролины выступил за то, чтобы главнокомандующему было приказано освободить всех рабов и свободных негров в его армии. Южные делегаты горячо поддержали его, но его предложение было отклонено. К вопросу было привлечено внимание общественности, и в конце концов офицеры армии обсудили его. Следующий протокол собрания, состоявшегося в Кембридже, сохраняет и раскрывает настроения генералов армии по этому вопросу: - "На военном совете, состоявшемся в Кембридже.

"На военном совете, состоявшемся в штабе 8 октября 1775 года, присутствовали: Его Превосходительство, генерал Вашингтон; генерал-майоры Уорд, Ли и Путнам; бригадные генералы Томас, Спенсер, Хит, Салливан, Грин и Гейтс - был предложен вопрос:

"Целесообразно ли призывать негров в новую армию, или же следует провести различие между рабами и свободными?"

"Единогласно было решено отказаться от всех рабов; и, подавляющим большинством, отказаться от негров вообще".

Десять дней спустя, 18 октября 1775 года, в Кембридже собрался комитет конференции в составе доктора Франклина, Бенджамина Харрисона и Томаса Линча, который провел совещание с генералом Вашингтоном, заместителями губернаторов Коннектикута и Род-Айленда и комитетом совета Массачусетского залива. Целью конференции было обновление и улучшение армии. 23 октября вопрос о найме негров в качестве солдат был вынесен на рассмотрение конференции следующим образом.

"Не следует ли исключить негров из нового набора, особенно тех, которые являются рабами? Совет офицеров счел все это неправильным".

"Решено, что они должны быть полностью исключены".

В своих общих приказах, изданных из штаб-квартиры 12 ноября 1775 года, Вашингтон сказал

"Ни негры, ни мальчики, не способные носить оружие, ни старики, не способные переносить усталость кампании, не подлежат зачислению в армию".[\[532\]](#)

Но генерал исправил эту ошибку в следующем месяце. Лорд Данмор издал прокламацию, объявляющую "всех наемных слуг, негров или других людей (принадлежащих мятежникам) свободными". Опасаясь, как бы многие негры не присоединились к министерской армии, Вашингтон в Общих приказах от 30 декабря написал: "Поскольку генерал информирован о том, что количество негров в армии увеличивается, он пишет

"Поскольку генерал информирован о том, что множество свободных негров желают записаться в армию, он дает офицерам по набору разрешение принять их, и обещает поставить этот вопрос перед Конгрессом, который, он не сомневается, одобрит его".

Прокламация лорда Данмора приводится здесь:...

"Его превосходительством достопочтенным Джоном, графом Данмором, лейтенантом Его Величества, генерал-губернатором колонии и доминиона Виргиния, и вице-адмиралом оного".

"ПРОКЛАМАЦИЯ.

"Поскольку я всегда питал надежды, что между *Великобританией* и этой колонией могло бы произойти примирение, не будучи вынужденным по долгу службы к этому самому неприятному, но теперь абсолютно необходимому шагу, к которому меня вынудили незаконно собранные вооруженные люди, стреляющие по тендерам Его Величества; и формирование армии, и та армия, которая сейчас находится на марше, чтобы напасть на войска Его Величества и уничтожить благожелательно настроенных подданных этой колонии: Чтобы предотвратить эти изменнические цели, и чтобы все эти предатели и их пособники были преданы правосудию, и чтобы мир и добрый порядок в этой Колонии могли быть снова восстановлены, чего не может добиться обычный ход гражданского закона, я счел нужным издать эту мою Прокламацию; объявляя, что пока вышеуказанные благие цели не будут достигнуты, я, в силу власти и полномочий, данных мне Его Величеством, определяю ввести военное положение и обеспечить его исполнение на всей территории этой Колонии. А чтобы мир и порядок могли быть скорее восстановлены, я требую от каждого человека, способного носить оружие, прибегнуть к штандарту Его Величества, иначе он будет рассматриваться как предатель Короны и Правительства Его

Величества и тем самым подвергнется наказанию, предусмотренному законом за подобные преступления, - лишению жизни, конфискации земель и т. д. и т. п. И далее я объявляю всех слуг, негров и прочих (относящихся к мятежникам) свободными, способными и желающими носить оружие, чтобы они присоединились к войскам Его Величества, как только это будет возможно, для более быстрого приведения этой колонии к надлежащему пониманию своего долга перед короной и достоинством Его Величества. Далее я приказываю и требую от всех подданных его величества сохранять свои ренты или любые другие налоги, которые причитаются или могут стать причитающимися, на своем собственном хранении до тех пор, пока мир не будет вновь восстановлен в этой ныне самой несчастной стране, или пока их не потребуют для их прежних спасительных целей офицеры, должным образом уполномоченные получать их.

"Дано под моей рукой на борту корабля *"Уильям"*, у *Норфолка*, в седьмой день ноября, в шестнадцатый год царствования Его Величества.

Данмор".

"Боже, храни короля!"^[533]

В связи с этим 31 декабря генерал Вашингтон написал президенту Конгресса следующее письмо

"Мне сообщили, что свободные негры, служившие в этой армии, очень недовольны тем, что их бросили. Поскольку есть опасения, что они могут искать работу в министерской армии, я позволил себе отступить от резолюции, касающейся их, и дал разрешение на их зачисление в армию. Если это не будет одобрено Конгрессом, я прекращу это".^[534]

Это письмо было передано в комитет, состоящий из господ Уайта, Адамса и Уилсона. 16 января 1776 года они сделали следующий доклад

"Свободные негры, которые верно служили в армии в Кембридже, могут быть заново зачислены в армию, но не другие".^[535]

Это решение Конгресса касалось армии вокруг Бостона, но вызвало громкую и ожесточенную критику со стороны офицеров армии на Юге. В письме Джону Адамсу от 24 октября 1775 года генерал Томас указывает на то, что некоторые чувства возникли еще до того, как Конгресс принял решение. Он пишет

"Мне жаль слышать, что в какой-либо южной колонии могут возникнуть какие-либо предрассудки в отношении войск, собранных в этой колонии. Я уверен, что упомянутые вами инсинуации вредны, если учесть, с какими предосторожностями мы были вынуждены собирать армию. В полках Роксбери рядовые не уступают тем, с кем я служил в прошлую войну; очень мало стариков, а в строю очень мало мальчишек. Наши фиферы - многие из них мальчики. У нас есть несколько негров, но я считаю их в целом одинаково полезными с другими мужчинами для преодоления усталости; и в бою многие из них показали себя храбрыми".

"Я бы избегал всяких размышлений или чего-либо, что может вызвать негодование; но в этой армии с юга есть ряд стрелков, которые равнодушными людьми, с которыми я когда-либо служил. Эти рядовые бунтуют и часто дезертируют к врагу; они не желают выполнять любые обязанности; они крайне порочны; и, я думаю,

армия здесь была бы так же хороша без них, как и с ними. Но если отдать справедливость их офицерам, то некоторые из них - вполне достойные люди".

Прокламация Данмора принесла много бед южным колониям. Южные колонисты были в основном заняты посевными работами и, поскольку они были тори, не бросались к оружию с той быстротой, которая была характерна для северных колонистов. На раннем этапе борьбы знаменитый преподобный доктор Хопкинс из Род-Айленда написал следующее примечательное высказывание

"Бог так распорядился в своем провидении, что кажется совершенно необходимым, чтобы что-то было сделано как можно скорее в отношении рабов среди нас, чтобы обеспечить нашу безопасность и предотвратить их обращение против нас в нынешней борьбе, чтобы получить свою свободу. Наши угнетатели задумали заполучить негров и побудить их взяться за оружие против нас, пообещав им свободу на этом условии; и этот план они осуществляют на пределе своих сил, убеждая многих присоединиться к ним. Если же мы попытаемся сдерживать их силой и суровостью, строго следя за ними и сурово наказывая тех, кто будет уличен в попытке присоединиться к нашим противникам, это только ухудшит положение, сделает нашу непоследовательность, угнетение и жестокость еще более преступными, явными и шокирующими и обрушит на наши головы праведное возмездие Небес. Единственный способ предотвратить это угрожающее зло заключается в том, чтобы освободить чернокожих с помощью некоторых государственных актов и законов, а затем должным образом поощрить их трудиться или взять в руки оружие для защиты американского дела, как они решат. Это одновременно и обеспечит им определенную степень справедливости, и нанесет поражение нашим врагам в затеянном ими деле".[\[536\]](#)

В воскресенье, 24 сентября 1775 года, Джон Адамс записал следующий разговор, который свидетельствует о том, что политика лорда Данмора была вполне зрелой

"Вечером мистер Баллок и мистер Хьюстон, два джентльмена из Джорджии, пришли в нашу комнату и весь вечер курили и болтали. Хьюстон и Адамс спорили все это время в хорошем настроении. По-моему, они оба мастера спорить. Хьюстон, юрист по профессии, конечно, один из них, а Адамс пристрастился к этому ничуть не меньше, чем адвокаты. Вопрос заключался в том, не находится ли вся Америка в состоянии войны и не должны ли мы ограничиться только оборонительными действиями? Он был за то, чтобы действовать наступательно, следующей весной или этой осенью, если петиция будет отклонена или проигнорирована. Если же ответа не будет, а он будет положительным, то он будет действовать против Британии и британцев, как в открытой войне против французов и француженок; снаряжать каперы и захватывать их корабли где угодно. Эти джентльмены дают меланхолический отчет о штатах Джорджия и Южная Каролина. Они говорят, что если тысяча регулярных войск высадится в Джорджии, а их командир будет достаточно обеспечен оружием и одеждой и провозгласит свободу всем неграм, которые присоединятся к его лагерю, то через две недели к нему присоединятся двадцать тысяч негров из этих двух провинций. Негры обладают удивительным искусством передавать информацию между собой; за неделю или две недели она проходит несколько сотен миль. Они говорят, что единственная их безопасность заключается в том, что все друзья короля и орудия правительства имеют большие плантации и собственность в неграх, так что рабы тори будут потеряны, так же как и рабы вигов".[\[537\]](#)

Негры в Виргинии стремились попасть в министерскую армию, и среди плантаторов царило величайшее смятение. 27 ноября 1775 года Эдмунд Пендлтон написал Ричарду Ли, что рабы ежедневно стекаются в британскую армию.

"Губернатор, узнав об этом, отправился с тремястами пятьюдесятью солдатами, тори и рабами, в Кемпс-Лэндинг и, установив свой штандарт и издав прокламацию, объявляющую всех людей мятежниками, взявшими в руки оружие, и приглашающую всех рабов, слуг и подмастерьев прийти к нему и получить оружие, отправился перехватить Хатчингса и его отряд, настигший его врасплох, но получивший, похоже, такой жаркий огонь, что оборванцы сдались. Однако они воспрянули духом, узнав, что две роты нашего ополчения уступили дорогу; и оставили Хатчингса и доктора Рида с ротой добровольцев, которые храбро держали оборону, пока не были побеждены числом и не укрылись в болоте. За ними отправили рабов, и один из них, вместе с другим полковником Хатчингсом, нашел его. Когда они приблизились, он выстрелил из пистолета в своего раба, но попал в него, и был схвачен ими, получив рану мечом в лицо. Число убитых или захваченных с обеих сторон не установлено. Говорят, что губернатор отправился в лавку доктора Рида и, забрав лекарства и перевязочные материалы, необходимые для раненых, разбил всех остальных на куски. В письмах упоминается, что рабы стекаются к нему в изобилии; но я надеюсь, что это преувеличено".[\[538\]](#)

Но темный поток негров, устремившийся к английским войскам, где им обещали привилегию носить оружие и свободу, было нелегко остановить. Прокламация Данмора вызвала критику в прессе, к неграм обращались и призывали их встать на сторону своих "верных друзей". В одной из вильямсбургских газет, напечатанной 23 ноября 1775 года, содержалось следующее хорошо написанное обращение: - "Предостережение неграм".

"ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НЕГРАМ.

"Второй класс людей, ради которых необходимо сделать несколько замечаний по поводу этой прокламации, - это негры. Им льстит свобода, если они смогут носить оружие, и они быстро присоединятся к войскам лорда Данмора. Итак, свобода не обещана никому, кроме тех, кто способен принести пользу лорду Данмору. Престарелые, немощные, женщины и дети по-прежнему остаются собственностью своих хозяев, которые будут вынуждены проявить суровость, если часть рабов покинет их. Таким образом, заявление лорда Данмора - это жестокое заявление по отношению к неграм. Он притворяется, что делает это не из какой-либо нежности к ним, а исключительно по собственным соображениям; и в случае успеха он оставляет большее число людей на милость разгневанного и оскорбленного народа. Но если среди негров найдутся люди достаточно слабые, чтобы поверить, будто лорд Данмор намерен оказать им любезность, и достаточно злые, чтобы вызвать ярость американцев против их беззащитных отцов и матерей, их жен, женщин и детей, пусть они только подумают, как трудно им будет бежать и что их ожидает, если они попадут в руки американцев. Пусть они также подумают о том, какова будет их судьба, если англичане окажутся завоевателями. Если мы можем судить о будущем по прошлому, то оно не сильно изменится. Американцы, движимые состраданием и руководствуясь здоровой политикой, уже давно пытаются остановить развитие рабства. Наши ассамблеи неоднократно принимали законы, устанавливающие высокие пошлины на ввозимых негров; они намеревались полностью предотвратить эту ужасную торговлю. Но их гуманные намерения так же

часто нарушались жестокостью и жадностью английских купцов, которые убеждали короля отменить наши добрые и милосердные акты, что, правда, мало способствовало укреплению его человечности. Так можно ли предположить, что негры будут лучше использоваться англичанами, которые всегда поощряли и поддерживали это рабство, чем их нынешними хозяевами, которые жалеют их положение, желают сделать его как можно более легким и удобным *и которые, если бы это было в их власти или если бы им позволили, не только не позволили бы больше неграм потерять свою свободу, но и вернули бы ее тем, кто ее уже по несчастью утратил?* Нет: если цели лорда Данмора и его партии будут удовлетворены, они либо отдадут обиженных негров на волю суровых законов, которые они нарушили, либо продадут их в Вест-Индию, где каждый год продают многие тысячи их несчастных собратьев, чтобы они погибли либо от непогоды, либо от жестокости варварских хозяев. Так не поддавайтесь же вы, негры, искушению погубить себя этой прокламацией. Я дал вам верное представление о том, что вас ожидает; и, клянусь Богом, делая это, я думал о вашем благополучии, как и о благополучии всей страны. Пользуетесь ли вы моими советами, я не могу сказать; но я знаю, что, независимо от того, пострадаем мы или нет, если *вы* нас бросите, *то* наверняка бросите".[539]

Но негры были деморализованы, и потребовались чрезвычайные усилия, чтобы их успокоить. 13 декабря Виргинский конвент выступил с ответом на прокламацию лорда Данмора. 14 декабря была издана прокламация, "предлагающая помилование тем рабам, которые вернутся к исполнению своих обязанностей в течение десяти дней после ее опубликования". Декларация была следующей

"Представители народа колонии и доминиона Виргиния, собравшиеся на Генеральное собрание,

"ДЕКЛАРАЦИЯ.

"Принимая во внимание, что лорд Данмор своей прокламацией, датированной седьмым днем ноября 1775 года на борту корабля "Уильям" у Норфолка, предложил свободу тем трудоспособным рабам, которые готовы присоединиться к нему и взять в руки оружие против добрых людей этой колонии, тем самым поощряя всеобщее восстание, что может вызвать необходимость применения самых суровых наказаний к этим несчастным людям, уже введенным в заблуждение его подлыми и коварными искусстваами, и поскольку актом Генеральной Ассамблеи, ныне действующим в этой колонии, постановлено, что все негры или другие рабы, замышляющие мятеж или восстание, должны быть преданы смерти и лишены всех благ духовенства;-Мы считаем уместным заявить, что все рабы, которые были или будут соблазнены прокламацией его светлости или другими средствами, чтобы оставить службу своих хозяев и взяться за оружие против жителей этой колонии, должны быть подвергнуты такому наказанию, которое впоследствии будет предписано Генеральным конвентом. И дабы все те, кто предпринял этот незаконный и нечестивый шаг, могли в безопасности вернуться к исполнению своих обязанностей и избежать наказания, полагающегося за их преступления, мы настоящим обещаем им помилование, если они сдадутся полковнику Уильяму Вудфорду или любому другому командиру наших войск и не появятся с оружием в руках после опубликования настоящего документа. И далее мы настоятельно рекомендуем всем гуманным и доброжелательным людям в этой колонии

разъяснить и довести до сведения этих несчастных людей наше предложение о милосердии".[540]

Генерал Вашингтон недолго наблюдал за последствиями прокламации Данмора. Он начал в полной мере осознавать состояние дел на Юге и 15 декабря написал Джозефу Риду следующее

"Если виргинцы мудры, этот заклятый предатель прав человечества, лорд Данмор, должен быть немедленно раздавлен, если для этого потребуется сила всей армии; в противном случае, подобно снежному шару, который катится, его армия будет увеличиваться, кто-то из страха, кто-то из обещаний, а кто-то по склонности, присоединяясь к его штандарту, но то, что делает эту меру необходимой, - негры; ибо, если он станет грозным, многие из них будут соблазнены присоединиться, а без этого они побоятся это сделать".[541]

Сами рабы не были неспособны понять коварство лорда Данмора. Англия навязала колонистам рабство вопреки их протестам, дала указания королевским губернаторам об увеличении этого оборота, а потому не могла быть большим другом, чем колонисты. Число перешедших на сторону врага все время уменьшалось, и в конце концов англичане совсем разуверились в этом. Лорд Данмор не желал признавать истинную причину своей неудачи в привлечении чернокожих рекрутов и свалил ее на лихорадку.

"ЛОРД ДАНМОР - ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ.

[No. 1]

"Корабль "Данмор" на реке Элизабет, Виргиния,

30 марта 1776 года

"Ваша светлость заметит из моего письма, № 34, что я стараюсь сформировать здесь два полка - один из белых, другой из черных. Первый идет очень медленно, а второй - очень хорошо, и он был бы очень передовым, если бы среди них не завелась лихорадка, которая унесла множество прекрасных парней."

[№ 3]

"Корабль "Данмор" в гавани Гвинс-Айленд, Виргиния,

26 июня 1776 года.

"Мне очень жаль сообщать вашей светлости, что лихорадка, о которой я сообщал вам в письме № 1, оказалась очень злокачественной и унесла невероятное количество наших людей, особенно негров. Если бы не это ужасное заболевание, я уверен, что у меня было бы две тысячи негров, с которыми я мог бы без сомнения проникнуть в сердце этой колонии".[542]

Хотя колонисты, как писал доктор Хопкинс, чувствовали, что необходимо что-то сделать для обеспечения негров, их представители не были настроены на то, чтобы законодательно ввести негров в армию. Он был там, и все равно в отношении него проводилась консервативная политика. Некоторые смелые офицеры брали на себя смелость принимать негров в солдаты. Генерал Грин в письме к генералу Вашингтону обратил внимание на формирование негритянского полка на Статен-Айленде.

"Лагерь на Лонг-Айленде,
21 июля 1776 года, два часа.

"Сэр; полковник Хэнд сообщает, что семь больших кораблей идут от Крюка к Нарроузу.

"Негр, принадлежащий некоему Стриклеру из Грейвсенда, был взят в плен (как он говорит) в прошлое воскресенье на Кони-Айленде. Вчера он совершил побег и был взят в плен стрелковой стражей. Он сообщает о восьмистах неграх, собранных на Статен-Айленде, которые сегодня будут сформированы в полк.

"Я покорнейший, смиренный слуга вашего превосходительства,

"Н. ГРИН.

"Его превосходительству генералу Вашингтону, штаб, Нью-Йорк".[543]

К уже приведенным свидетельствам о неизбирательном использовании негров в качестве солдат в американской армии добавляются наблюдения иностранного офицера. Под датой 23 октября 1777 года гессенский офицер писал:[544] -.

"Отсюда до Спрингфилда есть немного населенных пунктов, где нет негритянской семьи, живущей в небольшом доме поблизости. Негры здесь так же плодовиты, как и другой скот. Молодых хорошо кормят, особенно пока они еще телята. Рабство, кроме того, очень выгодно. Негра можно рассматривать как раба крестьянина. Негритянка выполняет всю грубую работу по дому, а маленькие черные малыши ждут маленьких белых малышей. *Негр может выйти в поле вместо своего хозяина, и поэтому нет ни одного полка, в котором не было бы негров в изобилии: и среди них есть трудоспособные, сильные и храбрые парни.* Здесь также есть много семей свободных негров, которые живут в хороших домах, имеют собственность и живут так же, как и остальные жители".[545]

В мае 1777 года законодательное собрание штата Коннектикут пыталось добиться принятия определенных мер по вопросу использования негров в качестве солдат".

"В мае 1777 года Генеральная ассамблея Коннектикута назначила Комитет "для рассмотрения состояния и условий жизни негров и мулатов-рабов в этом штате, и что может быть сделано для их эмансипации". Этот комитет в докладе, представленном на той же сессии (за подписью председателя, почтенного Мэтью Грисволда из Лайма), рекомендовал.

"Разрешить действующим неграм и рабам-мулатам поступать на службу в континентальные батальоны, которые сейчас формируются в этом штате, при соблюдении следующих правил и ограничений, а именно, Всем рабам-неграм и мулатам, которые могут получить, либо в виде вознаграждения, либо в виде найма, либо каким-либо другим способом, такую сумму, которая будет выплачиваться их хозяевам, и которую негр или мулат будет признан разумно стоящим избирателем города, где он находится, будет разрешено поступить на службу в любой из указанных батальонов, и с этого момента они будут фактически свободными и эмансипированными; и что хозяин такого негра или мулата будет освобожден от

содержания такого негра или мулата, в случае если такой негр или мулат в дальнейшем станет не в состоянии сам себя содержать и обслуживать.

"И что, если какой-либо из таких негров или мулатов-рабов будет склонен поступить на службу в один из указанных батальонов во время [войны], ему будет позволено сделать это: и такой негр или мулат будет оценен избирателями города, к которому он принадлежит, и его хозяину будет позволено получить вознаграждение, на которое такой раб может иметь право, а также половину годового жалованья такого раба за время его службы; при условии, однако, что хозяину не будет позволено получать такую часть жалованья после того, как он получит столько, сколько вместе с вознаграждением составляет сумму, в которую он был оценен."

В нижней палате парламента отчет был перенесен на следующую сессию, но когда он попал в верхнюю палату, то был отклонен.

"Из отчета Комитета от мая 1777 года видно, что план генерала Варнума по вербовке рабов был принят в Коннектикуте, с той разницей, что Род-Айленд *принял* его, а Коннектикут - *нет*.

"Эти два штата достигли почти одинаковых *результатов* разными методами. Единодушное заявление офицеров в Кембридже зимой 1775 года *против* призыва рабов на военную службу, подтвержденное Комитетом Конгресса, имело, как мне кажется, определенный вес в Ассамблее Коннектикута, поскольку речь шла о формальном принятии закона, *разрешающего* такой призыв. В то же время разрешение Вашингтона на *продолжение* набора негров рассматривалось как правило действий как избирателями при составлении квоты городов, так и правительством штата при ее принятии. Процесс призыва в Коннектикуте вкратце выглядел следующим образом: Трудоспособные мужчины в каждом городе делились на "классы", и каждый класс должен был предоставить одного или нескольких человек, в соответствии с квотой города, для участия в призыве. На той же сессии, на которой было отклонено предложение о призыве рабов (май 1777 г.), Ассамблея приняла закон, согласно которому любые *два* человека, принадлежащие к этому штату, "которые обеспечат трудоспособного солдата или рекрута для зачисления в любой из континентальных батальонов, которые будут сформированы в этом штате", сами должны быть освобождены от призыва на время такого зачисления. При этом ни выборщики, ни командующие офицеры не задавались вопросом о *цвете кожи* или гражданском *состоянии*: белые и черные, кабальные и свободные, если они "трудоспособны", шли в списки вместе, принимаемые как представители своего "класса" или как замена своих работодателей. На следующей сессии (октябрь 1777 года) был принят закон, который еще больше поощрял призыв рабов в армию. По существующему закону хозяин, освободивший раба, не освобождался от обязанности обеспечивать его содержание. Теперь этот закон был изменен таким образом, чтобы уполномочить избирателей любого города, по заявлению хозяина, после "изучения возраста, способностей, обстоятельств и характера" слуги или раба, и убедившись, "что это будет соответствовать его реальной выгоде, и что вполне вероятно, что он сможет содержать себя сам", предоставить свободу для его освобождения, и освободить хозяина "от любых расходов, которые могут быть вызваны содержанием или поддержкой слуги или раба, ставшего свободным, как указано выше". Этот закон позволял избирателям предлагать дополнительный стимул для призыва в армию, чтобы восполнить квоту города. Раб (или слуга на срок) мог получить свободу, хозяин - освобождение от

тягла и освобождение от будущих обязательств, которым он должен был подвергнуться в противном случае. На самом деле несколько сотен чернокожих - рабов и свободных - время от времени зачислялись в полки войск штата и Коннектикутской линии. Сколько именно, сказать невозможно: ведь в ротных и полковых списках от первого до последнего *не указывается никаких различий* по цвету кожи. Единственным ориентиром является *имя*, и, если перелистать списки Коннектикутской линии, то частое повторение имен, которые были присвоены исключительно неграм и рабам, показывает, насколько значительной была их доля в составе армии Коннектикута; в то время как такие фамилии, как "Либерти". 'Freeman', 'Freedom' и т.д., набранные в десятки раз, показывают, с какими ожиданиями и под какими побуждениями они поступали на службу.

Что касается эффективности их службы, я ничего не могу сказать из записей, кроме того, что можно почерпнуть из разрозненных файлов, таких как одна из петиций, которую я вам посылаю. Насколько я знаю, почти в каждой семье есть предания о доброй и верной службе чернокожего слуги или раба, который был убит в бою или служил всю войну, а вернувшись домой, рассказывал истории о тяжелых боях и получал пенсию. В моем родном городе - не очень большом - я помню пять таких пенсионеров, трое из которых, как я полагаю, были рабами и, по сути, *оставались рабами до самой смерти*; ибо (и это объясняет единообразные действия Генеральной Ассамблеи в отношении петиций об освобождении) ни города, ни штат не были склонны освобождать хозяина, в то время как рабство становилось невыгодным, от обязанности обеспечивать старость своего раба".[546]

Генерал Варнум, храбрый и умный офицер из Род-Айленда, с самого начала настаивал на использовании негров-солдат. Он сообщил о своих взглядах генералу Вашингтону, а тот передал переписку губернатору Род-Айленда.

ГЕН. ВАШИНГТОН - ГУБЕРНАТОРУ. КУКУ.

Штаб-квартира, 2 января 1778 года

Сэр:- В приложении вы получите копию письма генерала Варнума ко мне о средствах, которые могут быть приняты для пополнения войск Род-Айленда до их полной доли в Континентальной армии. Мне нечего сказать в дополнение к тому, что я написал 29-го числа прошлого месяца по этому важному вопросу, но я хотел бы, чтобы вы оказали офицерам, занятым в этом деле, всю помощь, какая в ваших силах.

С большим уважением, сэр,

Ваш покорнейший слуга,

Г. Вашингтон.

"Губернатору Куку".[547]

Письмо генерала Варнума генералу Вашингтону, касающееся использования негров в качестве солдат, выглядит следующим образом

ГЕН. VARNUM TO GEN. WASHINGTON.

"Лагерь, 2 января 1778 года.

"Сэр:- Два батальона из штата Род-Айленд малочисленны, и есть необходимость в том, чтобы штат предоставил дополнительное количество для восполнения их доли в Континентальной армии; полевые офицеры представили мне целесообразность создания одного временного батальона из двух, чтобы весь корпус офицеров мог отправиться в Род-Айленд, чтобы принять и подготовить новобранцев к отправке. Предполагается, что там можно легко сформировать батальон из негров. Если эта мера будет принята, или рекруты будут набраны по другому принципу, служба будет продвинута. Полевые офицеры, входящие в состав этой команды, - полковник Грин, подполковник Олни и майор Уорд; семь капитанов, двенадцать лейтенантов, шесть прапорщиков, один казначей, один хирург и помощники, один адъютант и один капеллан.

"Я - покорнейший слуга вашего превосходительства,

"Дж. М. Варнум.

"Его превосходительству генералу Вашингтону".[\[548\]](#)

Говард Кук написал генералу Вашингтону следующее письмо

"Штат Род-Айленд и т. д.,

"Провиденс, 19 января 1778 года.

"Сэр:- После того как мы имели честь обратиться к Вашему Превосходительству через мистера Томпсона, мы получили Ваше письмо от 2 января текущего года, в котором содержится предложение генерала Варнума о создании батальона негров.

"В нашем письме от 15-го числа, дубликат которого мы посылаем, мы полностью изложили наши нынешние обстоятельства и многочисленные трудности, с которыми мы сталкиваемся, в отношении пополнения континентальных батальонов. В дополнение к этому заметим, что сейчас у нас на службе в правительстве штата находятся два батальона пехоты и полк артиллерии, которые зачислены на службу до 16-го дня марта следующего года; и Генеральная Ассамблея приказала сформировать два батальона пехоты и полк артиллерии, чтобы они служили до 16-го марта 1779 года. Таким образом, мы собрали и сохранили в полевых условиях более чем то количество людей, которое было выделено нам Конгрессом".

"Генеральная Ассамблея этого штата должна собраться во второй понедельник февраля следующего года, когда ваши письма будут представлены им, и их решение по этому поводу будет немедленно передано вашему превосходительству.

"Имею честь быть и т. д.,

"Николас Кук.

"Генералу Вашингтону".[\[549\]](#)

Губернатор представил вышеупомянутые письма Генеральной Ассамблее на ее февральской сессии, и был принят следующий акт

"Принимая во внимание, что для сохранения прав и свобод Соединенных Штатов необходимо, чтобы все правительственные силы были задействованы в наборе Континентальных батальонов; и принимая во внимание, что Его Превосходительство генерал Вашингтон приложил к письму этот штат. Вашингтон приложил к этому штату предложение, сделанное ему бригадным генералом Варнумом, о зачислении

в два батальона, собираемых этим штатом, таких рабов, которые будут готовы поступить на службу; и тогда как история дает нам множество примеров того, как самые мудрые, самые свободные и самые храбрые народы освобождали своих рабов и зачисляли их в солдаты, чтобы сражаться, защищая свою страну; а также учитывая, что враг с большими силами овладел столицей и большей частью этого штата; и этот штат вынужден собрать очень значительное количество войск для своей непосредственной защиты, в результате чего для этого штата становится невозможным обеспечить рекрутов для указанных двух батальонов, не приняв рекомендованную меру.

"Голосуем и постановляем, что каждый трудоспособный негр, мулат или раб-индеец в этом штате может записаться в любой из указанных двух батальонов, чтобы служить во время продолжения нынешней войны с Великобританией.

"Каждый раб, поступивший на службу, будет иметь право и получать все льготы, жалование и поощрения, разрешенные Континентальным конгрессом любому солдату, поступающему на их службу".

"Далее голосуется и постановляется, что каждый раб, зачисленный на службу, после прохождения проверки перед полковником Кристофером Грином, будет немедленно уволен со службы своего хозяина или хозяйки и будет абсолютно свободен, как если бы он никогда не был обременен каким-либо видом рабства или неволи.

"А если такой раб по болезни или иным причинам окажется не в состоянии содержать себя, то он не будет взыскиваться со своего хозяина или хозяйки, но будет содержаться за счет штата".

"И поскольку, согласно законам, рабы считаются собственностью своих владельцев, и поэтому владельцам должна быть выплачена компенсация за потерю их службы, -...

"Далее проголосовали и постановили, что владельцу каждого такого раба, поступившего на службу, должна быть выплачена сумма, соответствующая его стоимости; не более 120 фунтов стерлингов за самого дорогого раба, и пропорционально за раба меньшей стоимости.

"При условии, что владелец такого раба передаст офицеру, который зачислит его на службу, одежду этого раба; в противном случае он не имеет права на указанную сумму".

"И для урегулирования и определения стоимости таких рабов...

"Далее голосуется и решается, что будет назначен комитет из пяти человек, а именно:

"По одному от каждого графства; любые три из них должны быть кворумом, чтобы осмотреть рабов, которые будут зачислены таким образом, после того, как они пройдут проверку, и установить цену на каждого раба в соответствии с его стоимостью, как указано выше.

"Далее проголосовали и постановили, что при зачислении любого трудоспособного негра, мулата или индийского раба на службу, как указано выше, офицер, который его зачислит, после того, как он пройдет проверку, как указано выше, должен выдать свидетельство об этом хозяину или хозяйке этого негра, мулата или

индийского раба; что освободит его от службы у его хозяина или хозяйки, как указано выше.

"Далее проголосовали и постановили, что комитет, который оценит стоимость любого раба, как указано выше, должен выдать сертификат о сумме, в которую он может быть оценен, владельцу этого раба; и генеральный казначей этого штата настоящим уполномочен и предписан выдать указанному владельцу этого раба его вексель, как казначея, как указано выше, на сумму денег, в которую он будет оценен, как указано выше, с выплатой по требованию, с процентами в размере шести процентов годовых; и что указанные векселя, которые будут выданы таким образом, должны быть оплачены деньгами, которые причитаются этому штату и ожидаются от Конгресса; деньги, которые были заимствованы из общей казны этой Ассамблеей, должны быть сначала заменены".[\[550\]](#)

Эта мера встретила определенную оппозицию, но она была слишком слабой, чтобы привести к каким-либо результатам. Лучшее, что могло сделать меньшинство, - это подать письменный протест.

"ПРОТЕСТ ПРОТИВ ПРИЗЫВА РАБОВ НА СЛУЖБУ В АРМИЮ.

"Мы, подписчики, просим разрешения не согласиться с голосованием нижней палаты, предписывающим сформировать полк негров для службы в Континентальной армии, по следующим причинам, а именно:

"1-е. Потому что, по нашему мнению, в штате нет достаточного количества негров, которые были бы склонны поступить на службу и прошли бы проверку, чтобы сформировать полк; и создание нескольких рот негров не будет отвечать намеченным целям; и поэтому попытка сформировать указанный полк окажется неудачной и будет бесплодным расходом для штата.

"2d. Создание такого полка на предложенной основе навело бы на мысль и породило бы в мире мнение, что штат приобрел отряд рабов для использования в защите прав и свобод нашей страны, что полностью противоречит принципам свободы и конституционного правления, за которые мы так горячо ратуем; и соседние штаты смотрели бы на него с презрительной точки зрения, не равняясь с их войсками; и, следовательно, они не захотят, чтобы мы доверяли им, как равному числу белых войск; а также дадут повод нашим врагам заподозрить, что мы не в состоянии набрать своих людей для противостояния им в поле; и отплатить нам теми же насмешками, которые мы так щедро обрушили на них из-за негритянского полка Данмора; или, возможно, натолкнут их на мысль использовать против нас негритянские полки.

"3d. Расходы на приобретение и зачисление указанного полка, предложенным способом, значительно превысят расходы на наем равного количества белых мужчин; и в то же время не принесут такого хорошего эффекта.

"4-е. Большие трудности и неудобства возникнут при покупке негров у их хозяев; и многие из хозяев не будут удовлетворены любой ценой.

"Джон Нортап,
Джордж Пирс,
Джеймс Бабкок, младший,
Сильвестр Гарднер,
Отниэль Гортон,
Сэмюэл Бэбкок". [\[551\]](#)

После принятия закона губернатор Кук поспешил уведомить генерала Вашингтона об успехе проекта.

"Провиденс, 23 февраля 1778 года.

"Сэр:- Я был польщен письмом вашего превосходительства от [3-го числа]^[552], в котором содержится предложение, сделанное вам генералом Варнумом, о наборе двух континентальных батальонов, собранных этим штатом.

"Я представил это письмо Генеральной Ассамблее на их сессии во второй понедельник этого месяца; которая, учитывая настоятельную необходимость пополнить Континентальную армию и особые трудные обстоятельства этого штата, делающие невозможным набрать наши батальоны каким-либо другим способом, приняла эту меру.

"Каждому действующему рабу предоставляется свобода поступить на службу во время войны; по прохождении строевого смотра он становится абсолютно свободным и имеет право на все жалование, льготы и поощрения, предоставляемые Конгрессом любому солдату, поступающему на их службу. Хозяевам полагается 120 фунтов стерлингов за самого ценного раба и пропорционально за менее ценных.

"Число рабов в этом штате невелико, но обычно считается, что в армию будет зачислено триста и более.

"С большим уважением, сэр,

"покорнейший и смиренный слуга Вашего Превосходительства,

"Николас Кук.

"Генералу Вашингтону".^[553]

Если хозяева имели рабов в армии, им выплачивались ежегодные проценты от оценочной стоимости рабов из государственной казны до окончания военной службы этих рабов.^[554] Если владельцы представляли сертификаты от комитета, назначенного для оценки негров, поступивших на службу, им частично или полностью выплачивались "сертификаты Континентального кредитного бюро".^[555]

Читатель помнит, что, как уже было показано, негры, как подневольные, так и свободные, были исключены из ополчения Массачусетса; кроме того, Комитет безопасности и провинциальный конгресс выступали против призыва негров на военную службу. Первым шагом в колонии по обеспечению законного призыва и отдельной организации цветных войск стало обращение к Генеральной Ассамблее Массачусетса от 3 апреля 1778 года.

"Достопочтенному Совету и Палате представителей, Бостон или Роксбери.

"Достопочтенные джентльмены, - К началу этой кампании наши войска должны быть полностью готовы, хорошо оснащены оружием и боеприпасами, обмундированием, достаточным для того, чтобы продержаться всю кампанию, их жалование должно выплачиваться ежемесячно, чтобы не давать солдатам столько поводов для жалоб, как это принято у солдат, среди которых я нахожусь.

"У нас есть сведения о том, что этой весной против нас придут большие подкрепления; и мы не так сильны этой весной, как прошлой. Большое число людей дезертировало; много людей умерло, кроме того, все больны и неспособны к службе или ношению оружия в поле.

"Я считаю крайне необходимым, чтобы этим летом армия получила новое пополнение - все подкрепления, которые только можно получить. Ибо сейчас самое время напрячься или не напрягаться никогда; ведь если враг в этой кампании не сможет закрепиться дальше, чем сейчас, то нам не стоит сильно опасаться его в будущем".

"Можно быстро собрать подкрепление в две или три сотни человек. Не соизволит ли ваша честь дать мне свободу и поручить командование отрядом? Я имею в виду негров. У нас на службе их много, вперемешку с белыми. Но я думаю, что было бы правильнее собрать корпус из них самих, чем смешивать их с белыми; и их стремление будет заключаться в том, чтобы превзойти белых во всем, что военная судьба требует от солдата. И я мог бы положиться на них на поле боя или на любом посту, который меня пошлют защищать вместе с ними; и они будут считать себя счастливыми, если получат свободу, приняв участие в покорении врага, вторгшегося на нашу землю, и очистят мирное наследство для своих хозяев и потомков, которые еще не пришли, от того, что они теперь рабы".

"Метод, на который я хотел бы обратить внимание вашей чести при формировании отряда негров, заключается в том, что рота должна состоять из ста человек, включая офицеров; офицеры должны быть белыми и состоять из одного капитана, одного капитан-лейтенанта, двух вторых лейтенантов; сержант-орденоносец - белый; три сержанта - черные, четыре капрала - черные, два барабана и две пятерки - черные, и восемьдесят четыре человека рядового и младшего состава. Они должны служить до конца войны, а затем стать свободными людьми. И я не сомневаюсь, что ни один джентльмен, который является другом своей страны, не одобрит этот план и не будет против того, чтобы его негры поступили на службу, чтобы поддержать дело свободы и подавить худших, чем дикие враги нашей земли".

"Я прошу вашу честь предоставить мне свободу собрать одну роту, если не больше. Это будет гораздо лучше, чем пополнять наши батальоны беглецами и дезертирами из армии генерала Бургойна, которые, получив одежду и жалованье, в общем, делают все, чтобы дезертировать от нас. Взамен этого, если у них есть желание служить в Америке, пусть они снабжают семьи тех джентльменов, к которым принадлежат эти негры, которые должны поступить на службу".

"Я отдыхаю, полагаясь на мудрость вашей чести в этом вопросе, так как это будет быстрым способом получить подкрепление для присоединения к большой армии или для действий в любом другом месте, которое потребует случай; и я дам свою веру и заверение, что буду действовать по чести и верности, если приму командование такой партией, как я описал.

"Итак, я отдыхаю, пока ваша честь не призовет меня; и являюсь вашим очень смиренным и послушным слугой,

"Томас Кенч,

"в артиллерийском полку полковника Крафта, который сейчас находится на острове Касл.

"Остров Касл, 3 апреля 1778 года".

Через несколько дней он направил еще одно письмо в тот же орган.

"Достопочтенному совету в Бостоне.

"Это письмо я написал до того, как узнал о беспорядках с участием полковника Сиреса, мистера Спира и ряда других джентльменов, касающихся свободы негров, на Конгресс-стрит. Жаль, что по этому случаю произошли беспорядки, поскольку вполне оправданно, чтобы негры получили свободу, и никто из нас не содержался как раб, поскольку свобода и вольность - это великий спор, за который мы боремся; и я верю, что под улыбками Божественного Провидения мы получим ее, если все наши умы смогут объединиться; и передача негров в службу предотвратит много беспокойства и даст больше удовлетворения тем, кто оскорблен мыслью, что их слуги будут свободными.

"Я не буду расширять текст, опасаясь, что могу нанести обиду; но подпишусь.

"Ваш верный слуга,

"Томас Кенч.

"Остров Касл, 7 апреля 1778 года".[\[556\]](#)

11 апреля первое письмо было передано в объединенный комитет с указанием "рассмотреть его и представить отчет". 17 апреля в тот же комитет была передана "резолуция Генеральной ассамблеи Род-Айленда о зачислении негров на государственную службу". В Законе об ополчении 1775 года исключениями были "негры, индейцы и мулаты". В майском акте 1776 года, предусматривающем пополнение американской армии, было объявлено, что "индейцы, негры и мулаты не должны брать в руки оружие или подговаривать кого-либо делать это в их помещении". Другим актом, принятым 14 ноября 1776 года и направленным на улучшение армии, "негры, индейцы и мулаты" были исключены. В течение 1776 года был издан приказ о переписи всех мужчин старше шестнадцати лет, но исключались "негры, индейцы и мулаты". Но после нескольких неудач американской армии Массачусетс 6 января 1777 года принял постановление "о привлечении каждого седьмого мужчины для выполнения нашей квоты", "без каких-либо исключений, кроме людей, называемых квакерами". Это был ближайший шаг Массачусетса к признанию негров в качестве солдат. А 5 марта 1778 года Бенджамин Годдард от имени избирателей, Комитета безопасности и офицеров ополчения города Графтон выразил протест против призыва негров в его городе.

В свете такой истории не удивительно, что в Массачусетсе не решались последовать совету Томаса Кенча. 28 апреля 1778 года был разработан закон, в точности повторяющий закон Род-Айленда. Но отдельной организации не было, и, таким образом, негры служили в белых организациях до конца Американской революции.

В записях Вирджинии нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что негры когда-либо нанимались в солдаты на законных основаниях; но из нижеследующего очевидно, что свободные негры служили, и что не было никакого запрета на их службу, если они предъявляли свои свидетельства о свободе: - "И поскольку несколько негров-рабов служили в армии, то они служили в армии.

"И в то время как несколько негров-рабов дезертировали от своих хозяев и под видом свободных людей записались в солдаты: В целях предотвращения этого *постановляем*, что ни один офицер-вербовщик в пределах этого содружества не имеет права призывать негров или мулатов на службу в Соединенные Штаты, пока эти негры или мулаты не предъявят свидетельство от мирового судьи округа, в котором они проживают, о том, что они свободные люди".[\[557\]](#)

Мэриленд нанимал негров в качестве солдат и отправлял их в полки вместе с белыми солдатами. Джон Кадвалдер из Аннаполиса 5 июня 1781 года написал генералу Вашингтону следующее письмо по поводу негров-солдат

"Мы решили немедленно набрать семьсот пятьдесят негров, чтобы включить их в состав других войск; законопроект уже почти готов".[\[558\]](#)

Законодательное собрание Нью-Йорка 20 марта 1781 года приняло следующий закон, предусматривающий создание двух полков негров: - "Раздел 6.

"Раздел 6.-И да будет далее постановлено вышеупомянутой властью, что любое лицо, которое передаст одного или более своих трудоспособных рабов мужского пола любому уоррент-офицеру, как было сказано выше, для службы в любом из указанных полков или независимом корпусе, и предъявит свидетельство об этом, подписанное любым лицом, уполномоченным проводить строевую подготовку и принимать людей, подлежащих призыву в соответствии с настоящим актом, и представить такое свидетельство генеральному землемеру, то за каждого раба мужского пола, зачисленного и призванного, как указано выше, он имеет право на расположение и предоставление одного права, в порядке, установленном настоящим актом; и освобождается, и настоящим освобождается, от всякого будущего содержания такого раба, несмотря на любой закон об обратном: И такой раб, зачисленный вышеуказанным образом, который будет служить в течение трех лет или до регулярной демобилизации, сразу после такой службы или демобилизации будет, и настоящим объявляется, свободным человеком этого штата".[\[559\]](#)

Теперь театр военных действий был перенесен из восточных колоний в средние и южные. Только Массачусетс предоставил и отправил на поле боя 67 907 человек; в то время как все колонии к югу от Пенсильвании, вместе взятые, предоставили лишь 50 493 человека, что на 8 414 человек меньше, чем одна колония Массачусетс.[\[560\]](#) Заставить белых поступить на службу на юге было непростой задачей. До 1779 года почти все негритянские солдаты находились в новоанглийских колониях. Враг вскоре обнаружил, что южные колонии плохо защищены, и двинулся туда. Достопочтенный Генри Лоренс из Южной Каролины, умный и наблюдательный патриот, 16 марта 1779 года написал генералу Вашингтону о ситуации на Юге: - "Наши дела [писал он] в Южных колониях.

"Наши дела [писал он] в Южном департаменте более благоприятны, чем мы считали несколько дней назад; тем не менее, страна сильно бедствует, и будет бедствовать еще больше, если на помощь ей не будут посланы новые подкрепления. Если бы мы вооружились тремя тысячами чернокожих, которых я смог отобрать в Каролине, я бы не сомневался в успехе изгнания англичан из Джорджии и покорения Восточной Флориды до конца июля".[\[561\]](#)

Генерал Вашингтон прислал следующий консервативный ответ

"Политика вооружения рабов, на мой взгляд, является спорным вопросом, если только враг не подаст пример. Ибо, если мы начнем формировать из них батальоны, у меня нет ни малейших сомнений, что, если война будет продолжаться, они последуют за нами и оправдают эту меру на нашей собственной территории. Тогда соревнование должно заключаться в том, кто быстрее вооружится. А где наше оружие? Кроме того, я не уверен, что дискриминация не сделает рабство еще более невыносимым для тех, кто в нем остается. Большинство добрых и злых вещей в этой

жизни оцениваются в сравнении; и я боюсь, что сравнение в данном случае вызовет много недовольства у тех, кто находится в рабстве. Но поскольку эта тема никогда не занимала моих мыслей, это не более чем первые грубые идеи, которые пришли мне в голову по этому поводу".[\[562\]](#)

Одаренный и талантливый Александр Гамильтон, член семьи военных Вашингтона, был глубоко заинтересован планом, предложенным почтенным Генри Лоренсом, чей сын служил в штабе Вашингтона. Именно полковник Джон Лоренс передал следующее примечательное письмо Гамильтона Джону Джею, президенту Конгресса.

"Штаб-квартира, 14 марта 1779 года.

"Джону Джею.

"Дорогой сэр, - полковник Лоренс, который будет иметь честь доставить вам это письмо, направляется в Южную Каролину с проектом, который я считаю, при нынешнем положении дел там, очень хорошим, и заслуживающим всяческой поддержки и поощрения. Речь идет о том, чтобы при содействии правительства штата сформировать два, три или четыре батальона негров за счет взносов владельцев пропорционально их количеству. Если вы сочтете нужным обсудить с ним этот вопрос, он подробно изложит вам свой план. Он хочет, чтобы Конгресс рекомендовал его штату, а в качестве стимула - чтобы они согласились принять эти батальоны на довольствие Континента.

"Мне кажется, что подобная мера, при нынешнем положении дел на Юге, является наиболее рациональной из всех возможных, и сулит очень важные преимущества. Действительно, я с трудом представляю, как без нее можно собрать достаточные силы в этом квартале; а операции противника там становятся бесконечно более серьезными и грозными. Я нисколько не сомневаюсь, что при правильном управлении негры станут отличными солдатами; и рискну заявить, что их нельзя отдать в лучшие руки, чем руки мистера Лоренса. Он обладает всем рвением, умом, предприимчивостью и всеми другими качествами, необходимыми для успеха в таком деле. Некоторые великие военные судьи придерживаются максимы, что при разумных офицерах солдаты вряд ли могут быть слишком глупыми; и, исходя из этого принципа, считается, что русские были бы лучшими войсками в мире, если бы они находились под началом других офицеров, кроме своих собственных. Король Пруссии принадлежит к числу тех, кто придерживается этой доктрины; у него есть весьма категоричное высказывание по этому поводу, которое я точно не помню. Я упоминаю об этом потому, что часто слышу возражения против схемы внедрения негров, что они слишком глупы, чтобы стать солдатами. Это возражение не кажется мне обоснованным, и я думаю, что их недостаточная развитость (ведь их природные способности, вероятно, не хуже наших) в сочетании с привычкой к подчинению, которую они приобретают в результате подневольной жизни, позволит им быстрее стать солдатами, чем нашим белым жителям. Пусть офицеры будут людьми разумными и сентиментальными; и чем ближе солдаты к машинам, тем, возможно, лучше.

"Я предвижу, что этому проекту придется столкнуться со значительным противодействием со стороны предрассудков и корыстных интересов. Презрение, с которым мы относимся к чернокожим, заставляет нас фантазировать о многих вещах, не имеющих под собой ни основания, ни опыта; а нежелание расстаться с

имуществом столь ценного рода предоставит тысячу аргументов, чтобы показать неосуществимость или пагубность схемы, требующей таких жертв. Однако следует учесть, что если мы не воспользуемся ими таким образом, то враг, вероятно, это сделает; и что лучшим способом противостоять соблазнам, которые они будут вынашивать, будет предложить их самим. Важнейшей частью плана является предоставление им свободы в обращении с мушкетами. Это обеспечит их верность, воодушевит их мужество и, я полагаю, окажет хорошее влияние на тех, кто останется, открыв им путь к освобождению. Это обстоятельство, признаюсь, имеет не малый вес, побуждая меня желать успеха проекту, ибо веления гуманности и истинная политика в равной степени заинтересовали меня в пользу этого несчастного класса людей.

"С искренним уважением и почтением,

"Я, сэръ, ваш покорнейший слуга,

"Алекс. Гамильтон".[563]

Состояние южных штатов стало предметом заботы Конгресса. Письмо полковника Гамильтона было передано на рассмотрение специального комитета 29 марта 1779 года. В нем говорилось, что особенно в большой опасности находится Южная Каролина. Белое население было малочисленным, и, хотя некоторые из них служили в ополчении, считалось необходимым держать дома как можно больше белых. Страх перед восстанием, дезертирство[564] негров к врагу и незащищенное состояние границы усиливали беспокойство народа. Казалось, что единственным средством защиты является привлечение более пылких духом негров в качестве защитников прав и интересов колонистов. Конгресс довольно долго колебался - считалось, что у него нет полномочий отдавать приказы о призыве негров в штаты, - и поэтому рекомендовал "штатам Южная Каролина и Джорджия, если они сочтут это целесообразным, немедленно принять меры для призыва трех тысяч трудоспособных негров". После некоторого рассмотрения специальный комитет рекомендовал и принял следующий план

"В Конгрессе, 29 марта 1779 года.

"Комитет, состоящий из мистера Берка, мистера Лоренса, мистера Армстронга, мистера Уилсона и мистера Дайера, назначенный для рассмотрения обстоятельств южных штатов, а также путей и средств для их безопасности и защиты, сообщает следующее.

"Что штат Южная Каролина, представленный делегатами этого штата и г-ном Хьюгером, прибывшим сюда по просьбе губернатора этого штата с целью разъяснения его конкретных обстоятельств, не в состоянии предпринять сколько-нибудь эффективные усилия с ополчением, по причине того, что значительная часть граждан должна оставаться дома для предотвращения мятежей среди негров и для предотвращения их дезертирства к врагу.

"Что состояние страны и большое количество этих людей среди них, подвергает жителей большой опасности от попыток врага возбудить их либо к восстанию, либо к дезертирству".

"Делегаты упомянутого штата и г-н Хьюгер предлагают создать в этом штате из негров войско, которое не только будет грозным для врага из-за своей численности

и дисциплины, которую они охотно признают, но и уменьшит опасность от восстаний и дезертирства, отрядив самых энергичных и предприимчивых из числа негров.

"Поскольку эта мера может повлечь за собой неудобства, особенно затрагивающие штаты Южная Каролина и Джорджия, Комитет считает, что она должна быть представлена на рассмотрение правящих сил указанных штатов; и если указанные силы сочтут целесообразным создать такие войска, то Соединенные Штаты должны покрыть расходы на них: при этом,

"Решено, рекомендовать штатам Южная Каролина и Джорджия, если они сочтут это целесообразным, немедленно принять меры для сбора трех тысяч трудоспособных негров.

"Чтобы указанные негры были сформированы в отдельные корпуса, как батальоны, в соответствии с порядком, принятым для главной армии, под командованием белых офицеров и унтер-офицеров.

"Чтобы офицеры назначались указанными штатами.

"Что унтер-офицеры могут, если указанные штаты соответственно сочтут нужным, быть взяты из числа унтер-офицеров и солдат континентальных батальонов указанных штатов соответственно".

"Губернаторы указанных штатов вместе с командующим армией Юга уполномочены присоединить несколько континентальных батальонов своих штатов друг к другу, соответственно, в соответствии с устройством армии, установленным резолюциями от 27 мая 1778 года; и назначить таких сверхштатных офицеров командовать указанными неграми, которые решат пойти на эту службу.

"Решено, что Конгресс примет положение о выплате владельцам таких негров, которые будут зачислены на службу Соединенных Штатов во время войны, полной компенсации за имущество, из расчета не более тысячи долларов за каждого активного, трудоспособного негра стандартного размера, не старше тридцати пяти лет, который будет зачислен и пройдет проверку.

"Указанным неграм не выплачивать никакого жалованья или вознаграждения, но одевать и содержать их за счет Соединенных Штатов".

"Чтобы каждый негр, который будет хорошо и добросовестно служить солдатом до конца настоящей войны, а затем вернет свое оружие, был эмансипирован и получил сумму в пятьдесят долларов".[\[565\]](#)

Конгресс дополнил вышеупомянутую меру, поручив молодому полковнику Лоренсу продолжить предложенную важную работу. Галантный молодой офицер был действительно достоин следующих резолюций

"Принимая во внимание, что Джон Лоренс, эсквайр, который до этого исполнял обязанности помощника главнокомандующего, желает отправиться в Южную Каролину с намерением помочь в защите южных штатов; -...

"*Постановили*, что указанному Джону Лоренсу, эсквайру, будет дана комиссия на звание подполковника".[\[566\]](#)

Он отправился в Южную Каролину и направил все свои силы на выполнение благородной миссии. О том, что народ не сотрудничал с ним, свидетельствует следующая выдержка из письма, которое он впоследствии написал полковнику Гамильтону.

"Тернант расскажет вам, сколько жестоких схваток было у меня между долгом и желанием, - как сильно было мое сердце с вами, в то время как я, казалось, был занят здесь самым активным образом. Но мне кажется, что я был бы непростителен в глазах гражданина, если бы не продолжал прилагать все усилия для приведения в исполнение плана черных легионов, пока остаются хоть малейшие надежды на успех".[567]

Враг не замедлил обнаружить разделение настроений среди колонистов относительно политики использования негров в качестве солдат. И подозрения генерала Вашингтона, о которых сообщил Генри Лоренсу в уже цитированном письме, оказались небезосновательными. 30 июня 1779 года сэр Генри Клинтон издал прокламацию для негров. Впервые оно появилось в "Королевской газете" Нью-Йорка 3 июля 1779 года.

"Его Превосходительству сэру Генри Клинтону, генералу и главнокомандующему всеми войсками Его Величества в колониях, расположенных на побережье Атлантического океана, от Новой Шотландии до Западной Флориды, включительно, и т. д., и т. п., и т. д."

"ПРОКЛАМАЦИЯ.

"Поскольку враг принял практику зачисления негров в свои войска, я настоящим уведомляю, что все негры, взятые на вооружение или на любую военную службу, должны быть куплены для *[государственной службы по]* установленной цене; деньги должны быть выплачены капитанам.

"Но я строжайше запрещаю кому бы то ни было продавать или требовать права на любого негра, принадлежащего мятежнику, который может попасть в бегство с любой частью этой армии: И я обещаю каждому негру, который покинет ряды мятежников, полную гарантию того, что он будет заниматься в этих рядах любым делом, которое сочтет нужным.

"Дано под моей рукой, в штаб-квартире, Филлипсбург, 30-го дня июня 1779 года.

"Н. Клинтон.

"По приказу его превосходительства,

"Джон Смит, *секретарь*".

Прокламация возымела действие. Многие негры, уставшие от нерешительности колонистов в отношении принятия их услуг, присоединились к министерской армии. 14 февраля 1780 года полковник Лоренс написал генералу Вашингтону из Чарльстона, штат Северная Каролина, следующее:-

"По частным сведениям, генерал Превост остался командовать в Саванне; его войска состоят из гессенцев и лоялистов, которые были там раньше, и усилены корпусом негров и отрядом дикарей. По общему мнению, нынешней экспедицией командует сэр Генри Клинтон".[568]

Лорд Корнуоллис также издал прокламацию, предлагая защиту всем неграм, которые будут искать его командования. Но обращение с ними, о котором рассказывает мистер

Джефферсон в письме к доктору Гордону через несколько лет после войны, было, мягко говоря, крайне жестоким.

"Лорд Корнуоллис уничтожил весь мой урожай кукурузы и табака; он сжег все мои амбары, в которых хранились те же самые товары, что и в прошлом году, предварительно забрав кукурузу, которая ему была нужна; он использовал, как и следовало ожидать, все мое поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней для пропитания своей армии и увел всех пригодных к службе лошадей; тем, кто был слишком молод для службы, он перерезал горло; он сжег все ограды на плантации, чтобы оставить ее в полном запустении. *Он также увел около тридцати рабов. Если бы он хотел дать им свободу, то поступил бы правильно;* но он хотел обречь их на неминуемую смерть от оспы и гнилостной лихорадки, свирепствовавших тогда в его лагере. Впоследствии я узнал, что такова была судьба двадцати семи из них. Об оставшихся трех я так и не узнал, но предполагаю, что их постигла та же участь. Когда я говорю, что все это сделал лорд Корнуоллис, я имею в виду не то, что он сам нес факел, а то, что все это происходило под его наблюдением; положение дома, в котором он находился, открывало вид на все части плантации, так что он должен был видеть каждый огонь. Я рассказываю об этом, в значительной степени опираясь на собственные знания, поскольку был на месте вскоре после его отъезда. Он обращался с остальными соседями примерно в том же стиле, но не с тем духом полного истребления, с которым он, казалось, свирепствовал над моими владениями. Где бы он ни появлялся, в домах грабили все, что можно было унести. Характер лорда Корнуоллиса в Англии не позволяет считать, что он участвовал в разграблении; но то, что на его стол подавали тарелки, награбленные в частных домах, может быть доказано многими сотнями очевидцев. По моим подсчетам, которые я сделал в то время на основе лучших сведений, которые я мог собрать, я полагаю, что *штат Виргиния потерял под рукой лорда Корнуоллиса в том году около тридцати тысяч рабов; и что из них двадцать семь тысяч умерли от оспы и лагерной лихорадки, а остальные были частично отправлены в Вест-Индию и обменены на ром, сахар, кофе и фрукты; а частично отправлены в Нью-Йорк, откуда они отправились, по миру, либо в Новую Шотландию, либо в Англию. Из этого последнего места, как я полагаю, их в последнее время отправляли в Африку.* История никогда не расскажет об ужасах, творимых британской армией в южных штатах Америки".[\[569\]](#)

Полковник Лоренс был вызван с Юга и отправлен во Францию с важной миссией в 1780 году. Но попытка собрать негритянские войска на Юге не была оставлена.

13 марта 1780 года генерал Линкольн в письме к губернатору Южной Каролины Ратледжу, написанном в Чарльстоне, подчеркнул важность немедленного создания негритянского полка. Он писал

"Позвольте мне еще раз добавить, что я считаю меру по созданию негритянского корпуса необходимой; что у меня есть большие основания полагать, что если будет дано разрешение на это, то вскоре будет получено много людей. Я неоднократно настаивал на этом вопросе не только потому, что Конгресс рекомендовал его, и потому, что таким образом мой долг - попытаться привести его в исполнение, но и потому, что мой собственный разум говорит о полезности и важности этой меры, поскольку безопасность города делает ее необходимой".

Джеймс Мэдисон видел в эмансипации и вооружении негров единственное решение досадной проблемы Юга. 20 ноября 1780 года он написал Джозефу Джонсу следующее письмо

"Ваше письмо от 18-го числа пришло вчера. Я рад, что Законодательное собрание упорствует в своем решении набрать свою часть армии для войны; хотя, не решая вопрос о целесообразности рассматриваемого ими способа, не лучше ли сразу освободить и сделать солдатами самих негров, а не делать их орудием для набора белых солдат? Это, несомненно, было бы более созвучно принципам свободы, которые никогда не следует упускать из виду в борьбе за свободу: и, имея белых офицеров и большинство белых солдат, нельзя было бы опасаться никакой мыслимой опасности для них самих, как нельзя было бы опасаться и влияния примера на тех, кто останется в рабстве; опыт показывает, что освобожденный человек сразу же теряет всякую привязанность и симпатию к своим бывшим соратникам".[\[570\]](#)

Продолжалась борьба между тори и вигами, между предателем и патриотом, между эгоизмом и духом благородного посвящения себя праведному делу американцев. Генерал Грин писал из Северной Каролины 28 февраля 1781 года генералу Вашингтону следующее:-

"Враг приказал немедленно сформировать два полка негров и призвать большую часть молодых людей этого штата [Южная Каролина] на службу во время войны".[\[571\]](#)

По возвращении в Америку полковник Лоренс вновь выступил со своим любимым и заветным планом обеспечения Юга чернокожими солдатами. Но в окружении врагов страны, которую он так горячо любил и за честь и сохранение которой с радостью отдал свою молодую жизнь, его планы не увенчались успехом. В двух письмах генералу Вашингтону за несколько месяцев до того, как он пал, сражаясь за свою страну, он рассказал об испытаниях, выпавших на его долю, которые, по его мнению, вели к выполнению почетного долга. Первое письмо датировано 19 мая 1782 года.

"План, который привел меня в эту страну, отстаивался со всем рвением, которое внушал этот предмет, как в нашем Тайном совете, так и в Ассамблее; но единственный голос разума был заглушен воем трехголового чудовища, в котором соединились предрассудки, алчность и пагубное чувство. Однако меня утешило то, что истина и философия одержали некоторую победу: голосов в пользу этой меры было вдвое больше, чем в прошлый раз. В последнее время я получил некоторые надежды из Джорджии; но я боюсь, что когда вопрос будет поставлен, за нас проголосуют с таким же неравенством, как и в этой стране.

"Я искренне желаю находиться там, где могут быть осуществлены любые активные планы, и быть рядом с вашим превосходительством во всех случаях, когда мои услуги могут быть приемлемы. Преследование цели, которая, признаюсь, мне нравится, поскольку я всегда считал интересы этой страны и Союза тесно связанными с ней, не раз отдаляло меня от вашей семьи; но те чувства почтения и привязанности, которые внушило мне ваше превосходительство, держат меня всегда рядом с вами, с самыми искренними и ревностными пожеланиями продолжения вашего счастья и славы".[\[572\]](#)

Второе письмо было датировано 12 июня 1782 года и дышит унынием:...

"Приближающаяся сессия законодательного собрания Джорджии и поддержка, оказанная мне губернатором Хоули, который имеет решающее влияние на советы этой страны, побуждают меня остаться в этом квартале, чтобы принять новые меры по вопросу о наших черных войсках. Прибытие полковника Бейлора, чье старшинство дает ему право командовать легкими войсками, предоставляет мне достаточно свободного времени, чтобы лично продолжить это дело; и я сделаю это со всем упорством человека, предпринимающего последнее усилие по столь интересному поводу".[573]

Ответ Вашингтона показал, что он тоже в значительной степени утратил веру в патриотизм жителей Юга. Он написал своему верному другу

"Должен признаться, что я ничуть не удивлен провалом твоего плана. Тот дух свободы, который в начале этой борьбы с радостью пожертвовал бы всем ради достижения своей цели, уже давно угас, и его место заняли эгоистичные страсти. Не общественные, а частные интересы влияют на все человечество, и американцы больше не могут похвастаться исключением. В этих обстоятельствах было бы удивительно, если бы вы добились успеха; и, боюсь, в Джорджии вы не добьетесь большего успеха".[574]

Хотя попытка законодательного собрания Коннектикута разрешить призыв негров в армию в 1777 году провалилась, многие негры, как было показано, служили в полках этого штата; была организована негритянская рота. Когда белые офицеры отказались служить в ней, галантный Дэвид Хамфрис вызвался добровольцем и стал капитаном.

"В ноябре 1782 года постановлением Конгресса он был произведен в подполковники с приказом датировать его назначение 23 июня 1780 года, когда он получил должность адъютанта главнокомандующего. Находясь на действительной службе, он, пользуясь своим именем и влиянием, создал роту цветной пехоты, прикрепленную к полку Мейгса, впоследствии Батлера, в линии Коннектикута. Он оставался номинальным капитаном этой роты до установления мира".[575]

Ниже приводится список его роты.

*"Капитан,
ДЭВИД ХАМФРИС.*

Рядовые,

Джек Арабус, Бристер Бейкер, Джон Болл,
Джон Кливленд, Сезар Бэгдон, Джон Маклейн,
Финеас Стронг, Гамалиэль Терри, Джесси Воуз,
Нед Филдс, Лент Мансон, Дэниел Брэдли,
Исаак Хиггинс, Хеман Роджерс, Шарп Кэмп,
Льюис Мартин, Джоб Сезар, Джо Отис.
Сесар Чепмен, Джон Роджерс, Джеймс Дайна,
Питер Микс, Нед Фридом, Соломон Соутис,
Фило Фримен, Иезекииль Тапхэм, Питер Фримен,
Гектор Уильямс, Том Фримен, Катон Уилброу,
Джуба Фримен, Конго Задон, Кафф Фримен,

Катон Робинсон, Питер Гиббс, Джуба Дайер,
 Принц Джордж, Принц Джонсон, Эндрю Джек,
 Принц, Кросби, Алекс. Джадд, Питер Морандо,
 Шубаэль Джонсон, Помпа Либерти, Питер Лев,
 Тим Сезар, Манжета Либерти, Сэмпсон Манжета,
 Джек Литтл, Помпа Сайрус, Дик Фрид,
 Билл Соуэрс, Гарри Уильямс, Помпа Маккафф".[\[576\]](#) Дик Вайолет, Шарп Роджерс,

Но, несмотря на упорное и ожесточенное противодействие использованию рабов, с первых часов Революционной войны и до ее окончания негры, подневольные и свободные, служили во всех родах войск. К сожалению, точное число их неизвестно. Генерал-адъютант Скаммелл составил следующий официальный отчет. Через два месяца после битвы при Монмуте Скаммелл составил следующий официальный отчет о неграх-солдатах в главной армии под непосредственным командованием Вашингтона; но полк Род-Айленда, войска Коннектикута, Нью-Йорка и Нью-Гемпшира в нем не упоминаются. Неполный, он, тем не менее, является официальным и, следовательно, правильным в той мере, в какой это возможно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕГРОВ В АРМИЮ, 24 августа 1778 года.

БРИГАДЫ.	Присутствуют.	Больные отсутствуют.	Под командованием.	Всего.
Северная Каролина	42	10	6	58
Вудфорд	36	3	1	40
Муленбург	64	26	8	98
Смоллвуд	20	3	1	24
2d Maryland	43	15	2	60
Уэйн	2	-	-	60
2d Пенсильвания	[33]	[1]	[1]	[35]
Клинтон	33	2	4	39
Парсонс	117	12	19	148
Хантингтон	56	2	4	62
Никсон	26	-	1	27
Паттерсон	64	13	12	89
Поздний выученный	34	4	8	46
Плохо	16	7	4	27
Всего	586	98	71	755

Алекс. Скаммелл, *адъютант генерала*.[\[577\]](#)

Приятно отметить тот факт, что негр был зачислен в солдаты во время войны Американской революции. О том, что он делал, будет рассказано в следующей главе.

ССЫЛКИ:

[\[520\]](#) Журнал Континентального конгресса.

[521] Достопочтенный Питер Форс в статье в "Нэшнл интеллидженсер" от 16 и 18 января 1855 года пишет: "Южные колонии, совместно со всеми остальными и отдельно каждая за себя, добровольно и добросовестно согласились запретить ввоз рабов". Джорджия не была представлена в этом конгрессе и, следовательно, не могла подписать соглашение.

[522] Sparks's Washington, vol. ii. pp. 488-495.

[523] Sparks's Franklin, vol. viii, p. 42.

[524] Сочинения Джефферсона, т. i. с. 135.

[525] Ibid., pp. 23,24.

[526] Journals of the Provincial Congress of Mass., p. 29.

[527] Сочинения Адамса, т. ii. с. 322.

[528] Журналы провинциального конгресса штата Массачусетс, с. 553.

[529] Ibid., p. 302.

[530] Ниже приводится копия приказа генерала Гейтса офицерам-вербовщикам: "Вы не должны зачислять в армию ни одного человека.

"Вы не должны зачислять на службу ни дезертиров из министерской армии, ни бродяг, ни негров, ни бродяг, ни лиц, подозреваемых во враждебности свободе Америки, ни лиц моложе восемнадцати лет.

"Поскольку дело это самое лучшее, которое может привлечь мужественных и принципиальных людей к оружию, ожидается, что ни один из них не будет принят офицером по набору. Оплата, провиант и т.д. столь значительны, что можно не сомневаться, что офицеры, посланные на эту службу, без промедления укомплектуют свои корпуса и немедленно отправят людей в лагерь.

"Вы не должны зачислять на службу ни одного человека, не являющегося уроженцем Америки, если только у него нет жены и семьи, и он не является постоянным жителем этой страны. Люди, которых вы призываете в армию, должны быть обеспечены хорошим и полным оружием".

-Moore's *Diary of the American Revolution*, vol. i. p. 110.

[531] Провинциальный конгресс Южной Каролины 20 ноября 1775 года принял следующее решение: "По предложению, *постановлено*, чтобы полковники нескольких полков ополчения по всей колонии имели право зачислить такое количество способных рабов мужского пола для работы в качестве первопроходцев и рабочих, какого могут потребовать общественные нужды; и чтобы за службу каждого такого раба, пока он действительно занят, выплачивалось ежедневное жалование в размере семи шиллингов и шести пенсов".

-American Archives, 4th Series, vol. iv p. 6.

[532] Sparks's Washington, vol. iii. p. 155, примечание.

[533] Force's American Archives, 4th Series, vol. iii. p. 1,385.

[534] Spark's Washington, vol. iii. p. 218.

[535] Journals of Congress, vol ii. p. 26.

- [536] Hopkins's Works, vol. ii. p. 584.
- [537] Works of John Adams, vol. ii p. 428.
- [538] Force's American Archives, 4th Series, vol. iv. p. 202.
- [539] Force's American Archives, 4th Series, vol. iii. p. 1,387.
- [540] Force's American Archives, 4th Series, vol. iv. pp. 84, 85.
- [541] Жизнь и переписка Джозефа Рида, т. I. с. 135.
- [542] Force's American Archives, 5th Series, vol. ii. pp. 160, 162.
- [543] Force's American Archives, 5th Series, vol. i p. 486.
- [544] Во время нескольких месяцев учебы в Нью-Йорке я наткнулся на вышеупомянутое в библиотеке N.Y. Hist. Soc.
- [545] Schloezer's Briefwechsel, vol. iv. p. 365.
- [546] An Historical Research (Livermore), pp. 114-116.
- [547] R.I. Col. Recs., vol. viii. p. 640.
- [548] R.I. Col. Recs., vol. viii. p. 641.
- [549] Ibid., vol. viii. p. 524.
- [550] R.I. Col. Recs., vol viii. pp. 358-360.
- [551] R.I. Col. Recs., vol. viii. p. 361.
- [552] Это, очевидно, ошибка, поскольку письмо Вашингтона было датировано 2 января, как читатель увидит.
- [553] R.I. Col. Recs., vol. viii. p. 526.
- [554] Ibid., p. 376.
- [555] Там же, p. 465.
- [556] MSS. Archives of Mass., vol. cxix. pp. 80, 84.
- [557] Hening, vol. ix. 280.
- [558] Sparks's Correspondence of the American Revolution, vol. iii. p. 331.
- [559] Законы штата Нью-Йорк, гл. xxxiii (20 марта 1781 г., 4-я сессия).
- [560] The American Loyalist, p. 30, второе издание.
- [561] Sparks's Washington, vol. vi p. 204, note.
- [562] Ibid., vol. vi. p. 204.
- [563] Жизнь Джона Джея, написанная Уильямом Джеем, т. II. стр. 31, 32.
- [564] Рамсей, историк Южной Каролины, говорит: "Хорошие судьи подсчитали, что в период с 1775 по 1783 год штат Южная Каролина потерял двадцать пять тысяч негров".

- [565] Секретные дневники Конгресса, т. I. с. 107-110.
- [566] Журналы Конгресса, т. V. С. 123.
- [567] Сочинения Гамильтона, т. i. с. 114, 115.
- [568] Sparks's Correspondence of the American Revolution, vol. ii. p. 402.
- [569] Сочинения Джефферсона, т. ii. с. 426.
- [570] Madison Papers, p. 68.
- [571] Sparks's Correspondence of the American Revolution, vol. iii. p. 246.
- [572] Sparks's Correspondence of the American Revolution, vol. iii. p. 506.
- [573] Ibid., p. 515.
- [574] Sparks's Washington, vol. viii. pp. 322, 323.
- [575] Биографический очерк в "Национальной портретной галерее выдающихся американцев".
- [576] Colored Patriots of the Revolution, p. 134.
- [577] Эта декларация была обнаружена неутомимым доктором Джорджем Х. Муром. Это единственный сохранившийся документ такого рода.
-

ГЛАВА XXVII.

НЕГРЫ КАК СОЛДАТЫ.

1775-1783.

Негр как солдат.- Битва при Банкер-Хилле - Галланtria негритянских солдат.- Питер Салем, бесстрашный черный солдат.- Памятник на Банкер-Хилле.- Негр Салем Бедный отличился отчаянной доблестью.- Взятие генерала Ли.- Взятие генерала Прескотта - Битва при Род-Айленде.- Полковник Грин командует негритянским полком.- Убийство полковника Грина в 1781 году.- Доблесть негритянских солдат.

[Вернуться к оглавлению](#)

Как солдаты негры далеко превзошли самые либеральные ожидания своих закадычных друзей. В компании с белыми мужчинами, многие из которых были превосходными джентльменами и почти все - храбрецами и энтузиастами, негры-солдаты американской армии стали достойны дела, за которое они сражались. Полковник Александр Гамильтон сказал, что *"их природные способности не уступают нашим"*, и это утверждение было подкреплено их великолепным поведением на всех полях сражений Революции. Наделенные от природы поэтическим началом, верные доверию, крепкие в дружбе, связанные золотыми нитями привязанности к местам и людям, полные энтузиазма в личных начинаниях, сентиментальные и рыцарственные, они были выносливыми и бесстрашными солдатами. Дерзкий, бурный энтузиазм, с которым они бросались к оружию, избавлял расовые предрассудки от их жала и делал из врагов друзей.

Их жизнерадостность в лагере, быстрота в выполнении усталостных обязанностей, терпеливое перенесение жары и холода, голода и жажды, а также смелость в бою делали их желанными спутниками везде, куда бы они ни направлялись. Офицеры, которые поначалу неодобрительно относились к их присутствию в армии, вскоре на собственном опыте убедились, что они равны всем войскам в армии по суровой службе в лагере и отличным боевым действиям в поле.

Битва при Банкер-Хилле была одной из самых ранних и важных во время Революции. Негритянские солдаты участвовали в сражении 17 июня 1775 года и благородно выполнили свой долг. Рассказывая об этом сражении, Бэнкрофт говорит

"История не должна забыть записать, что, как и в армии в Кембридже, так и в этом доблестном отряде были свои представители - свободные негры колонии".[578]

Два негритянских солдата особенно отличились и оказали делу колонистов большую услугу. Майор Питкэрн был галантным офицером британской морской пехоты. Он возглавил атаку на редут, ликующе воскликнув: "День наш!". Его внезапное появление и командирский тон поначалу испугали людей, находившихся непосредственно перед ним. Они не отвечали и не стреляли, вероятно, не зная, что делать дальше. В этот критический момент вперед вышел негритянский солдат и, направив свой мушкет прямо в грудь майора, прострелил ему грудь.[579] Кто же был этот бесстрашный чернокожий солдат, который в критический момент вышел вперед и, точно прицелившись, сразил воплощенного врага колонистов? Как его звали и откуда он пришел на битву? Его звали Питер Салем, он служил рядовым в полку полковника Никсона в Континентальной армии.

"Он родился во Фрамингеме (штат Массачусетс), и его держали как раба, вероятно, до тех пор, пока он не вступил в армию: тогда, если не раньше, он стал свободным. ... Питер верно служил солдатом во время войны".[580]

Возможно, Салем и был тогда рабом: возможно, он думал о цепях и полосах, откуда он пришел, о свободе, которую можно купить в испытаниях войны, и считал своим долгом показать себя достойным американского солдата. Он доказал, что его выстрелы не менее эффективны, чем у белого солдата, и что он не лишен ни одного из элементов, составляющих доблестного солдата. Знаменательно, что именно негр первым открыл военные действия между Великобританией и колониями, первым пролил свою кровь как драгоценное возлияние на алтарь прав народа; и что здесь, на Банкер-Хилле, когда багровый и огненный прилив битвы, казалось, был направлен против маленькой группы колонистов, уверенный мушкет негритянского солдата сбил надменную форму архи-мятежника и отдал победу слабым! Англия нагроутила африканца цепями и обрекла его на вечное рабство в североамериканских колониях; и когда она пришла, чтобы в пламени братоубийственной войны выковать политические цепи для англоговорящего народа, негр, которого она жестоко обидела, первым встретил ее солдат и приветствовал их в гостеприимной могиле.

Монумент на Банкер-Хилл очаровывает преданных американцев, и негры тоже могут любоваться его непреходящим величием. Он увековечивает подвиги не какого-то конкретного солдата, а всех, кто остался верен принципам равноправия и свободного правительства в то памятное "17 июня".

"Ни одно имя не украшает вал; но через века, хотя наши алфавиты могут стать такими же неясными, как те, что покрывают памятники Ниневии и Вавилона, его поверхность без надписей (на которой монархи могли бы с гордостью выгравировать свои титулы) будет увековечивать память о 17 июня. Это памятник дню, событию, битве при Банкер-Хилле; всем храбрецам, разделившим ее опасности, - как Прескотту, Путнаму и Уоррену, вождям того дня, и цветному Салему, который, по слухам, застрелил галантного Питкэрна, когда тот взобрался на парпет. Холодная, как комья, на которых она покоится, неподвижная, как безмолвные небеса, к которым она взлетает, она все же голосиста, красноречива в их безраздельной хвале".[581]

Другим солдатом-негром, снискавшим себе редкую славу и почетное звание в боях у Банкер-Хилла, был Салем Пур. Восхищенные его благородным поведением, старшие офицеры не могли не обратить внимание гражданских властей на факты, которые попали в их личное поле зрения. В рукописном архиве Массачусетса до сих пор хранится петиция, в которой говорится о его достоинствах как храброго солдата.

"Достопочтенному Генеральному суду Массачусетского залива.

"Подписчики просят разрешения доложить вашей достопочтенной палате (что мы делаем в знак справедливости к характеру столь храброго человека), что, по нашим собственным наблюдениям, мы заявляем, что негр по имени Салем Пур из полка полковника Фрая, роты капитана Эймса, в недавнем сражении при Чарльзтауне вел себя как опытный офицер, а также как отличный солдат. Излагать подробности его поведения было бы утомительно. Мы лишь просим разрешения сказать, что в лице упомянутого негра он был храбрым и галантным солдатом. Награду, причитающуюся столь великому и выдающемуся персонажу, мы представляем на рассмотрение Конгресса.

"Иона. Брюер, полковник.	Элифалет Бодвелл, сержант.
Джона. Брюер, полковник.	Элифалет Бодвелл, сержант.
Томас Никсон, подполковник.	Джосайя Фостер, лейтенант.
Вм. Прескотт, полковник.	Эбенр. Варнум, 2-й лейтенант.
Эф ^м . Кори, лейтенант.	Вм. Хадсон Баллард, капитан.
Джозеф Бейкер, лейтенант.	Уильям Смит, кап.
Джошуа Роу, лейтенант.	Джон Мортон, сержант.
Джонас Ричардсон, капитан.	лейтенант Ричард Уэлш.

"Кембридж, 5 декабря 1775 года.

"В Совете, 21 декабря 1775 г. Прочитано и отправлено вниз.

"Перес Мортон, заместитель секретаря".[582]

Сколько еще негров-солдат вели себя на Банкер-Хилле с хладнокровием и решительной доблестью, узнать невозможно. Но многие из них были там; они выполняли свой долг как верные люди, и их достижения являются наследием свободных людей всех цветов под нашим единым флагом. Полковник Трамбулл, художник и солдат, служивший в Роксбери, наблюдал за сражением с этой высоты. Вдохновленный этой сценой, когда она еще была свежа в его памяти, он написал историческую картину о сражении в 1786 году. На ней он

изобразил несколько негров, а на переднем плане - незабвенного Питера Салема. Некоторые последующие художники - простые копиисты - пытались предать этого чернокожего героя забвению, но тщетно. Хотя на памятнике на Банкер-Хилле "нет его имени, карандаш художника изобразил эту сцену, перо беспристрастного историка записало его достижения, а голос красноречивого оратора воспел его доблесть".

Майор Сэмюэл Лоуренс "одно время командовал ротой, в которой все рядовые были неграми, о храбрости, военной дисциплине и верности которых он всегда отзывался с уважением. Однажды, отправившись с этой ротой на разведку, он так сильно опередил свою команду, что был окружен и оказался в плену у врага. Вскоре бойцы, поняв, что ему грозит опасность, бросились ему на помощь и сражались с самой решительной храбростью, пока спасение не было обеспечено. Он никогда не забывал об этом обстоятельстве и впоследствии особенно старался проявлять доброту и гостеприимство к любому представителю цветной расы, который приближался к его жилищу".[583]

Генерал Ли из американской армии был захвачен в плен полковником Харкортон из британской армии. Это было воспринято как очень печальное событие; и были сделаны приготовления, чтобы захватить британского офицера того же ранга, чтобы можно было произвести обмен. Полковнику Бартону из ополчения Род-Айленда, храброму и осторожному офицеру, было поручено захватить генерал-майора Прескотта, командовавшего королевской армией. Прескотта, командовавшего королевской армией в Ньюпорте. В ночь на 9 июля 1777 года полковник Бартон с сорока людьми на двух лодках с заглушенными веслами уклонился от вражеских лодок и, приняв их за часовых в штаб-квартире Прескотта, захватил офицера в плен - его взял негр. Подвиг был смелым и успешным.

"Они высадились примерно в пяти милях от Ньюпорта и в трех четвертях мили от дома, к которому они осторожно приблизились, избегая главного караула, который находился на некотором расстоянии. *Полковник шел впереди, за ним - крепкий, активный негр, еще один - на небольшом расстоянии; остальные следовали так, чтобы быть рядом, но не быть замеченными.*

"Одиноким часовым у дверей увидел и окликнул полковника; тот ответил восклицаниями против мятежных пленников и расспросами о них, но продолжал медленно продвигаться вперед. Часовой снова бросил ему вызов и потребовал предъявить удостоверение. Он сказал, что у него нет жетона, но развлекал часового разговорами о пленных мятежниках и продолжал продвигаться вперед, пока не оказался в пределах досягаемости штыка, который, как он представил, полковник внезапно отвел в сторону и схватил его. Его тут же схватили и приказали молчать под страхом мгновенной смерти. *Тем временем остальные бойцы окружили дом, негр, задржав голову, вторым ударом заставил пробраться в него, а затем и в квартиру хозяина. Хозяин сначала отказался дать необходимые сведения; но под страхом скорой смерти он указал на комнату генерала, которая была мгновенно открыта головой негра, и полковник, назвав генерала по имени, сказал ему, что он в плену*".[584]

Другой рассказ был опубликован хирургом армии и приводится здесь: - "Олбани, 3 августа 1777 года.

"Олбани, 3 августа 1777 г. - Здесь получена приятная информация о том, что лейтенант-полковник Бартон из ополчения Род-Айленда задумал смелый подвиг с

целью удивить и захватить генерал-майора Прескотта, командующего королевской армией в Ньюпорте. Прескотта, командующего королевской армией в Ньюпорте. Взяв с собой ночью около сорока человек в двух лодках с заглушенными веслами, он сумел ускользнуть от бдительности военных кораблей и сторожевых катеров и, прибыв незамеченным к жилищу генерала Прескотта, принял их за часовых; генерал не тревожился, пока его похитители не оказались у дверей его покоев, которые были быстро закрыты. *Негр по имени Принс мгновенно просунул свою жучиную голову в дверь и схватил свою жертву в постели.....* Это событие делает честь предприимчивому духу полковника Бартон и считается достаточным возмездием за захват генерала Ли полковником Харкорт. Это событие вызывает огромную радость и ликование, так как в нашем распоряжении оказывается офицер, равный по званию генералу Ли, с помощью которого можно произвести обмен. Конгресс постановил, что полковнику Бартону должна быть подарена изящная шпага за его храбрый подвиг".[585]

Полковник Бартон, очевидно, испытывал огромное уважение к доблести и надежности негритянского солдата, которого он сделал главным действующим лицом в самом опасном деле. Это был почетный пост, и негр-солдат Принс выполнил возложенную на него обязанность так, что полностью удовлетворил своего начальника, и был увенчан как один из самых смелых и блестящих *государственных переворотов* Американской революции.

Сражение при Род-Айленде, состоявшееся 29 августа 1778 года, было одним из самых жестоких за всю Революцию. Ньюпорт был осажден англичанами. Утром в день сражения их военные корабли двинулись вверх по заливу и открыли шквальный огонь по открытому правому флангу американской армии; в то время как гессенские колонны, растянувшись по всей цепи "горцев", пытались повернуть фланг генерала Грина и взять штурмом передовой редут. Тяжелая канонада, продолжавшаяся с девяти утра, теперь сопровождалась сильными стычками, и действия стали носить общий характер по всей линии. Американская армия располагалась в трех боевых линиях: первая - перед земляными укреплениями на Баттс-Хилл, вторая - в тылу холма, третья - в качестве резерва в полумиле в тылу передовой линии. В десять часов битва достигла белого накала. Британские корабли вели огонь, который сильно раздражал американцев, но придавал мужества гессенцам и британской пехоте. В конце концов пешие колонны сгруппировались и со стремительностью вихря пронеслись по склонам холма Энтони. Но американские колонны встретили их с неустрашимостью и хладнокровием ветеранов. Потери противника были ужасающими.

"В одном месте было найдено шестьдесят убитых. В другом - тридцать гессенцев были похоронены в одной могиле. Генерал-майор Грин командовал справа. Грин командовал справа. Из четырех бригад, находившихся под его непосредственным командованием, бригады Варнума, Гловера, Корнелла и Грина, все сильно пострадали, но бригада генерала Варнума, пожалуй, больше всех. В третий раз противник с отчаянной храбростью и возросшими силами попытался штурмовать редут и взял бы его, если бы не своевременная помощь двух континентальных батальонов, присланных Салливаном для поддержки своих почти истощенных войск. Именно при отражении этих яростных атак недавно сформированный черный полк под командованием полковника Грина отличился отчаянной доблестью. Расположившись за зарослями в долине, они трижды отгоняли гессенцев, которые неоднократно атаковали с холма, чтобы выбить их; и так решительно действовал враг в этих последовательных атаках, что на следующий день после сражения

гессенский полковник, на которого была возложена эта обязанность, попросил обменять его команду и отправиться в Нью-Йорк, потому что он не смел снова вести свой полк в бой, чтобы его люди не застрелили его за то, что он нанес им такие потери."[\[586\]](#)

Несколько лет спустя маркиз де Шастелюкс, рассказывая об этом полке, сказал.

"5-го [января 1781 года] я не выезжал до одиннадцати, хотя до Ливана было тридцать миль пути. На переправе я встретил отряд Род-Айлендского полка, того самого, который был с нами все прошлое лето, но с тех пор они были набраны и одеты. Большая часть из них - негры или мулаты; но это сильные, крепкие мужчины, и те, кого я видел, имели очень хороший вид".[\[587\]](#)

14 мая 1781 года галантный полковник Грин был застигнут врасплох и убит у Пойнтс-Бридж, штат Нью-Йорк, но это произошло только после того, как его храбрые чернокожие солдаты были разрублены на куски, защищая своего лидера. Это был один из самых трогательных и красивых инцидентов войны, иллюстрирующий самоотверженную преданность негритянских солдат делу американской свободы.

На собрании Конгрегационного и Пресвитерианского общества по борьбе с рабством в Френсисауне, штат Северная Каролина, преподобный доктор Харрис, сам солдат революции, так отозвался о негритянском полке Род-Айленда: "Да, полк негров.

"Да, полк *негров*, сражающихся за *нашу* свободу и независимость, - среди них нет ни одного белого, кроме офицеров, - поставленный в такое же опасное и ответственное положение. Если бы они оказались неверными или прогнали врага, все было бы потеряно. *Трижды подряд* на них с отчаянной доблестью и яростью нападали хорошо дисциплинированные и опытные войска, и *трижды* они успешно отражали нападение и тем самым сохраняли нашу армию от пленения. Они сражались на протяжении всей войны. Это были храбрые, выносливые войска. Они помогли завоевать нашу свободу и независимость".

От начала до конца Революционной войны; от смерти Питкэрна до капитуляции Корнуоллиса; на многих полях борьбы и триумфа, великолепной доблести и республиканской славы; от туманного рассвета неравного и неопределенного конфликта до яркого утра глубокого мира; Через и из огня великой войны, которая породила новую, великую республику, - негр-солдат проделал свой путь к неомраченной славе и оставил о себе великолепную запись в анналах американской истории. Эти анналы уже давно переданы на ревностное попечение верных граждан Республики, которую чернокожие мужчины так героически сражались, чтобы вырвать из железных лап Британии.

ССЫЛКИ:

[\[578\]](#) Bancroft, vol. vii., 6th ed., p. 421.

[\[579\]](#) An Historical Research, p. 93.

[\[580\]](#) История Лестера, стр. 267.

[\[581\]](#) Orations and Speeches of Everett, vol. iii. p. 529.

[\[582\]](#) MS. Archives of Massachusetts, vol. clxxx, p. 241.

[\[583\]](#) Мемуары Сэмюэла Лоуренса, преподобный С.К. Лотроп, доктор философии, стр. 8, 9.

[584] Дневник Фрэнка Мура об Американской революции, т. I. с. 468.

[585] Военный журнал Тэтчера, стр. 87.

[586] Arnold's History of Rhode Island, vol. ii. pp. 427, 428.

[587] Путешествия Шастелюкса, т. i. с. 454; Лондон, 1789.

ГЛАВА XXVIII.

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕГРА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1775-1783.

Негр был движимым или недвижимым имуществом - его правовой статус в новой роли солдата - резолюция, внесенная в палату представителей Массачусетса, чтобы предотвратить продажу двух негров, захваченных в открытом море - Континентальный конгресс назначает комитет для рассмотрения вопроса о том, что следует делать с неграми, захваченными военными судами на службе Соединенных колоний. - Конфедерация новых штатов - Оживленные дебаты в Конгрессе по поводу утилизации захваченных негров - Испанский корабль "Виктория" захватывает английское судно с тридцатью четырьмя неграми на борту, захваченными в Южной Каролине - Негры, захваченные судами штата Массачусетс - Они доставлены Томасу Ноксу и переправлены на Касл-Айленд - Пол Пол Ревир возглавляет судно, захваченное на острове Касл. Пол Ревир распоряжается рабами на острове Касл - Массачусетс принимает закон о безопасности, содержании и обмене заключенных, привезенных в штат - генерал Хэнкок получает письмо от губернатора Южной Каролины о содержании негров - в провинциальных статьях между Соединенными Штатами Америки и Его Британским Величеством негры считались собственностью. - А также в Определенном мирном договоре между Соединенными Штатами Америки и Его Британским Величеством. - А также в Мирном договоре 1814 года между Его Британским Величеством и Соединенными Штатами негры были определены как собственность. - Письмо генерала Вашингтона бригадному генералу Руфусу Путнаму по поводу негра в его полку, на которого претендовал мистер Хобби. - Зачисление в армию не всегда приводило к практической эмансипации.

[Вернуться к оглавлению](#)

КОГДА началась Революционная война, правовой статус негра-раба был четко определен в судах всех колоний. Он был либо движимым, либо недвижимым имуществом. Естественно, возник вопрос о его правовом статусе в новых отношениях с солдатом. Может ли он быть взят как собственность или как военнопленный? Был ли он добычей или имел право на обычаи цивилизованной войны - свободный человек, и, следовательно, с ним нужно обращаться как с таковым?

Континентальный конгресс 25 ноября 1775 года принял резолюцию, в которой рекомендовал законодательным органам нескольких колоний создать суды, которые должны предоставить юрисдикцию уже существующим судам для рассмотрения "дел о захвате". Фактически и, вероятно, юридически, Конгресс осуществлял власть в делах об обжаловании. Более того, Конгресс предписал правила распределения призов. Но, как ни странно, Массачусетс в 1776 году принял закон, объявляющий, что в случае захвата призов силами колонии, местные

власти должны обладать полной юрисдикцией в их распределении; но если призывы или пленники были захвачены на колониальной территории силами Соединенных колоний, распределение должно осуществляться в соответствии с законами Конгресса. Это была лишь единственная иллюстрация разделенного суверенитета сырого правительства. В том, что по этому вопросу необходим единый закон, не может быть никаких сомнений, особенно в условиях войны такого масштаба, как та, что велась в то время.

13 сентября 1776 года в Палату представителей Массачусетса была внесена резолюция, "чтобы предотвратить продажу двух негров, недавно привезенных в этот штат в качестве пленников, взятых в открытом море, и объявленных к продаже в Салеме 17-го числа с публичного аукциона".^[588] Здесь приводится полный текст решения:

"В Палате представителей, 13 сентября 1776 года:

"Принимая во внимание, что Палата достоверно информирована о том, что два негра, недавно доставленные в этот штат как пленники, захваченные в открытом море, объявлены к продаже в Салеме, 17-го числа, с публичного аукциона,

"*Решено*, что продажа и порабощение человеческого рода является прямым нарушением естественных прав, одинаково данных всем людям их Создателем, и совершенно несовместимо с провозглашенными принципами, на которых этот и другие Соединенные Штаты вели свою борьбу за свободу вплоть до последнего призыва, и поэтому, всем лицам, связанным с упомянутыми неграми, запрещается и настоящим запрещается продавать их или каким-либо образом обращаться с ними иначе, чем это уже предписано для обращения с военнопленными, взятыми на том же судне, или другими лицами, находящимися в подобном положении, а если какая-либо продажа упомянутых негров будет осуществлена, то она объявляется недействительной.

"Направляется для согласования.

"Сэм^л. Фримен, *спикер*, П.Т.

"В Совете, 14 сентября 1776 года. Прочитано и одобрено, как принятое в новом проекте. Отправлен вниз для согласования.

"Джон Эвери, *дп. Secy*.

"В Палате представителей, 14 сентября 1776 года. Прочитан и не принят, и палата придерживается своего собственного голосования. Отправлен на согласование.

"Дж. Уоррен, *спикер*.

"В Совете, 16 сентября 1776 года. Прочитано и одобрено в новой редакции. Отправлено вниз для согласия.

"Джон Эвери, *дп. Secy*.

"В Палате представителей, 16 сентября 1779 года. Прочитано и принято.

"Дж. Уоррен, *спикер*.

"Согласен.

"Джер. Пауэлл, Джабез Фишер,

W. Север, В. Уайт,

В. Гринлиф, Мозес Гилл,

Калед Кушинг, Дэн'л Хопкинс,
В. Чедборн, Бендж. Остин,
Джон Уэткомб, Вм. Филлипс,
Элдад Тейлор, Д. Сьюолл,
S. Холтен, Дэн'л Хопкинс".

В журнале Палаты представителей, стр. 106, содержится следующая запись

"Дэвид Сьюолл, эсквайр, принес резолюцию, принятую вчера Палатой, запрещающую продажу двух негров, со следующим голосованием Совета по этому поводу, т. е. в Совете, 14 сентября 1776 года. Прочитано и одобрено, как принятое в новой редакции. Отправлено вниз для согласования. Прочитано и не принято, и Палата придерживается своего собственного голосования. Отправлено вверх для согласия".

Резолюция в ее первоначальном виде прошла через утомительные дебаты, не была принята Палатой, была повторно рассмотрена, переработана и отправлена обратно, после чего была принята.

"LXXXIII. Резолюция, запрещающая продажу двух негров, доставленных в качестве пленников; принята 14 [16] сентября 1776 года.

"Принимая во внимание, что этот суд достоверно информирован о том, что два негра, недавно захваченные в открытом море на борту шлюпа "Ганнибал" и доставленные в этот штат в качестве заключенных, объявлены к продаже в Салеме 17-го числа на публичном аукционе:

"Решено, что всем лицам, имеющим отношение к указанным неграм, запрещается и настоящим запрещается продавать их или каким-либо образом обращаться с ними иначе, чем это уже предписано для обращения с заключенными, взятыми подобным образом; И если будет произведена какая-либо продажа указанных негров, то она объявляется недействительной, и что всякий раз, когда окажется, что какие-либо негры будут взяты в открытом море и доставлены в качестве заключенных в этот штат, их нельзя будет ни продавать, ни обращаться с ними иначе, чем предписано обращаться с заключенными, взятыми таким же образом."[\[589\]](#)

Это выглядело как новая решимость. Ярко выраженные и передовые настроения в пользу равных прав всех созданных существ были убраны, и теперь это выглядело как военная мера, оправданная военной политикой. Это единственная чаша, которую самые благочестивые друзья Массачусетса могут сплести из ее действий по негритянской проблеме в колониальный период, чтобы возложить на ее чело. Она привлекла широкое и заслуженное внимание.

В течение следующего месяца, 14 октября 1776 года, Континентальный конгресс назначил специальный комитет, состоящий из господ Ли, Уилсона и Холла, "для рассмотрения вопроса о том, что делать с неграми, захваченными на военных судах, находящихся на службе Соединенных Штатов". Здесь требовалось решить глубокую юридическую проблему. Согласно древним обычаям и законам, рабы появлялись как кровавая логика войны. Война между народами должна была быть международной; но хотя эта истина сохранялась на протяжении многих веков, превращение северных народов Европы в организованное общество значительно изменило старую доктрину рабства. Под просветляющим влиянием современного международного права военные пленники не могли быть обращены в

рабство.[590] Эта доктрина, несомненно, была хорошо понята в североамериканских колониях, как и в Европе. Но почти всеобщая доктрина собственности на негра и его статус в судах колоний давали королевской армии огромное преимущество в присвоении негритянских пленников под предлогом того, что они являются "собственностью" и, следовательно, законными "военными трофеями"; в то время как со стороны колонистов заявить, что захваченные негры имеют право на обращение с "военнопленными", означало отменить принцип права, столь же старый, как и их правительство. По сути, это был отказ от права собственности на негра. Это было признание его прав как солдата, дарование наивысших милостей, известных в обращении с военнопленными.[591] Но на пути к этому стояла еще одна трудность. Рабство было признано в памятниках самых отдаленных народов. Это состояние было неизбежно в истории всех народов, но нигде не рассматривалось как отношение местного характера. Оно выросло в социальных договорах, в организованных сообществах людей, в великих и могущественных государствах. Оно было признано в международном частном праве; отношения хозяина и раба охранялись в их *местной среде обитания* и уважались везде, где бы они ни встречались.[592] И эти отношения, эта собственность на человека, не прекращались из-за того, что раб искал другую нацию, ибо они признавались во всех коммерческих сделках наций. Исходя из этого принципа, колонисты могли заявить о своем праве на собственность в отношении захваченных рабов.

Конфедерация новых государств была заключена 1 марта 1781 года. Ст. IX. давала "Соединенным Штатам в собрании Конгресса" исключительное право принимать законы, регулирующие распоряжение всеми захватами, сделанными на суше или на воде; решать, какие из них являются законными; как должны присваиваться призы, взятые сухопутными или военно-морскими силами правительства, и право учреждать суды компетентной юрисдикции в таких случаях и т. д. Первым законодательным актом по этой статье стал Акт о создании апелляционного суда от 4 июня 1781 года. Он обсуждался 25 июня, а затем 17 июля, занял много времени, но был возвращен на повторное рассмотрение. Комитету было поручено подготовить постановление, регулирующее разбирательство адмиралтейских дел в нескольких штатах в случаях захвата кораблей; кодифицировать все резолюции и законы по этому вопросу; и обратиться к штатам с просьбой принять такие положения, которые будут гармонизировать с оставленными правами Конгресса в таких случаях, как указано в Девятой статье. Соответственно, 21 сентября 1781 года комитет доложил Конгрессу о результатах своей работы в билле о захватах. По вопросу о согласии со следующим разделом, "за" и "против" высказался мистер Мэтьюс из Южной Каролины

"При захвате гражданином любого негра, мулата, индейца или другого лица, от которого *другой гражданин* на законных основаниях требует труда или службы, истцу присуждается конкретная реституция, независимо от того, был ли первоначальный захват произведен на суше или на воде, причем истец выплачивает захватчику разумную компенсацию, не превышающую одной четвертой части стоимости такого труда или службы, которая должна быть оценена в соответствии с законами штата, *гражданином которого является истец*: Но если служба такого негра, мулата, индейца или другого лица, захваченного ниже отметки высокой воды, не будет законно востребована *гражданином этих Соединенных Штатов*, то он будет отпущен на свободу."

Делегаты от Северной Каролины, Делавэра, Нью-Джерси и Коннектикута воздержались от голосования; Южная Каролина проголосовала отрицательно, но законопроект был принят двадцатью семью голосами "за" при двух "против". После бурных дебатов,

продолжавшихся несколько дней, и принятия нескольких поправок, 4 декабря 1781 года он, наконец, был принят в следующей редакции:-

"При захвате гражданином любого негра, мулата, индейца или другого лица, от которого *штат или гражданин штата* законно требует работы или службы, в пользу истца должна быть присуждена конкретная реституция, независимо от того, был ли первоначальный захват произведен на суше или на воде, *и без учета времени владения врагом*, причем истец выплачивает захватчику разумную компенсацию, не превышающую 1-4 часть стоимости такого труда или службы, которая должна быть оценена в соответствии с законами государства, *на основании которых предъявляется иск*.

"Но если служба такого негра, мулата, индейца или другого лица, захваченного ниже отметки высокой воды, не будет законно востребована *в течение года и одного дня с момента вынесения приговора суда*, то он будет отпущен на свободу."

Следует обратить внимание на то, что вышеупомянутый закон касается только случаев *возвращения в плен*. Было бы интересно узнать, какого мнения придерживался комитет в отношении рабов, захваченных министерской армией. Об этой интересной особенности дела ничего не было сказано. Почему Конгресс не потребовал надлежащего обращения с рабами, захваченными врагом на службе у Соединенных колоний, неизвестно. Несомненно, его лидеры понимали, к чему приведет логика такой позиции. Слово "другой" было исключено из первоначального варианта меры, а в принятом варианте оно было изменено на "*штат или гражданин*", как будто опасались, что по косвенным признакам негр будет признан *гражданином*.

В прокламации сэра Генри Клинтона, уже упомянутой в предыдущей главе, неграм угрожала продажа за "государственную службу"; а мистер Джефферсон в своем письме мистеру Гордону (см. предыдущую главу) говорит, что враг продавал негров, захваченных в Виргинии, в Вест-Индию. После взятия Стоуни-Пойнта генералом Уэйном, по поводу двух негров, попавших в его руки, он написал лейтенанту-командору Мейгсу из Нью-Виндзора 25 июля 1779 года следующее:-...

"Желание офицеров освободить трех негров после нескольких лет службы встречает мое самое сердечное одобрение, но поскольку война или другие обстоятельства могут помешать офицеру [владельцу] выполнить намерение офицеров, будет правильно, если покупатель или покупатели подпишут условие в книге порядка.

"... Я бы с радостью присоединился к ним в их немедленном освобождении от наказания - если несколько дней не будут иметь существенного значения, я бы хотел, чтобы продажа была отложена до тех пор, пока не будет проведена консультация и не будет получено мнение офицеров по этому вопросу".[\[593\]](#)

В июне 1779 года испанский корабль под названием "Виктория" отплыл из Чарльстона (штат Северная Каролина) в Кадис. Во время первой части плавания его сбил британский капер, но вместо того, чтобы захватить, он схватил нападавшего и обнаружил на борту тридцать четыре негра, которых английское судно увезло с плантаций в Южной Каролине. Испанцы взяли негров на борт своего корабля, вывели из строя английское судно, а затем отпустили его. Через несколько дней оно было захвачено двумя британскими писчими марками и

направилось в Нью-Йорк. Во время перехода туда она была повторно захвачена "Хазардом" и "Тираннисидом", вооруженными судами на службе Массачусетса, и отведена в порт Бостона. По распоряжению Военного совета он был передан в распоряжение капитана Джонсона и разгружен 21 июня. Военный совет сообщил Законодательному собранию, что в штате было тридцать четыре негра, "захваченных в открытом море и доставленных в штат". 23 июня [1780 года] Законодательное собрание приказало "генералу Ловеллу, капитану Адамсу и мистеру Крэнчу создать комитет для рассмотрения вопроса о том, что следует сделать с неграми, доставленными в порт на призовом судне под названием "Леди Гейдж" ([594] Lady Gage)". [595] 24 июня "комитет, назначенный для рассмотрения состояния и обстоятельств нескольких негров, недавно доставленных в порт Бостона, принял решение, предписывающее Военному совету проинформировать наших делегатов в Конгрессе о состоянии дел с ними, поместить их в казармы на Касл-Айленде, обеспечить их питанием и работой". [596] Решение прошло без возражений.

"CLXXX. Резолюция по представлению Военного совета относительно нескольких негров, захваченных и привезенных в этот штат. Принято 24 июня 1779 года.

"По представлению, сделанному этому суду Военным советом относительно нескольких негров, доставленных в Бостонский порт на борту призового корабля "Виктория":

"*Постановили*, что Военному совету предписывается немедленно направить письмо нашим делегатам в Конгрессе, информируя их о положении дел с указанными неграми, с просьбой передать информацию об этом делегатам от штата *Южная Каролина*, чтобы были приняты надлежащие меры для возвращения указанных негров в соответствии с их желанием.

"И далее *постановляется*, что Военному совету предписывается поместить указанных негров в казармы на острове Касл в Бостонской гавани и снабдить их таким провиантом и одеждой, которые будут необходимы для их комфортного содержания, отдав их под опеку и руководство какого-нибудь благоразумного человека или людей, чьим делом будет следить за тем, чтобы трудоспособные мужчины могли быть с пользой заняты во время их пребывания на строительстве укреплений на указанном острове или в других местах в пределах указанной гавани; и чтобы женщины были заняты в соответствии с их способностями в приготовлении пищи, стирке и т.д. И чтобы указанный Военный совет вел точный отчет о своих расходах на содержание указанных негров". [597]

Негры были доставлены Томасу Ноксу 28 июня и перевезены "на остров Касл-Айленд, пр. Приказ суда". Военный совет утвердил паек для "34 доставленных негров". Лейтенант-командор Пол Ревир получил указание "выдавать неграм на Касл-Айленде по 1 фунту говядины и 1 фунту риса в день". Следующее письмо не лишено интереса: "Военное министерство, 28 июня 1717 г.

"Военное министерство, 28 июня 1779 года.

"Подполковник Ревир,

"В соответствии с решением суда мы отправляем на остров Касл и передаем под вашу опеку следующих негров, а именно:

[19] мужчин,

[10] женщин,

[5] детей,

недавно доставленных в этот порт на захваченном испанцами корабле "Виктория". Мужчины должны быть заняты на укреплениях там или в других местах гавани, самым полезным образом, а женщины и дети, в соответствии с их способностями, в приготовлении пищи, стирке и т.д. Им полагается на пропитание по одному фунту говядины и фунту риса в день каждому, которые комиссар Солсбери предоставит по вашему приказу, и так будет продолжаться до наших дальнейших распоряжений.

"По приказу правления".

В соответствии с распоряжением Законодательного собрания, принятым 24 июня, президент Военного совета Сэмюэл П. Сэвидж написал письмо делегатам Массачусетса в Конгрессе, датированное "War Office June 29th 1779", в котором обращал внимание на вновь захваченных негров. В конце письма говорилось следующее.

"Мы не сомневаемся, что вы примете все необходимые меры для скорейшего освобождения этих людей, чтобы сэкономить как можно больше средств для тех, кто называет себя их владельцами".

Писатель постарался перечислить в своем письме всех рабов, которых ему удалось найти.

"5 мужчин 4 женщины 4 мальчика 1 девочка, принадлежащие мистеру Вм. Врайну.

"9 мужчин 1 женщина, принадлежащие мистеру Энтони Поули. "1 мужчина, принадлежащий мистеру Томасу Тодду.

"2 мужчины 3 женщины, принадлежащие мистеру Генри Льюису.

"2 мужчины 2 женщины принадлежат мистеру Уильяму Поули.

"Один из негров - пожилой разумный человек, называет себя Джеймсом и говорит, что он свободен, в истинности чего у нас нет причин сомневаться. Он также говорит, что его вместе с остальными неграми увезли из места под названием Джорджтаун".[598]

В ожидании действий *законных* владельцев этих пленников совет поручил коменданту Касл-Айленда, полковнику Полу Ревире, разместить в разных городах часть негров для службы, понимая, что они должны быть доставлены властям по их приказу. Некоторые из них были переданы джентльменам, которые хотели получить их в качестве слуг. Но осенью 1779 года довольно много негров все еще оставалось на острове, о чем можно судить по следующему трогательному письму:.

"Бостон, октябрь. 12. 1779. Возвращение негров с острова Касл, а именно:

"НЕГРЫ-МУЖЧИНЫ.

"1. АНТОНИЙ. 6. БОББ. 11. ИЮНЬ.

2. ПАРТРИК. 7. АНТОНЕЙ. 12. РОДИК.

3. ПАДДЕ. 8. АДАМ. 13. ДЖЕК.

4. ИСААК. 9. ДЖЕК. 14. ФУЛЛЕР.

5. КУАШ. 10. ГЬЕ. 15. ЛЕВИС.

"Все вышеперечисленные мужчины - крепкие парни.

"НЕГРИТЯНСКИЕ ПАРНИ".

"№ 1. УМНЫЙ.

2. РИЧАРД.

"Мальчики очень маленькие.

"НЕГРИТЯНКИ.

НЕГРО ДЕВУШКИ.

"№ 1. КИТТЕЙ.

NO. 1. ЛИСЕТТ.

2. ЛЮСИ.

2. SALLY

3. МИЛЛИ.

3. МЕРСИ.

4. ЛАНДЕР.

"Довольно крупный.

Довольно крепкий.

"Джентльмены.

"Положение этих негров плачевно в отношении одежды".

"Я, генерал

"Ваш покорный слуга. Слуга

"Джон Хэнкок. [599]

"12 октября 1779 года".

Тем временем некоторые из предполагаемых владельцев негров на Касл-Айленде прибыли из Чарльстона, штат Северная Каролина, чтобы завладеть их собственностью. Прибыв в Бостон, они заручились услугами Джона Кодмана, Айзека Смита и Уильяма Смита, которые 15 ноября 1779 года обратились в Совет с ходатайством о "возвращении" рабов, захваченных британским капером и возвращенных двумя вооруженными судами Массачусетса. Был назначен комитет, который должен был рассмотреть петиции и сообщить, какие действия следует предпринять в этом вопросе. Через два дня в Совет поступило еще одно прошение от некоего Джона Уинтропа, который "просил выдать ему негров, привезенных в этот штат кораблями "Хазард" и "Тираннисид"". Оно было передано в комитет, назначенный на 15 ноября. 18 ноября "Джабез Фишер, эсквайр, представил отчет комитета обеих палат по петиции Айзека Смита, в котором в виде резолюции предписывалось Военному совету доставить столько негров, о которых в ней говорится, сколько их осталось в живых. Принято в Совете и отправлено на согласование". Приказ Палаты: "Прочитан и одобрен, как принятый в новой редакции. Отправлен на согласование".

Напечатано среди постановлений ноября 1779 года.

"XXXI. Резолюция об отказе штата от притязаний на некоторое количество негров, принятая 18 ноября 1779 года.

"Принимая во внимание, что несколько негров были повторно захвачены и привезены в этот штат вооруженными судами "Хазард" и "Тираннисид", и с тех пор содержались за счет этого штата, и поскольку первоначальные владельцы указанных негров теперь претендуют на них:

"Поэтому *постановляется*, что настоящим суд отказывается от любых требований, которые они могут иметь к указанным владельцам за повторный захват указанных

негров: при условии, что они оплатят Военному совету этого штата расходы, возникшие на содержание и одежду вышеупомянутых негров".[600]

12 апреля 1780 года Массачусетс принял закон, более эффективно обеспечивающий "безопасность, содержание и обмен военнопленных, привезенных в штат". Он провозглашает, что

"Все военнопленные, захваченные армией или флотом Соединенных Штатов, или вооруженными кораблями или судами любого из Соединенных Штатов, или подданными, войсками, кораблями или судами этого штата, и доставленные в этот штат, или выброшенные на берег в результате кораблекрушения на его побережье.....все такие пленные, доставленные или выброшенные на берег (включая индейцев, негров и Molatoes), должны рассматриваться во всех отношениях как военнопленные Соединенных Штатов, несмотря на любой закон или постановление этого суда об обратном".[601]

Вышеупомянутый закон был принят в соответствии с резолюцией Конгресса от 13 января 1780 года; он отменил закон 1777 года, в котором не было положений о захвате негров.

23 января 1784 года губернатор Хэнкок направил послание Законодательному собранию, в котором передал корреспонденцию, полученную за время перерыва в работе Законодательного собрания с 28 октября 1783 года по 21 января 1784 года. Обращая внимание Законодательного собрания на эту корреспонденцию, он ссылаясь на письмо от "Его Превосходительства губернатора Южной Каролины, касающееся задержания здесь некоторых негров, принадлежащих подданным этого штата. Я ознакомил с ним судей Верховного судебного суда - их замечания по нему находятся в газете. Я не стал отвечать на письмо, решив, что лучше получить ваше решение по нему".[602] Эти же документы в тот же день были зачитаны в Сенате, и был назначен совместный комитет обеих палат. Комитет отчитался перед обеими ветвями законодательного собрания 23 марта 1784 года, и отчет был принят. Губернатору было предложено предоставить копии мнений судей и т. д.

"CLXXI. Приказ о том, чтобы губернатор написал губернатору *Южной Каролины Герарду*, приложив к письму письмо судей Верховного судебного суда от 23 марта 1784 года.

"*Приказано* просить его превосходительство губернатора написать его превосходительству *Бенджамину Герарду*, губернатору *Южной Каролины*, приложив для сведения губернатора Герарда письмо судей Верховного судебного суда этого Содружества с упомянутой копией по поводу письма губернатора *Герарда* от шестого октября 1783 года".

Упомянутые документы, по-видимому, были утеряны, но мы приводим выдержки из них

"Губернатор Герард губернатору Хэнкоку, 6 октября 1783 года.

Выдержка. "Что такое принятие скорее способствует тирании Великобритании, из-за которой она потеряла эти штаты - что ни один акт британской тирании не может превзойти поощрение негров из штата, владеющего ими, дезертировать от своих владельцев, чтобы быть освобожденными - что это кажется произволом и доминированием судебного департамента любого одного штата, чтобы предотвратить восстановление, проголосованное законодательным органом и постановленное Конгрессом. Что освобождение наших негров раскрывает образец пуританства, которого я не ожидал от джентльменов моей профессии".

Меморандум. "Он потребовал беглецов, унесенных англичанами, захваченных северянами и не выданных благодаря вмешательству судебной власти". Губернатор Хэнкок передал этот вопрос на рассмотрение судей".

"Судьи Кушинг и Сарджент губернатору Хэнкоку, Бостон, 20 декабря 1783 года.

Выдержка. "Каким образом это определение является посягательством на дух, свободу, достоинство, независимость и суверенитет Южной Каролины, мы не можем себе представить. То, что это имеет какую-либо связь или отношение к пуританизму, мы считаем выше понимания Вашего Превосходительства, как и нашего. Мы должны искренне сожалеть о том, что делаем что-либо несовместимое с Союзом Штатов, который является и должен оставаться основой наших свобод и независимости; напротив, мы желаем, чтобы он был укреплен, подтвержден и существовал вечно".[603]

По мирному договору 1783 года негры были поставлены в одну категорию с лошадьми и другими предметами собственности.[604]

"Негры [говорит г-н Гамильтон], по законам государств, в которых разрешено рабство, являются личной собственностью. Поэтому, исходя из принципа этих законов, они, как и лошади, скот и другое движимое имущество, могли стать добычей и принадлежали врагу [захватчику], как только попадали в его руки. Принадлежа ему, он был волен либо использовать их в своих целях, либо отпустить на свободу. Если он делал последнее, то дарение было безвозвратным, реституция была невозможна. Ничто в законах народов или в законах Великобритании не разрешает возобновить свободу, однажды предоставленную человеку".[605]

6 мая 1783 года генерал Вашингтон написал сэру Гаю Карлетону

"В ходе нашего разговора на эту тему я с удивлением услышал, как вы упомянули, что уже состоялась высадка на берег, в ходе которой было увезено большое количество негров. Согласуется ли это поведение с договором или насколько оно может считаться его нарушением, решать не мне. Однако я не могу скрыть от вас, что, по моему личному мнению, эта мера полностью расходится с буквой и духом договора. Но, отказываясь от обсуждения этого вопроса и оставляя его решение на усмотрение наших соответствующих государей, я считаю своим долгом выразить готовность совместно с вашим превосходительством заключить любое соглашение или принять любые меры, которые могут быть сочтены целесообразными, чтобы предотвратить в будущем увоз любых негров или другой собственности американских жителей".[606]

В своем ответе, датированном Нью-Йорком 12 мая 1783 года, сэр Гай Карлетон говорит

"Прилагаю копию приказа, который я отдал, чтобы предотвратить увоз негров или другого имущества американских жителей".[607]

Совершенно очевидно, что, несмотря на закон законодательного собрания Массачусетса и вопреки закону Конгресса по вопросу о рекаптюрах, генерал Вашингтон, Конгресс Соединенных колоний, а затем и Соединенные Штаты с самого начала и до конца войны рассматривали негров как *собственность*. Следующие договоры служат убедительным доказательством того, что негры рассматривались американским правительством как *собственность* во время войны:...

"Временные статьи между Соединенными Штатами Америки и Его Британским Величеством.

"Согласованы между Ричардом Освальдом, эсквайром, уполномоченным Его Британского Величества, для заключения мира с уполномоченными Соединенных Штатов Америки от имени Его Величества, с одной стороны, и Джоном Адамсом, Бенджамином Франклином, Джоном Джеймсом и Генри Лоренсом, четырьмя уполномоченными указанных Штатов, и т.д., и т.п."

"Статья VII. * * * Все пленные с обеих сторон будут отпущены на свободу, и Его Британское Величество со всей возможной быстротой, не причиняя никаких разрушений и не уводя никаких *"негров или другого имущества"* американских жителей, выведет все свои армии, гарнизоны и флоты из указанных Соединенных Штатов и из всех портов, мест и гаваней в их пределах.* * * *

"Совершено в Париже, 30 ноября 1782 года.

"Ричард Освальд, [л.с.]

"Джон Адамс, [л.с.]

"Б. Франклин", [л.с.]

"Джон Джей, [л.с.]

"Генри Лоренс, [л.с.]"[\[608\]](#)

"Определенный договор о мире между Соединенными Штатами Америки и Его Британским Величеством.

"Статья VII. * * * И Его Британское Величество со всей удобной быстротой, не причиняя никаких разрушений и не унося никаких *"негров или другого имущества"* американских жителей, выведет все свои армии и т.д., и т.д., и т.д.* * * *.

"Совершено в Париже, 3 сентября 1783 года.

Д Хартли". [л.с.]

"Джон Адамс", [л.с.]

"Б. Франклин", [л.с.]

"Джон Джей, [л.с.]"[\[609\]](#)

"Договор о мире и дружбе между его британским величеством и соединенными штатами америки,

"[Ратифицирован и подтвержден по совету и с согласия Сената, 11 февраля 1815 года].

"Статья I. * * * Будет восстановлена без промедления, не причиняя никаких разрушений и не унося с собой ни артиллерии, ни другого государственного имущества, первоначально захваченного в указанных фортах или местах, и которое останется там после обмена ратификациями настоящего договора, ни *рабов, ни другого частного имущества"*. * * * *

"Совершено в трех экземплярах в Генте 24 декабря 1814 года.

"Гамбиер, [л.с.]

"Генри Гоулберн, [л.с.]

"Уильям Адамс, [л.с.]

"Джон Оуинси Адамс, [л.с.]

"Дж. А. Байард", [л.с.]

"Н. Клей, [л.с.]

"Джона. Рассел, [л.с.]

"Альберт Галлатин. [л.с.]".[\[610\]](#)

Не было ничего сложного в том, чтобы вернуть негров, захваченных врагом, и затем обращаться с ними как с военнопленными. Но ни у одного офицера американской армии, ни у одного члена Конгресса не хватило морального мужества заявить, что собственность прекращается в человеке в тот момент, когда он надевает форму солдата революции, и что со всеми солдатами-неграми, захваченными врагом, следует обращаться как с военнопленными. Таким образом, на протяжении всей войны с Британией негр-солдат мог быть востребован как собственность, и каждый штык в армии был под рукой хозяина, чтобы защитить свою собственность, даже если она была временно превращена в героического солдата, защищавшего страну от врагов. Предстояло увидеть беспрецедентное зрелище: хозяин охотится на своих рабов под государственным флагом. И по окончании военных действий многие негры-солдаты были призваны вернуться на службу к своим хозяевам; лишь немногие получили свободу в награду за свою доблесть. Следующее письмо генерала Вашингтона, адресованное бригадному генералу. Руфусу Патнэму, впоследствии напечатанное в Мариетте, штат О., из его бумаг, показывает, как отец своей страны относился к правам хозяина, хотя эти права были вытеснены в лагерь армии, где находилось много храбрых негров; а также иллюстрирует юридическую силу такого требования: - "Head Quarters Feb.

"Главный штаб, 2 февраля 1783 года.

"Сэр, - мистер Хобби заявил, что его собственностью является негр, служащий сейчас в Массачусетском полку, вы изволите распорядиться о проведении следственного суда, состоящего из пяти уважаемых офицеров, какие только найдутся в вашей бригаде, для изучения обоснованности претензий, способа поступления данного человека на службу и правомерности его увольнения или оставления на службе. Изучив этот вопрос со всеми сопутствующими обстоятельствами, они сообщат вам свое мнение по нему; которое вы сообщите мне, как только это будет удобно".

"С глубоким уважением, сэр,

"Ваш покорнейший слуга,

"Г. Вашингтон.

"Постскриптум - Всем заинтересованным лицам следует сообщить о своем присутствии.

"Бригадный генерал. Путнам".

Зачисление в армию не привело к практической эмансипации рабов, как считали некоторые. Негры считались движимым имуществом в обеих армиях и в обоих правительствах на протяжении всей войны. Это холодный факт истории, и его неприятно

осознавать. Негр занимал аномальное положение американского раба и американского солдата. Он был солдатом в час опасности, но рабом в мирное время.

ССЫЛКИ:

[588] Фелт пишет в "Истории Салема", том ii. стр. 278: "17 сентября [1776 года]. В этот день два раба, взятые на борт приза, должны были быть проданы здесь; но Генеральный суд запретил продажу и приказал обращаться с такими пленниками, как со всеми остальными".

[589] Resolves, p. 14. Цитируется д-ром Муром по оригинальным документам.

[590] Мистер Мотли, "Возникновение Голландской республики", т. i. с. 151, говорит, что в XVI веке в войнах между европейскими государствами захватчик имел право собственности на пленника, которое можно было уступить.

[591] Law of Fiefdom and Bondage, vol. i. p. 158.

[592] Мистер Херд говорит: "Приписывая рабство праву наций, очень распространенной ошибкой является использование этого термина не в смысле универсальной юриспруденции - римского *jus gentium* - а в современном смысле международного публичного права, и приведение в качестве иллюстрации обычая порабощения военнопленных: как будто правовое положение других рабов, которые никогда не были захвачены на войне, не было в равной степени *jure gentium* в соответствии с римской юриспруденцией" См. Вебстера, речь 7 марта 1830 г.; Works, vol. v. p. 329.

[593] Dawson's Stony Point, pp. 111, 118.

[594] Доктор Мур считает, что это неправильное название. Решение доказывает это.

[595] House Journal, p. 60.

[596] Там же, с. 63, 64.

[597] Резолюции, с. 51.

[598] Macca. Archives, vol. cli., pp. 202-294.

[599] Неутомимый доктор Джордж Х. Мур скопировал письмо с оригинальной рукописи. Части, выделенные курсивом, написаны рукой Хэнкока. Я был обязан моему другу доктору Муру".

[600] Resolves, p. 131.

[601] Законы, 1780, глава v. стр. 283, 284.

[602] Journal, vol. iv. pp. 308, 309.

[603] Из MSS мистера Бэнкрофта, Америка, 1783, том ii. Цитируется доктором Муром.

[604] Sparks's Washington, vol. viii. p. 428, note.

[605] Works of Hamilton, vol. vii. p. 191.

[606] Sparks's Washington, vol. viii. pp. 431, 432.

[607] Sparks's Washington, vol. viii, Appendix, p. 544.

[608] U.S. Statutes at large, vol. viii, pp. 54, 57.

[609] Там же, стр. 80, 83.

[610] U.S. Statutes at large, vol. viii. p. 218.

ГЛАВА XXIX.

НЕГРИТЯНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ.- БАННЕКЕР-АСТРОНОМ.[611] .- ФУЛЛЕР-МАТЕМАТИК.-ДЕРХЕМ-ВРАЧ.

Законодательный запрет на образование негров.- Бенджамин Баннекер, негритянский астроном и философ.- Его предшественники- Молодой Баннекер как фермер и изобретатель- Мельницы Элликотта и Ко.-Баннекер развивает свой механический гений и математические вкусы.-Первый расчет затмения, представленный Баннекером на проверку в 1789 году.-Его письмо мистеру Элликотту.-Свидетельство личного знакомого Баннекера о его благородном характере.-Его дом становится местом, интересным для посетителей.-Запись его деловых операций.-Визит к нему миссис Мейсон.-Она обращается к нему в стихах.-Баннекер отвечает ей письмом.-Подготавливает свой первый альманах для публикации в 1792 году.-Название альманаха-Письмо Баннекера Томасу Джефферсону.-Ответ Томаса Джефферсона.-Баннекер приглашен сопровождать комиссаров для прокладки линий округа Колумбия.-Привычки Баннекера в изучении небесных тел.-Минутное описание, данное его сестрам относительно распоряжения его личным имуществом после смерти.-Его смерть.-Рассмотрен как самый выдающийся негр своего времени.-Фуллер Математик, или "Виргинский Калькулятор".- Фуллер африканского происхождения, но был украден и продан в рабство в Виргинию.- Посещен людьми с образованием.-Он был признан выдающимся в манипулировании цифрами.- Его смерть.- Врач Дерхам.- Медицинская наука считается самым сложным занятием человека.- Ранняя жизнь Джеймса Дерхама.- Его знания в области медицины, как они были приобретены.- Он становится видным врачом в Новом Орлеане.- Доктор Раш рассказывает о беседе с ним.- Что негритянская раса произвела своим гением в Америке.

[Вернуться к оглавлению](#)

С того момента, как рабство закрепилось в Северной Америке, и до того страшного часа, когда оно распалось под ударами сражённого оружия, обучение было запретным плодом, который не смел вкусить ни один негр. Повсеместно положительные и четкие законы, как раскаленные мечи, отгоняли его голодного от древа интеллектуальной жизни; всем запрещалось срывать для него плоды под страхом суровых наказаний. На каждую жажду интеллектуальной пищи отвечали плетью и розгами.

Но, несмотря на состояние почти инстинктивного невежества, в котором рабство держало негра, были и те, кто время от времени поражал мир яркостью своего интеллектуального гения. Были и такие негры, чьи умы прошли через горнило общественного запрета с одной стороны и репрессивных законов с другой, и благополучно достигли выдающихся успехов в *астрономии, математике и медицине*.

АСТРОНОМ БАННЕКЕР.

Бенджамин Баннекер, негритянский *астроном и философ*, родился в Мэриленде 9 ноября 1731 года. Его бабушкой по материнской линии была белая женщина, уроженка Англии, по имени *Молли Уэлш*. Она прибыла в Мэриленд на корабле с белыми эмигрантами, которых, по

обычаю тех времен, продавали, чтобы оплатить проезд. Она верно служила своему хозяину в течение семи лет, когда, получив свободу, приобрела небольшую ферму за символическую цену. Вскоре после этого она купила двух негров-рабов с корабля, приплывшего в Чесапикский залив, и начала жизнь заново. Оба негра оказались людьми более чем обычными: верными, работающими и умными. Один из них, как говорили, был сыном африканского короля. Она дала ему свободу, а затем вышла за него замуж. Его звали Баннекер.^[612] От этого союза родилось четверо детей, но главный интерес представляет только один - девочка, которую называли Мэри. Следуя примеру своей матери, она также вышла замуж за выходца из Африки, но и традиция, и история хранят нерушимое молчание относительно его жизни, за тем лишь исключением, что, приняв христианскую религию, он был крещен "Робертом Баннекером", а запись о его смерти сохранилась в семейной Библии: *"Роберт Баннекер покинул эту жизнь, 10 июля 1759 года"*. Таким образом, очевидно, что он взял фамилию своей жены. Бенджамин Баннекер был единственным ребенком Роберта и Мэри Баннекер.

Юный Бенджамин был очень любим своей бабушкой, которая научила его читать. Она питала искреннюю любовь к Священному Писанию, которую не преминула привить юному сердцу своего внука. По соседству - в то время это было почти безлюдное место - находилась школа, в которой хозяин вместе с белыми детьми давал возможность нескольким цветным детям пользоваться его наставлениями. Это была "платная школа", и юного Баннекера отправили туда в самом раннем возрасте. Его усердие в учебе не имело себе равных. Когда другие ученики играли, он находил огромное удовольствие в своих книгах. Как долго он оставался в школе, неизвестно.

Его отец купил ферму некоего Ричарда Гиста, и здесь он провел остаток своих дней.

Когда молодой Баннекер достиг совершеннолетия, он уделил внимание различным интересам фермерской жизни. Он был трудолюбив, умен в работе, аккуратен в обращении с землей, развел ценный сад, бережно относился к скоту - лошадям, коровам и т. д., - и был действительно удобно устроен. В те периоды досуга, которые выпадают на долю земледельцев, он пополнял свой ум полезными знаниями. Начав с Библии, он читал историю, биографии, путешествия, романы и такие произведения общей литературы, которые ему удавалось одолжить. Его ум, казалось, с особым удовольствием обращался к математике, и он знакомился с самыми сложными проблемами.

У него был вкус и к механике. Он задумал сделать хронометр, часы, и примерно в 1770 году сконструировал их. С его несовершенными инструментами и без другой модели, кроме одолженных часов, ему стоило долгого и терпеливого труда довести их до совершенства, внести изменения, необходимые для того, чтобы они отбивали часы и производили правильное согласованное действие между часовым, минутным и секундным механизмами. Он признался, что регулярность хода часов, указывающая на ход времени, сполна вознаградила все его труды по их созданию.^[613]

В 1773 году компания Ellicott & Co. построила мукомольные мельницы в долине у берегов реки Патапско. Баннекер наблюдал за строительством мельниц, а когда механизмы были приведены в движение, с интересом наблюдал за ними, поскольку ему представилась великолепная возможность наблюдать новые принципы работы механизмов. Он много раз посещал мельницы, познакомился с их владельцами и до самой смерти находил в Элликоттах добрых и отзывчивых друзей.

Через некоторое время Элликотты построили магазин, в котором чуть позже открылось почтовое отделение. Сюда стекались фермеры и джентльмены на многие мили вокруг.

Баннекер часто заходил в почтовое отделение, где, преодолев природную скромность и рассеянность, его нередко вызывали на беседы на самые разные темы. Его разговорные способности, неисчерпаемый запас информации и широкая образованность (для тех времен и с учетом его обстоятельств) сделали его знатоком этого района. Иногда он в скромных выражениях рассказывал о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться, чтобы приобрести те знания о книгах, которые у него были, и о неудовлетворенном стремлении к дальнейшим знаниям. Его слава как математика уже устоялась, и с ростом возможностей коммуникации его достижения и успехи занимали мысли многих умных людей.

"К этому времени он стал большим специалистом в решении сложных математических задач, которые тогда, как и в нашем веке, были развлечением людей досуга, и их часто присылали ему ученые, живущие в разных частях нашей страны, желая проверить его способности. Сообщается, что в каждом случае он добивался успеха, а иногда вместе с ответами ему возвращались вопросы собственного сочинения, переданные в рифмованной форме."

Следующий вопрос был задан мистеру Джорджу Элликотту и решен Бенджамином Халлоуэллом из Александрии.

"Купер и виноградарь сели за стол для беседы,
Оба они были в таком состоянии, что не могли идти,
Говорит Купер винтарю: "Я первый в своем деле,
Нет ни одного сосуда, кроме того, что я сделал,
И любой формы, сэр, - как вам угодно, -
И любого размера, сэр, - от тонны до гилля!
"Тогда, - говорит виноградарь, - ты мне подходишь.
Сделайте мне сосуд, если мы сможем договориться.
Диаметр верха и дна определите,
Чтобы пропорция была пятнадцать к девяти;
Тридцать пять дюймов - это как раз то, что я хочу,
Ни больше, ни меньше, в глубину, я не возьму;
Только тридцать девять галлонов должен вмещать этот сосуд.
Тогда я вознагражу вас серебром или золотом.
Дай мне свое обещание, мой честный старый друг?
"Я сделаю его завтра, можете не сомневаться!
Так что на следующий день Купер приступил к работе,
Вскоре он сделал новое судно, но сделал его слишком большим.
Он убрал несколько шестов, и оно стало слишком маленьким,
А потом проклял сосуд, винодела и всех остальных.
Он бил себя в грудь: "Силы!" - клялся он,
И никогда больше не будет работать по своему ремеслу!
Теперь, мой достойный друг, узнай, если сможешь,
размеры судна и утешьте человека!"

"Бенджамин Баннекер.

Большой диаметр ванны Баннекера должен составлять 24,746 дюйма, а меньший - 14,8476 дюйма.

Джентльмен, который часто встречал его на мельницах Элликотта, описал его как "смуглого человека, среднего роста, с необычайно мягкими и джентльменскими манерами и приятным разговорным языком".

К счастью, мистер Джордж Элликотт был джентльменом с изысканным литературным вкусом и критическим суждением. Он обнаружил в Баннекере элементы культурного джентльмена и глубокого ученого. Он открыл свою библиотеку для этого замечательного негра, нагрузил его книгами и астрономическими приборами и дал ему решительные заверения в симпатии и поддержке. Время от времени он навещал Баннекера, убеждая его в важности астрономических расчетов для альманахов. Наконец, весной 1789 года Баннекер представил мистеру Элликотту свою первую проекцию затмения. В ней была обнаружена небольшая ошибка, и, любезно указав на нее, мистер Элликотт получил от Баннекера следующий ответ

ПИСЬМО БЕНДЖАМИНА БАННЕКЕРА ДЖОРДЖУ ЭЛЛИКОТТУ.

"Сэр, - я получил ваше письмо из рук Белла, но не нашел ничего странного в письме о количестве затмений, так как, по мнению авторов, край ручки только касается конечности Солнца в этом затмении, что я оставил вне числа - которое произойдет 14 апреля, в 37 минут седьмого утра, и является первым, которое мы будем иметь; Но поскольку вы мне написали, я нарисовал уравнения узла, который вызовет небольшое солнечное поражение, но поскольку я не собирался публиковать, я не был столь щепетилен, как должен был бы, а больше стремился к истинному методу проецирования; Солнечные затмения - для нас легко, когда перед нами лежит диаграмма, нарисовать ее по подобию, но для молодых тирольцев в астрономии, когда перед ним лежат только элементы для проекции, нарисовать свою диаграмму с любой степенью определенности - дело нелегкое.

"По словам ученого Лидбеттера, проекция, которую я здесь опишу, - это проекция, упомянутая г-ном Фламстедом. Когда солнце находится в Раке, Льве, Деве, Весах, Скорпионе или Стрельце, оси глобуса должны лежать по правую руку от осей эклиптики, но когда солнце находится в Козероге, Водолее, Рыбах, Овне, Тельце или Близнецах, то по левую.

"По словам мудрого автора Фергюсона, когда Солнце находится в Козероге, Водолее, Рыбах, Овне, Тельце и Близнецах, северная половина земной оси лежит по правую руку от оси Эклиптики и по левую руку, в то время как Солнце находится в остальных шести знаках".

"Итак, мистер Элликотт, два таких ученых джентльмена, как вышеупомянутые, один из которых находится в прямой оппозиции к другому, стагнируют молодых начинающих, но я надеюсь, что стагнация не будет долгой, для этого я наблюдаю, что Лидбеттер считает время на пути Вершины 1, 2, 3 и т.д. от правой руки к левой или от последующего к предшествующему, а Фергюсон на пути Вертекса считает время 1, 2, 3 и т.д. от левой руки к правой, согласно порядку чисел, так что то, что регулярно, должно компенсировать нерегулярность. Теперь, сэр, если я смогу преодолеть эту трудность, я сомневаюсь, что не смогу вычислить общий Альманах - сэр, не более

"Но оставайтесь вашим верным другом,

"Б. Баннекер.

"Мистер Джордж Элликотт, 13 октября 1789 года".

Его мать, активная, умная, небольшого роста мулатка с длинными черными волосами, оказывала на него нежное, но положительное влияние. Его характер, насколько известно, был без изъянов, за единственным исключением - он иногда употреблял крепкие спиртные напитки. Он слишком часто подчинялся всеобщей привычке того времени - светским попойкам. Спиртные напитки и вина стояли на столах и в буфетах лучших семей, и куда бы Баннекер ни пошел, он сталкивался с ними. Он почувствовал свою слабость в этом отношении и решил воздерживаться от употребления крепких напитков. Через некоторое время после возвращения из поездки в Вашингтон в компании с комиссарами, занимавшимися планировкой округа Колумбия, он рассказал друзьям, что во время всего отсутствия дома воздерживался от употребления спиртных напитков, добавив: "Я боялся доверять себе даже вино, чтобы оно не украло у меня то немногое, что у меня есть". На листе одного из его альманахов его собственным почерком написано следующее

"Дурное общение портит хорошие манеры, я надеюсь дожить до того времени, когда услышу, что хорошее общение исправляет "дурные манеры"".

Он справедливо оценивал свои силы. Он ненавидел пороки любого рода; и, хотя он не примыкал ни к одной церкви, он был глубоко привязан к *Обществу друзей*. Его часто можно было видеть в их доме собраний. Обычно он занимал заднюю скамью, где сидел с непокрытой головой, опираясь на свой посох, погруженный в глубокие размышления. Следующее письмо, адресованное мистеру Дж. Саурину Норрису, показывает, что характер у него был прямой.

"В 1800 году я начал работать в магазине Элликоттс-Миллс, где началось мое первое знакомство с Бенджаминем Баннекером. Он часто приходил в магазин, чтобы купить товары для собственного пользования; и, услышав его разговор, я всегда стремился подождать его. Сделав покупки, он обычно отправлялся в ту часть магазина, где имел привычку сидеть Джордж Элликотт, чтобы поговорить с ним о делах нашего правительства и других вопросах. Он был очень точен в разговоре и демонстрировал глубокие размышления. Его поведение, когда бы я его ни видел, казалось совершенно правильным и корректным, и он, казалось, был в курсе всех важных событий, происходивших в стране.

"Я помню, что видел его альманах в доме моего отца, и полагаю, что в то время это были единственные альманахи, которые использовались в округе. Когда я впервые увидел его, он был крупным мужчиной, склонным к полноте, и уже далеко немолодым; я помню, что однажды был у него дома, но не помню ничего об удобствах его заведения, ни о старых часах, о которых вы спрашивали. Он любил и умел решать заумные вопросы по арифметике. Помню, он принес в магазин задачу, которую сам составил и представил Джорджу Элликотту для решения. У меня была копия, которую я с тех пор потерял; но характер и манера поведения этого человека настолько отличались от всего, что я когда-либо видел от людей его цвета, что его вопрос произвел такое глубокое впечатление на мой разум, что я с тех пор прекрасно помню его, за исключением двух строк, которые не меняют смысла. Я помню, что Джордж Элликотт занимался составлением ответа, и сейчас не могу сказать, что ему это удалось, но не сомневаюсь, что он это сделал. Таким образом, я вкратце изложил вам свои воспоминания о Бенджамине Баннекере. Я был молод, когда он умер, и, несомненно, многие события, связанные с ним, за прошедшее время выветрились из моей памяти:

"Чарльз В. Дорси, из *Элкриджа*".

После смерти матери Баннекер жил один до самой смерти. Он никогда не был женат, его манеры были мягкими и привлекательными, его доброжелательность была общеизвестной. Его дом стал местом, представляющим большой интерес для посетителей, которых он всегда принимал радушно и гостеприимно угощал всех, кто к нему приходил.

"Мы нашли почтенного звездочета, - рассказывает автор "Мемуаров Сюзанны Мейсон", - под широко раскинувшимся грушевым деревом, усыпанным вкусными плодами; он вышел нам навстречу и пригласил в свое скромное жилище. Оно было построено из бревен, высотой в один этаж, и его окружал фруктовый сад. В одном из углов комнаты висели часы его собственной конструкции, *которые* были настоящим вестником уходящего времени. Он был внимателен как в мелочах жизни, так и в крупных делах. Он вел учет всех своих деловых операций, литературных и домашних. Следующие выдержки из его бухгалтерской книги свидетельствуют о его любви к деталям.

"Продал 2 апреля 1795 года компании "Баттлер, Эдвардс и Кидди" право на альманах на 1796 год за сумму 80 долларов, равную 30 фунтам стерлингов".

"30 апреля 1795 года одолжил Джону Форду пять долларов. £1 17s. 6d.

"12 декабря 1797 года купил фунт свечей по цене 1s. 8d.

"Продал Джону Коллинзу 2 qts. сушеных персиков по 6d. "1 кат. медовухи 4d.

"26 марта пришел Джошуа Сэнкс с 3 или 4 бушелями репы, чтобы накормить коров.

"13 апреля 1803 года посадил бобы и посеял капусту".

"Он взял с полки маленькую книжечку, в которой записывал имена тех, чьи визиты он считал особенно почетными, и записал в список имя моей матери; затем он неуверенно, но очень уважительно попросил ее принять один из его Альманахов в рукописи".

Через несколько дней после этого визита миссис Мейсон обратилась к нему с поэтическим письмом, которое попало в газеты секции и было прочитано всеми. Приведенные ниже фрагменты достаточны, чтобы показать характер этого излияния. Назидательные строки в конце, несомненно, относятся к его раннему пристрастию к крепким напиткам.

"Обращение к Бенджамину Баннекеру, африканскому астроному, который подарил автору рукописный альманах в 1796 году".

"Передано на крыльях славы,
Твой *эклат* звучит вместе с твоим именем,
Счастлив я, что мне выпал жребий
Увидеть тебя в твоей скромной койке.
Гений улыбнулся при рождении твоём,
И приложение вызвало его;
Что времена и приливы ты мог предвидеть,
И пересечь небесную сцену,
Где сияющих глобусов круги,
В быстром вращении вокруг солнца;
Мог бы сказать, как планеты в пути,

От порядка никогда не отступали.
Солнце, луна и звезды, когда они взойдут,
Когда опустятся под верхние небеса,
Когда затмение заслонит их свет,
И скроет их великолепие от наших глаз.

Некоторые мужчины, которых преследуют частные прогулки,
Которых слава никогда не выводила на чистую воду,
Могут бежать наперегонки, и лишь немногие наблюдают
Вправо или влево, если они свернут,
Их недостатки не будут видны,
за пределами их жизни в течение одного года.
Но ты, человек, вознесенный высоко,
Заметный в глазах всего мира,
Теперь твое имя занесено в книгу,
И будущие века о нем расскажут.
Жил человек по имени Баннекер,
Африканский астроном!
Тебе нужна особая забота,
Чтоб поведение твое с талантом сравнялось,
Чтоб никакой порок не омрачал,
не затмил твой блеск в наших глазах".

В течение следующего года Баннекер отправил своему хорошему другу миссис Мейсон следующее письмо.

"26 августа 1797 года.

"Дорогая подруга!

"Я думал о вас каждый день с тех пор, как видел вас в последний раз, и о своем обещании сочинить несколько стихов для вашего развлечения, но я очень нездоров, и с тех пор так и было. У меня постоянная боль в голове, сердцебиение в плоти, и, можно сказать, я страдаю от целого комплекса расстройств, о которых сейчас пишу, так что я не могу с удовольствием или радостью удовлетворить ваше любопытство в этой области в настоящее время, но я говорю, что моя воля добра, чтобы обязать вас, если бы это было в моей власти, потому что вы дали мне хороший совет и назидательный язык в той части поэзии, которую вы были рады представить мне, и я могу только любить и благодарить вас за то же самое; И если когда-либо в моих силах будет быть полезным вам в какой-либо мере, ваши разумные просьбы будут вооружены повиновением,

"Ваш искренний друг и доброжелатель,

"Бенджамин Баннекер.

"Миссис Сюзанна Мейсон.

"N.B. Вышеизложенное написано с трудом, дрожащими руками. Б.Б."

Используя таблицы Майера, "Астрономию" Фергюсона и "Лунные таблицы" Лидбитера, Баннекер добился замечательных успехов в своих астрономических исследованиях. Свой первый альманах он подготовил к публикации в 1792 году. Мистер Джеймс МакГенри сильно заинтересовался им и, убедившись в его таланте в этой области, написал письмо в фирму "Годдард и Энджелл", издатель альманахов в Балтиморе. Они стали единственными

издателями альманахов Баннекера до самой его смерти. В редакционной заметке к первому альманаху они пишут

"Они испытывают чувство удовлетворения от возможности представить публике через свою типографию то, что должно рассматриваться как необычайное усилие гения; полную и точную Эфемериду на 1792 год, рассчитанную потомком соболя из Африки" и т. д.

И далее они заявляют.

"Что они льстят себе, что филантропическая публика в эту просвещенную эпоху будет побуждена оказать покровительство и поддержку этой работе не только из-за ее внутренних достоинств (она получила одобрение нескольких самых выдающихся астрономов Америки, особенно знаменитого мистера Риттенхаус), но и по мотивам, сходным с теми, которые побудили редакторов отдать предпочтение этому расчету, - горячее желание извлечь скромные заслуги из безвестности и опровергнуть давно укоренившиеся нелиберальные предрассудки против чернокожих".

Название его альманаха приводится ниже в качестве исторического интереса.

"Альманах и эфемерида Бенджамина Баннекера для Пенсильвании, Делавэра, Виргинии и Мэриленда, на год нашего Господа 1792, который является биссекстильным или високосным годом, и шестнадцатый год американской независимости, начавшийся 4 июля 1776 года; содержащий движения Солнца и Луны, истинные места и аспекты планет, восход и заход Солнца, восход, заход и заход, место и возраст Луны, и т.д. Лунации, соединения, затмения, суждения о погоде, праздники и знаменательные дни".

Он, очевидно, читал "Записки о Виргинии" мистера Джефферсона; тронутый проявленными там гуманными чувствами, а также опечаленный высказанными сомнениями относительно интеллекта негра, Баннекер послал ему экземпляр своего первого альманаха, сопроводив его письмом, в котором отстаивал интересы своей расы и сам по себе опровергал обвинение в отсутствии у негра интеллектуальных результатов.

"Мэриленд, округ Балтимор, 19 августа 1791 года.

"Сэр,

"Я полностью осознаю величие свободы, которую я беру на себя с вами по настоящему случаю; свободы, которая казалась едва ли допустимой, когда я размышлял о том выдающемся и достойном положении, на котором вы стоите, и о почти всеобщем предубеждении, которое так распространено в мире против людей моего цвета кожи.

"Это истина, слишком хорошо подтвержденная, чтобы нуждаться в доказательствах, что мы - раса существ, долгое время страдавших от злоупотреблений и порицания мира; что на нас долгое время смотрели с презрением, считали скорее грубыми, чем людьми, и едва ли способными к умственным способностям.

"Я надеюсь, что могу смело признать, в связи с сообщением, которое дошло до меня, что вы человек, гораздо менее непреклонный в чувствах такого рода, чем многие другие, что вы в значительной степени дружелюбны и хорошо настроены по

отношению к нам; и что вы готовы оказать свою помощь и содействие для нашего облегчения от тех многочисленных бедствий и несчастий, на которые мы обречены.

"Если это основано на правде, я полагаю, что вы воспользуетесь любой возможностью, чтобы искоренить ту череду абсурдных и ложных идей и мнений, которые так часто преобладают по отношению к нам: И что ваши чувства совпадают с моими, которые заключаются в том, что один вселенский Отец дал существование всем нам; что Он не только создал нас всех из одной плоти, но и бесстрастно дал нам всем одинаковые ощущения и наделил нас одними и теми же способностями; и что как бы мы ни различались в обществе или религии, как бы ни отличались по положению или цвету кожи, мы все принадлежим к одной семье и находимся в одинаковом отношении к Нему.

"Если вы полностью убеждены в этих чувствах, вы не можете не признать, что неперенным долгом тех, кто поддерживает для себя права человеческой природы и исповедует обязательства христианства, является распространение своих сил и влияния на облегчение каждой части человеческой расы, от какого бы бремени или угнетения они ни страдали несправедливо: и к этому, я полагаю, должно привести всех полное убеждение в истинности и обязательности этих принципов.

"Я давно убежден, что если ваша любовь к себе и к тем неоценимым законам, которые сохранили для вас права человеческой природы, была основана на искренности, вы не могли не быть заинтересованы в том, чтобы каждый человек, какого бы ранга или различия он ни был, мог вместе с вами в равной степени пользоваться их благами; вы не могли бы успокоиться, если бы не прилагали самых активных усилий, чтобы вывести их из любого состояния деградации, в которое их могли низвести неоправданная жестокость и варварство людей.

"Я свободно и радостно признаю, что принадлежу к африканской расе, и в том цвете кожи, который им присущ, есть глубочайший оттенок; И под чувством глубочайшей благодарности Верховному Правителю Вселенной я признаюсь вам, что не нахожусь в состоянии тиранической неволи и бесчеловечного плена, на которые обречены слишком многие из моих братьев, но в изобилии вкусил плоды тех благ, которые проистекают из той свободной и непревзойденной свободы, которой вы благодетельствованы; и которые, надеюсь, вы охотно признаете, что милостиво получили из рук Того Существа, от Которого исходит всякий добрый и совершенный дар.

"Позвольте мне напомнить вам о том времени, когда оружие британской короны прилагало все усилия, чтобы привести вас в состояние рабства: Оглянитесь назад, я прошу вас, на разнообразие опасностей, которым вы подвергались; подумайте о том периоде, когда любая человеческая помощь казалась недоступной, и когда даже надежда и стойкость носили вид неспособности к конфликту, и вы не сможете не прийти к серьезному и благодарному чувству вашего чудесного и провиденциального сохранения; вы не сможете не признать, что нынешнюю свободу и спокойствие, которыми вы наслаждаетесь, вы получили милостиво, и что это особое благословение небес.

"Это, сэр, было время, когда вы ясно видели несправедливость рабства и справедливо представляли себе ужасы его состояния. Именно тогда ваше отвращение к нему было настолько сильным, что вы публично изложили эту истинную и бесценную доктрину, которая достойна того, чтобы быть записанной и запомненной во все последующие века: "Мы считаем самоочевидными истины о

том, что все люди созданы равными, что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами, и что среди них - жизнь, свобода и стремление к счастью".

"Здесь было время, когда ваши нежные чувства к самим себе побудили вас заявить об этом; тогда вы были проникнуты правильными идеями о великом нарушении свободы и свободном владении теми благами, на которые вы имели право от природы; Но, сэр, как жалко думать, что, хотя вы были настолько убеждены в благосклонности Отца человечества, в его равном и беспристрастном распределении этих прав и привилегий, которые он даровал им, вы в то же время противодействовали его милостям, удерживая обманом и насилием столь многочисленную часть моих братьев, находящихся в томительном плену и жестоком угнетении, чтобы вы в то же время были признаны виновными в том самом преступном деянии, которое вы, как вы утверждаете, отвергаете в других, по отношению к себе.

"Ваше знание о положении моих братьев слишком обширно, чтобы нуждаться в изложении здесь; я также не берусь предписывать методы, с помощью которых они могут быть облегчены, иначе как рекомендуя вам и всем другим отучиться от тех узких предрассудков, которые вы впитали в отношении их, и, как Иов предложил своим друзьям, "положить свою душу на место их души"; таким образом ваши сердца будут расширены добротой и благожелательностью к ним; и таким образом вы не будете нуждаться в указаниях меня или других, как действовать в этом случае.

"И теперь, сэр, хотя моя симпатия и привязанность к моим братьям вызвали мое расширение до сих пор, я горячо надеюсь, что ваше великодушие и щедрость убогатят вас от моего имени, когда я заявлю, что это не было первоначально моим замыслом; но, взявшись за перо, чтобы представить копию альманаха, который я рассчитал на следующий год, я был неожиданно приведен к этому.

"Этот расчет - плод моих упорных занятий в преклонном возрасте, ибо, давно испытывая беспредельное желание познакомиться с тайнами природы, я вынужден был удовлетворять свое любопытство здесь путем усердного занятия астрономией, в ходе которого мне нет нужды перечислять вам многочисленные трудности и недостатки, с которыми мне пришлось столкнуться.

"И хотя я почти отказался делать расчеты на следующий год, в связи с тем, что время, которое я выделил для этого, было занято на федеральной территории, по просьбе мистера Эндрю Элликота, все же я усердно приложил к этому свои усилия, и надеюсь, что выполнил их с правильностью и точностью. Я взял на себя смелость направить вам копию, которую, как я смиренно прошу, вы примете благосклонно; и хотя у вас может быть возможность ознакомиться с ней после публикации, я все же хочу послать ее вам в рукописи до этого, чтобы таким образом вы могли не только ознакомиться с ней раньше, но и увидеть ее мой собственный почерк.

"А теперь, сэр, я заканчиваю и подписываюсь с глубочайшим уважением,

"Ваш покорнейший смиренный слуга,

"Бенджамин Баннекер".

Мистер Джефферсон, который был государственным секретарем при президенте Вашингтоне, послал великому негру следующий вежливый ответ

"Филадельфия, 30 августа 1791 года.

"Сэр, я искренне благодарю вас за ваше письмо от 19-го числа и за альманах, который в нем содержится. Никто так не желает, как я, видеть такие доказательства, как вы, что природа наделила наших чернокожих братьев талантами, равными талантам людей других цветов кожи, и что видимость их недостатка объясняется лишь униженным состоянием их существования, как в Африке, так и в Америке. Я могу добавить, что никто не желает более горячо видеть хорошую систему, начатую для поднятия состояния их тела и ума до того, каким оно должно быть, так быстро, как это допускает недуг их нынешнего существования и другие обстоятельства, которыми нельзя пренебрегать. Я взял на себя смелость послать ваш альманах месье де Кондорсе, секретарю Академии наук в Париже, и членам Филантропического общества, поскольку считаю его документом, на который весь ваш цвет имеет право, для их оправдания против сомнений, которые о них возникли,

"С глубоким почтением, сэр,

"Ваш покорнейший слуга,

"То. Джефферсон.

"Мистер Бенджамин Баннекер, близ Элликоттс

Лоуэр Миллс, округ Балтимор".[\[614\]](#)

Единственный раз, когда Баннекер отсутствовал в своем доме на каком-либо расстоянии, это когда "комиссары по проведению линий округа Колумбия" - в то время известного как "Федеральная территория" - пригласили его сопровождать их в их миссии. Мистер Норрис говорит: "Я не знаю, что делать.

"Поведение Баннекера на протяжении всего этого времени обеспечило им уважение, и есть все основания полагать, что его достоинства заставили членов комиссии не обращать внимания на цвет его кожи, свободно беседовать с ним и наслаждаться ясностью и оригинальностью его замечаний по различным вопросам. Факт, что они удостоили его приглашения ежедневно сидеть за их столом, но он, со свойственной ему скромностью, отказался. Тогда они приказали накрыть для него приставной столик в одной квартире с собой. По возвращении он зашел в дом одного из своих друзей, чтобы рассказать о своих делах. Он приехал верхом на лошади, одетый в свой обычный костюм - полный костюм из драного сукна, дополненный широкополой бобровой шляпой. Казалось, его оживило присутствие выдающихся людей, с которыми он общался в округе, и он дал полный отчет об их делах".

Его привычки к учебе были весьма своеобразны. В сумерках, завернувшись в большой плащ, он ложился на землю, где проводил ночь в созерцании небесных светил. С восходом солнца он удалялся в свое жилище, где проводил часть дня в покое. Но поскольку ему, похоже, требовалось меньше сна, чем большинству людей, послеобеденные часы он посвящал возделыванию сада, подрезке фруктовых деревьев или наблюдению за повадками и полетом своих пчел. Когда не требовалось его работы и внимания на свежем воздухе, он занимался своими книгами, бумагами и математическими инструментами за большим овальным столом в своем доме. Расположение жилища Баннекера вызывало восхищение у каждого любителя природы и представляло собой прекрасное поле для наблюдения за небесными явлениями. Оно находилось примерно в полумиле от реки Патапско, и с его берегов открывался вид на ближние и дальние холмы, которые по праву славились своей живописностью. Из-под

большой золотистой ивы посреди фруктового сада бил неиссякаемый источник.[615] Вся эта обстановка очаровывала, вдохновляла и, несомненно, помогала ему в решении сложных проблем.

Достоверных данных о дне его смерти нет, но, по мнению тех, кто жил рядом с ним, и их потомков, он умер осенью 1804 года. Был яркий, прекрасный день, и, почувствовав недомогание, он вышел на холмы, чтобы насладиться солнечным светом и воздухом. Во время прогулки он наткнулся на соседа, которому пожаловался на недомогание. Они оба вернулись к нему домой, где, прилегли на кушетку, он потерял дар речи и мирно скончался. Во время предыдущей болезни он поручил своим сестрам, Минте Блэк и Молли Мортен, что, как только он умрет, все книги, инструменты и т. д., которые мистер Элликотт одолжил ему, должны быть возвращены благожелательному кредитору; и в знак благодарности все его рукописи, содержащие все его альманахи, его наблюдения и труды по различным предметам, его письмо к Томасу Джефферсону, ответ этого джентльмена и т. д., были отданы мистеру Элликотту.[616] В день его смерти, верные указаниям брата, сестры Баннекера перевезли все вещи в дом мистера Элликотта, и их приезд стал первым печальным известием о смерти астронома. Благодаря оперативности этих девушек, выполнивших его распоряжение, друзья науки благодарны за сохранение результатов трудов Баннекера. Во время совершения последних печальных обрядов у могилы, через два дня после смерти, было обнаружено, что его дом горит. Он горел так быстро, что спасти что-либо было невозможно: часы и другое личное имущество погибли в пламени. Одной из своих сестер он подарил пуховую перину, на которой спал много лет; она, к счастью и предусмотрительности, забрала ее после его смерти и берегла как единственную память о своем выдающемся брате. Через несколько лет после этого ей довелось открыть кровать, и она обнаружила кошелек с деньгами - еще одно свидетельство его аккуратных привычек и бережливости.

Бенджамин Баннекер был хорошо известен на двух континентах, а на момент смерти был самым умным и выдающимся негром в Соединенных Штатах.

МАТЕМАТИК ФУЛЛЕР.

Одним из постоянных аргументов против негра было то, что ему не хватает способностей к решению математических задач. Это обвинение было выдвинуто без намерения дать ему возможность подвергнуть себя надлежащей проверке. Это было равносильно тому, чтобы выколоть человеку глаза, а затем смело утверждать, что он не может видеть; приковать его к лодыжкам и обвинить в неспособности бегать. Но, несмотря на все запреты, касающиеся обучения негров, и на то, что они были далеки от интеллектуальных стимуляторов, субъект, к которому мы сейчас обращаемся, имел в своем необученном интеллекте элементы великого математика.

Томас Фуллер, известный как Виргинский калькулятор, был уроженцем Африки. В возрасте четырнадцати лет его украли и продали в рабство в Вирджинию, где он оказался в собственности плантатора, проживающего примерно в четырех милях от Александрии. Он не умел читать и писать, но благодаря удивительной способности мог выполнять самые сложные вычисления. Доктор Бенджамин Раш из Филадельфии, штат Пенсильвания, в письме, адресованном джентльмену, проживающему в Манчестере, Англия, рассказывает, что, услышав о феноменальных математических способностях "негра Тома", он в компании с другими джентльменами, проезжавшими через Виргинию, послал за ним. Один из джентльменов спросил его, сколько секунд прожил человек семидесяти лет, несколько нечетных месяцев, недель и дней, и тот назвал точное число за полторы минуты. Джентльмен

взял ручку и после некоторых вычислений сказал Тому, что он, должно быть, ошибся, так как число слишком велико". "Вершина, маса!" - воскликнул Том, - "вы не учли високосные годы!" И, конечно, после включения високосных лет в расчеты число, указанное Томом, оказалось верным.

"Его посетили Уильям Хартшорн и Сэмюэл Коутс, - рассказывает мистер Нидлз, - из этого города (Филадельфии), и он дал правильные ответы на все их вопросы, например, "Сколько секунд в полутора годах? За две минуты он ответил: 47 304 000. Сколько секунд в семидесяти годах, семнадцати днях и двенадцати часах? За полторы минуты - 2 110 500 800.[617]

То, что он был вундеркиндом, никто не оспаривает.[618] Он был чудом эпохи. Во время его смерти в нескольких газетах появилось следующее сообщение

"Умер Негро Том, знаменитый африканский калькулятор, в возрасте 80 лет. Он принадлежал миссис Элизабет Кокс из Александрии. Том был очень черным человеком. Его привезли в эту страну в возрасте четырнадцати лет и продали в рабство вместе со многими его несчастными соотечественниками. Этот человек был вундеркиндом. Хотя он не умел ни читать, ни писать, он в совершенстве овладел навыками счета. Он мог назвать количество месяцев, дней, недель, часов, минут и секунд за любой период времени, который человек пожелает упомянуть, учитывая в своих расчетах все високосные годы, которые случались в это время. Он определял количество столбов, ярдов, футов, дюймов и ячменных зерен на заданном расстоянии - например, диаметр земной орбиты - и в каждом вычислении получал истинный ответ за меньшее время, чем девяносто девять из ста человек могли бы взять в руки свои ручки. И что было, пожалуй, еще более необычным: если его прерывали во время вычислений и он принимался рассуждать на любую другую тему, его действия ничуть не нарушались; он продолжал работу с того места, на котором остановился, и мог назвать все этапы, через которые проходили вычисления.

"Так умер негр Том, этот необученный арифметик, этот необученный ученый. Если бы его возможности совершенствования были равны возможностям тысяч его братьев, ни Лондонское королевское общество, ни Парижская академия наук, ни даже сам Ньютон не постыдились бы признать его братом по науке".[619]

ДЕРХАМ - ВРАЧ.

Во все времена медицинская наука считалась одной из самых сложных и деликатных, которыми только мог заниматься человек. Нашего Спасителя называли "Великим врачом", а святого Луку - "возлюбленным врачом". Ни одна профессия не сближает человека с человечеством, и ни один другой класс людей не занимает более высокого положения в обществе, чем те, кто посвятил себя "искусству врачевания". Такая должность требует от человека не только глубоких исследований в области медицины, но и редчайших интеллектуальных и социальных даров и достижений. Для того чтобы негр занял такую должность в XIX веке, потребовались бы заслуги необычного порядка. Но в восемнадцатом веке, когда рабство наложило свои длинные мрачные тени на всю жизнь нации, для негра, родившегося и воспитанного рабом, добиться славы в медицине, равной которой не было на континенте, было достижением, справедливо вызывавшим восхищение цивилизованного мира.

Доктор Джеймс Дерхэм родился рабом в Филадельфии в 1762 году. Его хозяин был врачом. Джеймс был обучен чтению и письму и рано оказал своему хозяину неоценимую помощь в составлении лекарств. Наделенный более чем средним интеллектом, он очень увлекся медицинской наукой и впитывал всю информацию, которая попадала в поле его зрения. После смерти хозяина он был продан хирургу Шестнадцатого британского полка, в то время расквартированного в Филадельфии. По окончании войны он был продан доктору Роберту Даву из Нового Орлеана, гуманному и умному человеку, который нанял его в качестве своего помощника в большом бизнесе. С каждым днем он все лучше разбирался в своей профессии, быстро и добросовестно выполнял возложенные на него обязанности и тем самым завоевал доверие своего хозяина. Доктор Дав был так доволен им, что предложил ему свободу на очень легких условиях, требуя лишь два или три года службы. По истечении назначенного срока доктор Дерхэм начал заниматься врачебной практикой за свой счет. Он овладел английским, французским и испанским языками, чтобы свободно говорить на них, и за короткое время создал практику стоимостью три тысячи долларов в год.^[620] В 1788 году он женился и присоединился к епископальной церкви, а в возрасте двадцати шести лет считался одним из самых выдающихся врачей в Новом Орлеане.

Доктор Раш из Филадельфии в "Американском музее" за январь 1789 года дал интересный рассказ об этом выдающемся "негритянском враче". Доктор Раш пишет: "Я беседовал с ним о том, как он работает.

"Я беседовал с ним о большинстве острых и эпидемических заболеваний страны, где он живет. Я ожидал, что предложу ему несколько новых лекарств, но он предложил мне гораздо больше. Он очень скромен и привлекателен в своих манерах. Он свободно говорит по-французски и немного знает испанский".^[621]

Филлис Уитли уже упоминалась. Так, в условиях мрака и угнетения, негритянская раса в Америке, без христианской церкви, школы или типографии, произвела *на свет поэтессу, астронома, математика и врача*, которые, будь они белыми, получили бы памятники и благодарные воспоминания от рук своих соотечественников. Но даже цвет кожи не может лишить их бессмертия, которое заслужил их гений.

ССЫЛКИ:

^[611] Уильям Уэллс Браун, Уильям Си Нелл и все цветные, чьи труды я видел, допустили ряд очень серьезных ошибок в отношении происхождения, возраста, достижений и т. д. Баннекера. *Он был смешанной крови*. Его мать звали не Молли Мортон, но одна из его сестер носила это имя.

Я использовал мемуары Баннекера, подготовленные Дж. Х. Б. Латробом и Дж. Саурином Норрисом, а также другие ценные материалы из Мэрилендского исторического общества.

^[612] В самых отдаленных записях имя писалось *Banneky*.

^[613] Очерк Дж. Саурина Норриса.

^[614] Сочинения Джефферсона, т. iii. стр. 291.

^[615] См. Норрис, статья о Баннекере.

^[616] Все литературные останки Баннекера были опубликованы Дж. Х. Б. Латробом в Мэрилендском историческом обществе и в журнале "Колонизация Мэриленда" в 1845 году.

Мемуары Баннекера были несколько омрачены слишком поспешной и рьяной попыткой проповедовать доктрину колонизации.

[617] Needles's Hist. Memoir of the Penn. Общество содействия отмене рабства, стр. 32.

[618] Путешествия Ж.П. Бриссо де Варвиля по США, т. I, стр. 243.

[619] Колумбийский центиль Бостона, 29 декабря 1790 г.

[620] Brissot de Warville's New Travels in the U.S., ed. 1794, vol. i. p. 242.

[621] О Фуллере и Дерхэме см. в книге "De la Littérature des Nègres, ou Recherches sur leurs Facultés intellectuelles, leurs Qualités morales et leur Littérature; suivies de Notices sur la Vie et les Ouvrages des Nègres qui se sont distingués dans les Sciences, les Lettres et les Arts. Par H. Grégoire, ancien Évêque de Blois, membre du Sénat conservateur, de l'Institut national, de la Société royale des Sciences de Göttingue, etc. Париж: MDCCCVIII.

ГЛАВА XXX.

РАБСТВО ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1775-1783.

Прогресс работорговли.- Великая война за освобождение колоний от политического рабства.- Состояние южных штатов во время войны.- Виргинская декларация прав.- Требование немедленного принятия закона против рабства.- Объявление из "Независимой хроники".- Петиция массачусетских рабов.- Акт, предотвращающий практику содержания людей в рабстве.-Реклама из "Континентального журнала".-Закон, принятый в Вирджинии, ограничивающий права рабов.-Закон об освобождении всех рабов, служивших в армии. - Нью-Йорк обещает своим неграм-солдатам свободу. -Сознательное меньшинство выступает за отмену работорговли. -Рабство процветает в течение всего революционного периода.

[Вернуться к оглавлению](#)

Гром пушек революции не заглушил голос аукциониста. Работорговля продолжалась. Великая война за освобождение колоний от политического рабства, в которое их охотно загнал бы британский парламент, не обесценила рыночную стоимость человеческой плоти. Те, чьи сердца не были задействованы в войне, отсиживались в тылу и злорадствовали над кровавыми шекелями, которые они выжимали из внутренней работорговли. Хотя шаткое положение южных штатов во время войны делало законодательство в поддержку института рабства неpolitкорректным, тем не менее, в течение всего этого периода действовало множество суровых законов. В штатах Новой Англии и Средней Англии изредка раздавался голос в защиту угнетенных, но, как правило, он был задушен в самый первый момент своего появления этим адским дитятей - скупостью. 21 сентября 1776 года Уильям Гордон из Роксбери, штат Массачусетс, писал

Виргинцы начинают свою Декларацию прав со слов о том, что "все люди рождаются одинаково свободными и независимыми и обладают определенными неотъемлемыми естественными правами, которых они не могут лишить себя или свое потомство никаким договором; среди них - наслаждение жизнью и свободой". Конгресс заявляет, что "считает эти истины самоочевидными, что все люди созданы

равными, что они наделены своим Создателем определенными *неотъемлемыми правами*, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью". Континент огласился утверждениями такого же значения. Если это, господа, наши искренние чувства, и мы не провоцируем Божество, лицемерно действуя в угоду интересам, давайте искренне и от души приложим усилия к искоренению рабства среди нас. Пусть государство не допускает ничего, кроме рабства в течение оговоренного числа лет, и то лишь семи или восьми, когда люди достигнут совершеннолетия или пока они не станут совершеннолетними; и пусть потомки африканцев, родившихся среди нас, рассматриваются как свободнорожденные; и будут полностью в их собственном распоряжении в возрасте одного и двадцати лет, последняя часть которого компенсирует расходы на младенчество, образование и так далее".

Никто не прислушался. Через два месяца, 14 ноября, в бостонской "Независимой хронике" появился план постепенной эмансипации; а 28 числа того же месяца в той же газете появилось сообщение с требованием принять конкретные и немедленные законы против рабства. Но все было напрасно: среди друзей "свободы для всех" было мало моральных гигантов, а сравнительное молчание прессы и кафедры обеспечило сторонникам рабства легкую победу.

Бостон, родина Уоррена и город, ставший свидетелем первого священного жертвоприношения в честь свободы, все опасные годы войны занимался куплей-продажей людей. Ниже приведены лишь некоторые из многочисленных объявлений, появившихся в газетах Бостона во время войны.^[622]

Из "Независимой хроники", 3 октября 1776 года: - "Продается крепкий человек.

"ПРОДАЕТСЯ крепкая, сердечная, способная негр-итянка, подходящая для города или деревни. Спрашивайте у мистера *Эндрю Гиллеспы, Дорчестер, 1 октября 1776 года*".

От того же, 10 октября: "Сердечный негр-мужчина.

"Сердечный мужчина-негр с небольшой суммой денег на выданье".

От того же, 28 ноября: - "Продать сердечного негра с небольшой суммой денег".

"Продается сердечная негр-итянка примерно 12-13 лет, переболевшая оспой, умеющая стирать, гладить, чесать, прясть и т.д., без всякого другого недостатка, кроме отсутствия работы".

От того же, 27 февраля 1777 года: - "Требуется негр-итянская девушка.

"Требуется негр-итянка в возрасте от 12 до 20 лет, за которую дадут хорошую цену, если ее можно будет порекомендовать".

Из "Континентального журнала", 3 апреля 1777 г.: -

"Продается негр-мужчина двадцати двух лет, переболел оспой, может заниматься любым делом; продается за неимением работы".

Продается большой, комфортабельный жилой дом, амбар и хозяйственные постройки, а также любое количество земли от 1 до 50 акров по выбору покупателя в пределах 5 миль от Бостона. А также умный и воспитанный мальчик-негр 14 лет,

который не должен покидать пределы этого штата и *продается только на 15 лет, если он будет хорошо себя вести*".

Из "Независимой хроники", 8 мая 1777 г.:-

"Продается, за неимением работы, сильная негритянская девушка, около 18 лет, разбирающаяся во всех видах домашних дел, и может быть хорошо рекомендована".

Странные и тяжелые испытания, через которые прошли колонии, обнажили их лицемерие, показали слабость их правительства и заставили их предпринять еще одну попытку уничтожить рабство. Доблестное поведение негров-солдат в армии очень воодушевило их друзей и придало сил их собратьям, которые все еще страдали от проклятия рабства. Последние не стали молчать, когда представилась возможность заявить о своих правах, которые они считали своими. 18 марта 1777 года рабы Бостона направили в Законодательное собрание следующую петицию: - "Петиция рабов Массачусетса".

"ПЕТИЦИЯ РАБОВ МАССАЧУСЕТСА.

"Петиция большого числа негров, которые находятся в рабстве в самых недрах свободной и христианской страны, смиренно заявляет.

"Ваши просители считают, что у них, как и у всех других людей, есть естественное и неотъемлемое право на свободу, которую великий Родитель Вселенной даровал в равной степени всему человечеству и которую они никогда не теряли ни по какому договору или соглашению. Но жестокая рука власти несправедливо оторвала их от самых дорогих друзей, а некоторых даже вырвала из объятий нежных родителей, - из густонаселенной, приятной и изобильной страны, в нарушение законов природы и народов, вопреки всем нежным чувствам человечности, привезенные сюда, чтобы быть проданными, как упряжные животные, и, подобно им, обреченные на пожизненное рабство - среди народа, исповедующего кроткую религию Иисуса, народа, не лишенного сладости национальной свободы и духа возмущения против несправедливых попыток других людей низвести их до состояния рабства и подчинения.

"Вашим почетным гостям не нужно объяснять, что жизнь в рабстве, как у ваших просителей, лишенных всех социальных привилегий, всего, что необходимо для того, чтобы сделать жизнь даже сносной, гораздо хуже, чем небытие".

"Подражая похвальному примеру добрых людей этих штатов, ваши петиционеры долго и терпеливо ждали, когда появится петиция за петицией, поданные ими в законодательный орган этого штата, и не могут не скорбеть о том, что их успех был слишком похож.

"Они не могут не выразить своего удивления тем, что никогда не принималось во внимание, что каждый принцип, на основании которого Америка действовала в ходе своих несчастных трудностей с Великобританией, несет в себе более тысячи аргументов в пользу ваших покорных просителей. Поэтому они смиренно умоляют Вашу честь отнестись к их прошению с должным вниманием и рассмотреть его и принять акт законодательного органа, благодаря которому они смогут вновь обрести свободу, которая является естественным правом всех людей, а их дети (родившиеся в этой стране свободы) не будут удерживаться в качестве рабов после достижения ими возраста двадцати одного года. И пусть жители этого штата (не обвиняемые

более в непоследовательности, когда они сами играют ту роль, которую осуждают и против которой выступают в других) преуспевают в своей славной борьбе за свободу и получают те блага, обеспеченные им Небесами, которых доброжелательные умы не могут желать лишить своих собратьев.

"И ваши просители, как обязанные по долгу службы, будут всегда молиться:".

Ланкастер Хилл,
Питер Бесс,
Бристер Сленфен,
Принц Холл,
Джек Пирпонт, [его знак X].
Неро Фунело, [его знак X].
Ньюпорт Самнер, [его знак X.]".

Следующая запись, датированная той же датой, была сделана следующим образом

"Петиция Ланкастера Хилла и ряда других негров, молящих суд принять во внимание их рабское состояние и принять акт, по которому они могут быть восстановлены в пользовании свободой, которая является естественным правом всех людей. Прочитано и передано судье Сардженту, мистеру Далтону, мистеру Эпплону, полковнику Бруксу и мистеру Стори".

Нет никаких записей о действиях комитета, если таковой вообще существовал; но на дневной сессии Законодательного собрания в понедельник, 9 июня 1777 года, был внесен законопроект, призванный предотвратить "практику содержания людей в рабстве". Он был "прочитан в первый раз, и было приказано прочитать его снова в следующую пятницу, в 10 часов утра". Соответственно, 13 июня билль был "прочитан во второй раз, и после дебатов по нему было предложено и поддержано, чтобы он лежал на столе и чтобы было сделано заявление в Конгресс по этому вопросу; и вопрос был поставлен, он был принят утвердительно, и мистер Спикер, мистер Уэнделл и полковник Орн были назначены комитетом для подготовки письма в Конгресс и соответствующего отчета". Последнее заседание, насколько можно судить по журналу, состоялось в субботу, 14 июня, когда "Комитет, назначенный для подготовки письма Конгрессу по вопросу о Билле о предотвращении практики содержания людей в рабстве, представил доклад". Оно было "зачитано и приказано лежать".^[623] И оно действительно "лежало", ибо на этом дело и закончилось.

Судья Сарджент, который был председателем комитета, назначенного на 18 марта 1777 года, несомненно, был автором следующего законопроекта: - "Штат Массачусетс.

"Штат Массачусетский залив. В год Господа нашего, 1777.

"Акт о предотвращении практики содержания людей в рабстве.

"Практика содержания африканцев и рожденных от них детей или любых других лиц в рабстве неоправданна для гражданского правительства в то время, когда они отстаивают свою естественную свободу; поэтому, для предотвращения такой практики в будущем и установления для каждого человека, проживающего в пределах штата, бесценного благословения свободы.

"*Да будет принято* Советом и Палатой представителей, собравшихся в Генеральном суде, и властью оно, - что все лица, будь то чернокожие или другого цвета кожи, старше 21 года, ныне находящиеся в рабстве, должны быть свободны от

всякого подчинения любому господину или госпоже со следующего дня и после него, которые претендуют на их рабство по праву покупки, наследства, свободного дарения или иным образом, и настоящим они имеют право на все свободы, права, привилегии и иммунитеты, которые принадлежат или должны принадлежать по праву любому из подданных этого штата, несмотря на любые обычаи и традиции, свидетельствующие об обратном.

"И да будет принято вышеупомянутой властью, что все письменные акты, сделки, продажи или передачи, или контракты без письменного оформления, какие бы то ни было, для передачи или передачи любого имущества в любом лице, или на службу и труд любого лица, что бы то ни было, более чем двадцать один год, к третьему лицу, за исключением постановления какого-либо суда записи за некоторое преступление, которое было, или после этого будет сделано, или по их собственному добровольному договору на срок не более семи лет, должны быть и настоящим объявляются недействительными.

"И принимая во внимание, что различные лица в настоящее время имеют в своей службе негров, мулатов или других лиц, которые считались их рабами или собственностью и которые теперь не в состоянии зарабатывать себе на жизнь по причине возраста или немощи, и могут желать продолжать службу своим хозяевам или хозяйкам, - *да будет поэтому принято* вышеупомянутой властью, что любой негр или мулат, который будет желать продолжать службу своему хозяину или хозяйке, и добровольно заявит об этом двум судьям графства, в котором проживает хозяин или хозяйка, имеет право продолжать службу и получать содержание от своего хозяина или хозяйки, а если они не в состоянии зарабатывать себе на жизнь, то будут содержаться хозяином или хозяйкой или их наследниками в течение жизни этих слуг, несмотря ни на что в настоящем законе об обратном.

"При условии, однако, что ничто в настоящем акте не должно пониматься как препятствие любому хозяину судна или другому лицу привозить в этот штат любых людей, не африканцев, из любой другой части света, кроме Соединенных Штатов Америки, и продавать их в услужение на срок не более пяти лет, если им двадцать один год, или, если им меньше двадцати одного года, не более времени, когда ему или ей, ввезенным таким образом в штат, исполнится двадцать шесть лет, для оплаты и в счет транспортных и других расходов, которые может понести хозяин судна или другое лицо, согласно договорам, заключенным с перевозимыми таким образом лицами, или их патентами или опекунами от их имени, до того, как они будут привезены из своей страны."[\[624\]](#)

На обратной стороне законопроекта некий чиновник Законодательного собрания сделал следующую приписку: "Приказано оставить до второй среды следующей сессии Генерального суда". На этом можно было бы закончить борьбу за уничтожение рабства в Массачусетсе, если бы в это время народ не выдвинул серьезное требование о принятии конституции штата. В ходе обсуждения характера конституции вопрос о рабстве разделил общественные настроения. Если бы он был исключен из конституции, то требования хозяина навсегда потеряли бы силу закона; если бы он был включен в конституцию, то это свидетельствовало бы о неискренности народа в его разговорах о равенстве прав человека и т. д. Законодательное собрание 1777-78 годов подготовило, обсудило и, наконец, одобрило и представило народу проект конституции штата 28 февраля 1778 года. Создателям конституции, похоже, не хватило смелости заявить о свободе верных негров, оказавших столь эффективную помощь делу колонистов. Преобладающие в народе настроения требовали включить в конституцию статью, отказывающую неграм в правах граждан.

Возможно, к счастью для славы Содружества, не сохранился протокол дебатов по статье, лишавшей негров избирательного права. Статья приводится здесь

"V. Каждый житель любого города этого штата мужского пола, *свободный и достигший двадцати одного года, за исключением негров, индейцев и мулатов*, должен иметь право голосовать за представителя или представителей, в зависимости от обстоятельств" и т. д.

Этой статьей три класса жителей исключались из прав, благ и обязанностей гражданства, а институт рабства признавался существующим с санкции закона. Однако конституция была отвергнута народом подавляющим большинством голосов, но не из-за пятой статьи, а потому, что этот документ был нежелателен для него по общим принципам.

Поражение конституции не умерило общественных настроений по вопросу о негритянском рабстве, поскольку уже в следующем году внутренняя торговля, казалось, получила новый импульс. Следующие рекламные объявления служат убедительным доказательством неугасающей энергичности предприятия.

Из "Континентального журнала", 25 ноября 1779 года:- "Продается вероятный негр".

"Продается негритянка, 16 лет от роду, без всякой вины, но за неимением работы".

Из того же журнала, 16 декабря 1779 г.:- "Продается сильная негритянка, 16 лет, без вины, но за неимением работы".

"Продается сильная негритянская девушка" и т. д.

Из "Независимой хроники", 9 марта 1780 г.:- "Продается, за неимением работы".

"Продается, за неимением работы, очень вероятная негритянская девушка, шестнадцати лет".

Из той же газеты, 30 марта и 6 апреля 1780 г.: - "Продается, очень дешево, за неимением работы, негритянка, шестнадцати лет".

"Продается, очень дешево, без всякой другой причины, кроме как из-за отсутствия работы, очень активный негритянский мальчик, пятнадцати лет. А также, вероятно, негритянская девушка, семнадцати лет".

Из "Континентального журнала", 17 августа 1780 г.:-

"Продается, вероятно, негритянский мальчик".

Из того же журнала, 24 августа и 7 сентября.

"Продается или отдается в аренду на срок в несколько лет сильная, сердечная, вероятная негритянка".

Из того же издания, 19 и 26 октября и 2 ноября:.

"ПРОДАЕТСЯ вероятный мальчик-негр, около восемнадцати лет, годный для службы джентльмену, для ухода за лошадьми или для работы в деревне".

От того же, 26 октября 1780 года:- "Продать, вероятный негритянский мальчик, около восемнадцати лет, пригодный для службы джентльмену, для ухода за лошадьми или работы в деревне".

"Продается мальчик-негр, около тринадцати лет, подходящий для того, чтобы прислуживать джентльмену. Спросите у печатника".

"Продается молодая корова и теленок. Спрашивайте у печатника".

"Независимая хроника", 14, 21, 28 декабря 1780 года: - "Негритянский ребенок, который скоро ожидается.

"Негритянский ребенок, *скоро ожидаемый, хорошей породы*, может принадлежать любому человеку, склонному взять его, и деньги с ним".

"Континентальный журнал", 21 декабря 1780 г. и 4 января 1781 г.: -

"ПРОДАЕТСЯ, сердечная, сильная негритянка, около 29 лет, пригодная для города или деревни".

Из "Континентального журнала", 1 марта 1781 года: - "Продается необыкновенная негритянка.

"Продается негритянская девка, 17 лет от роду, за которую можно ручаться, что она сильная, здоровая и добродушная, *не имеет понятия о свободе*, всегда привыкла к фермерской кухне и молочной, и не имеет никаких недостатков, кроме того, что находится при ребенке, что является единственной причиной ее продажи."

Из формулировки последнего процитированного объявления видно, что негры вдыхали воздух свободы, который иногда доносился с полей победоносных сражений, где многие представители их расы отличились самой бесстрашной доблестью. У них начали появляться "*представления о свободе*", и это обесценивало их рыночную стоимость.

Доктор Уильям Гордон, непоколебимый, искренний и умный друг негров, был смещен с поста капеллана обеих ветвей законодательного собрания за то, что горячо протестовал против принятия пятой статьи конституции этим органом. Однако его рвение от этого не угасло. Он продолжал выступать с полезными статьями перед публикой и оказывал благотворное влияние на общественное сознание.

В Виргинии, несмотря на то, что негры были одними из самых доблестных защитников штата, в октябре 1776 года был принят закон, "объявляющий арендаторов земель или рабов в хвосте владельцами этих земель". В сложившихся обстоятельствах, после начала войны и провозглашения государством национальной независимости, этот закон был весьма примечательным.

"Любое лицо, которое в настоящее время имеет или в будущем может иметь любое поместье в виде хвоста, общее или специальное, в любых землях или рабах во владении, или в пользовании или доверительном управлении любыми землями или рабами во владении, или которое в настоящее время имеет или в будущем может иметь право на любое такое поместье в виде хвоста в возврате или остатке, после определения любого пожизненного или пожизненного имущества или любого меньшего имущества, было ли такое поместье создано или будет создано по актам, завещанию, Отныне или с начала существования такого хвостатого поместья *он ipso facto* будет обладать правом собственности, владения или права на такие земли или рабов, или пользования землями или рабами, которые находятся или будут

находиться, как указано выше, во владении, возврате или остатке, в полном и абсолютном fee simple, таким же образом, как если бы такой документ, завещание, акт собрания или другой документ передал ему то же самое in fee simple; несмотря на любые слова, ограничения или условия в упомянутом договоре, завещании, акте собрания или другом документе."[\[625\]](#)

Однако доблесть негра-солдата оказала большое влияние на общественное мнение и вдохновила жителей многих штатов требовать общественного признания заслуг негров. Уже отмечалось, что в Южной Каролине, если негр, попавший в плен к врагу, успешно бежал обратно в штат, его эмансипировали; а если он был ранен при исполнении служебных обязанностей, его награждали свободой. Род-Айленд покупал своих негров для армии и по окончании войны вручал им вознаграждение в пятьдесят долларов и свидетельство о свободе. Даже Виргиния, мать рабства, в конце войны вспомнила о храбрых неграх, сражавшихся в ее полках. В октябре 1783 года был принят следующий закон, освобождающий всех рабов, которые служили в армии с разрешения своих хозяев. К сожалению, все рабы, служившие в армии, не были вознаграждены свободой.

"I. ПРИЧИНА: Настоящему Генеральному собранию было представлено, что во время войны многие лица в этом штате заставляли своих рабов поступать на службу в определенные полки или корпуса, сформированные в этом штате, отдавая этих рабов офицерам, назначенным для набора войск в штате, в качестве замены свободных людей, чьим жребием или обязанностью было служить в этих полках или корпусах, в то же время представляя этим офицерам по набору, что рабы, зачисленные по их указанию и с их согласия, являются свободными людьми; И далее этому собранию представляется, что по истечении срока вербовки таких рабов бывшие владельцы вновь попытались заставить их вернуться в подневольное состояние, вопреки принципам справедливости и собственному торжественному обещанию.

"II. И поскольку представляется справедливым и разумным, чтобы все лица, зачисленные в армию, как указано выше, которые добросовестно служили в соответствии с условиями их зачисления в армию и тем самым, конечно, способствовали установлению американской свободы и независимости, пользовались благами свободы в качестве награды за свои труды и работу; *Итак, постановляется*, что каждый раб, который по назначению и указанию своего владельца поступил на службу в любой полк или корпус, сформированный в пределах этого штата, либо на континентальном уровне, либо на уровне штата, и был принят в качестве замены любого свободного человека, чьим долгом или жребием было служить в таком полку или корпусе, и добросовестно служил в течение срока такого призыва или был уволен с такой службы каким-либо офицером, должным образом уполномоченным предоставлять такое увольнение, то с момента и после принятия настоящего акта они будут полностью и окончательно эмансипированы, и будут считаться свободными в такой же полной и достаточной мере, как если бы каждый из них был специально назван в настоящем акте; И генеральному прокурору Содружества настоящим предписывается возбудить иск *in forma pauperis* от имени любого из вышеописанных лиц, которые после принятия настоящего акта будут содержаться в рабстве каким-либо лицом; и если в результате такого судебного преследования выяснится, что нищий имеет право на

свободу вследствие настоящего акта, будет созвано жюри для оценки ущерба за его содержание под стражей."[\[626\]](#)

Нью-Йорк призывал своих негров-солдат на службу, обещая им свободу. Они должны были служить три года или до регулярной демобилизации. Несколько других штатов эмансипировали нескольких рабов, которые верно служили в армии; рассказы о благородных поступках чернокожих солдат слушались с большим интересом, оказали прекрасное влияние на многих белых после войны и способствовали смягчению общественных настроений по вопросу о рабстве.

Если Массачусетс и был когда-либо тронут доблестью своих чернокожих солдат, чтобы предпринять какие-либо действия, признающие их заслуги, то до сих пор об этом не было найдено никаких сведений. После того как в течение долгого времени 5 марта отмечалось как день, в который должно было разгораться общественное рвение к делу свободы, законодательное собрание штата отказалось отметить могилу первого мученика революции Криспуса Атакса!

Рабство процветало на протяжении всего революционного периода. Оно пользовалось молчаливым попустительством кафедры, поддержкой общественных журналов, санкцией судов и одобрением военного ведомства. В свободной стране (?), под флагом правительства, за создание которого негры сражались, проливали кровь, жертвовали собой и умирали, рабство господствовало безраздельно. Колониальное правительство, созданное жестокой и прожорливой Британией, рухнуло под ударами людей, которые желали политической и религиозной свободы больше, чем драгоценных корон; но институт рабовладения устоял под ударами сражённого оружия. Колонисты просили свободы для себя и детей, но выковали цепи для негров и их детей. И хотя по окончании войны несколько отдельных негров-рабов получили в подарок за свою доблестную службу, сотни тысяч их собратьев все еще оставались в рабстве.

ССЫЛКИ:

[\[622\]](#) См. "Рабство в Массачусетсе", с. 178.

[\[623\]](#) House Journal, pp. 19, 25.

[\[624\]](#) Mass. Archives; Revolutionary Resolves, vol. vii. p. 133.

[\[625\]](#) Hening, vol. ix. p. 226.

[\[626\]](#) Hening, vol. xi pp. 308, 309.

ГЛАВА XXXI.

РАБСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА.

1775-1800.

Британские колонии в Северной Америке объявляют о своей независимости; - Создано новое правительство; - Рабство - бич американской цивилизации; - Партия тори принимает доктрину собственности на человека; - Доктрина локковской конституции на Юге; - Партия вигов - доминирующая политическая организация в северных штатах; - Рабство признано

новым правительством; - Агитация против рабства в штатах; - Попытки принять законодательство против рабства; - Статьи Конфедерации.-Принятие в 1778 году.-Дискуссия по поводу распоряжения Западной территорией.-Рекомендация г-на Джефферсона.- Поправка г-на Спейта.-Конгресс в Нью-Йорке в 1787 году.-Дискуссия по поводу правительства Западной территории.-Съезд в Филадельфии для разработки Федеральной конституции.-Результаты работы съезда.-Южные штаты все еще выступают за рабство.-Речи ведущих государственных деятелей по вопросу рабства.-Конституция, принятая съездом в 1787 году.-Первая сессия Конгресса в соответствии с Федеральной конституцией, состоявшаяся в Нью-Йорке в 1789 г. -Представление билля о тарифах -Попытка внести в него поправку, включив пункт о взимании налога с рабов, привезенных по воде.-Отмена рабства в Массачусетсе.-Изменение общественного мнения средних и восточных штатов по вопросу о рабстве.-Обращение доктора Бенджамина Франклина к общественности за содействие отмене рабства.-Мемориал Конгресса Соединенных Штатов.-Конгресс в 1790 году.- Ожесточенная дискуссия об ограничении работорговли.-Население рабов.-Вермонт и Кентукки приняты в Союз.-Закон о возвращении беглецов от "труда и службы".-Съезд друзей в Филадельфии.-Акт против иностранной работорговли.-Территория Миссисипи.- Конституция Джорджии пересмотрена.-Нью-Йорк принимает законопроект о постепенном уничтожении рабства.-Конституция Кентукки пересмотрена.-Рабство как институт твердо установлено.

[Вернуться к оглавлению](#)

Обвинение в том, что страна-мать навязала рабство британским колониям в Северной Америке, оставалось справедливым до тех пор, пока колонии не сбросили иго, не объявили о своей независимости и не создали новое правительство 4 июля 1776 года. После провозглашения Евангелия человеческой свободы Соединенные Штаты Америки больше не могли указывать на Англию как на "первочеловека Адама", совершившего проклятый грех рабства. Отныне американское правительство, в условиях новой диспенсации мира и равенства всех людей, несло ответственность за сохранение рабства как в политическом, так и в юридическом плане.

Рабство не перешло к английскому правительству по истечении срока его власти в Северной Америке. Оно стало страшным наследством нового правительства и бельмом на глазу американской цивилизации. Вместо того чтобы изгнать его из политических институтов страны, он постепенно превратился в фактор огромной силы. Вместо того чтобы изгнать его из судов, его облекли в роскошные одежды судебной респектабельности.

Первая статья бессмертной Декларации независимости - это могучий щит из прекрасно выписанных истин, который, по замыслу авторов, должен защищать каждого человека на американском континенте.

"Мы считаем эти истины самоочевидными: что все люди созданы равными, что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; что среди них жизнь, свобода и стремление к счастью. Что для обеспечения этих прав среди людей учреждаются правительства, получающие свои справедливые полномочия от согласия управляемых; что всякий раз, когда какая-либо форма правительства становится разрушительной для этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основывая его на таких принципах и организовав его полномочия в такой форме, которая, по его мнению, будет наиболее вероятной для достижения его безопасности и счастья".

Следовало ожидать, что после такой декларации принципов Соединенные Штаты навсегда отменят рабство и работорговлю. Хотя волшебные слова Декларации независимости не были пустой болтовней нескольких амбициозных лидеров, практика местного и национального правительства опровергла великие чувства, заложенные в этом документе. С самого раннего момента зарождения правительства Соединенных Штатов Америки рабство стало получать политическую поддержку и поощрение. Хотя оно было жестоким и развращенным детищем британского правительства, тем не менее оно было принято *свободным правительством* Америки. Политическая политика, казалось, диктовала методы политического признания этого института. И тот факт, что работорговля была запрещена Конгрессом с самого начала, а также многими колониями, не повлиял на институт в местном смысле.

Партия тори приняла доктрину собственности на человека без колебаний и оговорок. Их политическая преданность короне, партийная исключительность и искреннее желание сотрудничать с Королевской африканской компанией в деле создания института рабовладения в Америке сделали их по необходимости политическими хранителями рабства. Когда институт был насажден, собственность на человека была приобретена, оказалось, что выкорчевать ее - задача не из легких. Более того, потеря колоний для британской короны не означала смерти для партии тори. Она, несомненно, пострадала органически; но отдельные ее члены не утратили своих политических убеждений и не ослабили своего интереса к работорговле. Новые штаты были амбициозны в приобретении политической власти. Белое население Юга было небольшим по сравнению с населением Севера, но рабы, добавленные к первому, увеличили его до угрожающих размеров.

Местные органы власти Юга были организованы на основе фундаментальных принципов локковской конституции. Власть принадлежала немногим, а их права основывались на земельных владениях, политических титулах и привилегиях. Рабы в Каролине и Виргинии подчинялись вассалам и холопам Англии. Этот аристократический элемент в политике тори гармонировал, даже в республике, с более поздним желанием Юга построить великое политическое "правительство на рабстве как на своем главном краеугольном камне". К этому добавилось желание отменить закон о найме белых слуг, и таким образом к одиозности рабства присовокупить мощное влияние каст, противопоставляя кавказцев эфиопам, умных - невеждам, сильных - слабым.

Новая Англия имела лучшие представления о народном правительстве для народа и от народа, но ее практическая позиция в отношении рабства была не лучше, чем в любом штате Юга. Партия вигов была доминирующей политической организацией во всех северных штатах, но универсальность рабства делала торговцев человеческой плотью членами всех партий.

Люди, написавшие Декларацию независимости, осуждали рабство, так как были убежденными вигами, но, тем не менее, многие из них владели рабами. Они желали уничтожить это зло, но признавались, что не знают плана, как воплотить свое желание в жизнь. Благие желания многих людей, зародившиеся в первые дни борьбы за независимое существование, погибли в самом зародыше; и, как было показано, все штаты и Конгресс Соединенных Штатов признали рабство как существующее при новом политическом правительстве.

Но общественные настроения меняются в стране, где интеллект раскрепощен. Сначала, накануне Революционной войны, Конгресс и почти все штаты выступили против рабства; несколько лет спустя все они признали священность собственности рабов; и еще позже все части Соединенных Штатов, казалось, были взбудоражены антирабовладельческими

настроениями. В 1780 году законодательное собрание Пенсильвании запретило дальнейший ввоз рабов и предоставило свободу детям всех рабов, родившихся в штате. Делавэр постановил, что "ни один человек, ввозимый в будущем из Африки, не должен содержаться в рабстве ни под каким предлогом". В 1784 году Коннектикут и Род-Айленд изменили свой рабовладельческий кодекс и запретили дальнейший импорт рабов. В 1778 году Вирджиния приняла закон, запрещающий ввоз рабов, а в 1782 году отменила закон, ограничивавший право законодательной власти на освобождение только в случае заслуженного поведения. Частные эмансипации стали очень многочисленными, а настроения в их пользу ярко выражены. Но ограничение было вновь введено в действие примерно через десять лет. Красноречие Патрика Генри и логика Томаса Джефферсона способствовали просвещению общественных настроений, но политическое влияние института росло так быстро, что в 1785 году, через два года после войны, Вашингтон писал Лафайету: "Петиции об отмене рабства, представленные в законодательное собрание Вирджинии, едва ли могли получить слушание". Мэриленд, Нью-Йорк и Нью-Джерси запретили работорговлю, но этот институт сохранялся в народе до 1830 года. Северная Каролина попыталась запретить его в 1777 году, но потерпела неудачу; однако в 1786 году она объявила работорговлю *"имеющей дурные последствия и крайне невежливой"*. Южная Каролина и Джорджия отказались действовать, и работорговля продолжалась у их берегов.

После принятия Статей Конфедерации в 1778 году Континентальному конгрессу было поручено разрешить противоречивые претензии различных штатов на огромную территорию, простирающуюся на запад от реки Огайо. Война закончилась, а выплата образовавшегося государственного долга требовала внимания народа и его представителей. Массачусетс, Коннектикут, Нью-Йорк, Вирджиния, Северная Каролина и Джорджия претендовали на бескрайние участки земли за пределами границ своих штатов. Но Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Нью-Джерси, Мэриленд, Делавэр и Южная Каролина, не предъявляя подобных претензий и не имея средств для выплаты своей доли военного долга, предложили остальным штатам уступить всю территорию за пределами своих штатов правительству Соединенных Штатов, чтобы использовать ее для погашения всего долга. Это предложение было принято указанными штатами, но не без некоторых изменений. Вирджиния оставила за собой большую территорию за рекой Огайо, с которой можно было выплачивать вознаграждение своим солдатам, а Коннектикут сохранил за собой часть резервации, столь известной в истории штата Огайо. Обязанность разработать указ об управлении западной территорией была возложена Конгрессом на специальный комитет, состоящий из г-на Джефферсона из Вирджинии (председатель), г-на Чейза из Мэриленда и г-на Хауэлла из Род-Айленда. План, представленный комитетом, предусматривал весь регион, включенный в наши границы к западу от старых тринадцати штатов и к югу от тридцать первого градуса северной широты. План предполагал окончательное разделение этой территории на семнадцать штатов, восемь из которых должны были располагаться ниже параллели водопада Огайо (ныне Луисвилл), а девять - выше нее. Но самым интересным правилом, о котором сообщил мистер Джефферсон, было следующее, от 19 апреля 1784 года:-

"Что после 1800 года христианской эры ни в одной части указанных *штатов* не будет ни рабства, ни невольного подневольного состояния, кроме как в наказание за преступления, в которых эта часть будет признана лично виновной".

Г-н Спейт из Северной Каролины предложил внести поправку в доклад, исключив вышеуказанный пункт, и его поддержал г-н Рид из Южной Каролины. По требованию голосовавших "за" и "против" был поставлен вопрос: "Должны ли слова, которые

предлагается исключить, остаться в силе?" Вопрос был проигран, и слова были исключены. В постановление были внесены дополнительные поправки, и 23 апреля оно было принято окончательно.

Последний Континентальный конгресс состоялся в Нью-Йорке в 1787 году. На нем был поднят вопрос об управлении западной территорией. Был назначен комитет по этому вопросу, председателем которого стал Натан Дейн из Массачусетса. 11 июля комитет представил доклад "Указ о правительстве территории Соединенных Штатов к северо-западу от Огайо". В нем были воплощены многие черты законопроекта г-на Джефферсона, а в конце содержались шесть неизменных статей вечного договора, последняя из которых гласила: "На указанной территории не должно быть ни рабства, ни невольного подневольного состояния, кроме как в наказание за преступления, за которые стороны будут должным образом осуждены". При принятии этого документа было добавлено условие о доставке беглецов с "работы или службы":[\[627\]](#), и в таком виде весь ордонанс был принят 13 июля 1787 года.

Таким образом, очевидно, что при Конфедерации рабство существовало, частью политического правительства, как юридический факт. Конгресс не предпринимал никаких усилий для его отмены. Мистер Джефферсон просто пытался остановить его развитие и ограничить его пределами первоначальных тринадцати штатов.

25 мая 1787 года в Филадельфии собрался конгресс по разработке федеральной конституции, хотя днем его проведения было назначено 14-е число. Джордж Вашингтон был избран президентом, был выбран комитет для разработки правил работы, а также назначен секретарь. Заседания проходили при закрытых дверях, и все процедуры были тайными. В состав комитета входили самые выдающиеся люди Соединенных Штатов - генералы армии, государственные деятели, юристы и люди широкой эрудиции. Перед ними был поставлен вопрос о распределении конгресса, и мнения по этому поводу сильно разделились. Но поскольку переписи населения не было, то и справедливого распределения не могло быть до тех пор, пока не было проведено перечисление народа. До тех пор пока это не будет сделано, число делегатов было определено в шестьдесят пять человек. Массачусетс был единственным штатом в Союзе, где не существовало рабства. Северные штаты требовали представительства только свободных жителей, в то время как все южные штаты, где была огромная масса рабов, требовали представительства всего населения, и кабального, и свободного. Некоторые делегаты от северных штатов отстаивали свою точку зрения с большой силой и красноречием. Мистер Паттерсон из Нью-Джерси заявил, что рассматривает рабов как простую собственность. Они не были представлены в штатах, почему же они должны быть представлены в общем правительстве? Им не разрешалось голосовать, почему же они должны быть представлены? Он считает, что это поощряет работорговлю. Мистер Уилсон из Пенсильвании сказал: "Они принимаются как граждане? Тогда почему не наравне с гражданами? Признаются ли они собственностью? Почему же тогда в расчет не принимается другая собственность?" Было очевидно, что ни одна из крайних точек зрения не может быть принята: таким образом, было принято предложение учитывать три пятых рабов при исчислении налогов и сделать налогообложение основой представительства. Нью-Джерси и Делавэр проголосовали "против"; Массачусетс и Южная Каролина разделились; а Нью-Йорк не был представлен, так как его делегаты не прибыли.

Уже на ранних стадиях дебатов стало ясно, что необходимо создать конституцию, которая была бы приемлема для делегатов Юга. В нее был включен пункт, освобождающий южные штаты от пошлин на экспорт и ввоз рабов; кроме того, ни один навигационный акт не должен приниматься иначе, как двумя третями голосов. Лишив Конгресс права отдавать

предпочтение американским судам перед иностранными, он должен был обеспечить дешевые перевозки для южного экспорта; но, поскольку суда в основном принадлежали восточным штатам, их делегаты рьяно пытались предотвратить любое ограничение полномочий Конгресса по принятию законов о судоходстве. Уже было показано, что все штаты, за исключением Северной Каролины, Южной Каролины и Джорджии, запретили ввоз рабов. Запрета пошлин на ввоз рабов требовали делегаты от Южной Каролины и Джорджии. Они заверили съезд, что без такого положения они никогда не дадут своего согласия на принятие конституции. Это заявление заставило некоторых делегатов Севера поддержать ограничение, но вызвало несколько очень откровенных замечаний по поводу рабства. Мистер Пинкни заявил, что "если бы южные штаты оставили в покое, они, вероятно, сами прекратили бы импорт". Он сам, как гражданин Южной Каролины, проголосовал бы за это".

Мистер Шерман заметил, что "отмена рабства, похоже, идет в Соединенных Штатах, и что здравый смысл нескольких штатов, вероятно, постепенно завершит ее"; а мистер Эллсворт считает, что "рабство со временем не останется и пятнышком в нашей стране". Мистер Мэдисон заявил, что "он считает *неправильным* признавать в Конституции идею собственности на людей".

Рабство, несмотря на только что процитированные громкие слова, было признано в трех отдельных пунктах Конституции. Слово "раб" было исключено, но формулировка не допускает никаких сомнений.

"Статья I. Раздел 2.... Представители и прямые налоги должны быть распределены между несколькими штатами, которые могут быть включены в этот Союз, в соответствии с их соответствующей численностью; которая определяется путем добавления ко всему числу свободных людей, включая тех, кто связан службой на срок лет, и исключая индейцев, не облагаемых налогом, *трех пятых всех остальных людей*.[\[628\]](#) ...

"Статья I. Раздел 9. Миграция или ввоз таких *лиц, которых* любое из ныне существующих государств сочтет нужным принять, не должны быть запрещены Конгрессом до тысяча восемьсот восьмого года; но на такой ввоз может быть наложен налог или пошлина, не превышающая десяти долларов за каждого человека.....

"Статья IV. Раздел 2.... Ни одно *лицо*, содержащееся на службе или на работах в одном государстве по его законам и бежавшее в другое, не может, вследствие какого-либо закона или постановления в нем, быть освобождено от такой службы или работы, но должно быть выдано по требованию стороны, которой причитается такая служба или работа."

Дебаты по этому вопросу были захватывающими и интересными, поскольку тема рабства рассматривалась во всех ее аспектах. Наконец Конституция была передана Губернору Моррису из Пенсильвании, чтобы он внес в нее последние штрихи своим искусным пером. 8 августа 1787 года, во время дебатов, он произнес следующую речь: "Он никогда не согласится с Конституцией.

"Он никогда не согласится с поддержкой домашнего рабства. Это был гнусный институт. Оно было проклятием небес для тех штатов, где оно преобладало. Сравните свободные районы Средних Штатов, где богатое и благородное земледелие свидетельствует о процветании и счастье людей, с несчастьем и нищетой, которые покрывают бесплодные пустоши Вирджинии, Мэриленда и

других штатов, где есть рабы. Проедьте по всему континенту, и вы увидите, как перспектива постоянно меняется в зависимости от появления и исчезновения рабства. Как только вы покидаете восточные штаты и въезжаете в Нью-Йорк, последствия этого института становятся заметны. Проезжая через Джерси и въезжая в Пенсильванию, каждый критерий превосходства свидетельствует о переменах. Продвигайтесь на юг, и каждый ваш шаг через огромные районы рабовладения будет представлять собой пустыню, увеличивающуюся с ростом доли этих жалких существ. По какому принципу рабы должны быть учтены в представлении? Они мужчины? Тогда сделайте их гражданами, и пусть они голосуют. Они собственность? Почему же тогда не включена другая собственность? Дома в этом городе (Филадельфии) стоят больше, чем все жалкие рабы, покрывающие рисовые болота Южной Каролины. Допущение рабов в представительство, если его честно объяснить, сводится к следующему: житель Джорджии и Южной Каролины, который отправляется на побережье Африки и, попирая самые священные законы человечества, отрывает своих братьев от самых дорогих связей и обрекает их на самое жестокое рабство, должен иметь больше голосов в правительстве, созданном для защиты прав человечества, чем гражданин Пенсильвании или Нью-Джерси, который с похвальным ужасом смотрит на столь гнусную практику. Он добавляет, что домашнее рабство - самая заметная черта в аристократическом облике предлагаемой Конституции. Вассальная зависимость бедняков всегда была любимым детищем аристократии. И что же предлагается северным штатам в качестве компенсации за принесение в жертву всех принципов права, всех порывов человечности? Они должны обязать себя выступить в поход со своим ополчением для защиты южных штатов, для их защиты от тех самых рабов, на которых они жалуются. Они должны поставлять суда и моряков на случай иностранного нападения. Законодательное собрание будет иметь неограниченные полномочия облагать их акцизами и пошлинами на импорт, причем и то, и другое ляжет на них тяжелее, чем на жителей Юга; ведь чай из бохи, употребляемый северным свободным человеком, будет облагаться большим налогом, чем все потребление несчастного раба, которое состоит не более чем из его физического пропитания и тряпки, прикрывающей его наготу. С другой стороны, южные штаты не должны сдерживаться от импорта новых партий несчастных африканцев, чтобы сразу увеличить опасность нападения и трудность обороны: более того, они должны поощряться к этому гарантией увеличения их голосов в национальном правительстве пропорционально: и в то же время их экспорт и их рабы должны быть освобождены от всех взносов на государственную службу. Пусть не говорят, что прямое налогообложение должно быть пропорционально представительству. Глупо полагать, что Генеральное правительство может напрямую запустить руку в карманы людей, разбросанных по столь обширной стране. Оно может делать это только через экспорт, импорт и акцизы. Для чего же тогда нужны все эти жертвы? Он скорее согласится на налог для оплаты всех негров в Соединенных Штатах, чем огорчит потомков такой Конституцией".[\[629\]](#)

Мистер Руфус Кинг из Массачусетса в ходе тех же дебатов заявил

"Принятие рабов было самым неприятным обстоятельством для его ума, и он полагал, что оно будет таковым для значительной части народа Америки. Он не выступал против этого раньше, потому что надеялся, что эта уступка вызовет готовность, которая не проявлялась, укрепить Генеральное правительство и обозначить полное доверие к нему". Рассматриваемый доклад, судя по его

содержанию, положил конец всем этим надеждам. В двух важных вопросах руки законодательного органа были абсолютно связаны. Ввоз рабов не мог быть запрещен. Экспорт не мог быть обложен налогом. Разумно ли это? Каковы великие цели общей системы? Во-первых, защита от иностранного вторжения; во-вторых, от внутренней смуты. Должны ли все штаты, в таком случае, быть обязаны защищать каждый из них, и должен ли каждый из них иметь право вводить слабости, которые сделают защиту более трудной? Должна ли одна часть Соединенных Штатов быть обязана защищать другую часть, а эта другая часть будет вольна не только увеличивать свою собственную опасность, но и отказываться от компенсации за это бремя? Если рабы должны быть импортированы, не должен ли экспорт, производимый их трудом, приносить доход, чтобы Генеральное правительство могло защищать их хозяев? Во всем этом было столько неравенства и неразумности, что жители северных штатов никогда не могли с этим примириться. Ни один честный человек не смог бы взяться оправдать его перед ними. Он надеялся, что в этом вопросе удастся достичь некоторого согласия; что, по крайней мере, будет ограничено время для ввоза рабов. Он никогда не мог согласиться с тем, чтобы их ввозили без ограничений, а затем представляли в национальном законодательном органе. Более того, он настолько не мог убедить себя в правильности такой практики, что не был уверен, что сможет согласиться на нее при любых обстоятельствах. В любом случае, либо рабы не должны быть представлены, либо их экспорт должен облагаться налогом".

Мистер Роджер Шерман из Коннектикута

"Считает работорговлю беззаконием: но вопрос о представительстве был решен после долгих трудностей и обсуждений, и он не считает себя обязанным выступать против; тем более что настоящая статья с поправками не исключает возможности договориться по этому вопросу в другом месте доклада".[\[630\]](#)

Г-н Лютер Мартин из Мэриленда, в ходе дебатов, вторник, 21 августа.

"Предлагается изменить ст. 7, разд. 4, чтобы разрешить запрет или налог на ввоз рабов. Во-первых, поскольку при распределении представителей пять рабов приравниваются к трем свободным людям, такое положение будет поощрять эту торговлю. Во-вторых, рабы ослабляли одну часть Союза, которую должны были защищать другие части: поэтому привилегия на их ввоз была неразумной. И, в-третьих, наличие в Конституции такого пункта противоречило принципам Революции и позорило американский характер".

"Мистер Ратледж не понимал, как можно поощрять ввоз рабов с помощью этого раздела. Он не опасался восстаний и с готовностью освободил бы другие штаты от обязанности защищать от них Южный. Религия и гуманность не имеют никакого отношения к этому вопросу: только интерес является руководящим принципом для наций. В настоящее время истинный вопрос заключается в том, будут ли южные штаты участвовать в Союзе или нет. Если северные штаты руководствуются своими интересами, они не будут противиться увеличению числа рабов, что приведет к росту товаров, перевозчиками которых они станут".

"Мистер Элсворт был за то, чтобы оставить положение в его нынешнем виде. Пусть каждый штат импортирует то, что ему заблагорассудится. Моральность или мудрость рабства - это вопрос, принадлежащий самим штатам. То, что обогащает часть, обогащает целое, и штаты лучше всех разбираются в своих конкретных интересах. Старая Конфедерация не вмешивалась в этот вопрос; и он не видит большей необходимости в том, чтобы включить его в политику новой Конфедерации.

"Мистер Пинкни. Южная Каролина никогда не сможет принять этот план, если он запрещает работорговлю. В каждом предложении о расширении полномочий Конгресса этот штат четко и осторожно исключал возможность вмешиваться в импорт негров. *Если штатам будет предоставлена свобода в этом вопросе, Южная Каролина, возможно, постепенно сама сделает то, что желает, как это уже сделали Виргиния и Мэриленд*".

"Объявляется перерыв.

"Среда, 22 августа.

"В конвените. 7, Sect. 4, была возобновлена.

"Мистер Шерман был за то, чтобы оставить статью в ее нынешнем виде. Он не одобряет работорговлю; однако, поскольку штаты в настоящее время обладают правом ввозить рабов, поскольку общественное благо не требует отнять его у них, и поскольку целесообразно иметь как можно меньше возражений против предлагаемой схемы правления, он считает, что лучше оставить этот вопрос в том виде, в каком мы его нашли. ... Он убеждал Конвенцию в необходимости закончить свои дела.

"Полковник Мейсон. Этот адский трафик возник из-за алчности британских купцов. Британское правительство постоянно пресекало попытки Виргинии положить этому конец. Нынешний вопрос касается не только штатов-импортеров, но и всего Союза. Зло от наличия рабов было испытано на себе во время последней войны. Если бы враг обращался с рабами так, как мог бы, они оказались бы опасным орудием в его руках. Но по своей глупости они поступили с рабами так же, как и с тори". Он упомянул об опасных восстаниях рабов в Греции и на Сицилии, а также об инструкциях, данных Кромвелем комиссарам, посланным в Виргинию, - вооружать слуг и рабов, если другие способы добиться их подчинения окажутся безрезультатными. Мэриленд и Виргиния, по его словам, уже прямо запретили ввоз рабов. Северная Каролина сделала то же самое по существу. Все это будет напрасно, если Южная Каролина и Джорджия получат свободу ввоза. Западные народы уже требуют рабов для своих новых земель; и они заполнят эту страну рабами, если их можно будет получить через Южную Каролину и Джорджию. Рабство препятствует развитию искусств и мануфактур. Бедняки презирают труд, выполняемый рабами. Они препятствуют эмиграции белых, которые действительно обогащают и укрепляют страну. *Они оказывают самое пагубное влияние на нравы. Каждый хозяин рабов рождается мелким тираном. Они навлекают на страну суд небес. Поскольку нации не могут быть вознаграждены или наказаны в следующем мире, они должны быть наказаны в этом. По неизбежной цепи причин и следствий Провидение наказывает национальные грехи национальными бедствиями.* Он сожалеет, что некоторые из наших восточных братьев из жадности наживы занялись этой гнусной торговлей. Что касается того, что штаты обладают правом на импорт, то это относится и ко многим другим правам, от которых теперь

следует отказаться. Он считает, что с любой точки зрения необходимо, чтобы Генеральное правительство имело полномочия предотвращать рост рабства.

"Мистер Элсворт, никогда не владевший рабом, не мог судить о влиянии рабства на характер. Однако он заявил, что, если рассматривать рабство с точки зрения морали, следует пойти дальше и освободить тех, кто уже находится в стране. Поскольку в Вирджинии и Мэриленде рабы также размножаются так быстро, что их дешевле выращивать, чем импортировать, а для болотных рисовых полей необходимы иностранные поставки, то, если мы не пойдем дальше, чем настаивают, мы будем несправедливы по отношению к Южной Каролине и Джорджии. Давайте не будем вмешиваться. По мере роста населения бедные работники будут в таком количестве, что рабы станут бесполезными. *Со временем рабства в нашем графстве не останется и следа.* В Коннектикуте уже приняты меры по его отмене, а в Массачусетсе оно уже отменено. Что касается опасности восстаний из-за иностранного влияния, то это станет мотивом для доброго отношения к рабам".

"Генерал Пинкни заявил, что, по его твердому мнению, если он сам и все его коллеги подпишут Конституцию, используя свое личное влияние, это будет бесполезно для получения согласия их избирателей. Южная Каролина и Джорджия не смогут обойтись без рабов. Что касается Вирджинии, то она выиграет больше, прекратив импорт. Ее рабы вырастут в цене, и у нее их будет больше, чем ей нужно. Было бы несправедливо требовать от Южной Каролины и Джорджии конфедерации на столь неравных условиях. По его словам, до революции королевское согласие никогда не отказывало Южной Каролине в том же, что и Виргинии. Он утверждал, что ввоз рабов будет отвечать интересам всего Союза. Чем больше рабов, тем больше продукции, которую можно использовать в перевозках, тем больше потребление, а чем больше этого, тем больше доходов для общей казны. Он признал разумным, что рабы должны облагаться пошлиной, как и другие импортные товары; но должен рассматривать отказ от этого пункта как исключение Южной Каролины из Союза.

"Мистер Болдуин считал, что на рассмотрение Конвента должны выноситься только национальные вопросы, а не такие, которые, как нынешний, носят локальный характер. Решение по этому вопросу было принято в Джорджии. Этот штат всегда считал, что Генеральное правительство - это стремление центральных штатов, желающих иметь водоворот для всех вещей; что ее удаленность не позволит ей получить равные преимущества; и что она не сможет благоразумно приобрести их, уступив национальные полномочия. Из этого можно понять, в каком свете она воспримет попытку урезать одну из своих любимых прерогатив. *Если ее предоставить самой себе, она, вероятно, сможет положить конец этому злу.* В качестве одного из оснований для такого предположения он обратил внимание на секту ---, которая, по его словам, представляет собой уважаемый класс людей, выходящих в своей этике за рамки простого равенства людей, - распространяя свою гуманность на требования всего животного мира.

"Мистер Уилсон заметил, что если бы Южная Каролина и Джорджия были настроены избавиться от импорта рабов за короткое время, как было предложено, они бы никогда не отказались объединиться из-за того, что импорт может быть запрещен. В нынешнем виде раздел предусматривает, что все импортируемые товары облагаются налогом. Только рабы освобождаются от налога. Это, по сути дела, является льготой для этой статьи.

Мистер Джерри считает, что мы не имеем никакого отношения к поведению штатов в отношении рабов, но должны быть осторожны и не давать ему никакой санкции".

"Мистер Дикинсон считал недопустимым по всем принципам чести и безопасности, чтобы ввоз рабов был разрешен штатам Конституцией. Истинный вопрос заключался в том, будет ли способствовать или препятствовать импорту национальное счастье; и этот вопрос должен быть оставлен на усмотрение национального правительства, а не особо заинтересованных штатов. Если Англия и Франция разрешают рабство, то в то же время рабы исключаются из обоих этих королевств. Греция и Рим были несчастны благодаря своим рабам. Он не может поверить, что южные штаты откажутся от конфедерации по причине, которую они предвидят; особенно если учесть, что власть не будет немедленно применена Генеральным правительством.

"Мистер Уильямсон изложил закон Северной Каролины по этому вопросу: он не запрещал напрямую ввоз рабов. Он налагает пошлину в размере 5 фунтов стерлингов на каждого раба, ввозимого из Африки, 10 фунтов стерлингов на каждого раба, ввозимого из других стран, и 50 фунтов стерлингов на каждого раба, ввозимого из штата, выдающего лицензию на манумиссию. Он считал, что южные штаты не смогут быть членами Союза, если это положение будет отвергнуто, и что неправильно принуждать к чему-либо, что не является абсолютно необходимым и с чем любой штат должен не согласиться.

"Мистер Кинг считает, что этот вопрос следует рассматривать исключительно в политическом свете. Если два штата не согласятся с Конституцией, как указано с одной стороны, он может с такой же уверенностью утверждать с другой, что со стороны других штатов будет большая и равная оппозиция. Он отметил освобождение рабов от пошлин, в то время как все остальные импортные товары облагались ими, как неравенство, которое не могло не поразить торговую смекалку северных и средних штатов.

"Мистер Лэнгдон решительно выступал за предоставление полномочий Генеральному правительству. Он не мог со спокойной совестью оставить это на усмотрение штатов, которые могли бы продолжать торговлю, не будучи сдерживаемыми высказанными здесь мнениями, *что они сами прекратят ввоз рабов*".

"Генерал Пинкни счел себя обязанным откровенно заявить, что он не думает, что Южная Каролина прекратит ввоз рабов в течение какого-либо короткого времени, а лишь будет прекращать его время от времени, как она делает это сейчас. Он предложил принять положение о том, что рабы могут быть обложены равным налогом с другими импортерами, что, по его мнению, правильно и устранил одно из начавшихся затруднений.

"Мистер Ратледж. Если Конвенция думает, что Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия когда-либо согласятся с этим планом, если их право на импорт рабов не будет затронуто, то эти надежды напрасны. Жители этих штатов никогда не будут такими глупцами, чтобы отказаться от столь важного интереса". Он решительно выступил против исключения этого раздела и поддержал предложение генерала Пинкни о принятии обязательства.

"Мистер Гувернер Моррис хотел, чтобы весь предмет был принят, включая пункты, касающиеся налогов на экспорт и закона о навигации. Эти пункты могут составить сделку между северными и южными штатами".

"Мистер Батлер заявил, что никогда не согласится на право облагать экспорт налогом.

"Мистер Шерман заявил, что лучше позволить южным штатам импортировать рабов, чем расстаться с ними, если они сделают это *непременным условием*. Он был против налога на импортируемых рабов, поскольку это ухудшает ситуацию, так как подразумевает, что они являются *собственностью*. Он признал, что, если полномочия по запрету импорта будут предоставлены Генеральному правительству, они будут реализованы. Он считал, что это будет его обязанностью.

Мистер Рид был за принятие обязательства при условии, что пункт, касающийся налогов на экспорт, также будет принят.

"Мистер Шерман заметил, что этот пункт был согласован и поэтому не может быть принят.

"Мистер Рэндольф был за принятие обязательства, чтобы, если возможно, найти некую золотую середину. Он никогда не сможет согласиться с этим положением в его нынешнем виде. Он бы скорее рискнул Конституцией". Он остановился на дилемме, перед которой оказался Конвент. Согласившись с этим положением, он взбунтует квакеров, методистов и многих других жителей штатов, не имеющих рабов. С другой стороны, два штата могут быть потеряны для Союза. Так давайте же, сказал он, попробуем принять решение".[\[631\]](#)

Через три дня (в субботу, 25 августа) дебаты по этому вопросу возобновились, и был рассмотрен доклад комитета из одиннадцати человек. Он был составлен в следующих выражениях

"Исключить часть четвертого раздела, которая была передана комитету, и вставить: "Миграция или импорт таких лиц, которых несколько штатов, существующих в настоящее время, сочтут нужным принять, не должны быть запрещены законодательным органом до 1800 года; но на такую миграцию или импорт может быть наложен налог или пошлина в размере, не превышающем средний размер пошлин, установленных на импорт".

Генерал Пинкни предложил исключить слова "восемнадцатый год" как год, ограничивающий ввоз рабов, и вставить слова "восемнадцатый год и восемь".

"Мистер Горхэм поддержал предложение.

"Мистер Мэдисон. Двадцать лет принесут все беды, которые можно ожидать от свободы ввоза рабов. Столь долгий срок будет более позорным для американского характера, чем ничего не сказать об этом в Конституции".

"По предложению, которое было принято положительно, -

"Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Коннектикут, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия - за,-7, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Виргиния - против,-4.

"Мистер Гувернор Моррис выступал за то, чтобы этот пункт был зачитан сразу.

"Ввоз рабов в Северную Каролину, Южную Каролину и Джорджию не должен быть запрещен" и т.д. Это, по его словам, было бы наиболее справедливо и позволило бы избежать двусмысленности, из-за которой в рамках полномочий в отношении натурализации свобода, оставленная за штатами, могла бы быть нарушена. Он также хотел бы, чтобы было известно, что эта часть Конституции была согласована с этими штатами. Однако если изменение формулировки вызовет возражения со стороны членов от этих штатов, он не будет настаивать на этом.

Полковник Мейсон был не против использования термина "рабы", но против того, чтобы называть Северную Каролину, Южную Каролину и Джорджию, чтобы не обидеть жителей этих штатов.

"Мистеру Шерману такое описание нравится больше, чем предложенные термины, которые были отклонены прежним Конгрессом и не понравились некоторым людям".

"Мистер Клаймер согласился с мнением г-на Шермана.

"Мистер Уильямсон заявил, что и по убеждениям, и на практике он против рабства; но считает, что с точки зрения гуманности, с учетом всех обстоятельств, более благоприятно допустить Южную Каролину и Джорджию на этих условиях, чем исключить их из Союза.

"Мистер Гувернер Моррис снял свое предложение.

"Мистер Дикинсон пожелал, чтобы действие статьи распространялось только на те штаты, которые сами не запретили ввоз рабов; с этой целью он предложил внести в статью поправку следующего содержания

"Ввоз рабов в те штаты, которые разрешат его, не будет запрещен законодательным органом Соединенных Штатов до 1808 года".

", с которым не согласились, *нет. соп.*

"Затем была согласована первая часть Доклада со следующими поправками:

"Миграция или импорт таких лиц, которых несколько ныне существующих штатов сочтут нужным принять, не должны быть запрещены Законодательным собранием до 1808 года".

"Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Коннектикут, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, ай,-7; Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Виргиния, нет,-4".^[632]

Приведенных выше образцов речей по вопросу о рабстве, произнесенных во время дебатов, достаточно, чтобы составить представление о личном мнении великих мыслителей того времени по поводу рабства. Очевидно, что желание подавляющего большинства делегатов Севера заключалось в отмене этого института как внутри страны, так и за рубежом; но они были недостаточно сильны, чтобы не поддаться искушению поступиться своими глубочайшими убеждениями в таком широком и далеко идущем вопросе, как Союз, который им предстояло создать заново. Таким образом, по договоренности, или, как назвал ее Гувернер Моррис, "сделке", между торговыми представителями северных штатов и делегатами Южной Каролины и Джорджии, и несмотря на сопротивление Мэриленда и Виргинии, неограниченные полномочия Конгресса по принятию навигационных законов были уступлены северным купцам; а каролинским рисоводам, в качестве эквивалента, было предоставлено двадцатилетнее продолжение африканской работорговли. Это был третий великий "компромисс" Конституции. Двамя другими были уступка малым штатам в равном

представительстве в Сенате и, в угоду рабовладельцам, учет трех пятых рабов при определении соотношения представительства. Если этот третий компромисс отличался от двух других тем, что предполагал не только политические, но и моральные жертвы, то его частичная компенсация заключалась в том, что он не был постоянным, как остальные, а прекращал свое действие по истечении двадцати лет.^[633]

Конституция была принята Конвентом и подписана 17 сентября 1787 года. Затем она была направлена в Конгресс, заседавший в то время в Нью-Йорке, с рекомендацией, чтобы этот орган представил ее конвентам штатов для ратификации; что и было сделано. Делавэр принял его 7 декабря 1787 года; Пенсильвания - 12 декабря; Нью-Джерси - 18 декабря; Джорджия - 2 января 1788 года; Коннектикут - 9 января; Массачусетс - 7 февраля; Мэриленд - 28 апреля; Южная Каролина - 23 мая; Нью-Гэмпшир - 21 июня (и, будучи девятым ратификатором, ввел Конституцию в действие); Виргиния - 27 июня; Нью-Йорк - 26 июля. Северная Каролина дала условную ратификацию 7 августа, но Конгресс получил ее только в январе 1790 года, а Род-Айленд - в июне того же года.

По завершении работы конвента, принявшего Конституцию, было решено передать его журнал на хранение Джорджу Вашингтону. В конце концов он передал его на хранение в Государственный департамент, и в 1818 году по распоряжению Конгресса он был напечатан.

Первая сессия Конгресса в соответствии с новой Конституцией состоялась в Нью-Йорке в 1789 году. Кворум был набран 6 апреля, и первой мерой, вынесенной на рассмотрение, стал тарифный законопроект, который мистер Паркер из Вирджинии пытался изменить, включив в него пункт о взимании налога в размере десяти долларов с каждого раба, привезенного по воде. "Он сожалел, что Конституция не позволяет Конгрессу полностью запретить импорт. Это противоречило принципам революции и не должно было быть разрешено". Таким образом, вопрос о рабстве возник уже на первой сессии первого Конгресса при нынешней Конституции. В то время Джорджия была единственным штатом в Союзе, который, казалось, сохранял материальную заинтересованность в импорте рабов. Даже Южная Каролина приняла закон, запрещающий ввоз рабов на один год. В этом, как и во многих других случаях, она руководствовалась низкими ценами на продукцию - слишком низкими, чтобы быть выгодными. Но, несмотря на это, мистер Смит, член парламента от Чарльстонского округа, пришел в ярость от предложения джентльмена из Вирджинии. Он

"Он надеялся, что столь важное и серьезное предложение не будет принято поспешно". Это был довольно поздний момент для первого представления столь важной темы с серьезными последствиями. Еще ни одна тема не была представлена так важно для Южной Каролины и благополучия Союза".

Мистер Шерман взял слово и сказал, что он

"Одобрять цель предложения, но не считает, что эта тема подходит для включения в данный законопроект. Он не может примириться с включением человеческих существ в качестве предмета обложения в число товаров, изделий и предметов торговли. Он надеется, что на данный момент это предложение будет снято, а впоследствии его рассмотрят как самостоятельный вопрос".

Мистер Джексон из Джорджии

"Не был удивлен, как бы ни были удивлены другие, тем, откуда поступило это предложение. Виргиния, как старое оседлое государство, имела свое количество рабов, и естественный прирост был достаточным для ее целей, она не заботилась о

пополнении своего числа за счет импорта. Но джентльменам следовало бы дать возможность своим соседям обеспечить себя всем необходимым, прежде чем взваливать на себя такое бремя. Он знал, что на Востоке к этому бизнесу относятся с отвращением, поскольку люди там способны сами выполнять свою работу и не нуждаются в рабах. Но джентльмены должны иметь хоть какое-то чувство к другим. Конечно, они не хотят обложить нас налогом за все удобства и удовольствия жизни и в то же время отнять у нас средства для их получения! Он был уверен, что из-за непригодности предложения к рассматриваемому сейчас делу и отсутствия времени на его рассмотрение откровенность джентльмена побудит его снять его. Если же предложение будет выдвинуто вновь, он надеется, что оно будет распространяться как на белых рабов, так и на черных, ввозимых из всех тюрем Европы; несчастных, осужденных за самые вопиющие преступления, которых привозят и продают без всякой пошлины. Они должны облагаться налогом наравне с африканцами, и он не сомневается в равной конституционности и правильности такого курса".

Мистер Паркер из Вирджинии снова получил слово и продолжил отвечать на замечания, высказанные по его поправке Шерманом, Джексоном и Смитом. Он заявил

"По зрелом размышлении он внес предложение, но не хотел бы его снимать. Джентльмен из Коннектикута сказал, что люди не должны перечисляться вместе с товарами, изделиями и товарами. Однако он считает, что африканские торговцы рассматривают их именно в таком свете. Он надеется, что Конгресс сделает все возможное, чтобы вернуть человеческой природе ее неотъемлемые привилегии; стереть, если возможно, клеймо, под которым трудилась Америка; устранить непоследовательность наших принципов, справедливо вменяемую нам в вину; и показать своими действиями чистую благотворность доктрины, изложенной миру в нашей Декларации независимости".

Мистер Эймс из Массачусетса

"Он всей душой ненавидел рабство, но у него были некоторые сомнения, не будет ли введение пошлины на их ввоз выглядеть как поощрение этой практики".

Мистер Мэдисон произнес красноречивую речь в поддержку поправки мистера Паркера. Он сказал.

"Смешения людей с товарами можно легко избежать, изменив название билля; собственно, цель предложения - не допустить смешения людей с товарами, насколько распространяется власть Конгресса. Пункт Конституции, позволяющий взимать налог, хотя торговля не может быть запрещена в течение двадцати лет, был включен, по его мнению, именно для того, чтобы Конгресс мог дать некоторое свидетельство о позиции Америки в отношении африканской торговли. Выражая национальное неодобрение этой торговли, можно надеяться, что мы сможем уничтожить ее и тем самым избавить себя от упреков, а наших потомков - от неразумности, которая всегда сопутствует стране, наполненной рабами. В этом были заинтересованы как Южная Каролина и Джорджия, так и другие штаты. Каждое увеличение числа рабов приводило к их слабости и делало их менее способными к самообороне. В случае военных действий с иностранными государствами их рабское население стало бы средством не отражения вторжения, а приглашения к нападению. Обязанностью генерального правительства была защита каждой части Союза от опасностей, как внутренних, так и внешних. Поэтому

каждая вещь, которая увеличивает эту опасность, хотя и может быть местным делом, но, если она связана с национальными расходами или безопасностью, становится предметом беспокойства для каждой части Союза, и надлежащим предметом для рассмотрения теми, кому поручено общее управление правительством".

Мистер Бланд одобрил позицию, занятую мистером Мэдисоном, в то время как мистер Берк из Южной Каролины обвинил джентльменов в том, что они потратили время Конгресса на бесполезное предложение. Он утверждал, что, хотя рабы не упоминаются в Конституции, на них распространяется общая пятипроцентная *адвалорная* пошлина на все неперечисленные товары, что равносильно предложению джентльмена из Виргинии. Мистер Мэдисон ответил, что ни один таможенный инспектор не возьмет на себя смелость применять термины "товары", "изделия" и "продукция" к людям. Г-н Шерман последовал за ним в том же духе и отрицал, что люди где-либо признаются собственностью в Конституции. Наконец, по предложению г-на Мэдисона, г-н Паркер согласился отозвать свое предложение при том понимании, что должен быть внесен отдельный законопроект. Для выполнения этой обязанности был назначен комитет, но благородное решение нашло тихую могилу в зале заседаний комитета.

Неудача этой первой попытки ограничить рабство, предпринятой в соответствии с новой Конституцией, не привела к значительной задержке дела. Оно скорее ускорилося. Манера и дух дебатов по этому вопросу ускорили общественную мысль, воодушевили друзей негров и побудили многих людей к добрым делам. Рабство в Массачусетсе прекратило свое существование. Несколько исков, поданных рабами против своих хозяев за ограничение свободы, были выиграны. Дело Элизабет Фримен, более известной как "Мамаша Бет", считается первым плодом Массачусетской декларации прав в новой Конституции 1780 года. Герцог де ла Рошфуко Лейнкорт приводит следующий интересный рассказ об отмене рабства в Массачусетсе:...

"В 1781 году некоторые негры, побуждаемые частным предложением, утверждали, что они не являются рабами: они нашли защитников, среди которых был мистер Седжвик, ныне член Сената Соединенных Штатов; дело было передано в Верховный суд. Их адвокаты утверждали, 1°. Что ни один из предшествующих законов не устанавливал рабства, и что законы, которые, как казалось, предполагали его, были результатом ошибки законодателей, которые не имели полномочий принимать их; 2°, что такие законы, даже если бы они существовали, были аннулированы новой Конституцией. Они выиграли дело в обоих аспектах: решение первого вопроса, который был выдвинут, полностью освободило негров и в то же время лишило их предполагаемых владельцев права претендовать на возмещение ущерба, поскольку было доказано, что они владели и держали их в рабстве без какого-либо права. Поскольку в Массачусетсе было всего несколько рабов, решение прошло без сопротивления и изгнало всякую мысль о рабстве".^[634]

Мистер Нелл рассказывает о юридической смерти рабства в Массачусетсе, но, к сожалению, не ссылается ни на какой авторитет. Джон Куинси Адамс, отвечая на вопрос Джона К. Спенсера, заявил, что "в 1787 году был выдан вексель на покупку раба. На этот вексель был подан иск, и суд постановил, что векселедатель не получил никакого вознаграждения, поскольку человека нельзя продать. С этого момента рабство в штате Старая бухта умерло". В 1781-82 годах рабы подали несколько исков против своих предполагаемых хозяев, но есть убедительные свидетельства того, что рабство умирало в Массачусетсе гораздо медленнее, чем многие готовы признать. Джеймс Салливан писал доктору Белкнапу в 1795 году: "В 1781 году в суде

"В 1781 году в суде округа Вустер было выдвинуто обвинение против белого человека по имени Дженнисон за нападение, избиение и заключение в тюрьму чернокожего Квока Уокера. Он предстал перед Верховным судебным судом в 1783 году. Его защита заключалась в том, что чернокожий был его рабом и что избиение и т. д. было необходимым сдерживанием и исправлением со стороны хозяина. В ответ на это он сослался на вышеупомянутый пункт Декларации прав. Судьи и присяжные сошлись во мнении, что он не имел права сажать в тюрьму или избивать негра. Он был признан виновным и оштрафован на 40 шиллингов. Это решение положило конец идее рабства в Массачусетсе".[635]

Есть два момента, которые вносят значительную неопределенность в вопрос о точной дате окончания рабства в Содружестве. Во-первых, упомянутый иск был рассмотрен в 1783 году, через три года после принятия новой Конституции. Во-вторых, добрый доктор не говорит, что это решение решило судьбу рабства, а лишь отмечает, что оно "нанесло смертельную рану рабству в Массачусетсе".

В 1785-1790 годах общественное мнение средних и восточных штатов по вопросу о рабстве претерпело значительные изменения. В большинстве из них были приняты законы, предусматривающие постепенную эмансипацию. Друзья из Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании начали организовывать крестовый поход против домашнего рабства. Осенью 1789 года, когда дебаты в Конгрессе были еще свежи в памяти людей, почтенный доктор Бенджамин Франклин, будучи президентом "Пенсильванского общества содействия отмене рабства" и т. д., опубликовал следующее письмо: - "Обращение к общественности.

"ОБРАЩЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

От Пенсильванского общества содействия отмене рабства и помощи свободным неграм, незаконно удерживаемым в рабстве.

С особым удовлетворением мы заверяем друзей человечества, что, преследуя цель нашей ассоциации, наши усилия оказались успешными, намного превзойдя наши самые смелые ожидания.

"Воодушевленные этим успехом и ежедневным прогрессом того светлого и благотворного духа свободы, который распространяется по всему миру, и смиренно надеясь на продолжение божественного благословения наших трудов, мы решились сделать важное дополнение к нашему первоначальному плану; и поэтому убедительно просим поддержки и помощи всех, кто может испытывать нежные чувства сочувствия и сострадания или испытывать возвышенное удовольствие от благодеяния".

"Рабство - это такое зверское унижение человеческой природы, что само его искоренение, если не проводить его с тщательной осторожностью, может иногда открыть источник серьезных бед.

"Несчастный человек, с которым долгое время обращались как с грубым животным, слишком часто опускается ниже общепринятого стандарта человеческого рода. Жестокие цепи, сковывающие его тело, сковывают также его интеллектуальные способности и ослабляют социальные привязанности его сердца. Привыкший двигаться, как машина, по воле хозяина, человек отстранен от размышлений; у него

нет права выбора; разум и совесть почти не влияют на его поведение, поскольку им управляет страсть страха. Он беден и лишен друзей, возможно, изможден непосильным трудом, возрастом и болезнями.

В таких обстоятельствах свобода часто может оказаться несчастьем для него самого и вредом для общества".

"Внимание к эмансипированным чернокожим, надо надеяться, станет одним из направлений нашей национальной полиции; но насколько мы способствуем этому освобождению, настолько это внимание, очевидно, является серьезной обязанностью, лежащей на нас, и которую мы намерены исполнять в меру наших разумений и способностей".

"Наставлять, советовать, готовить тех, кто был возвращен к свободе, к осуществлению и пользованию гражданской свободой; развивать в них привычки к промышленности; обеспечивать их работой, соответствующей их возрасту, полу, талантам и другим обстоятельствам; давать их детям образование, рассчитанное на их будущее положение в жизни, - таковы основные черты прилагаемого плана, который мы приняли и который, как мы полагаем, будет в основном способствовать общественному благу и счастью этих наших до сих пор слишком пренебрегаемых собратьев.

"Столь обширный план не может быть осуществлен без значительных денежных средств, выходящих за рамки нынешних обычных фондов Общества. Мы надеемся на щедрость просвещенных и доброжелательных свободных людей и с благодарностью примем любые пожертвования или подписки на эти цели, которые могут быть сделаны нашему казначею Джеймсу Старру или Джеймсу Пембертону, председателю нашего Комитета по переписке.

"Подписано по распоряжению Общества,

Б. Франклин, *президент*".

"Филадельфия, 9 ноября 1789 года".

И в качестве своего последнего публичного акта Франклин поставил свою подпись под нижеприведенным мемориалом, адресованным Конгрессу Соединенных Штатов

"Мемориал с уважением показывает.

"Что, заботясь о счастье человечества, несколько лет назад в этом штате несколькими гражданами различных религиозных конфессий была создана ассоциация для содействия отмене рабства и помощи тем, кто незаконно находится в рабстве. Справедливое и острое представление об истинных принципах свободы, распространившееся по стране, привело к пополнению их рядов, появлению многочисленных друзей и законодательному сотрудничеству с их взглядами, которые, по благословению Божественного провидения, были успешно направлены на освобождение от рабства большого числа их собратьев африканской расы. Они также с удовлетворением отмечают, что под влиянием духа филантропии и подлинной свободы, который в целом распространяет свое благотворное влияние, подобные учреждения формируются в стране и за рубежом.

"В то, что все люди созданы одним и тем же Всемогущим Существом, одинаково являются объектами его заботы и одинаково предназначены для наслаждения

счастьем, учит нас верить христианская религия, и политическое кредо американцев полностью совпадает с этим положением. Ваши мемориальцы, занимающиеся, в частности, проблемами, связанными с рабством, считают своим неперменным долгом довести этот вопрос до вашего сведения. Они с искренним удовлетворением отметили, что вы наделены многими важными и полезными полномочиями для "содействия благосостоянию и обеспечения благ свободы для народа Соединенных Штатов"; и поскольку они считают, что эти блага должны по праву распространяться, без различия цвета кожи, на все категории людей, они предаются приятным ожиданиям, что ничто из того, что может быть сделано для облегчения несчастных объектов их заботы, не будет упущено или отложено.

"Исходя из убеждения, что равная свобода изначально была уделом и до сих пор является правом всех людей по рождению; под влиянием прочных связей человечества и принципов его учреждения, ваши мемориальцы считают себя обязанными предпринять все оправданные усилия, чтобы ослабить пути рабства и способствовать всеобщему пользованию благами свободы. Под этим впечатлением они убедительно просят вас обратить серьезное внимание на предмет рабства; чтобы вы благосклонно отнеслись к восстановлению свободы для тех несчастных, которые одни в этой стране свободы попали в вечное рабство и которые, среди общей радости окружающих свободных людей, стонут в подневольном подчинении; Что вы разработаете средства для устранения этого несоответствия в характере американского народа; что вы будете способствовать милосердию и справедливости по отношению к этой бедствующей расе; и что вы будете действовать на самом пределе власти, данной вам для предотвращения любого вида торговли людьми наших собратьев.

"Бендж. Франклин, *президент*.

"Филадельфия, 3 февраля 1790 года".

Сессия Конгресса, состоявшаяся в 1790 году, была бурной. Вопрос о рабстве вновь стал преследовать его членов. 12 февраля был зачитан мемориал Пенсильванского общества. Он вызвал новую дискуссию и сильно возмутил многих южных членов. Как только мемориал был зачитан, на сцену подняли "Мемориал квакеров", который был зачитан днем ранее, и мистер Хартли предложил принять его. Последовали долгие и ожесточенные дебаты. Было выдвинуто обвинение, что мемориал - это "злонамеренная попытка, неправомерное вмешательство, в лучшем случае - акт неосторожности", и что он "вызовет тревогу и послужит трубой для мятежа в южных штатах". Мистер Скотт из Пенсильвании в ответ заявил: "Я не могу сомневаться в том, что мемориал строго соответствует Конституции. Он касается части обязанностей, возложенных на нас этим документом". Мистер Шерман высказался за принятие мемориала и *подробно изложил* свои доводы. Мистер Смит из Южной Каролины сказал: "Несмотря на все спокойствие, с которым некоторые джентльмены отнеслись к этому вопросу, они поймут, что одно лишь его обсуждение вызовет тревогу. Нам сказали, что если это так, то мы должны были бы избежать обсуждения, ничего не говоря. Но не для этого мы были посланы сюда. Мы рассматриваем эту меру как посягательство на собственность; поэтому наш долг - противостоять ей всеми доступными нам средствами. Когда мы вступили в политическую связь с другими штатами, эта собственность была там. Она была приобретена при прежнем правительстве в соответствии с законами и конституцией, и любая попытка лишить нас ее должна носить характер закона задним числом и, как таковая, запрещена нашим политическим договором". Следуя неразумному и недостойному примеру, поданному джентльменами, которые предшествовали ему в этом вопросе, он

обрушился на квакеров. "Его избиратели не хотят получать уроки религии и морали, и меньше всего от таких учителей".

Мэдисон, Джерри, Боудинот и Пейдж высказались за принятие обязательств. По вопросу о принятии решения, когда потребовались голоса "за" и "против", решение было принято сорока тремя голосами против одиннадцати. Из последних шесть человек представляли Джорджию и Южную Каролину, двое - Виргинию, двое - Мэриленд и один - Нью-Йорк. Был объявлен специальный комитет, которому был передан мемориал, состоящий из одного члена от каждого из следующих штатов: Нью-Гэмпшира, Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Пенсильвании и Вирджинии. По истечении месяца комитет представил Конгрессу следующий отчет

"Первое. Генеральное правительство было прямо ограничено до 1808 года в праве запрещать ввоз любых лиц, которых любой из существующих штатов мог бы до того времени счесть нужным принять. 2d. Что, согласно справедливому толкованию конституции, конгресс был в равной степени ограничен от вмешательства в освобождение рабов в штатах, если эти рабы были рождены там или были импортированы в течение упомянутого периода. 3d. Что конгресс не имеет права вмешиваться во внутреннее регулирование отдельных штатов относительно обучения рабов принципам морали и религии, их удобной одежды, жилья и средств к существованию, регулирования браков или нарушения супружеских прав, разлучения детей и родителей, удобного обеспечения в случае возраста или немощи, а также захвата, перевозки и продажи свободных негров; Но при этом они полностью доверяли мудрости и гуманности законодательных органов штатов, которые время от времени будут пересматривать свои законы и способствовать принятию этих и всех других мер, направленных на обеспечение счастья рабов. Четвертый утверждал, что конгресс имеет право взимать налог в размере десяти долларов, если сочтет нужным, с каждого человека, ввозимого по специальному разрешению любого из штатов. Пятая декларировала полномочия конгресса запрещать или регулировать африканскую работорговлю в той мере, в какой она может осуществляться гражданами Соединенных Штатов для снабжения иностранных государств, а также обеспечивать гуманное обращение с рабами во время их следования в любые порты Соединенных Штатов, в которые они могут быть допущены. Шестой утверждал право конгресса запретить иностранцам оборудовать в Соединенных Штатах суда, которые будут использоваться для снабжения иностранных государств рабами из Африки. Седьмой выражал намерение конгресса использовать свои полномочия в полной мере для содействия гуманным целям, на которые направлен мемориал квакера".

Мистер Такер выступил против доклада комитета и, после ожесточенной речи о неконституционности вмешательства в вопрос о рабстве любым способом, внес предложение о замене всего доклада, в котором он объявил рекомендации комитета "неконституционными и направленными на нанесение ущерба некоторым штатам Союза". Мистер Джексон поддержал это предложение в довольно резкой речи, на которую ответил мистер Вайнинг. Замена мистера Такера была объявлена вне очереди. Мистер Бенсон предложил вернуться к рассмотрению, надеясь избавиться от этой темы, но это предложение было подавляющим большинством голосов отклонено. Доклад был рассмотрен постатейно. Три первые резолюции (касающиеся власти Конгресса над рабством в штатах) были приняты, а вторая и третья были объединены в одну, лишенную

предосудительных черт. Но по четвертой резолюции дебаты разгорелись с новой силой. Он касался десятидолларового налога. Мистер Такер предложил внести поправку, исключив четвертую резолюцию. Последовало длительное обсуждение, и, когда вопрос был поставлен, он был принят одним голосом. Пятая резолюция, подтверждающая полномочия Конгресса регулировать работорговлю, вызвала огонь со стороны Джексона, Смита и Такера. Мистер Мэдисон предложил несколько изменить ее. Противники этой резолюции утверждали, что под предлогом регулирования торговли Конгресс может полностью ее запретить. Мистер Вайнинг из Делавэра, несколько потеряв терпение из-за требований южных членов, очень ясно сказал этим джентльменам, что они должны быть удовлетворены изменениями, уже сделанными в угоду им; что они должны проявить некоторое уважение к комитету; что все штаты от Вирджинии до Нью-Гэмпшира приняли законы, запрещающие работорговлю; а затем выступил с красноречивой защитой квакеров. Резолюция, измененная г-ном Мэдисоном, принята.

Шестая резолюция, касающаяся иностранной работорговли, осуществляемой из портов Соединенных Штатов, привлекла большое внимание. Мистер Скотт произнес по ней развернутую речь, в которой заявил, что если речь идет о полномочиях Конгресса регулировать иностранную работорговлю, то у него нет никаких сомнений в полномочиях этого органа. "Я хочу, - сказал этот джентльмен, - чтобы мир знал, я хочу, чтобы те люди на галерее, о которых так много говорилось, знали, что на этом этаже есть по крайней мере один член, который считает, что у Конгресса достаточно полномочий, чтобы сделать все, что они просят, в отношении африканской работорговли. Я также не сомневаюсь, что Конгресс, если того потребует необходимость или политика, воспользуется этими полномочиями". Мистер Джексон попытался ответить. Он начал с трудоемких аргументов, доказывающих божественное происхождение рабства, цитируя Священное Писание; показал, что греки и римляне держали рабов, и т. д. За ним последовал Смит из Южной Каролины и поддержал его. Слово получил Боудинот, который, защищая квакеров и восхваляя Франклина, заявил, что в мемориале нет ничего неразумного, что он просто просит их "дойти до самой крайней грани Конституции", но не выходить за ее пределы. После дальнейших дебатов была принята шестая резолюция.

Седьмая резолюция, обязывающая Конгресс использовать все свои полномочия для ограничения работорговли и, как некоторые понимали, для отказа от рабства, была исключена. Затем комитет встал и доложил о принятых резолюциях палате представителей. На следующий день, 23 марта 1790 года, после решения некоторых предварительных вопросов было внесено предложение принять отчет комитета. Эймс, Мэдисон и другие считали, что этот вопрос, занявший так много времени в палате, должен быть оставлен там, где он был; или, как выразился мистер Мэдисон, просто занесен в Журналы как вопрос публичной записи. После небольшого обсуждения это предложение было принято двадцатью девятью голосами против двадцати пяти. Соответственно, запись была сделана следующим образом

"Что миграция или импорт таких лиц, которых любой из ныне существующих штатов сочтет нужным принять, не может быть запрещена конгрессом до 1808 года.

"Конгресс не имеет права вмешиваться в освобождение рабов или в обращение с ними в любом из штатов, и только штаты могут устанавливать любые правила, которых требуют гуманность и истинная политика".

"Конгресс уполномочен удерживать граждан Соединенных Штатов от ведения африканской работорговли с целью снабжения иностранцев рабами и

обеспечивать надлежащими правилами гуманное обращение с рабами, ввозимыми указанными гражданами в штаты, допускающие такой ввоз, во время их перевозки".

"Конгресс также имеет право запретить иностранцам оборудовать в любом порту Соединенных Штатов суда для перевозки людей из Африки в любой иностранный порт".

Перепись 1790 года дала следующие данные о численности рабов в штатах:...

Рабское население - перепись 1790 года.

Коннектикут	2,759
Делавэр	8,887
Джорджия	29,264
Кентукки	11,830
Мэриленд	103,036
Нью-Гэмпшир	158
Нью-Джерси	11,423
Нью-Йорк	21,324
Северная Каролина	100,572
Пенсильвания	3,737
Род-Айленд	952
Южная Каролина	107,094
Вермонт	17
Вирджиния	293,427
Территория к югу от Огайо	3,417

Совокупное население - 697 897 человек.

Вермонт был принят в Союз 18 февраля 1791 года; Первая статья Билля о правах гласила, что "ни один человек мужского пола, родившийся в этой стране или привезенный из-за моря, не должен быть обязан по закону служить кому-либо в качестве слуги, раба или ученика после достижения им возраста двадцати одного года, равно как и женщина, подобным образом, после достижения ею возраста двадцати одного года, если только они не связаны своим собственным согласием после достижения такого возраста или не связаны законом для уплаты долгов, ущерба, штрафов, расходов или тому подобного." Это положение содержалось в первой Конституции этого штата, и, следовательно, она была первой, отменившей и запретившей рабство в Северной Америке.

4 февраля 1791 года Кентукки был принят в Союз на основании акта Конгресса, хотя у него не было конституции. Но уже в следующем году была принята Конституция. По ней законодательный орган был лишен права освобождать рабов без согласия владельца и без выплаты полной стоимости рабов перед их освобождением; также не могли быть приняты законы, запрещающие эмигрантам из других штатов привозить с собой лиц, считающихся рабами по законам других штатов Союза, до тех пор, пока эти лица будут оставаться рабами в Кентукки. Законодательное собрание имело право запретить ввоз в штат рабов с целью продажи. Хозяева должны были гуманно относиться к своим рабам, правильно кормить и одевать их, а также воздерживаться от применения любых наказаний, угрожающих жизни и здоровью. Могли быть приняты законы, предоставляющие владельцам право

эмансипировать своих рабов, но требующие гарантий того, что эмансипированные рабы не станут обузой для графства.

Во время сессии Конгресса в 1791 году Пенсильванское общество за отмену рабства представило еще один меморандум, призывающий Конгресс воспользоваться полномочиями, которые были объявлены им в докладе комитета, опубликованном в журналах палаты. Ободренные таким образом, другие общества против рабства из Род-Айленда, Коннектикута, Нью-Йорка, Вирджинии и несколько местных обществ Мэриленда представили меморандумы, в которых молились о подавлении рабства в Соединенных Штатах. Они были переданы в специальный комитет, и, поскольку они не представили никакого отчета, Нью-Гэмпшир и Массачусетс в следующем году обратили внимание Конгресса на эту тему. 24 ноября 1792 года мистер Уорнер Миффлин, квакер из Делавэра, выступающий против рабства, обратился к Конгрессу с меморандумом по общей теме рабства, который был зачитан и положен на стол без обсуждения. 26 ноября мистер Стут из Северной Каролины сделал несколько резких замечаний по поводу самонадеянности квакера и предложил вернуть петицию заявителю, а клерку поручить стереть запись из журнала. Это вызвало бурную дискуссию, но в конце концов петиция была возвращена автору, а предложение стереть запись из журнала было отозвано инициатором.

В 1793 году был принят закон, предусматривающий возвращение беглецов от правосудия и от службы: "В случае побега из любого штата или территории любого лица, привлеченного к службе или труду по его законам, лицо, которому причитается такой труд, его агент или адвокат могут схватить беглеца и доставить его к любому судье Соединенных Штатов или к любому магистрату города, поселка или графства, в котором был произведен арест; И такой судья или магистрат, доказав в устной форме или под присягой перед любым другим магистратом, что арестованный действительно является беглецом и обязан работать, как утверждается, должен был выдать истцу соответствующее свидетельство, которое должно было служить достаточным ордером для высылки беглеца в тот штат, откуда он сбежал. Любое лицо, препятствующее такому аресту или высылке, а также укрывающее или скрывающее беглеца после уведомления, наказывалось штрафом в 500 долларов, который взыскивался с истца".

В 1794 году в Филадельфии состоялся съезд против рабства, на котором были представлены почти все аболиционистские общества страны. Был составлен мемориал, тщательно избегающий конституционных возражений, который был адресован Конгрессу с просьбой сделать все возможное для прекращения работорговли. Этот мемориал, а также несколько других петиций были переданы в специальный комитет. В положенное время они представили законопроект, который прошел без особых возражений. Это был первый акт правительства по пресечению работорговли, и он был мягким, как летний день. В среду, 7 января 1795 года, в Филадельфии состоялось еще одно собрание, второе по счету, на котором рассматривались меры по борьбе с рабством. Был зачитан закон Конгресса.

"Акт, запрещающий работорговлю из Соединенных Штатов в любую иностранную страну или место.

"Раздел I. Сенат и Палата представителей Соединенных Штатов Америки, собравшись в Конгресс, постановляют, что ни один гражданин или гражданки Соединенных Штатов, или иностранец, или любое другое лицо, прибывающее или проживающее на их территории, не должны для себя или любого другого лица, будь то в качестве хозяина, или владельца, строить, оснащать, оборудовать, загружать или иным образом готовить любой корабль или судно в любом порту или месте

указанных Соединенных Штатов, а также заставлять любой корабль или судно отплывать из любого порта или места в этих же пределах с целью ведения любой торговли или перевозки рабов в любую иностранную страну; или с целью получения из любого иностранного королевства, места или страны жителей такого королевства, места или страны для перевозки в любую иностранную страну, порт или место, где бы они ни находились, для продажи или отчуждения в качестве рабов: И если какой-либо корабль или судно будет оборудован, как указано выше, для указанных целей, или будет пущен в плавание, как указано выше, каждый такой корабль или судно, его снасти, мебель, одежда и другие принадлежности, будут конфискованы в пользу Соединенных Штатов; и будут подлежать аресту, судебному преследованию и осуждению в любом окружном суде или суде района, где может быть найден и арестован указанный корабль или судно.

"Раздел II. И да будет далее постановлено, что все и каждый человек, строящий, оснащающий, снаряжающий, загружающий или иным образом подготавливающий или отсылающий любой корабль или судно, зная или намереваясь, что оно будет использоваться в такой торговле или бизнесе, вопреки истинному намерению и смыслу этого закона, или каким-либо образом содействуя или пособничая в этом, должны по отдельности конфисковать и выплатить сумму в две тысячи долларов, одну часть из которых - в пользу Соединенных Штатов, а другую часть - в пользу того, кто подаст иск и будет преследовать его".

"Раздел III. И да будет далее постановлено, что владелец, хозяин или владелец каждого иностранного корабля или судна, направляющегося к любому из берегов или королевств Африки или подозреваемого в том, что оно предназначено для работорговли, и это подозрение будет заявлено таможенному офицеру любым гражданином под присягой или утверждением, и эта информация будет удовлетворительной для упомянутого офицера, должен предварительно дать казначею Соединенных Штатов залог с достаточным количеством поручителей, что ни один из уроженцев Африки или любой другой иностранной страны или места не будет взят на борт указанного корабля или судна для перевозки или продажи в рабство в любом другом иностранном порту или месте в течение девяти месяцев после этого.

"Раздел IV. И далее постановляется, что если какой-либо гражданин или граждане Соединенных Штатов, вопреки истинному намерению и смыслу настоящего закона, возьмут на борт, примут или перевезут любых лиц, описанных выше в настоящем законе, с целью продажи их в рабство, как указано выше, то он или они должны конфисковать и выплатить за каждого человека, принятого на борт, перевезенного или проданного, как указано выше, сумму в двести долларов, которая будет взыскана в любом суде Соединенных Штатов, надлежащем для рассмотрения этого дела; одна часть из них - в пользу Соединенных Штатов, а другая часть - в пользу такого лица или лиц, которые подадут иск и будут преследовать его.

Фредерик Августус Муленберг",

Спикер Палаты представителей.

"Джон Адамс,

*Вице-президент Соединенных Штатов и
Председатель Сената.*

"Одобрено двадцать второго марта 1794 года.

Г^о: Вашингтон, *президент Соединенных Штатов*".

В 1797 году Конгресс вновь столкнулся с мрачной проблемой рабства, которое не желало отступать по их указке. Ежегодное собрание квакеров Филадельфии направило в Конгресс мемориал, в котором жаловалось, что около ста тридцати четырех негров и другие, о которых они не знают, будучи законно эмансипированными, впоследствии были обращены в рабство на основании закона, принятого *задним числом* Северной Каролиной в 1777 году с этой жестокой целью. После долгих дебатов мемориал был передан в комитет, который впоследствии сообщил, что вопрос, на который жалуются, относится исключительно к компетенции суда, и что Конгресс не имеет никаких полномочий в этом вопросе.

Во время той же сессии был внесен законопроект, согласно которому вся часть бывшей британской провинции Западная Флорида, находящаяся под юрисдикцией Соединенных Штатов, была образована в правительство под названием Территория Миссисипи. Она должна была управляться во всех отношениях так же, как территория к северо-западу от Огайо, за тем лишь исключением, что рабство не должно было быть запрещено. Во время обсуждения этого раздела законопроекта мистер Тэтчер из Массачусетса предложил внести поправку, исключив из него исключение о рабстве, чтобы привести его в соответствие с идеями, высказанными мистером Джефферсоном за несколько лет до этого в отношении Западной территории. Но после бурных дебатов предложение мистера Тэтчера было отклонено, получив всего двенадцать голосов. Поправка мистера Харпера из Южной Каролины, предложенная несколькими днями позже, запрещающая ввоз рабов на новую территорию Миссисипи из пределов Соединенных Штатов, прошла без возражений.

В 1798 году Джорджия пересмотрела свою конституцию и запретила ввоз рабов "из Африки или любого другого иностранного места". Кодекс законов о рабах был значительно смягчен. Любой человек, злонамеренно убивший или расчленивший раба, должен был понести такое же наказание, как если бы это деяние было совершено в отношении свободного белого человека, за исключением случаев мятежа или "если такая смерть не произойдет случайно, при умеренном исправлении раба". Но, как и в Кентукки, конституция Джорджии запрещала эмансипацию рабов без согласия их владельца и поощряла эмигрантов ввозить рабов в штат.

В 1799 году, после трех неудач, законодательное собрание Нью-Йорка приняло законопроект о постепенном уничтожении рабства. Он предусматривал, что все лица, находившиеся в рабстве на момент принятия билля, должны оставаться в рабстве пожизненно, но все их дети, родившиеся после четвертого дня июля следующего года, должны быть свободными, но обязаны оставаться под руководством владельца своих родителей, мужчины до двадцати восьми, а женщины до двадцати пяти лет. Вывоз рабов был запрещен, а если попытка была предпринята, и стороны были задержаны, рабы должны были быть *немедленно* освобождены. Лицам, переезжающим в штат, не разрешалось привозить рабов, если только они не владели ими в течение года до приезда в штат.

В 1799 году Кентукки пересмотрел свою конституцию, чтобы удовлетворить потребности растущего штата. Была предпринята попытка включить в нее положение, предусматривающее постепенную эмансипацию. Ее поддержал Генри Клей, который, будучи молодым юристом и многообещающим оратором, начал с этого блестящую политическую карьеру, продолжавшуюся полвека. Но даже его волшебное красноречие не смогло обеспечить принятие гуманной поправки, и в отношении вопроса о рабстве Конституция не получила никаких изменений.

По мере того как тени сгущались над уходящими днями восемнадцатого века, становилось ясно, что рабство как институт укоренилось в политической и правовой жизни Американской республики. Сословие, несущее зло, чреватое опасностью для нового правительства, сначала вызывавшее отвращение и неприятие, в конце концов было принято с большой политической проницательностью и взвешенностью, а затем защищено торжественными формами конституционного права и законодательными актами.

ССЫЛКИ:

[627] St. Clair Papers, vol. i. p. 120.

[628] Пункт "три пятых всех других лиц" относится к неграм-рабам. Курсив наш. Негр упоминается как *человек* на протяжении всей Конституции.

[629] Madison Papers, Elliot, vol. v. pp. 392, 393.

[630] Там же, том v, стр. 391, 392.

[631] Madison Papers, Elliot, vol. v. pp. 457-461.

[632] Madison Papers, Elliot, vol. v. pp. 477, 478.

[633] Изучите Хилдрета и "Секретные дебаты" по вопросу о "компромиссах".

[634] Travels, etc., vol. ii. p. 166.

[635] M.H.S. Coll., 5th Series, III., p. 403.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Часть I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ.

ГЛАВА I.

ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

В Деяниях хvii. 26 апостол говорит: "И создал Бог из одной крови все народы человеческие для обитания по лицу земли, и определил времена, которые прежде были назначены, и пределы обитания их". В Евангелии от Марка хvi. 15, 16 записано замечательное повеление нашего Спасителя: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Верующий и крестящийся да спасется; а неверующий да будет проклят" (см. также Мф. хxviii, 16). (См. также Матф. хxviii. 18, 20). Между заявлением апостола и повелением Господа нашего Иисуса Христа существует очень тесная связь, ведь именно повинаясь этому повелению, апостол в то время находился в Афинах. Там, среди гордых и тщеславных философов Греции, в центре ее великолепной столицы, окруженной со всех сторон самыми благородными произведениями искусства и гордыми памятниками учености, апостол провозглашает равенство всех людей, их общее происхождение, вину и опасность, а также их всеобщую

обязанность принять и принять Евангелие. Афиняне, как и другие древние народы, вопреки собственной мифологии, считали себя особой и отдельной расой, созданной на той самой почве, которую они населяли, и возвышающейся над земными варварами, - так же, как они считали другие расы людей. Однако Павел, как вдохновенный и непогрешимый учитель, авторитетно заявляет, что "Бог, сотворивший мир и все в нем", "сотворил от одной крови" и произвел от одной первоначальной пары весь род человеческий, который теперь по Его провидению распространяется так, что населяет "все лицо земли", наметив в Своем вечном и безошибочном совете определенные периоды для их обитания и границы областей, которые они должны населять.

Апостол в этом отрывке очень явно ссылается на записи о ранней колонизации и заселении земли, содержащиеся в книгах Моисея. Некоторые греческие копии сохранили только слово *ενος*, опустив *αἱματος*, которого придерживается вульгарная латынь. Арабская версия, чтобы объяснить оба варианта, имеет *ex homine*, или, как переводит De Dieu, *ex Adamo uno*, поскольку в восточных языках между *dam* и *adam* существует лишь разница в одну букву, одна из которых обозначает кровь, а другая - человека. Но если мы примем этот отрывок в том виде, как его читают наши более распространенные копии, *ἐξ ἑνός αἱματος*, то все равно ясно, что смысл не в том, что все человечество было создано из одной и той же однородной материи, как слабо представлял себе автор сочинения под названием "Доадамиты", ибо на этом основании не только человечество, но и весь мир можно было бы назвать *ex hēnos haimatos*, то есть из одной крови, поскольку все вещи в мире изначально были созданы из одной и той же материи. Поэтому слово *αἶμα* здесь следует понимать в том же смысле, в каком оно встречается у лучших греческих авторов: "из чего произошли люди".

"Ἐτ' ἐτεοῦ ὕμνος ἐστὶ καὶ αἱματος ἡμετέροιο".

Подобным образом тех, кто находится в близком родстве, Софокл называет *οἱ πρὸς αἱματος*. Отсюда и термин "кровосмешение", используемый для обозначения близкого родства. Вергилий использует слово *sanguis* в том же смысле.

"Trojano a sanguine duci".

Таким образом, апостол хочет сказать, что, как бы ни были рассеяны люди по местам своего обитания и как бы ни отличались они друг от друга по языку и обычаям, все они изначально принадлежали к одному роду и вели свое происхождение от первого человека, которого создал Бог, то есть от Адама, от имени которого происходит еврейское слово "кровь" - то есть "дам".

Невозможно также понять, по какой причине Адам в Писании назван "первым человеком" и сказано, что он был "сотворен душою живою" и "из земли земной", если только это не означает, что он был абсолютно первым в своем роде и, следовательно, был призван быть стандартом и мерилем всех рас людей. И таким образом, когда наш Спаситель хочет проследить все вещи до начала, он иллюстрирует свою доктрину, цитируя слова, которые были произнесены после создания Евы. "Но от начала творения сотворил Бог мужчину и женщину, для сего оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей" Теперь ничто не может быть более ясным и неопровержимым, чем то, что те, о ком были сказаны эти слова, были первыми мужчиной и женщиной, которые были сотворены в "начале творения". Столь же очевидно, что эти слова были сказаны об Адаме и Еве, ибо "Адам сказал: вот, это кость от кости моей и плоть от плоти моей; посему оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей" Если Писания Нового Завета истинны, то совершенно ясно и очевидно, что все человечество происходит от Адама.[636]

ПРОКЛЯТИЕ ХАНААНА.

Нет необходимости - более того, это недопустимо - принимать слова Ноя о Шеме и Иафете как *пророческие*. Вскоре мы увидим, что как пророческие они не оправдались. Давайте не будем, объясняя Писание, вводить *сверхъестественное*, когда достаточно *естественного*. Ной уже достаточно давно и хорошо знал особенности своих сыновей, чтобы с некоторой долей вероятности предположить их дальнейший путь, а затем успех или неудачу в жизни. Так поступают родители и в наши дни. Об одном сыне они говорят: "Он добьется успеха, он такой послушный, такой экономный, такой трудолюбивый". О другом говорят: "Из него выйдет хороший адвокат - он такой резкий в споре". О другом говорят: "Мы воспитаем его для служения, потому что у него есть подходящие качества", а о другом, возможно, вынуждены предсказать, что он не добьется успеха, потому что он ленив, эгоистичен и чувственен. Разве требуется особое вдохновение, чтобы отец, обладающий обычным здравым смыслом, смог обнаружить особые таланты и склонности своих детей и предсказать вероятное будущее каждого из них? Иногда они попадают в точку, иногда промахиваются. Не следует ли признать, что Ной мог сделать столь же вероятный прогноз в отношении своих сыновей, как и ваш отец в отношении вас или как вы считаете себя компетентным сделать в отношении любого из ваших сыновей? Ной сделал хороший удар. То, что он сказал о будущем своих сыновей и их потомства, в некоторых отношениях оказалось так, как он сказал, но *не совсем точно*, - не настолько точно, чтобы мы могли назвать его слова вдохновенным пророчеством, как мы сейчас покажем.

Но если мы хотим утвердить или оправдать рабство на основании этих слов Ноя, исходя из того, что Бог *говорил* через Ноя о проклятии и благословении, о которых здесь говорится, мы вправе ожидать, что факты истории будут соответствовать. Если факты истории не соответствуют этим словам Ноя, значит, Бог не говорил их Ноем как свои собственные. Давайте разберемся в этом вопросе. Те, кто толкует проклятие Ханаана как божественную власть над рабством, утверждают, что Бог *предписал потомкам Хама быть рабами*. Потомки Шема, разумеется, не обречены на это проклятие. Если предположить, что это слова Бога, а не обличения раздраженного отца, только что очнувшегося от пьянства, то мы не должны обнаружить ни одного из *потомков Ханаана в состоянии рабства, ни одного из потомков Шема в нем*. А если и найдем, то либо это не Божьи слова, либо Божьи слова не сбылись.

Но факт заключается в том, что не все потомки Хама и даже не все потомки Ханаана (на которого *одного*, а вовсе не *на Хама* и не на трех других его сыновей пало проклятие Ноя) находятся сейчас *и никогда не находились* в состоянии рабства. Ханаанеи были не рабами, а свободными и сильными племенами, когда на их территорию пришли евреи. Карфагеняне, по общему признанию, происходили из Ханаана. Они, безусловно, были свободными и сильными, когда в частых войнах боролись, часто с успехом, с грозными римлянами. Если проклятие Ноя предназначалось для всех потомков Хама, то оно явно не сработало в случае с первым военным героем, упомянутым в Библии, который стал основателем всемирно известного города и империи. Я имею в виду Нимрода, который был сыном Куша, старшего сына Хама. Об этом Нимроде сказано: "Он начал быть сильным на земле; он был сильный охотник пред Господом; и начало царства его было Вавилон, и Эрех, и Акад, и Калнех, в земле Синарской. Из той земли вышел Ассур и построил Ниневию, и город Рехобот, и Калах, и Ресен, между Ниневией и Калахом; это великий город". Это библейский авторитет, сообщающий нам, что внук Хама (Нимрод, сын Куша) был могущественным человеком - *великим человеком* мира в свое время, основателем Вавилонской империи и предком основателя города Ниневии, одного из величайших городов древнего мира. Из этих

замечательных достижений потомства Куша (прародителя негров) мы не можем сделать вывод, что эта линия потомков Хама была настолько *слаба умом*, что не могла создать и поддерживать правительство.[637]

ССЫЛКИ:

[636] Единство человеческих рас, с. 14-17.

[637] Проклятие Ханаана, с. 5-7. Преподобный К. Х. Эдгар.

ГЛАВА III.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НЕГРОВ.

Д-р. Уайзмен также показал, что и Аристотель, и Геродот описывают египтян, к которым за мудростью обращались Гомер, Ликург, Солон, Пифагор и Платон, как имеющих черную кожу, кривые ноги, искривленные ступни и шерсть негров, Из этого мы не хотим или считаем необходимым делать вывод, что египтяне были неграми, но, *во-первых*, идеи деградации и *нелюдимости*, связанные с темнокожими африканскими расами людей *сейчас*, не были приложены к ним в ранний период их истории; И *во-вторых*, египтяне, хотя и изображались как негры, рассматривались этими глубокими древними - одним натуралистом, а другим историком - как одна из ветвей человеческой семьи и как отождествленная с народом, чье происхождение от Хама не вызывает сомнений.[638] Египетская древность, не претендуя на приоритет социального существования для себя, часто указывала на области Хабеша, или высокогорной африканской Эфиопии, а иногда и на север, как на место обитания богов и полубогов, поскольку и то, и другое было промежуточными пунктами прародительских племен.[639]

Таким образом, есть все основания полагать, что первобытные египтяне в гораздо большей степени соответствовали африканским, чем европейским формам и физиономиям, а значит, было время, когда обучение, торговля, искусства, производство и т.д. ассоциировались с формой и характером человеческой расы, которые сегодня считаются свидетельством лишь деградации и варварского невежества.

Но зачем подвергать сомнению этот факт, если мы можем сослаться на древние и некогда славные королевства Мероэ, Нубии и Эфиопии, а также на доблесть и мастерство других древних и внутренних африканских народов? И среди существующих народов внутренней Африки наблюдается многообразное разнообразие в отношении самых черных рас. Характеристики самой настоящей негритянской расы встречаются не у *всех*, и не в одинаковой степени у *многих*.

Клаппертон и другие путешественники среди негритянских племен внутренней Африки подтверждают превосходство чистых негров над окружающими их смешанными расами по всем моральным характеристикам, а также описывают большие и густонаселенные королевства с многочисленными городами, хорошо возделанными полями и различными производствами, такими как ткачество, крашение, дубление, обработка железа и других металлов, а также гончарное дело.[640]

Из приведенных нами фактов следует, что одна из самых ранних рас людей, о существовании, цивилизации и физиономии которых у нас есть хоть какие-то доказательства, была темного или черного цвета. "Мы должны, - говорит Причард, - в

настоящее время рассматривать черные расы как аборигенов Келенонезии, или Океании, то есть как незапамятных и первобытных жителей. Нет причин сомневаться в том, что они были распространены на острове Австрал задолго до того, как туда же или в прилегающие регионы пришли малайско-полинезийцы. Мы не можем определенно сказать, как далеко в прошлое это заведет нас, но поскольку далекая колонизация полинезийцев, вероятно, произошла до того, как остров Ява получил искусства и цивилизацию из Индостана, следует предположить, что она предшествовала на несколько веков яванской эпохе Батара Гуру и, следовательно, произошла до христианской эры."

Негритянская раса, по словам доктора Мортон, существует уже 3345 лет, что на 268 лет позже самого раннего упоминания о белой расе, о которой мы имеем отчетливое упоминание до 2200 года до нашей эры. Таким образом, существование негритянской расы определено примерно через 842 года после потопа, согласно древнееврейской хронологии, или через 1650 лет после потопа, согласно хронологии Септуагинты, которая, вполне возможно, была первоначальной древнееврейской хронологией. Таким образом, дается достаточно времени для размножения и распространения человека по земле, а также для формирования - либо по естественным, либо по сверхъестественным причинам, в сочетании с аномальным и совершенно необычным состоянием земли - всех различных рас людей.

Из архитектуры и других исторических свидетельств их характера также следует, что темные или черные расы, с более или менее негритянской физиономией, были в самый ранний период своей известной истории культурными и разумными, имели королевства, искусства и производства. И мистер Пикеринг уверяет нас, что нет ни одного факта, который бы свидетельствовал о том, что негритянское рабство не имеет современного происхождения. Таким образом, деградация этой расы людей должна рассматриваться как результат внешних причин, а не естественной, врожденной и изначальной неспособности.^[641]

ССЫЛКИ:

^[638] См. "Лекции д-ра Уайзмана о связи между наукой и религией", изд. Ам., стр. 95-98.

^[639] См. Nat. Hist. Human Species p. 373.

^[640] См. Британская энциклопедия, т. ii. стр. 237, 238.

^[641] Тидеман, о мозге негра, в Phil. Trans., 1838, p. 497

ГЛАВА VI.

ТИП НЕГРА.

Часто говорили, что, независимо от шерсти и цвета лица негров, между ними и остальным человечеством существует достаточно различий, чтобы выделить их как очень своеобразное племя. Это правда, и все же основные различия, возможно, не столь постоянны, как многие себе представляют. В наших вест-индских колониях можно увидеть очень много негров, особенно женщин, чьи фигуры поражают европейцев своей красотой. Этого бы не произошло, если бы они сильно отклонялись от распространенных в Европе представлений или от европейского стандарта красоты. Однако рабы в колониях, особенно в английских,

были привезены с западного побережья межтропической Африки, где в основном распространены особенности фигуры, которые в наших глазах являются уродством у негров. Чернокожие, ввезенные во французские и некоторые португальские колонии с восточного побережья Африканского континента и из Конго, гораздо лучше сделаны. Самые деградировавшие и дикие народы - самые уродливые. Среди наиболее развитых и частично цивилизованных, таких как Ашантис и другие внутренние штаты, фигура и черты туземцев гораздо больше приближаются к европейским. Самые уродливые негритянские племена обитают в экваториальных странах, а по обе стороны экватора, по мере продвижения к умеренным зонам, лица жителей наиболее красивы и хорошо сложены.

В одном из последующих разделов этой работы я буду ссылаться на авторов, которые доказали, что многие расы, принадлежащие к этому отделу человечества, отличаются красотой черт лица, прекрасным ростом и пропорциями. Адансон сделал это наблюдение о неграх на Сенегале. Он так описывает этих людей. "Их рост ниже среднего, они хорошо сложены и не имеют недостатков. Они крепкие, выносливые, с темпераментом, свойственным усталости. У них черные и упругие глаза, небольшая борода, черты лица очень приятные". Это полные негры, так как добавляется, что цвет лица у них чисто черный, волосы черные, вьющиеся, ватные и очень тонкие. Женщины, как говорят, почти одинакового роста с мужчинами и одинаково хорошо сложены. "Leur visage est d'une douceur extrême. У них черные, упругие дрожащие глаза, маленькие щеки и щеки, а также пропорциональные черты лица. Il s'en trouve plusieurs d'une beauté parfaite". Мистер Рэнкин, высокоинтеллектуальный путешественник, который точно и без предубеждений сообщает о результатах своих личных наблюдений, недавно дал аналогичное свидетельство в отношении некоторых из многочисленных племен северных негритянских земель, которые часто посещают английскую колонию Сьерра-Леоне. В черепе более развитых и цивилизованных народов среди шерстистых негров Африки наблюдается сравнительно небольшое отклонение от формы, которая может рассматриваться как общий тип человеческой головы. Например, М. Голберри уверяет нас, что иолофы, чей цвет кожи - глубокий прозрачно-черный, а волосы - шерстяные, крепкие и хорошо сложенные, с правильными чертами лица. Их лица, по его словам, бесхитростны и внушают доверие: они честны, гостеприимны, щедры и верны. Женщины мягкие, очень красивые, хорошо сложенные и с приятными манерами. По другую сторону экваториальной линии негры Конго, как утверждает Пигафетта, не имеют толстых губ и уродливых черт лица; за исключением цвета кожи, они очень похожи на португальцев. Кафиры в Южной Африке часто похожи на европейцев, как утверждали многие путешественники. Многие считают, что кафиров следует отделить от негров как отдельную ветвь человеческой семьи. Было доказано, что это ошибка. По форме черепа, которая является основным признаком, кафиры ассоциируются с подавляющим большинством шерстистых африканских народов.^[642]

НЕГРЫ.

Негры населяют Африку от южной границы Сахары до территории готтентотов и бушменов и от Атлантики до Индийского океана, хотя крайний восток их владений был отторгнут от них вторгшимися хамитами и семитами. У большинства негров высокий и узкий череп. По данным Велкера, средний процент ширины начинается с 68 и поднимается до 78. Вариации настолько велики, что среди восемнадцати голов из Экваториальной Африки Барнард Дэвис обнаружил не менее четырех брахицефалий. В большинстве случаев долихоцефализм сочетается с выдающейся верхней челюстью и косым расположением зубов, но есть и целые народы, которые являются чисто мезогнатическими. Приходится сожалеть, что, по мнению

некоторых заблуждающихся этнологов, негр был идеалом всего варварского и звероподобного. Они пытались отрицать его способность к совершенствованию и даже оспаривали его положение как человека. Считалось, что у негра овальный череп, плоский лоб, челюсти, похожие на рыло, пухлые губы, широкий плоский нос, короткие пунцовые волосы, ошибочно называемые шерстью, длинные руки, скудные бедра, ноги без коленной чашечки, сильно вытянутые пятки и плоские ступни. Однако ни одно племя не обладает всеми этими уродствами. Цвет кожи проходит через все градации, от черного эбенового дерева, как у джолоферов, до светлого оттенка мулатов, как у вакилема, а Барт даже описывает негров цвета меди в Марги. Что касается черепа, то у многих племен, как и у упомянутых выше джолоферов, челюсти не выдаются вперед, а губы не опухают. В некоторых племенах нос заостренный, прямой или крючковатый; говорят даже о "греческом профиле", а путешественники с удивлением говорят, что не видят среди негров ничего похожего на так называемый негритянский тип.

По мнению Поля Брока, верхние конечности негра сравнительно намного короче нижних и поэтому менее обезьяноподобны, чем у европейцев, и, хотя по длине бедренной кости негр может приближаться к пропорциям обезьяны, он отличается от них более короткой плечевой костью, чем европейцы. Несомненно, среди негров преобладают узкие и более или менее высокие черепа. Но единственный устойчивый признак, который можно назвать общим для всех, - это большая или меньшая темнота кожи, то есть желтый, медно-красный, оливковый или темно-коричневый цвет, переходящий в эбеново-черный. Цвет кожи всегда коричневее, чем в Южной Европе. Волосы обычно короткие, эллиптические в сечении, часто разделены продольно и сильно гофрированы. У негров Южной Африки, особенно у каффигов и бетшванов, волосы спутаны в пучки, хотя и не в такой степени, как у хоттентотов. Волосы черные, а в старости белые, но есть и негры с рыжими волосами, рыжими бровями и ресницами, а среди монбутту, на Уэлле, Швайнфурт даже обнаружил негров с пепельно-русыми волосами. Волосы на теле и борода имеются, хотя и не в изобилии; усы редки, хотя и не совсем неизвестны.

Негры образуют единую расу, поскольку преобладающие и постоянные черты характера встречаются как в Южной, так и в Центральной Африке, и поэтому было ошибкой выделять негров банту в особую расу. Но, судя по языку, южноафриканцы вполне могут быть отделены, как большая семья, от негров Судана.[\[643\]](#)

ССЫЛКИ:

[\[642\]](#) Prichard's Physical History of Mankind, vol. i. pp. 247-249.

СВЯЗЬ ФИЗИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА С КЛИМАТОМ.

Теперь, сравнивая эти несколько отделов между собой, мы обнаружим, что заметные различия в физическом характере, и особенно в цвете лица, отличают человеческие расы, которые соответственно их населяют, и что эти различия происходят последовательно или по градациям.

Во-первых, среди жителей стран Средиземноморья, включая испанцев, итальянцев, греков, мавров и жителей средиземноморских островов, почти повсеместно встречаются черные

волосы и темные глаза, и лишь один человек из нескольких сотен представляет собой исключение из этого замечания: к этому цвету волос и глаз присоединяется смугло-белый цвет лица, который французы называют цветом брюнетов. Мы должны заметить, что во всех зонах, на которые мы разделили европейский регион, изредка встречаются лица, схожие со средиземноморскими. Климат, действительно, не столь разнообразен, но даже одни и те же растения встречаются спорадически, как на севере Европы, так и в Альпах и Пиренеях. Но если провести сравнение между преобладающими цветами большого количества растений, то можно легко проследить чередование оттенков или разных тонов.

Во-вторых, в самой южной из трех зон, к северу от пирено-альпийской линии, а именно на широте Франции, преобладает каштаново-коричневый цвет волос, с которым определенным образом связаны цвет лица и цвет глаз.

В-третьих, в северных частях Германии, Англии, в Дании, Финляндии и значительной части России распространена ксантовая разновидность, сильно выраженная. Датчане всегда были известны как люди с цветочным цветом лица, голубыми глазами и желтыми волосами. Голландцы были названы Силиусом Италикусом "Auricomi Batavi", золотоволосыми батавами, а Линней определил финнов как племя, отличающееся "capillis flavis prolaxis".

В-четвертых, на севере мы находим норвежцев и шведов, как правило, высоких, беловолосых мужчин со светло-серыми глазами, которые так часто встречаются к северу от Балтики, что Линней указал их в определении жителей шведского Готланда. Затем к северу от горы Атлас мы имеем четыре хорошо заметные разновидности цвета лица, сменяющие друг друга, в точном соответствии с градациями широты и климата с юга на север. Таким образом, люди почти белые по цвету кожи, но в более южных из трех вышеописанных регионов с примесью коричневого цвета, или цвета лица брюнетов, или таких, которых мы называем смуглыми или мелкими людьми.

В-пятых, в следующем регионе, к югу от Атласа, коренные жители - это "gentes sub fusci coloris" Льва, а арабы-иммигранты в той же стране, как мы видели по многочисленным свидетельствам, имеют такой же высокий коричневый оттенок, но колеблющийся между ним и совершенным черным цветом.

В-шестых, с тропика и широты Сенегала начинается область преобладающего и почти повсеместного черного цвета, который продолжается, если мы ограничимся низкими и равнинными странами, через всю межтропическую Африку.

В-седьмых, за этим находится страна медноцветных и краснокожих людей, которые в Кафирланде составляют большинство, в то время как в межтропической Африке таких племен немного, да и те в горных странах.

И наконец, к мысу примыкают таунированные хоттентоты, едва ли более темные, чем монголы, на которых они похожи не только цветом кожи, но и многими другими признаками.

Давно известно, что когда путешественники поднимаются в горы, в каком бы регионе они ни находились, растительность на каждом последующем уровне меняет свой характер и приобретает более северный аспект, что свидетельствует о том, что состояние атмосферы, температура и физические условия в целом по мере приближения к высокогорным районам ассимилируются с особенностями, присущими высоким широтам. Таким образом, если цвет лица и другие телесные качества, присущие расам людей, зависят от климата и внешних условий, мы должны ожидать, что они будут меняться в зависимости от высоты поверхности, и если окажется, что они действительно подвергаются таким изменениям, это будет сильным

аргументом в пользу того, что эти внешние характеристики, действительно, зависят от местных условий. Теперь, если мы поинтересуемся физическими характеристиками племен, населяющих высокие участки в пределах любого из вышеуказанных регионов, мы обнаружим, что они совпадают с теми, которые преобладают в ровных или низких частях более северных районов. Швейцарцы, живущие в высоких горах над равнинами Ломбардии, имеют песочные или каштановые волосы. Какой контраст предстает перед путешественником, который спускается в Милан, где крестьяне имеют черные волосы и глаза, с ярко выраженными итальянскими и почти восточными чертами. В более высоких частях Бискайи вместо смуглого цвета лица и черных волос кастильцев местные жители имеют светлый цвет кожи, светло-голубые глаза и льняные или русые волосы. А в Атлантике, в то время как берберы на равнинах имеют смуглый цвет лица и черные волосы, мы видели, что горцы Шулуха светлые, а жители высокогорных районов Монс Аурасиус совершенно ксантозные, с рыжими или желтыми волосами и голубыми глазами, которые, как причудливо и без тени доказательств предполагают, достались им от вандальских войск Генсерика.

Даже в межтропическом регионе высокие возвышенности, поскольку они создают более прохладный климат, по-видимому, приводят к появлению светлого цвета лица. В высоких частях Сенегамбии, выходящих к Атлантике и охлаждаемых ветрами с Западного океана, где, как известно, температура умеренная и даже временами прохладная, светло-медного цвета фрелы окружены со всех сторон неграми, населяющими более низкие районы; почти в той же параллели, но на противоположном конце Африки, находятся высокие равнины Энареи и Каффы, где жители, как говорят, светлее, чем уроженцы Южной Европы. Сами галла и абиссинцы, пропорционально возвышенности населенной ими страны, более справедливы, чем уроженцы низких стран; И чтобы не делать исключений из сравнения прямоволосых рас с шерстистыми неграми или шунгаллами, они выдерживают такое же сравнение с племенами данакиль, хазорта и бишари, похожими на них волосами и чертами лица, которые населяют низкие районы между горами Тигре и берегами Красного моря, и которые одинаково или почти одинаково черны с неграми.

Можно отметить, что между местными условиями и существованием других признаков человеческих рас в Африке существует такая же четкая зависимость. Те расы, которые имеют негритянский характер в преувеличенной степени, и которые, можно сказать, приближаются к уродству в лице - самые уродливые негры с впалыми лбами, плоскими носами, кривыми ногами - во многих случаях являются жителями низких стран, часто болотистых местностей вблизи морского побережья, где многие из них, как папели, не имеют почти никаких других средств к существованию, кроме раковины рыбы, и случайных даров моря. Во многих местах такие же негритянские племена занимают густые леса в ложбинах под высокими цепями гор, вершины которых населены абиссинцами или эфиопами. Высокие столовые земли Африки, насколько известно, в основном являются местом обитания или скитаний племен такого характера или народов, которые, как кафиры, очень сильно отступают от негритянского типа. Мандинго - действительно негритянская раса, обитающая в высокогорных районах; но у них нет ни впалого лба, ни выступающих черт лица, которые считаются характерными для негритянской расы.^[644]

ССЫЛКИ:

^[643] Peschel, The Races of Man, pp. 462-464.

ГОРОДА АФРИКИ.

Карфаген. Основание этого знаменитого города приписывают Элиссе, тирийской принцессе, более известной под именем Дидо; поэтому его можно отнести к 3158 году мира, когда Иоас был царем Иудеи; 98 лет до основания Рима и 846 лет до Рождества Христова. Тирский царь, отец знаменитой Иезавели, называемый в Писании Этбаалом, был ее прадедом. Она вышла замуж за своего ближайшего родственника Ацербаса, также называемого Сихарбасом, или Сихеем, чрезвычайно богатого принца, братом которого был Пигмалион, царь Тира. Пигмалион предал Сихея смерти, чтобы иметь возможность завладеть его огромными сокровищами, но Дидо избежала жестокой алчности брата, тайно вывезя имущество покойного мужа. С большим отрядом последователей она покинула свою страну и, проблуждав некоторое время, высадилась на побережье Средиземного моря в Африке и основала свое поселение на дне залива, на полуострове, неподалеку от того места, где сейчас стоит Тунис. Многие из окрестных жителей, привлеченные перспективой наживы, отправились туда, чтобы продавать чужеземцам предметы первой необходимости, и вскоре объединились с ними. Собранные таким образом из разных мест люди вскоре стали очень многочисленными. А жители африканского города Ютика, расположенного в пятнадцати милях от них, считая их своими соотечественниками, происходящими из одного общего рода, посоветовали им построить город там, где они поселились. Другие уроженцы страны, исходя из своего природного уважения и почтения к чужеземцам, также побуждали их к тому же. Таким образом, все сговорилось со взглядами Дидо, и она построила свой город, назначив ежегодную дань африканцам за землю, на которой стояла, и назвала его Карфагеном - название, которое на финикийском и древнееврейском языках [имеющих большое сходство] означает "Новый город". Говорят, что при рытье фундамента была найдена лошадиная голова, что считалось добрым предзнаменованием и предвестием будущего воинственного гения этого народа. Карфаген имел тот же язык и национальный характер, что и его родительское государство - Тир. Со временем, особенно в период Пунической войны, он стал одним из самых великолепных городов мира, под его властью находилось 300 городов, граничащих со Средиземноморьем. От небольшого начала, которое мы описали, Карфаген увеличился до 700 000 человек, а количество его храмов и других общественных зданий было огромным. Ее владычество недолго ограничивалось Африкой. Ее честолюбивые жители распространили свое завоевание на Европу, вторгшись в Сардинию, захватив большую часть Сицилии и покорив почти всю Испанию. Распространив повсюду мощные колонии, они более шестисот лет пользовались властью на морях и образовали государство, способное оспаривать первенство у величайших империй мира благодаря своему богатству, торговле, многочисленным армиям, грозным флотам, а главное - мужеству и умению своих полководцев, и распространили свою торговлю на все уголки известного мира. В Карфагене поселилась колония финикийцев или эфиопов, известных в Писании как ханаanei. Карфагеняне обосновались в Испании и Португалии. Первыми жителями Испании были кельты, народ из Галлии, после них финикийцы завладели самыми южными частями страны и, как можно предположить, были первыми цивилизаторами этого королевства и основателями древнейших городов. За ними последовали греки, затем карфагеняне.

Португалия в древности называлась Лузитанией и была населена племенами бродячих людей, пока не попала под власть карфагенян и финикийцев, которых за 250 лет до Рождества Христова отторгли римляне. (Роллин.)

Карфагеняне были хозяевами всего побережья Средиземного моря и всей страны до реки Ибер. В то время, когда Ганнибал Великий отправился в Италию, все побережье Африки от

Арэ Филеанорум, у великого Сиртиса, до Геркулесовых столбов было подвластно карфагенянам, которые вели три большие войны против римлян. Но римляне в конце концов одержали верх, перенесли войну в Африку, и последняя Пуническая война закончилась свержением Карфагена (Непос, в *Vita Annibalis*, liv.).

Прославленная Кирена была очень мощным городом, расположенным на берегу Средиземного моря, в направлении Большого Сиртиса, в Африке, и была построена Баттусом, лакедемонянином. (Роллин.)

Кириная - (Деян. xi. 20.) провинция и город в Ливии. В древности здесь была финикийская колония под названием Киренаика, или "Ливия, около Кирены". (Деяния ii. 10.).

Кириная - страна к западу от Египта, родина поэта Каллимаха, историка Эратосфена и Симона, несшего крест Спасителя. Многие евреи из этой страны присутствовали на празднике Пятидесятницы и были обращены в веру под проповедью Петра (Деян. ii.). В настоящее время эта область находится под властью турок и превратилась почти в пустыню. Сейчас она называется Каир. Некоторые из киринейцев были одними из самых первых христиан (Деян. xi. 20); один из них, как предполагается, был проповедником в Антиохии (Деян. xiii. 1). Мы также видим, что среди самых яростных противников христианства были киринеяне, у которых была синагога в Иерусалиме, как и у многих других народов. Говорят, что в Иерусалиме было четыреста восемьдесят синагог.

Ливия, или Ливия (Деян. ii. 10), в древности у греков была общим названием Африки, но в действительности она охватывала только ту часть Африки, которая лежала к западу от Египта, на южном побережье Средиземного моря. Профанные географы называют Ливию Киренаикой, потому что столицей страны была Кирена. Это была страна Любимов (2 Chron. xii. 3), или Лехабимов, из Ветхого Завета, от которых, как предполагается, она и получила свое название.

Древний город Кириная теперь называется Кириная, Каир или Кайран и находится во владениях Триполи. Этот район земли в последнее время вызывает большой интерес у итальянских и французских географов. Здесь проживало большое количество евреев (Мф. xxvii. 32).

Ливия, часть Африки, граничащая с Египтом, известная своими вооруженными колесницами и конями (2 Хрон. xvi. 8).

Офир, сын Иоктана, дал название стране в Африке, знаменитой золотом, которое славилось еще во времена Иова (Иов xxi. 24, xxviii. 16); со времен Давида до времен Иосафата Евреи торговали с ней, а Озия возродил эту торговлю, когда стал хозяином Елафа, известного порта на Красном море. Во времена Соломона древнееврейский флот совершал трехлетнее плавание в Офир и привозил домой золото, обезьян, павлинов, пряности, слоновую кость, черное дерево и альмуг (1 Цар. ix. 28, x. 11, xxii. 48, 2 Хрон. ix. 10).

Таршиш (Ис. xxiii. 1), или Тарсиш (1 Цар. x. 22). Предполагается, что какое-то место с таким названием существовало на восточном побережье Африки или в южных портах Азии, с которым корабли Хирама и Соломона торговали золотом и серебром, слоновой костью, а также обезьянами и павлинами (2 Цар. ix. 21). Говорят, что раз в три года эти корабли совершали плавание и привозили домой свой товар. Отсюда можно сделать вывод, что места, с которыми они торговали, должны были находиться далеко от Иудеи.

Корабли, подаренные Хирамом Соломону и построенные Иосафатом для похода в Таршиш, были спущены на воду в Езионгебере, на северной оконечности восточного залива Красного моря, который теперь называется заливом Ахава (2 Chron xx. 36). Название Таршиш произошло от имени одного из сыновей Явана (Быт. х. 4).

Фат (Быт. х. 6), или Пут (Нах. iii. 9), был третьим сыном Хама, а его потомки, которых иногда называют ливийцами, предположительно являются мавританцами или маврами в наши дни. Они служили египтянам и тирийцам в качестве солдат (Иер. xlv. 9; Иезек. xxvii. 10, xxx. 5, xxxviii. 5).

Пул. Район в Африке, который Бохарт считает островом на Ниле, недалеко от Сиена (Ис. lxvi. 19).

Себа (Ис. xliii. 3) Полуостровной район африканской Эфиопии, получивший свое название от имени старшего сына Куша (Быт. х. 7), который, как предполагается, был родоначальником эфиопов. Евреи называют его Себа.

ССЫЛКИ:

[644] Prichard. vol. ii pp. 334-338.

ГОРОДА ЭФИОПИИ

Эфиопы - название, происходящее от "земли Эфиопской", первой заселенной страны до потопа. "Вторая река, выходявшая из Эдема, чтобы орошать сад или землю, была Гихон; та же самая, которая охватывает всю землю, или страну, *Эфиопию*" (Быт. ii. 13). Здесь Адам и его потомство строили свои шатры и обрабатывали землю (Быт. iii. 23, 24).

Первым городом был Енох, построенный до потопа в земле Нод на востоке от Эдема, - страна, которая сейчас называется Аравией. Каин, сын Адама, вышел из Эдема и поселился в земле Нод. Мы полагаем, что по древнему обычаю он женился на своей сестре, и она родила Еноха. И построил Каин город и нарек имя городу по имени сына своего Еноха (Быт. iv. 16, 17). Мы знаем, что в земле Нод должно было быть больше, чем Каин и его сын Енох, чтобы построить город, но кто они?... (*Библейский словарь* Малкома.)

Первый великий город, описанный в древней и священной истории, был построен кушитами, или эфиопами. Они окружили его стенами, толщина которых, по словам Роллина, составляла восемьдесят семь футов, высота - триста пятьдесят футов, а окружность - четыреста восемьдесят вёрст. И даже эту грандиозную работу вскоре затмила другая, о которой Диодор говорит: "Никогда ни один город не достигал величия и великолепия этого".

История подтверждает тот факт, что эфиопы когда-то властвовали не только над всей Африкой, но и почти над всей Азией; и говорят, что даже два континента не могли предоставить достаточного поля для приложения их сил.

"Они проникли в Европу и построили город на западном побережье Испании, названный ими Иберийской Эфиопией". "И, - говорит выдающийся писатель, - куда бы они ни отправились, они были вознаграждены за свою *мудрость*".

Вавилонская башня Нимрод, сын Куша, эфиопа, попытался построить Вавилонскую башню (Быт. х. 8-10 хі. 4-9). Через сто два года после потопа в земле Шинар - обширной и плодородной равнине, лежащей между Месопотамией на западе и Персией на востоке и орошаемой Евфратом, - люди, имевшие один язык, один цвет кожи и одну религию, решили возвести башню огромных размеров и высоты. Их целью было не обезопасить себя от второго потопа, иначе они построили бы свою башню на высокой горе, а приобрести известность и предотвратить рассеяние путем возведения памятника, который должен быть виден с большого расстояния. Не найдя каменоломен в этой аллювиальной почве, они сделали кирпичи вместо камня и использовали слизь для раствора. Их надменные и мятежные попытки вызвали недовольство Господа, и после того, как они работали, как говорят, двадцать два года, Он привел в замешательство их язык. Это, по сути, остановило строительство, дало ему название *Вавилон*, или *Путаница*, и заставило некоторых из потомков Ноя рассеяться и пополнить мир. Вавилонская башня была видна из великого города Вавилона. Нимрод был охотником и монархом с огромными амбициями. Став вавилонским царем, он заново заселил Вавилон, опустевший после смешения языков, но не решился достроить башню. Писание сообщает нам, что он стал "могущественным на земле", но масштабы его завоеваний неизвестны. (*Библейский словарь* Малкома).

Частные дома в большинстве древних городов были просты внешне, но внутри демонстрировали все великолепие и изящество утонченной роскоши. Полы были из мрамора, алебастр и позолота красовались на каждом углу. В каждом большом доме было несколько фонтанов, игравших в великолепных бассейнах. В самом маленьком доме было три трубы: одна - для кухни, другая - для сада, третья - для мытья. Такое же великолепие было в мечетях, церквях и кофейнях. Окрестности города в любое время года радовали глаз зеленью и обширными садами и виллами.

Великий и великолепный город Вавилон. Этот город был основан Нимродом около 2 247 лет до н. э. в земле Шинар, или Халдея, и стал столицей его царства. Вероятно, это было незначительное место, пока его не расширила и не украсила Семирамида; тогда он стал самым великолепным городом в мире, превзойдя по славе даже Ниневию. Окружность обоих городов была одинаковой, но стены, окружавшие Вавилон, были вдвое шире стен Ниневии и имели сто медных ворот. Город Вавилон стоял на реке Евфрат, которой он был разделен на две части, восточную и западную; их соединял кедровый мост удивительной конструкции, соединявший обе части. Набережные из прекрасного мрамора украшали берега реки; на одном берегу стоял великолепный храм Белуса, а на другом - дворец царицы. Эти два сооружения были соединены проходом под руслом реки. Этот город имел не менее сорока пяти миль в окружности и, конечно же, включал в себя восемь городов, таких же больших, как Лондон и его пригороды. Он был разбит на шестьсот двадцать пять квадратов, образованных пересечением двадцати пяти улиц под прямым углом. Стены, сложенные из кирпича, были высотой триста пятьдесят футов и шириной восемьдесят семь футов. Город окружала траншея, бока которой были выложены кирпичом и водонепроницаемым цементом. Этот город славился своими висячими садами, построенными одним из королей в угоду своей королеве. Она была персиянкой и хотела видеть луга на горах, как в своей стране. Она убедила его разбить искусственные сады, украшенные лугами и деревьями. Для этого из земли были подняты сводчатые арки, одна над другой, почти немыслимой высоты, величественные и прочные, достаточные для того, чтобы выдержать огромный вес всего сада Вавилон был великим торговым городом и торговал во все известные тогда части земли всевозможными товарами, а также торговал рабами и душами людей. За свои грехи она

была стерта с лица земли, и даже ее местонахождение можно только предполагать. Велик был Вавилон в древности; торговала она и товарами, и душами. За свои грехи она исчезла из поля зрения людей.

ЭТИОПСКИЕ ЦАРИ ЕГИПТА.

1. *Менес* был первым царем Египта. У нас есть сведения только об одном из его преемников - *Тимане*, который жил в первый период, то есть более двух столетий.

2. *Шишак* был царем Эфиопии и, несомненно, Египта. После его смерти

3. *Зерах*, сын Иуды, стал царем Эфиопии, овладел Египтом и Ливией и, намереваясь присоединить Иудею к своим владениям, вступил в войну с Асой, царем Иудеи. Его армия состояла из миллиона человек и трехсот боевых колесниц (2 Хрон. xiv. 9).

4. *Сабах*, эфиоп, царь Эфиопии, ободренный оракулом, вошел в Египет с многочисленным войском и овладел страной. Он правил очень милостиво и справедливо. Считается, что этот Сабах был одним и тем же с Соломоном, к помощи которого Осия, царь Израиля, обращался против Салманасера, царя Ассирии.

5. *Сифон* царствовал четырнадцать лет. Это тот же Сабах, или Савек, сын Сабакана, или Саул эфиопский, который так долго царствовал над Египтом.

6. *Тарака*, эфиоп, присоединился к Сетону, чтобы вместе с эфиопской армией освободить Иерусалим. После смерти Сифона, который занимал египетский престол четырнадцать лет, Таракка вззошел на трон и восемь лет царствовал над Египтом.

7. *Сесах* или *Шишак* был царем Египта, к которому бежал Иеровоам, чтобы избежать смерти от рук царя Соломона. Иеровоам находился там до смерти Соломона, после чего вернулся в Иудею и стал царем Израиля. (2 Chron. xi. и xii.)

Этот Сесах на пятом году царствования Ровоама выступил в поход против Иерусалима, потому что иудеи прогневались на Господа. Он пришел с двенадцатью сотнями боевых колесниц и шестьюдесятью тысячами коней. Он привел с собой несметные толпы людей, которые все были ливийцами, троглодитами и эфиопами. Он захватил все сильнейшие города Иудеи и дошел до Иерусалима. Тогда царь и князь Израиля, смирившись и умоляя о защите Бога Израиля, сказал им через своего пророка Шемаию, что, поскольку они смирились, он не уничтожит их полностью, как они того заслуживали, но что они должны быть слугами Сесаха, *чтобы знать, чем отличается его служба от службы царств страны*. Сесах удалился из Иерусалима, разграбив сокровища дома Господня и царского дома, и все унес с собой, *а также триста золотых щитов, которые сделал Саломон*.

В Писании под общим названием "фараон" упоминаются следующие цари Египта: - 8.

8. *Псамметих*. Поскольку этот царь был обязан своим спасением ионийцам и карийцам, он поселил их в Египте, из которого до сих пор были исключены все чужеземцы, и, наделив их достаточными землями и фиксированными доходами, заставил их забыть о своей родине. По его приказу египетские дети были отданы под их опеку для обучения греческому языку; по этому случаю и с помощью этого средства египтяне начали переписываться с греками, и с этой эпохи египетская история, которая до тех пор была перемешана с напыщенными баснями благодаря хитрости жрецов, начинает, по словам Геродота, излагаться с большей правдой и достоверностью.

Как только Псамметих обосновался на троне, он начал войну с царем Ассирии из-за границ двух империй. Эта война была долгой. С тех пор как Сирия была завоевана ассирийцами, Палестина, единственная страна, разделявшая два царства, была предметом постоянных разногласий, как впоследствии между Птолемеями и Селевкидами. Они постоянно боролись за нее, и ее попеременно завоевывал более сильный. Псамметих, видя себя мирным обладателем всего Египта и восстановив древнюю форму правления, решил, что ему пора позаботиться о своих границах и обезопасить их от ассирийцев, его соседей, чье могущество росло с каждым днем. С этой целью он вошел в Палестину во главе армии.

Возможно, к началу этой войны следует отнести случай, описанный Диодором: египтяне, спровоцированные тем, что сам царь выставил греков на правом фланге, отдав им предпочтение, оставили службу, насчитывавшую до двухсот тысяч человек, и ушли в Эфиопию, где встретили выгодное поселение.

Как бы то ни было, Псамметих вошел в Палестину, где его карьера была остановлена Азотом, одним из главных городов страны, который доставил ему столько хлопот, что он был вынужден осаждать его двадцать девять лет, прежде чем смог взять его. Это самая долгая осада, упоминаемая в древней истории. Псамметих умер на 24-м году правления Иосии, царя Иудеи; ему наследовал его сын Нехао или Нехо-в Писании его часто называют фараоном Нехо.

9. *Нехао или фараон Нехо* царствовал шестнадцать лет, будучи царем Египта (2 Chron. xxxv. 20), чьи походы часто упоминаются в светской истории.

Вавилоняне и мидяне, разрушив Ниневию, а вместе с ней и империю ассирийцев, стали настолько грозными, что навлекли на себя зависть всех своих соседей. Нехао, встревоженный опасностью, во главе мощной армии двинулся к Евфрату, чтобы остановить их продвижение. Иосия, царь Иудеи, столь известный своим необычайным благочестием, заметив, что Нехао идет через Иудею, решил воспротивиться его походу. С этой целью он собрал все силы своего царства и расположился в долине Мегиддо (город по эту сторону Иордана, принадлежащий колену Манассии и названный Геродотом Магдолом). Нехао сообщил ему через глашатая, что его предприятие не направлено против него, что у него есть другие враги и что он начал эту войну во имя Бога, который был с ним; поэтому он посоветовал Иосии не беспокоиться об этой войне, опасаясь, что она может обернуться против него. Однако Иосию эти доводы не тронули; он понимал, что одно лишь шествие столь мощной армии по Иудее полностью разорит ее. Кроме того, он опасался, что победитель после поражения вавилонян обрушится на него и лишит его части владений. Поэтому он выступил в поход, чтобы сразиться с Нехао, но не только был повержен им, но и, к несчастью, получил рану, от которой умер в Иерусалиме, куда приказал себя перенести.

Нехао, воодушевленный этой победой, продолжил свой поход и продвинулся к Евфрату. Он разбил вавилонян, взял Кархемиш, большой город в этой стране, и, обеспечив себе владение им с помощью сильного гарнизона, вернулся в свое царство после трехмесячного отсутствия.

Во время своего похода на родину он узнал, что Иехония провозгласил себя царем в Иерусалиме, не спросив предварительно его согласия, и приказал ему встретиться с ним в Рибле в Сирии. Не успел несчастный принц прибыть туда, как по приказу Нехао его заковали в цепи и отправили пленником в Египет, где он и умер. Оттуда, продолжая свой поход, он прибыл в Иерусалим, где передал скипетр Елиакиму (называемому им Иехониякимом), другому из сыновей Иосии, вместо своего брата, и обложил землю ежегодной данью в

размере ста талантов серебра и одного таланта золота. Сделав это, он с триумфом вернулся в Египет.

Геродот, упоминая об экспедиции этого царя и победе, одержанной им при Магдоле (так он называет этот город), говорит, что после этого он взял город Кадитис, который он представляет расположенным в горах Палестины и равным по величине Сардису, столице в то время не только Лидии, но и всей Малой Азии. Такое описание может подойти только к Иерусалиму, который был расположен так, как описано выше, и в то время был единственным городом в тех краях, который можно было сравнить с Сардисом. Кроме того, из Писания следует, что Нехао после своей победы стал хозяином этой столицы Иудеи, так как он лично был там, когда передавал корону Иехонии. Само название Кадитис, которое на иврите означает святой, явно указывает на город Иерусалим, как доказывает ученый декан Придо.

10. *Псаммис*. Его правление длилось всего шесть лет, и история не оставила нам ничего примечательного о нем, кроме того, что он совершил поход в Эфиопию.

11. *Априс*. В Писании он называется фараоном Хофрой и, сменив своего отца Псаммиса, царствовал двадцать пять лет.

В первый год своего правления он был так же счастлив, как и любой из его предшественников. Он переправил свое оружие на Кипр, осадил город Сидон с моря и суши, взял его и стал хозяином всей Финикии и Палестины.

Столь стремительный успех до невероятной степени воодушевил его сердце и, как сообщает Геродот, так раздул в нем гордыню и самолюбие, что он стал хвастаться, что не во власти самих богов свергнуть его с престола; так велика была идея, которую он создал для себя, о прочном утверждении своей собственной власти. Именно для удовлетворения этих высокомерных замыслов Иезекииль вложил в свои уста следующие нечестивые слова: *Река моя - моя собственная, и я сделал ее для себя*. Но истинный Бог доказал ему впоследствии, что у него есть хозяин, а он всего лишь человек; и Он задолго до этого угрожал ему через Своих пророков всеми бедствиями, которые Он намеревался навлечь на него, чтобы наказать его за гордыню.

12. *Амасис* После смерти Априса Амасис стал мирным хозяином Египта и правил им сорок лет. Согласно Платону, он был уроженцем города Саис.

Поскольку он был всего лишь низкого происхождения, то в начале своего правления не встретил уважения и был презираем своими подданными. Он не оставался равнодушным к этому, но, тем не менее, считал своим интересом усмирить их пыл искусной манерой поведения и завоевать их расположение мягкостью и разумом. У него была золотая цистерна, в которой он сам и те, кто был допущен к его столу, омывали ноги; он расплавил ее и отлил из нее статую, а затем выставил нового бога для всеобщего поклонения. Народ толпами спешил воздать поклонение статуе. Король, собрав народ, сообщил ему о том, в каких мерзких целях была использована эта статуя, которая, тем не менее, стала объектом его религиозных поклонов; это было сделано легко и принесло желаемый успех; народ впредь оказывал королю должное уважение.

Он всегда посвящал все утро государственным делам, принимая прошения, давая аудиенции, вынося приговоры и проводя свои советы; остальное время дня отдавалось удовольствиям, и поскольку Амасис в часы развлечений был чрезвычайно весел и, казалось,

переходил границы своего веселья, его придворные взяли на себя смелость указать ему на неуместность такого поведения, на что он ответил, что невозможно, чтобы ум был всегда серьезен и сосредоточен на деле, как невозможно, чтобы лук всегда оставался согнутым.

Именно этот царь обязал жителей каждого города заносить свои имена в книгу, которую для этой цели вели магистраты, с указанием профессии и образа жизни. Солон включил этот обычай в число своих законов.

Он построил множество великолепных храмов, особенно в Саисе, месте своего рождения. Геродот особенно восхищался часовней, сложенной из одного камня и имевшей двадцать один локоть в передней части, четырнадцать в глубину и восемь в высоту; внутри она была не столь велика; ее привезли из Элефантины, и две тысячи человек три года трудились, чтобы доставить ее по Нилу.

Амасис очень уважал греков. Он предоставил им большие привилегии и разрешил тем из них, кто хотел поселиться в Египте, жить в городе Наукратис, столь известном своей гаванью. Когда обсуждался вопрос о восстановлении сгоревшего храма в Дельфах и расходы на него оценивались в триста талантов, Амасис выделил дельфийцам очень значительную сумму на погашение их квоты, которая составляла четвертую часть всей суммы.

Он заключил союз с киренаиками и женился на жене из их числа. Это единственный царь Египта, который завоевал остров Кипр и сделал его своим данником. При нем в Египет прибыл Пифагор, которого порекомендовал этому монарху знаменитый Поликрат, тиран Самоса, заключивший дружбу с Амасисом, о котором речь пойдет ниже. Во время своего пребывания в Египте Пифагор был посвящен во все таинства страны и обучен жрецами всему самому заумному и важному в их религии. Именно здесь он проникся своей доктриной метемпсихоза, или переселения душ.

Во время похода, в ходе которого Кир завоевал столь большую часть мира, Египет, несомненно, был покорен, как и остальные провинции, и Ксенофонт положительно заявляет об этом в начале своей "Киропедии", или "Учреждения этого царя". Вероятно, после того как сорок лет запустения, предсказанные пророком, истекли, и Египет начал постепенно восстанавливаться, Амасис сбросил иго и вернул себе свободу.

Соответственно, одной из первых забот Камбиса, сына Кира, после того как он взошел на трон, было доставить оружие в Египет. Когда он прибыл туда, Амасис был уже мертв, и его сменил сын Псамметих.

13. *Рамсес Муамун*, согласно архиепископу Ашеру, так звали этого царя, который в Писании называется фараоном. Он царствовал шестьдесят шесть лет и жесточайшим образом угнетал израильтян. Он поставил над ними надсмотрщиков, чтобы они мучили их своим бременем, и они построили для фараона города-сокровищницы, Пифон и Раамсес. И египтяне заставляли сынов Израилевых служить жестоко, и жизнь их была горька от тяжкого рабства, в растворе и в кирпиче, и во всякой службе в поле; вся служба их, в которой они заставляли их служить, была жестока. У этого царя было два сына, Аменофис и Бусирис.

14. Старший, *Аменофис*, стал его преемником. Он был тем фараоном, при котором израильтяне вышли из Египта и который утонул при переходе через Красное море. Архиепископ Ашер говорит, что Аменофис оставил двух сыновей, одного из которых звали Сесотис, или Сиострис, а другого Армаис. Греки называют его Белус, а двух его сыновей - Египтус и Данаус.

15. *Сесострис* был не только одним из самых могущественных царей Египта, но и одним из величайших завоевателей, которыми может похвастаться античность. В зрелом возрасте отец отправил его против аравийцев, чтобы, сражаясь с ними, он приобрел военные знания. Здесь молодой принц научился переносить голод и жажду и покорил народ, который до этого никогда не был покорен. Юноша, получивший образование вместе с ним, сопровождал его во всех походах.

Приученный этим завоеванием к военным трудам, он был отправлен отцом испытать судьбу на западе. Он вторгся в Ливию и покорил большую часть этого огромного континента.

Его армия состояла из шестисот тысяч пеших и двадцати тысяч конных, а также двадцати тысяч вооруженных колесниц.

Он захватил Эфиопию и обязал народы, населяющие ее, ежегодно поставлять ему определенное количество черного дерева, слоновой кости и золота.

Он снарядил флот из четырехсот парусов и, приказав ему плыть к Красному морю, стал хозяином островов и городов, лежащих на побережье этого моря. После девятилетнего опустошения мира он вернулся, нагруженный добычей побежденных народов. Сто знаменитых храмов, воздвигнутых как многочисленные памятники благодарности богам-покровителям всех городов, были первыми и самыми яркими свидетельствами его побед.

16. *Ферон* сменил *Сесостриса* на царстве, но не в славе. Вероятно, он царствовал пятьдесят лет.

17. *Протей* был сыном Мемфиса и, согласно Геродоту, должен был стать преемником первого - поскольку Протей жил во время осады Трои, которая, по словам Ашера, была взята Ап. Мун. 2820.

18. *Рампсинит*, который был богаче всех своих предшественников, построил сокровищницу. До правления этого царя в Египте существовала хотя бы тень справедливости и умеренности, но в два последующих царствования их место заняли насилие и жестокость.

19, 20. Хеопс и Кефрен царствовали в общей сложности сто шесть лет. Хеопс царствовал пятьдесят лет, а его брат Кефрен - пятьдесят шесть лет после него. В течение всего своего долгого правления они держали храмы закрытыми и запрещали приносить жертвы под страхом самых суровых наказаний. Они притесняли своих подданных.

21. *Мицерин*, сын Хеопса, царствовал всего семь лет. Он открыл храмы, восстановил жертвоприношения и сделал все, что было в его силах, чтобы утешить своих подданных и заставить их забыть о прошлых страданиях.

22. *Асихис* - один из царей Египта. Он ценил себя за то, что превзошел всех своих предшественников, построив пирамиду из кирпича, более величественную, чем все до сих пор виденные.

23. *Бусирис*, построивший знаменитый город Фивы и сделавший его резиденцией своей империи. Этого принца не следует путать с Бусиром, столь печально известным своими жестокостями.

24. *Осимандиас*, построил множество великолепных зданий, в которых были выставлены скульптуры и картины изысканной красоты.

25. *Ухорей*, один из преемников Осимандиаса, построил город Мемфис. Этот город имел 150 аршин, или более семи лиг в окружности, и стоял в точке Дельты, в той части, где Нил разделяется на несколько рукавов или потоков. Город, так выгодно расположенный и так сильно укрепленный, вскоре стал обычной резиденцией египетских царей.

26. *Фетмос* или *Амос*, изгнав пастушеских царей, воцарился в Нижнем Египте.^[645]

ССЫЛКИ:

^[645] Rollin, vol. i. pp. 129-147.

ГЛАВА VIII.

АФРИКАНСКИЕ ЯЗЫКИ.

В языке кафиров, например, не только падежи, но и числа и роды существительных образуются исключительно при помощи префиксов, аналогичных артиклям. Префиксы изменяются в зависимости от числа, рода и падежа, в то время как существительные остаются неизменными, за исключением лишь эвфонического изменения начальных букв. Так, в коптском языке от *sheri*, сын, происходит множественное число *neu-sheri*, сыновья; от *sori*, обвинение, *hau-sori*, обвинения. Аналогично этому мы имеем в кафирах *ама*, обозначающую множественное число, как *амакоса* - множественное число *коса*, *амахаше* - множественное число *ихаше*, *инсана* - множественное число *усана*. В кафирском языке имеется большое разнообразие подобных приставок; не менее многочисленны они и в языке Конго, в котором, как в коптском и кафирском, род, число и падеж существительных почти исключительно различаются с помощью подобных приставок.

"Кафирскому языку присуща одна особенность, которая сразу же бросается в глаза студенту, чьи представления о языке сформировались на примерах флектированных языков древней и современной Европы. За исключением изменения окончания в аблауте существительного и пяти изменений, которым подвержен глагол в основных временах, вся работа по склонению, спряжению и т.д. ведется с помощью префиксов и изменений, происходящих в начальных буквах или слогах слов, подвергающихся грамматическому управлению".^[646]

Пока еще не существует ресурсов для проведения общего сравнения языков Африки. Вероятно, пройдет много лет, прежде чем станет возможным провести такой анализ этих языков, исследовать их грамматическую структуру, какой хотелось бы иметь, или даже сравнить их с помощью обширных коллекций хорошо упорядоченных словарей, как это было сделано в "Asia Polyglotta" Клапрота. Однако имеется достаточно данных, и я верю, что привел доказательства, которые делают чрезвычайно вероятным, что принцип аналогии в структуре широко преобладает среди местных идиомов Африки. Они, вероятно, родственны, но не в той манере или степени, в которой семитские или индоевропейские идиомы похожи друг на друга, а благодаря сильным аналогиям в общих принципах их структуры, которые можно сравнить с теми, которые можно обнаружить между отдельными членами двух других больших классов языков, ни в коем случае не связанных между собой тем, что называется родственными отношениями. Я имею в виду моносиллабические и полисинтетические языки, первые распространены в Восточной Азии, вторые - в обширных регионах Нового Света. Если у нас есть достаточно оснований для того, чтобы выделить такой класс

диалектов под названием африканские языки, то у нас также есть основания - и они равны по степени - для того, чтобы отнести к этому классу язык древних египтян.[647]

Что письменный *абиссинский* язык, который мы называем *эфиопским*, является диалектом старого *халдейского*, сестрой *арабического* и *иврита*, мы знаем с уверенностью, не только по большому количеству одинаковых слов, но (что является гораздо более сильным доказательством) по сходному грамматическому строю нескольких идиом: В то же время мы знаем, что он пишется, как и все *индийские* иероглифы, слева направо, и что гласные, как в деванагари, присоединены к согласным; таким образом, они образуют слоговую систему, чрезвычайно ясную и удобную, но расположенную в менее искусственном порядке, чем система букв, представленная сейчас в *санскритских* грамматиках; Отсюда можно сделать справедливый вывод, что порядок, придуманный Панини или его учениками, сравнительно современный; и я не сомневаюсь, бегло изучив множество старых надписей на столбах и в пещерах, которые были любезно присланы мне из всех частей Индии, что *нагарийские* и *эфиопские* буквы вначале имели подобную форму. Я давно придерживаюсь мнения, что *абиссинцы арабского* происхождения, не имея собственных символов для обозначения членораздельных звуков, заимствовали их у чернокожих язычников, которых *греки* называют *троглодитами*, из их первобытных мест обитания в естественных пещерах или в горах, вырытых их собственным трудом: Вероятно, они были первыми жителями *Африки*, где со временем стали строителями великолепных городов, основателями семинарий для развития науки и философии, а также изобретателями (если не сказать импортерами) символических знаков. В целом я считаю, что *эфиопы* из *Мероэ* были одним и тем же народом с первыми *египтянами*, а следовательно, как можно легко показать, и с первоначальными *индусами*. Пылкому и неустрашимому мистеру Брюсу, чьи путешествия, на мой вкус, одинаково приятны и удовлетворительны, хотя он думает совсем иначе, чем я, о языке и гении арабов, мы обязаны более важными и, я полагаю, более точными сведениями о народах, обосновавшихся у *Нила*, от его фонтанов до его устьев, чем могла бы предоставить вся *Европа*, объединенная прежде; Но поскольку он не потрудился сравнить семь языков, образцы которых он выставил, и поскольку у меня нет времени для сравнения, я должен удовлетвориться замечанием, сделанным на его основании, что диалекты *гафотов* и *галласов*, агоу обеих рас и *фалашей*, которые, должно быть, первоначально использовали *халдейский* идиом, никогда не сохранились в письменности, а *амхарик* - только в современное время: Поэтому они, должно быть, веками подвергались колебаниям и, возможно, не могут привести к определенному выводу о происхождении нескольких племен, которые в древности говорили на них. Весьма примечательно, как доказали мистер Брюс и мистер Брайан, что греки, как и греки, говорили на них в древности. Брайан доказали, что *греки* называли *индийцами* как южные народы *Африки*, так и людей, среди которых мы сейчас живем; не менее примечательно, что, согласно Эфору, которого цитирует Страбон, они называли все южные народы мира *эфиопами*, используя таким образом термины "*индиец*" и "*эфиоп*" как взаимозаменяемые: Но мы должны оставить гимназистов Эфиопии, которые, похоже, исповедовали доктрины Будды, и отправиться в великий *Индийский* океан, первыми мореплавателями которого, вероятно, были их *азиатские* и *африканские* собратья.[648]

ССЫЛКИ:

[646] Кафирская грамматика, с. 3.

[647] Причард, т. ii. стр. 216, 217.

МИССИОНЕРСКИЙ ОКРУГ ШЕРБРО, ЗАПАДНАЯ АФРИКА.

Западная Африка - одно из самых трудных миссионерских полей во всем языческом мире. Низкое состояние людей в гражданском, социальном и религиозном плане, а также смертельно опасный для иностранцев климат делают ее поистине трудным полем для возделывания. Я полностью готов поддержать слова преподобного Ф. Флетчера, ответственного за Веслианский округ, Голд-Кост, написанные несколько месяцев назад в следующих выражениях: "Работа Господа в западной Африке столь же удивительна, сколь и смертоносна. За последние сорок лет более 120 миссионеров стали жертвами этого климата; но сегодня число обращенных в христианство составляет не менее 30 000 человек, многие из которых - истинные христиане. В нашем округе насчитывается 6000 членов церкви, и хотя они бедны, в прошлом году они пожертвовали более 5000 долларов на евангелизационную и просветительскую работу.

"Миссия Шербро в настоящее время имеет четыре станции и часовни, более сорока назначений, 112 членов церкви, 164 искателя религии, 75 акров чистой земли, с плотницкой, кузнечной и портновской мастерскими, в которых и на которых двадцать пять мальчиков обучаются труду, и где одиннадцать девочек обучаются всем обычным домашним работам и шитью, с четырьмя дневными и воскресными школами, 212 в первой и более чем столько же во второй, и с влиянием на добро, которое теперь охватывает все племя Шербро, охватывающее страну площадью не менее пятидесяти миль и насчитывающее около 15 000 человек. Посеянное семя пускает глубокие корни, и урожай быстро созревает, когда тысячи душ будут собраны для небес. Несомненно, мы должны благодарить Бога за прошлые успехи и решиться сделать гораздо больше для этой нуждающейся страны в будущем.

"Сейчас у нас есть преподобные. Корнер, Уилберфорс, Эванс и их жены, все прекрасные миссионеры, из Америки; затем преподобные. Сойер, Геро, Пратт и их жены, миссис Люси Колкер и другие местные работники, все они оказывают нам хорошую службу. С этими шестью рукоположенными служителями и вдвое большим числом учителей и помощников, которые посвящают все свое время миссии, работа продвигается блестяще. Тем не менее, необходимо немедленно открывать новые станции и посылать больше работников".^[649]

ССЫЛКИ:

^[648] Азиатские исследования, том iii. стр. 4, 5.

^[649] Двадцать пятый годовой отчет, Объединенные Братья, 1881 год.

Часть II

РАБСТВО В КОЛОНИЯХ.

ГЛАВА XV.

СОСТОЯНИЕ РАБОВ В МАССАЧУСЕТСЕ.

Следующий меморандум, хранящийся в книге писем судьи Сьюолла, был вызван Сэмюэлем Смитом, убившим своего раба-негра в Сэндвиче. Он иллюстрирует плачевное состояние слуг в то время в Массачусетсе и показывает, что судья Сьюолл был человеком большой гуманности.

"Самые бедные мальчики и девочки в этой провинции, те, кто находится в самом низком состоянии; будь то англичане, или индейцы, или эфиопы: Они имеют такое же право на религию и жизнь, как и самые богатые наследники.

И те, кто собирается лишить их этого права, пытаются бомбардировать НЕБО, и снаряды, которые они бросают, упадут на их собственные головы".

"Господин судья Дэвенпорт, сэр, по вашему желанию я послал вам эти *цитаты* и свое *собственное мнение*. Молю Бога, Дарителя и Хранителя жизни, дать свое милостивое указание вам и другим судьям, и удаляюсь, я ваш брат и покорнейший слуга,

Сэмюэл Сьюолл".

"Бостон, 20 июля 1719 года.

"Прилагаю также *продажу Джозефа* и мою выписку из "*Афинского оракула*".

"Аддингтону Дэвенпорту, эсквайру, и т. д., идущему к судье Сэму Смиту из Сандвича за убийство его негра".[\[650\]](#)

Петиция рабов в Бостоне.

23 июня 1773 года Генеральному суду Массачусетса была представлена следующая петиция, которая была зачитана и передана на рассмотрение следующей сессии.

ПЕТИЦИЯ РАБОВ В БОСТОНЕ.

Провинция Массачусетский залив.

Его Превосходительству, Томасу Хатчинсону, эсквайру, губернатору.

"Достопочтенному Совету Его Величества и достопочтенной Палате Представителей, в общем суде, собранном в Бостоне, 6-го дня января 1773 года:- Смирненное прошение многих рабов, живущих в городе Бостоне и других городах провинции, заключается в следующем, а именно:-

Чтобы Ваше Превосходительство и Ваше Честь, а также достопочтенные представители, соблаговолили принять их несчастное положение и состояние к своему мудрому и справедливому рассмотрению.

Мы желаем благословить Бога, любящего человечество, пославшего Сына Своего на смерть ради их спасения и не уважающего людей, за то, что он вложил в сердца многих людей по обе стороны воды желание нести наши тяготы, некоторые из них - люди весьма известные и влиятельные, которые привели в пользу нашего дела аргументы, которые, как мы надеемся, будут иметь вес в этом достопочтенном суде.

Мы не беремся диктовать вашему превосходительству и чести, желая положиться на вашу гуманность и справедливость, но все же просим разрешения сказать пару слов по этому вопросу.

Хотя некоторые из негров порочны (их, несомненно, можно наказывать и сдерживать теми же законами, которые действуют в отношении других подданных короля), есть много других, совершенно иного характера, и которые, если их сделать свободными, вскоре смогут, а также захотят, принять участие в общественных работах. Многие из них от природы благоразумны, трезвы, честны и трудолюбивы; и разве нельзя сказать о многих, что они добродетельны и религиозны, хотя их

состояние само по себе столь неблагоприятно для религии и всех нравственных добродетелей, кроме *терпения*? Сколько таких людей было и есть в этой провинции, которые каждый день своей жизни мучились этой невыносимой мыслью, что, пусть их поведение будет таким, каким оно будет, ни они, ни их дети во всех поколениях никогда не смогут делать или владеть и наслаждаться чем-либо - нет, даже *самой жизнью* - но так, как погибают *звери*!

У нас нет имущества! У нас нет жен! У нас нет детей! У нас нет города! Нет страны! Но у нас есть Отец на небесах, и мы намерены, насколько позволит нам Его благодать и насколько позволит наше униженное положение и презренная жизнь, соблюдать все Его заповеди; особенно мы будем послушны нашим хозяевам, пока Бог, по Своему суверенному провидению, *будет* держать нас в рабстве.

С нашей стороны было бы дерзко, если не сказать самонадеянно, предлагать Вашему Превосходительству и Вашим Честьям какой-либо закон или законы, которые должны быть приняты в связи с нашим несчастным положением, которое, хотя и является нашим величайшим несчастьем, не является нашей *виной*; и это дает нам большое побуждение молиться и надеяться на такое облегчение, которое согласуется с Вашей мудростью, справедливостью и добротой.

Мы считаем себя очень счастливыми, что можем таким образом обратиться к великому и общему суду этой провинции, который, по нашему мнению, является лучшим судьей, подвластным Богу, в том, что мудро, справедливо и хорошо.

Мы смиренно просим разрешения добавить только одно: мы молим о таком облегчении, которое ни в коем случае не может принести ни малейшего вреда или ущерба нашим хозяевам, но для нас будет как жизнь из мертвых.[\[651\]](#)

ССЫЛКИ:

[\[650\]](#) Рабство в Массачусетсе, стр. 96, 97.

[\[651\]](#) Нил, стр. 39-41.

ГЛАВА XIII.

КОЛОНИЯ НЬЮ-ЙОРК.

1693, 21 августа - Всем индейцам, неграм и другим лицам, не зачисленным в ополчение, приказано работать на укреплениях для их ремонта, под командованием капитанов приходов, в которых они проживают. На строительство укреплений должно быть собрано 100 фунтов стерлингов.

1722, 20 февраля - Общий совет Нью-Йорка принял закон, "запрещающий рабам, неграм и индейцам играть в азартные игры с деньгами". Если они будут найдены в игре с любыми деньгами, "медными пенни, медными полпенсами или медными фартингами", они будут публично выпороты на публичном столбе этого города, по усмотрению мэра, регистратора и олдерменов или любого из них, если владелец не заплатит церковным старостам для бедных 3 шиллинга.

1731, 18 ноября - Если более трех негров, мулатов или индийских рабов соберутся в воскресенье и будут играть или шуметь (или в любое другое время в любом месте, где нет их

хозяина), они должны быть публично выпороты пятнадцатью плетями на публичном столбе для бичевания.

НЬЮ-ЙОРК.

Негритянское рабство, излюбленная мера Англии, быстро распространяло свое пагубное влияние в колониях. В "Американском реестре" за 1769 год приводится число негров, привезенных в рабство с побережья Африки, между мысом Бланко и рекой Конго, разными нациями за один год, а именно: Великобритания - 53 100, британские американцы - 6 300, Франция - 23 520, Голландия - 11 300, Португалия - 1 700, Дания - 1 200; всего 104 100, купленных по бартеру для европейских и индийских производителей, - 15 фунтов стерлингов - средняя цена, указанная за каждого негра. Таким образом, мы видим, что более половины несчастных, похищенных или силой вырванных из своих домов агентами европейских купцов (к ним следует отнести тех, кто поставляет их на рынок), были принесены в жертву корыстолюбию купцов Великобритании; торговля поощряется правительством в то самое время, когда по всему миру раздается хвастовство, что как только раб коснется священной земли, управляемой теми, кто поощряет рабовладельцев, и населенной теми, кто упивается прибылью, полученной от убийства, он становится свободным. Сомерсет, негр, освобожден судом королевской скамьи в 1772 году, и мир наполнился славой английского правосудия и гуманности! Джеймс Грэхем рассказывает, что дело Сомерсета было не первым, в котором судьи Великобритании в одном или двух случаях противодействовали практической бесчеловечности правительства и народа : он говорит, что в 1762 году его дед, Томас Грэхем, судья адмиралтейского суда в Глазго, освободил негра-раба, ввезенного в Шотландию.

Напрасно колонисты Америки протестовали против практики работорговли. Назначенные Англией губернаторы получили указание поощрять ее, а когда ассамблеи принимали законы, запрещающие бесчеловечную торговлю, они аннулировались вето губернаторов. Благодаря такому поощрению безрассудные и скупые колонисты занимались торговлей, а рабов покупали те, кто был слеп к злу или предпочитал нынешние удобства или выгоду всем будущим благам. Моралист Пейли считал, что Американская революция была задумана Провидением, чтобы положить конец работорговле и показать, что нация, поощряющая ее, не годится для того, чтобы ей доверяли управление обширными колониями. Но плантаторы южных штатов, получившие свободу в результате этой революции, обнаружили, что рабство не является злом; а лучшие моралисты, чем Пейли, считают, что увеличение числа рабов и распространение их на новые регионы - долг каждого доброго демократа. Люди, жившие в 1773 году, которым Америка обязана своей свободой, так не считали.

Хотя сопротивление английской политике увеличения числа негров-рабов в Америке будоражило многие умы в колониях, главным источником действий было противодействие системе налогообложения; и это противодействие теперь сосредоточилось в решимости помешать замыслам Великобритании в отношении пошлин на чай. На складах Восточно-Индийской компании скопилось семнадцать миллионов фунтов чая. По причинам, которые я уже приводил, правительство было намерено помогать этой торговой компании, а также африканским купцам, за счет колонистов Америки. Теперь Восточно-Индийской компании было разрешено экспортировать свой чай без всяких пошлин. Таким образом, продавцы могли предлагать его колонистам дешевле, чем до сих пор, и ожидалось, что он найдет желанный рынок. Но американцы видели конечный замысел всей этой затеи, и их отвращение к родной стране пропорционально возрастало.